

СЛОВЕНСКА ЕТИМОЛОГИЈА ДАНАС

ACADEMIE SERBE DES SCIENCES ET DES ARTS

COLLOQUES SCIENTIFIQUES

Volume CXXI

CLASSE DE LANGUE ET LITTERATURE

Volume 18

ETYMOLOGIE SLAVE AUJOURD'HUI

ACTES DU SUMPOSIUM TENU
DU 5 AU 7 SEPTEMBRE 2006

Reçu à la Xe séance de la Classe de langue et littérature, le 25 décembre 2007

Rédacteur

ALEKSANDAR LOMA,
membre correspondant de l'Académie

BELGRADE 2007

INSTITUT DE LA LANGUE SERBE DE L'ACADEMIE

СРПСКА АКАДЕМИЈА НАУКА И УМЕТНОСТИ

НАУЧНИ СКУПОВИ

Књига СХХI

ОДЕЉЕЊЕ ЈЕЗИКА И КЊИЖЕВНОСТИ

Књига 18

СЛОВЕНСКА ЕТИМОЛОГИЈА ДАНАС

ЗБОРНИК СИМПОЗИЈУМА ОДРЖАНОГ
ОД 5. ДО 10. СЕПТЕМБРА 2006. ГОДИНЕ

Примљено на X скупу Одељења језика и књижевности, 25. децембра 2007.

Уредник

дописни члан
АЛЕКСАНДАР ЛОМА

БЕОГРАД 2007

ИНСТИТУТ ЗА СРПСКИ ЈЕЗИК САНУ

ISBN 978-86-7025-451-0

Издају

*Српска академија наука и уметности
и
Институт за српски језик САНУ*

Уређивачки одбор

*Марија Бјелешић, Јасна Влајић-Појовић,
Александар Лома, Снежана Пејровић*

Уредник

Александар Лома

Рецензенти

*Wiesław Boryś
Radoslav Večerka*

Лектура и коректура

*Марија Бјелешић, Јасна Влајић-Појовић,
Марија Вучковић, Маја Калезић,
Снежана Пејровић*

Прелом текста

Давор Палчић

Тираж 600 примерака

Штампа

Чигоја штампа, Београд

САДРЖАЈ

ОД УРЕДНИКА / FROM THE EDITOR	XI
ПОЗДРАВНЕ РЕЧИ	XV
академик Предраг Палавестра	XV
академик Никша Стипчевић	XVI
др Софија Милорадовић	XVII
дописни члан САНУ Александар Лома	XIX
Александр Евгеньевич Аникин (Новосибирск): Из работы над до- полнениями к «русскому Фасмеру»	1
Aleksandr Evgen'evič Anikin (Novosibirsk): Writing supplements to the “Russian Vasmer” — Summary	10
Елена Львовна Березович (Екатеринбург): Слова и вещи — или слова без вещей? (о «культурно-исторической» мотивации в сфере славянской ксенонимии)	11
Elena L'vovna Berezovič (Ekaterinburg): Words and things — or words without things? (about “cultural-historical” motivation in the do- main of Slavic xenonymy) — Summary	25
Марта Бјелетић (Београд): С.-х. <i>ни њири, ни вири</i> „не расте, не успева“: формално-семантички паралелизам глаголских гнезда као пут ка етимологији	27
Marta Bjeletić (Belgrad): Skr. <i>ni piri, ni viri</i> „weder wächst, noch gedeiht“: Formal-semantischer Parallelismus verbaler Wortneste als Leitfaden zur Etymologie — Zusammenfassung	40
Десислава Борисова (София): За произхода и значенията на бълг. <i>харч, арч, хардџ</i> , срхр. <i>харч, арч, харач, арач</i> (и на производни от тях)	41
Desislava Borisova (Sofia): The origin and the meanings of the Bulgarian <i>harč, arč, hardž</i> and the Serbo-Croatian <i>harč, arč, harač, arač</i> (with their derivatives) — Summary	49
Pavla Valčáková (Brno): Church Slavonic <i>pokrŏta</i>	51
Павла Валчакова (Брно): Церковнославянское покрѣта — Резюме	55
Жанна Жановна Варбот (Москва): К этимологии праслав. * <i>město</i>	57
Žanna Žanovna Varbot (Moscow): Towards the etymology of Proto-Slavic * <i>město</i> — Summary	65

Јасна Влајић-Поповић (Београд): Псл. <i>*kotiti/*katati</i> и <i>*kоть/*kать</i> — трагови <i>-a-</i> вокализма на словенском југу	67
Jasna Vlajić-Popović (Belgrade): Proto-Slavic <i>*kotiti/*katati</i> – the traces of <i>-a-</i> vocalism in the Slavic South — Summary	81
Марија Вучковић (Београд): О пореклу арготизма <i>лизгам</i> ‘пити’	83
Marija Vučković (Belgrade): On the origin of the argot word <i>lizgam</i> ‘to drink’ — Summary	91
Јасмина Грковић-Мајор (Нови Сад): Etymology and historical syntax	93
Јасмина Грковић-Мејдор (Нови Сад): Етимологија и историјска синтакса — Резиме	105
Христина Дейкова (Софија): Към праславянските названия на птици <i>*varnъ, *varnā, *gā(j)varnъ, *gālъ (?), *gālā, *gālъkā, *gālīcā</i>	107
Hristina Dejкова (Sofia): Towards Proto-Slavic bird Nnames: <i>*varnъ, *varnā, *gā(j)varnъ, *gālъ (?), *gālā, *gālъkā, *gālīcā</i> — Summary	121
Лиљана Димитрова-Тодорова (Софија): Проблеми при етимологизуване на старинни топоними	123
Liljana Dimitrova-Todorova (Sofia): Some problems of etymologising old place names — Summary	131
Анатолий Федорович Журавлёв (Москва): Российская городская геральдика и наивная этимология	133
Anatolij Fedorovič Žuravlev (Moscow): Russian civic heraldry and naive etymology — Summary	153
Татјана Зайковская (Никозија): Этимология народной обрядовой терминологии: языковая реконструкция и экстралингвистические данные	155
Tatjana Zajkovskaja (Nicosia): The etymology of ritual folk terms: linguistic reconstruction and extralinguistic data — Summary	170
Виталий Зайковский (Никозија): Этимология, этнолингвистика и языковые контакты славянских с греческим, другими балканскими и тюркскими языками	171
Vitalij Zajkovskij (Nicosia): Etymology, ethnolinguistics and language contacts of Slavic with Greek, other Balkan and Turkic languages — Summary	208
Mariola Jakubowicz (Kraków): Motywacje semantyczne przymiotników oceniających negatywnie wygląd zewnętrzny	209
Mariola Jakubowicz (Krakau): Die semantische Motivationen der das Äußere negativ bewertenden Adjektiven — Zusammenfassung	219
Илона Яньшкова (Брно): Избыточное (неэтимологическое) <i>ne-</i>	221
Ilona Janyšková (Brno): Redundant (non-etymological) <i>ne-</i> — Summary	228
Маја R. Kalezić (Београд): Srpsko-hrvatski nazivi biljaka iz roda Pistacia L. (etimološka beleška).	229
Maја R. Kalezić (Belgrade): Serbo-Croatian names for plant species from genus Pistacia L. (an etymological note) — Summary	239

Helena Karlíková (Brno): Lexikální vyjádření škodolibosti v evropském areálu	241
Helena Karlíková (Brno): L'expression lexicale de la malignité dans l'aire européenne — Résumé	247
L'ubor Králik (Bratislava): K výskumu praslovanského lexikálneho komponentu v slovenčine: o niektorých problematických etymologických interpretáciách	249
L'ubor Králik (Bratislava): From the study of the Common Slavonic lexis in Slovak: On some problematic etymological interpretations — Summary	253
Любовь Викторовна Куркина (Москва): К реконструкции этимологических связей слав. *čajati	255
Ljubov' Viktorovna Kurkina (Moscow): Towards reconstructing the etymological relations of the Common Slavic *čajati — Summary	264
Татяна Лекова (Наполи): Институцията <i>варарь</i> в българското средновековие	265
Tatjana Lekova (Naples): The office holder <i>vararь</i> in medieval Bulgaria — Summary	293
Claire Le Feuvre (Strasbourg): On the etymology of Russian <i>пахат'</i> "to plough"	295
Клер Лефевр (Страсбург): К этимологии русского глагола <i>пахать</i> (<i>землю</i>) — Резюме	306
Александар Лома (Београд): Два српска дијалекатска архаизма на балтословенском плану: <i>йренсла</i> (и сл.) 'Prunus padus', <i>йремесла</i> „дијафрагма“	307
Aleksandar Loma (Belgrade): Two Serbian dialectal archaisms from a Balto-Slavic perspective — Summary	322
Mihai Mitu (Bukareszt): Wyrazy rumuńskie pochodzenia słowiańskiego z etymonem podlegającym fleksji	325
Mihai Mitu (Bucarest): Mots roumains d'origine slave remontant aux formes flexionelles — Résumé	335
Bogumił Ostrowski (Kraków): Semantyka niektórych typów leksykalnych z rdzeniem *rod- na materiale języków słowiańskich	337
Bogumił Ostrowski (Cracow): Some lexical types and their semantics (Derivatives from Proto-Slavic stem *rod- in Slavic languages) — Summary	347
Снежана Петровић (Београд): Раздвајање хомонима: словенско-балканска прожимања	349
Snežana Petrović (Belgrad): Trennung von Homonymen: Slavisch-balkanische Berührungen — Zusammenfassung	358

Мато Пижурица (Нови Сад): Прилог етимологији и географији речи (на грађи из Црне Горе)	361
Mato Pižurica (Novi Sad): Ein Beitrag zur Etymologie und Wortgeographie (aus dem mundartlichen Wortgutes Montenegros) — Zusammenfassung	367
Wojciech Sowa (Krakau): Zur Herkunft des Namens <i>Poprad</i>	369
Wojciech Sowa (Kraków): O pochodzeniu nazwy <i>Poprad</i> — Streszczenie	380
Валериј Софрониевски (Скопје): <i>Божилак, виножито, сунница</i>	381
Valerij Sofronievski (Skopje): <i>Božilak, vinožito, dzunica</i> — Summary	392
Вања Станишић (Београд): О неким подударностима у рефлексима индоевропских слоговних сонаната у албанском и балтословенском	393
Ваня Станишич (Белград): О некоторых сходствах в рефлексах индоевропейских слоговых сонантов в албанском и балтославянском — Резюме.	402
Тодор Ат. Тодоров (Софија): Произход на неколку български диалектни думи: <i>изпàвам, тòркам, тортòсвам се, трàсенина, трàсеница</i>	403
Todor At. Todorov (Sofia): Origin of some Bulgarian dialectal words: <i>izpàvam, tòrkam, tortòsvam se, tràsenina, tràsenica</i> — Summary	408
Светлана Михайловна Толстая (Москва): Почему слепой не видит? (к этимологии слав. *slěp-)	409
Svetlana Mihajlovna Tolstaja (Moscow): Why the blind cannot see? (towards the etymology of Slavic *slěp-) — Summary.	419
Метка Furlan (Ljubljana): Besedna družina kot metoda etimološkega raziskovanja slovanskega leksikalnega fonda	421
Metka Furlan (Ljubljana): Wortsippe als Methode zur etymologischen Erforschung des gemeinslavischen Wortschatzes — Zusammenfassung	429
Александр Константинович Шапошников (Коктебель-Москва): Праславянское лексическое гнездо с нерегулярными чередованиями производящей основы: *torp-, *tьrp-, *trup-	431
Aleksandr Konstantinovič Šapošnikov (Coctebel/Moscow): Common Slavic lexical nest of the irregularly alternating stem *torp- / *tьrp- / *trup- — Summary	435
Alenka Šivic-Dular (Ljubljana): Tipologija tvorbe in semantike v poimevanjih za čas v slovanskih jezikih.	437
Alenka Šivic-Dular (Ljubljana): Typologisches zur Wortbildung und Semantik der slavischen Zeitbezeichnungen — Zusammenfassung	449

Віктор Петрович Шульгач (Київ): Лексичні архаїзми українських говірок Правобережного Полісся з погляду етимології	451
Viktor Petrovyč Šul’hač (Kyiv): An etymological look at some lexical archaisms from Ukrainian vernaculars of the Woodlands (Polissya) on the right bank of Dniepr — Summary	458
ОПШТА ЛИТЕРАТУРА.	459
ИНДЕКС РЕЧИ	465

ОД УРЕДНИКА | FROM THE EDITOR

Нешто више од годину дана после међународног научног симпозијума „Словенска етимологија данас“, одржаног у Београду од 5. до 7. септембра 2006. године у организацији Српске академије наука и уметности и Института за српски језик САНУ а под покровитељством Етимолошке комисије Међународног славистичког комитета, пред јавност се износе његови плодови у виду тематског зборника радова под истим насловом, који можда не звучи посебно маштовито, али јасно исказује почетну намеру организатора да се поименичним позивањем окупи што већи број најистакнутијих стручњака на пољу словенске етимологије из свих водећих центара где се та дисциплина негује, уз поједине одабране истраживаче из сродних дисциплина, како би скуп не само пружио што потпунији пресек кроз савремене приступе етимолошким истраживањима него и предочио разне могућности њихових интердисциплинарних повезивања. Надамо се да ће читаоци ове књиге поделити једнодушан утисак организатора, учесника и гостију београдског симпозијума да се у тој намери увелико и успело.

Међу корицама зборника нашли су се текстови свих реферата прихваћених за скуп, изложених на њему и благовремено послатих издавачком колегијуму, укупно тридесет

From September 5th to 7th, 2006 the international scholarly symposium “Slavic Etymology today” took place in Belgrade, Serbia. Organized by the Serbian Academy of Sciences and Arts and the Serbian Language Institute of SASA, it was held under the auspices of the Etymological Commission of the International Slavistic Committee. More than a year later the proceedings of this symposium are now being published, under the same title — a rather prosaic one, which is not due to the lack of imagination on the side of the conference organizers, but rather to their intention to clearly express their initial purpose to gather — by personal invitation — a representative number of the most prominent specialists in the field of Slavic etymology, coming from all leading centres of this kind of research, as well as some selected scholars from adjacent disciplines, in order to provide not only the maximum insight into present-day approaches to etymological studies, but also to present various possibilities of their interdisciplinary connections. We hope that the readers of this book will be able to share the unanimous impression of the organizers, participants and guests of the Belgrade symposium that this gathering was successful in fulfilling this task.

This monograph contains the final versions all the articles accepted for the symposium, presented at it and timely submitted to the editorial board —

и шест прилога,* који су овде поређани по азбучном редоследу аутора. Гледано по земљама, појединачно их је највише из саме Србије, девет, али у укупном броју убедљиво претежу прилози из других словенских и европских земаља: седам из Русије, четири из Бугарске, по три из Пољске и Чешке, по два из Словеније и са Кипра, по један из Словачке, Македоније, Украјине, Француске, Италије и Румуније. Заступљени су, преко својих сарадника, готово сви актуелни пројекти на изради етимолошких тезауруса: оба прасловенска речника, московски и краковски, затим велики етимолошки речници старословенског, бугарског, словеначког, украјинског и српског језика. Методолошки распон прилога креће се од традиционалног филолошког приступа који кроз контекстуалну анализу потврда установљава изворно значење речи као основ за њену етимологију, до покушаја прецизирања и допуне важећих фонетских закона, којима се отвара могућност преиспитивања неких старих и предлагања нових етимологија. Док се у тим радовима етимолошка проблематика укршта са историјском фонологијом и акцентологијом, други стављају у први план неке недовољно запажене и изучене творбене моделе и опште морфолошке појаве, а ту су и они где се предочава допринос који етимологији могу пружити историјска синтакса и лингвистика фолклорног текста. У већини радова

a total of thirty six papers, here arranged in an alphabetical order.* Countrywise, the most numerous individual contribution, with nine articles, comes from Serbia proper, but prevailing are those from other Slavic and European countries: seven from Russia, four from Bulgaria, three each from Poland and the Czech Republic, two each from Slovenia and Cyprus, and one each from Slovakia, Macedonia, Ukraine, France, Italy and Romania. It is noteworthy that through their collaborators almost all ongoing projects for etymological thesaurus-type dictionaries are represented: both Proto-Slavic dictionaries, the Moco and the Cracow one, as well as the voluminous etymological dictionaries of the Old Church Slavonic, Bulgarian, Slovenian, Ukrainian and Serbian languages. The methodological scope of these contributions varies in a wide range from the traditional philological approach which employs a contextual analysis of attestations for establishing the original meaning of a word as a basis for its etymology, to the attempts at amending and supplementing the established phonetic laws, which opens new prospects for reconsidering some old etymologies and proposing new ones. While those works combine etymological quests with historical phonology and accentology, the others focus on some hitherto insufficiently studied word-formation models or morphological phenomena or on demonstrating the benefit etymology can take from historical syntax as

* Од тридесет седам реферата прочитаних на скупу три нису достављена за штампу, док су два реферата која су била уврштена у програм али нису прочитана услед спречености аутора да дођу у Београд накнадно примљена и овде се објављују.

* Communicated at the symposium were thirty seven papers, three of which their authors failed to send for print; on the other hand, two originally scheduled papers whose authors did not come to Belgrade were sent subsequently and included in this volume.

присутни су, а у неким имају средишње место, питања историјске семантике, какво је типологија семантичких поља. Достојно место нашао је метод изучавања речи по породицама којим се превазилазе замке њиховог изолованог третирања.

Ширина и дубина остварених поредбених увида варирају од праисторијске — индоевропске, балтословенске, прасловенске — до нововековне балканистичке перспективе. Предмет разматрања су најразличитије лексичке категорије: од речи рано потврђених у црквенословенским списима до дијалектизама чија позна посведоченост често не искључује велику старину; од лексема са чврстим терминолошким статусом до експресивних образовања и арготизама; од архаизама који се могу пројектовати на дубоке прајезичке равни до релативно рецентних позајмица у словенске језике или из њих у друге. У неколико радова истражују се путеви позајмљеница, њихова хронолошка раслојеност и њихови ареали, у којима огледа не само историјат контаката међу језицима и народима него и културна историја датих делова Европе. Једним бројем радова представљене су сродне и са етимологијом тесно повезане дисциплине какве су топономастика и етнолингвистика, а следећи методолошки захтев за упоредним изучавањем “речи и ствари” у више њих посеже се за подацима и знањима ванјезичких дисциплина какве су етнологија, ботаника и зоологија. С обзиром на све то, сме се рећи да овај зборник у доброј мери одражава савремени тренутак словенске етимологије у свој њеној разгранатости, сложености и интердисциплинарној преплетености.

well as from the folklore text linguistics. In the majority of works, not only present but often dominating, are some topics in historical semantics, such as the typology of semantic fields. Duly positioned is the method of studying words by word-families, by which the potential traps of their individual treatment are avoided.

The width and depth of achieved comparative insights vary from prehistoric — Indo-European, Balto-Slavic, Proto-Slavic — to present-day Balkanistic perspectives. The objects of study are most diverse lexical categories: from words early attested in Church Slavonic manuscripts to modern dialectisms whose recent dating often does not speak against their great antiquity; from lexemes with a firm terminological status to expressive forms and argotisms; from archaisms which can be projected on the deepest levels of the proto-language to fairly recent borrowings into Slavic languages or from Slavic into other languages. Some papers deal with tracing loanwords, their chronological stratification and areal distribution, which all reflect not only the history of contacts between the languages and nations, but also the cultural history of the respective parts of Europe. A certain number of papers present some disciplines that are closely related to etymology, such as toponomastics or ethnolinguistics. Following the methodological postulation for a comparative study of “Wörter und Sachen” type, a number of authors reach for information and data from extralinguistic disciplines, such as ethnology, botany, zoology, etc. Bearing all that in mind, one can assert that this monograph reflects, to a great extent, the present state of Slavic etymology, with all its complexity and interdisciplinary intertwining.

У складу са традицијом дисциплине у којој је мултилингвалност не само нужан елемент истраживачког профила него и основа међусобне комуникације, у рефератима и резимеима заступљена је већина словенских језика, а такође енглески, немачки и француски. Сви реферати на словенским језицима снабдевени су резимеом на једном од светских језика, што омогућује увид у садржину зборника и заинтересованим стручњацима изван славистичког домена. Ради уштеде простора, најчешће коришћене и углавном лако препознатљиве скраћенице нису даване у списковима извора и литературе иза појединих радова, већ су сабране и разрешене у посебном списку иза последњег рада. На самом крају књиге дат је селективни индекс разматраних речи, који ће свакако допринети њеној употребљивости.

In accord with the tradition of the discipline in which multilingualism is not only a postulate of the scholarly profile but also a basis for mutual communication, the papers and their summaries feature almost all Slavic languages, as well as English, German and French. All the communications in Slavic languages are provided with summaries in one of the world languages, which makes it possible for scholars outside the domain of Slavistics to have an insight into the contents of this monograph. For the sake of economy, the commonly known and most frequently used abbreviations are not given among the references accompanying individual articles, but collected in a separate list following the last paper. In order to make the book more reader-friendly, at its very end an index of selected words is provided.

ПОЗДРАВНЕ РЕЧИ

изречене на отварању скупа, 5. септембра 2006. године
у Галерији САНУ

академик Предраг Палавестра
секретар Одељења језика и књижевности САНУ

Срећан сам што ми се пружила прилика да, као секретар Одељења језика и књижевности САНУ, поздравим учеснике Међународног научног симпозијума о словенској етимологији. Он се одржава у данима Међународног скупа слависта на Филолошком факултету у Београду и није нимало случајно што је посвећен једној важној лингвистичкој теми, какве Академију у последње време опседају и притискају. Уочи овог скупа припремили смо и објавили нову свеску *Етимолошког речника српског језика*. Заједно са новим томовима Академијиног *Речника српскохрватског књижевног и народног језика* и другим пројектима Института за српски језик САНУ, нова свеска *Етимолошког речника* представља одговор наше језичке науке на самовољно растакање језичког наслеђа. У словенској лингвистици свима је потребна научна помоћ иностраних стручњака, који исте ствари виде из другог угла и другим очима. Хвала вам што сте дошли да о томе разговарамо.

Мислим да сте на право место дошли у право време. Данас је српска јавност засута лингвистичким, посебно етимолошким, темама, јер се на сваком кораку, у телевизијским програмима и тиражним листовима, самовласно и нестручно разматрају лингвистичке и етимолошке теме, о којима српска научна мисао треба да каже своју реч.

Етимологија је постала подручје страшног трагања за националним идентитетом, у којем, по правилу, има најмање науке. Етимолошка грозница је данас тешка болест неуких самозванаца. Кад год једно друштво западне у кризу, свако постаје стручњак за језик и на граници науке почиње да трага за својим коренима. У српској етнографији је већ забележено да се у тешким годинама криза почиње тражити закопано благо, раскопавају се брда и долине у тражењу доказа о својој важности, моћи и богатству. Идентитет се не тражи само у историји и геогра-

фији, него и у етимологији, која треба да покаже како је неки народ старији и најстарији, да се у праисторији у Лепенском виру говорило српским језиком. Истражују се и тумаче везе српског језика са винчанским писмом и етрурском азбуком, српски топоними повезују се са хомеровским наслеђем. Рађају се паралелне науке идентитета, међу којима су лингвистика и етимологија највише изложене злоупотребама. У таквим приликама научна мисао је загушена од уличне граје самозванца. Данас је свакој науци најпотребнија трезвена критика правих стручњака, како би се ствари научно доказале и поставиле на своје место. Поздрављајући вас у име САНУ, позивам вас и молим да своју мисао о словенској етимологији овде и сада изложите слободно, са пуном научном одговорношћу, каква вас је овамо и довела.

академик Никша Стипчевић
председник Управног одбора
Института за српски језик САНУ:

Велики кнез српске лингвистике Александар Белић, који је био и председник ове Академије од 1937. све до смрти 1960. године, као да је запостављао етимолошке студије, иако је могао да нађе подстицаје код Миклошича и Ђуре Даничића. Између два светска рата, а и потом, мали је број наших научника који су се бавили етимологијом (Миливој Павловић, Хенрик Барић), а етимологија јесте једна од најстаријих духовних наука у Европи. Исходишта јој сежу до Платоновог *Крайиша*, где се већ може назрети зачетак идеје о језику као историји. Етимологију су неговали и стоици, па александријски граматичари, као Филоксен из првог века пре Христа, да би потом оживела код византијских етимологичара. А библијска егзегеза довела је до великих дела у средњем веку као што су она Исидора из Севиље (*Etymologiarum libri XII*) или Угучона из Пизе (*Magnae Derivationes*). Велику обнову етимологијског размишљања начинио је Ђамбатиста Вико (1668–1744) у својим двама великим делима — *De antiquissima Italorum sapientia* и *Principi di scienza nuova d'intorno alla comune natura delle nazioni*. Савременици су Вика потцењивали, али његов утицај је огромно порастао у последњим деценијама XVIII века, као и у време романтизма. Потом му је велики италијански филозоф Бенедето Кроче посветио обимну монографију. Тада настају велика дела као што је Потово (Pott) *Etymologische Forschungen* (1833–36). Потом следе велики учитељи свих оних који се баве етимологијом — Мејер-Либке (Meyer-Lübke), Шухарт (Schuchhardt), Жијерон (Gillieron),

Курцијус (Curtius). Формира се и правац лингвистичке археологије, који се и на Вика позива.

Други велики кнез српске лингвистике, недавно преминули Павле Ивић, ударио је дубок темељ српској етимологији. Основао је у Српској академији наука и уметности *Одбор за етимолошки речник српског језика*, коме је био и председник све до своје преране смрти. На чело овог одбора дошао је потом Александар Лома окупљајући сјајну млађу екипу зналаца многих језика, којој је Лома отворио свој велики ковчег знања. На тај начин смо дошли до два прва тома *Етимолошког речника српског језика*, а *Огледна свеска* је изишла још за живота Павла Ивића.

Зашто су у нас касниле етимолошке студије? Мишљења сам да се етимолошке студије развијају упоредо са дијалектолошким студијама. Нашу темељну дијалектологију покренуо је Александар Белић. Павле Ивић је широко наставио истраживања дијалеката српског језика, о чему сведочи велики корпус *Српског дијалектолошког зборника*. Без дијалектолошког корпуса нема озбиљних етимолошких истраживања. Тако је било и у другим земљама: у Италији се модерна етимологија развила тек када је начињен корпус италијанских дијалеката.

Скуп који се данас отвара веома је важан. Српској академији наука и уметности је част што се толико научника окупило да у нашем граду посвети своје време словенској етимологији. Две свеске *Етимолошког речника српског језика* јесу наш прилог великом братству једне од најтежих лингвистичких дисциплина.

др Софија Милорадовић

члан Организационог одбора симпозијума

Лепо је бити гост. Али задовољство је и угостити, бити домаћин. Колеге етимолози увек су се похвалним речима изражавали о својим домаћинима по повратку са бројних међународних скупова. Дошао је ред да се та гостопримства узврате, да у Београду дочекамо драге колеге и пријатеље.

И тако је замишљен и данас отпочиње са радом тродневни Међународни научни симпозијум *Словенска етимологија данас*, чији су организатори САНУ и њен Институт за српски језик, са 29 пријављених учесника из иностранства (седморо из Русије, по четворо из Пољске и Бугарске, троје из Чешке, двоје из Словеније и двоје са Кипра, по један учесник из Словачке, Македоније, Аустрије, Грчке, Румуније, Италије и Француске) и деветоро учесника из Србије (од чега двоје са Филозофског факултета у Новом Саду). Последњег дана рада Ску-

па, у четвртак, одржаће се и заседање Етимолошке комисије при Међународном комитету слависта. Већ наслови пријављених реферата сведоче о томе да ће са овога скупа претећи и за друге лингвистичке дисциплине и њихове посленике. Приложници ће новим подацима и увидима задужити и дијакроничаре и синхроничаре.

Организациони одбор Скупа (као што се види из Програма) броји девет чланова, али је, природно, терет организације у највећој мери пао на колеге из Етимолошког одсека. Дужну захвалност изражавамо Одељењу језика и књижевности САНУ и управи Института за српски језик САНУ. Наравно, у организовање се, као и увек, укључила Међународна служба Академије. Захваљујемо се и управи Галерије САНУ на гостопримству. Дакако, ред налаже да се посебно помену они који су помогли да дође до остварења једне лепе и одважне замисли: финансијери скупа су Министарство науке и заштите животне средине Републике Србије и Јавно предузеће *Телеком Србија* (преименовано од пре неки дан).

Дозволићете ми један сасвим кратак *aide-mémoire*. Године 1983, „у оквиру Института и под покровитељством САНУ (на иницијативу пок. академика Павла Ивића и Одбора за етимолошки речник САНУ), основан је Етимолошки одсек са циљем да се створи кадровска и материјална основа за израду етимолошког речника српског језика“. Овај одсек је још увек једина институција у земљи „која се ситематски и компетентно бави етимологијом“ (како је једном приликом написала колегиница Марта Бјелетић). Почело се „са ледине“: без картотеке, без иједне књиге и без иједног формираног етимолога; у тиму који се тек оснивао сви су били потпуни почетници када је о етимолошким предзнањима реч. Данас, у две собе на првом спрату Академије ради, поред руководиоца пројекта, шесторо сталних сарадника, а од ове године пројекат има и једног спољног сарадника. То је изузетно компетентан тим међународно признатих стручњака. Једном синтагмом речено — *београдска етимолошка школа*, један од значајних светских центара словенске етимологије. Рад на пројекту *Етимолошка истраживања српског језика и израда Етимолошког речника српског језика* подразумева обраду целокупног лексичког фонда српског књижевног и народног језика на нивоу модерне етимолошке лексикографије. Руководилац пројекта био је академик Павле Ивић, све до своје смрти 1999. године. Потом је руковођење пројектом преузео проф. др Александар Лома, дописни члан САНУ.

Нисам етимолог, па се не бојим да ће ми бити замерено ако изрекнем још неколико похвалних речи. Када је у питању етимологија, одмах је присутан један апсурд: нелингвисти највише воле да *етимо-*

логишу, а реч је о најкомплекснијој лингвистичкој дисциплини. Бављење њоме изискује изузетно широко лингвистичко, и не само лингвистичко образовање. Треба познавати и националну историју, културну историју, етнографију народа који је носилац датог језика. Морам рећи једно (без жеље да икога од колега увредим): чини ми се, барем познајући наше етимологе, да они, будући приморани да стекну тако бројна и разноврсна знања, да користе податке из историје језика, дијалектологије, семантике, лексикологије, ономастике итд., најбоље од свих нас схватају значај доприноса колега из других лингвистичких дисциплина и умеју да цене и поштују тај допринос. Као да увек следе реченицу из уводног дела Фасмеровог речника: „Пройти и освоить весь этот круг не по силам одному человеку“.

У Огледној свесци из 1998. године записано је: „Етимолошка наука у нашој средини има одређену традицију, али се ипак не може похвалити континуитетом“. Уз све што знамо о раду нашег Етимолошког одсека, о библиографијама наших колега, и овај скуп, верујемо, доприноси континуитету који се, очигледно, за наших живота успоставља.

Одржавањем овога скупа, надамо се, на најлепши начин улазимо у прославу шездесетогодишњице постојања садашњег Института за српски језик САНУ (1947–2007). Не заборављајући у чијој смо и каквој традицији стасавали као лингвисти, на најлепши начин одајемо пошту академику Александру Белићу, првом и дугогодишњем директору Института, као и академику Павлу Ивићу, који је „својим визионарством зачео и својим ауторитетом утемељио“ Етимолошки речник српског језика, како стоји записано на почетку његове прве свеске.

Никада не губећи из вида да је језик основни јемац очувања етничког идентитета, верујемо да Институт за српски језик САНУ у прославу свога јубилеја улази као централна српска научна установа за проучавање и неговање српског језика.

Поздрављам вас још једном, желећи вам пријатан боравак у нашој средини и успешан рад. Желећи и вама лично и скуповима овакве врсте — **долголетие!**

Александар Лома
дописни члан САНУ,
председник Етимолошке комисије
Међународног славистичког комитета

Наш симпозијум је један у низу скупова који се одржавају под покровитељством Етимолошке комисије Међународног славистичког комитета. Подсетићу да су се досад етимолози, у сличном саставу, већ

три пута окупљали у Брну и уживали гостопримство чешких колега. Прва председница Етимолошке комисије, др Ева Хавлова, упутила ми је писмо у којем, изражавајући жаљење што из здравствених разлога није могла доћи у Београд, жели нашем скупу успешан рад. Ми јој сви заједно узвраћамо најбољим жељама за здравље и за успех у раду.

Када је пре три године, на Међународном славистичком конгресу у Љубљани, нашој земљи поверено председавање Етимолошком комисијом у наредном петогодишњем периоду, то је значило како по част, тако и обавезу да се у том времену код нас, у Србији, организује скуп попут овог. Што смо тој обавези успели удовољити, треба захвалити пре свега доброј вољи Српске академије и Института за српски језик да наш симпозијум уврсте у програм својих делатности, и финансијској подршци коју смо добили од Министарства науке и заштите животне средине Републике Србије и Јавног предузећа „Телеком — Србија“. И у овој прилици изражавамо им своју благодарност. Посебно бих изразио захвалност проф. др Срету Танасићу, вршиоцу дужности директора Института за српски језик САНУ, који је, преузевши ту дужност, са њом добио у наслеђе и организацију нашег скупа. Како је наш Организациони одбор у том часу већ био конституисан, његовог имена нема међу члановима Одбора, али он се није тим мање несеквично ангажовао, заједно са својим најближим сарадницима, да се овај скуп реализује тако како смо га замислили.

На жалост, на оваквим отварањима речима поздрава се често, по сили судбине, придружују речи опроштаја од цењених и драгих колега. Крајем прошле године заувек нас је напустио Иван Дуриданов, велики бугарски лингвиста који је иза себе оставио импресиван број радова трајне вредности из области палеобалканистике, ономастике и словенске етимологије. Колега Дуриданов био је, између осталог, секретар Међународног славистичког комитета, редовни учесник наших етимолошких окупљања, а такође у више наврата гост ове земље и сарадник овдашњих часописа. Овога пролећа из наших редова отишао је и колега Лешек Мошињски, један од водећих пољских палеослависта, чији је допринос велики на разним пољима словенске филологије па и на пољу словенске етимологије и који је такође радо долазио на наше етимолошке скупове, остајући нам свима у драгој и трајној успомени. Недавно је словенска етимологија остала без још једног великог имена, водећег белоруског лингвисте Виктора Мартинова. Позивам вас да преминулим колегама одамо пошту минутом ћутања.

На крају, нагласио бих чињеницу да се наш скуп одржава у Српској академији наука и уметности, која је од свог оснивања под именом Друштва српске словесности, пре сто шездесет и пет година, пра-

ви дом српскога језика. Она је од не тако давног времена постала домом великог Етимолошког речника српског језика, чија је друга свеска сада пред нама. За то што смо је успели довршити буквално уочи скупа — изашла је из штампе јуче, у понедељак — заслугу са ауторским тимом, који је у врелим летњим месецима „запео“ како би она могла бити подељена нашим гостима (и који, разуме се, остаје једини одговоран за евентуалне грешке и пропусте у њој проистекле из те журбе), деле наш дугогодишњи поуздани сарадник и пријатељ Давор Палчић, који је, као и увек, са много знања и стрпљења урадио прелом текста, штампарија „Чигоја“, која је још једном имала разумевања за наше хитне потребе, а не могу да не поменем и заузимање секретара Одељења језика и књижевности академика Палавестре и директора Института др Танасића.

Претпостављам да су наше овде окупљене колеге другу свеску ЕРСЈ дочекале са истом радошћу и знатижељом са којом ми узимамо у руке њихове нове публикације, али и допуштам да ће понеко бити разочаран не можда обимом свеске нити бројем одредница у њој, него скромном дужином корака који овом свеском наш речник чини на свом путу од почетка према крају азбуке. И поред наше жеље да издавање речника убрзамо и упркос идејама које имамо како би се то у скоро време могло постићи, треба бити свестан да тај ритам издавања никада неће бити у сразмери са оправданим нестрпљењем са којим се очекују резултати нашег пројекта. Наш први и основни задатак је да прикупимо и етимолошки обрадимо, са јединим изузетком најновијих интернационализама и неологизама, целокупно речничко благо српског језика. Такав посао не може се упоредити са брзом градњом нове грађевине уз помоћ бетона и челика, већ пре са полагањем реконструкцијом некога древног монументалног здања, при којој се брижљиво слаже камен по камен, опека за опеком. У свом исходу, та реконструкција би требало да пружи непосредно слику лексике свих говора српског језика од најранијих до најновијих времена, а посредно и дубинске увиде у његову историјску фонетику и творбу, као и у културну историју српског народа.

На неки начин, овај речник биће споменик своје језику, централном јужнословенском дијалекту, са јасно проследивим континуитетом имена и дијалекатске основице и непрекинутом линијом развоја од познопрасловенске епохе, са богатом усменом и писаном књижевношћу, који је био један од стубова компаративне славистике од њених почетака па све до наших дана, када се на његовом месту појављују и признају нови идиоми са мање-више истим лингвистичким садржајем, а разним новим именима у којима се не помиње придев

српски. Није на нама, етимолозима, да разрешавамо проблеме који су у домену социолингвистике, текуће политике и савремених колективних емоција. Но ми смо ти који се више од свих морају трудити да смутње времена у којем живимо не помуте јасноћу увида у језичку прошлост која је предмет наших истраживања. Изговарам ове речи у убеђењу да сви делимо свест о потреби очувања и објективног вредновања свих сегмената онога језичког и културног наслеђа на којем се заснива наша наука, словенска етимологија, као и славистика уопште, а које је интегрални део европске и светске духовне баштине.

Назив *Словенска етимологија данас* звучи доста уопштено и прозаично. Свесно смо одустали од некога прецизнијег тематског одређења и неког маштовитијег, поетичнијег имена да бисмо оставили довољно широк оквир за цео распон различитих методолошких приступа, укључујући и оне интердисциплинарне, који обележавају данашњи тренутак словенске етимологије. Чини се да одзив и пријављене теме реферата у великој мери оправдавају такву одлуку. Надам се да ће ток скупа потврдити овај почетни утисак, и да ће његови учесници изван радног дела уживати у међусобном дружењу и пријатном боравку у Београду и Србији.

ISBN 978-86-7025-451-0, (2007), p. (1–10)

УДК 811.161.1'373.6

811.161.1'374.4

Александр Евгеньевич Аникин (Новосибирск)

Из работы над дополнениями к «русскому Фасмеру»*

Статья посвящена неосуществленному намерению О. Н. Трубачева подготовить новую серию дополнений к «Russisches etymologisches Wörterbuch» М. Фасмера. Систематическое расширение словаря отсутствующими в нем словами приводит к тому, что дополнения к Фасмеру перерастают в самостоятельный этимологический справочник. Данный тезис иллюстрируется рядом примеров, представленных по преимуществу диалектной и старой русской лексикой, в связи с чем затрагиваются проблемы идентификации заимствованных и исконных слов, а также использования восточнославянского материала при ареальной характеристике балканизмов.

Ключевые слова: дополнения, этимологический словарь, русский язык, диалектная и старорусская лексика, заимствования, балканизмы.

I. Как известно, перевод на русский язык знаменитого труда М. Фасмера «Russisches etymologisches Wörterbuch» содержит многочисленные дополнения переводчика, О. Н. Трубачева. Они намного увеличивают информативность словаря. «Этимологический словарь русского языка» нередко цитируют — и не без оснований — как словарь «Фасмера — Трубачева». В первом его издании (1964–1973) дополнения помещены в квадратных скобках непосредственно в тексте.

В дополнениях затрагиваются: а) состав словаря — включение в него относительно немногих слов герм. словарных статей, отсутствующих в немецком тексте; представленные в немецком тексте б) этимологические толкования и в) датировки наиболее ранних письменных фиксаций слов. Нередко дополнение исчерпывается ссылкой к публикации, содержащей тот или иной научный результат.

За немногочисленностью этих типов скрывается содержательное разнообразие, предопределенное самим устройством словаря Фасмера, характеризующегося богатством словаря (прежде всего за счет обширного пласта диалектной и устарелой лексики, включая

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 04–04–00247.

только древнерусскую, а также топонимических данных), значительной временной глубиной анализа и его подробностью, широтой привлекаемого языкового спектра (данные индоевропейских, уральских, тюркских и т.п. языков), масштабностью библиографического и т.п. аппарата. Принципы отбора лексики, принятые Фасмером, несомненно были близки О. Н. Трубачеву, который описал их в «Послесловии» ко второму изданию «русского Фасмера» (1986–1987), отмечая, в частности, приоритет слов, тесно связанных с традиционными культурой, историей, бытом и контактами русского народа перед поздними заимствованиями и т.п. названиями современных, в том числе профессионально-технических реалий; привлечение «традиционной ономастики». Эти черты фасмеровского словника как безусловно положительные отмечались уже в первых рецензиях на «Russisches etymologisches Wörterbuch».

О. Н. Трубачев не без сожаления писал об угасшей в «зародыше» мысли об «исправленном и дополненном» новом издании, замечая, что заложенную Фасмером основу «можно дополнять и поправлять бесконечно» (Фасмер I: 564–565). Во втором издании это намерение было реализовано лишь в виде относительно небольшого списка этимологий, помещенного в конце 3-го и 4-го томов.

Настоящая статья содержит некоторые соображения и наблюдения по поводу неосуществленного намерения О. Н. Трубачева, которое остается актуальным, поскольку словарь Фасмера, как в его немецком, так и в русском вариантах, по-видимому, еще надолго останется основным справочником по русской этимологии.

Конечно, те дополнения, которые содержатся в «русском Фасмере», мог дать только сам О. Н. Трубачев с его эрудицией и проницательностью. Но если отвлечься от этого обстоятельства, то можно сказать следующее: в последующих изданиях Фасмера дополнения, составляемые по возможности в духе О. Н. Трубачева, в принципе, конечно, допустимы (скорее всего как некое приложение к основному тексту). Однако такой ответ на поставленный в заглавии доклада вопрос оправдан — да и то с оговорками — лишь в том случае, если придерживаться словника Фасмера, не добавляя или почти не добавляя к нему новых слов и, соответственно, словарных статей.

Если же вступить на путь систематического расширения фасмеровского словника отсутствующими в нем словами (пусть и подбираемыми по фасмеровским критериям), то дополнять Фасмера в том виде, как это делал О. Н. Трубачев, практически невозможно. Количество нового материала, предлагаемого русской диалектной и истори-

ческой лексикографией и иными источниками, таково, что объем дополнений намного превысит словарь Фасмера.

Итак, попытку реализовать «угасшее» намерение О. Н. Трубачева очень трудно удержать в тех рамках, которые были им намечены. И дело не только в наличии массы еще не охваченных русской этимологией слов, содержащихся в описательных словарях новгородских, псковских, архангельских, вологодских, сибирских и прочих говоров, а также в словарях и иных источниках по старо- и древнерусскому языку. Нет сомнений, что общее количество новых «послефасмеровских» корректив к тем данным по лексике и этимологии, которые есть в словаре Фасмера, в том числе в его русском «изводе», также не умещаются в жанр кратких дополнений. Практически полностью должны быть пересмотрены имеющиеся в этом словаре сведения по хронологии ранних фиксаций русских слов. Достаточно указать на данные, которые могут быть почерпнуты из исследований новгородских грамот на бересте.

Дополнения к Фасмеру перерастают в нечто самодостаточное.

Автор этих строк пришел к таким выводам по мере работы над небольшим алфавитным отрезком русского словника (преимущественно — лексикой на *а*- начальное). Достаточно сказать, что подготовленный выпуск, так сказать, пространной серии дополнений к Фасмеру содержит около тысячи двухсот словарных позиций против примерно 450 у Фасмера. И эти 1200 позиций (среди них есть, правда, несколько слов на *о*-) охватывают далеко не всю ту лексику, которую можно было бы привлечь. Правда, привлекаются несколько слов на *о*-.

II. Примеры, иллюстрирующие работу в данном направлении, уже приводились ранее (Аникин 2006). Их перечень продолжен ниже¹.

¹ Используются следующие сокращения языков и диалектов (диал.): араб. — арабский; арханг. — архангельский; балт. — балтийский; башк. — башкирский; блр. — белорусский; болг. — болгарский; венг. — венгерский; венец. — венецианский; вост. — восточный; герм. — германский; дигор. — дигорский; др.-исл. — древнеисландский; др.-новг. — древненовгородский; др.-рус. — древнерусский; итал. — итальянский; кабард. — кабардинский; каб.-балк. — кабардино-балкарский; кольск. — кольский; кумык. — кумыкский; курд. — курдский; лат. — латинский; мишар. — мишарский; монг. — монгольский; новг. — новгородский; норв. — норвежский; оренбург. — оренбургский; осет. — осетинский; перм. — пермский; перс. — персидский; польск. — польский; псл. — праславянский; рус. — русский; саам. — саамский; ср.-греч. — среднегреческий; ст.-рус. — старорусский; тат. — татарский; тур. — турецкий; тюрк. — тюркский; укр. — украинский; фин. — финский; франц. — французский; чаг. — чагатайский; чеш. — чешский; эвенк. — эвенкийский.

аманталóв 'отвяжись, не приставай' Кавказ (СРНГ 1: 250) < тюрк. (Кавказ), ср. каб.-балк. *aman* 'плохой, порочный' (тюрк. *jaman*), кумык. *talau* 'роза, болезнь' (Радлов III: 880). Из тюркского также осет. *talaw*, дигор. *talaw, talu* 'сибирская язва', ср. кабард. *talaw, telew* — название болезни скота (Абаев III: 224).

áмбуc 'сапожный инструмент' Карелия (СРГК 1: 19) < польск. *ambus, ambusek* 'наковальня' < нем. *Amböß*.

андрóны plur. 'шутки, рассказы' во многих диал. (СРНГ 1: 258, 259) < ? польск. *androny* plur. 'чепуха, вздор' < итал. *androne* 'проход (во внутренний двор)', 'закоулки, подворотня', ср. польск. стар. *ambaje* plur. 'вздор, фантазии' < лат. *ambāgēs* 'окольные пути; неясная речь' (Brückner: 4).

бáхоры plur. 'берестяные лапти, босовики для дома, берестяники' (Даль 1: 56), *бáхоры, бáхары* и др. — север., вост. (СРНГ 2: 58, 152, 156) — название, данное, видимо, по звуку, производимому при ношении «босовиков», ср. *шептуны* plur. 'домашние босовики' от *шептáть* (Даль 4: 269). *Бахоры*, возможно, от *бáхорить* 'болтать, разговаривать' (< псл. **baxoriti*), т.е. букв. 'болтуны'. Не исключена и деривация от *бáхать* 'бить, стучать', ср. *шлэпанцы* от *шлэпать*. *Бахоры* должно быть отделено от *бáкари* 'обувь из шкуры с оленьих ног', которое заимствовано из эвенк. *бакарй* 'унты (меховые, высокие)', где выделяется омертвевший суффикс *-рй* (Аникин 2000: 111).

овудь, óудь 'яровая рожь' новг., в говорах Северо-Запада также *авéнь, овéнь, óвод, óводь, овидня, овидня, овынь, овуть* и др. (см. НОС, СРНГ, ПОС, s.vv.) объяснены как рефлексы псл. **obudь*, деривата от **obuditi (se)* < **ob + *uditi (se)* 'наливаться (о зерне)', ср. рус. *úдить* 'зреть (о зерне, наливаясь)' (ЭССЯ 30: 239). Данная этимология представляется вполне рациональной, но имеет существенный недостаток: она не учитывает др.-новг. *овыдь* 'яровая рожь' (в берестяной грамоте № 755, XIV или XV в., см. Зализняк 2004: 638). Вместо **obudь* можно предположить исходное **ob-vudь*, сложение **ob-* и **vud-* < **ūd-* с тем же корнем, что в рус. *úдить*, но на ступени продления, ср. рус. *вымя* < **vутe* < ? **ūdhmen-* (Фасмер I: 369). Сравнение (О. Н. Трубачев) *овыдь* с лит. *javìdè* 'житница, хлебный сарай' лучше отклонить (см. об этом Аникин 2005: 230–231).

III. При этимологической работе над русской лексикой есть возможность опереться на фундаментальные ЭССЯ и SP, не говоря об этимологических словарях отдельных славянских языков. Праславянская лексикография по существу предлагает множество готовых этимологических объяснений русских слов, и в особенности это каса-

ется ЭССЯ, где, как известно, русский материал представлен наиболее полно. Очевидно, тем не менее, что использование этих решений не должно сводиться к простой переанжировке материала. Изучение русской (разумеется, и не только русской) лексики дает возможность совершенствовать уже предложенные в праславянской лексикографии реконструкции, не только добавляя к ним новый лексический материал, но и вычеркивая слова, оказавшиеся на поверку более или менее поздними заимствованиями или субстратными элементами, так сказать, «мимикрировавшими» под лексику праславянского происхождения. Из довольно многочисленных фактов этого рода в русском языке приведу здесь следующие:

III.1. *багáн* 'жердь или шест для установки кочевой кибитки' оренбург., 'жердь или доска, колодка, привязываемые лошадям и коровам на передние ноги как путы' Урал, Сибирь, *баганá* 'палка, кол, жердь, шест' перм. (Даль 1: 35; СРНГ 2: 32) — не к псл. **bagrǝ* 'багор' (так у Фасмера, в ЭССЯ, SP и др.), а из тюрк., ср. тат. *baǧan* 'столб', тат., башк. и др. *baǧana* id., чаг. *baǧan* 'шест, которым подпирают кошмы в кибитке' ~ монг. *baǧana* 'столб, подпорка, колонна' (Аникин 2000: 106).

баламыка 'кушанье, напиток из жидкого разведенного толокна или овсяной муки' Вятка, Вологда, Кострома, также *баламúка* 'вид подливки' Дон (СРНГ 2: 72) — не к псл. **balatǝǝ* (ЭССЯ 1: 147), а из тюрк. (тат.) *bolamıq* 'густая мучная болтушка, кисель из муки' (ТРС: 77), *bulamıq* 'жидкая болтушка из муки' = чаг. *bulamıq* (Радлов IV: 1842). Из сходного тюрк. источника на Кавказе происходят осет. *bylamıq*, дигор. *bulamıq* 'мучная болтушка' (Абаев I: 278).

бар 'глубокое место в море, где останавливается пароход' арханг. (СРНГ 2: 98) — не из псл. **barǝ* (ЭССЯ 1: 160), но тождественно интернационализму *бар* = франц. *barre* и др. 'мель у входа в порт, в устье реки, бар'. Ср. *бар* 'стоянка морских судов в устье реки' Архангельск (СГРС 1: 58), 'намывная мель в устье реки' Новгород (НОС 1: 31).

обыгать 'выветриться на морозе', 'подсохнуть', 'оправиться, выздороветь' Сибирь. (СРНГ 22: 281–282) — не продолжение псл. **obgubati* (ЭССЯ 27: 59), но префиксальное производное от *быгать* 'сохнуть на ветру' север., Сибирь < коми (Фасмер I: 257–259).

IV. Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Собственный опыт работы над заимствованиями в русском языке и из русского языка (Аникин 2000; 2003; 2005), а также результаты исследований заимствованных и субстратных элементов в севернорусской и т.п. лексике (ср. МСФУСЗ и публикации того же направления) дают

основание поддержать критическое отношение к тому направлению этимологического поиска в славистике, которое ориентировано на по существу безальтернативный поиск праславянских этимонов для максимального числа (в идеале, пожалуй, для всех) слов, представленных в древних и современных языках (ср. Хелимский 2002: 84).

Представляются в частности абсолютно неприемлемыми славянские этимологии, предложенные для таких сибирских и/или севернорусских диалектизмов, как *важ́ан*, *ва́рдина*, *гúрвас*, *керж́ак* и др. (Илиади 2003: 130–157). Слово *гúрвас* 'самец оленя' не отделимо от фин. *hirvas* 'олень-самец' < балт. **širvas*, о чем см. у Фасмера. Выведение *гúрвас* из псл. **kъrvasъ* ~ **korva* 'корова' и предположение о заимствовании из русского в финский (Там же — вслед за Р. М. Козловой) фантастично.

Последний пример прекрасно демонстрирует, кстати, что предлагаемые у Фасмера этимологии совсем не обязательно должны заменяться новейшими. Напротив, есть сколько угодно случаев, когда целесообразнее сохранять именно фасмеровское объяснение.

IV. В заключение — несколько наблюдений, связанных с соотношением русского (восточнославянского) материала с данными, предлагаемыми в ЕРСJ — замечательным новым этимологическим словарем отдельного славянского языка.

IV.1. Прежде всего о слове, которое хорошо показывает целесообразность подготовки новой серии дополнений к Фасмеру.

ájкула 'Charcharias glaucus' < рус. *аку́ла*. Последнее вслед за М. Фасмером определяется как слово «норди́ског порекла» (ЕРСJ 1: 80). Однако в эту этимологию следует внести коррективы. Несмотря на возражения Я. Калимы, русское *аку́ла*, также *áккула*, *о́кула* сев., *акул* (XVIII в.), адъектив *акулый* (XVII в., в памятнике, восходящем к XVI в.) — саамского происхождения, ср. саам. кольск. *akkåla*, *akkõla*, *a'kkali*, *akkli* и т.п. материал, приводимый С. А. Гердом (1972: 63–69), подробно обосновавшим саамскую этимологию. Саам. < герм., ср. норв. диал. *haakall*, др.-исл. *hákarl* 'Scymnus borealis'. Время заимствования из саамского в русский (видимо, XVI в.) соответствует периоду интенсивного заселения русскими Кольского полуострова.

IV.2. Нижеследующий материал можно расценить как своего рода заметки на полях ЕРСJ, в особенности тех его статей, где предлагаются ареально-географические характеристики слов: «балкански турцизам (грецизам)». Ниже речь идет по преимуществу о тюркизмах (турцизмах и т.п.) и грецизмах, которые попадали также в восточно-

славянские языки — непосредственно из тюркских и греческого (средне-, новогреческого) языков или через южнославянское посредство. Этимологические сведения приводятся лишь в том случае, если есть что добавить к данным ЕРСJ.

IV.2.1. Некоторые из этих заметок связаны с русскими фактами, которые можно расценить как более или менее окказиональные и в принципе не влияющие на ареальные характеристики этого рода:

аравуна 'капара, залога (при уговорању посла)' и др., «балкански грецизам» (ЕРСJ 1: 183) — ст.-рус. *аравона*, *арравонь* 'обручение, обмен кольцами' XVII в. (СРЯ XI–XVII вв. 1: 44).

афйѡн 'Papaver somniferum', «балкански турцизам» (ЕРСJ 1: 241) — ст.-рус. *афиянь* 'опиум' 1652 г. (СРЯ XI–XVII вв. 1: 58).

а̀хтанод 'Octopus vulgaris', «балкански грецизам» (ЕРСJ 1: 244) — ст.-рус. *афтонудь* 'осьминог' 1650 г. (СРЯ XI–XVII вв. 1: 58).

IV.2.2. Имеются факты, которые могут более ощутимо влиять на ареальную характеристику слова, в том числе делать относительным определение «балкански»²:

аһи́язма 'святая вода', «балкански грецизам» (ЕРСJ 1: 67) — рус. *аги́асма* (с XVI в., Срезневский 1: 6.), ст.-блр. *агиязма* (ГСБМ 1: 67).

а̀катист/ак̀атист 'црквена песма' (ЕРСJ 1: 87) — др.-рус. *акафистъ* (с XI в., Срезневский 1: .12), рус., укр. *ака́фист*.

аксамит истор., књижн. 'врста свиле; одећа од такве тканине', также болг. редк. *аксамит* (ЕРСJ 1: 92) — др.-рус. *а(о)ксамитъ* (с XII в.), рус. *аксамит*, также в других славянских (и не только) языках.

а̀кча 'врста турског новца', «балкански турцизам» (ЕРСJ 1: 93) — рус. *акча́* 'деньги' Приуралье, Самара (СРНГ 1: 228) < тат. и др. *ақ-ча́* 'деньги, монета' (< *ақ* 'белый' + суфф. *-ча́*). В тюрк. (ср. и тур. *акче́*) предположительно калька с ср.-греч., см. ниже *аспра*.

а̀лаца 'врста шарене тканине; халина од ње', «балкански турцизам» (ЕРСJ 1: 115) — рус. *аладжá*, *алачá* 'шелковая и полшелковая полосатая турецкая ткань', *алача* 'бухарская ткань' (1472 г., Срезневский 1: 17), также в укр. и блр. < тур. *alaca* 'пестрая ткань', тат. *алача́* 'пестрядь' < *ala* + суфф. *-ча́*.

ал 'црвен' (ЕРСJ 1: 95) — рус. *а́лый* (с XIV в., Срезневский 1: 20).

² Ср. статьи ЕРСJ *ага*, *Арап(ин)*, *Арнаут(ин)*, где материалу дается характеристика «балкански и восточноевропейски турцизам», а также статьи *арханђео*, *архијереј* («интернационални грецизам из хришћанске терминологије»). Слово *аршин* определено как «балкански турцизам», но упоминается о рус. *аршин* < тюрк. (ЕРСJ 1: 221).

âṁāl «носач» и др., «балкански и источноевропски турцизам» (ЕРСЈ 1: 141) — ст.-рус. *аммалъ* 'носильщик, грузчик в странах мусульманского Востока' (1665 г., СРЯ XI–XVII вв. 1: 36) < перс. *ham-tāl*, курд. *hamāl* 'носильщик, грузчик' < араб. Ст.-рус. *аммалъ* забыто, но до сих пор широко известно рус. *амбáл* 'здоровяк, силач', стар. 'перс, рабочий в Астрахани и в портах Каспийского моря; грузчик, чернорабочий' Нижнее Поволжье (Даль 1: 14; СРНГ 1: 250, 254). По-видимому, случайно совпадение с именем осетина *Амбала* (*Амбалъ ключьникъ Ясинъ родомъ*) — участника убийцы князя Андрея Боголюбского, которое тождественно осет. *æmbal*, *ænbal* 'товарищ, спутник (по походу)', ср. осет. фамилию *Æmbaltæ* 'Амбаловы' (Абаев I: 134–135).

араба/араба 'обична теретна кола, најчешће са воловским запрегом', «балкански турцизам» (ЕРСЈ 1: 182–183) — рус. *арба́* (с XVII в.), укр. *га(а)рба́*.

âспида 'змија, гуја; зла жена', «балкански грецизам» (ЕРСЈ 1: 227) — ср. др.-рус. *аспида* (с XI в., Срезневский 1: 32), рус. *áспид*, также укр. и блр.

аспра 'стари турски ситан сребрни новац; најситнија новчана јединица', «балкански грецизам» (ЕРСЈ 1: 228) — ст.-рус. *аспра*, *аспръ* (XVI–XVII вв.).

âтлас 'сјајна свилена тканина', «балкански турцизам» (ЕРСЈ 1: 235) — ст.-рус. *отласъ* (с XV в., СРЯ 1: 57), рус. *áтлас*, также в укр., блр., польск., чеш.

Аџам 'Персија', ст.-серб. *ачамьскыи* XVI в., «балкански турцизам» (ЕРСЈ 1: 248) — ст.-рус. *азямский* (1492 г., СРЯ XI–XVII вв. 1: 25) 'персидский' (также в укр.), сюда же *азям* как название крестьянского кафтана (с XVII в.). Вост.-слав. факты восходят к тому же арабскому источнику. Согласно А. Дыбо (2003: 33–34), *азямский* из польск. *adziamski* < венг. < тур. < араб., но в рус. скорее от мишарских татар, где *dž* > *z*, ср. рус. *таджик* и ст.-рус. *тезикъ* 'купец' (XVII в.), которое прошло татарско-мишарское посредство (Аникин 2006: 22).

IV.2.3. Представляются заслуживающими внимания также следующие примеры:

алакати 'викати *ал-а* или *алах*', 'викати, грајати' — «домаћа изведеница од тур. речи *Allah*» (ЕРСЈ 1: 105) — рус. *алла́кать* 'кричать «алла», «алла», зазывая мусульман в мечеть' перм., Урал (ср. и польск. *allakować*, *allaçhować*, SW I: 29) наряду с *алла́кать* 'говорить по-башкирски или по-татарски' Зауралье, 'говорить без умолку', 'го-

ворить непонятно' перм., ср. *алалá* 'бессмыслица, бред' южнорус. и др. (СРНГ 1: 239).

Арба̀н(ас) 'Албанац' (ЕРСJ 1: 188–189) — ст.-рус. *албанасы* plur., 1675 г. (СОЛЯМР XVI–XVII 1: 43) < ? серб.

стрóлиг диал. (Дубровник) 'гаталац по звездама; особа, која га-та, врача' и др. (ЕРСJ 1: 230) < венец. *stroleg(o)* = итал. *(a)strologo* (Skok 1: 67) — (?) ст.-рус. *setrollicq* = *стролик* в «Парижском словаре московитов» 1586 г., изданном Б. А. Лариным (1948: 112). Это слово объясняется в том же памятнике с помощью синонимичного *seuuez dachocq* = *звездочет*. Рус. < венец.?

Сокращения

Аникин 2003 — А. Е. Аникин: *Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири*, Новосибирск.

Аникин 2006 — А. Е. Аникин: О дополнениях к тюркским этимологиям в словаре М. Фасмера, *Studia turcologica cracoviensia* 10, 19–26. Kraków

Герд 1972 — А. С. Герд: Акула, *Этимологические исследования по русскому языку* 7, 63–69. Москва.

Даль = Даль².

Дыбо 2003 — А. В. Дыбо: Азям, *Новое в русской этимологии* 1, 33–34. Москва.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк: *Древненовгородский диалект*. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003. Москва.

Илиади 2003 — О. И. Илиади: Рецензия на Аникин 2000, *Студії з ономастики та етимології* 2003, 130–157. Київ.

Ларин 1948 — Б. А. Ларин: *Парижский словарь московитов* 1586 г., Рига.

МСФУСЗ — Н. В. Кабинина, А. К. Матвеев, О. В. Мищенко, О. А. Теуш: *Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера* под ред. А. К. Матвеева, Екатеринбург 2004 –.

НОС — *Новгородский областной словарь*, Новгород 1992–.

ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*, Ленинград 1967–.

СОЛЯМР XI–XVII — *Словарь обыденного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.*, Санкт-Петербург 2005–.

СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*, Санкт-Петербург 1994–.

ТРС — *Татарско-русский словарь*, Москва 1966.

Хелимский 2002 — Е. А. Хелимский: Трансъевразийские аспекты русской этимологии, *Русский язык в научном освещении* 2 (4), 75–90. Москва.

Aleksandr Evgen'evič Anikin (Novosibirsk)

Writing Supplements to the “Russian Vasmer”

Summary

The article deals with the prospects of a new series of addenda to M. Vasmer's “Russisches etymologisches Wörterbuch” in addition to those already included in the Russian version of this dictionary by its translator, O. N. Trubachev. A systematic enlargement of Vasmer's word-list by new items leads to a transformation of addenda into an independent etymological dictionary. This thesis is illustrated here both by the loan-words (*amantalón* ‘leave me alone!’, *ámbus* ‘shoe-maker's instruments’, *andróny* ‘jokes, tales’) and the inherited ones (*báhory* ‘bast-shoes’, *ovud*, *oúd* ‘spring ryes’). Some words hitherto claimed as Proto-Slavic have proven to be late borrowings (*bagán* ‘pole for yurtá’, *balamyka* ‘thin oatmeal porridge’, etc.). The final section of the article is devoted to the comparison of Russian (East-Slavic) data with South-Slavic materials found in ERSJ (*afijanъ* ‘opium’, *afiorudъ* ‘octopus’, etc.).

anikin@philology.nsc.ru

Елена Львовна Березович (Екатеринбург)

**Слова и вещи — или слова без вещей?
(о «культурно-исторической» мотивации
в сфере славянской ксенонимии)***

В статье анализируются славянские ксенонимы — семантические дериваты этнонимов, которые реализуют обобщенные представления о чужих народах. С опорой на методику мотивационных параллелей автор показывает специфику этимологической интерпретации ксенонимов: учет факторов культурно-исторического плана в этой сфере нередко менее результативен, чем учет обобщенных признаков «странный», «аномальный», «вредный» и т. п. Данная проблема методики этимологического исследования рассматривается на примерах четырех реконструкций: I. чеш. *za uherský měsíc* 'никогда'; II. польск. диал. *litewniczka* 'божья коровка'; III. рус. простореч. *цыганская жара* 'холод, озноб'; IV. словц. диал. *cigańska choroba* 'глазная болезнь, трахома', рус. влг. *татарка* 'то же', влг. *зырянская болезнь*, *зыряне пришли* 'куриная слепота'.

Ключевые слова: славянские языки, ксенонимия, семантическая реконструкция, мотивация, мотивационная параллель, культурно-исторический контекст (фон).

Современная этимология не мыслит себя без той фундаментальной исследовательской установки, которая была сформулирована в начале XX в. в рамках знаменитой школы «Wörter und Sachen». Этимологи стали историками не только слов, но и вещей (в широком смысле), реалий, хорошо усвоив тезис о необходимости проследить движение волн вещей, которым сопутствуют волны слов, выявить культурно-исторические обстоятельства, отраженные в лексических единицах. Однако этот тезис не всегда согласуется, как представляется, с другим тоже известным, но слабее звучащим в этимологии положением, — о разных принципах организации мира слов и вещей и, соответственно, о непрямом характере связей между этими мирами.

Вопрос о том, как соотносить между собой эти положения, очень сложен, многогранен и не может быть, разумеется, разрешен в рамках небольшой статьи. Наша задача значительно скромнее — проанализи-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 06–04–00591а.

ровать некоторые ситуации, когда мотивационное значение лексических единиц не вытекает напрямую из культурно-исторического контекста, и попытаться вскрыть причины расхождения слов и вещей.

Для подобных наблюдений решено было выбрать специальную группу лексических единиц, которые предлагается обозначать термином *ксенонимы*. Ксенонимы — это слова и фразеологические сочетания, возникшие в результате семантической деривации на базе этнонимов (реже топонимов) и мотивированные обобщенными представлениями о чужих народах и землях. Эти языковые единицы скрываются «под маской» конкретного этнического или топонимического обозначения, но при этом отражают представление о чужом как о странном, примитивном, диком, аномальном, несущем вред etc.: рус. сарат. *мордовское солнышко* 'луна' (СРНГ 18: 260), блр. полес. *жыдоўскі дождж* 'дождь при солнце' (Кондратенко 2000: 101), чеш. *čikán, pěteček* 'гриб *Boletus rufus*' (Dial-Brno), польск. *chińskie srebro* («китайское серебро») 'сплав цинка, меди и никеля' (Komenda: 32) и др. Гораздо реже чужое трактуется позитивно, что реализуется в признаке «лучшее по качеству»: рус. яросл. *аглецкий* («английский») 'хороший по качеству, добротный' (ЛКТЭ). Данная группа входит составной частью в такую лексическую сферу, как *deethnonymica* (этнонимы, испытавшие деонимизацию, т. е. этнонимические дериваты в сфере нарицательной лексики, — о них см., например, в Кралик 2006), но выделяется на фоне других этнонимических дериватов тем, что семантика вторичного этнонима не выводится непосредственно из основного значения этнонима первичного, а сохраняет с ним опосредованные связи, выявляя его коннотативный фон. Так, отличие рус. симб. *мордовские лапти* 'лапти, которые носятся с большими белыми онучами и длинными оборами' (СРНГ 18: 260) от приведенного выше ксенонима *мордовское солнышко* 'луна' в том, что название лаптей сохраняет связь с этнонимом (мордва носила лапти указанным способом), в то время как обозначение луны не связано с конкретной этнической основой и буквально читается как «неправильное солнце» (ср. также рус. влг. *казанское солнышко* 'о месяце во время осенней жатвы' (СРНГ 12: 310), укр. *циганське сонце* 'месяц' (ФСУМ 2: 843) и др.). Парадоксальное сочетание конкретного значения производящей основы и обобщенного мотивационного значения самих ксенонимов приводит к тому, что в данной сфере широко представлено явление мотивационного параллелизма: разные производные лексем в различных языках и диалектах дают тождественные или сходные производные значения, подчиняющиеся (предположительно) одной схеме семантического перехода, ср., например, обозначения двойной раду-

ги: укр. *циганска райдуга* (Кондратенко 2000: 101) — польск. *tęcza żydowska* («еврейская радуга») (SW VII: 55). Подробнее о семантическом своеобразии ксенонимов и об особенностях ксеномотивации см. в (Березович 2006).

Таким образом, данная группа подходит для анализа поставленной проблемы по следующим основаниям: первичное значение этнонимов отсылает к реалиям, имеющим культурно-историческую детерминированность; ксенонимы широко представлены в различных славянских и неславянских языках, что дает возможность подбирать к ним междиалектные и межъязыковые мотивационные параллели; в сфере ксенонимии при неизменном денотате наблюдается вариативность внутренней формы слова, как бы «обманывающая» предмет.

Конкретная внутренняя форма ксенонимов побуждает этимологов искать «культурные зацепки» при их этимологизации, находить «вещевое», культурно-историческое обоснование этимологии. Однако «вещевые поддержки» ослабевают и начинают выглядеть ненадежными, когда обнаруживаются мотивационные параллели, образованные от разных этнонимических основ (т. е. одному денотату могут быть приписаны свойства быть одновременно «цыганским», «татарским», «турецким» и др.). Это не означает, что ксенонимам следует полностью отказать в «культурной» мотивации; это значит, что надо различать две стороны проблемы: выбор производящих основ и выбор мотивационного признака. Выбор производящих основ при ксенонимации подчиняется определенным закономерностям, поскольку в рамках каждой локальной лингвокультурной традиции эти основы содержат указания на территориальных соседей, противников в военных действиях, захватчиков и т. п. Что касается мотивационного признака, то он, как говорилось выше, носит обобщенный характер: ксенонимы приписывают конкретному этносу или территории такие свойства, которые — в силу общих закономерностей оценки чужого («ксенопсихологии») — можно было бы отнести ко многим другим (если не ко всем) чужим народам и землям.

В первых трех примерах, приводимых ниже, мотивационные параллели, на наш взгляд, вызывают необходимость пересмотра «культурно-исторических» этимологических версий, представленных в литературе.

И. В. Махек комментирует чешские и словацкие фразеологизмы, в которых неопределенно-длительные промежутки времени обозначаются как «венгерские»: чеш. *za uherský měsíc* 'никогда' (ср.: «Už jsem tě neviděl uherský měsíc», т. е. очень долго; «Pro kafe jsem nebyl

uherský rok», т. е. очень давно), слвц. *uherský rok* 'длительный промежуток времени' (Machek: 667). Приведем еще чешские примеры: чеш. литер. *jednou za uherský měsíc (rok)* '(раз) в кои-то веки; раз в год по обещанию' (VČRS: 1101), диал. *uherský mñesíc* 'неопределенное время', *za òherské měsíc* 'в течение длительного времени' и др. (Dial-Brno), а также укажем, что подобное выражение фиксируется и в украинском языке: *раз на угорський рік* 'то, что редко сбывается' (Тищенко 2007: 8). Объясняя этнический образ, Махек апеллирует к историческим фактам: «Вероятно, выражение связано со временем войн с турками, когда солдаты нанимались на службу к венграм на определенный срок, который, впрочем, в результате продлевался на много лет, иногда пожизненно» (Machek: 667). Думается, что сила этого аргумента ослабеет, если обратиться к фактам мотивационной типологии.

В различных славянских языках встречаются «инородческие» обозначения промежутков времени, которые реализуют несколько взаимосвязанных значений. **Долго**: рус. смол. *жидоўскій зараз* '«сейчас» (говорится иронично, имея в виду, что «сейчас» может обернуться долгим временем)' (СЭС 3: 108), *русский час* 'невесть сколько' (Даль IV: 114), *русский час — с днем тридцать; московский час, подожди с московский час* (Даль ПРН 2: 18, 19), укр. *московський подожди* 'об очень длительном промежутке времени' (Номис: 19), блр. *рускі месяц* 'о чем-то длительном во времени' (ТС 4: 337), польск. *ruski miesiąc* 'то же' (SW V: 775), *za ruski pacierz* («в течение русской молитвы») 'долгое время' (Тищенко 2007: 8), *kalendarz żydowski (żydowskie zaraz)* 'небыстро, неторопливо' (SW VIII: 733); ср. также литов. *gudo¹ mėnesį, gudo metus* («месяц гуда», «год гуда») 'ненормально долго' (Завьялова/Англицкене 2005: 149); **никогда**: рус. простореч. *на турецкую пасху, на русский байрам* (Мокиенко 1999: 314), кубан. *на калмыцкий заговень* (СРНГ 10: 13), укр. *на жидівського Петра, на рахманський великдень, на жидівського Юря, на жидівське пуциньи* (Івченко 1999: 57), полес. *скоро йек турецька паска буде, дочкайес':а йек посл'а к'итайскої паск'і* 'о нереальной ситуации' (Доброльожа 2007: 99, 101), лемк. *дати як руський місяць прийде* (ФСЛГ: 84), кашуб. *na žėdowskié Trzë Króle* (Sychta II: 256); **давно**: серб. *цїганско време* 'выражение, означающее примерно то же, что наше *при царе Горохе*' (Елезовић II: 421).

¹ В данном выражении фигурирует литовский этноним *gūdas*, которым чаще обозначаются белорусы, реже поляки или русские (в прошлом данный этноним мог быть обозначением готов, затем славян).

Как показывает материал, этнонимический эпитет вносит в семантику фразеологизмов значение нереальности, несбыточности: есть «нормальный» час (месяц, год), а есть «неправильный», «неточный», «неопределенный» — ср., кстати, укр. *жидовська міра* 'о неточной мере' (Тищенко 2007: 8), литов. *gudų versta* («верста гудов») 'далеко' (Завьялова/Англицкене 2005: 149) — такой, который должен быть у чужаков, у которых все наоборот. Обобщенность значения этнонимических дериватов снимает необходимость искать конкретную историческую основу данных фразеологизмов. Разумеется, в некоторых случаях историческая (культурная) подоплека просматривается: так, выражение *kalendarz żydowski* отсылает к такой культурной реалии, как древнееврейский лунно-солнечный календарь; эта реалия отражена во фразеологическом фонде некоторых славянских языков — ср., к примеру, болг. *еврейски календар* 'лунно-солнечный календарь, основанный на движении Луны и видимости движения Солнца вокруг Земли', *еврейска ера* 'начало летоисчисления у евреев, которое отличается от сотворения света на 3761 г.' (РБЕ IV: 611)— а также обыгрывается в фольклоре (согласно легенде, записанной в Покутье, православный, католический и иудейский календари раньше совпадали, а потом разошлись, и это объясняется тем, то еврей надел туфли и быстро побежал на молитву в школу, опередив поляка (мазура) и русина; мазур обувался в ботинки и вышел позднее, а русин оказался последним, так как долго возился со своими постонами [СД 3: 479]). В то же время в лексической системе языка сочетания типа «еврейский календарь» включаются в процессы семантической деривации, подчиняются действию регулярных моделей ксенономинии (краткий перечень этих моделей см. в Березович 2006), отдаляясь от «культурной основы» и приобретая обобщенную оценочную семантику.

Возвращаясь к выражениям, использующим образ «венгерского времени», укажем, что для них ссылка на факт истории маловероятна. Скорее, здесь представлена обобщенная ксеномотивация: «венгерское время» = «нереальное, неопределенное, “ложное”». При этом, конечно, сам выбор производящей основы, отсылающей именно к венграм (а не к испанцам или китайцам) определен сложной историей чешско-венгерских контактов и столкновений.

II. Рассмотрим польск. *litewniczka* 'божья коровка' (SW II: 753), кашуб. *lëtewka* (Sychta IV: 19). В этимологической литературе высказывается предположение о том, что в названии отражен факт сходства черных точек на красных крыльях насекомого с зернами гречихи, ср.

польск. диал. *litewka* 'гречиха' (Sławski IV/3: 300–301; SEK III: 171–172). А. Е. Аникин считает слово неясным (Аникин 2005: 211).

Думается, что приведенные названия божьей коровки соотносятся с польск. *litewny*, *litewniany* 'литовский'. Если обратиться к фактам мотивационной типологии, то выясняется, что божья коровка может иметь этнонимические названия, ср. рус. поволж. *черемиска* (записано автором статьи от жителя Ульяновской области), укр. *матарка* (Дзензелівський: 238), *жидивка* (Аркушин 1: 155), а также английское название близкого божьей коровке насекомого — боярышницы *Arogia stataegi* (?) — *Jew* («еврей») (EDD III: 361). Более того, этнонимическая модель широко представлена в обозначениях самых разных видов насекомых, ср. некоторые примеры — **тараканы**: рус. литер. *прусак*, диал. *немец*, *киргиз*, *цыган*, *швед*; укр. *шваб*, *швед*, *жидочок*, польск. *francuz*, *hiszpan*, *góral*, *japonec*, *mazur*, *moskal*, *szwab*, *rus*, серб. *бубашваба*, *бубаруса*; **вредители посевов**: рус. литер. *шведская муха* (*мушка*), *шпанка*, блр. *жмодзь* (< 'литовец'), укр. *шваб*; **кусающие насекомые и паразиты**: рус. карел. *американец*, блр. *нимцы*, *австрийцы*, болг. *турчин-кукурчин*, укр. *москаль*; **улитка без раковины**: болг. *турски дѝл 'уф*, *агу̀пцко п̀але*, *цѝгански пл̀ужьк*, *цѝгански ш̀улей*; **водомерка**: рус. смол. *жидовский писарь*, *жидовская коза*, *цыганка*; **сверчок**: польск. *mazurek*, болг. *цѝганка*; **виды бабочек**: чеш. *zhid*, чеш., словц. *šváb*; **виды муравьев**: болг. *цѝгански (египечки) мраве*, укр. *жидок*, чеш. *пѝтси* и др. (документацию и другие примеры см. в Березович/Кривошапова 2006). По отношению к божьим коровкам этнонимические названия могут иметь различные мотивировки: божьи коровки появляются во множестве, они очень прожорливы, некоторые их виды являются вредителями посевов (для воплощения этих свойств как нельзя лучше подходят образы инородцев). Нельзя исключать также возможности более конкретизированных и индивидуализированных поворотов образа: так, в укр. *жидивка* и англ. *Jew* может быть учтен такой признак, как способность насекомого выделять едкую жидкость, похожую на кровь (а мотив крови является одной из составляющих образа еврея) (Березович/Кривошапова 2006: 30).

Вышесказанное позволяет предполагать, что польск. *litewniczka* и кашуб. *lëtwëwka* вписываются в ряд ксенонимов и имеют обобщенную ксеномотивацию («подобный инородцам»). Выбор образа литовца обусловлен тесными (и далеко не всегда дружественными) контактами поляков с балтийскими народами (этноним *litwin* в польском языке мог быть применен и к белорусам). В качестве «литовского» аргумента можно привести также другие польские «фаунистические» названия, для

которых допускается связь с этим этнонимом: польск. *litwa* 'стая летящих галок', *litwini* 'название, данное мазурами галкам из-за их крика, напоминающего речь литовцев' (SW II: 755; ср. Аникин 2005: 211); ср. также блр. *жмодзь* (< 'литовец') 'саранча' (ЭСБМ 3: 231).

III. Для рус. простореч. *цыганская жара* 'холод, озноб' (ср. также рус. арх. *цыганский жар* 'трескучий мороз' [СРНГ 9: 72]) в источниках указывается следующее мотивационное решение: «Выражение производно от оборота *цыганский пот пронял*, которое характеризует сильно продрогшего человека, намекая на дырявое рубище бедствующего цыгана и на его способ отогреться в мороз барахтаньем до пота. Поэтому если обычно пот вызывает у человека жара, то цыганский пот вызывает *цыганская жара*, т. е. холод» (РФ: 218 — вслед за версиями М. И. Михельсона, И. А. Подюкова).

Приведем другие славянские выражения, связывающие морозную погоду с образом цыгана и прочих инородцев: рус. влг. *немецкое пекло* 'о сильном морозе' (КСГРС), рус. дальневост. *китайские морозы* 'о времени в конце января — начале февраля, когда при большой влажности и сильном ветре несильный мороз становится невыносим' (записано автором статьи от О. В. Беловой), укр. *циганське тепло* 'низкая температура, мороз' (ФСУМ 2: 880), польск. *mróz moskiewski* 'о сильном морозе' (НКРР II: 525), чеш. *tatarský mráz* 'сильный мороз', *tatarská zima* 'очень холодная зима', чеш. *cikánský mraz* 'сильный мороз', *cikánská zima* 'очень холодная зима' (PSJČ VI: 47; I: 253), чеш. *cigánská rosa* 'сильный мороз', 'утренний или вечерний заморозок осенью или весной' (Кондратенко: 101). В германских языках холодная погода может быть связана с образом Иуды, указание на которого нередко замещает номинацию «еврей», ср. нем., голланд. *Judaswinter* («Иудина зима») 'зима поначалу мягкая, но потом лютая' (Страхов 2003: 230). Разумеется, некоторые выражения, представленные в этом ряду, в какой-то мере мотивированы «от реалии» («московский» и «татарский» мороз может быть связан с представлениями о российских холодах), однако не менее сильно звучит здесь логика ксеномотивации, связывающая негативно оцениваемое явление природы с эталонными для пейоративной номинации образами инородцев.

Как было указано выше, озноб (реакция человека на мороз) тоже может быть обозначен через образ цыгана, причем у соответствующих русских сочетаний имеются славянские параллели: укр. *циганський (холодний) піт проймає (охоплює, пробирає)* 'кто-нибудь дрожит от нервного возбуждения, страха, холода и т. п.; кого-нибудь лихора-

дит' (ФСУМ 2: 642), польск. *cygańskie poty* 'холодно, знобит' (SGP IV/3: 580); возможно, славянские (севернорусские) формы дали в карельском языке кальку, ср. карел. *čiganan higeħ iški* («в цыганский пот бросает») 'холодно' (Федотова: 19). Но цыган — не единственный инородец, «вызывающий» озноб, ср. рус. влг. *чухарики*² *пошли* 'о мурашках по коже' (КСГРС). Небезынтересно отметить, что чувство озноба может быть обозначено также с помощью образа сироты, ср. рус. юж. *сіроты* 'дрожь, мурашки от холода, озноба, страха' (СРНГ 37: 351), блр. *сіроты поўставалі* 'о сильном страхе' (ТС 5: 36), польск. *sieroty* 'мурашки по коже от озноба' (SW VI: 108), — а образы сирот часто выступают как аналоги по отношению к образам инородцев, т. е. могут их заменять в составе одних и тех же лексем или фразеологических сочетаний (Березович 2006: 15).

Приведенные факты отчасти снимают необходимость жестко привязывать выражение *цыганская жара* к реалиям цыганской жизни (бедная одежда, привычка согреться «барахтаньем в снегу»). Думается, что такая привязка столь же оправданна, как и попытка носителей чешского языка объяснить сочетание *cikánská zima* 'очень холодная зима' тем, что «ее только цыган выдержит» (PSJČ I: 253).

Эту линию аргументации можно укрепить, приведя дополнительно две группы фактов «внутрицыганской» типологии.

Во-первых, образ цыгана используется для обозначения не только мороза, но и широкого спектра других метеорологических явлений — **дождь при солнце**: блр. *цыганскі дождж*, укр. полес., карпат. *циганський дощ*, серб. *жени се циганин, родило се циганче*, болг. *женели егюците (цыгани)*; **грозовые тучи**: польск. *cygany (cygani) idą (jada)*; **потепление, оттепель**: рус. влг. *цыганская зима* 'теплая малоснежная зима', болг. *циганско лято* 'последние теплые дни в сентябре, которые обычно наступают после Димитрова дня', серб. *циганско лето* 'период времени в 12 дней после Димитрова дня', блр. полес. *цыганьско солнце* 'о пригревающем февральском солнце'; **туман**: укр. полес. *туман циганы напускають*; **осадки**: блр. полес. *цыгански дождь* 'дождь со снегом', чеш. *cygánská rosa* 'иней', болг. *цигански сняг* 'первый снег', серб. *цїгани, циганчићи* 'мелкий град, снежная крупа', хорв. *сїгани* 'снег, который, падая, не тает и имеет вид зерен'³; **ветер**: болг. сев.-зап. *цигански ветар* 'севе-

² Влг. ирон. *чухари, чухарики* 'вепсы' (КСГРС).

³ Отметим, что по поводу хорватского факта в литературе высказывались различные точки зрения. По мнению составителей RJA, слово *сїгани* не связано с этнонимом, а ведет происхождение от итал. *sicciolo, cicciolo* 'шкварки от сала' (RJA 1: 779).

ро-западный ветер' и др. (подробнее см. в Березович 2006: 8). Образ цыгана проявляет бóльшую «метеорологическую активность», чем образы других инородцев (хотя «еврей» ненамного уступает «цыгану»), но мотивация практически всех инородческих наименований метеорологических явлений едина: «необычный, диковинный», «аномальный». Любые изменения погоды воспринимаются людьми как события — не говоря уже об относительно редких и необычных погодных процессах. Поэтому из различных смысловых возможностей донорского кода (названий чужих народов и земель) реципиентной смысловой областью (областью метеорологической лексики) оказывается востребованным именно признак необычного, аномального.

Во-вторых, признак аномального, ненастоящего, неполноценного оказывается присущим не только метеорологической лексике «цыганского происхождения», ср. рус. *цыганские кораллы* 'продолговатые бусы коричневого цвета' (СРГНО: 577), болг. *циганско мляко* 'род водки' (ФРБЕ 2: 498), польск. *cygańskie mięso* 'падаль' (НКРР I: 345), чеш. *cikánsky knelliky* 'кнедлики из одного теста, без начинки' (Dial-Bрно), слвц. *cigański zup* 'зуб бороны' (SSN I: 210) и др.

IV. Приведенные выше примеры говорили о том, что при мотивационной интерпретации ксенонимов следует учитывать обобщенные признаки «странный», «аномальный», «нереальный» и т. п., которые могут быть более значимы, чем конкретные культурные и исторические обстоятельства, стоящие за тем или иным денотатом. Сказанное совсем не означает, что в сфере ксенонимии отсутствуют «вещевые поддержки». В реальных биографиях слов, в живой языковой стихии сталкивается множество импульсов, идущих как от «вещевых» условий, от культурной ситуации, так и от универсальных (в известной мере) представлений о свойствах инородцев. Рассмотрим эту ситуацию подробнее на примере славянских диалектных названий глазных болезней, образованных от этнонимов: слвц. диал. *cigańska choroba* 'глазная болезнь, трахома' (SSN I: 209), рус. влг. *татапка* 'глазная болезнь (трахома?)' — «Татаркой у стариков болели, глаза у их такие страшные, как спят, а вдруг бельмы сделаются», влг. *зырянская болезнь, зыряне пришли* 'куриная слепота' (КСГРС).

Наиболее ясным в мотивационном отношении представляется словацкое *cigańska choroba*. Для этого слова можно предположить связь с названием трахомы (одного из самых тяжелых эпидемических

Однако обширный ряд «цыганских» обозначений погодных явлений заставляет предпочесть этнонимическую версию (ее придерживается также П. Скок, указывая, что значение 'снежная крупа' есть результат метафоры на базе этнонима [Skok 1: 261]).

видов конъюнктивита, который нередко приводит к слепоте), присутствующим в международной медицинской номенклатуре, ср. рус. *египетский конъюнктивит* (БСЭ 15: 462), польск. *egipskie zapalenie oczu* (Komenda: 18), англ. *Egyptian ophthalmia* (ABBYY Lingvo 11), нем. *ägyptische Augenkrankheit, ägyptische Augenentzündung* (Komenda: 17) и др. Что в данном случае обозначает определение «египетский»?

Различные источники по истории медицины единодушны в том, что Египет и Ближний Восток являлись очагами, где с древних времен была известна трахома (здесь обитают хламидии, вызывающие это заболевание) и откуда она распространялась по миру. Появлению трахомы в Европе во многом способствовал Египетский поход Наполеона: жара, мухи, грязная вода, скученность, бывшие неотъемлемыми атрибутами походной жизни, послужили благоприятной почвой для развития заболевания глаз, с которым еще не встречалась Европа. Слепые солдаты толпами возвращались домой, принося опасную болезнь. Версия о таком пути распространения заболевания подтверждается тем, что масштабные эпидемии трахомы фиксируются в Европе именно с начала XIX в. Таким образом, определение «египетский» отражает реальный исторический факт.

В разных европейских языках существует тесная связь между топонимом *Egynet* и словами, называющими цыган, т. е. «египетская» (или «фараонская») мотивация названия цыган (венг. *farao népek* «фараонов народ», англ. *gypsy*, исп. *gitano* «египтянин», макед. диал. *агунти, гунци* «египтяне» и др.). Она объясняется тем, что одна из зон (территория Сирии, Ливана и Кипра), где, по преданию, кочевали цыгане, называлась *Малый Egynet* (Абраменко/Кулаева 2004: 10). «Фараонская» версия происхождения цыган фиксируется и в словацких говорах, ср. *farahún* 'цыган' (Кралик 2006: 165).

Эти факты говорят о том, что словц. *cigaňska choroba* можно считать диалектной переработкой номенклатурного названия трахомы, отражающего, повторим, историческую реалию.

Что касается рус. влг. *татарка* 'трахома', то для него возможности «реальной» мотивации являются более слабыми. Некоторые «исторические» аргументы есть: во-первых, в дореволюционной России значительное распространение трахома имела среди народностей, заселявших Приволжско-Камский край (чуваша, мари, удмурты, татары, мордва и др.) (БСЭ 43: 175); во-вторых, отдельные очаги трахомы в России могли появиться в XII–XIV вв. вместе с кочевниками Чингисхана, которые заражались, проходя через Среднюю Азию (Квасова 2003: 7). Однако эти аргументы не абсолютны: в XIX в. трахома отмечалась в России практически повсеместно; массовые эпидемии забо-

левания, которые могли бы вызвать острую потребность в специальном имени для этой болезни, фиксируются не во времена Чингисхана, а лишь в 1817–1818 гг. среди оккупировавших Францию русских войск, которые затем принесли эти эпидемии на родину (Квасова 2003: 9), поэтому участие кочевников Чингисхана в распространении болезни могло пройти номинативно «не замеченным».

Думается, что в рус. *татарка* прочитываются не только (или не столько?) реальные обстоятельства, связанные с появлением или распространением заболевания, но и ксеномотивация, безразличная (еще раз подчеркнем: на уровне выбора мотивационного признака, а не производящей основы!) к историческим реалиям. Эта ксеномотивационная составляющая усиливается (и становится доминантной) для рус. влг. *зырянская болезнь*, *зыряне пришли* 'куриная слепота'.

Для обоснования ксеномотивационной версии можно привести следующие аргументы.

В славянских народной картине «инородческого мира» устойчиво фиксируется мотив слепоты, который находит объяснение в связи с общими представлениями о демонической природе и аномальности чужих народов. Считается, что евреи не видят солнца (польск. «*Żyd słońca na niebie nie widzi, tylko udaje, że widzi*»), поэтому носят наручные часы; что инородцы рождаются слепыми, подобно животным, и требуется определенное время или особые манипуляции, чтобы новорожденный прозрел (это рассказывают, к примеру, поляки о евреях и о мазурах, а украинцы о поляках, ср. укр. *лях-девятьденник*, отражающее представление о том, что лях открывает глаза на девятый день после рождения) и т. п. (Белова 2006: 52–53). Французский инженер Гийом де Боплан в описании старых украинских обычаев обратил внимание на представления о слепоте татар после рождения (Тищенко 2007: 9). Верования такого рода отражены в славянской лексике и фразеологии: рус. *слепороды*, *слепоротая Вятка*, *вятской слепень* 'прозвище вятчан': «Вятчане слепороды: коли станет смеркаться, так не видят» (Воронцова 2002: 243; СРНГ 6: 90), влад., ряз. *дулеб* 'слепой, косой, разноглазый (человек)' (СРНГ 8: 253), *чудь белоглазая* (Даль IV: 612), укр. полес. *сл'іни йек мазур* (Добролюбожа 2007: 101), польск. *ślepy tatar*, *ślepy turek* 'о парне, слепом на один глаз' (Poszukiwania: 185), *Ślepy mazur od ciemnej gwiazdy* (НКРР II: 420), кашуб. *Izákóv'íd* («зрение Исаака») 'о плохом зрении' (Семенова 2006: 55). Ср. также рус. ср.-обск. *слепые глаза* 'узкие глаза' (СРНГ 38: 266) (признак «узкоглазости» характеризует многих инородцев). Все это может иметь непосредственную связь с образами инородцев в названиях глазных болезней, ведущих к временной или

постоянной слепоте (осознание болезни глаз в образах инородцев поддерживается также тем, что трахома дает ощущение инородного тела в глазах).

Кроме того, мотив инородцев встречается в обозначениях дремоты, состояния сонливости (они имеют отношение к обсуждаемой теме, поскольку сонливость, как и слепота, есть «невидение»; отметим также, что при некоторых глазных заболеваниях, в том числе трахоме, глаза больных полуоткрыты — и это придает заболевшим характерный сонный вид). Ср. рус. ворон. *калмык на шею сел* 'дремлется, хочется спать' (СРНГ 12: 363), влг. *калмык на шее сидит* 'то же' (КСГРС), польск. *żyda wozić, żyda bić* 'дремля, «клевать носом»' (SW VIII: 732), *cygón mi depce po oczach* («цыган залез в глаза») (NKPP I: 343), *żyd mi depce po oczach, gorol⁴ mi depce po oczach* («жид (гураль) залез в глаза»), *cygani na oczach* («цыганы в глазах») (Ondrusz: 74, 241, 38), кашуб. *žėdov ličęc* («жидов считать») 'дремать сидя' (Treder 1989: 14), *Ábram komu zazera do oči* («Абрам кому-л. заглядывает в глаза») 'кого-л. клонит в сон' (Семенова 2006: 190, 55), ср. нем. (вост.-прусс.) *die Samaiten kommen* («жемайты идут») 'о сонливости у детей', литов. *žydąs lenda į akis* («еврей лезет в глаза») 'то же' (Аникин 2005: 148). Появление образов инородцев мотивировано тем, что дремота относится к тем физиологическим состояниям, с которыми нередко «борются», которые могут «захватить» человека врасплох и сопровождаться ощущением угнетения. Для обозначения целого ряда таких состояний используются названия чужих народов⁵.

Приведенные факты позволяют предполагать, что анализируемые названия глазных болезней имеют ксеномотивационный компонент, который проявляется в одних случаях слабее, в других сильнее. Слвц. *cigaňska choroba*, которое, кажется, имеет реально-историческую мотивацию, не может не включиться в ряд ксенонимов хотя бы

⁴ В данном фразеологизме может функционировать как этноним «гураль», так и «еврей», ср. польск. жарг. *góral* 'еврей' (по названию Синайской горы).

⁵ Ср.: рус. влг. *цыган народился* 'говорится при чихании', забайк. *татап* 'болезнь, вызывающая, подобно чесотке, сильный зуд', перм. *татапа (молотят) в голове* 'о состоянии головокружения от усталости', перм. *вятские приехали* 'шутл. о мепсах' (ср. также франц. *débarquement des anglais* («высадка английского десанта») 'то же'), рус. кубан., укр. *жидовка* 'лихорадка, нападающая ночью', костр. *немцы молотят / играют в брюхе* 'о чувстве голода', слвц. *cigáni mi v bruchu vyhrávajú (klince kujú)* 'о чувстве голода', польск. *będą ci cyganie śniłi, tatarzy mi się przysnią* 'если кто-нибудь идет спать голодным, ему должны сниться неприятные сны', *moskal* 'густые выделения из носа', кашуб. *żid komus pale z nosa wětika* 'о сопливом (обычно ребенке)', *śec žėda v kolańe* 'реагировать на щекотку' и мн. др. (подробнее см. в Безрезович 2006: 13).

на уровне восприятия; для рус. *татарка* ксеномотивационная версия более правдоподобна, чем «историческая»; для выражений *зырянская болезнь* и *зыряне пришли* она вообще является единственной. При отсутствии исторической мотивации «зырянских» названий для них можно предполагать подоплеку системно-языковую: выбор этнонима *зырянин* для обозначения глазных болезней, возможно, осуществлен вследствие «наводки» со стороны слов гетерогенного гнезда *зыр-*, ср. рус. простореч. *зырить* '(экспр.) смотреть, глядеть', *зырк!* 'о быстром движении глаз', *зырить* орл. 'рассматривать, разглядывать', дон., перм., тобол. 'видеть', нвсиб. *зырок* 'зрачок', кубан. *зыреньки* 'глазки' (СРНГ 12: 38–39), *слепозыря* 'разиня, зевака' (СРНГ 38: 266) и др.

Литература

- Абраменко/Кулаева 2004** — О. Абраменко, С. Кулаева, *История и культура цыган*, Санкт-Петербург.
- Аркушин** — Г. Л. Аркушин, *Словник західнополіських говірок*, Луцьк, 2000. Т. 1–2.
- Белова 2006** — О. В. Белова, *Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование)*, Дис. д-ра филол. наук, Москва.
- Березович 2006** — Е. Л. Березович, О явлении лексической ксеномотивации, *Вопросы языкознания* 6, 3–18, Москва.
- Березович/Кривошапова 2006** — Е. Л. Березович, Ю. А. Кривошапова, Этнонимическая модель в славянских названиях насекомых, *Studia Etymologica Brunensia* 3, 17–35, Praha.
- БСЭ** — *Большая советская энциклопедия*, Москва, 1949–1958. 2-е изд. Т. 1–51.
- Воронцова 2002** — Ю. Б. Воронцова, *Коллективные прозвища в русских говорах*, Дис. канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Гринченко** — *Словарь украинского языка*, Сост. Б. Гринченко, Киев, 1907–1909. Т. 1–4.
- Даль** = Даль₂ 1955.
- Даль ПРН** — *Пословицы русского народа*, Сборник В. Даля, Москва, 1993. Т. 1–3.
- Дзензелівський** — Й. О. Дзензелівський, *Програма для збирання матеріалів до Лексичного атласу української мови*, Київ, 1987.
- Доброльожа 2007** — Г. Доброльожа, Из спостереження над етнонімами як складовими української поліської фразеології, *Етнолінгвістичні студії* 1, 95–104, Житомир.
- Завьялова/Англицкене 2005** — М. Завьялова, Л. Англицкене, Стереотип поляка глазами литовцев, *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury* 17, 145–186, Lublin.
- Івченко 1999** — А. О. Івченко, *Українська народна фразеологія: Ономаціологія, ареали, етимологія*, Харків.
- Квасова 2003** — М. Д. Квасова, *Как избежать конъюнктивита*, Москва, Санкт-Петербург.

- Кондратенко 2000** — М. Кондратенко, *Лексика народной метеорологии: Опыт сравнительного анализа славянских и немецких наименований природных явлений*, München.
- Кралик 2006** — Л. Кралик, Из словацкой диалектной лексики: *deethnonymica, Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж. Ж. Варбот*, 161–169, Москва.
- КСГРС** — *Картотека Словаря говоров Русского Севера* (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
- ЛКТЭ** — *Лексическая картотека ТЭ УрГУ* (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
- Мокиенко 1999** — В. М. Мокиенко, *Образы русской речи: Историко-этимологические очерки по фразеологии*, Санкт-Петербург.
- Номис** — М. Номис, *Українські приказки, прислів'я та таке инше*, Санкт-Петербург, 1864.
- РФ** — А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова, *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*, Москва, 2005.
- СД** — *Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах*, Москва, 1995-. Т. 1-.
- Семенова 2006** — А. В. Семенова, *Идеографическая классификация кашубской фразеологии и языковая картина мира кашубов*, Дис. канд. филол. наук, Москва.
- СРГНО** — *Словарь русских говоров Новосибирской области*, Новосибирск, 1979.
- Страхов 2003** — А. Б. Страхов, *Ночь перед Рождеством: народное христианство и рождественская обрядность на Западе и у славян*, Cambridge — Massachusetts.
- СЭС** — В. Н. Добровольский, *Смоленский этнографический сборник*, Санкт-Петербург, Москва, 1891–1903. Ч. 1–4.
- Тищенко 2007** — О. В. Тищенко, Мовно-культурний образ «своїх і чужих» в етнономінаціях: семантика й прагматика (на матеріалі західно- та східнослов'янських мов і фольклору), *Слов'янський вісник* 7, 3–14, Ривне.
- Федотова** — В. П. Федотова, *Фразеологический словарь карельского языка*, Петрозаводск, 2000.
- ФРБЕ** — К. Ничева, С. Спасова-Михайлова, К. Чолакова, *Фразеологичен речник на българския език*, София, 1974–1975. Т. 1–2.
- ФСЛГ** — Н. Вархол, А. Івченко, *Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини*, Братіслава, 1990.
- ФСУМ** — *Фразеологічний словник української мови*, Київ, 1993. Кн. 1–2.

*

- АВВУУ Lingvo 11** — *АВВУУ Lingvo 11: шесть языков. Электронный словарь* (www.lingvo.ru).
- Dial-Brno** — *Архив отдела диалектологии Института чешского языка Академии наук Чешской Республики* (Брно).
- EDD** — *The English Dialect Dictionary*, Oxford, 1981. Vol. I–VI.

- Komenda** — B. Komenda, *Holendrować z angielskim humorem: Słownik znaczeń sekundarnych nazw narodowości i krajów w języku niemieckim i polskim*, Szczecin, 2003.
- NKPP** — *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*, W oparciu o dzieło S. Adalberga, Warszawa, 1969–1978. T. 1–4.
- Ondrusz** — J. Ondrusz, *Przysłowia i przemówiska ludowe ze Śląska Cieszyńskiego*, Wrocław, 1960.
- Poszukiwania** — Poszukiwania, *Wisła*, VII, 11, 165–185, 1893.
- SGP** — *Słownik gwar polskich*, Kraków, 1979–. T.1, z.1–.
- Treder 1989** — J. Treder, *Frazeologia kaszubska a wierzenia i zwyczaje (na tle porównawczym)*, Wejherowo.
- VČRS** — *Velký česko-ruský slovník*, Praha, 2005.

Elena L'vovna Berezovič (Ekaterinburg)

**Words and things — or words without things?
(about “cultural-historical” motivation in the domain of Slavic xenonyms)**

Summary

The article highlights Slavic xenonyms — semantic derivatives of ethnonyms, which reflect the generalized ideas about alien nations. The author points at the specific features of their etymological interpretation, where an insight into cultural and historical factors of motivation often proves to be less conclusive than taking into consideration the following traits: “strange”, “anomalous”, “harmful”, etc. This problem of strategy of etymological research is analyzed on the example of four reconstructions: 1. Cz. *za uherský měsíc* ‘at no time, not once’; 2. Pol. *litewniczka* ‘*Coccinella septempunctata*’; 3. Russ. *cyganskaja žara* ‘cold, frost’; 4. Slk. *cigaňska choroba*, Russ. *tatarka* ‘trachoma’, Russ. *zyrjanskaja bolezň*, *zyrjane prišli* ‘hemeralopia’.

berez@mail.ur.ru

ISBN 978-86-7025-451-0, (2007), p. (27–40)

УДК 811.163.4'282

811.163.4'373.6

811.163.4'367.625

Марта Бјелетић (Београд)

**С.-х. ни њири, ни вири „не расте, не успева“:
формално-семантички паралелизам глаголских гнезда
као пут ка етимологији***

Полазећи од израза *ни(њи) њири ни(њи) вири* „не расте, не успева“, у раду се предлаже етимологија глагола *њњрињи, њњрњм* „расти, напредовати“, који се смешта међу континуанте псл. **perti, pьrǫ*. То се чини на основу формално-семантичке анализе гнезда глагола *-њријењи* и поткрепљује примерима паралелног формално-семантичког развоја континуаната псл. **verti, vьrǫ*, којима припада други глагол из поменутог израза — *вњрињи, вњрњм* „расти“.

Кључне речи: српско-хрватски језик, дијалекат, глагол, формално-семантички паралелизам лексичких гнезда, етимологија.

У српско-хрватском језику постоји израз *ни њири, ни вири* у значењу „не расте, не успева“. Израз је релативно слабо потврђен, а бележе га РСА и РЈА, углавном на основу истих извора: *ни(њи) вири (ни)њи њири* Дубровник, Оно наше двоје крмади ни вире ни пире, но нешто мршави, те немам их рашта убијати Херцеговина, Земља од суше испуцала, незрело воће отпада, виногради ни пире ни вире Врчевић (РСА, РЈА s.vv. *вњрињи*), Остало му је једно чаме ... које ни пири ни вири, ни расте ни преде Љубиша, Крава му није ни пирила ни вирила Стон (РЈА s.v. *њњрињи*).

Од дијалекатских извора, само речник дубровачког говора доноси овај израз, што нам говори да је он још увек присутан у живом говору: *нњ њири, нњ вири / нњњи њњри, нњњи вњри* „каже се за нешто што слабо напредује (најчешће о растињу)“: Пресадићу ово цвијеће, јер овако ни пири, ни вири — Дјеца нити пиру, нити виру! — Ова спарога ни пири ни вири (Бојанић/Тривунац). На основу наведених потврда могао би се оцртати ареал разматраног израза, који би обухватао Дубровник, јужно Приморје, евентуално и херцеговачко залеђе.

* Овај текст је резултат рада на пројекту 148004: „Етимолошка истраживања српског језика и израда *Етимолошког речника српског језика*“, који у целини финансира Министарство науке Републике Србије.

Израз садржи два глагола, *вириџи* и *џириџи*. Ови глаголи су у РСА и РЈА реконструисани углавном на основу поменутог израза, у оквиру којег су једино и потврђени, и то као *вџириџи*, *вџрим* „расти“ (РСА, РЈА s.vv.) и *џџириџи*, *џџрим* „расти, напредовати“ (РЈА s.v.). За глагол *џириџи* истиче се да се јавља још само код Стулића, у значењу „*crecere*“, и констатује се да му је „постање тамно“ (РЈА l.c.).

И док глагол *џџириџи* до сада није привукао пажњу етимолога, дотле је за глагол *вџириџи* понуђено етимолошко тумачење. То је, пре свега, било могуће зато што *вџириџи* није тако усамљено као *џџириџи*, тј. оно има ширу лексичку породицу у коју спадају следећи облици: *вџираџи* „расти, напредовати, успевати, бујати“: Непосредно ђубрење ... је врло хрђаво за репу, јер трава онда брзо вира — Не вирам ка други људи. Вршњаци смо, а, ето, ја остадо' ка' петлић — Што су ти крцави пилићи, моји баш вирају? Параћин, Све што ради, вира му Левач (РСА)¹, *вирајем* „добро напредовати, расти, развијати се (о детету)“: Убаво га дете чува, ал оно па такој срсаво, ич ву не вирае, „успевати, бујати (о биљкама, усевима)“: Компири не мож да вираев у онуј њиву Јабланица (Жугић), „напредовати“: Чувам га, од све га браним, ама не помага: не вираје па тој ти је Лесковац (Митровић), *вираје* 3. sg. „успевати, напредовати, развијати се (о биљу)“: Овој ми цвеће не вираје, мора га пресадим Каменица код Ниша (Јовановић В.), Пирот (Живковић), Власотинце (грађа РСА), *вирае* „расти, живети, постојати, развијати се, напредовати“: Момчету мати дооди, | Студену воду доноси, | Те му коренџ пољева, | Те му коренџ вирае Тимок (Динић I), *вира* „расти снажно, бујати (о растињу)“ Црна Река (Марковић I). Исти глагол посведочен је у македонском и бугарском, уп. мак. *вирее* „расти, бујати“, буг. *вирѐа* „расти, добро се развијати (о биљкама)“.

Бугарски глагол доводи се у везу са буг. *вира* „дизати, издизати“, које се сматра сродним са *вра* „гурати“ < **verti* (БЕР 1:151). Черниш овим лексемама прикључује и с.-х. *вџириџи* „расти“, констатујући да је свима њима својствена семантика кретања усмереног увис, из које затим произлази семантика раста. Ауторка при том сматра да сви поменути облици припадају гнезду **ver-* / **vbr-* / **vor-* „гурати, спајати, затварати“ (Черниш 2003:221; прихвата Бјелетић 2006:169).²

¹ Иако облик *вџираџи* има готово истоветно значење као *вџириџи*, аутори РСА не упућују са једног облика на други.

² Сличну семантику развио је и глагол који припада фонетски блиском гнезду **vbrĕti*, а то је облик *навираџи* „надолазити, нарастати под утицајем врења, бубрити; уопште растити, нарастати [проред М.Б.], надолазити, бујати“: Прешао [бих] погледом плодну долину и видео како све око мене клија и навире (РСА). Овај облик је у ЭССЯ 24:7 смештен s.v. **navirati* I, за разлику од овде наведеног (в. даље) хомоним-

Мак. *вирее* и буг. *вирѣя* упућују на закључак да је првобитни наставак глагола био *-ѣти*. Како је у многим српско-хрватским говорима (не само икавским, већ и у јекавским, али и у добром делу екавских, нпр. у шумадијско-војвођанским и смедеревско-вршачким), *-ѣје-* фонетски дало *-ије-* > *-ѿ-*, и облик *вѿриѿи* се готово сигурно може свести на **virĕti*.³ Што се тиче облика *вѿраѿи*, он је вероватно настао секундарно, заменом *-ѣти* са *-ати*.⁴

Што се тиче разлике у акценту између западног *вѿриѿи* и левачког и параћинског *вѿраѿи* с једне, и источносрпског *вирá(је)*⁵ с друге стране, треба имати у виду чињеницу да у параћинском говору нема инфинитива, те да су, према сазнању Софије Милорадовић, поред у примеру наведеног облика који би требало да звучи *вирáју*, могући и облици *вирáу* и *вирáду*. Што се пак места акцента тиче, С. Милорадовић сматра да су подједнако могуће варијанте *вѿра(ѿи)* и *вирá(ѿи)*, слично као *чѿѿа(ѿи)* и *чѿѿá(ѿи)*.

Ако, дакле, разлика у акценту не би представљала проблем, глагол *вѿриѿи* / *вѿраѿи* могли бисмо сместити међу континуанте псл. **verti*, *врѣ*, којима припада разграната породица с.-х. глагола *врије-*

ног *навѿраѿи* „трудити се да се нешто постигне, упињати се“, који је смештен с.в. **navirati* II (ibid. 7–8). О семантичкој контаминацији лексема које припадају гнездима **врѣти* и **verti* детаљније в. Варбот 1995, уп. и Бјелетић 2006а:40–41.

³ Разматрајући паралелизам инфинитивних основа на *-ѣти-* и *-ити-* на прасловенском плану, Варбот указује на специфичну улогу основа садашњег времена на *-и-* код глагола на *-ѣти*, под чијим утицајем долази до преобразовања инфинитивних основа на *-ѣти* у основе на *-ити* (по моделу *-ити*, *-и-*). Наводећи случајеве таквог паралелизма, нпр. **čevĕti* / **čeviti*, **xřestĕti* / **xřestiti* (има и **xřestati*, уп. ЭССЯ 8:94), **xъrĕcĕti* / **xъrĕciti*, **xъbĕti* и **xъbiti* (има и **xъbati*, уп. id. 155), **xъrĕti* и **xъriti* (има и **xъrati*, уп. id. 158), ауторка наглашава да се при њиховој реконструкцији мора узимати у обзир вероватноћа секундарног порекла основа на *-ити-* од основа на *-ѣти-* (Варбот 1983:74).

⁴ За варијантност *-ѣти* / *-ати* на прасловенском плану уп. нпр. **glĕdĕti* / **glĕdati* (ЭССЯ 6:122–123), где се облик на *-ати* тумачи као ново образовање настало на бази старијег **glĕdĕti*. Варбот l.c. пак сматра да је било могућно замењивање инфинитивних основа на *-ати* основама на *-ити* под утицајем одговарајућих основа садашњег времена на *-је-* (преко стадијума секундарне *-и-*основе садашњег времена). Стога се поставља питање шта је у нашем случају првобитно: облик на *-ати* или на *-ѣти*?. У старословенском, рецимо, према презенту на *-и-* (прво лице **-јѣ*, друго *-иши*) може стајати инфинитив на *-ати* (*сѣпѣж*, *сѣпиши*, инф. *сѣпати*), *-ѣти* (*вѣждж*, *вѣдиши*, инф. *вѣдѣти*) и, наравно, на *-ити* (*прѣшж*, *прѣсиши*, инф. *прѣсити*). Осим тога јавља се и прелаз *ĕ > a* иза *č*, *ž*, *š* и *j*. У промени једног глагола на *-r-јѣ*, *-r-иши* иза меког *r̄ < rj* пренесеног из презентске основе у инфинитивну *-ѣти* је, у једно рано доба, могло дати *-ати*.

⁵ Овај нагласак подударе се са бугарским, и претпоставља првобитно **вирѣѿи* (тип *мѿлѿѿи*), док би *вѿриѿи* (ако је *-ѿи* од *-ѣти*) било акценатски тип као *вѿдѣѿи*. Стога би се можда могло претпоставити да је западно *вѿриѿи* накнадно променило акценатски тип ради избегавања хомонимије са *вѿриѿи*.

*и*и. Скок је у свом речнику врло детаљно обрадио овај глагол, изложивши његове изведенице према апофонским варијантама корена (**vbr-*, **vir-*, **ver-*, **vor-*, **var-*) и побројавши његова основна (и секундарна) значења: „сакривати“, „гурати“, „завлачити“, „затварати / отварати“ итд. (Skok 3:627–628 s.v. *vrijèti se*). Он, наравно, није у ово гнездо уврстио глагол *в̣ири̣и* / *в̣ира̣и* „расти, напредовати“ (иако му је вероватно био познат израз *ни вири, ни ири*), помињући међу изведеницама основе **vir-* само префигиране облике *из̣авира̣и*, *навира̣и*, *одавира̣и*, *и̣ревира̣и*, *ра̣звира̣и*, *за̣вира̣и* „главу у што; паочити, бремзати“, *у̣вира̣и се*, *са̣вира̣и се* (Skok l.c.).

А шта је са глаголом *и̣ири̣и*? Иако на први поглед крајње усамљен, и овај глагол има потпуну семантичку и врло блиску формалну (са наставком *-аи*, уп. горе *в̣ири̣и* / *в̣ира̣и*) паралелу у облику *и̣ои̣ира̣и* (*се*), *и̣ои̣ира̣м* (*се*) / *и̣ои̣ира̣и* (*се*), *-ѐм* (*се*) „расти, напредовати“: Оно дијете не по̣и̣ра̣, боим се остаће мали — Шта е оно те се онај мали не по̣и̣р̣е? Васојевићи (Стијовић). Глагол има и (основно?) значење „кретати се полагаано, мицати се“: Ми се одријесмо радећи, а он не по̣и̣ра̣ с мљеста — Они се косачи нешто слабо по̣и̣р̣у с мљеста *ibid.* (*id.*). Када се овај глагол смести у контекст сродних облика из истог говора, нпр. *за̣и̣ира̣и*, *-ѐм* „застајати, запињати у грлу (о залогају)“ *ibid.* (*id.*), *на̣и̣ира̣и* „стискати, притискати, гонити“, *о̣и̣ира̣и се* „противити се, супротстављати се“, *у̣и̣ира̣и*, *у̣и̣ира̣м* „притискати, гурати“ *ibid.* (Боричић), постаје јасно да он припада гнезду глагола *-ири̣је̣и* (< псл. **perti*, *р̣ьр̣*), уп. као доказ и облике *за̣и̣ри̣је̣и* (*се*), *за̣и̣ри̣је̣м* (*се*) „застати, запети у грлу (о залогају)“ *ibid.* (Стијовић), *на̣и̣ри̣је̣и*, *на̣и̣ри̣је̣м* „притиснути, навалити“, *о̣и̣ри̣је̣и се*, *о̣и̣ри̣је̣м се* „дати отпор, успротивити се, одупрети се, супротставити се“, *у̣и̣ри̣је̣и*, *у̣и̣ри̣је̣м* „гурнути, притиснути, навалити, запети“ *ibid.* (Боричић).

Глаголу *-ири̣је̣и* Скок је посветио сразмерно мање простора, будући да се његове изведенице образују од свега три апофонске варијанте корена: **per-*, **pir-* и **por-*. Значења која реализује овај глагол су следећа: „дотицати, притискати, стизати“, „отварати / затварати“, „остајати, задржавати се“, „опирати се“, „спречавати“ итд. (Skok 3:42 s.v. *-prijèti*).

Већ се и на основу летимичног поређења с.-х. континуаната псл. глагола **verti*, *вр̣* и **perti*, *р̣ьр̣* види да међу њима постоји формални и семантички паралелизам, што потврђује и овде анализиран дијалекатски материјал који Скоку није био на располагању:

зàврēџи / *зàврџеџи* = *зàѳрēџи* / *зàѳријеџи* „напрегнути се, навалити, упрети“⁶, „зауставити, закочити“⁷, „клонути, занемоћи, посустати“⁸ (РСА)

зàврџеџи, *зàврēm* „запречити мотком врата са спољне стране (код колибе, стаје)“ Пива (Гаговић)⁹ = *зàѳрēџи* / *зàѳријеџи* „причврстити, осигурати, затворити (врата, капију)“ (РСА)¹⁰

завријеџи „запети, закачити“ Дрвар (Јовичић) = *зàѳрēџи* / *зàѳријеџи* „дотаћи, закачити (нечим)“ (РСА)

нàврēџи / *нàвријеџи* = *нàѳрēџи* / *нàѳријеџи* „напрегнути, запети, навалити; упрети, притиснути“ (РСА)¹¹

ѳодуврџеџи, *-ѳврēm* „подметнути ослонац под нешто, подупрети“¹², „својим телом подупрети (нешто)“¹³, ~ *се* „свом снагом подупрети (нешто)“ Васојевићи (СТИЈОВИЋ 1990) = *ѳодуѳрџеџи* „подметнути ослонац под нешто; задржати што својом снагом“ Ускоци (Станић)¹⁴

⁶ Уп. и *зàврџеџи*, *зàврēm* „напрегнути снагу, запети у раду“ Пива (Гаговић), Ако не завреш, не мош имати комат меса на трпези Ускоци (Станић), Кордун (грађа ЕРСЈ) поред *зàѳрџеџи*, *зàѳрēm* „запнути, навалити“ Васојевићи (Боричић).

⁷ Уп. и *зàѳрēm* „зауставити, задржати, спречити“ Пирот (Живковић), Лесковац (Митровић), *зàѳре* 3. sg. „зауставити, укочити“ Тимок (Динић I) и са другим префиксом *сàѳрēm* / *сѳѳрēm* „зауставити, укочити“: Сѳпри колата Пирот (Живковић), *сàѳрēm* „зауставити, спречити“: Сѳпри малко коњи, ѳе покршим ноге низ овој брдо Лесковац (Митровић), *сѳѳрēm* „id.“ Јабланица (Жугић), Врање (Златановић), *сѳѳре* 3. sg. „укочити“: Узни камен и сѳпри кола Каменица код Ниша (Јовановић В.).

⁸ Уп. и *зàѳрџеџи*, *зàѳрēm* „изгубити снагу“ Васојевићи (Боричић), *зàѳријеџи*, *зàѳрēm* „изнемоћи, уморити се“ Ускоци (Станић), *зàѳријеџи*, *зàѳрēm* „посустати“: Она баба запрла, не може да иде Прошћење (Вујичић), *зàѳре* 3. sg. „изнемоћи“: Запрли му волови, едѳа иду Каменица код Ниша (Јовановић В.).

⁹ Уп. из истог извора *ѳрēврџеџи* „id.“: Преври врата од савардака том сворином, да не уљегне како живо; такође *зàѳријеѳорџи* „затворити врата повукавши пречагу у дрвену браву“ Ускоци (Станић).

¹⁰ Уп. и *зàѳрēm* „затворити, закључати“ Лесковац (Митровић).

¹¹ Уп. и *нàврџеџи* „навалити“ Рожаје (Надџић) поред *нàѳријеџи*, *нàѳрēm* „упрети, навалити“ Ускоци (Станић), *нàѳријеџи се* „напрегнути се“: Нàпрли су се што су могли и не могли док дјецу нијесу извели на пут Дубровник (Божанић/Тривунац), *нàѳрџеџи*, *нàѳрēm* „притиснути, навалити“ Васојевићи (Боричић).

¹² У примеру: Подуврите нечим то сијено, да се не преврће.

¹³ У примеру: Подуври ту кацу, да подвучем колац.

¹⁴ Уп. и *ѳодуѳрēm* „подупрети“ Врање (Златановић), Пирот (Живковић), Јабланица (Жугић), Лесковац (Митровић).

závor = *zájor* „дрво којим се осигуравају врата, заворањ“ Ускоци (Станић)¹⁵

závorница = *zájorница* „полуга којом се осигуравају врата, засовница, пречага“ Ускоци (Станић)¹⁶

zàvirāiti „запињати из све снаге, напорно радити“¹⁷ Ускоци (Станић) = *zājirāiti* „радити нешто свом снагом, упирати из све снаге“ (РСА)

zavirāiti „качити, запињати“ Дрвар (Јовичић) = *zājirāiti* „ударати у нешто у пролазу, запињати“ (РСА)

nāviraīti „трудити се да се нешто постигне, упињати се“ = *nājiraīti* „запињати, напрезати се да се нешто постигне“ (РСА)¹⁸

īoduvīrāiti, -*rēm* „п о д у п и р а т и“ Васојевићи (СТИЈОВИЋ 1990) = *īodūjiraīti* „стављати подупираче чему“ Ускоци (Станић)¹⁹.

Поред ових еклатантних примера, запажа се и семантички паралелизам који није увек праћен потпуним формалним паралелизмом, што значи да су идентична (или блиска) значења реализована у облицима образованим од различитих апофонских варијаната глагола *вријети* и *-вријети*, и/ли са различитим префиксима, уп. нпр. *заворић* „тврдоглав“ Дрвар (Јовичић) : *ојорић* „id.“ Пирот (Живковић), Каменица код Ниша (Јовановић В.), *завираћ* „гурати, упирати“ Дрвар (Јовичић) : *ујираћ*, *ујирем* „притискати, гурати“ Васојевићи (Борић), *наврети* / *навријети* „запети, закупити“ (РСА) : *сајријети*, *сајирем* „салетети, закупити“: Томо неће да иде, но ја сајрла — Нећу одит на пругу, нако ме сајеру — Ка те сајрѐ, мораш му учињет Васојевићи (СТИЈОВИЋ), *іовора* „канап“ Тимок (Динић I) : *јријор* „конопац подешен за препињање или везивање коња“ Ускоци (Станић).

Уочени формално-семантички паралелизам с.-х. континуаната посл. **verti* и **perti*, у ситуацији када се *вријети* смешта у породицу глагола *вријети*, може послужити као посредан доказ да *јријети* припада породици глагола *-вријети*.

¹⁵ Уп. и *јријевор* „направа (обично дрвена) за закључавање врата“ Васојевићи (СТИЈОВИЋ), *јревораћ* „дрво којим се затварају (превиру) врата са спољне стране“, *јревораћ* „id.“ Пива (Гаговић).

¹⁶ Уп. и *јреворница* „дрво којим се затварају (превиру) врата са спољне стране“ Пива (Гаговић), *јријеворница* „дрвена полуга за утврђивање затворених врата“ Васојевићи (СТИЈОВИЋ).

¹⁷ У примеру: Не завири толико, одријеш се.

¹⁸ Уп. и *најирај се* „напрезати се“: Пуно их се напире да у животу постигну више него што могу Дубровник (Бојанић/Тривунац), *најирати се* „id.“: Нећу се ја с тобом напират, но ћу те избит Загарач (Ћупићи).

¹⁹ Уп. и *іошјирам* „подупирати“ Врање (Златановић), Јабланица (Жугић), Потпира кућу озгор Лесковац (Митровић).

Вратимо се сада глаголу *њојњрањи* (се), *њојњрњм* (се) / *њојњрњњи* (се), *-њм* (се) „расти, напредовати“ Васојевићи (Стијовић), на основу којег смо и довели *њњрињи* у везу са **perti*. Његово основно значење је „кретати се, мицати се“²⁰, што показују и потврде из других извора: *њојњрњњи*, *њојњрњм* „кретати, ићи“: Не можемо по вакоме времену данас никуј попирати, „помицати“: Ко је попиро ову кацу? Прошћење (Вујичић), *њојњрњњи* „померати“ Ускоци (Станић). Ту су и облици изведени од друге апофонске основе: *њојњрњјетњи* (се), *њојњрњм* (се) „мрднути, кренути, помаћи се“: Толико сам уморан да не могу попријет ни ко-рака, поред паралелног облика *њојњрањи* (се), *њојњрњм* (се) „id.“: Неће ти он ни по̀прат с прага Васојевићи (Стијовић).

Значење „кретати се, померати се“ развило се највероватније из основног „гурати“, будући да и сам глагол *гњурањи* у свом значењском дијапазону садржи семантику кретања, померања, уп. његова основна значења: „потискивати, по м е р а т и“, „к р е т а т и се савлађујући препреке, пробијати се, напредовати“, „жустро, журно се к р е т а т и, хитати, грабити“ (РСА).

Глаголи из разматране породице развили су и значење „(по)дићи, (са)градити“, уп. *њојњрњњи* „дизати, градити, постављати“, *њојњријетњи* „дићи, подићи, саградити“: По̀пери кућу ево ође Ускоци (Станић). Када се има у виду да у истом говору постоји облик *њојњрњњи* „побости, поставити, подићи; саградити, изградити“: Поперијо чардак насред Сировца, *њојњрњњи се* „поставити се у усправан положај“, постаје јасно да је овде дошло до мешања облика двеју лексичких породица, окупљених око глагола *-њријетњи* и *њерњњи*, о чему сведоче и варијантни облици првог лица једнине глагола *њојњријетњи*: *њојњрњм* и *њојњрњм*. За глагол *њерњњи* карактеристична је семантика подизања, уздизања, уп. *њњрињњи* „подизати“ Ускоци (Станић), *исњњрињњи* (се) „пружити (се) у висину, уздићи (се), издићи (се)“, *нањњрињњи* (се) „усправити (се), надићи (се), подићи (се)“ (РСА), што нас наводи на закључак да се значење „расти, напредовати“, својствено глаголу *њојњрањи* (се), *њојњрњм* (се) / *њојњрњњи* (се), *-њм* (се), накнадно развило управо под утицајем формално блиског, а етимолошки донекле различитог *њњрињњи*²¹ < **periti* (о односу **perti* и **periti* детаљније в. Бјелетић 2006:311–313).

²⁰ Боричић, рецимо, наводи само то значење.

²¹ Истовремено су његове изведенице, под утицајем облика из породице глагола *-њријетњи*, развиле семантику кретања, уп. следећа значења неких од горепомнутих глагола: *њњрињњи* „помицати, померати“, *њојњрњњи* (се) „помаћи (се), померити (се)“ Ускоци (Станић).

Ако се осврнемо на паралелни глагол *вѣраѣти*, подсетићемо се да је и за њега карактеристична семантика кретања усмереног увис, из које легитимно произлази семантика раста, израстања.²²

Међу с.-х. континуантама псл. глагола **verti* и **perti* постоји евидентан паралелизам не само на формално-семантичком, већ и на творбеном плану, што се огледа у одабиру истих творбених средстава којима се оне додатно експресивизују. У питању су префикс *ко-* и деинутивни суфикс *-к-*, помоћу којих су образовани облици *оковирка* 3. sg. „ојачати, опоравити се“ Црна Река (Марковић I) и *окò-ѣѣркаѣти се* „опоравити се (и од болести и од рђе и сиротиње)“ Бока (Вук); Путник ... пошто се код ватре смлачи, а хљебом и луком завре, малко се окопирка Љубиша; Синцир тешки на долину баци пак се јадан окопирка. Видо, стаде бјежат пољем ширикијем НП Вук (RJA). Посебно је значајна чињеница да су оба глагола развила скоро идентично секундарно значење.

Облик *оковирка* има потпуну семантичку паралелу у глаголу *коварнуѣти (се)* „опоравити се, ојачати у физичком смислу (после болести, слабости), отргнути се, отети се; почети брже расти, напредовати“: Жена ми је била тешко болесна, али сад је већ прилично коварнула Ужице, Ишћер’о сам овце у Златибор, много мршаве, али су се брзо коварнуле Златибор, Коварнуло бравче, почело да једе Јадар, Коварнути се значи поправити се од болести, одрасти Ужице, „поправити имовно стање, извући се из имовинских неприлика“ *ibid.* (РСА). Овде свакако треба поменути и придев *кòвѣран* „живахан, окретан, чио“: Коваран у Лици се не схваћа у злом смислу. Коваран, „lebendig“, окретан (RJA), Коваран значи млад, кочоперан Дворска, Јадар, Нема јагњету ни два дана, а види како је коварно, тј. живахно, чило Санцак (РСА)²³. У семантичком погледу њему је врло близак рус. дијал. придев *увѣристыѣѣ* „живахан, спретан

²² Занимљива је чињеница да се у оквиру гнезда **perti* развило и супротно значење, реализовано углавном у девербалима типа *зѣѣорнѣк* „слабо развијен мушкарац“ Ускоци (Станић), *зѣѣорнѣк* „онај који је заостао, примитиван, ограничен у развоју“, „сморен, закржљао човек“: Живио је у јаду и о јаду и осто вљечни запорник Пива (Гаговић), *зѣѣорница* „закржљала женска особа“, *зѣѣорнѣче* „неразвијено, кржљаво дете“ Ускоци (Станић), *зѣѣорче* „живинче које последње дође на свет, које је закржљало“ Тимок (Динић I). У основи овог значења вероватно лежи такође једно од основних значења глагола *-ѣѣриѣѣти*, тј. „спречавати“, уп. *зѣѣираѣти* „спречавати кретање (некоме или нечему), задржавати, заустављати; застајати, заустављати се; посустајати, малаксавати“ (РСА), *зѣѣирам* „заустављати, задржавати, спречавати“: Запирају ни воду Пирот (Живковић), *зѣѣира* „id.“ Тимок (Динић I), тако да се наведени девербали своде на основно значење „спречен, заустављен у развоју“ > „закржљао, заостао“.

²³ Поменути придев, али у значењу „лукав, подмукао, покварен; који наноси зло, зао“ (који наводи Skok 2:171–172 s.v. *kòvati*) доводи се у везу са глаголом *ковѣ-*

(о детету)“, који Калашников 2000 сврстава у гнездо глагола **verti* (в. Бјелетић 2006:169–170). Ако би се, дакле, пошло од основе **ver-*, чија нулска база **vьr-* дужењем даје **vir-* (> (*о-ко*)-*вир*-(*к*)*а*), а на другој страни *о*-база **vor-* дужењем прелази у **var-* (> (*ко*)-*вар*-*нуџи*), однос између ова два глагола могао би се подвести под регуларну вокалску алтернацију.

Глагол *око̀џирка̀џи се* аутори РЈА окарактерисали су као облик „тамна постања и значења“ (при чему су, не наводећи Вукову прилично јасну дефиницију, понудили и своју: „поначинити се, окрепити се“), уз напомену да „самоме *коџирка̀џи* нема потврде“. То, међутим, није тачно, будући да је у црногорским говорима овај глагол добро потврђен, уп. *ко̀џирка̀џи* / *ко̀џирка̀џи* „помало радити, радуцкати, помало живети, мрдати“: Боље е нешто копиркати но *сеџети* — Како си? Копиркам, „трудити се да се нешто постигне“: Копирка око оне ђевојке Ускоци (Станић), *ко̀џирка̀џи (се)* „покретати се, мрдати“: Копиркам се још помало Загарач (Ћупићи)²⁴. Забележен је и облик са префиксом *из-*: *иско̀џирка̀џи се* „подићи се, отргнути се од болести, опоравити се“ ЦГ (РСА).

Поред глагола са деминутивним суфиксом *-к-*, у овим говорима постоји и облик без њега, уп. *ко̀џирну̀џи (се)* „покренути се, мрднути“: Нећу моћ копирант бес помоћи, *око̀џирну̀џи се* „оживети, освежити се, поправити се, ојачати, омоћати (обично после какве болести, односно тешких материјалних услова)“: Окопирнуо се по изласку из болнице — Посла им је стриц велике паре из Америке, па су се окопирнули Загарач (Ћупићи). Овамо свакако спадају и облици *ко̀џиџерну̀џи* „кренути набоље, мало се опоравити, живнути, задобити снагу, оснажити се, пооздравити“, *око̀џиџериџи (се)* „отргнути (се) од болести, опоравити (се), подићи (се), ојачати, окрепити (се); избавити (се) из немаштине, сиромаштва, стећи већу имовину; оснажити (се)“, *зако̀џиџериџи (се)* „*id.*“, *к̀џиџеран* „жив, живахан, крепак, одважан, отресит“, „вредан, радан, трудољубив“ Ускоци (Станић), *око̀џиџериџи се* „опоравити се, повратити здравље и снагу“ Васојевићи (Боричић), „опоравити се, придићи се, живнути“, *око̀џиџерну̀џи се* „*id.*“ *ibid.* (Стијовић), *око̀џиџериџи се*, *оку̀џиџериџи се* „опоравити се, побољшати се (здравствено,

риџи „чинити коварства, сплеткарити“, уп. *к̀џв̄арник*, *к̀џв̄арно*, *к̀џв̄арсиџво*, такође рус. *ков̄арный*, за чију етимологију уп. Фасмер 2:270; в. и ЭССЯ 12:8–10 s.vv. **kovari-ti (se)*, **kovarь*, **kovarьnъ(jь)* (где ипак није објашњен семантички аспект наведених словенских потврда).

²⁴ Уп. и *ко̀џирка̀џи*, деминутив од *ко̀џира̀џи* „гмизати, милети, врвети (обично о црвима)“: Копирка ми нешто глави, *ко̀џирка̀џи се* „мрдати се, копрцати се, преметати се“ (РСА).

физички); заимати, стећи, повећати добро“ Пива (Гаговић), *окојијериџи се* „извући се, оснажити се“ Прошћење (Вујичић). Наведене облике требало би тумачити као псеудојекавизме (в. Бјелетић 2006:318), уп. *йир* : *йирјер* „гозба, свадба“ (Skok 2:660 s.v. *pîr*¹).

У московском прасловенском речнику васојевићки облик *окојијериџи се* доводи се у везу са рус. дијал. *окопёриться / окопёриться* „постати богатији, имућнији“: По-видимому, окоперился, стал одеваться лучше — Почему такой переворот у человека? А потому что теперь он окоперился: кнут забросил, сумку на портянки изрезал, в богачи полез (СРНГ), па се на основу њих реконструираше псл. дублет **obkopěriti / *obkoperiti*, који се тумачи као спој префикса **ob-*, **ko-* и глагола **periti* (ЭССЯ 27:145). У светлу овде анализираног материјала постаје јасно да је у питању глагол **perti* (детаљније в. Бјелетић 2006:316–318), као и то да није требало реконструисати псл. облик са јатом **obkopěriti*, будући да су с.-х. потврде на основу којих је то учињено — псеудојекавизми.

Значење „кретати се, мрдати“, својствено глаголу *койир(к)аџи*, додатно потврђује његову везу са горепомињаним *йойрџи*, *йойрџеџи* (*се*), али истовремено уводи у разматрање и породицу речи глагола *койораџи*, уп. *койорџи* „мрдати, кретати се“: Једва копорам, стега ме раматиз, не могу на ноге Загарач (Ћупићи), *койораџи* „једва се кретати, сасвим лагано ићи; животарити“ Ускоци (Станић), *койорнџи* (*се*) „покренути се, мрднути“: Нијесам се копорнула ео седам дана, лежим, не мичем се ис кревета — Мало је копорнџла откад је додио доктор Загарач (Ћупићи), *койорнџи* „помаћи се, мрднути, кренути“: Нијесу ни копорнули с мљеста Васојевићи (Стијовић; Боричић), *койорнџи* / *койорнџи* „слабо, немоћно се покренути, коракнути“ Ускоци (Станић)²⁵. Индикативно је да је овај глагол, поред значења „опоравити се“, својственог облику *койиркаџи*, уп. *койорнџи* „почети прездрављати, опорављати се после дуже болести“: Младосте е ће баба умријет, а она, ево, копорнула Васојевићи (Стијовић), *койорнџи се* „постати снажан, јачи, имућнији“: Бијо је нешто болесан и са[д] се малко копорно — Зарадијо паре на цади, па се добро копорно Пива (Гаговић) — развио и значење које заправо представља предмет овога рада, а то је „расти“, уп. *койорнџи* „почети расти после дугог времена“: Оно дијете дуго не расте, а сад је богами копорнуло Васојевићи (Стијовић).

²⁵ Уп. и облик са деминутивним суфикском -к-: *койоркаџи* / *койоркаџи* Ускоци (Станић), за чије се значење у речнику упућује на *койиркаџи*.

Скок је посветио посебну одредницу глаголу *којѡраѡи, којѡрѡм* „мицати се“²⁶ (15. век, западни крајеви, Марулић, Бараковић, Дубровник), у којој су се нашли и облици *којѡраѡи, -ѡм* „врвети“ (Вук), *коѡириѡи* (sic!)²⁷ „копорати“, одатле поствербал *којѡр, -и* f. „мицање“²⁸, *којѡрнуѡи* „макнути се“ (16–19. век, Љубиша), такође и *окоѡѡркаѡи се* итд. (Skok 2:149 s.v. *kopòrati*). Скок тумачи овај глагол као ономатопеју, а као доказ за то наводи варирање *о : и* у облицима *којѡраѡи : коѡираѡи*, не помишљајући при том да је овде можда у питању варирање корена **por-* : **pir-* (< **perti*), проширеног префиксом **ko-*. Дакле, облик *којѡриѡи* могао би се објаснити или као деноминал од поствербала *којѡр, -и*, или као каузативни поствербал од **(ko-)perti, -pъrǫ*. С друге стране, облик *којѡраѡи* најпре би могао бити деноминал од непосведочене именице **којѡра*, о чијем постојању би сведочио средњовековни топоним стерп. **Копѡриѡи** (14. век) у долини Ибра, име манастира *Којѡрин*, од надимка **Којѡра* (RJA)²⁹. У прилог оваквом тумачењу говоре и значења појединих црногорских дијалекатских потврда које припадају породици глагола *којѡраѡи*, уп. *коѡорѡн* „у п о р а н у раду“³⁰: Он је копоран, створиће нешто, *ѡрикојѡраѡи* „н а в а л и т и на кога упорно тражећи нешто“³¹, „свом снагом п р и о н у т и на какав посао“³², *закојѡраѡи (се)* „затражити; бити у п о р а н у нечему; истрајати на неком послу“, *којѡраѡи* „задириквати“, „насртати, нападати“: Копора ми за очи сваки дан да му купим те ово те оно, „облетати“: Копора ми око оне ђевојке,

²⁶ Промена као код васојевићког глагола *ѡѡѡрѡѡи, ѡѡѡрѡѡм* (поред *ѡѡѡраѡи, ѡѡѡрѡѡм*).

²⁷ У RJA нема оваквог облика, па је могуће да се ради о штампарској грешци у Скоковом речнику. RJA доноси једино облик *којѡриѡи, којѡрим* „копорати“, забележен у 18. веку само код једног дубровачког писца, а од речника само код Стулића, те се реч третира као непоуздана. Скок, међутим, сматра да је ова реч сасвим поуздана, будући да се и у Водицама у Истри говори *којѡриѡи се* (Skok 2:149 s.v. *kopòrati*). У прилог Скоковој тврдњи говори и Сарајлијина потврда *којѡриѡи (се), којѡрим (се)* „копорати“: Нити збори, нити чим’ копори (миче), која се, заједно са истарским обликом, наводи у РСА.

²⁸ И овај облик има само једну потврду из 18. века, код Кавањина, па је у RJA окарактерисан као нејасан.

²⁹ Детаљније о етимологији поменутих назива в. Радујко 2006:18–20.

³⁰ Уп. *ѡѡорѡн* „одлучан, истрајан, непопустљив“ Васојевићи (Боричић).

³¹ Уп. *сѡѡрѡи* (и *сѡѡријеѡи*), *сѡѡрѡм* „салетети“: Шта сте га сапрли толико, он најбоље зна може ли то урадити Прошћење (Вујичић).

³² Уп. *нѡѡрѡѡи / нѡѡријеѡи* „усмерити напоре, труд (на нешто), прионут“ (РСА).

„тражити, захтевати“: Нека ми он не копора за оно мое Ускоци (Станић)³³.

Поређењем с.-х. континуаната два псл. глагола сличног гласовног склопа, **verti* и **perti* (које бисмо, по узору на немачки термин *Reimwörter*, могли назвати „римовани глаголи“), дошло се до закључка да међу њима постоји евидентан паралелизам како у погледу семантике, тако и у погледу творбе. Са друге стране, увидом у релевантан словенски материјал изложен у одговарајућим одредницама ЭССЯ, нпр. **naverti* (se) (id. 23:216) : **naperti* (22:210), **navirati* II (24:7) : **napirati* (22:213), **navorъ* (24:39) : **naporъ* (22:225), **obverti* (se) (31:11) : **obperti* (se) (28:185), **obvirati* (se) (31:59) : **obpirati* (se) II (28:197), **obvora* I, II (31:92, 93) : **obpora* (28:260), **obvorънь(jь)* (31:107) : **obporънь(jь)* (28:264) — стиче се утисак да у осталим словенским језицима такав паралелизам не постоји. Ова констатација нужно се мора узети уз резерву, будући да је за коначан суд неопходно детаљно сагледавање ситуације у сваком језику понаособ, на много репрезентативнијем дијалекатском корпусу. Као доказ за то може послужити Махеков речник, где се наводе чешки еквиваленти горепомених српских облика *zàvrjēiti* : *zàvrjēiti* и *závor* : *závor*: „*mor. zapřít vrata, dveře = zavřítí* [поред М.Б.] а *zahradiť záporou (= z á v o r o u)*“ (Machek 495 s.v. *príti*).

Сматрамо да би шире истраживање сличних („римованих“) облика на компаративном словенском плану дало занимљиве резултате. У најмању руку оно би или потврдило или оповргло исправност методолошког поступка формулисаног у наслову овог прилога, тј. да формално-семантички паралелизам лексичких гнезда може бити један од путоказа у изналажењу етимолошког решења.

Извори и литература

- Бјелетић 2006** — М. Бјелетић: *Исковрнути глаголи. Типови експресивних њревербалних форманаџа (на српском и хрватском језичком материјалу)*, Београд.
- Бјелетић 2006а** — М. Бјелетић: Прилог проучавању псл. **ver-*, *Studia etymologica Brunensia* 3, Praha, 35–45.
- Бојанић/Тривунац** — М. Бојанић, Р. Тривунац: *Рјечник дубровачког говора*, СДЗБ 49/2002.

³³ Уп. и семантички блиске облике из паралелног гнезда **verti*: *наврјјеџи* „навалити, бити упоран и безобзиран“ Рожаје (Надџић), *йодуврјјеџи*, *-џврџем* „обратити се некоме молећи за нешто (помоћ и сл.)“: „Нужда ме наћерала, па га морам опет подувријет, а знам да сам му досадно, ~ се „окомити се на некога“: Подуврла ми се она губа, да може, би ми кућу ископао Васојевићи (СТИЈОВИЋ).

- Боричић** — В. Боричић Тиврански: *Рјечник васојевићког говора*, Београд 2002.
- Варбот 1983** — Ж. Ж. Варбот, Место основ настоящего времени в системе отглагольного словообразования праславянского языка, *Славянское языкознание. IX международный съезд славистов*, Москва, 60–76.
- Варбот 1995** — Ж. Ж. Варбот: Морфо-семантическое поле лексемы в этимологическом словаре и возможности его реконструкции, *Серия литературы и языка* 54/4, Москва, 60–65.
- Вујичић** — М. Вујичић: *Рјечник говора Прошћења (код Мојковца)*, Подгорица 1995. (Посебна издања ЦАНУ књ. 29, Одјелење умјетности књ. 6).
- Гаговић** — С. Гаговић: Из лексике Пиве (село Безује), СДЗб 51/2004, 1–313.
- Динић I** — Ј. Динић: Речник тимочког говора, СДЗб 34/1988, 7–335.
- Живковић** — Н. Живковић: *Речник ѿројског говора*, Пирот 1987.
- Жугић** — Р. Жугић: Речник говора јабланичког краја, СДЗб 52/2005.
- Златановић** — М. Златановић, *Речник говора јужне Србије*, Врање 1998.
- Јовановић В.** — В. Јовановић: Речник села Каменице код Ниша, СДЗб 51/2004, 313–688.
- Јовичић** — М. Јовичић: *Крајишки ријечник, особенице уначке (уз стоогодишњицу ѿрајања имена Дрвара)*, Београд 2003.
- Калашников 2000** — А. А. Калашников: Об этимологии русского диалектного *увёристый*, ОЛА 1994–1996, Москва, 217–219.
- Марковић I** — М. Марковић: Речник народног говора у Црној Реци, СДЗб 32/1986, 245–500.
- Митровић** — Б. Митровић: *Речник лесковачког говора*, Лесковац 1984.
- Радужко 2006** — М. Радужко: *Койорин*, Београд.
- Станић** — М. Станић: *Ускочки речник* 1–2, Београд 1990–1991.
- СТИЈОВИЋ** — Р. Стијовић: Из лексике Васојевића, СДЗб 36/1990, 121–380.
- Ћупићи** — Д. Ћупић, Ж. Ћупић: *Речник говора Загарача*, СДЗб 44/1997.
- Черниш 2003** — Т. О. Черниш: *Слов'янська лексика в історико-етимологічному висвітленні*, Київ.

*

Hadžić — I. Hadžić: *Rožajski rječnik (Građa za diferencijalni rječnik narodnog govora rožajskog kraja)*, Rožaje 2003.

Marta Bjeletić (Belgrad)

**Skr. *ni piri, ni viri* „weder wächst, noch gedeiht“:
Formal-semantischer Parallelismus verbaler Wortneste als Leitfaden zur Etymologie**

Zusammenfassung

Die vorliegende Betrachtung geht von der skr. Wendung *ni(ti) piri ni(ti) viri* „weder wächst noch gedeiht“ aus. Daß das nur darin belegte Verb *pīriti, pīrim* zur Wortsippe von ursl. **perti, pьrǫ* zuzuordnen ist, wird aufgrund einer formal-semantischen Analyse seiner skr. Fortsetzung *-prijeti* und ihrer Ableitungen sowie der parallelen semantischen Entwicklung gezeigt, die sich bei der Familie von *vrijeti* < ursl. **verti, vьrǫ* beobachten läßt, zu der das zweite verbale Glied der Wendung *vīriti, vīrim* „wachsen, gedeihen“ gehört. Es fällt nämlich auf, daß zwischen den skr. Fortsetzungen der beiden ursl. Verben ein Parallelismus besteht, der sich über das Formal-Semantische auf die morphologische Ebene erstreckt, denn beiderseits griff man zu denselben Wortbildungsmitteln, um die Form ausdrucksstärker zu machen, nämlich zum expressiven Präfix *ko-* und zum Deminutivsuffix *-ka-* in *okòpīrkati se* „sich erholen“ gegenüber *okovirka* (3. Sg.) dass. Die Zuordnung von *okòpīrkati se* und dem zugrundeliegenden Verb *kopīrati* „sich bewegen“ zur Sippe von *-prijeti* wirft ein neues Licht auf das gleichbedeutende *kopòrati*. Trotz Skok, dem dieses Verb wegen der Abwechslung von *o* und *i* in *kopīrati* als lautmalend gilt, werden die beiden Formen hier als ablautend zu **perti* mit der Vorsilbe *ko-* erklärt.

marta.bjeletic@sanu.ac.yu

ISBN 978-86-7025-451-0, (2007), p. (41–49)

УДК 811.163.4'373.45

811.163.2'373.45

Десислава Борисова (София)

За произхода и значенията на бълг. *харч*, *арч*, *хардж*, срхр. *харч*, *арч*, *харач*, *арач* (и на производни от тях)

В работата се разглеждат бълг. *харч*, *арч*, *хардж* и срхр. *харч*, *арч*, *харач*, *арач* (и производни от тях), заети от тур. *harç* със значение 'разходи, разноски' (и с много други значения). Етимологията на турцизма *харч* се прецизира, допълва се с български езиков материал, привеждат се паралели от други славянски езици. Открояват се готовите и развилите се в резултат на допълнителна семантична специализация на домашна езикова почва значения: 'разход, разноски; пари'; 'храна'; 'изразходван, употребен материал; материал', 'част, съставна част'; 'лекарство', 'щава', 'смляна канела'; '(материал за) украса, апликация; украса на дреха'; 'работа, която е по силите и подобава, прилича (някому)'.

Ключови думи: етимология, турски заемки, харч, български език, сърбохърватски език.

Петър Скок в етимологичния си речник определя срхр. (*h*)*àrač*, *àrač*, *àrč*, *àrač*, *harč*, *hàrač* със значения 'разход, харч', 'материал за украса', *àrač* 'предна част на гърдите на женска носия', *harč* 'мито' като балкански турцизъм от областта на бита. Той извежда думата от араб. *harğ* 'похарча, изхарча; разходи', като дава и балкански паралели: рум. *hargiu*, бълг. *харч(ъ)*, алб. *harç*, *harxhë* 'разходи, разноски' (Skok 1: 656, под (*h*)*àrač*²). Предложената у Skok етимология в същността си е коректна, но от гледна точка на съвременното състояние на етимологичните проучвания на славянските езици е необходимо тя да се прецизира, като се внесат някои допълнения и уточнения.

Формален проблем е представянето на българската форма на латиница, обусловено от тогавашните технически възможности за печат. Липсва граматична бележка за бълг. *harč(ă)*, което може да се схване като съществително име от м.р. *xàpч(a)*, членувано с непълен член. Очевидно Skok следва графиката на Младенов (Младенов 666 — *xàpчъ*), предавайки краесловния ъ от стария правопис с *ă*. Липсата на значение обаче на бълг. *харч*, както и на турския етимон *harç*, не позволява да се установи с кои готови значения заемката навлиза в

български и сърбохърватски, както и да се открият паралели в семантичния развој на този турцизъм в тези два славянски езика.

В Етимолошки речник српског језика, замислен како допълнение на монументалниот и извнредно полезен и досега, но непълн и остарјал етимологичен речник на Skok, под заглавката *арч* (с фонетични и акцентни варијанти *арч*, *арач*, *харч*, *хӀарч*) се дава изобилен србски диалектен материјал (вклучително и множество производни), илустрирајќи богатата семантика и допълнителната семантична специјализација на думата на домашна почва (EPCJ 1: 219–220). Избројават се значењата 'разход', 'пари', 'материјал', 'изразходван, употребен материјал', '(материјал за) украса на облекло', 'храна', 'лекарство' и др. Думата се извежда од тур. *harç* 'разход, разноски; саставка (на храна), суровина; цемент, вар; гайтани, панделки и под. како украса на облекло', од арабски производ. Определя се како балкански турцизъм, зает и во макед. (*х*)*арч*, *арџ*, бълг. *хӀарч*, рум. *hárgiuri* ср. р. мн. ч., арум. *hárǵe*, алб. *harxh*, нгр. *χартζιλίκι*, всички те без посочени значења. При представянето на паралелите не става јасно дали во балканските езици думата е заета со всички приведени значења на турскиот етимон или само со некое/някој од тие, и, соодветно, со кое/кои.

Во Уводу на EPCJ (1: 8) авторите прават уговорката, че како заглавка се зема книжевна или нај-близка до книжевната диалектна форма на думата, т.е. не се прилага принципот на нај-голема близост до етимона. Поради нестабилниот статут на фонемата *х*- во источниот, србски, варијант, како и поради давањето на предимство на нај-разпространените диалектни облици во заглавката, под буква *а*- се вклучени многу думи, коишто у Skok фигурираат под буква *х*¹. Затоа и во този случај всички фонетични варијанти на заемката *харч* стојат под заглавка *арч*. Сред богато представени во EPCJ (1: 219–220) диалектен материјал обаче не се дадени некои значења на думата, коишто отсустват и у Skok, а се регистрирани у Škaljić и Елезовић. Во българскиот јазик те имаат паралели, коишто ќе разгледам во настоящото изложение, допринасяјќи по този начин за допълвање на лексикалниот корпус од турски заемки во два славянски јазика, како българскиот и србскиот.

Во турскиот јазик *harç* има значења: 'изхарчени, похарчени пари, пари за харчене, разходи, разноски; налог, такса, данък; материјал, използван за направата на нешто; материјали (пръст, слама, пясък, вар, цемент и др.) за спојка на тухли и камења или за измазване на ѕени во строителството, смес од помошни материјали; смес од пръст и подхранващи вещества во градинарството; помошни материјали при шиене

¹ Така на пример *хаван* е поставено под книжевното *аван* (под *аван*¹).

на дрехи — апликация, украса, гарнитура; подправка, застройка (на ястие)', както и ред други значения (по *Türkçe Sözlük* 2005: 847, *Meydan Larousse* 1971: 605–606, *Okyanus* 1971: 1006–1007, *TRC* 1977: 385). Производните *harçlı* и *harçlık*, които също са заети в български и сърбохърватски, в посочените турски лексикографски извори се тълкуват така: 'който изисква разходи, който е срещу заплащане; направен от скъп материал; изграден с помощни материали; украсен, апликиран (за дреха)', и, съответно: 'пари за харчене, джобни пари, пари за дребни разходи'.

С оглед на многозначността на етимона изглежда целесъобразно значенията на заемката в български и сръбски да се групират семантично, за да се види кои от тях са заети от турски и кои се развиват допълнително на домашна почва.

В съвременния български език *харч* 'паричен разход, разноски' (БТР 1955: 919; РСБКЕ III: 552) е общоупотребима, жива, високофреквентна дума с много производни. В западните български говори, където статутът на фонемата *x*- е нестабилен, както в източните сръбски говори, началното *x*- в *арч* 'разход, разноски' и в производните от него редовно изпада². Думата се среща и с озвучаване *ч > дж*: *хардж* 'харч', в мн. ч. *харджове* (Панчев 1908: 319), членувано *арджовите* (Костурско) (по тур. изафет *harci*). Със същото значение думата и нейни фонетични варианти са регистрирани в сърбохърватски (ЕРСЈ 1: 219–220, под *арч*): *ърч* (Черна гора, Косово), *арч* (Призрен, Лесковац), *арач* (Полица и Косово), *ар̄ч* (Мостар), *харч* (Херцеговина), *х̄рач* (във Вуковия речник). В българския език са регистрирани: *харчовит* 'който е свързан с много харчове, разходи' (РСБКЕ 552)³; *харчлия* диал. 'харчовит' (РРОДД 543), *арчлия* 'прахосник' (Костурско, БД 8: 206), *арчлия* 'скъп, масрафлия' (Пиянец, Кюстендилско, ДА), *арчулийе* 'добър човек, раздаващ се и за другите' (Павелско, Смолянско, ДА) *харджелия* 'харчелия, харчовит, скъп' (Панчев 1908: 319), *арджелия* 'харчелия, харчовит, който иска харчове, за когото е похарчено много, скъп' (Панчев 1908: 6)⁴ — от тур. *harçlı*

² Съгласната *x* е една от малкото съгласни, които не се срещат във всички български диалекти. В повечето диалекти тя отпада в началото на думата и в средисловието между две гласни: *òdi* (ходи), *л'ан* (хл'ап), *игр̀аа* (играха), *мо̀ж̀аа* (можаха). В някои западни говори, като преходните, изобщо не се среща съгласна *x* (Стойков 2002: 215).

³ Производно на домашна почва с наставка *-овит*, както във *ветровит*, *жаловит*.

⁴ Панчев отбелязва, че думата *арджелия*, регистрирана в сборника на братя Миладинови „Български народни песни“ (в песен: *Яс ке одам на мойот вилает / За тва коам коня арджелию*), у Дювернуа погрешно е тълкувана като 'кон'.

’който изисква разходи, който е срещу заплащане’; *арчлика* ж. ’прахосница’ (Костурско, БД 8: 206); *харчлѝк* м. разг., само ед.ч. ’дребни, джобни разноси’ (БТР 1955: 919), ’разноси за обикновени, редовни нужди’ (Сливенско, ДА), ’пари за разход, за задоволяване нуждите на отделен човек или домаќинство’ (Шумен, ДА), *арчлѝк* ’харч, разноски’ (Годечко, Софийско, Плевенско, Царибродско, ДА), *арчлок* също (Църско, Битолско, Панчев 1908: 7), *харачлѝк* също (РРОДД 542), *харшилѝк* ’пари за дребни разноси’ (РРОДД 543), *харашилѝк* също (РРОДД 542), *харашилѝк* ’пари за дребни покупки’ (Смолянско, Ардинско, Асеновградско, Маданско, Девинско, БД 2: 294), *хършилѝк* ’джобни пари за харчене’ (Хасково, БД 5: 98) — от тур. *harçlık* ’пари за дребни разходи’⁵. Българските форми са паралели на срхр. (*х*)*ārçī-vo* ’разход’ (народна песен от Босна и Херцеговина)⁶, *хәрчија* ’разсипник’ (народна приказка от Черна Гора), *ārчија* ’разсипник’ (Прирот), *арчија* ’нещо скъпо, което предизвиква големи разходи’ (Призрен)⁷, *харчлук* ’разход, джобни пари’ (народна песен от Босна и Херцеговина, ЕРСЈ 1: 220). Деноминали от срхр. *харч*, *арч* са *хәрчийи* (*се*), *ārчийи* (*се*) (с акцентни варианти) ’харча, изразходвам; излагам се на разходи, изразходвам се’, с префикси: *исхәрчийи*, *изарчийи*, *идхәрчийи*, *идārчийи*⁸. В български от *харч* и от негови варианти са образувани *хәрча* ’изразходвам пари; изразходвам, употребявам, консумирам’ (БТР 1955: 919; РСБКЕ III: 552), *харчи* ’продава’ (Въбел, Плевенско, ДА), *хәрчи се* ’(за стока) продава се, търси се’ (БТР 1955: 919), *арча* ’харча’ диал., *арчѝ* ’харча, изразходвам’ (Съчанли, Гюмюрджинско, БД 6: 7), *арчим* ’харча’ диал., *хәрджам* ’харча, разносвам’ (Панчев 1908: 319), *ардѝжа* ’изразходвам’ (Костурско, БД 8: 206), *харчѝвам се* диал. ’правя разходи’⁹, откъдето и отглаголното съществително *харчѝване* ’охарчване’ (РРОДД 544). Много са префигираните глаголи от *хәрча*: *дохәрча*, *дохәрчвам*, *дохәрчувам*; *захәрча*, *захәрчвам*; *изхәрча* (*се*), *изхәрчвам се*; *изърчувѝм*, *изәрчим* ’изразходвам’ (Ново село, Видинско, ДА); *надхәрча*, *надхәрчвам*; *охәрча се*, *охәрчвам се* разг. ’изхарчвам много свои пари’ (РСБКЕ II: 451); по-

⁵ Формите с *ш* са с деафрикатизация *ч [ти]* > *ш*, а родопското *хашарлѝк* е с широко *ѝ* на мястото на *ѝ* в наставката *-лѝк* (от тур. *-lik*).

⁶ Производно на домашна почва с наставка *-иво*, както в *топливо*, *гориво*.

⁷ В Призрен *арчија* има и значение ’(за жито) с нечистотии, плевели’, за което се сравнява с тур. диал. *harç* ’нечистотия в жито’ (ЕРСЈ 1: 220).

⁸ За местоговорите вж. ЕРСЈ 1: 220.

⁹ С наставка *-осам*, както в *майтанѝсам* от *майтан*, *чаршафѝсам* от *чаршаф*.

х̀арча (*се*), *пох̀арчвам* (*се*), *пох̀арчам*; *разх̀арча* (*се*), *разх̀арчвам* (*се*); *у̀арчувам са* 'похарчвам много свои пари' (Самоков, БД 3: 282)¹⁰.

Още Miklosich преди 130 години приема бълг. *харч* 'разход' (у него *hardž*, *harč*), сръб. *harač*, укр. *харч* (у него *charč*) 'съестни продукти', рус. *харч* (у него *charčъ*), за турски елементи от араб. *xardž* 'разноски, разходи' (Miklosich 85; Miklosich 1: 308). Berneker също поставя в една етимологична статия бълг. *харч* 'разходи, разноски' (у него *harč*), *харча* (*харчил*) (у него *harčъ*, *harčil*), срхр. *hàrač*, *hàrča*, *hàrčim*, *hàrčiti*, укр. *харч*, *харчі*, рус. *харч*, *харчи* и пол. диал. *charcz* 'Kost' (от укр.), като ги извежда от османско (от арабски) *xarj* 'разноски, разходи, харч' (Berneker 385). Това се приема и от Vasmer, който под *харчі* 'Kost, Proviant, Nahrung' дава рус. *харчѣвня* 'гостилница', укр. *харч*¹¹ и староруско *charčъ*, *ischarčiti* 'verausgaben' (Vasmer 3: 232)¹². Руската и украинската думи се извеждат от араб., перс. *xarj* 'разход, харч, разноски' и у Абаев, който дава паралели и от други езици (Абаев IV: 142)¹³. Стефан Младенов (Младенов 1927: 38–39) намира връзка между рус. *харч*, *харчі* 'храна, неща за ядене, припаси; разноски' и бълг. *харч* 'разходи, разноски', като изтъква, че преходът на значението в руски 'разноски' > 'провизии' напомня на сръгнем. *Koste*, *Kost* 'стойност, цена; ядене, храна' и нововиснем. *Kost* 'храна' и *kosten* 'струвам'.

В българския език *харч* не е засвидетелствано със значение 'храна', но семантичният развой на срхр. диал. *̀арч*, *̀арач* 'храна' (EPCJ 1: 219) вероятно е същият, както този в руски.

Значението на тур. *harç* 'материал, използван за направата на нещо' е заето както в бълг. *хардж*, в мн. ч. *харджове* 'всеки отделен предмет, който влиза в състава на нещо; съставна част' (Цариброд, Панчев 1908: 319), така и в срхр. *̀арач* 'материал' (Косово), *̀арч* 'изразходван, употребен материал' (Южна Сърбия), *арч* 'част' в *̀арчови* ... *за кола* (Лесковац, EPCJ 1: 219–220). Като специален строителен и градинарски термин думата не е засвидетелствана в български и сър-

¹⁰ Формите без посочен местоговор са от речника на Геров, където присъстват и двойнопрефигираните глаголи *доу̀х̀арча*, *поу̀х̀арча*, *изпо̀х̀арча* (които по принцип не се дават в БЕР).

¹¹ Тук към руската и украинската дума трябва да се добави и белорус. *харч*, *харчы* 'харч, харчове'.

¹² В руски *харчъ*, *исхарчити* са засвидетелствани още през 15 век у Афанасий Никитин в „Хождение за три моря“ (1466–1472) — тврски търговец, описал под формата на дневник пътешествието си през Дербент и Баку по суша в Персия и Индия.

¹³ Вж. и посочената там литература. За рус. *харч*, *харчі* вж. и Шипова 1976: 363 и посочената там литература.

бохърватски, но е регистрирана като термин от кожарския занаят: *Арч се именува чорбѣтъ — искѣсвъ сѣлтѣ и са фѣрля* (Бериево, Севлиево, ДА). Като кожарски термин в сърбохърватски *хѣрч* (*ѣрч*, *хѣрч*, *ѣрч*) 'щава, употребявана от кожари за щавене на кожа' се открива само у Škaljić (Škaljić 312). Турският кулинарен термин *harç* 'подправки, застройки, допълнения към приготвени ястия — сол, мазнина, джоджен, мащерка, лук, домати и т.н.' (Mezdan-Lagousse 1971: 605–606) стеснява семантичния си обем в бълг. *арч* 'смяна канела' (Софийско, БД 1: 242) и развива значение 'лекарство' в сръбски *ѣрч* (Югоизточна Сърбия, ЕРСЈ 1: 219).

Най-много са семантичните иновации в шивашкия занаят, където тур. *harç* 'украса, апликация, гарнитура, помощни материали при шиенето на дрехи', *harçlı* 'направен с помощни материали; украсен, апликиран' (Okyanus 1971: 1006–1007) получават редица допълнителни специализации на значението. Скок отбелязва *harç* и *hãraç* 'материал за украса', *ãraç* 'предна част на гърдите на женска носия' (Skok 1: 656), Елезовић — *ѣрч* 'специален материал за украса, сребро, злато, гайтан, коприна и под.' (Елезовић I: 19), Škaljić — *хѣрч* (*ѣрч*, *хѣрч*, *ѣрч*) 'гайтани, с които се украсяват потури и панталони' (Škaljić 312), ЕРСЈ (1: 219–220) — *ѣрч* 'украса на облекло, прибор за украса на облекло' (Северна Сърбия), *ѣрч* 'материал за украса на облекло' (Златибор), 'парче червена или черна чоха, която служи за украса на облекло' (Конавли), *харч* 'украса на облекло' (народна песен от Босна и Херцеговина, Й. Веселинович, Дувно).

Тур. *harç* като елемент за украса на дрехи в българските говори развива следните значения: *харч* 'зелен копринен купен ширит по пазвата на невестинска аба' (Добърско, Разложко, ДА), 'дантела, шита с игла, с която се обточва ръченик' (Жеравна, Котленско, ДА), *арч* 'специално тъкана ивица за гарнитура на дрехи, широка около 5 см, понякога обшивана с маниста' (Севлиево, ДА), 'купувани шикове, ширити, пулове месингови за украса на литаците (сукманите)' (Трънско, ДА), *арч* 'вземо със сърма на сая' (Багреници, Кюстендилско, ДА) и *ѣрч* също (Драговища, Полето, Кюстендилско, ДА), *арч* в текст: ... *в шарките на сукмана има и чърн «арч» и фрутулки бели и жълти, които се купуват от пазара* (Видинско, Кулско, Белоградчишко, Берковско, Ломско, Оряховско, Врачанско, ДА), *хѣрчове* 'сребърни нашивки на дрехи' (Езеро, Новозагорско, ДА), в текст: *Над «рахтовете» и «крѣулиците» се пришиват «хѣрчове» и ширити* (Старозагорско, ДА), *ѣрчове* 'ширити, пришити на гърдите' (Банско, ДА). Постановянето на допълнителна украса към женска дреха се нарича *арчене* (Лясково, Девинско, ДА), отглаголно съществително от *арча* с неза-

свидетелствано значение 'украсявам'. Както се вижда от ексцерпираниите примери, в сърбохърватския ареал цветът на тази украса може да бъде сребърен, златен, червен и черен, а в българския — сребърен и златен (от *сърма* 'посребрени или позлатени тънки медни жички, с които се бродира'), зелен и черен.

Бълг. *харчлии* мн.ч. 'потури, направени с много гайтани — и отпред, и отзад' (Градец, Котленско, ДА) е паралел на срхр. *арча̀лија*, *арча̀лија* 'украсен с гайтани (обикновено за потури)' и 'вид малка пушка, украсена със сърма' (РСА 1: 181). В срхр. *hàrčaliја*, *haràčliја*, *arčaliја*, *aračliја* 'пушка, която харчи много прах (барут) и олово' (Škaljić 314) и *харча̀лија* 'пушка с голям калибър' (ЕРСЈ 1: 220) вероятно се оглежда значението на тур. *harçlı* 'който изисква разходи (който е от скъп материал), който е свързан с харчове'.¹⁴

Полисемантичната турска дума *harç* има и значение 'работа, която е по силите, възможностите (на някого), англ. *capacity, ability*' (Окуанус 1971: 1006–1007), например в съчетание с глагола *olmak* 'съм; ставам, случвам се': *harçlı olmak* '(нещо) е по силите ми, достъпно ми е, възможно ми е; прилича, подобава, подхожда' (Türkçe Sözlük 2005: 847, ТРС 1977: 385) и с именно отрицание *değil* 'не': *harçlı değil* 'непосилно, пряко сили; не прилича, не подобава (някому) да постъпва, да действа така' (ТРС 1977: 385). Последният израз е зает в срхр. *nije mi u harač (to i to)* 'не ме интересува, не се отнася до мен' (регистрирано само у Škaljić 312) и в бълг. *мене са не харч (се работи)* (само в Смолянско, ДА). В БД (2: 294) думата *харч* в този израз от Смолянско е тълкувана със страдателното причастие 'приет', а в Павелско, Асеновградско — 'приличен, заслужен' (ДА). Тук обаче изглежда по-коректно да се тълкува целият израз като 'невъзможни са ми, не ми приличат, не ми подобават'.

В БД (3: 200), където се дава *арч* със значение 'харчене на пари' в израза *А да ти го продам! — Не ми е арч* (Самоковско), отговорът на предложението *не ми е арч* е тълкуван като 'не ми се иска да харча'. Според мене, значението на израза тук по-скоро е 'не е по силите ми, не ми прилича, не е за мене', както в дадените по-горе примери от Родопите и у Škaljić.

Тур. *harç* се извежда от араб. *harc* 'изхвърлен, изразходван, употребен' (Еуубоғлу 315). В някои турски речници *harç*¹ 'изхарчени па-

¹⁴ Mollova (1982: 54) етимологизува сърбохърватските думи и бълг. *ардџелия*, *хардџелия*, *харчелия* по друг начин — от тур. диал. **arçalı*, тур. нар. **(h)arçalı*, тур. *hariceli*, *haricalı* 'барелеф', които авторката извежда от осм. *harice*, *harica* 'релеф' (от араб. *haridž* 'който е извън; външен; релефен') с наставка *-lı*.

ри, разходи, разноски; работа, която е по силите на някого; налог, данък' (и с други значения) и *harç*² 'материал, използван за направата на нещо; строителен материал; помощни материали при шиене; подправка, застрройка на ястие' (и с други значения) са представени като омоними и се извеждат съответно от араб. *harç* 'разход, харч' и перс. *harç* 'смесване' (Окуанус 1971: 1006–1007, Meydan-Larousse 1971: 605–606). Богатата семантика на турската дума е застъпена в по-голямата си част и доразвита в български и в сърбохърватски, където заемката функционира в различни фонетични и акцентни варианти с много производни. Открояват се няколко групи значения: 'разход, разноски; пари'; 'храна' (с тези значения турцизмът е зает и в източнославянските езици); 'изразходван, употребен материал; материал', 'част, съставна част', 'лекарство', 'щавя', 'смляна канела'; '(материал за) украса, апликация; украса на дреха'; 'работа, която е по силите и подobaва, прилича (някому)'.

Използвана литература

БТР 1955 – *Български тълковен речник*, София.

ДА – *Диалектен архив на Института за български език при БАН*, София.

Младенов 1927 – Ст. Младенов, Забележки върху етимологията на някои турски и гръцки думи в един дамаскин (Поправки и допълнения към отдела за чужди думи в книгата на Л. Милетич, Свищовски дамаскин), *Годишник на Софийския университет – Историко-филологически факултет*, 22, София.

Панчев 1908 – Т. Панчев, *Допълнение на българския речник от Н. Геров*, Пловдив.

Стойков 2002 – Ст. Стойков, *Българска диалектология. 4-то фототипно издание*, София.

ТРС 1977 – *Турецко-русский словарь*, Москва.

Шипова 1976 – Е. Н. Шипова, *Словарь тюркизов в русском языке*, Алма-Ата.

*

Meydan Larousse 1971 – *Meydan Larousse. Büyük Zügat ve Ansiklopedi. Beşinci cilt*, İstanbul.

Mollova 1982 – M. Mollova, Quelques turcismes en *a-* dans les langues serbocroate et bulgare, *Балканско езиковознание* 25/2, София, 37–66.

Окуанус 1971 – *Окуанус 20, Yüzyıl Ansiklopedik Türkçe Sözlük, Hazırlayan – Pars Tuğlacı. Cilt II*, İstanbul.

Türkçe Sözlük 2005 – *Türkçe Sözlük, TDK*, Ankara.

Desislava Borisova (Sofia)

**The origin and the meanings of the Bulgarian *harč*, *arč*, *hardž*
and the Serbo-Croatian *harč*, *arč*, *harač*, *arač* (with their derivatives)**

Summary

The paper deals with the loan-word Bulgarian *harč*, *arč*, *hardž*, Serbo-Croatian *harč*, *arč*, *harač*, *arač*, borrowed from Turkish *harç* 'expenditure, outlay, etc.'. Its etymology is additionally clarified and corroborated by Bulgarian materials, with parallels from other Slavic languages. The usages of the word and its derivatives are grouped semantically in order to distinguish between Turkish ones and those developed as a result of an additional specialization in the borrowing language: 'expenditure, outlay; money'; 'food'; 'used material; material', 'part, component, constituent'; 'medicine', 'tan', 'ground cinnamon'; '(material for) decoration, application; application of clothes'; 'ability, capacity'.

dessyborissova@ins.bg

ISBN 978-86-7025-451-0, (2007), p. (51–55)

UDC 811.163.1'373.6

811.16'373.6

Pavla Valčáková (Brno)

Church Slavonic *pokrŕta**

The word appears once in Parimejnik, the first Old Church Slavonic translation of chosen texts from the Old Testament, in the expression *chlěbъ otъ pokrŕty* ('pieces of bread') rendering Greek *ψωμὸς ἄρτου*. It is somewhat odd because both Greek *ἄρτος* and *ψωμίον*, *ψωμός* are usually translated into Old Church Slavonic as *chlěbъ*. Nevertheless Old Church Slavonic *chlěbъ* has more meanings including 'a piece of food'. In this particular usage *chlěbъ* is probably connected with *pokrŕta*, which is translated as 'pancake' or 'bread', German 'flaches Brot'. However, according to a recent interpretation of the phrase in question, *chlěbъ* would mean here 'bread' and *pokrŕta* 'something ground (e. g. grain)'; consequently *chlěbъ otъ pokrŕty* is explained as 'bread made of ground grain'. The contribution of the present paper consists in reconsidering both interpretations from the point of view of the original Old Testament text which should never be left out of sight when interpreting disputable Old Church Slavonic words.

Key words: Slavonic languages, etymology, Church Slavonic.

CS *pokrŕta* 'a griddle cake' appears once in the Gregorovichev Parimejnik in the expression *chlěbъ otъ pokrŕty* which stands for Greek *ψωμὸς ἄρτου* (3Rg 17, 11). E. Bláhová (1999:244n) draws attention to this issue in the Greek original since both Greek words, *ἄρτος* and *ψωμίον*, are usually translated into Old Slavonic as *chlěbъ*. Here, she mentions, *ψωμός* has the original meaning of 'gobbet, a piece (of food)'. Instead of Greek *ἄρτος* the translator used the word *pokrŕta* 'a griddle cake' which refers to the shape of the bread. SJS 3:129n translates the Old Slavonic expression into Czech as 'a piece of bread'. That meaning corresponds with CS *ukruchъ chlěba* ('sliver, piece') in the so-called Elizabethan new CS Bible, OCz *skýva chleba* in Old Czech Olomouc Bible, Latin *buccella panis* in Itala and *ein Bissen Brot* in German Luther Bible.

In Slavonic languages *pokrŕta* tends to appear as an archaism: OCz *pokruta*, *pokrútka* (StčS 3:546n), older Czech *pokroutka*, *pokruta* (Kott 2:708), OPol *pokręta* (SSp 6:330n, Reczek 344), UpSo *pokruta*, LoSo

* The article was written thanks to the grant from GA ČR 405/04/1179.

pokšyta, older *pokšuta* (Schuster-Šewc 1121), ORuss *pokruta* (СРЯ XI–XVII вв. 16:181) or as a dialectism: Slovak dial. *okrútka* with changed pref. (Kálal 419), Czech dialectal word in plural *pokroutky* (Kott 10:274) — ‘bread of circular shape, a loaf of bread, a cake, a pancake, etc.’ (OCz, older Cz, Lst, ORuss), ‘a griddle cake made of healing ingredients for internal use’ (OCz), ‘a little loaf or a ball of healing mixture with sugar’ (OCz, older Cz, Slk dial.), ‘oil seed pulp’ (OCz, arch. Cz; id. plural word *pokrutiny* which was borrowed from Czech into Slovak, see Machek 469), together with other meanings.¹ CSI *pokręta* is explained as a derivation of pref. *po-**kręttiti* from PSI *kręttiti* ‘to twist’, which is connected with PSI *kręť* ‘twisted; rigid (from twisting or kneading), strong, etc.’ and with PSI *krętati* ‘to move’ (ESJS 11:675n). Semantically, CSI *pokręta* corresponds with PSI *kręť* ‘thick, hard’ since in Biblical times bread was thick and unleavened.

Ž. Šarapatková (2003:211–213) proposes another interpretation of the CS word *pokręta*; according to her *pokręta* was ‘crushed grain’ and *chlěbъ отъ pokręty* is ‘bread made from crushed grain’. The author follows Matzenauer’s interpretation (Matzenauer 1886:174) and combines CS *pokręta* with CS *is-krętati* ‘to break, splinter, crush’, *iskrјatati* ‘to evert, tilt, break’ with Lett *sa-kramtāt* ‘to triturate, crush (grain)’ and Lith *kriūsti* ‘to bite, gnaw, chew’.

Matzenauer l.c. combines mainly *pokręta* with *kręttiti*; he mentions the expression including *iskrętati* ‘frangere’ as the second possibility, and even in that case he does not doubt the meaning of *pokręta* ‘panis’. In his second explanation he probably has in mind the preparation of the ingredients for bread by crushing the grain. He takes Vostokov’s CS *iskrętati* (Vostokov 1:159n), who quotes Žitije svjatogo Stefana episkopa Permskogo², a relic from 15th–16th century: “Ašte kotoryj Perminъ protivu kumirovъ posjažetъ, togda izvreždajetъ ego i islomajetъ i iskrјatajetъ.” Obviously it was not about crushing grain but rather ‘crushing the enemy’. Matzenauer finds other relations of *pokręta* — OHG *scrintan* ‘to burst, dehisce (about buds on plants)’. This word relates to IE *(s)ker-t- ‘to saw, cut, carve’ (Holthausen 127, 257°; Pokorny 942). Lett *sakramtāt* ‘to cru-

¹ For example, older Cz ‘metal coin, ducat’ (Kott 9:234) or OPol *pokrętkka*, *pokrętkka* ‘a kidney (according to the roundshape of the organ)’ (SSp 6:330, Reczek 344), which came from OPol into older Slk *pokrútkka* and Slovak dialectal *pokrutka* id. (HSSJ 4:29). The name for kidneys is probably a cryptonym since kidneys, the objects of pagan magic, were a taboo word in Slavonic languages (Bańkowski 2:683).

² From Vostokov come the attestations in MLP 262 and СРЯ XI–XVII вв. s.v. *is-krјatati*; here the meaning of the word is ‘to overcome, destroy’ from Velikie Minei Četii (from the 16th century).

ble, triturate, crush (grain)³ which Matzenauer also mentions in connection with *pokrŕta* is related to Lett *sakramstīt* id., *kramstīt* ‘to gnaw, chafe, exacerbate, search for lice, twirl hair, etc.’, *krīmst* ‘to gnaw, etc.’ (Karulis 1:417) and Lith *kriĩsti* ‘to bite, gnaw, chew’ but also ‘to agonize, pester, torture, torment, tease’ for which Fraenkel allows relationship with Lith *krāmas* ‘psora’ and with Lith *krama* ‘an accident, illness’. Baltic words are etymologically unclear (Fraenkel 299; Smoczyński 221). Apart from Lett *sakramtāt* Germanic and Baltic words do not have the meaning ‘crush grain’; this is also the case of Lett and Lith words meaning ‘to bite, gnaw’ which rather than consuming food are more likely to have the metaphoric meaning ‘to torture, suffer an illness’. In relation with these words, Holthausen, Fraenkel and Smoczyński who deal with interpretation of the Baltic and Germanic words do not mention PSI *krŕtŕb*, *krŕtiti*, *krŕtati* and *pokrŕta*. That is why along with this evidence the interpretation of *pokrŕta* as ‘crushed grain’ is difficult. And what are the reasons for it?

The problem, which the author is trying to solve in this interpretation, seems to be the preposition *otŕb* in the expression *chlebbŕ otŕ pokrŕty*. In her opinion, the Greek version corresponds with the Czech translation of ‘piece of bread’ but as she mentions “the prepositional phrase *chlěbbŕ otŕ pokrŕty* in CSI translation is not explained by it”. That is why she wishes to interpret it differently: “If we follow the suggested direction (through *iskrŕtati*, author’s note), we reach the conclusion that from the vb. *krŕtati* a noun *pokrŕta* can be derived meaning ‘crushed grain’. ... That would explain the prepositional phrase *chlěbbŕ otŕ pokrŕty* where *otŕb* and the genitive indicates the substance, the ingredients from which the bread was made”⁴.

However, in the phrase *chlěbbŕ otŕ pokrŕty* the preposition *otŕb* with the genitive indicates the whole from which a part was divided. It is a prepositional partitive genitive. It appears either with the general indication of the whole, e.g. *psi jedŕtŕ otŕ krupicŕb* (Mt 15, 27 Zogr Mar Sav Ostr), *aŕŕte kbto sŕněstŕ otŕ chleěba sego* (J 6, 51 Zogr Mar As Ostr) or indicating a concrete part of the whole usually in connection with a numeral, e.g. *sŕtotŕb měrŕ otŕ olěja* (L 16, 6 Zogr Mar), *desŕtinŕ daete otŕ měty* (L 11, 42 Zogr Mar) or in connection with some other labelling of the whole, e.g. *priemletŕb s(vŕ)ŕstennikŕ otŕb chleěba ŕŕstŕb* (Sluŕŕ Sofc, Orlov 1909:279, 13). The expression *chlěbbŕ otŕ pokrŕty* belongs to this category. Spread-

³ See German translation of Latvian text: “die Mühle zerreibt die Körner klein” (Mühlenbach/Endzelin 3:654).

⁴ Šarapatkova 2003:211n: “Budeme-li pokračovat naznačeným směrem (přes *iskrŕtati*, pozn. P.V.), dospějeme k tomu, ŕe z vb. *krŕtati* lze odvodit subst. *pokrŕta* s významem ‘podrcené zrní’. ... Vysvětlilo by se tak předložkové spojení *chlěbbŕ otŕ pokrŕty*, v němŕ *otŕb* s gen. by oznaĉovalo látku, materiál, z něhoŕ byl chleěb zhotoven”.

ing prepositions in declination is common in South Slavonic. The majority of examples can be found in Bulgarian and Macedonian where the prepositional declination substitutes the ending of declination (Herodes 1963:336–340; Horálek 1966:158; Večerka 1984:115). In South Slavonic languages the *отъ* + genitive structure has existed until nowadays; compare Bulgarian *polovínata ot jábǎlkata* (Kufnerová 1990:232n; see also Mirčev 1955:108n.). These examples are mostly from Macedonian (Zogr Mar As) and Bulgarian antiquities; but they also exist in OES antiquities (e.g. Ostr and SlužSo^č). The genitive with preposition *отъ* was spreading in Old Russian until the 17th century under the influence of religious Slavonic language and it was typical for religious literature translation; see e.g. ORuss *otrezatъ lomotъ ot chlěba* (ESSJ 1:151).

As the original Old Testament text should not be ignored when interpreting problematic Old Slavonic words it is crucial to mention the context in which the expression *chlěbъ отъ pokrōty* is found. It is in the third Book of Kings where prophet Elias, advised by the God, asked a widow from Sarepta for some water and a piece of bread. The widow answered she did not have any bread but only a bit of flour and oil. Elias asked her to prepare the bread and told her that according to the Lord's promise the amount of flour and oil would not lessen until the day when the Lord would send rain to Earth (3Rg 17). The ingredient used for bread is directly mentioned, it was flour. That fact requires contemplation. It is true that flour is basically crushed grain but why would Elias highlight this fact when requesting food? Why would he emphasise the ingredient that should be used to prepare the bread? And why did the woman not use the expression 'crushed grain' in her answer and did not tell him she did not have the bread made of crushed grain and not even the crushed grain itself? And finally, why did the author of this interpretation not use the word 'flour' instead of collocation 'crushed grain'? If the Hebrew and Greek originals referred to crushed grain, flour (*ἄλευρον* in Greek), the translator would have probably used the term *mōka* rather than *pokrōta*. He did not use it since the original text did not suggest that meaning. From this point of view *pokrōta* in the meaning of 'crushed grain' does not correspond with the sense of the Old Testament text.

References

- Bańkowski** — A. Bańkowski, *Etymologiczny słownik języka polskiego*, Warszawa 2000.
- Bláhová 1999** — E. Bláhová, Lexikální specifika staroslověnského parimejníku, *Slavia* 68, 235–249.

- Herodes 1963** — S. Herodes, Старославянские предлоги, *Исследования по синтаксису старославянского языка*, Praha.
- Holthausen** — F. Holthausen, *Wörterbuch des Altwestnordischen*, Göttingen 1948.
- Horálek 1966** — K. Horálek, *Úvod do studia slovanských jazyků*, Praha.
- Kálal** — M. Kálal, *Slovenský slovník z literatury aj nářečí*, Banská Bystrica 1923.
- Karulis** — K. Karulis, *Latviešu etimologijas vārdnīca*, Riga 1992.
- Kott** — F. Š. Kott, *Česko-německý slovník zvláště grammaticko-frazeologický* 1–10, Praha 1878n.
- Kufnerová 1990** — Z. Kufnerová, *Stručná mluvnice bulharštiny*, Praha.
- Matzenauer 1886** — A. Matzenauer, Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu, *Listy filologické* 13, Praha, 174.
- Mirčev 1955** — K. Мирчев, *Историческа граматика на българския език*, София.
- Mühlenbach/Endzelin** — K. Mühlenbach, J. Endzelin, *Lettisch-deutsches Wörterbuch* 1–4, Riga 1923–1932.
- Orlov 1909** — M. И. Орлов, *Литургия св. Василия Великого*, Санкт-Петербург.
- Reczek** — J. Reczek, *Podręczny słownik dawnej polszczyzny*, Wrocław/Warszawa/Kraków 1968.
- Smoczyński** — W. Smoczyński, *Krótki słownik etymologiczny języka litewskiego*, Kraków 2005.
- Šarapatková 2003** — Ž. Šarapatková, Poznámky k sémantice několika staroslověnských slov, *Studia etymologica Brunensia* 2, Praha, 209–214.
- Večerka 1984** — R. Večerka, *Staroslověnština*, Praha.
- Vostokov** — A. X. Востоков, *Словарь церковно-славянского языка*, Санкт-Петербург 1858.

Павла Валчакова (Брно)

Церковнославянское *покрѣта*

Резюме

В церковнославянском словосочетании *хлѣвъ отъ покрѣты*, которое встречается в переводе греческого $\psi\omicron\mu\delta\varsigma \acute{\alpha}\rho\tau\omicron\upsilon$ из Ветхого завета, *хлѣвъ* не обозначает «хлебобулочное изделие», а только его часть, «кусок», так что целое словосочетание переводится как «кусок хлеба / лепешки и т. п.». Есть и новая этимология, объясняющая *хлѣвъ отъ покрѣты* как «хлеб из дроблёного зерна», но такой перевод не отвечает значению греческого (и древнееврейского) подлинника.

valcakova@iach.cz

ISBN 978-86-7025-451-0, (2007), p. (57–65)

УДК 811.1/.2'373.6

811.16'373.6

811.161.1'373.6

Жанна Жановна Варбот (Москва)

К этимологии праслав. **město*

Памяти Владимира Николаевича Топорова

Отсутствие структурных вариантов у слав. (и общеслав.) **město*, при неомненности праславянской древности, отсутствие точных индоевропейских соответствий и формальная потенциальная множественность и.-е. источников затрудняют словообразовательный подход к этимологизации и побуждают обратиться к возможностям семантической реконструкции. Семантический анализ лексики (особенно фразеологизмов) русского и других славянских языков обнаруживает наличие в **město* семантических составляющих (определенность (включая и количественную), «полезная занятость», «предназначенность», «наличие границ», «вещественность», что соответствует выделенным В. Н. Топоровым составляющим и.-е. понятия места и свидетельствует о древности славянской семантики. Это позволяет предполагать для праслав. **město* первичную мотивацию «отмеренность = отмеченность» и образование от и.-е. **mē-* «отмечать, мерить, определять» (с расширением *-t-* и суф. *-to*).

Ключевые слова: славянская этимология, семантический анализ, семантические составляющие, первичная мотивация, реконструкция.

Это слово принадлежит к числу наиболее этимологически трудных и, кажется, судя по количеству «равноудаленных» версий, даже и не поддающихся убедительному истолкованию. Затруднения объясняются не только отсутствием надежных соответствий в родственных языках, но в еще большей степени формальными и семантическими характеристиками слова: форма его стабильна, продолжения в отдельных славянских языках (а они есть у всех славян!) не имеют вариантов и регулярно возводятся к единому праславянскому этиму, семантика в разных славянских языках также в основном тождественна, хотя и весьма многопланова, а яркие различия — следствие иноязычных влияний (например, региональное значение «город» в западнославянских языках — результат калькирования семантического развития немецкого синонима, а в восточнославянских — следствие польского влияния; см. также толкование значения «постель» у сев.-рус. *место* как результата финно-угорского влияния, Теуш 2006: 352). В подобных обстоятельствах представляется полезным (не столько в надежде найти надежное решение, сколько с целью приблизиться к пер-

вичным характеристикам слова) уточнение семантических доминант слова, определение их взаимосвязей и вероятной иерархии.

Значительное и замечательное по объему материала и многоплановости исследование в направлении, близком к указанному выше, осуществлено в последнее время В. Н. Топоровым — «О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология)» (далее Топоров 2004). Предлагаемая далее работа о семантике слав. **město* во многих отношениях опирается на это исследование, хотя и одновременно отталкивается от его этимологических итогов. Отсюда необходимость изложить основные положения труда В. Н. Топорова. Следует сразу же отметить, что в центре внимания автора находится именно **понятие** места в его противопоставлении понятию пространства, причем и сущность понятий, и их соотношение определяются для индоевропейского осознания, представления картины мира на базе не только и даже не столько лексики индоевропейских языков, но более сведений об истории народов и их культур (с обобщением также результатов философских трудов о соответствующих понятиях).

Принципиально существенным является принимаемое и подтверждаемое В. Н. Топоровым положение о противопоставлении пространства, которое может мыслиться пустым, месту «как сущности безусловно пространственной, но и в чем-то существенно отличной от пространства, во всяком случае в том отношении, что место не может быть представленным как пустое, пока оно полностью не опустошено и, следовательно, практически тем самым утратило свой статус...» (Топоров 2004: 13). «Одна из существенных особенностей архаичного мифопоэтического сознания состоит как раз в том, что в «обытовленном» понимании пространство-место и не могло мыслиться пустым, беспризнаковым и безымянным...». И ключевым было не противопоставление заполненного пространства незаполненному, пустому, а противопоставление «организованного» (в широком понимании) пространства (в частности, связанного с присутствием в нем неких ценностей, вызывающих заинтересованность человека в них, наличие сферы практических интересов...) «пространству», предельно чуждому даже самой примитивной организации...» (Топоров 2004: 13–14). Далее: «Разница пространства и «места» как раз и состоит в том, что последнее предполагает замысел и, следовательно, целенаправленность и установку. В этом контексте ... и возникает проблема *состава* «места» (Топоров 2004: 27). И, наконец, автор определяет характер состава места: «место ... рассчитано на благое... Это благое, присутствующее в пространстве «места» как залог, отчетливее всего являются человек и вещь, плоды изобретательности и труда человека, выстраивающего сферу культуры...» (Топоров 2004:

28). Столь обширное цитирование работы В. Н. Топорова объясняется основополагающим значением предложенных им толкований понятия места и соотношения его с понятием пространства (пустого!) для суждения об его итоговых семантических реконструкциях и для обоснования постановки в реконструкции несколько иного акцента. Следует добавить, что В. Н. Топоров дополняет определение сущности понятия места указанием некоторых его производных характеристик: наличие границ, центра, а также на возможность различий между отдельными культурами (в частности, на материале древнеримской культуры и традиционной русской — по материалам заговоров — в понимании пути и его отношения к месту).

Переходя к собственно лексическому обозначению места, В. Н. Топоров отмечает сложность определения мотивации названий в разных языках. Действительно, как следует из обобщения этимологических толкований этих названий в словаре К. Бака, общепризнанных убедительных толкований мало, а наиболее приемлемые обнаруживают разнообразие мотиваций по языкам, среди них ‘помещать, располагать, ставить, садиться’ (ит. *posto*, греч. τόπος, исп. *sitio*, гот. *staps*, скр. *sthāna*- и нек. др.), ‘жить’ (лит. *vieta*), ‘идти, достигать’ (ав. *gātu*-, *asah*-), ‘земля’ (ир. *dū*-, *ined*, *inad*), ‘точка, начало’ (нов.-в.-нем. *ort*) (Buck 830–831). Очевидна соотнесенность этих типов мотивации с приведенными выше характеристиками понятия места (по В. Н. Топорову): занятостью (человеком или его «вещами»), наличием границ; исключением является, пожалуй, ‘земля’, но эта мотивация для обозначения места самая естественная, хотя и «безлика».

В. Н. Топоров обращается к славянскому слову и опирается на русские исторические и диалектные лексикографические материалы. Иллюстрируя этими материалами «семантический разброс русского слова *место*», автор выделяет для диалектов его «общее, близкое к универсальному значение» (которое получает авторское толкование ‘что-то’, ‘нечто’, ‘какая-либо вещь’), значение границы, возможность обозначения расстояния (рус. диал. *пошли ... сколько-то мест* и др.), определенного отрезка времени (рус. диал. *погода немного места* и др.), выражения количественных отношений (рус. диал. *с это место ‘столько’* и др.) и степени проявления качества (рус. диал. *эко место ‘очень сильно’* и др.); в исторических материалах особо отмечено автором присутствие в толкованиях слова «спецификаторов» *часть* и *определенное* (‘часть, определенное место поверхности...’, ‘часть пространства, предназначенная для...’ и т.п.), а также «акцент на наличии чего-либо *характерного*, специфического (правда, без указания конкретной специфики)» (Топоров 2004: 82–85). Знаменательно

замечание В. Н. Топорова о природе этого «семантического разброса»: «Приведенные примеры употребления в диалектных текстах слова *место* позволяют говорить о поразительно многообразных значениях этого слова, не только и, может быть, не столько развившихся в ходе истории языка, сколько унаследованных от более ранней эпохи и отражающих исходный синкретизм» (Топоров 2004: 84) и далее: «даже предварительный просмотр приведенных примеров (прежде всего с семантической точки зрения) в значительной степени удостоверяет, что множество представленных в этих и подобных им примерах «означаемых»... слова *место* имеет прямое отношение к набору ключевых характеристик «места» в предлагаемом в этой работе понимании» (там же).

Вслед за анализом зафиксированных значений рус. *место* и некоторых его синонимов (*детское место* — *матка*), В. Н. Топоров переходит к рассмотрению предполагаемых по разным версиям этимологических связей слова, привлекает обширный и разнородный славянский лексический материал с потенциальными корнями **mit-* и приходит к этимологическому толкованию, объединяющему, в сущности, несколько ранее предложенных: «корнем праслав. **mĕsto* было... **mit-*: **moit-*: **meit-*. И если **moist-* (: **mĕst-*) позволяет мотивировать обозначение места пищей..., то выявленные варианты «действительного» корня дают возможность обнаружить совсем иные мотивации, присутствующие в вариантах... и.-евр. **mei-*: **moi-*: **mi-* с расширением корня *-t-*» (Топоров 2004: 98–99); и далее, объединяя в одно гнездо **mei-*: **moi-*: **mi-* индоевропейский материал, разделенный Покорным на 6 гнезд (с семантикой ‘укреплять’, ‘менять(ся)’, ‘ходить, бродить’, ‘связывать’, ‘уменьшать, маленький’, ‘нежный’, Pokorny I: 709–712), подводит итог: «пока приходится согласиться с более или менее общим мнением, согласно которому слово *место* (< праслав. **mĕsto*) восходит к результату диссимиляции исходного **mĕt-to* < **moit-to* и может трактоваться как «сбитое», «стиснутое», «уплотненное» (Топоров 2004: 103), ср. обзор версий в (ЭССЯ 18: 205–206).

Оставляя в стороне формальную сторону итоговой реконструкции, нельзя не заметить, что семантическая реконструкция весьма отдалена не только от отмеченных ранее автором (в качестве наиболее примечательных) семантических составляющих русского слова *место*, но и от принятых автором для индоевропейского мировидения характеристик понятия места (если только не считать значение ‘сбитое, стиснутое’ синонимом занятости, полезности). Последнее несоответствие особенно существенно, поскольку именно эти характери-

стики могут в первую очередь рассматриваться как потенциальные мотивации обозначения места (ср. выше о типах мотивации в индоевропейских языках, по К. Баку), а предложенная реконструкция и является скорее мотивацией (а не первичным значением, что, впрочем, очень редко различается исследователями, хотя иногда и совпадает). Что же касается семантики русского слова, то, очевидно, следует считаться с длительностью доисторического существования славянского слова и потенциальными семантическими изменениями, но ведь именно В. Н. Топоров отметил возможность вхождения в русскую семантику значений, унаследованных от более ранней эпохи (см. выше цитату). Соответственно представляется целесообразным повторное обращение к семантике слова *место* в русском языке, отражению в ней понятия места и возможности приближения к первичной мотивации. Разумеется, учитываются разработки и замечания В. Н. Топорова, частично повторно используются некоторые материалы и привлекаются новые, особенно из сферы фразеологии, а также некоторые славянские данные.

Прежде всего, существенно, что семантика русского *место* прекрасно сохранила составляющую занятости, заполненности соответствующей части пространства, но заполненности, как и подчеркивает В. Н. Топоров, культурной, связанной с человеком, его потребностями и его деятельностью, реальной или предполагаемой, намечаемой. Этому не противоречит даже употребление сочетания *пустое место* в значении ‘человек, от которого нет никакого толка, никакой пользы, никакого проку в чем-либо или который ничего не значит для кого-либо’ (ФрСл 246). Замечательно словоупотребление в «Сказке о мертвой царевне» Пушкина: «Там за речкой тихоструйной/ Есть высокая гора,/ В ней глубокая нора;/ В той норе, во тьме печальной,/ Гроб качается хрустальный / На цепях между столбов./ Не видать ничьих следов / Вкруг того *пустого места*, / В том гробу твоя невеста» (курсив мой, Ж. В.). В обоих случаях (особенно у Пушкина) соединение *место* (как заполненного, занятого вместилища) с антонимичным по существу определением *пустое* обозначает собственно не пустоту, а бесполезность и даже дурное качество, подчеркивая обязательность для места доброй, полезной заполненности или хотя бы таковой нацеленности. Относительно последней показательны отмеченные В. Н. Топоровым многочисленные употребления др.-рус. *мѣсто* в значении ‘земельный участок, надел, удел’ (в контекстах предоставления для будущего использования), ‘пространство, которое может быть занято чем-либо’, ср. еще рус. диал. (Коми) *ни кола, ни двора, ни подворного мѣста* ‘кто-либо очень беден, не имеет ника-

кого имущества' (ФрКоми 103), где подчеркнута хозяйственная перспектива места, а также разгов. и диал. *знать местá* 'владеть сведениями об участках, районах, отличающихся изобилием ягод, грибов, орехов, дичи и т.п.'. Полезная «вещность» места объясняет значение производного глагола рус. диал. карел. *смецáть* 'уничтожать, ломая, разрушая, сносить' (СлКар 6: 171). В профессиональном употреблении *место* может без определений служить обозначением как территории для конкретной сферы деятельности, так и самой деятельности, и орудий, предметов, связанных с этой деятельностью: см. рус. диал. урал., ряз. *место* 'земельный участок отдельного хозяйства, усадьба' (СРНГ 18: 128), *мастер / мастерица на всякое место* 'человек, искусный в любом деле' (ФрКоми 126), перм. *на кажно место мастер* 'человек, умеющий все делать' (Алексеев и др. 74), ст.-рус. солеварн. *мѣсто* 'печь, представляющая собою вырытую в варнице и выложенную камнем яму, над которой утверждался црен' (СлПромСев 2: 220) и даже церк. 'возвышение в алтаре за престолом для ведущего службу архиерея' (там же, 218). Ср. в других славянских языках: блр. *m'esto* 'определенный участок земли' (ОЛА 8, к. №46), польск. диал. *na miejscu* 'в доме', *miesto* 'дом с полем' (SW II: 954), откуда далее польск. диал. *namiestnik* 'мифологический дух, живущий на гумне, домовый', болг. *наместник* 'домовой' (ЭССЯ 22: 188). В каждом употреблении подразумевается вполне определенное заполнение, функция места. Равным образом каждая вещь (в широком смысле слова) связана с определенным местом и нарушение этой связи отражает разлад в необходимом порядке: рус. диал. (Коми) *сердце на месте и душа в горсти* 'кто-либо спокоен, умиротворен' (ФрКоми 231), рус. *душа / сердце не на месте* 'кто-либо встревожен, чувствует себя очень беспокойно' (ФрСл 150) — ср. чеш. *mít srdce na pravém místě* 'быть толковым, умным', *mít jazyk / hubu (a p.) na svém místě* 'уметь говорить' (Zaorálek LidRč 193–194). Признание связи каждого этапа в жизни человека с определенным местом следует из фразеологизмов рус. диал. *пора костям на место / на покой* (Даль II: 370), *прибратъ к месту* 'похоронить кого-либо' (СлПскПосл 52) и чеш. *hledat místo polehávat* 'готовиться к смерти' (Zaorálek LidRč 193). Сочетание вещественной и социальной составляющих выразительно представлено употреблением слова в свадебной обрядовой терминологии: ср. рус. диал. арханг., волог., дон., ворон. *глядеть / смотреть место* 'в свадебном обряде — глядеть, осматривать хозяйство жениха' (СРНГ 18: 129), арханг. *место* 'приданое' — *невеста без места* (там же), Коми *невеста без места, жених без штанов* 'бедная, материально несостоятельная молодая пара' (ФрКоми 145) и яросл. *невеста без места*

‘засидевшаяся в невестах девушка’ (Алексеевко и др. 96), а также орл. *место окупать* ‘во время девичника платить выкуп (деньги, угощение и т.п.) за право сесть рядом с невестой’, *место выкупать / окупать / покупать* ‘перед выходом невесты из дома платить выкуп (деньги, угощение и т.п.) за право сесть рядом с невестой’, *место окупать* ‘на второй (день свадьбы вносить выкуп (деньги, конфеты и пр.) за возможность молодоженам сесть на свои места, занятые кем-либо из гостей’, *место продавать* ‘просить выкуп (деньги, угощение и т.п.) с жениха и (или) его друга за право сесть рядом с невестой’ (СлСвадОрл 57, 79, 109), выражающие социальную значимость места. Эта последняя — свадебно-обрядовая — сфера функционирования слова в русском языке имеет соответствие в чеш. диал. *dostat sa na místo* ‘выйти замуж или жениться’ (Zaorálek LidRč 193) и может, очевидно, претендовать на древность. Представляется, что приведенный материал (вместе с рассмотренным в исследовании В. Н. Топорова) позволяет утверждать о наличии в семантике рус. *место* (и ранее — его славянского предка) составляющей определенной предназначенности, нацеленности.

Следующая важная составляющая уже отмечена В. Н. Топоровым: это сема границы, определенности размера. Топоровым приведено рус. диал. арханг. *место* ‘черта, граница, откуда вводят мяч в игру’ (СРНГ 18: 129), ср. еще производное *обместить* ‘поместить, уставить несколько предметов рядом, по данному обводу, обмеру’ (Даль II: 604) (курсив мой, Ж. В.). Близкое значение определенного предела / устойчивости можно предполагать для чеш. *místo* в ст.-чеш. *konec a místo učiniti* ‘рассудить, решить’ в контексте: *mezi nimi o to konec a místo učinili* (1500 г.) (Gebauer II: 355), ср. еще: *Purkgrabě má oběma stranám od toho oznámení ke dvěma neděním den jmenovati, a v druhých dvou nedělích oběma stranám konec a místo učiniti* (1630 г.), *O všecky věci chce nám konec a místo učiniti* (Čas Mus I.a, 53) (Jungmann II: 455).

К свидетельствам количественной составляющей семантики рус. *место* следует добавить еще ст.-рус. *мѣсто* ‘штучная единица измерения мяса’ (СлПромСев 2: 220), а параллелью к приведенному В. Н. Топоровым русскому диалектному выражению степени качества — *эко место* ‘очень сильно’ — является чеш. устар. *na místě* ‘очень, весьма’ (Немцова) (Trávníček SJJČ 986).

Представляется, что приведенные дополнительные материалы русского языка подтверждают замечание В. Н. Топорова о соответствии ряда составляющих семантики русского *место* ключевым характеристикам понятия места (см. выше цитату), а наличие некото-

рых соответствий из других славянских языков (особенно фразеологизмов) позволяет предполагать древность этих составляющих. Анализируя их состав: полезная занятость или нацеленность, ограниченность и количественная определенность, что потенциально обобщается как семантика '(пред-) на-меренности', и памятуя о реализации в обозначениях места, представленных в различных индоевропейских языках, мотиваций из набора ключевых характеристик этого понятия (см. выше материалы словаря Бака), можно, кажется, рассмотреть гипотезу об образовании праслав. **město* на базе этимологического гнезда и.-е. **mē-* с детерминативом *-t-*, семантика которого реконструируется как 'отмечать, мерить, определять' (Pokorný I: 703). См. производные этого гнезда: лат. *mētiō* 'мерить, отмеривать, выделять', греч. *μῆτις* 'план, замысел', алб. *mōt* 'год, погода' (там же). Что касается структурной реконструкции, то для корневого *ǵ* праславянского слова нельзя исключить монофтонгическое происхождение, а конечное *-to* реально как славянский суффикс.

Принятые сокращения

Алексеевко и др. — М. А. Алексеевко / Т. П. Белоусова / О. И. Литвинникова, *Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь*, М., 2004.

Даль = Даль 1955.

ОЛА 8 — *Общеславянский лингвистический атлас*. Вып 8. Профессии и общественная жизнь / Комиссия общеславянского лингвистического атласа. Redaktorzy naukowí tomu: Jan Basara, Janusz Siatkowski. Warszawa, 2003.

СлКар — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб, 1994–2005.

СлПромСев — *Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.* / Ред. Ю. И. Чайкина. Вып. 1–2–. СПб, 2003–2005–.

СлПскПосл — *Словарь псковских пословиц и поговорок* / Составители В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб, 2001.

СлСвадОрл — М. В. Костромичева, *Словарь свадебной лексики Орловщины*. Орел, 1998.

Теуш 2006 — О. А. Теуш, Севернорусская диалектная лексика и праславянская этимология / *Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике*. М.

Топоров 2004 — В. Н. Топоров, О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) / *Язык культуры: семантика и грамматика*. М.

ФрКоми — И. А. Кобелева, *Фразеологический словарь русских говоров республики Коми*. Сыктывкар, 2004.

ФрСл — *Фразеологический словарь русского языка* / Под ред. А. И. Молоткова. Изд. 4-е. М., 1986.

*

Trávníček SIJČ — F. Trávníček, *Slovník jazyka českého*. 4-é vyd. Praha, 1952.
Zaorálek LidRč — J. Zaorálek, *Lidová rčení*. Praha, 2000 (= 1947).

Žanna Žanovna Varbot (Moscow)

Towards the etymology of Proto-Slavic *město*

The continuants of PSl. **město* in modern Slavic languages largely diverged in their usage from its original meaning, which was a result both of spontaneous developments and of the interference by foreign synonyms. Nevertheless, some of those meanings and usages, especially the obsolete and dialectal ones, seem to go back to the primeval idea of something determinated, marked, cf. ORuss. *město* ‘plot, lot’, Russ. dial. *mesto* ‘homeland, birthplace; starting line in a ball game; weight or quantity of something; interval of time’, WRuss. dial. *mesto* ‘plot, lot’. The underlying notion of markedness, measuredness suggests a derivative, by the suffix *-to-*, from PIE root **mēt-* ‘to mark, to measure’ present in Alb. *mōt* ‘time’, Lat. *mētor* ‘to measure’, Gk. μῆτις ‘plan, counsel’, perhaps also in Lith. *māstas* ‘elbow, size’.

varbot@zebra.ru

Јасна Влајић-Поповић (Београд)

**Псл. *kotiti/*katati и *kotъ/*katъ — трагови -а-
вокализма на словенском југу***

У раду се, полазећи од псл. *kotiti „ваљати, обарати итд.“, преиспитује инвентар псл. реконструкција његових поствербала међу које се — ревидирањем семантике псл. *kotъ „јасле, шупа“, такође „заграда у реци (за лов рибе) и сл.“ — и ова именица убраја у њих, те се предлаже и образлаже реконструисање још једног хомонима, псл. *kotъ „прут, мотка, колац, брвно и сл.“, а даље се преко његовог јсл. пандана у облику срп. *каџи* „врљика; клин“, откривају још неки досад нерегистровани трагови -а- вокализма на словенском југу.

Кључне речи: етимологија, семантика, прасловенска реконструкција, словенски језици, српски језик, псл. *kotiti (se) „ваљати, котрљати (се)“, псл. *kotъ „шупа“.

1. Питањем порекла псл. *kot- / *kat- бавили су се многи словенски етимолози – неки чак и вишекратно (нпр. ТОПОРОВ 1962; ТОПОРОВ 1973). Тумачења је било различитих, али до коначног и опште-прихваћеног није се дошло. Свеобухватне студије, какву ова тема захтева и завређује, још увек нема, а управо она би била нужан предуслов за коначно расветљавање генеалогije глагола *kotiti (se) и сл. као и за сагледавање његове обимне и разгранате лексичко-семантичке породице.

1.1. Временом акумулирана грађа исцртала је низ занимљивих и хетерогено оријентисаних изоглоса и изолекси које се углавном поларизују у опозицији север — југ или североисток — југозапад,¹ нпр. *kotiti на североистоку према *kotati² на југозападу, *kotiti на северо-

* Овај рад је резултат истраживања у оквиру пројекта бр. 148004: „Етимолошка истраживања српског језика и израда *Етимолошког речника српског језика*“, који у целини финансира Министарство науке Републике Србије.

¹ Тврдња се не односи на иначе специфичан глагол *kotiti (se) I „рађати (се)“, који се у оквиру ове лексичке породице издваја и својим општесловенским ареалом.

² Овај глагол је вероватни јсл. дијалектизам *kotati (према с.-х. и слн. потврдама), који се у ЭССЯ 11:199 тумачи као еквивалент итеративу *katati са „контамина-

истоку према експресивним облицима на југу (**koturati*, **kotьrl'ati*, **kotyl'ati*), суфикс *-ихъ* на североистоку према суфиксима *-orъ/-arъ/-urъ* на југу (и југозападу), коренски вокализам *-a-* на истоку (у свим основама, нарочито у облику интензивума **katjati* > рус. *кача́ть*, укр. *кача́ти*), док га практично нема на југу, нарочито југозападу (на овом терену ту функцију преузимају облици са експресивним суфиксима) итд. При томе се централни појас помера и варира тако да повремено укључује чешки и/ли словачки, некад чак и украјински језик,³ мада постоје и изоглосе које су сасвим другачије оријентисане, управо иду правцем југ–исток, заобилазећи тако централни и западни словенски терен.⁴

1.1.1. Последња наведена опозиција, однос вокализама *-a-* : *-o-*, представља тежиште овог рада тако што се излагањем нових примера доводи у питање уврежено мишљење о одсуству вокализма *-a-* на словенском југу.

1.2. Гледано из прасловенске перспективе, проблем има (барем) три димензије.

1.2.1. Прву чини с а м г л а г о л **kotati (se) / *kotiti (se)*. Ту није споран однос између заправо лажних хомонима **kotiti (se)* I „рађати (се), плодити (се)“ и **kotiti (se)* II „ваљати, обарати, котрљати итд.“ — што је тема која се може сматрати апсолвираном⁵ — колико је отворе-

тивним коренским вокализмом“ (према **kotiti* II, који као симплекс на југу иначе није посведочен).

³ Нпр. за **kotiti* II нема потврда из јсл. језика (ЭССЯ 11:205), док међу експресивно проширеним глаголима типичним за јсл. језике изостају потврде са истока/североистока: **kotalěti / *kotьlěti* реконструирале се само на основу јсл., чеш. и слч. примера (ibid.198), **kotul'ati (se)* на основу с.-х., чеш., слч. + (?) укр. (ibid. 209), **kotьrl'ati (se)* према с.-х., слн., чеш., слч. (ibid. 213) итд.

⁴ Нпр. **kotyl'ati (se)* према с.-х. и рус. дијал. потврдама (ЭССЯ 11:214), **koturati (se)* према мак., с.-х., слн. и рус. потврдама (ibid. 209).

⁵ Да је легитимно ове облике сматрати једним, етимолошки јединственим глаголом, убедљиву аргументацију нуди ЭССЯ 11:206–207. Осим тамо поменутог примера нем. *werfen* „бацати / бацити“ : *Junge werfen* „(о)котити“, добре семантичке паралеле пружају мање-више синонимни домаћи глаголи, нпр. с.-х. *валити / ваљати* (о њиховим вокализмима $a < \bar{o}$, в. СКОК 3:563 s.v. *valjati*¹) > *наваљати* „(на)рађати“, слн. *vreči* „бацити“ > *povreči* „(о)котити“, рус. *метать* „бацати; мрстити се, котити се“ > *помёт* „окот, накот; легло“ итд. Ни могућност формално нешто другачије интерпретације, према којој је **kotiti* I деноминал једног **kotь* „младунче, потомак“ (а не „мачка“!), као поствербала **kotiti* II у специфичном значењу „рађати“ (такав творбени низ дозвољава SNOJ 313), на суд о јединствености глагола **kotati / *kotiti* „ваљати, бацати“ суштински не утиче — мада она није много вероватна с обзиром на значења чеш. дијал. *kót* „период после порођаја“, пољ. дијал. *kot* „место где се коте шумске животиње“, слн. *kòt* „окот, накот“. У сваком случају, у односу **kotiti* I „родити (се)“ : **kotь* II „пород“ загонетан остаје однос њихових ареала: док глагол има свесловенску

но питање ие. генеалогичке и веза глагола **kotati* / **kotiti*.⁶ Међутим, до одговора на то питање може се доћи тек на крају свих проучавања, те стога у то разматрање овде нећемо улазити.

1.2.2. Другу димензију чине в а р и ј а н т е глагола са коренским вокализмом *-a-*: **katati*, **katiti*, **katjati*, дакле дуративи и интензив чији узајамни однос није сасвим јасан.⁷ Ни тим аспектом проблема овде се нећемо посебно бавити — осим што ћемо систематисањем доступне грађе пружити основ за неке корекције постојећих ареала појединих облика (и евентуално исцртавање нових изолекси).

1.2.3. Трећу димензију проблема чине п о с т в е р б а л и глагола **kotiti*, изведени од оба коренска вокализма: **kotъ* и ***katъ* — и то је оно што чини предмет овог разматрања.⁸ Његова суштина ишчитава се из структуре ТАБЕЛЕ на крају рада која садржи све примере и значења (у том смислу овај текст, уз разраду неких детаља, служи као водич кроз ТАБЕЛУ и као извор тачних убикација које би оптерећивале ТАБЕЛУ).

2.0. Речници појединачних словенских језика неуједначено третирају ове поствербалне именице: или посебно (нпр. SŁAWSKI 2:559–560), или их тек помињу у оквиру одговарајућих глаголских одредница (нпр. ЕСУМ 3:58–59), или их заобилазе бавећи се само глаголима (нпр. МАСНЕК 283 s.v. *kotiti*). Стога овде (из практичних разлога задржавајући нумерацију одредница која је спроведена у ЭССЯ 11:209–212, дакле подразумевајући да је **kotъ* I „мачка“, **kotъ* II „окот; младунче“, **kotъ* III „стаја; заграда у реци за лов рибе“, **kotъ* IV „бацање, обарање; нешто округло; прегршт ланеног влакна; противјуриска брвна“) за полазиште узимамо материјал који се налази у московском етимолошком речнику (понегде допуњен дијалекатском грађом која није ушла у његов захват — што је у ТАБЕЛИ маркирано масним слогом). Наравно, ово никако неће бити критика ЭССЯ,

дистрибуцију, именица изостаје на истоку и у источним члановима јужно- и западно-словенске групе словенских језика, бугарском и словачком.

⁶ За преглед ранијих тумачења, уз приклањање извођењу од ие. **kat-* „изазивати (брзо) кретање, бацати“ в. ЭССЯ 11:205–207; најновије SNOJ 313 изводи од ие. **kat(H)-* „савијати се у круг“.

⁷ О. Н. Трубочев сасвим основано регуларним панданом првобитног **kotiti* сматра интензив **katjati*, затим облик **katati* за секундарно формиран према њему, док у **katiti* види контаминацију примарног глагола и његовог интензивума (в. ЭССЯ 9:162–163).

⁸ Говоримо о поствербалима полазећи од тога да упркос поменутиим неизвесностима око ие. веза овог глагола, његова семантика ипак искључује могућност деминалног порекла.

већ експлоатација чињенице да је тај речник једини постојећи приручник у коме се на једном месту могу наћи сабране и систематизоване потврде из свих словенских језика (које су његовим ауторима биле на располагању пре двадесетак година, када су излазили одговарајући томови).

2.1. У корпусу грађе која је ушла у ЭССЯ, међутим, указују се неке несразмере у инвентару (и садржају) глаголских и именских одредница, што нужно наводи на преиспитивање тј. на идеју о њиховом евентуалном прекомпоновању.⁹

2.1.1. Тако глаголу **kotiti* II „бацати, обарати, ваљати итд.“ одговара поствербал **kotъ* IV¹⁰ (реконструисан на основу скупа именица које варирају од апстрактних до конкретних, чак специфичних, од *nomina acti* преко *nomina resultativa*, до *nomina instrumenti*: стчеш. *kot* „бацање, обарање“, чеш. *kot*, *kůt* „нешто округло, испупчено“, пол. *kot* „прегршт чистог ланеног влакна“, струс. *коты* „противјуришна брвна“, блр. *каты* pl. „пустени подупирачи“ (в. ЭССЯ 11:212)¹¹); овамо вероватно спада и рус. дијал. *каты* pl. „баглице, редови покошеног сена“ (СРНГ 13:119) — под условом да је ту дошло до акања (в. и § 2.1.3.).

2.1.2. Слично је са префигираним облицима: према глаголу **nakotiti*, посведоченом у глуж. *нако́сіć* „насећи, нарубити“ и укр. *нако́тити* „ваљајући наслагати; дугим путовањем утабати (пут); нечим покрити неку површину“, као и партиципима чеш. дијал. *нако́тѣну* „пијан“, рус. дијал. *нако́тный* „нагомилан, сакупљен на једно место“, стоји очекивани поствербал **nakotъ* супониран према пол. дијал. *накот* „насип, брана“, рус. дијал. *на́кот* „патос од танких брвана на блатњавом путу“, блр. дијал. *нако́т* „id.“, укр. *накіт* „пут поплочан балванима, прекривен дебелим даскама“ (ЭССЯ 22:137).

2.1.3. Међутим, са *-a-* вокализмом ствари стоје друкчије: поствербал **katъ* не реконструише се као посебна одредница, већ се неке његове потенцијалне континуанте наводе s.v. **katati* „ваљати (се); котрљати; кретати (се); обарати итд.“: рус. дијал. *кат* „траг точка или санки“, (?), „таљиге“, „ваљак за утабавање земље“, pl. *каты* „жрвњеви на це-

⁹ Оно, наравно, не би обухватало **kotiti* I и његов поствербал **kotъ* II (в. нап. 5), као ни **kotъ* I.

¹⁰ У тексту се надаље повремено користи ситнији фонт за примере из савремених језика преузете из ЭССЯ, који иначе фигурирају и у ТАБЕЛИ као илустрација посведочености одређених облика.

¹¹ Ове последње даље проширује деминутив **kotikъ*, према чеш. *kotík* „чланак, глежањ“, укр. дијал. *кóтик* „зглоб“ (ЭССЯ 11:204).

диљки за уље¹² (в. ЭССЯ 9:126). Овамо свакако треба прибројати срп. дијал. *каџи* „врљика; клин“ (в. § 3.2.5.), можда и рус. дијал. *катџи* рл. „багљице, редови покошеног сена“ (уколико овај облик није резултат акања, в. и § 2.1.1.).

2.1.4. За разлику од основног глагола, за префигирани облик **nakatiti* „навалати, докотрљати, нагомилати, налити (преко мере); ваљајући прекрити неку површину; израсти; изненада наићи итд.“, посебно се реконструише поствербал **nakatъ* са изразито широким дијапазоном значења, од апстрактних, *nomina acti* са значењима „нагомилавање, наваливање, намотавање (вуне), прекривање (неке површине нечим) и сл.“ до врло конкретних, техничких (грађевинских) термина, мотки, брвана, греда, полуга, дасака, стреха и сл. којима је заједнички именитељ то што су или *nomina resultativa* или *nomina instrumenti*, нпр. „брвно за премошћавање блатњавог пута“, „низ брвана или дебелих дасака“, „под од таквих брвана / дасака“, „низ кратких дебелих брвана која се стављају преко плота“, „таван“ (па и „под“), ... „полуга на ручном разбоју низ коју се спушта изаткано платно“, такође „стреха; врлет“, „траг точкова“ затим „нанос, насип, брана, бедем“ итд. (поред J.V.-П).

2.1.5. Иако се различите семантичке реализације сводиве на псл. (*)*katъ* не подударaju са такође нехомогеном семантиком потврда на основу којих се реконструише **kotъ* IV, свака група за себе, као и обе заједно, са збиром свих значења, сасвим добро одражавају базичну (поли)семантику својих производних глагола, **kotiti* и **katiti* (којима свакако треба прибројати и префигиране облике; в. § 2.1.2., § 2.1.4. и ТАБЕЛУ). Међутим, релативну мањкавост такве реконструкције представља одсуство (барем у избору грађе који доноси ЭССЯ) неког заједничког номиналног значења. То потенцијално отвара питање могу ли се све те савремене именице из различитих језика – подударне само по својој форми – сводити на један јединствени псл. предлогак, или је пак вероватније да су све оне позније независне креације сваког језика понаособ, те да зато одражавају различите аспекте вербалне вишезначности. Поузданог одговора нема, али он је ближи првој могућности, односно идеји да савремена номинална значења представљају реликте бројних поствербала који су још у доба словенског прајезика проистекли из глаголске семантике.

¹² При томе се ту несумњиве изведенице домаћег глагола не раздвајају од хомонимне позајмљенице, пољ., словињ., чеш., слч. *kat* „делат“ (о том германизму в. ФАСМЕР 2:208).

2.1.6. Са друге стране, изгледа да ипак постоји једно значење сводиво на **kotiti* II које се (фактички индиректно) може идентификовати у свим словенским језицима — свакако са *-o-* вокализмом, а код неких и са *-a-* вокализмом: то је значење „мотка, колац, брвно“. За ову прилику можемо га нумерисати као **kotъ* V, мада оно заправо лежи у основи семантике псл. **kotъ* III (које је пак специфично по томе што му се значења идентификују преко семантичког дијапазона псл. **kotъсь*, в. § 3.2.1., такође § 3.2.6., § 3.2.8.), евентуално чак и у основи **kotъ* IV ако се има у виду његова континуанта у облику струс. *коты* „противјуриска брвна“. Исто значење показује и псл. (*)*katъ* (в. § 2.1.3.) — нарочито у новим срп. дијал. потврдама *каџ* „врљика, облица“, „клин“¹³ као и дериватима *каџар* „сноваљка за пређу“, „мотка на коју се разапиње шатор“, *каџарина* „заклон од грања“ итд. (в. § 3.2.5, § 4.1.) — делимично и префигирани поствербали **nakotъ* и **nakatъ* (в. § 2.1.4.).

3.0. Идеја о сродности именице **kotъ* III са глаголом **kotiti* није нова — изнео ју је још ТОПОРОВ 1973:289 оставивши је без аргументације, док се у доцнијим речницима (нпр. ЭССЯ 11:215; ЕСУМ 3:58), она само помиње као маловероватна могућност. О. Н. Трубачов одбацује и раније тумачење (С. Младенов, М. Фасмер, В. Махек, А. Зализњак) којим се ова именица доводи у везу са авест. *kata-* „спремиште, комора“ (што иначе прихватају нпр. СКОК, БЕР, BEZLAJ, ESJS s.vv), као и друго старо (Ј. Левентал, Ј. Кноблех) извођење од ие. **kat-* „плести“, а сам предлаже да се реч сматра древним иранизмом, од **kata-* „(подземна) просторија“, од кога потиче и друга стара позајмљеница из истог извора псл. **xata* (в. ЭССЯ I.c., тамо и детаљне библиографске податке). У новијој литератури налазимо још једно старо извођење од ие. корена **kēt-/kōt-*, првобитно „рупа у земљи“ → „простор за становање“ (тако ESJS 348 s.v. *kotъсь*, упућујући на РОКОРНЫ 586–587, такође СКОК 2:168¹⁴ без даље аргументације). Будући не само формално коректна, већ прихватљива чак и са становишта семантике, сва ова тумачења лако се могу бранити пошто у многим језицима (и у случају бројних термина за примитивне грађевине), по-

¹³ Како се ова именица у РСА наводи у оквиру одреднице турцизма *каџ* „спрат, слој итд.“, не можемо знати који је њен нагласак – стога она овде систематски остаје неакцентована.

¹⁴ Он је полазио од ие. корена **qet-*, превоја од **qot-/qat-* „плетерни рад, за становање“, наводећи паралеле у авест. *kata-* „комора, киљер“, нперс. *kad* „кућа“, гот. *herjo* „комора“, нем. *Hütte* „колиба“, стенгл. *cote*, „id.“, сти. партиципу *cátant* „сакривајући“. Скок не прави разлику између ие. **kēt-/kōt-* „пробивалиште“ које је дало облике из авесте и новоперсијског (уп. РОКОРНЫ 586–587) и ие. **gēu-/gə-/gū-* „савијати, кривити“ од чега су настале германске речи (уп. РОКОРНЫ 393).

стоје помаци значења типа „земуница“ → „шупа“, „рупа у земљи“ → „кућа“, „стаја“ → „трошна зграда“ и сл.¹⁵

3.1. Међутим, ту се намеће питање зашто би се термин тако разнородних значења као што је *kotъ III (тј. *kotъсь, в. § 3.2.1.), који и формално и семантички може наћи своје место у идиоглотском систему (прасловенском, односно свих словенских језика данас) — не само у лексичкој породици конкретног глагола *kotiti /*kat(j)ati, већ и типолошки у упоредним лексичко-семантичким системима других синонимних глагола (нпр. *mesti, *valiti /*val'ati, вероватно и *(x)vъrliti /*(x)vъrl'ati, уп. § 3.2.7.), зашто би се, дакле, такав термин тумачио као позајмљеница? Овакав поступак представља пример излишног тражења решења на страни иако оно постоји у домаћем систему.¹⁶

3.2. Који би били **разлози** да се псл. *kotъ III, односно *kotъ V (о њиховој јединствености в. § 2.1.6.), третира као поствербал од *kotiti „бацати, ваљати и сл.“? Пошто формалних препрека нема – јер тај маскулиnum има одговарајући облик типичан за поствербале (као и *kotъ IV), а осим тога и женски парњак **kota (в. § 3.2.4.) као и пандан са -а-вокализмом (в. § 3.2.5.) — тежиште аргументације налази се у домену семантике. Ту постоје два момента: законитост прелаза „мотка“ → „ограда“ (в. § 3.2.6. и § 3.2.8.) и, као његов предуслов, постојање паралела за развој „бацати, ваљати“ → „мотка“ (в. § 3.2.7.). Овим последњим оправдава се реконструкција псл. *kotъ V као фактичког дублета постојећем *kotъ III, иако је његово примарно значење оно које овде (придржавајући се нумерације у ЭССЯ) приписујемо петом хомониму.

3.2.1. Предуслов оваквом извођењу пружа пракса да се репертоар значења реликтне именице *kotъ III реконструише и инвентарише на основу богате семантике њене деминутивне изведенице *kotъсь „стаја; преграда у штали (за младунце); заграда у реци за лов рибе; кућица за птице ... плот око сена; корпа, кошара; врша итд.“¹⁷ (в. ТА-БЕЛУ), која је за то погодна пошто има практично свесловенски ареал.

¹⁵ За примере уп. претходну напомену, или нпр. с.-х. *кòшар* „шупа, стаја итд.“ : хрв. *кајк*. „ограђено место под земљом, трап“ (СКОК 2:168b); в. и распон значења рус. дијал. *заваленòк* у нап. 24.

¹⁶ У духу Семерењијевих постулата о условима за тражење „економичнијих етимолошких решења“ (в. SZEMERÉNYI 1977:294, 297, 306, 315, 325, 335), с обзиром на постојање више супротстављених тумачења легитимно је потражити још једно ново. А оно се пре налази у новим аргументима домаћег система, него у неком новом алоглотском предлошку (у том смислу, в. ВЛАЈИЋ-ПОПОВИЋ 2000:224).

¹⁷ О. Н. Трубочов то образлаже (в. ЭССЯ 11:211–212, 214–215), а П. Валчакова подразумева (в. ESJS 348 s.v. *kotъсь). За још изведеница које чувају семантику

3.2.2. Осим тога, увид у ТАБЕЛУ показује да у лексичко-семантичкој породици глагола **kotiti* (укључујући ту и облике са коренским вокализмом *-a-*) пре свега формално (поствербали већ постоје, регистровани у речницима), а затим и семантички (в. горепоменути низ значења псл. **kotьсь*) објективно постоји место, поље у које може да се смести **kotь* „котац“, у свим његовим реално посведоченим значењима.

3.2.3. Важну допуну континуантима псл. **kotь* III чини (у досадашње етимолошке речнике неувршћена) потврда рус. дијал. *кот* „справа за извлачење разних предмета са дна реке“, „заграда у реци за лов рибе“ (СРНГ 15:101). Ова именица обликом јединине изражава и сингуларно и колективно значење, а обликом множине само ово друго: *коты́* „заграда, направа за лов рибе од коља и прућа или плота, са отворима у које се постављају клопке“¹⁸ — што све значајно допуњава у ЭССЯ (али s.v. **kotь* IV!) већ постојећи блискозначни конкретум струс. *коты* pl. „противјуришна брвна“.

3.2.4. У слику о поствербалу уклапа се чињеница да псл. **kotь* III заправо има моциони парњак ***kota* f. (пореклом највероватније поствербал од **kotati*), који се да реконструисати према срп. дијал. *котиа* „котарица“ Шумадија (РСА) и рус. дијал. *кота* „врша“ (СРНГ 15:101). Ова последња значења вероватно су примарна за још један фемининум, псл. **koty*, *-ьве* (в. VLALIĆ-ROVOVIĆ 2008).

3.2.5. И најзад, као највреднији наше пажње, ту је још један пандан поствербалном облику **kotь* V, прост поствербал са коренским вокализмом *-a-*, псл. *(*)*katь* који се супонира на основу срп. дијал. *кай* „мотка, грана у огради, врљика“ (Млава, Поцерина), „клин“ (Левач),¹⁹ а од кога су настали и неки деривати, нпр. с.-х. *кайар*, *кайарка*, *кайарина* итд. (за даље потврде в. § 4.1.).²⁰

основне именице, уп. нпр. срп. дијал. *кайар* m. „ограда од врљика око сена, купуса итд.“; „заграђено место са сеном, сламом и сл.“ Ускоци (СТАНИЋ 1:353).

¹⁸ Илустровано речитим примером: Батка нас созвал и сказал: Снасти нету. Ловить нечем. Давайте резать камыш-чекан и плеть коты (СРНГ 15:117, проред J.B.-П.).

¹⁹ Уп. примере у РСА: Кат је један члан ограде од врљика; Дворишта ... оградена су обично плотом, ређе катовима, односно: Најмања [бургија код качара је] за бушење рупа за ударање пишљака или катова на сређевима.

²⁰ Сасвим теоријску могућност да је *кай* заправо приморски романизам *īāik* „грета, полуга, дирек итд.“ (о њему в. SKOK 3:435) који је претрпео метатезу, треба одбацити из лингвогеографских разлога тј. због недостатка континуитета потврда, немогућности да се утврди тачка у којој је евентуално дошло до метатезе, и из које би затим новонастали облик био расејан на три релативно удаљене тачке: Поцерину, Млаву, Левач (в. РСА).

3.2.6. Полазећи од тога да је помак значења „мотка“ → „грађе-вина од мотки (ограда, заграда у реци, стреха, стаја итд.)“ регуларан, као пандан овде предложеном низу који чине срп. *каџи* „врљика“ / рус. *кот* „справа за извлачење предмета са дна реке“ : рус. *кот* „заграда у реци“ / *коты* pl. „id.“ (или чак у једном истом говору срп. дијал. *коџац* „велики колац“ : *коџац* „тор; плот“²¹) може се узети нпр. рус. *жерд* „мотка, прут“ / с.-х. дијал. *град* „део жрвња на ветрењачи“²² : *град* „ограда“ / срп. дијал. *градина* „плот“, „заграда у реци за лов рибе“.

3.2.7. Преостаје још да се размотри реалност извођења номиналног значења „мотка, облица, врљика“ из вербалног значења „ваљати, бацати и сл.“. За тај семантички аспект паралеле пружају нпр. срп. *месџи*, *меџем* „бацати; вејати итд.“ (< псл. **mesti*, **metq* „iacere“) : срп. *моџика* „палица; прут“ (< јсл. **motъka* < јсл. **motъ* „id.“)²³ или рус. *ваљитъ* „рушити, бацати“ / *ваљитъ* „ваљати, котрљати“ : рус. *вал* „полуга, вретено; вратило“, такође рус. *завал* „мотка за затварање врата“,²⁴ вероватно и срп. *врљачи* / *врљичи* „бацати, бацити“ : *врљика* „облица“, *џаврљ* „окресак, комад штапа“.²⁵

3.2.8. Тако се намеће закључак да је псл. **kotъ*, тј. срп. *коџи* као данас практично реликтна именица,²⁶ могло бити поствербал глагола **kotiti*, првобитно као *nomen acti* у значењу „бацање, обарање итд.“ а затим *nomen instrumenti* „оно што се баца, обара, ваља (забада)“.²⁷ На

²¹ Засад једине потврде, из Ускока, доноси Станић 1:381, али то стање не мора бити коначно.

²² Потврду из Славоније доноси *Гласник етнографског музеја 1928*, 69 (в. РСА 3:540).

²³ О овом конкретизованом апстрактуму в. СКОК 2:412b, такође ВЕЗЛАЈ 2:197, ЭССЯ 20:71–75.

²⁴ Шири инвентар чине рус. *вал* „полуга; вретено“, „вратило“, „насип, бедем“, такође рус. дијал. *завал* „ограда на покривеном гумну“, „насип, бедем“, „земљани насип у води који задржава рибу при риболову“, „јама покривена грањем (као ловачка заседа)“; pl. „земунца“ или *заваленок* „омање брвно које у бараци или шупи оградајује привремену постељу“ (СРНГ 9:290–291; проред Ј.В.-П.).

²⁵ Овај дијалектизам из околине Дрвара (Јовичић 144), као и тамо и иначе посведочени облици *врљачиџи* (ip)pf. „разбацивати, насумице бацити“, *врље* adv. „насумице, нециљано“ (ibid. 41; РСА), дају основа да се и срп. *врљика* f. „мотка којом се заграђује врт“ изводи од *врљачиџи* < псл. *(x)vъr'ati, пре него од *вр(и)џиџи*, *врем* < **verti*, **vъrq* (тако имплиците СКОК 3:629, новије такође ВОРУЅ 1999:126–128), али то је тема за себе.

²⁶ Српску хапаксну потврду из Славоније последњи пут је забележио још Вук Караџић, док чешка потиче из старочешког језика.

²⁷ Истоветни прелаз од апстрактума до конкретума показује и синоним *моџика* (в. нап. 23).

бази сингуларног значења „мотка, врљика“ (које овде фиксирамо као **kotъ* V) развило се ново колективно „предмет од мотака, коља, врљика“ (стандардно третирано као оно које се у ЭССЯ налази као **kotъ* III): нпр. „ограда, преграда од врљика“, „преграда од коља у реци за лов рибе“ (в. рус. *коты́* „id.“), „кошар(а)“, „стаја (за разне животиње)“ итд. — све оно што данас диљем словенског света значе континуанте псл. **kotъсь*. При том је ова последња именица једино у срп. дијал. *кòшац* посведочена у оба значења, „велики колац“ и „плот, тор“ (в. § 3.2.6.).

4.0. Ако се вратимо у наслову истакнутој теми, траговима континуанти вокализма *-а-*, видимо да на словенском југу прост поствербал срп. дијал. *кай̄* т. „врљика; клин“ свакако представља најважнији – мада не и једини – новитет за етимолошку литературу, и то не као семантички варијетет турцизма *ка̄й̄*²⁸ већ као његов хомоним домаћег порекла, вероватно прасловенске старине. О могућностима реконструкција глагола срп. **кай̄а̄й̄и* „ваљати“, као континуанте псл. **katati*, в. § 4.3.

4.1. Пошто је препознато срп. дијал. *кай̄* „врљика“, може се говорити о његовим дериватима од којих су неки и били познати али су другачије тумачени, нпр. с.-х. *ка̄й̄ар* т. „направа на коју се снује пређа (пре него што се навије на тару), сновалка“ (Лика) (в. § 3.2.5), *ка̄й̄арка* f. „мотка на коју се разапиње шатор“ (у народној песми),²⁹ „амбар, котарка“ (Војводина),³⁰ затим потенцијални деноминал од *ка̄й̄ар*, *закай̄арий̄и* рf. „забости колац у земљу“ (Бачка),³¹ можда и срп.

²⁸ Тако га региструје РСА у деветом тому објављеном 1975., годину дана након публикаовања Скоковог речника.

²⁹ Ова реч у основном значењу „јарбол“ свакако јесте грецизам, како се стандардно сматра (в. Скок 2:61), али тумачење личког дијалектизма *ка̄й̄ар* „сновалка“ декомпозицијом облика *ка̄й̄арка* тако што је завршетак *-ка* схваћен као домаћи суфикс који је затим отпао (тако Скок l.c.), треба узети са великом резервом. Тај термин ограниченог ареала, из специфичне терминологије прераде вуне (који описује једну мотку, а лако може бити мотивисан радњом навијања тј. намотавања) тешко је замислити као основу овде побројаних изведеница *ка̄й̄арина*, *ка̄й̄арий̄иџе*, *ка̄й̄арушка* итд. (при том посведочених не у Лици, већ у Црној Гори и ист. Србији), иако им основна семантика јесте везана за греде, мотке и сл. И најзад, није искључено да је *ка̄й̄ар* поствербал (нпр. од *ка̄й̄арий̄и*, в. пример из Пчиње у §4.1.; уп. и *ко̄й̄а̄й̄и се* у ТАБЕЛИ и нап. 2), ако се имају у виду ткачки термини *ко̄й̄урић*, *ко̄й̄љић*, *коло̄й̄ур* итд. (в. РСА).

³⁰ Овде је вероватно по среди локална смена *-а- /-о-*, уп. *ко̄й̄арка* у лексикографској дефиницији.

³¹ Мада он истовремено може бити и примарни глагол са експресивним суфиксом *-ар-*, без кога је посведочен нпр. рус. дијал. *закатитъ* „забити свом снагом“ (СРНГ 10:121 s.v. *закативать*). За сличан паралелизам, ограничен на семантику (уз

дијал. *кай̀арина* f. „заклон од грања, лишћа“ (Врховине),³² *кай̀арѝиѝе* n. „копље на које су насађене ости“ (Зоре, ЦГ), „мотка на коју се причвршћује застава, копљача“ (Катунска нахија), „бунар са високим ђермом“ (Неготинска крајина),³³ срп. дијал. *кай̀аруша* „дечје саонице“ (Лесковац), *кай̀арушика* „дечја колевка без ногара“ (ibid.); можда такође буг. дијал. *кат̀ар* „сакупљени откоси траве“ (Самоков, Ихтиман).³⁴ Овамо би, поред срп. дијал. *кай̀арати се* „пентрати се, верати се“ (Пчиња), *кай̀арити се* „id.“ (Књажевац), *кай̀арчиѝи се* „id.“ (Тупижница; сви с.-х. примери у овом параграфу наведени према РСА), могао спадати и буг. *кат̀аря се* „пењати се“.³⁵

4.2. Посебну пажњу заслужује још један досад непримећен траг вокализма *-a-* непосредног вербалног порекла — срп. дијал. хапакс *ка̀-ћа* f. „лопта крпењача, гужвара“ (РСА),³⁶ који највероватније наставаља глагол **кай̀аѝиѝи* / **кай̀иѝиѝи* „ваљати“.³⁷ Најприближнији пандан овој именици (само са другим суфиксом, *-уѝь*), чини девербал са

разлику у коренском вокализму и префиксу), уп. срп. заст. *закоѝариѝи* pf. „разлећи се (о усклику), рашчупати се“ Виенац (РСА) према рус. књиж. *прокатѝть(ся)* „разлећи се, затутњити, загрмети и сл.“ (осим „прокотрљати; провозати се“ итд.); мада се траг ближе везе можда крије у рус. дијал. *закоти* „брдски камењар обрастао шумицом и јагодастим жбуњем“ (СРНГ 10:159). За формалну оправданост оваквих поређења уп. и глаголски пар срп. дијал. *накай̀ериѝи* „натоварити, натрпати, оптеретити“ Момина Клисурса, Врање (РСА) према струс. *накатити* „напунити до краја, препунити; навући много нечега“, даље и рус. дијал. *накатѝть* „радити нешто јако брзо“ (ЭССЯ 22:118 s.v. **nakatati* (se)), *накатѝть* „налити преко мере; напити“ (ЭССЯ 22:119 s.v. **nakatiti* (se)), са напоменом да је псл. древност проблематична) итд.

³² Уп. опис: У пољу се оплете од грања катарина (затвор), па се покрије лишћем, да је благу хладовина. Овај облик у Загарачу има и пандан са вокализмом *-o-*: *коѝарѝина* f. „дугуљаста кошара од пружа ... за товарење на самар или прђење на леђа“ (Ћупиѝи 184).

³³ Уп. опис: Бунара [у Неготинској крајини] има неколико врста ... по одлици дебела на коме је ђерам каже се: бунар „на рачку“ ... „на соју“. По самом ђерму су називи „катаришта“ (у Бруснику и Кленовцу) и „на катарке“ (у Сиколу) (*Српски еѝнографски зборник* 55, 22, према РСА).

³⁴ Иако БЕР 2:268 овај облик тумачи као турцизам, уп. рус. дијал. *катѝ* „баглице сена“ (СРНГ 13:119).

³⁵ У ову лексичку породицу овај глагол је смештао још Младенов 233, док га БЕР 2:272 тумачи из алоглотских извора.

³⁶ Потврда документована описом: Лопта од крпа увијена и канапом увезана или ишивена. Може да буде и од кострети, коњске и говеђе длаке или волујске смотана па кожом опшивена. Служи за разне игре. (РСА s.v.) не може се тачно убицирати јер потиче из збирке речи из Ужица, Подриња и Подунавља.

³⁷ За овај тип девербалне творбе суфиксом *-ја*, типа *ѝресѝи* > *ѝређа*, в. SŁAWSKI 1974:81–82. Ово под условм да није у питању поствербал директно од **katjati*.

ТАБЕЛА – преглед прасловенских реконструкција лексичко-семантичке породице **kotiti/*katiti* (према ЭССЯ, са новим члановима обележеним дуплим астериском). Облици, или само значења, досад неуврштени у етимолошке речнике маркирани су масним слогом (нпр. срп. *каџ* „врљика“, *коџац* „амбар“). У угластим заградама наводе се језици у којима постоје савремене континуанте.

<p>*kotiti (se) impf. [зап., ист. слов. јез., без слч.] „котрљати, ваљати, бацати; канити се, замајавати се“; НАРАХ: глуж. <i>kócić so</i> „имати терање (о кравама)“, блр. диј. <i>котытыся</i> „простирати се, пузати“</p> <p style="text-align: center;">* * *</p> <p>*nakotiti (se) pf. [глуж., (чеш.); укр., (рус.)] глуж. <i>nakócić</i> „насећи, нарубити“, укр. <i>накотити</i> „ваљајући преместити; утабати пут; покрити неку површину нечим“; (+) рус. диј. <i>накотный</i> „сабран, нагомилан на једно место“; чеш. диј. <i>nakotěný</i> „пијан“</p>	<p>*katiti (se) impf. [мак.; чеш.; рус.] мак. <i>каџи</i> „љуштити кукуруз“, чеш. <i>katiti</i> „бацати, рушити“, рус. <i>катить</i> „ваљати“, диј. „чешљати вуну“ **kat-ja f. срп. диј. <i>каџа</i> „лопта крпењача, гужвара“ (?)срп. <i>закџарџи</i> pf. „забити колац“</p> <p style="text-align: center;">* * *</p> <p>*nakatiti pf. [рус., (?)блр.] „напунити до краја, препунити; насути превише/напити некога; превести; наднети над нешто, прекрити неку површину; наићи, налегети“, „поплочати брвнина“, „крећући се заклонити (о облацима)“</p>
<p>*kotati (se) impf. [с.-х., слн.] слн. <i>kotati</i> „котрљати, ваљати“, с.-х. диј. <i>коџаџи се</i>, <i>коџам се</i> „играјући провлачити се испод руку других играча“; Коловођа се ... испод рукух провлачи и за собом све води. На кога ред дојде онај се ... провлачи. Тако и ини раде испод чијих се руку kotaју (Славонија) (+) EXPRESSIVA *kotaleti/*kotaleti (se) [буг., (с.-х.), чеш., (слч.)] *kotul'ati (se) [с.-х.; чеш., слч.; укр.] *koturati (se) [мак., с.-х., слн.; рус.] *kotyl'ati tr. [с.-х., слн.; чеш., слч.] *kotyl'ati tr. [с.-х., рус.]</p>	<p>*katati (se) [буг.; рус., укр., блр.] „кретати (се) надоле, устрану; (?) нагоре“ буг. дијал. <i>катам</i> „редовати по кући, газдовати“, рус. <i>катать</i> „ваљати, котрљати; (пре)возити; вртети; љуљати (колевку); правити од ваљане вуне (обућу и сл.); ронити, испуштати; глачати“, укр. <i>катати</i> „ударати; набијати, утабавати; цедити воду ударањем“, блр. <i>катаць</i> „савијати у ролну“; <i>закатьвѣть/-ить</i> „скупљати (сено) у гомиле; постављати косу кровну греду“; (?)буг. <i>катѣря се</i> „пењати се“; (?)срп. диј. <i>каџарџи се</i> „пентрати се, верати се“ <i>каџарчиџи се</i> „id.“; (?)рус. <i>закатить</i> „подићи нагоре, засукати (нпр. рукав)“, ~ся „заврнути се нагоре“</p>
<p>*kotъ m. [с.-х.; (ст)чеш.; поль., (ст)рус., блр.] с.-х. <i>коџ</i> „преграда у реци за лов рибе“, стчеш. <i>кот</i> „(пијачна) тезга“ (= <i>*kotъ</i> III, нејасне етимологије); (+) струс. <i>коты</i> „противјуршна брвна“, блр. <i>каты</i> pl. „пустени подупирачи“, поль. <i>кот</i> „бацање, обарање“, чеш. <i>кот, күт</i> „нешто округло, испупчено“, поль. <i>кот</i> „прегршт чистог ланеног влакна“ (= <i>*kotъ</i> IV < <i>*kotiti</i>); рус. диј. <i>котъ</i> „справа за извлачење разних предмета са дна реке; заграда у реци за лов рибе“, <i>коты</i> pl. „id.“; мрежа“; (?)<i>каты</i> „навиљци сена“ →</p>	<p>(*)*katъ m. [(?)срп.; рус.] рус. диј. <i>кат</i> „траг точка или санки“, „таљиге“, „ваљак за утабавање земље“, pl. <i>каты</i> „жрвњеви на педиљки за уље“, (s.v. <i>*katiti</i>), срп. диј. <i>каџ</i> „врљика“, „клин“ [(?) „подупирач“] рус. диј. <i>закатни</i> pl. „брвна постављена преко уставе за њено учвршћивање“ рус. диј. <i>закатрина</i> „удубљење од стругања (у дасци или посуди)“ ←(?)рус. диј. <i>каты</i> „навиљци сена“</p>
<p>**kota f. [срп. диј.; рус. диј.] срп. диј. <i>коџа</i> „котарица“, рус. диј. <i>кота</i> „риболовачки прибор, врста врше“</p>	

<p>*nakotъ m. [поль.; рус., укр., блр.] поль. диј. <i>nakot</i> „насип, брана“; рус. диј. <i>накот</i> „патос од танких брвана на благъавом путу у шуми“, блр. диј. <i>накѠт</i> „id.“; укр. <i>накіт</i> „пут поплочан балванима, прекривен дебелим даскама“ (< *<i>nako-titi</i>)</p>	<p>*nakatъ m. [поль. диј., рус., укр., блр.] ABSTR. „гомилање, наваљивање, намотавање (вуне), прекривање (неке површине нечим)“; CONCR. „нанос, насип; бедем“; поль. диј. <i>nakat</i> „брвно за премошћавање пута“, рус., укр., блр. (диј.) <i>накѠт</i> „низ брвана или дасака; под од таквих брвана/дасака“, „таван“; „под“; „полуга на ручном разбоју низ коју се спушта изаткано платно“; укр. „стреха; врлет“; блр. „траг точкова“ (< *<i>nakatati</i> / *<i>nakatiti</i>)</p>
<p>*kot-ъсь m. [СВИ СЛОВ. ЈЕЗИЦИ] „стаја, штала; преграда у стаји; заграда у реци за лов рибе; кућице за птице живину“; CONCR. рус. диј. <i>котѐц</i> „клопка за рибе од прућа и трске“, укр. „тршчана заграда у облику скоро затвореног круга за лов рибе“; НАРАХ: срп. диј. <i>коѡац</i> „амбар“, „велики колац“, „тор, плот“, стчеш. <i>kotec</i> „пијачна тезга“, рус.-цсл. <i>котъць</i> „окно“ (< *<i>kotъ</i> III)</p>	
<p>*kot-argъ /-ara m./f. [СВИ ЈСЛ. ЈЕЗИЦИ + СЛч.] „граница, округ; плот, ограда (за сено), преграда (у стаји), стаја (за разне животиње); корпа, врша“; с.-х. диј. „мера за укљеве (20–40 кг)“, кајк. „ограђено место под земљом, трап“; + слч. „мучањ“ (< *<i>kotъ</i> III)</p>	<p>**kat-argъ m. [с.-х. (диј.), буг.] с.-х. <i>каѡар</i> „направа на коју се снује пређа“, „мотка на коју се разаније шатор“, „амбар, котарка“; (?)срп. <i>каѡар-ина</i> f. „заклон од грања, лишћа“ (?)срп. <i>за-каѡар-иѡи</i> rf. „забити колац“; (?)срп. диј. <i>каѡаруиша</i> „дечје саонице“, <i>каѡаруишка</i> „дечја колевка без ногара“; буг. диј. <i>каѡар</i> „сакупљени откоси траве“</p>
<p>*kot-ухъ m. [рус., укр., блр.] „стаја, штала; кућица за птице; шупа; јасле; запећак“ рус. диј. <i>котух</i> „шупа од коља и сламе“ (< *<i>kotъ</i> III) (±)рус. диј. <i>котѡга</i> „кола са потрепштинама за пастира“, <i>катѡга</i> „покривена кола на 2 или 4 точка“</p>	<p>**kat-ухъ m. [рус.] рус. диј. <i>закѡтѡх(а)</i> „гвоздена осовина ... итд.“ (?)<i>закѡтѡх</i> „биљка чичак; плод те биљке“</p>
<p>*kot-уѡъ m. [чеш.] чеш. <i>kotejř</i> „Schneckenrundung“, чеш. диј. <i>котуѡ</i> „огуљена осовина пера“ (< *<i>kotiti</i>)</p>	<p>*kat-уѡъ m. [рус.] рус. диј. <i>каѡиш</i> „ваљчић који се подмеће под жарач / битву“, „лопта; клупче“, „грудва, плик“ (< *<i>katati</i>)</p>
<p>*kot-aѡъ m. [с.-х., слн.; слч.] с.-х. <i>коѡач</i> „круг; точак“, диј. „камењем ограђен простор уз обалу реке, за лов рибе“, слн. <i>котаѡ</i> „точак; калем; саоник“, слч. <i>котаѡка</i> „клип кукуруза“)</p>	
<p>*kotelъ m. [буг. диј., струс., рус. диј.] буг. диј. <i>котел</i> „петља“, струс. <i>котель</i> „дрвени обруч на који се намотава пређа“, рус. диј. „обруч за риболовну мрежу“, „пруће којим се учвршћују зупци у дрвеној дрљачи“ (< *<i>kotiti</i>)</p>	
<p>*koty, -ъve f. [СВИ СЛОВ. ЈЕЗИЦИ: „сидро“] плус у појединим језицима: срп. диј. <i>коѡва</i> „део плуга“, „врста палице, полуге над воденичним каменом у млину“, чеш. диј. <i>kotev</i> „грана“, длуж. <i>kŏtwica</i> „клопка“, полап. <i>t’ŏtái</i> „мачка“, укр. диј. <i>кѡтѡиця</i> pl. „даске по којима се котрљају кола; котурићи у предњем делу плуга; дрвени цилиндар који се подмеће под полугу ради подизања воденичног жрвња“</p>	

истим коренским вокализмом и сличним значењем, рус. дијал. *катыш* / *катыш* „лопта, клупче; грудва; плик“ (в. ЭССЯ 9:165 s.v. **katyšь*, где се изражава опрез према суду о псл. древности те речи).

4.3. И најзад, недовољно извесна остаје могућност да се овој скупини приброји и немала (али у словенским размерама изолована) лексичка породица срп. дијал. *кашава/кашава*, *кашафа/кашафа*, *кòшāва* f. и *кашāв* m. „рњеви; колиба; чобанска дрвена кућица на саоницама; трпеза, софра; три снопа кукуруза везана у купу; приземна брдска кућа урасла у земљу“ итд., под условом да се она сматра изведеном од глагола **кашати* „бацати, ваљати и сл.“ који ни сам није реално посведочен нигде на словенском југу (о томе в. ВЛАЈИЋ-ПОПОВИЋ 2007).

5.0. На примеру овог ограниченог испитавања показује се да словенска етимологија и данас, 120 година од појаве првог модерног словенског етимолошког речника, Миклошичевог *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, пред собом још увек има бројне конкретне задатке — не само да осваја нетакнуте просторе научног истраживања који настају појавом новог дијалекатског материјала, него и да разматра проблеме којима се већ (вишекратно) бавила.

5.1. Етимологији појединих језика, у овом случају српско-хрватског, чак и пола века након смрти Петра Скока који је за собом оставио један од најобимнијих речника неког словенског језика, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, остаје да своје нове дијалекатске налазе користи не само за тумачење (и евентуално ревидирање) порекла својих речи, већ и да их ставља у службу формирања нових словенских изоглоса.

Литература

- Влајић-Поповић 2000** — Ј. Влајић-Поповић: Идиоглотија или алоглотија — још једном о с.-х. *гумати* „јести, ждерати“, *Јужнословенски филолог* 56/1–2, Београд, 211–226.
- Влајић-Поповић 2007** — Ј. Влајић-Поповић: Срп. дијал. *кашава* „врста колибе“ — пример етимолошког лавиринта, *Зборник Мајнице српске за филологију и лингвистику* 50/1–2, Нови Сад, 121–130.
- Јовичић** — М. Јовичић: *Крајишки рјечник*, Београд 2003.
- Станић** — М. Станић: *Ускочки речник* 1–2, Београд 1990–1991.
- Топоров 1962** — В. Н. Топоров: О праславянском **kat-*, *Вопросы славянского языкознания* 6, Москва, 172–176.
- Топоров 1973** — В. Н. Топоров: К семье анатолийск. *kat(a)*, др.-греч. *κατά*, *Этимология* 1971, Москва, 286–297.
- Ћупић** — Д. Ћупић, Ж. Ћупић: *Речник говора Загараца. Српски дијалектолошки зборник* 44, Београд 1997.

* * *

Boryś 1999 — W. Boryś: *Czakawskie studia leksykalne*, Warszawa.

Szemerényi 1977 — O. Szemerényi: Principles of etymological research in the Indo-European languages, *Etymologie. Wege der Forschung*, Bd. CCCLXXXIII, Hsbg. von Rüdiger Schmitt, Darmstadt, 286–346.

Vlajić-Popović 2008 — J. Vlajić-Popović: Proto-Slavic *koty*, -ъve „anchor“, „cat“ or something else? *Rocznik Slawistyczny* 58, Kraków (in print).

Jasna Vlajić-Popović (Belgrade)

Proto-Slavic *kotiti/*katati – the traces of -a- vocalism in the Slavic South

Summary

Revisited in this paper are etymological interpretations of the PSI. verb *kotiti (*se*) „to roll, scroll, precipitate, etc.“ — and its variants, the intensivum *kat(j)ati and duratives *katati, *katiti — with a particular stress on their postverbals *kotъ and **katъ. Arguments offered for treating the noun *kotъ „a hut, barn“ as a member of this word family include proposing another homonym *kotъ „a pole, stake; fish trap in the river“ to be reconstructed, the singular meanings of which could have regularly developed into the collective one — that could further have been transferred to „a hut, barn“. At the same time, the already existent isogloss regarding the distribution of the root vocalisms -o- and -a-, which features an (almost complete) absence of the latter from the Slavic South, is altered by introducing some new Serbian and Bulgarian material with vocalism -a-. The specific contribution of this paper to Serbian etymology consists in interpreting some words hitherto unknown to Slavic etymology (e.g. Serb. dial. *kat* „a pole, stake; wedge“, Serb. dial. *kâca* „a ball made of rags“, *zakatariti* „to pound a pole into the ground“), as well as in a reconsideration of some already existent etymological solutions (e.g. Serb. dial. *katar* „a warp beam“, Serb. dial. *zakotariti se* „to resound, rumble, reverberate“).

jasna.vlajic@sanu.ac.yu

Марија Вучковић (Београд)

О пореклу арготизма *лизгам* 'пити'*

Глагол *лизгам* 'пити' забележен је у тајном језику зидара са Косова. Претпоставка која се прво намеће у вези са његовим пореклом јесте извођење од *лигајти* 'ingere, lambere', што се поткрепљује словенским творбеним и семантичким паралелама. У раду се, међутим, предлаже и алтернативно тумачење које овај арготизам, заједно са дијалектизмом *нализгам се* 'напити се', доводи у везу са дијалекатским глаголом *лигајти (се)* 'клизати (се)' из југоисточне Србије. Ову, на први поглед, мање очигледну значењску везу осветљава неколико глагола са истог терена које одликује иста или слична семантичка структура. У зависности од етимолошког тумачења дијал. *лигајти (се)* 'клизати (се)' руске паралеле могу имати вредност потпуних пандана или у најмању руку драгоцених семантичких успоредница.

Кључне речи: занатлијски аргои, дијалекатска лексика, словенски језици, етимологија, семантика.

Глагол *лизгам* у значењу 'пити' забележен је у више извора лексике бошњачког, тајног језика зидара са Шар-планине на Косову: *лигајти* 'пити' (Танасковић 35)¹, *лизга* 3. sg. praes. 'id.' (Јанковић; Никшић/Ђорђевић), Ајд, да лизгамо 'Хајде да пијемо' (Vukanović 143), лизга ми се 'пије ми се' (Bovan 129). Од његових деривата потврђен је префигирани облик који „пресликава“ творбену структуру лексеме која се у аргои кодира: *полизгај* 2. sg. imp. 'попити', Нагурај по једну кафану да полизгамо 'Донеси по једну кафу да попијемо' (Bovan 129, 127) и *pomen agentis: лизгач* m. 'алкохоличар' (Никшић/Ђорђевић).

* Овај текст је резултат рада на пројекту „Етимолошка истраживања српског језика и израда *Етимолошког речника српског језика*“ (148004), који у целини финансира Министарство науке Републике Србије.

¹ С обзиром на особености система конјугације локалног говора као базе аргао — који је, структурно гледано, заправо само фрагментарни лексички подсистем — врло је вероватно да је облик инфинитива у овом извору реконструисан. О методолошким проблемима у вези са употребом инфинитивних форми у упитнику који је коришћен приликом прикупљања лексичке грађе бошњачког аргао в. Вучковић 2004:124–125.

У вези са пореклом наведених арготичких лексема најпре се може претпоставити да су оне повезане са фонетски блиским глаголом *lizati* 'lingere, lambere' < псл. **lizati* (уп. ЭССЯ 15:162–163). Сам тај глагол већ има, као колоквијално, значење које се јавља у аргоу: 'неумерено, много пити, локати (алкохолна пића)', уп. још *liznuti* / *liznuti* 'узети (попити или појести) у малој количини, сркнути, гуцнути и сл.', *nalizati se* 'напити се, опити се' (РСА). Ово значење нотирају и поједини дијалекатски речници: *nalizal se* 'много се пити, препити' Пирот (Златковић I), *nalizje se* 'напити се, опити се': Паќ си се нализал, пијаницо една Тимок (Динић III), а присутно је и код потврда из македонских и бугарских тајних језика, што — имајући у виду генетске везе и типолошку сличност лексике балканскословенских тајних језика — може говорити у прилог горе изнете претпоставке, уп. мак. *lizju* 'пити', *nalizal se* 'напио се, пијан је' Крива Паланка (Марков 226, 227), буг. *lizvam*, *lizje* 'пити' Мрачник (Иванов). У бугарском аргоу посведочен је и помен *agentis*: *lizac* m. 'пијаница' Брацигово (Аргировъ 17), *lizac* 'id.' Смолско, Пирдоп (Кънчев).² У сваком случају, развој значења 'лизати' → 'пити' није карактеристичан само за арго будући да се среће нпр. и у бугарском разговорном језику: *nalizja se*, *naliz(y)vam se* 'напити се' (БЕР 3:395 s.v. *lizja*), као и у другим словенским језицима, уп. нпр. још: чеш. *naliznout se* 'id.', рус. *nalizatsja* 'id.'

Пошто се са семантичког аспекта глагол *lizgam* 'пити' без тешкоћа може повезати са *lizati*, остаје питање формалне стране ове везе. Потпуне формалне пандане арготичкој лексеми налазимо у бугарском и белоруском. Буг. дијал. облик *lizgam* 'лизати' аутори БЕР-а изводе од глагола *lizvam* 'id.' са суфиксом *-gam*³, поредећи га са *glazgam* (БЕР 3:397). Блр. глагол *lizgacj* 'есці, ледзь дакранаючыся зубами; лізаць раз за разам; есці мала, перабіраючы', тумачи се у етимолошком речнику белоруског језика у оквиру одреднице *lizacj* 'лизати' као облик са експресивним *-z-* (ЭСМБ 5:308). У погледу варирања *z* : *zj* пару *lizati* : *lizgam* налазимо паралеле у *izuti*, *izuti*, *izuti* 'г(а)мизати, клизати, омицати се': *izuti se* 'клизати се' (Skok 3:83, 84 s.v. *rusti*), *iznut se* 'оклизнути се' Пирот (Златковић I) : *izgam se* 'клизати се' Лужница (Ћирић) и *izati (se)* 'санкати кога; клизати се на леду, санкати се и др.' : *izati se* 'клизати се, санкати се' (РСА). Облик *izati se*⁴ Skok 3:84 s.v. *rusti* објашњава као ши-

² Арготичку грађу доноси и БЕР 3:395 s.v. *lizja*.

³ О суфиксу *-gati*, звучној варијанти суфикса *-kati*, в. Sławski 1974:50.

⁴ Уп. слн. *polzgati se* 'клизити' (Bezlej 3:84 s.v. *polzeti*) и буг. *plzgam (se)* 'кретати (се) равномерно по глаткој површини' (БЕР 5:369–370). На основу ове три ју-

рење основе *йуз-* помоћу *-гаџи* сматрајући да је у питању ономотопеизирање речи укрштањем са *бљузга*, *музга*. Слично је тумачење које Воруј 1982:10–11 предлаже за варијанту *вџгаџи се*: он ту види резултат изједначавања према продуктивним ономотопејским глаголским типовима на *-zg-* (нпр. **bl'uzgati* 'пљускати, прскати', **s(k)lizgati* 'клизати се'). Такође треба допустити могућност да *лизгам* представља варијанту деминутивног глагола *лџскаџи* (< *лизџи*) насталу експресивним озвучавањем секвенце *-ск-*, чији је резултат чување препознатљивости основе изходног глагола.⁵

У збирци речи из Сретечке жупе, дакле са истог терена на коме је потврђен арготизам *лизгам*, наилазимо — сем на додатне потврде тог глагола и девербалне именице: *лизга* 3. sg. praes. 'пити', *лизгач* 'пијаница' — и на сазвучну именицу *лизга* f. 'клизавост' и придев *лизгао*⁶ n. adj. 'клизаво' (Н. Љамић, грађа ЕРСЈ). Напомињемо да се у извору не прави дистинкција између дијалекатске лексике и потврда из тајног језика, али се за лексеме са значењем 'клизана' може узети да су у питању дијалектизми, будући да се не јављају другде у изворима арготичке лексике. Са друге стране, глагол *лџгаџи (се)* у значењу 'клизати (се) и сл.' добро је посведочен у говорима југоисточне Србије, уп. *лџгаџи (се) impf.* 'клизати (се), санкати (се)' Момина Клисуре, Врање (РСА), *лизгам* 'клизати, санкати' Врање (Симоновић), *долџгаџи pf.* 'доћи преко воље, нерадо' Црна Гора, *залџгаџи се* 'занети се у клизање' Момина Клисуре, *излџгаџи се* 'задовољити се клизајући се, тоциљајући се, наклизати се' Момина Клисуре, Врање, 'излизати се, углачати се од трења' Момина Клисуре, *налџгаџи се* 'задовољити се клизајући се, тоциљајући се, наклизати се' Момина Клисуре, Врање (РСА).⁷ Постоје такође и варијанте овог глагола са палатализованим иницијалним гласом⁸: *љџгам се impf.* 'клизати се'

жнословенске потврде у БЕР-у се реконструираше псл. облик **plъz-g-ati* и третира се као проширење псл. глагола ***plъz-ati* суфиксом *-g-* (БЕР I.c.).

⁵ О томе да у различитим слов. језицима и дијалектима *-zg-* може проистацати из различитих спојева са суфиксалним *-k-* као што су *-зџ-k-*, *-сџ-k-*, в. ЭССЯ 3:17 s.v. **brěskъ*.

⁶ Са губљењем *в* у позицији између *а* и *о* у говору Сретечке жупе, уп. Павловић 1939:96.

⁷ Уп. и девербале *лџгав* adj. 'клизав', *лџгавица* f. 'клизавица' Момина Клисуре, Врање (РСА), *лизгавица* 'клизавица, клизаво место' Врање (Симоновић), затим *лџнуџи* 'померити, гурнути, повући (некога, нешто)': Лизну га [терет] низ ливаду, куде ћеш га носиш! Момина Клисуре, *лџнуџи се* 'поклизнати, оклизнути се' Момина Клисуре, Врање (РСА), *лизнем се* 'id.' Врање (Златановић).

⁸ О палатализацији као средству експресивизације дијалекатских глагола из говора југоисточне Србије уп. Бјелетић 1994:267 која као илустрацију наводи следеће

Лесковац (Митровић), Јабланица (Жугић), 'клизати се (ходањем по влажној и клизавој земљи)' Пирот (Живковић), *пољизгам се* pf. 'мало, кратко се клизати' Јабланица (Жугић), *разљизга се* 'кад се отопи снег и помеша с водом'⁹ Пирот (Живковић), Каменица код Ниша (Јовановић), *уљизгам* 'учинити клизавим', ~ *се* 'постати клизаво' Јабланица (Жугић).¹⁰

За наше разматрање је значајно да рефлексивни облик иницијално палатализоване варијанте са префиксом *на-* има значење идентично оном које се јавља у зидарском аргоу са Косова: *наљизгам се* pf. 'опити се, напати се': Пази га, собајле се наљизгао Лесковац (Митровић), Пирот (Живковић). Одговарајућу семантичку паралелу пружају већ помињани глаголи *вузати се* и *вузгаји се* будући да се у овој лексичкој породици, чија је основна семантика 'клизати се и сл.', такође среће и значење 'напати се'. У дијалекатском речнику из нишке Каменице, поред непрефигираног рефлексива *вуза се* impf. 'клизати се, санкати се', посведочен је и префигирани рефлексивни облик *навуза се* pf. са два значења — прво 'насанкати се' и друго, како га дефинише записивач, фигуративно 'напати се, опити се': Навузал се ракију, па се

парове лексема *пързлим се* : *пързълим се* 'пасти на клизавици', *улоџам се* : *улоџам се* 'упрскати се' и др. Уп. нпр. и с-х. *лүшїїїїїї* : *лүшїїїїїї* 'скидати љуску' и буг. *лүцж* : *лүцж* 'id.', континуанте псл. **luščiti (se)*, при чему се у ЭССЯ 16:207–209 мекоћа *l*, у наведеним примерима, тумачи као секундарна; другачије Skok 2:340 s.v. *ljūska*.

⁹ У погледу значења и творбе уп. *пүсїїї*, *пүзїїї*, *пүзгаїї* impf. 'г(а)мизати, клизати, омицати се': *пүзгаїї се* 'клизати се' (Skok 3:83, 84 s.v. *püsti*), *пүзгаї се* 'тоциљати се, клизати се' Косово (Елезовић II), *пүзгаї се* 'клизати се' Мрче (Радић), *рәс-пүзгаїї се* pf. 'разлити се, натопити се, размекшати се' (RJA), слн. *pólzniti* 'клизити', *razpólzniti se* 'распрснути се, распасти се, расплинути се', *razplézniti se* 'id.', чеш. *rozpliznouti* 'растопити се, расплинути се, разлити се' (Bezlej 3:57 s.v. *-plézniti se*).

¹⁰ Уп. још и *љизгав* adj. 'клизав, склизак' Параћин, Тимок (РСА), *љизгав* 'клизав, пузгав' Лесковац (Митровић), 'клизав услед блата' Пирот (Живковић), 'клизав' (о путу) Врање (Златановић), Црна Река (Марковић I), 'који је клизав, склизак услед расквашености; који је поледио (о путу, стази и сл.)' Јабланица (Жугић), *љизгаво* adv. 'љигаво, клизаво, склиско' Заглавак (РСА), 'слузаво, клизаво' Орбанићи (Kalsbeek), *љизгавїїї* / *љизгавїїї* impf. 'чинити љизгавим, клизавим' Тимок, *љизгавица* f. 'расквашено, влажно, клизаво тло, пут и сл.; клизавица' Параћин, Пирот, Тимок, Књажевац (РСА), *љизгавица* 'лапавица, расквашен и жидак снег, киша са снегом; клизавица' Тимок (Динић III), 'блатњава и клизава земља, клизавица' Пирот (Живковић), 'клизаво место' Врање (Златановић), 'клизавица, поледица' Црна Река (Марковић I), 'клизавица' Лесковац (Митровић), 'клизаво место, клизавица' Јабланица (Жугић), *љизга* f. 'клизаво место' Врање (Златановић), *љизгоч* m. 'блатњава и клизава земља, клизавица' Пирот (Живковић), 'клизавица, лапавица' Пирот (Панајотовић); такође и *љизнем се* pf. 'клизнути се' Лесковац (Митровић), 'оклизнути се' Пирот (Живковић), Јабланица (Жугић), *ољизне се* 'id.' Црна Река (Марковић II), *издолјизгаїї* 'намлатити, истући кога чим' Врграда (Јуришић).

лел'еје (Јовановић). У пиротском говору забележени су непрефигирани рефлексивни глаголи *ву̀зга се* *imprf.* 'клизати се' (Златковић I) и рефлексив са префиксом *на-*: *наву̀зга се* *pf.* у значењу 'препити' (*id.* II), уп. такође са истог терена *навузгал се* 'напио се' Лужница и горње Понишавље (Пејчић).

Вору́ 1982:9 је на основу семантичког инвентара ове породице речи — које су поред примарног 'клизати (се)' посведочене и у значењима 'пузати (по земљи), вући се', 'дрмати, мицати', 'радити нешто брзо, овлаш', 'бити, ударати' — реконструисао изходно семантичко језгро 'вршити брзе, нагле покрете приликом оклизнућа или спотицања'. У прилог томе да се значење 'напити се', иако није наведено,¹¹ може логично уврстити у овај инвентар говоре следећи глаголи са семантиком 'померати (се) брзим, енергичним покретима' и 'пити': *др̀мну̀тии* 'попити'¹² (Влајић-Поповић 2002:145), *на̀йр̀еска̀тии се* 'напити се'¹³, *й̀р̀гнуну̀тии* 'нагло попити, испити'¹⁴ (РМС).¹⁵

Пада у очи да се код парова глагола: *лѝзгам се* : *на̀лѝзгам се*, *ву̀за се* : *наву̀за се*, *ву̀зга се* : *наву̀зга се* значење 'напити се, опити се' вежује за повратни облик са префиксом *на-* при чему објекатска допуна може, али не мора бити експлицирана.¹⁶ Да се вратимо арготичком

¹¹ Извори у којима је оно потврђено објављени су након рада у коме је В. Бориш писао о пореклу глагола *хузати*, *фузати*, *вузати* (Вору́ 1982:7–11).

¹² Уп. *др̀мну̀тии (се)* 'снажним и брзим покретом померити', 'снажно и брзо мрднути (неким делом тела)', 'ударити, треснути', 'тргнути се', уп. и *др̀ма̀тии се* 'бити несигуран, бити у опасности, пред падом' (РСА).

¹³ Уп. *й̀р̀ес̀тии (се)* / *й̀р̀ес̀тии (се)* 'енергичним покретима померати (се) тамо-амо, дрмати (се)', *й̀р̀ес̀ну̀тии (се)* 'нагло, јако (се) ударити', 'пасти, бупити с треском', 'затрести (се), задрмати (се)' (РМС).

¹⁴ Уп. *й̀р̀гнуну̀тии* 'нагло, брзим покретом извући, повући', 'изненада кренути, дрмнути' (РМС). У бошкачком аргоу: *й̀рзам* 'пијем' *на̀йрзам* 'пијан' Сретечка жупа (грађа ЕРСЈ), *й̀рзам* *imprf.* *фиг.* можда и бошк. 'пити': Трза белачу ка воду [Пије ракију као воду], *й̀ргнем* *pf.* 'попити', *й̀рзач*, *-ача* *m.* 'пијанац' Призрен (Чемерић), *й̀рзати*, *-ам* *imprf.* 'натезати, пити' Косово (Елезовић II). Није потпуно јасно да ли Елезовић значење 'пити' сврстава у бошкачки арго или не.

¹⁵ Глагол *й̀узати се* 'клизати се' у префигираним облицима развија значење 'најести се, појести', блиско семантизму 'напити се', што додатно поткрепује претпоставку о повезаности значења 'клизати се' и 'напити се', уп. *й̀у̀зати се* *imprf.* 'тоциљати се, клизати се' Косово (Елезовић II), *на̀йу̀зати се* (*im*)*pf.* 'натоциљати се довољно', *фиг.* 'најести се, накрати се': Валә сам се напу̀зао оно̀га качама̀ка, те ми је до̀шло до̀ри до̀вде *ibid.* (*id.* I), *сй̀у̀зати* *pf.* 'клизати', *фиг.* 'прогутати, појести': Спу̀зао онај лѐб, те онд дѐ што дѐ што, што је бй̀ло оста̀ло од сй̀ноћ, ~ *се* 'оклизнути се' *ibid.* (*id.* II).

¹⁶ У тај модел сасвим се уклапају творбено, а делом и семантички, и глаголи *й̀у̀зати се* : *на̀йу̀зати се* с тим што се ту код овог другог облика реализује значење 'најести се' (в. претходну напомену).

глаголу *лизгам* 'пијем'. Уколико је тај арготизам у вези са дијалекатским *лѝзгаѝи (се)* 'клизати (се)', то би значило да он одступа од творбено-семантичког модела установљеног за горенаведене глаголе. У аргоу се значење 'пити', које се јавља као основно (и једино), реализује у основном облику глагола, а не у рефлексивној форми са префиксом *на-* која чак није ни посведочена. Треба, међутим, имати у виду да лексика тајних језика није прикупљана систематски и да њени приносици често нису лексикографи. Стога не мора нужно значити да облик који није забележен није ни постојао односно да не постоји. У том смислу можда се може претпоставити да је у тајном језику дошло до уопштавања семантичке реализације првобитно везане за истина засад непосведочени облик са префиксом *на-*, утолико пре што значење 'клизати' није потврђено као арготичко.

Као аргумент у прилог могуће везе између дијал. *лѝзгаѝи (се)* 'клизати (се) и сл.' и арготизма *лизгам* 'пити' од извесног значаја може бити и ареална дистрибуција ових речи и глагола који су овде били наведени као њихове семантичке паралеле. Све те лексеме забележене су на компактном подручју које обухвата југоисточну Србију са Косовом.

Може ли се, међутим, наћи потпора изнетој претпоставци и ван домаћих оквира, на ширем, словенском плану? Руска дијалекатска лексика садржи потврде које би могле поткрепити изнета запажања макар у погледу семантике разматраних лексема. СРНГ 17:219, поред глагола *лызга́ть* 'кататься на льду', *лы́згать* 'снашивать сапоги, катаясь по льду' псковска и тверска област, доноси и неакцентовани облик *лызгать* у значењу 'пить много (обычно спиритного), хлестать' олоњецка област. Код Даља налазимо дијал. *лызгать* 'скользить по льду, кататься на коньках, на колодке или просто на ногах' псковска и тверска област (Даль 2:276). На истом подручју посведочен је и префигирани глагол *слѝзгать* (что) '(лизать) слизать, слакомить, съестъ', 'о обуви (*лы́згать*, шаркать, скользить), истаскать' (Даль 4:227 s.v. *слѝзить*), који се у погледу првог значења, образовања и рекције може упоредити са поменутиим с.-х. дијал. *сѝзѝѝи* 'прогутати, појести'. Како видимо, руско *лызгать* 'пить много (обычно спиритного), хлестать' такође је симплекс, попут арготичког *лизгам* 'пити', у вези са којим смо претпоставили да је за арготичке потребе дошло до уопштавања иначе секундарне семантике. У случају руских примера објашњење можда лежи у различитој ареалној дистрибуцији потврда са значењима 'клизати се' и 'пити' из СРНГ-а. Са друге стране, потврде које доноси Даль потичу са истог терена, а семантичко варирање 'клизати се' и 'прогутати, појести' корелира са творбеним.

За појаву значења 'пити, налити се'¹⁷ може бити релевантан семантички помак 'клизати се' → 'излизати се, дерати, хабати услед клизања', који је потврђен, сем у руском материјалу, и код глагола *излизати се* 'наклизати се', 'излизати се, углачати се од трења': Излизгале се санке, па летив! (РСА). Семантичке паралеле за везу тог секундарног значења и значења које је предмет овог рада пружају глаголи *дѣраѣи* 'неумерено јести, пити' (Влајић-Поповић 2002:144) и *љушити* 'гулити', 'дерати, хабати', експресивно 'пити (алкохолна пића)¹⁸ (РСА).

На основу наведених руских глагола (без оног у значењу 'пити') и с.-х. дијал. *лизгаѣи* (*се*), затим мак., буг., и блр. потврда у ЭССЯ 17:58–59 се реконструише глагол **lyzgati* (*se*) — што су већ раније, полазећи од дела тог материјала, учинили Куркина 1974:70–71 и БЕР 3:396–397 s.v. *лизгав* — и упућује се на апофонске варијанте **льзгати se*, **luzgati se* (уп. и ЭССЯ 16:255–256 s.v. **льзгати se*). Семантички инвентар псл. глагола **luzgati se*, **luzgnoti se* обухвата сва овде поменута значења: 'клизати (се)', 'љуштити', 'ударати', 'јести', 'пити' (ЭССЯ 16:214–216), пружајући тако драгоцене паралеле које омогућавају да се осветле односи између тих значења и у материјалу који се овде разматра. Те су паралеле, када је у питању домаћа грађа, у најмању руку семантичке. Ова ограда поставља се стога што се бугарске и македонске потврде глагола са основом *лизг-*, будући да садрже вокал који у јсл. језицима једнако рефлектује два псл. вокала: **у* и **и*, у етимолошкој литератури убрајају такође и међу континуанте псл. **sli-zgati sa s-mobile*.¹⁹

У овом раду понуђена су два могућа тумачења порекла арготичког глагола *лизгам* 'пити'. Премда је веза ове речи са дијал. *лизгаѣи* (*се*) 'клизати (се)' на први поглед проблематична са семантичког становишта, могу јој се наћи паралеле како у домаћој грађи тако и на ширем словенском плану. Стога нам се чини да су у питању две једнако вероватне претпоставке и да за сада немамо довољно аргумената да некој од њих дамо коначну предност.

¹⁷ Семантички дијапазон руских потврда употпуњава рус. дијал. *лызнуть* 'ударити' из псковске и твερске области (ЭССЯ 17:59 s.v. *lyznoti* (*se*)), а из тог значења се иначе регуларно развија значење 'попити', уп. за паралеле нпр. ЭССЯ 15:207 s.v. *luxati*.

¹⁸ За ово значење међу руским континуантама псл. *luščiti* (*se*) в. ЭССЯ 16:208–209.

¹⁹ Уп. Sławski 4:250–251 s.v. *ligać się*; БЕР 6:877 s.vv. *слизгам се*, *слизгам се*, где се у вези са буг. *слизгам се* и *слъзгам* (*се*) указује на могућност да је дошло до укрштања и мешања коренова; Bezljaj 2:146 s.v. *lizgati se*.

Литература и извори

- Аргировъ** — С. Аргировъ: Къмъ българскитѣ тайни езици (брациговски мешровски (дюлгерски) и чалгжджийски таенъ езикъ), *Сборникъ на българското книжовно дружество въ София I*, София 1901, 1–41.
- Бјелетић 1994** — М. Бјелетић: Експресивна средства у творби српскохрватских глагола (на материјалу говора југоисточне Србије), *Научни сасѣанак слависѣа у Вукове дане 22/2*, Београд, 265–271.
- Влајић-Поповић 2002** — Ј. Влајић-Поповић: *Истѣоријска семантика глагола ударања у срѣском језику. Преко еѣтимологије до модела семасиолошког речника*, Београд.
- Вучковић 2004** — М. Вучковић: Савремена проучавања тајних занатлијских језика: методолошке напомене, *Избегличко Косово, Лицеум 8*, Крагујевац, 109–129.
- Даль** = Даль₂ 1981.
- Динић III** — Ј. Динић: Речник тимочког говора (други додатак), СДЗб XXXVIII, 1992, 379–586.
- Живковић** — Н. Живковић: *Речник ѣироѣског говора*, Пирот 1987.
- Жугић** — Р. Жугић: Речник говора јабланичког краја, СДЗб LI, 2005.
- Златановић** — М. Златановић: *Речник говора јужне Србије*, Врање 1998.
- Златковић I** — Д. Златковић: Пословице и поређења у пиротском говору, СДЗб XXXIV, 1988, 337–683.
- Златковић II** — Д. Златковић: Фразеологија омаловажавања у пиротском говору, СДЗб XXXVI, 1990, 423–740.
- Иванов** — И. Иванов: Думи от тайния зидарски говор в с. Мраченик, Карловско, *Българска диалектология VII*, София 1974, 229–231.
- Јанковић** — С. Јанковић: *Бошкачки језик са речником*, Среца 1994.
- Јовановић** — В. Јовановић: Речник села Каменице код Ниша, СДЗб LI, 2004, 313–688.
- Куркина 1974** — Л. В. Куркина: Славянские этимологии II, *Этимология 1972*, Москва, 60–80.
- Кънчев** — И. Кънчев: Таен зидарски говор от с. Смолско, Пирдопско, *Известия на Института за български език IV*, София 1956, 369–410.
- Марков** — Б. Марков: Прилог кон тајните јазици. Форничкиот говор, *Македонски јазик V/2*, Скопје 1954, 208–230.
- Марковић I** — М. Марковић: Речник народног говора у Црној Реци, СДЗб XXXII, 1986, 245–500.
- Марковић II** — М. Марковић: Речник народног говора у Црној Реци. Књига II, СДЗб XXXIX, 1993, 149–398.
- Митровић** — Б. Митровић: *Речник лесковачког говора*, Лесковац 1984.
- Никшић/Ђорђевић** — А. Никшић, Б. Ђорђевић: Бошкачки речник сретечких зидара. Аписка је скопаче (Лепо је девојче), *Сѣремљења 8/10*, Приштина 1994, 105–111.
- Павловић 1939** — М. Павловић: Говор Сретечке Жупе, СДЗб VIII.
- Панајотовић** — Т. Г. Панајотовић: *Адеѣи. Живѣи и обичаји сѣановниѣиѣа ѣироѣског краја*, Пирот 1986.
- Пејчић** — Х. Пејчић: Синоними за глагол „напио се“ (Из говора Лужнице и Горњег Понишавља), *Расковник 29*, Београд 1981, 65–66.

- Радић** — П. Радић: Цртице о говору села Мрче у куршумлијском крају, СДЗБ XXXVI, 1990, 1–74.
- Симоновић** — Б. Симоновић: Прилози за речник врањског језика, *Врањски гласник* XXXI–XXXII, Врање 1998–99, 211–237.
- Танасковић** — В. Танасковић: *Средачка жуџа*, Приштина 1992.
- Ћирић** — Љ. Ћирић: Говор Лужнице, СДЗБ XXIX, 1983, 7–191.
- Чемерићић** — Д. Чемерићић: Збирка речи из Призрена (грађа РСА).

*

- Borys 1982** — W. Borys: Prilozi srpskohrvatskoj etimologiji, *ЗМСФЛ* XXV/2, Нови Сад, 7–20.
- Bovan** — V. Bovan: Тајни језици радника Sredske i Sirića, *Гласник Музеја Косова* XI (1971–1972), Приштина 1972, 113–131.
- Jurišić** — B. Jurišić: *Rječnik govora otoka Vrgade*, II dio Rječnik, Zagreb 1973.
- Kalsbeek** — J. Kalsbeek: *The Čakavian Dialect of Orbanici near Žminj in Istria*, Studies in Slavic and General Linguistics 25, Amsterdam – Atlanta 1998.
- Vukanović** — T. Vukanović: *Srbi na Kosovu* II, Vranje 1986.

Marija Vučković (Belgrade)

On the origin of the argot word *lizgam* 'to drink'

Summary

The verb *lizgam* 'to drink' is attested in the itinerant masons' secret language of the Šar Mountain area in Kosovo-Metohija. At the first glance it appears to be a derivative of the verb *lizati* 'to lick'. Such a hypothesis could be supported by both morphological and semantic parallels found in Serbo-Croatian and other Slavic languages. Nevertheless, in the second part of the paper an alternative explanation is proposed, associating the argot word *lizgam* with the dialectal verb *lizgati* (*se*) 'to skate, to slide' from Southeastern Serbia. In that very region there are other verbs characterised by the same or a very similar semantic structure, which shed more light on the rather unusual semantic relation between these two words. Whether Russian word *lyzgat'* 'to skate; to drink a lot (usually alcohol)' can be considered an equivalent of *lizgati* (*se*) 'to skate, to slide; to drink' or not depends on etymological affiliation of the latter. According to some authors, it originates in PSI **lyzgati* (*se*), whereas other see in it a continuant of PSI **slizgati* with *s-mobile*. In any event, Russian verb provides a semantic parallel.

marija.vuckovic@sanu.ac.yu

ISBN 978-86-7025-451-0, (2007), p. (93–106)

UDC 811.1/2'367.633'373.6

811.163.1'367.633'373.6

Jasmina Grković-Major (Novi Sad)

Etymology and historical syntax*

This paper discusses the importance of linking etymology and historical syntax, giving the examples of the Indo-European dative sg. and of the Proto-Slavic particle **da*. Etymology makes a deductive method in historical syntax possible: the deduction of contextual meanings from prototypical ones. On the other hand, the findings of historical syntax must be taken into consideration in etymological research. The interdisciplinary approach in historical linguistics also reveals some general principles in the development of language structures and concepts. In this case, *the growth principle*, according to which more complex concepts are based on simpler ones: temporality, modality, goal etc. are based on the concept of physical motion.

Keywords: historical syntax, etymology, Proto-Indo-European, Proto-Slavic, prototype, the growth principle.

1. Introduction. The goal of this paper is to discuss the importance of an interdisciplinary approach in the research of the development and function of syntactic structures, in this case the need for cooperation between etymology and historical syntax, and to emphasize the need for a contextual approach in solving certain etymological problems. It is based on (at least) two theoretical assumptions:

a) In historical syntax there is no substantial division between synchronic and diachronic studies. Each synchronic system is a result of a long historical development and understanding such systems is not possible without insight into the processes that shaped them (Heine 1997: 4; Grković-Mejdžor 2006: 73). In studying various synchronic systems in a diachronic perspective, including the contemporary ones, historical syntax not only answers the question of why and how syntactic changes occurred, but also contributes to a better understanding of existing language systems.¹ This ap-

* This paper resulted from research on the project „The history of Serbian language“ financed by the Ministry of Science of the Republic of Serbia.

¹ In the research of contemporary language systems this fact is, unfortunately, often neglected. But we should bear in mind that some fifty years ago M. Ivić published a

proach, which enables us to research language development over a long period of time, also provides valuable data for general linguistics.²

b) The central role in language is played by semantics, and language categories are based on prototypical meanings or are connected by them. This idea is, of course, not new in linguistics. For example, in 1935 L. Hjelmslev wrote that grammar is a theory of basic meanings: “La grammaire est la théorie des significations fondamentales ou des valeurs et des systèmes constitués par elles”, and further: “A une seule unité du système doit correspondre une seule valeur” (Hjelmslev 1972: 84–85). At the same time, in his study about general case meanings R. Jakobson emphasizes the following: “Semantics, the very core of linguistics and of any sign theory in general...” (Jakobson 1984: 60). Founded on Jakobsonian tradition, cognitive linguistics today, in relating linguistic and conceptual categories, attributes crucial significance to prototypes and to deep conceptual language structure (Langacker 1967: 89).³

In defining prototypical meanings the method of induction is used, which is, of course, the only possible one on a synchronic level. Starting with variant meanings it postulates the invariant meaning of a morphosyntactic unit or a syntactic structure. But it seems that there is another way: a method of deduction of variant meanings from a prototypical one. Here the central role is played by etymology. If we want to understand the development of syntactic means and their function it is essential to reveal their semantic and cognitive motivation; the job of deciphering it lies in the realm of etymology. That is why historical syntax, if it aims to go beyond a simple description of the various synchronic stages of a language or a group of languages, must, among other things, rely on etymology.

2. The semantics of grammaticalized forms and syntactic structures. The value of the cooperation of these two disciplines can probably be shown best, although not solely, through examples of grammaticalization, by which a lexical form turns into a grammatical one or an already

study about the instrumental case in Serbian (Ivić 2005), in which a diachronic-synchronic approach was applied.

² The domination of “synchrony” (by which usually the contemporary language systems are meant) in the twentieth century led to the attitude that the disciplines of historical linguistics, among them both etymology and historical syntax, are areas of no great value for general linguistics. Disregarding the achievements of the Neogrammarians and their leading theoretician H. Paul (Paul 1960), the general linguistics of the last and this century has been relying mostly on data from existing language systems.

³ It should be noted that in recent times historical linguistics, including etymology, has been giving more importance to semantics. Cf. the article Vlajić-Popović 1998, in which priority in an etymological analysis is given to semantics.

grammaticalized form becomes more grammaticalized.⁴ Such examples illustrate that the former lexical meaning is responsible for the prototypical semantics of a grammaticalized form, and this prototypical semantics governs its syntactic behavior. This applies both to the independent grammaticalized elements and to the more complex structures they became a part of.

2.1. Formants and endings. This type of grammaticalization encompasses several phases: a) a free combination of lexical forms in discourse develops into a syntactic construction, b) the syntactic construction turns into a single word by the process of univerbation, c) one of the formerly independent lexemes acquires a grammatical function and develops into an agglunative affix, d) the agglunative affix becomes a formant or an ending.

The analysis of Proto-Indo-European morphological categories and those of Indo-European languages gives the basis for the hypothesis that this was exactly the way they were created. Thus, the morphological structure indicates the former syntactic pattern, being a valuable source for syntactic reconstruction.⁵ There are many such examples. For instance, Proto-Indo-European temporal adverbs, used to denote time in the older aspectual system, were grammaticalized into formants or endings as the new system of tenses arose: the augment is originally probably an adverb meaning “then, at that time” (Beeks 1995: 226), the meaning “hic et nunc” is reconstructed for the *-i* in the so-called primary endings (Martine 1987: 229) etc. It is obvious that the former lexical semantics of the grammaticalized formant / ending is responsible for the grammatical status of those new categories (the preterit and present tense, respectively). Other Proto-Indo-European adverbs could also be grammaticalized into derivational or syntactic means: in Proto-Slavic Indo-European **som* “together” developed into the preposition and/or prefix **sb(n)-*, **sq-*, while in Hittite it became a particle (*-šan*) with a clear syntactic (terminative) function (Ivanov 1974: 111). In this respect, the situation in Homeric Greek is indicative. In this language there is a large number of “particles”, indeclinable words with an originally autonomous meaning which functioned both as preverbs and prepositions (Chantraine 1953: 82).

⁴ The term “grammaticalization” was introduced by A. Meillet in 1912, in an article which was the foundation of the grammaticalization theory (Meillet 1948). Cf. also some more recent studies in this domain: Lehmann 1995 and Heine/Kuteva 2002.

⁵ W. Schmalstieg wrote that the statement “one man’s morphology is an earlier man’s syntax” has been valid since the times of Franz Bopp (Schmalstieg 1980: 46–47). Among recent papers cf. Ivanov 1998, where Germanic syntactic structures are being analyzed on the basis of Gothic morphological patterns.

A good illustration of a possible grammaticalization is the Indo-European formant **-dh-*. In an excellent analysis of this formant, E. Benveniste (Benveniste 1984: 188–210), giving the examples of Latin verbs of the type *audio*, Greek passive aorist in $-\theta\eta\nu$, the endings of the medio-passive (1st and 2nd plural), different nominal formations etc., showed that in all these forms the formant had the precise and constant semantics “l’expression de l’état (généralement de l’état accompli)”. Departing from Benveniste’s conclusions, another representative of the French school, J. Haudry, concluded that this **-dh-* was originally probably the root **dhē-* “to put”, whence the meaning “to do, accomplish, finish” (Haudry 1997).⁶ The same viewpoint is presented in Vlajić-Popović 2000, where the author analyzes Slavic compounds with IE **-dh-* < **dhē-* as the second element. This hypothesis could explain the invariant, prototypical semantics of the grammaticalized form **-dh-*: “state as a result”. This formant was used to create different categories in genetically related languages, or even in the same language, both verbal and nominal, but it always had one, prototypical meaning, which originated from its former lexical semantics.

Taking the example of the Indo-European and Slavic dative sg., I will argue that the invariant or prototypical semantics of an affix causes the syntactic behavior of a morphosyntactic category of which it is a part. In doing so, I assume that the Indo-European nominal endings were originally forms with a specific lexical meaning. This view is not new,⁷ but it should be added that it is typologically in accordance with the postulated active type of early Proto-Indo-European (Gamkrelidze/Ivanov I 267–319). Active languages have poorly developed nominal morphology and generally do not have morphological cases (Klimov 1972: 10). The case system, as known from the oldest recorded Indo-European languages, emerged in Proto-Indo-European in the course of its typological change into a nominative / accusative type. This was, of course, a long-lasting process. The differences between case endings in separate languages, especially the plural ones, point to the possibility that some case forms were created only after the disintegration of the proto-language. If the case system was created in this way and each case has a basic function, then the hypothesis that the endings, carrying the core meaning of a case, were created in the process of the univerbation and grammaticalization of lexical forms seems viable. In

⁶ The change **dhē-* > **dh-* can be easily explained as a phonetic erosion, which usually happens in the process of grammaticalization.

⁷ Cf. Lehmann 1958, in which a detailed survey of different approaches in explaining the rise of Proto-Indo-European declensions is given. The author states that, in Proto-Indo-European, affixes with specific lexical meaning were added to nouns, and later became case endings. However, he does not discuss the possible etymologies of those affixes.

this sequence of events, flexion was preceded by agglutination.⁸ Not only that this view is in accordance with the theory of grammaticalization, it is also typologically acceptable: many agglutinative languages are of OV type (Lehmann 1973: 47), and this is exactly the type which was reconstructed for the Proto-Indo-European. The development of flexion is a part of an OV > VO change (Lehmann 1996: 156), and that is the general drift in Indo-European languages.

The reconstructed affix of Indo-European dative sg. **-ei* could be etymologically related to IE **ei-* “to go” (Haudry 1997). In the process of grammaticalization the syntactic construction of a nominal stem and the root **-ei* gave birth to the dative sg, with the prototypical meaning: *the notion toward which the action or the state expressed by the governing verb is directed*. We should also notice that the internal word order in dative sg. (NP + V) is also OV.

If the IE **ei-* “expressed the action of going *per se*” (Buck 693) and belonged to the class of active verbs (Gamkrelidze/Ivanov I 295), it is clear why it came to be a part of a construction denoting directionality: the action *per se* does not involve reaching a definite goal, it rather implicates directionality, resulting from the active role of its agent. The hypothesis that the ending of the dative sg. originates from the IE **ei-* is substantiated by the fact that the grammaticalization of verbs with similar meaning (“arrive at”, “reach”)⁹ into allative markers is documented in genetically diverse languages, and also by the fact that the allative is one of the conceptual sources of dative (Heine/Kuteva 2002: 37–38, 45–46, 160–161). Different meanings of the dative case in Indo-European languages represent the variants of its prototypical semantics, created contextually, in the interaction of the semantics of the governing verb and the basic semantics of the dative. Thus, the more complex concepts of goal, purpose, etc.¹⁰ were created metaphorically from the fundamental concept of physical directionality. Let us look at the following Old Church Slavonic examples. If the

⁸ In an agglutinative language, affixes are monofunctional (as IE **-dh-*), while in a fleective one they are polyfunctional. In this respect the Tocharian situation is illustrative: under foreign language influence, agglutinative monofunctional affixes were developed (Krauze 1959: 73–81).

⁹ Indo-European **ei-* means “go” (imperfective), but its directionality could be explained by the fact that it belonged to the class of active verbs.

¹⁰ This is often not transparent in syntactic descriptions of those languages, where a case is usually divided into a series of subcategories. Nevertheless, the idea of invariant case meaning was expressed even in the Neogrammarian period. Thus, at the end of the nineteenth century W. D. Whitney wrote: “...but the general value of the dative as the *toward-* or *for-* case is almost everywhere distinctly to be traced.” (Whitney 2004: 95).

governing verb is a verb of motion, the dative denotes a notion toward which an action is physically directed: **СЕ ЦЏЪ ТВОИ ГРАДЕТЪ ТЕСЪ** МТ 21/5.¹¹ If it belongs to the category of *verba dicendi*, directionality is verbal: **ПЕТЪЗ НАЧАТЪ ПЪЃТИТИ ЕМОУ** Мр 8/32. With different semantic classes of verbs, this directionality is transferred onto an even more abstract level, thus giving dative a benefactive meaning, for example: **ЗАКЛА ЕМОУ ТЕЛЕЦЪ** Лк 15/30 etc.¹² A lot has been written about this invariant meaning of the Indo-European and Slavic dative.¹³ The etymological approach suggested here offers the method of deduction: it departs from the basic concept revealed in the original semantics of a grammaticalized ending. In the case of the dative, it starts from the concrete concept of physical directionality and follows its metaphorical changes with different verb classes. This proves, I believe, that the synchronic and diachronic data can not be artificially separated. The analysis on a synchronic level reveals the systemic semantics of the dative, while diachronic studies not only prove it but *explain the motivation behind it*.

The same affix **-ei* (unaccented) was grammaticalized as the locative sg. ending **-i*.¹⁴ The dative and locative sg. are most probably one case in origin. Since the locative case, also denoting a notion toward which an action is directed, primarily referred to inactive participants in an event, it was automatically interpreted as a place and then, by transferring this meaning to a temporal level, as a place in time (temporal meaning). This is why the function of the locative was first restricted to spatial and temporal meanings.¹⁵ Historically speaking, the concept “a place toward which an action is directed” gave birth to the concept “a place in which an action is taking place”, in other words, the locative of goal developed into the loca-

¹¹ Old Church Slavonic examples are given according to the Codex Marianus 1960.

¹² The adnominal functions of the dative are left aside here. They were probably developed later, by reanalysis of Indo-European dative constructions. Cf. Grković-Mejdžor 2005.

¹³ For the purpose of this paper it is enough to refer to Jakobson's aforementioned study, on whose theoretical assumptions a series of subsequent studies were based.

¹⁴ The idea about the common origin of dative and locative sg. was brought up by K. Brugmann, who proposed an *-ai* as its source (Brugmann 1911: 122). According to Sturtevant 1931: 18, and later Gamkrelidze/Ivanov I 287, Beekes 1995: 173, the two cases developed from a form ending in *-ei*. The genetic relation between the two cases was also pointed out by J. Kuryłowicz, but he thinks that the dative was developed from the locative, when it was used with nouns denoting persons (Kuryłowicz 1964: 190–191).

¹⁵ This is emphasized because in the history of Indo-European languages the locative could spread its functions, like in Sanskrit, as shown by Whitney (Whitney 2004: 101).

tive of place. Depending on verb semantics, the locative retained both meanings for a long time. Still in Old Church Slavonic **vb* + locative could appear with motion verbs or verbs denoting an action which includes motion, alongside the accusative.¹⁶ This archaic construction, seemingly quite unusual, at least from the point of view of its function in Slavic languages today, has not yet been explained satisfactorily. But if the reconstruction shows that the locative was a goal case, it is explainable. The conceptual closeness of the locative and dative cases is further substantiated by Hittite, in which both the dative and the dative-locative frequently appear with the aforementioned terminative particle *-šan* (Ivanov 1974: 111), and also by Sanskrit, where the locative is also used as a goal case from the earliest period (Whitney 2004: 102–103).

The same prototypical semantics is retained by the nominal forms which became part of the verbal system: Indo-European infinitives, dative or locative in origin, such as the Slavic infinitive. As a complement it is marked by referring primarily to a subjunctive action. The cognitive source for this is obvious: the concept of physical directionality, when transferred into the temporal domain, became the concept of future, which is by its nature a non-indicative, subjunctive category. It should also be added that if the Proto-Slavic locative was still a goal case, the argument that the semantics of the infinitive could only be driven from the dative, and not the locative, cannot be accepted.¹⁷ This argument would stand only if we took the meaning of the locative in contemporary Slavic languages into consideration, disregarding its Indo-European sources and its early Proto-Slavic semantics.

2. 2. Conjunctions. Conjunctions are another example which testifies to the importance of an interdisciplinary approach in historical linguistics, namely the joint work of etymology and historical syntax.

The development of Indo-European syntactic structures shows that conjunctions are of late origin. The most ancient texts are characterized by the simple juxtaposition of sentences and clauses, from which first paratactic and then hypotactic constructions slowly arose. Proto-Indo-European was, typologically speaking, a nominal language, in which the nominal

¹⁶ On the basis of predominantly Old Church Slavonic data, R. Aitzetmüller reconstructed the Proto-Slavic goal locative, giving an explanation which differs from the one given in this paper (Aitzetmüller 1981).

¹⁷ This hypothesis was laid out by A. Meillet (Meillet 1934: 242). More about the origin of the Proto-Slavic infinitive, together with a discussion whether it is of dative or locative origin see in Bošković 2000: 199–202. The same problem exists with the old (first) infinitive in Lithuanian (Zinkevičius 1998: 165).

forms (participles, gerunds, verbal nouns etc.), being highly autonomous elements of speech, were used to express hypotactic relations in the deep structure. Its development into a verbal language type meant changes in the sentence structure: the juxtaposition retreated, while the sentence centralized around the predicate was created. At the same time, conjunctions were introduced to make the syntactic-semantic relations between clauses more precise and explicit.

In this process, different lexical items (particles and different case forms) were introduced between two clauses in order to denote a general relation between the two predications (coordination or subordination), while a specific type of subordination was induced from the meaning of the clauses themselves. In time these particles became grammaticalized forms (i.e. conjunctions) and this process permeated the long history of Indo-European languages. The problem of their etymology in Slavic languages is well-known, especially of the paratactic ones, if we bear in mind their early grammaticalization, which makes them etymologically not transparent. Some conjunctions are interpreted as interjective particles, as is the Proto-Slavic **bo* (Meillet 1934: 483), while the others, like **a*, have quite different etymologies (ESJS 1: 45). Most of them are probably of pronominal origin, as etymology tells us. For example, **i* (< **ei*) is reconstructed as the locative sg. of the demonstrative **e-* (ÉSSJa 8: 167), and **ježe*, **jegda*, **jeliko* etc. come from the anaphoric pronoun. The development of their syntactic functions shows that their grammaticalization was a longlasting process, which was not over in late Proto-Slavic,¹⁸ but continued in the history of Slavic languages.

I will take the example of the Proto-Slavic particle **da* in order to illustrate not only how its original lexical semantics determined its syntactic functions, but also how the analysis of the syntactic functions of a grammaticalized form in a diachronic perspective contributes to its etymological analysis. Most etymologies today explain **da* as a former demonstrative **do/to*, but the form itself is differently interpreted. P. Skok, obviously influenced by its functions in contemporary Slavic languages, writes that its primordial meaning was “hither, over here”, and compares it with German *dass*, a demonstrative which “resumes in a main sentence the mean-

¹⁸ For example, **ѡ**, originally an interjective particle used to express emotions, affirmation, or insisting upon something, was not yet grammaticalized in Old Church Slavonic and was still used both as an emphatic particle and as a conjunction, even in cases of coordination (Slovar' 1994: 94–95). Similarly, in Old Church Slavonic the conjunction **и** has the general function of adjoining predications and the semantic relation between those predications (coordinative, temporal, causal, consecutive etc.) is derived from the semantics of those predications themselves, not from the conjunction (Slovar' 1994: 242–245).

ing of a dependent one” (Skok 1: 370). In ÈSSJa (4: 180) it says only that its vowel length is to be sought in peculiarities in the usage of the demonstrative stem. In ESSJ (2: 149) **da* is interpreted as an interjective particle of a demonstrative origin, and a similar statement is found in ESJS (2: 121). In the Polish dictionary of Proto-Slavic (SP 2: 323–326), which offers a wealth of data from both contemporary and historical languages and gives a wide range of the functions of *da* in Slavic languages, we read that it is the continuant of the Indo-European **dō* “do tego, tu”, with the observation that it could be an instrumental or an ablative by origin.

The search for the etymology of **da* must take into account the context of the development and the spread of its syntactic functions. The analysis of the Common Slavic and especially Old Serbian situation, which is in this respect very valuable, reveals that **da* was primarily an optative particle which then acquired an adjunctive function. Only later, by syntactic reanalysis, and only in a number of Slavic languages and dialects, did it develop into a conjunction introducing objective clauses, at first only the subjunctive ones (Grković-Mejdžor 2004a). Thus, its origin must be sought in a form by which its prototypical semantics could be explained, the prototype which is at base of all the variant meanings and functions and is common to them all. This is the ablative: **dōd* > **da*. Its function is to point to a departing point: “from that”, but it implicates the notion of the space beyond a departing point. By metaphor the spatial meaning could be transferred into the temporal one (“from then onwards”), so **da* could also be used to introduce a subsequent action. That led to its adjunctive function, which could be compared or equated with the function of the conjunction *i* “and”. On the other hand, the conceptual relation between posteriority and modality (Lyons 1968: 310) made the development of an optative and emphatic **da* possible. The chronology shows that cognitively more complex categories were developed from cognitively simpler ones (spatial relations > temporal relations > modality). Concomitantly, new syntactic structures came to life.

3. Syntactic change and conceptual domains. The examples of the grammaticalization of **ei-* in the dative and locative sg. and the demonstrative pronoun into the particle **da* have not been randomly chosen. Their etymology reveals that there is a close cognitive relation between them, based on the concept of *motion*. In the first case it is a motion toward something (directionality), and in the second a motion away from something. Their common feature, nevertheless, is to express *posteriority* in relation to a moment of speech. That is exactly why the infinitive (the petrified dative or locative sg.) as a complement could be replaced by *da* +

present tense in several Slavic languages. It also explains why *da* + present could acquire an imperative function.¹⁹

These and other syntactic changes can be explained only in the light of the original semantics of grammaticalized elements. Needless to say, the causes of syntactic changes are numerous and interwoven but they have to be left aside here. For the purpose of this paper, which is to emphasize the importance of an interdisciplinary approach, namely the cooperation between etymology and historical syntax, the following is important: the answer to the question of why, in a process of syntactic change, certain forms or syntactic constructions are replaced by others cannot be given without an etymological analysis. It tells us that a new form or construction must be from the same conceptual domain as the old one. In other words, the change in the surface structure can be understood only in the light of prototypes: the two language means have the same or similar conceptual source, since they express the same semantics in the deep structure of a language.

4. Conclusion. Having all that has been said here in mind, the following conclusions can be drawn:

a) In defining the prototypical semantics of syntactic categories and constructions, an important role is played by etymology. In historical syntax and semantics it enables the deduction of contextually conditioned meanings from a prototypical one. Likewise, *vice-versa*, etymology should not neglect the syntactic aspect in its research, the contexts in which the elements whose origin it is trying to define are used in, most of all their syntactic function in a diachronic perspective. Language is a system whose different levels are intrinsically connected, thus the methodology of research must be adequate to the subject of research. If the future of linguistics is in “the reintegration of language science — by gradually removing disciplinary divisions” (Radovanović 2003: 280), it must be applied to the diachronic research of the phenomenon of language as well, whether this research is primarily etymologically oriented (Loma 1995: 54), syntactically oriented (Grković-Mejdžor 2004b: 119–120), or whether it studies some other aspect of language.

2) The cooperation between etymology and historical syntax also reveals some general principles of linguistic change. One of them, which plays an important role both in the development of syntactic structures and semantic categories, is *the growth principle*: cognitively simple structures

¹⁹ The imperative belongs to the same conceptual domain (posteriority > modality). This explains why the Indo-European optative became the imperative in Proto-Slavic.

and categories historically precede complex ones and physical experience is the basis for metaphorical semantic changes (Grković-Mejdžor 2004b: 135, Grković-Mejdžor 2006). The cases of the dative / locative sg. and the Proto-Slavic particle **da* analyzed here indicate that more complex concepts (time, modality, goal, purpose etc.) are established on the concept of *motion*. From a theoretical point of view it is worthwhile to emphasize that in genetically diverse languages *motion* is one of the conceptual sources for other grammatical markers as well, the ones for tense and aspect, for example (Heine 1993: 31). Cognitive linguistics based on the study of contemporary language systems has reached exactly the same conclusion: “Most of our fundamental concepts are organized in terms of one or more spatialization metaphors” (Lakoff/Johnson 2003: 17). And this speaks in favor of the idea given at the very beginning of this paper: if we want to discover the universal principles of language as a system, we must study it in a diachronic-synchronic perspective.

References

- Aitzetmüller 1981** — R. Aitzetmüller, *Beobachtungen zur syntaktischen Verwendung von Lokativ und Akkusativ im Altbulgarischen und Serbokroatischen*, Festschrift für Linda Sadnik zum 70. Geburtstag, Freiburg: U. W. Weiher, 14–42.
- Beekes 1995** — Robert S. P. Beekes, *Comparative Indo-European Linguistics. An Introduction*, Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Benveniste 1984** — E. Benveniste, *Origines de la formation des noms en Indo-Européen*, Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient.
- Bošković 2000** — Radosav Bošković, *Osnovi uporedne gramatike slovenskih jezika (fonetika, morfologija, građenje reči)*, Beograd: Trebnik.
- Brugmann 1911** — Karl Brugmann, *Grundriss der vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen II/2*, Strassburg: Karl J. Trubner.
- Chantraine 1953** — Pierre Chantraine, *Grammaire homérique II: Syntaxe*, Paris: Librairie C. Klincksieck.
- Codex Marianus 1960** — *Codex Marianus glagoliticus* [ed. V. Jagić], Graz: Akademische Druck- U. Verlagsanstalt (reprint).
- Grković-Mejdžor 2004a** — Jasmina Grković-Mejdžor, Razvoj hipotaktičkog DA u starosrpskom jeziku, *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku* XLVII/1/2, 185–203.
- Grković-Mejdžor 2004b** — Jasmina Grković-Mejdžor, Uvod u istorijsku sintaksu, *Lingvističke sveske* 4, Novi Sad: Filozofski fakultet, 103–144.
- Grković-Mejdžor 2005** — Jasmina Grković-Mejdžor, Indoevropska “esse” predikacija posedovanja na slovenskom planu, *Južnoslovenski filolog* LXI, 33–50.
- Grković-Mejdžor 2006** — Jasmina Grković-Mejdžor, Iz jezičke baštine Slovena: *prav i kriv* kao pojmovne metafore, *Anali ogranka SANU u Novom Sadu*, Srpska akademija nauka i umetnosti, 1 (2004–2005), Novi Sad, 72–82.

- Haudry 1997** — Jean Haudry, *Vestiges de constructions serielles en Indo-Européen, Proceedings of the 16th International Congress of Linguists*. Pergamon, Oxford, Paper No. 0419.
- Heine 1993** — Bernd Heine, *Auxiliaries. Cognitive Forces and Grammaticalization*, New York / Oxford: Oxford University Press.
- Heine 1997** — Bernd Heine, *Cognitive Foundations of Grammar*, New York / Oxford: Oxford University Press.
- Heine/Kuteva 2002** — Bernd Heine, Tania Kuteva, *World Lexicon of Grammaticalization*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hjelmslev 1972** — Louis Hjelmslev, *La catégorie des cas. Étude de grammaire générale* (zweite verbesserte und mit den Korrekturen des Autors versehene Auflage der Ausgabe Kopenhagen 1935–1937), München: Wilhelm Fink Verlag.
- Ivanov 1974** — Vjač. Vs. Ivanov, *Rekonstrukcija obščebaltijskih sintaksičkih struktura, Balto-slavjanske isledovanija*, Moskva: Nauka, 106–115.
- Ivanov 1998** — Vyacheslav V. Ivanov, *Indo-European Syntactic Rules and Gothic Morphology* (Available at: http://www.humnet.ucla.edu/pies/pdfs/IESV/1/VVI_Gothic_syntax.pdf).
- Ivić 2005** — Milka Ivić, *Značenja srpskohrvatskog instrumentalna i njihov razvoj (sintaksičko-semantička studija)*, Beograd: Srpska akademija nauka i umetnosti / Beogradska knjiga / Institut za srpski jezik SANU (reprint).
- Jakobson 1984** — Roman Jakobson, *Russian and Slavic Grammar. Studies 1931–1981* [eds. Linda R. Waugh, Morris Halle], Berlin / New York / Amsterdam: Mouton Publishers.
- Klimov 1972** — G. A. Klimov, *K karakteristike jazykov aktivnogo stroja, Voprosy jazykoznanija* 4, Moskva, 3–13.
- Krauze 1959** — V. Krauze, *Toharskij jazyk, Toharskie jazyki* [ed. V. V. Ivanov], Moskva: Izdatel'stvo inostranoj literatury (translation from German).
- Kuryłowicz 1964** — Jerzy Kuryłowicz, *The Inflectional Categories of Indo-European*, Heidelberg: Carl Winter. Universitätsverlag.
- Lakoff/Johnson 2003** — George Lakoff, Mark Johnson, *Metaphors We Live By*, Chicago / London: The University of Chicago Press.
- Langacker 1967** — Ronald W. Langacker, *Language and its Structure. Some Fundamental Linguistic Concepts*, New York / Chicago / San Francisco / Atlanta: Harcourt, Brace & World, Inc.
- Lehmann 1995** — Christian Lehmann, *Thoughts on Grammaticalization*, München / Newcastle: Lincom Europa.
- Lehmann 1958** — W. P. Lehmann, *On Earlier Stages of the Indo-European Nominal Inflection, Language* 34/2, p. 1, 179–202.
- Lehmann 1973** — W. P. Lehmann, *A Structural Principle of Language and its Implications, Language* 49/1, 47–66.
- Lehmann 1996** — W. P. Lehmann, *Theoretical Bases of Indo-European Linguistics*, London / New York: Routledge.
- Loma 1995** — Aleksandar Loma, *Dalje od reči — rekonstrukcija prajezičkih leksemskih spojeva kao perspektiva slovenske i indoevropske etimologije, Južnoslovenski filolog* LI, 31–58.
- Lyons 1968** — John Lyons, *Introduction to Theoretical Linguistics*, Cambridge / New York / New Rochelle / Melbourne / Sydney: Cambridge University Press.

- Martine 1987** — Andre Martine, *Indoevropski jezik i "Indoevropljani"* (introduction and translation from French by Jasmina Grković), Novi Sad: Književna zajednica Novog Sada.
- Meillet 1934** — A. Meillet, *Le slave commun*, Paris: Librairie ancienne Honoré Champion.
- Meillet 1948** — A. Meillet, L'évolution des formes grammaticales, *Linguistique historique et linguistique générale*, Paris: Librairie ancienne Honoré Champion, 130–148.
- Paul' 1960** — G. Paul', *Principy istorii jazyka*, Moskva: Izdatel'stvo inostranoj literatury (translation from German).
- Radovanović 2003** — Milorad Radovanović, *Sociolingvistika*, Sremski Karlovci / Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića.
- Schmalstieg 1980** — William R. Schmalstieg, *Indo-European Linguistics. A New Synthesis*, Pennsylvania State University Press.
- Slovar' 1994** — *Staroslavjanskij slovar', po rukopisjam X–XI vekov* [red. R. M. Cejtin, R. Večerka, Ė. Blagova], Moskva: Russkij jazyk.
- Sturtevant 1931** — Edgar Howard Sturtevant, The Indo-European Dative and Locative, Transactions and Proceedings of the American Philological Association 62, 18–25.
- Vlajić-Popović 1998** — Jasna Vlajić-Popović, Semantika kao kriterijum u formiranju etimološkog gnezda, *Prastłowiańszczyzna i jej rozpad*, Warszawa: Wydawnictwo Energeia, 255–267.
- Vlajić-Popović 2000** — Jasna Vlajić-Popović, Some Slavic Etymologies Reconsidered – Formal and Semantic Guidelines, *Studia etymologica Brunensia* 1, Praha: Euroslavica, 191–199.
- Whitney 2004** — William Dwight Whitney, *Sanskrit Grammar (Including both the Classical Language, and the older Dialects, of Veda and Brahmana)*, New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt. Ltd. (reprint)
- Zinkevičius 1998** — Zigmās Zinkevičius, *The History of the Lithuanian Language*, Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.

Јасмина Грковић-Мејдор (Нови Сад)

Етимологија и историјска синтакса

Резиме

У раду се указује на важност сарадње етимологије и историјске синтаксе, на примерима индоевропског Д / Л јд. и прасловенске партикуле **da*. Етимологија омогућује у историјској синтакси и семантици методу дедукције контекстуално условљених значења из прототипичног. И обрнуто, контекст употребе језичких елемената за чијим се пореклом трага, у овом случају историјскосинтаксички, мора се узети у обзир у етимолошким истраживањима. Сарадња две дисциплине открива и општије принципе развоја језика. Анализа индоевропског Д / Л јд. и прасловенске партикуле **da* показује да се сложенији кон-

цепти (темпоралност, модалност, сврха, намена и др.) темеље на концепту кретања, што још једном открива принцип раста, по којем су когнитивно једноставније структуре и категорије историјски примарне у односу на сложеније, а физичко искуство служи као база за метафоризацију.

jgrkovicns@sbb.co.yu

Христина Дейкова (София)

Към праславянските названия на птици:
****varnъ*, **varnā*, **gā(j)varnъ*, **gālъ* (?), **gālā*, **gālъkā*, **gālicā***

В работата се допълват, прецизират и коригират някои от съществуващите етимологични обяснения на разглежданите праславянски орнитоними, като се отчитат някои по-нови изследвания и се отделя по-специално внимание на словообразователната структура на старинните названия. Изхожда се от определени ономасиологични и словообразователни модели, очертаващи се при системното разглеждане на славянските названия на птици в ономасиологичен аспект.

Ключови думи: славянска етимология, ономасиология, словообразуване.

Системното разглеждане на славянските названия на птици в ономасиологичен аспект, при който се изследват в съпоставителен план езиковите начини и средства за номинация в отделните славянски езици, цели преодоляване на изолираното и атомарното обясняване на названията и отчитане на вътрешноезиковите и междуезиковите връзки и отношения, характерни за тази лексикално-тематична група. Това позволява да се изведат очертали се ономасиологични и словообразователни системно-структурни закономерности и развойни тенденции при назоваването на птиците в отделните славянски езици, като се разкрият сходствата и различията между тях. Названията на птиците заемат устойчиво място в речниковия запас на езика и представят различни хронологични пластове лексика (унаследени от индоевропейския език древни названия, праславянски по своята старинност названия, новообразувания в отделните езици). Тези различни по своята старинност названия функционират едновременно в синхронен план и влизат в определени вътрешноезикови връзки и отношения. В този смисъл изучаването на речниковия състав в ономасиологичен аспект по тематични групи (в системен план) е от особено значение и за етимологията, защото позволява словообразователният и семантичният анализ (по отношение на мотивационните модели) да се провеждат на основата на систематизирани обобщения

на определени ономасиологични и словообразователни модели. При това тези модели се изследват в динамичен план (ретроспективно ориентиран), като се проследяват развойните процеси при възникването на орнитологичните названия, представящи различен хронологичен пласт лексика.¹ Когато в подобен род системни изследвания се привлича и богат диалектен материал от съпоставяните езици (в повечето случаи новообразования, но също така и реликтни названия), това прави заключенията за развойните процеси по-всеобхватни, обективни и убедителни и се разкриват по-големи възможности за изследване на синхронно-диахронния изоморфизъм (в смисъла на Улуханов 1992). Богатият диалектен материал води до оптимизиране на етимологичните решения при обясняване на названията с праславянска древност.

В настоящата работа ще се спра на някои древни общославянски орнитоними, произходът на които е обясняван многократно още от зората на славянската етимология и които до днешно време не са намерили еднозначно етимологично решение. Става въпрос за названия на птиците от род *Corvus* — враната (*Corvus corone*), гарвана (*Corvus corax*) и посевната (полска) врана (*Corvus frugilegus*), едни от най-добре познатите и широко разпространени в целия славянски свят орнитологични видове. Названията на птиците от семейство Вранови са разгледани в рамките на по-голям мой труд за названията на птиците в българския и чешкия език от гледна точка на езиковите начини и средства за номинация (вж. Дейкова 2006). В този съпоставителен труд, разработен в ономасиологичен аспект с прилагане на комплексен историко-типологичен метод на изследване, се извеждат определени ономасиологични (мотивационни) и словообразователни системни закономерности и праславянски тенденции при назоваването на птиците в двата езика. Като се изхожда от очерталите се вътрешно-езикови и междуезикови системно-структурни закономерности и като се привличат резултатите от някои по-нови научни изследвания, тук се разглеждат (за пореден път) все още дискусионните праславянски

¹ По-подробно за прилагането на такъв подход на изследване вж. Дейкова (2006: 39–48). Този подход е в единство с общите методологични постановки, които Мареш формулира в статията си за етимологията на някои славянски названия на птици от звукоподражателен произход — зоонимите да се изследват в система, необходимостта от прилагане на принципа „Wörter und Sachen“, при изследването на древните названия да се привличат типологични паралели не само от неславянските езици, но да се отчитат също така и особеностите на по-младите славянски названия (Mareš 1967).

названия **varnъ*, **varnā*, **gā(j)varnъ*, **gālъ* (?), **gālā*, **gālъkā* и **gālicā*, обяснявани по различен начин в етимологичната литература.

Праслав. **varnъ* 'гарван', **varnā* 'врана'² имат точни балтийски съответствия в стпрус. *warnis*, *warne*, лит. *vařnas*, *vārna*, латв. *vārna*, което доказва техния старинен индоевропейски (балтославянски) произход — обикновено се извеждат от балтослав. **uarn-as*, **uarn-ā*. Част от етимолозите привеждат само балтийските и славянските съответствия и не обясняват по-нататък думата.³ Останалите се разделят на две групи, които се разглеждат по-подробно у Mareš (1967: 357–359). Според първата етимология птицата е названа по черния си цвят.⁴ Мареш признава като предимство на това обяснение това, че така двете форми — за м. и ж.р. лесно могат да се обяснят като форми на изходното прилагателно (цит. съч.: 357).⁵

Блажек, който в последно време се придържа към тази етимологична версия, привежда и други индоевропейски паралели на балтославянските орнитоними освен общоизвестното тох. В *wrauiņa* 'Predigerkrähe'⁶, като иранските паралели: пущу *vrōγ*, *vrēγ* 'гарван', ормури *kaṇa-wraγa* 'вид гарван', пахлави *varāγ*, *varāk*, белуджи *gurāγ* 'врана',

² Със следните продължителни в славянските езици: бълг. *вран* (стб. **вѣранъ**), *врана*, срхр. *vrân*, *vrāna*, словен. *vrân*, *vrāna*, струс. **воѣронъ**, рус. числ. **вѣрана**, рус., укр. *ворон*, *ворона*, белор. *варона*, стчеш. *vran*, чеш. *vrána*, словаш. *vran*, *vрана*, стпол. *wron*, пол. *wrona*, диал. (кашуб.) *varna*, (словин.) *vārna*, горлуж. *vrón*, *vróna*, доллуж. (w)ron, полаб. *ro(v)an*, *vornó*, помор. *vārna*.

³ Вж. Miklosich 395, който сравнява обаче със стинд. *varṇa-* 'цветя', Brückner 632, Holub/Корецнѹ 422, Vasmer 1: 228–229, Fraenkel 1201.

⁴ Тази етимология води началото си от Мейе, според когото коренът **varn-* означава 'черен' подобно на лат. *cor-nix* и гр. *κόρ-αξ* (Meillet 1902: 435–436). Тази етимология се приема от Преображенский 1: 97 и Sadnik/Aitzetmüller 1955: 333, а преди тях и от Trautmann 343.

⁵ Отношението между двете разнородови балтославянски форми **uarn-as* (м.) : **uarn-ā* (ф.) от края на 19 век се обяснява с *vrdđhi*, т.е. формата за ж.р. е резултат от *vrdđhi* като словообразователен модел, чрез лексикализиране на понятието 'вранова, т.е. подобна на вран птица' в 'птица врана' (вж. Furlan 2003: 19–21, която цитира Уленбек, Курилович, Голомб, Дармс, Махек). Самата Фурлан привежда тази двойка форми като един от примерите за праславянски деадективен словообразователен модел, т.е. като изхожда от „несъмненото“ според нея родство между названията на птиците и прилагателните **vōrnъ* м. **vornā* ф. **vōrno* п., които извежда (позовавайки се на Семерени) от ие. **uor-no* 'изгорен, черен', коренът на което се свързва с хет. **uar-* 'горя', прич. *uarant* 'изгорен' (вж. и Pokorny 1166). Така обяснява балтослав. **worHnaH* (= **varnā*) и Кортланд, като изхожда от **worwos* 'черен' < 'изгорен', от корен **wor-* 'горя' = **werH-* (вж. Blažek 1998: 20; вж. за това обяснение също Bezlaž 4: 350, и Snoj 833).

⁶ Според Windekens 1976: 583, то е от **wārnauiņa* < **wr̥n-*, което е в балтослав. **uārnā*, и типичен тох. суфикс *-aiņa*.

възвездани към **varāka-*, а то, според автора, е от **worHnko-* (Blažek 1998: 20, и Blažek 2005: 65–66). Последните индоевропейски паралели са интересни с оглед на другото основно етимологично обяснение, което изхожда от звукоподражателен произход на названието. Както отбелязва и Мареш, не може да се пренебрегва фактът, че всички паралелни древни названия на птиците от род *Corvus* в славянските⁷ и индоевропейските,⁸ а също и в някои неиндоевропейски езици⁹ са от звукоподражателен произход. Този факт е наистина от особено значение, защото той позволява при семантичната реконструкция на разглежданите названия да се изхожда не от съвременните представи на човека, а от древните представи за природата и света на човека от предисторическо време. От друга страна, трябва да се отчетат и резултатите, до които се достига при съпоставителното разглеждане на българските и чешките народни и диалектни названия на птиците от с-во Вранови. Като най-многобройни се явяват названията, мотивирани от звуците, които птиците издават (при девет от общо шестнадесетте лексикално-номинативни групи, определени според произхода на названията). Наред с преобладаващите древни названия (с индоевропейска и праславянска старинност) (вж. бел. 7) към ономастиологичния модел (ОМ) по характерните звуци, които птиците издават, се отнасят напр. и стчеш. *krkan*, диал. *krkán* 'гарван', бълг. *кр̀окон* също (срв. и срхр. диал. *krokar*, *kroktač*, словен. *kròkar*, укр. *крук*, *крук*, пол. *kruk*) и др. (вж. Дейкова 2006: 346).¹⁰ Един от общите изводи, до кой-

⁷ Срв. напр. праслав. **kьrkāvьсь* 'гарван', **gājvarnъ* / **grājvarnъ*, **gālъ* (?), **gālā*, **gālъkā* и **gālicā* (вж. по-долу), праслав. **kāvъkā* < **kāvā* 'чавка, гарга, *Corvus monedula*', **čāvъkā* също, праслав. диал. (изтслав.) **grākъ* 'полска врана', а също и праслав. **sarъkā*, **svarъkā*, названия на свраката (*Pica pica*) от семейството на Врановите птици (вж. Дейкова 2006: 346–348, 356–357).

⁸ Срв. напр. нем. *Krāhe* 'врана' и другите германски паралели (от звукоподр. гл. *krāhen*), както и нем. *Rabe* 'гарван' и германските му паралели (от ие. звукоподр. кор. **ker-*, **kor-*, **kr-*), за които вж. Kluge₂₀ 399, 576. По същия начин (от ие. **kor-*) се обясняват и лат. *cor-nix*, *cor-vius*, а също и гр. *κόρ-αῖξ*, *κόρ-ώνη* (вж. Walde/Hofmann 275–276). На основата на тези и др. ие. названия, вкл. балт. и слав. продължители на балтослав. **uarn-as*, **uarn-ā*, в семантичния си речник, описващ представите на индоевропейците за дивите животни, Гамкрелидзе/Иванов I 540 с основание определят индоевропейското название на враната като обозначение от звукоподражателен произход.

⁹ Срв. като уралски семантични паралели унг. *var-jú* 'врана' (Mareš, цит. съч.: 358), фин. *vares* / *varis* също, а също и самодийските *warŋa* / *warŋe* също (Vasmer I: 228).

¹⁰ Към същия модел се отнасят и бълг. *г̀арга*, заето от тур. *karga*, с асимилация *к:г > г:г*, повлияна по всяка вероятност и от междуметието *га*, както и бълг. диал. *к̀ркар̀аска*, *к̀ркараска*, *к̀ркаръска*, *к̀ркр̀ар̀ацкь* 'сврака', които са от заетото от гръцки *какар̀аска*, но са преосмислени на бълг. почва със звукоподраж. гл. *к̀ркам*, *к̀ркр̀ар̀ись* (вж. Дейкова, цит. съч.: 357–359).

то се достига в работата, е, че със значителна устойчивост във времето се характеризират ОМ, свързани със звуците, които птиците издават, и с особености в поведението на птиците. Едва след тях се нареждат останалите ОМ (Дейкова, цит. съч.: 391).

В конкретния случай не е за пренебрегване и фактът, че точните славянски и балтийски паралели (както и тохарската лексема) се отнасят конкретно до понятието 'птица от род *Corvus*', но не и до „първичното“ (sic!) понятие 'черен цвят'. Мареш привежда прилагателните от същата основа със значение 'черен' в славянските езици, като чеш. *vraný (kúň)* и рус. *вороной (конь)*, както и чсл. (конь) **врань** (срв. и бълг. *вран кон*), но изрично подчертава, че те се използват само като атрибут за кон (вж. Мареж, цит. съч.: 357). С други думи, има всички основания чсл. (конь) **врань** и формите в съвременните славянски езици — бълг. *вран (кон)*, рус. *вороной (конь)*, чеш. *vraný (kúň)* (по-рано в чешки и *vraná barva, vraná smola* и под. у Jungmann) — да се смятат за вторични.¹¹ Срв. напр. лит. *varnas* 'гарваново черен кон' = *varnas* 'гарван', възникнало вероятно чрез семантична деривация. На това мнение е и Махек, който обръща внимание на това, че названията на гарвана и враната са се давали на черните коне като лични имена и привежда примери, вкл. и нем. *Rabe* или *Rappe* (Machek 698). Известен семантичен паралел е българското цветоозначение *гълъбов* (от *гълъб*), рус. *голубой* (от *голуб*). Срв. още чеш. *strakatý* 'пъстър' (по всяка вероятност от *straka* 'сврака', тъй като обяснението на Machek 581, не е удовлетворително), бълг. диал. *качур, качор* 'пъстър, шарен', заето от румънското *căcior, căciur* и под. 'за кон, свиня, овца или друго животно, а също и за предмет) пъстър, шарен, с бяло петно, с бели петна', където е от пол. *kaczor* 'паток' (вж. за последното Тодоров 1980: 35–37). Конкретно за черния цвят срв. у Алмалех (2004: 11) и ивритския термин [хум] в Библията (Битие, 30: 31), който е превеждан твърде често като черно. Този термин назовава естествения цвят на черната вълна и/или козина на животните. Според автора има достатъчно основания този термин да бъде приет за термин за черен цвят.¹² Ето защо ми се струва обоснована версията на Мареш за оноματοпеичен произход на праслав. **varnъ*, **varnā* (респ. на балтослав.

¹¹ Вторичност на прилаг. **vornъ* по отношение на същ. **vornъ* и **vorna* допускана и Лома (2003: 127).

¹² У Алмалех чрез данни от нормата за словесни асоциации се обосновава възможността да се внушава цвят не само чрез термини за цвят, но и чрез названия на предмети-еталони/прототипи за цвят в смисъла на Е. Рош и Дж. Лейкф. Обяснението на фрапиращия факт, че и във вербализирания и в невербализирания език на цветовете има едни и същи универсални значения, се крие в това, че всички човешки

**uarnas*, **uarnā*). Дали обаче ономатопеичниот корен в славянски е **wǎrn-*, както смята Мареш (така записано у последния), а словообразователниот формант е *-ā*?¹³ Стремежът на Мареш да извежда ономатопеичните корени от определена фонетична структура влиза обаче в известно противоречие с неубедителния му опит да обясни по-различната структура на корена **wǎrn-*, в който се появява нетипичният изгласен назал. Това дава основание да се изходи от друга словообразователна структура на названията, а именно от **uar(k)-no-*, **uar(k)-nā*, т.е. от образувания със суф. *-no-*, *-nā*, които закономерно се свързват с всички други индоевропейски отглаголни образувания със суфикс с елемент *-n-* (вж. за това Откупщиков 1967: 225–251). Срв. за този фонетичен облик на корена посочените по-горе у Блажек ирански паралели. Що се отнася до тох. В *wrauñā*, то би могло в едно с балтославянската форма **uar-nā* да бъде пример за балтославянско-тохарска лексикално-словообразователна изоглоса. Един от изводите, до който се достига в работата ми за българските и чешките орнитоними, е, че ономатопеичните корени (като чисти ономатопеи с потенциална глаголна, деятелна семантика) и глаголните корени се включват в състава на едни и същи словообразователни модели (Дейкова 2003: 395–397). Подобно образувание със суфикс *-nā* е и старинното (балтославянско) название на кълвача **žblnā* от корена в ие. **gel-* 'дълбая' (вж. Дейкова 2006: 244–245). Срв. и Sławski (1974: 116), който посочва, че праслав. суф. *-nā* се е запазил в голяма степен в немотивирани първични деривати (най-често от глаголни корени). Формите **varnъ*, **varnā* могат да се обяснят като паралелни образувания със суфикси *-nъ*, *-nā*, доколкото опозицията мъжки род : женски род при названията на птиците по правило не е релевантна.¹⁴ Всъщност на това мнение са

същества изграждат представата си за фокалните цветове чрез предметите прототипи/еталони на основните цветове (Алмалех 2004: 4–5).

¹³ Едва ли е от съществено значение коя точно птица от род *Corvus* е била назована първично с тази ономатопея, като се има предвид смесването на народните представи за тези много близки по своя външен вид птици. Мареш се опира на различни записи в специализираната литература на гласовете на гарвановите птици и стига до извода, че с корен **wǎrn-* първично е назована враната (като най-близък до него приема запис на гласа *ŷ* „агк“ предвид позицията на *r*-овия елемент), като словообразователният формант според него е *-ā* подобно на образуването на праслав. **zēb-ā* (< **g'imb-ā*) (Mareš 1967: 359).

¹⁴ Значението 'гарван' на формата от мъжки род и 'врана' на формата от женски род би могло да се е развило, както отбелязва Мареш, вторично по фалшивата представа (според него днес невалидна), че по-големият по своите размери гарван образува двойка с по-малката врана (Mareš 1967: 358–359). Струва ми се обаче, че тази „фалшива“ народна представа е валидна и днес.

и авторите на украинския етимологичен речник, които застъпват версията за звукоподражателен произход на названията, като сравняват лат. *corn-* (от паралелен звукоподр. корен) със слав. **varn-*, що се отнася до суфикса (ЕСУМ 1: 427). Украинските автори привеждат и ствиснем. *hraban* 'гарван', което ведно с другите германски съответствия е в основата на нем. *Rabe* и пр. (вж. Kluge₂₀ 576).

В контекста на направените разсъждения за произхода на праслав. **varnъ*, **varnā* в полза на неговия звукоподражателен произход трябва да се разглеждат и праслав. **gālъ* (?), **gālā*, **gālъkā* и **gālicā*. Праслав. **gālъ II* се представя в ЭССЯ¹⁵ като прилагателно, за което се предполага (по Verneker 1: 293), че е старинно цветоозначение с неясни по-нататъшни връзки. Това е всъщност преобладаващото мнение. Бернекер се цитира и от Vasmer 1: 255, под *гълка III*, а БЕР 1: 225, цитира Фасмер. Като производни от прилаг. **gālъ* в ЭССЯ се представят **gālъka* (6: 96),¹⁶ съответно със суф. *-ъka*, и **galica*, от прилаг. **gala*, **gālъ* и суф. *-ica* (6: 92)¹⁷. Струва ми се обаче, че Фасмер и авторите на ЭССЯ подценяват изказаното от Булаховски мнение, че назоваването на черния цвят е вторично по цвета на птицата, която е изцяло черна. Като прилагателно формата е запазена само в старосърбохърватски, като според Булаховски „вполне может бѣть частным случаем того же порядка, что и *вороной, голубой...*“. Последният има право, когато отбелязва, че надеждните случаи на значението 'черен' са свързани изключително с названия на птици или с извеждани от тях метафори за назоваване предимно на домашни животни¹⁸ (Булаховский 1978а: 251–252). Мнението на Булаховски за

¹⁵ Вж. ЭССЯ 6: 96, под **gālъ II*, където се привеждат паралели, като бълг. диал. (мак.) *гал* 'гарван', словен. *gāl* 'птица с черно оперение', срхр. (остар. рядко) *гала* ж. 'птица с черно оперение', чеш. диал. (валаш.) *gāl* 'мръсотия', както и производните от него в отделните славянски езици, като бълг. *галѹн*, срхр. *gālic* 'гарван', *галић*, *галин* 'вран кон', рус. диал., укр. диал. *галь* събир. ж. 'ято чавки', но също и срхр. остар. *гѡо*, *гѡла*, *гѡло* 'черен; мръсен, нечист', *гѡла* ж. 'немарлива жена'. Към приведените там славянски съответствия трябва да се прибавят и срхр. диал. *gal*, *galac*, *galić*, *galo* 'посевна врана, *Corvus frugilegus*' (Fink 19).

¹⁶ Срхр. *гѡлка* 'название на черно куче', чсл., струс. *галъка* 'чавка', рус. *гълка* 'птица от сем. вранови, с черно оперение с различен оттенък', укр., белорус. *гѡлка* 'чавка'.

¹⁷ Бълг. диал. *гѡлица* 'чавка', *галица* 'гарван, врана; название на птица', срхр. *гѡлица* 'название на някои птици с черно оперение', *галица* 'название на домашни животни с черен цвят', струс. *галица* 'чавка', рус. диал. *гѡлица* 'чавка', укр. *гѡлиця* също, белорус. *гѡлиця* също.

¹⁸ Булаховски смята, че глаголите, които обикновено се извеждат като производни от прилагателното със значение 'черен' (вж. и БЕР 1: 225), имат друг, неясен произход.

звукотиподражателен производ на тези назвања се поддржа и от Franckel 285, а в по-ново време се приема и от авторите на SP (7: 34, под *gala* 2), без обаче да се изјаснува специално словообразователната структура на названието. Към тази етимологична версија се присъединява и тук.¹⁹ Корен на названијата е междуметието *ga*-²⁰, изхождащо от очевидно древна ономапоеја, предаваща гласа на птиците от това семејство и подобни.²¹ Наблюдението върху системата от назвања на птици в славјанските езици (и в частност праславјанската орнитологична система) дава основание да се приеме мнението на Булаховски. За устојчивостта на този ОМ във времето, особено добре застъпен при птиците от с-во Вранови, вече стана дума по-горе. Разкриващите се словообразователни закономерности позволяват също да се подкрепи това мнение. Първичното праславјанско назвање, от коешто би трябвало да се изходи в този случај, е всъщност праслав. **gālā*, т.е. от образување със суфикс *-lā*, коешто органически се вписва в словообразователниот модел при названијата на птици, образувани от отглаголна, евент. звукотиподражателна основа и суфикси с консонантен елемент *-l-* (вж. Дейкова 2000, Дейкова 2003, Дейкова 2006: 155, 250, 334–336). Тези образувања следваат дославјански древен модел, добре запазен при названијата на птиците (вж. Дейкова, цит. съч.).²²

¹⁹ Праслав. **gālъ* (?), **gālъkā* и **gālicā* не би трябвало да се разгледаат изолирано от звукотиподражателните глаголи и производните от тях, како: **gājāti* (струс. *гџати* 'крякам, грача', смятано за сродно меѓу другото със стинд. *gāyati*, *gāti* 'пее', за коешто вж. ЭССЯ 6: 84, SP 7: 25, както и Pokorny 355), **gājъ* (рус. диал. *гай* м.р. 'крясък, шум, глъчка, викане', 'јато, редица от врани, полски врани, чавки', *гџа* ж.р. 'јато, редица от птици', за коешто вж. ЭССЯ 6: 86, под **gajъ*, смятано за сродно с **gajati*, SP 7: 30, под *gajъ* 2), **gākāti* (вж. ЭССЯ 6: 89, под **gakati*, SP 7: 32, за славјански паралели, както и БЕР 1: 225, 219, под *гџак* и *га*¹), **gāgāti* (вж. ЭССЯ 6: 83–84, под **gagati*, SP 7: 24, за славјански паралели, както и БЕР 1: 221, под *гџага*¹). Всички тези глаголи са производни от междуметие *ga*, редуплицирано *ga-ga*, предаващо гласа на птиците от това семејство и подобни.

²⁰ Срв. Черных 179, којшто извежда **gala* от звукотиподр. кор. *гал-*, *гар-*, *гъл-* и под.

²¹ Срв. ром. *gajus* 'сойка', *gaja* 'сврака', изведени от рум. *gaie* 'јстреб-кокошкар', piemontski *gaj*, фр. *jai*, прованс. *gai*, катал. *gaig*, исп. *gayo*, португ. *gaijo* 'сойка', венец. (> итал.) *gazza* и др. итал. диал., како *gagga*, *gaza* 'сврака', *gadza* 'бџбрива, дрънкаща жена' (вж. Meyer-Lübke 311). От веројатна паралелна ономапоеја **ka-ka* (срв. напр. стпрус. *kole* 'чавка') биха можли да бџдат и ствиснем. *hehara*, нем. *Häher* 'сойка', стсакс. *higara*, којшто Махек смята за сродни с праслав. **sajkā*.

²² В този смисъл интерес представлява и стпрус. *kole* 'чавка', коешто Буга 1913: 107, струва ми се с основание, съотнася с лит. *kóvas* 'чавка' (срв. праслав. **kāvā*, коешто е от звукотиподражателен производ) и съпоставя със славјанското **gala* 'чавка', съотнесено с укр. *гџава* 'врана' (вж. Vasmer 1: 255). От своя страна паралелџт праслав. **gālā* : стпрус. *kole* се јавва в помош и на разночетенијата на старопруската форма

Системните наблюдения показват, че древните образувания с този суфикс често се подлагат на допълнителна деривация в посока към деминутивни образувания (срв. чеш. *brhlik*, *stehlik*, бълг. *щиглец* и под., вж. Дейкова 2000, Дейкова 2003). Именно като такива деминутивни образувания от **gālā* ж.р. със суфикси *-ьkā* и *-icā* могат да се обяснят по-късните праслав. **gālьkā* и **gālicā*, с продължители в източнославянските²³ и южнославянските езици (срв. и **kāvьkā*, производно със суфикс *-ьkā* от първоначално **kāvā*). Що се отнася до самия суфикс *-lā*, той се пази добре предимно в севернославянските езици, където служи, както отбелязва Славски, и до днес за образуване на експресивни мъжки или двуродови *nomina agentis* от типа на пол. *krzykala* 'креслив човек, който вика, кряска' (Sławski 1974: 104–105). По отношение на възстановеното праслав. **gālā* (което по-късно в източнославянските и южнославянските езици се схваща само като форма от ж.р., вероятно под влияние на други имена на птици от ж.р.) може да се уточни, че негов продължител се явява срхр. остар. *гала* ж. 'птица с черно оперение' (метафорично *гāла* ж. 'немарлива жена'). Бълг. *гал* (от което по-късно е образувано *галун*), словен. *gāl*, срхр. *gal* (с по-късни производни *galac*, *galič*, *gàlič*, *galo*) са вероятно вторични образувания за м.р. Това преоформяне е повлияно вероятно и от рода на форми, като бълг. *гāрван*, срхр. *гарван*, *гак* и под.²⁴

Що се отнася до праслав. **gā(j)varnъ*, то очевидно възниква на един по-късен етап от **varnъ* при положение, че последното е негова произвеждаща основа (този втори компонент обикновено не се оспорва).²⁵ На основата на съответствията във всички останали ези-

(вж. за това Hinze 1996–1997: 153), но както последният отбелязва, независимо от дискуссионността на балто-славянските паралели, сигурен е звукоподражателният произход на разглежданата старопруска форма. Компонент **kala-* 'грачещ, крякащ' в старопрус. композитум **kalavarnas* / **kol-* (> **kālvarnis* / **kōl-*) възстановява и Мажулис (вж. Hinze 1996–1997: 154).

²³ Рус. *галица* е засвидетелствано от 14 в. в Сл. о полку Игор. и в др. паметници, а *гāлка* е известно от 17 в. (вж. Черных 179).

²⁴ Вторично е и чеш. диал. (валаш.) *gāl* 'мръсотия', което личи и от семантичния развой. Че става въпрос за вторично образуване от м.р. и вторично преосмисляне на субстантивите в адективи със значение 'черен' личи и от срхр. *гал*, от една страна, и *гāо*, *гāла*, *гāло* (по аналогия на други подобни морфологични редове като *бѣо*, *бѣла*, *бѣло*), от друга, които не биха могли да се изведат от една и съща праформа със завършек *-lъ* (поне докато няма точни свидетелства за тяхното диалектно разпространение).

²⁵ Съмнения относно този втори компонент в най-ново време изказва Лома (2003: 128–129). Той допуска древен, индоевропейски произход на праслав. изходна форма **garvarnъ* (от която според него чрез различни дисимилационни процеси мо-

ци²⁶ в ЭССЯ (6: 88–89; 9: 166) се възстановяват още праслав. **gavor-na*, **kavornъ*, **kavorna*; в SP (7: 74–76) се възстановяват **gavorna* и **gavornъ*. Етимологията на тези вариантни названия, както отбелязва Мареш, е трудна. Трудности създава предимно обяснението на първия компонент. Съществуват различни етимологични версии, като всяка една от тях може да бъде приета в по-малка или в по-голяма степен. По-подробен преглед на трите основни етимологични обяснения прави Mareš (1967: 359–361), като отбелязва, че едва ли може да се предпочете едно от тях, тъй като и трите са основателни в еднаква степен.²⁷ Възможно е според него първичен да е един от предложените пътища за обяснение, а останалите впоследствие да са повлияли допълнително. При всички случаи обаче той смята, че вариантите с *ka-* са първични заради балтийските съответствия и заради разпро-

гат да се обяснят закономерно всички вариантни форми на продължителите в славянските езици). На праие. ниво предполага изходно **gāru-orn-* (като композитум с първи компонент, който е във връзка с гр. γῆρυς < γᾰρυς 'звук, глас', γαρῖω 'обаждам се, пея', и втори компонент, който представя праслав. рефлекс **orn-* на ис. дума за 'птица', отразен в гр. ὄρνι-ς, ὄρν-εον, но незасвидетелстван самостоятелно в славянски). Въпреки атрактивността на предложената етимология, която е приемлива както във формално, така и в семантично отношение, ми се струва, че древността на названието е доста спорно и неподкрепено с друг ис. материал, както в случая с **varnъ* (би могло да се мисли евентуално за връзка с **kavornъ*, **kavorna* и балт. им съответствия).

²⁶ Бълг. *гарван*, диал. *гавран*, срхр. *gǎvrān* 'гарван', *gǎrvān*, *grǎrvān*, диал. *gǎp-van*, *гравран*, *гравълан*, *гаврана* ж.р. 'черна коза', *гавраница* 'врана', *гавраника* ж.р., *gǎvrānka*, *gǎrvānka*, *kǎvrān* 'гарван', словен. *gāvran* 'гарван', *kāvran* също, *kavrána* ж.р. 'врана', чеш. *havran* 'полска врана', словаш. *havran* също, рус. диал., укр. *gáivoron* също, пол. *gawron* също, горлуж. *hawron* също, доллуж. *gawron* 'гарван; полска врана; черна врана', *karwona* 'полска врана'.

²⁷ Ако се отхвърлят по-старите и малкоправдоподобни обяснения, се очертават три основни версии: 1) За първични се смятат вариантите с *ka-* (*ko-*), като се изхожда и от балтийските паралели: лит. *kóvarnis* 'полска врана; чавка', латв. *kuõvarnis*. Началното *ko-* (*ka-*) се смята за старинен префикс със значение 'pseudo'. Тази етимология е предложена от Миклошич и приета от Брюкнер. Бернекер обаче я смята за „kaum möglich“. 2) Според други **gāvarnъ* е сложно име, в чиято първа част трябва да се търси названието на чавката *kava*, *gava* (укр. *gava* 'врана'), т.е. да се изхожда от първоначално **kāvavarnъ*, от което чрез хаплогения **kāvarnъ*. Според Булаховски така (чрез *kava*, *gava*) се обяснява вариантността на началното *ka-*, *ga-* (вж. по-подробно Mareš 1967: 360). Към тази версия, предложена първоначално от Бернекер (макар че по-късно самият той я смята за несигурна), се придържа и Махек, който изхожда само от първоначална форма с *ka-*, а след хаплогенията с отслабване *ka-* > *ga-*. 3) По-късно Бернекер, а също и Копечни смятат *ka-*, *ga-* за прости ономаптоеи, като Бернекер привежда като паралели и срхр. *gravran* и укр. *gráivoron*. Към тази етимология се присъединява и Славски, но смята, че от словообразователна гледна точка това би бил единичен пример.

странението им днес в периферните славянски области (украински, сърбохърватски и словенски, долнолужишки). Вторично вариантите с *ga-* се разпространяват на цялото славянско езиково землище, като промяната $k > g$ последният смята за славянска, тогава, когато изразът с *ka-* е станал вече непрозрачен или когато след проведената хаплогения изразът се е смятал вече за ономатопеичен. Формите като бълг. *гърван* Мареш основателно смята за метатезирани, а срхр. *gravn*, укр. *грайворон* и струс. **во̀ноно̀гди** според него са нови, вторично освежени ономатопеи. Според мен формите с начално *ka-* наистина биха могли да са първични и е много вероятно този начален елемент да е звукоподражателен²⁸, т.е. третата версия у Мареш изглежда като че ли най-вероятна, и то защото, противно на Славски, смятам, че тя би могла да бъде обяснена словообразователно (за разлика например от втората, при положение, че всички предполагагани праславянски сложни имена от типа S-(C)-S²⁹, за което вж. Булаховский 1978б: 286, са доста несигурни). Някъде паралелно с формите с *ka-* или по-скоро по-късно на славянска езикова почва възникват и формите с *ga-*, като този начален елемент несъмнено е със звукоподражателен произход. От този звукоподражателен корен (като чиста ономатопея) възникват и праслав. **gālā*, **gāl̥kā* и **gālicā*, продължителите на които в южнославянските и източнославянските езици означават предимно 'чавка', а както отбелязва Махек (цит. от Мареш), чавките и полските врани често се смесват в общи ята (и двете са черни и едва ли е съвсем лесно да бъдат разпознати). С продължителите на праслав. **gā(j)varnъ* и вар. в западнославянските езици се обозначава предимно полската врана. С други думи представите за тези две птици определено се смесват и ономатопеята *ga-* би могла да се съотнася както с едната, така и с другата. В словообразователно отношение би могло да се изходи от първично **gā(j)ivarnъ* като композитум с първи отглаголен компонент, който би могъл да бъде императивна форма от праслав. **gājāti* (струс. **гя̀ти** 'крякам, грача'), произв. от междуметията *ga*. От **gā(j)ivarnъ* с отпадане на неударената императивна флексия *-i-* възниква **gā(j)varnъ*. Рус., укр. и белор. диал. *га̀йворон* биха могли да са продължителите на **gājvarnъ* (с абсорбиране на императивната флексия *-i-* от консонантното тематично *-j-*), но може да са възникнали и по-късно чрез обновяване на императивната форма *га̀й-*.

²⁸ Срв. индоевропейските паралели на **kāv̥kā*, като лит. *kóvas* 'чавка', *kóva* 'полска врана', *kiáuké*, дат. *kaa*, срхл. *sauwe*, романско *cava*, както и корена в стинд. *kāuti* 'вика', гр. *καύαξ*, йон. *καύηξ* 'чайка' (Vasmer 1: 497, ЭССЯ 9: 165-166).

²⁹ Където S е субстантивна основа, C — съединителна гласна (конектор). В структурите от типа V-C-S и S-C-V (вж. по-о-долу) V е глаголна основа.

В ЭССЯ (6: 88–89) с основание се отхвърля идеята за композитум от **gājь* като отглаголно съществително и **varnъ* (т.е. композитум от типа S-(C)-S), но се предполага първично **gāvarnъ* с експресивен елемент *ga-* (?). Образуване с подобен експресивен елемент би било единичен случай при названията на птиците в славянските езици, докато експресивно образуване с първи отглаголен и втори субстантивен компонент е напълно възможно, като се има предвид оформилият се при славянските названия на птици експресивен словообразователен модел V-(C)-S, който може да се отнесе към праславянската епоха, както смята и Šlosar 1999: 32 (срв. **kratigalvъ* в ЭССЯ 13: 32–33, **tre-sigazьkā*, както и многобройните български и чешки народни и диалектни названия на птицата *Motacilla alba*, като *тръсѝ-гъзица*, *тръсѝ-онашка*, *тресѝ-онашка*, *тресѝонашка*, *мръдогъзица*, *мърдогъзица*, *стръчионашка* // *trāsirītka*, *trāsorītka*, *trāsichvost*, *trāsoprdelka*, *trāsoprītka*, *trāsprdelka*, бълг. диал. названия на кълвача *Cluella alba* *кљукājдерво*, *кљукāj-дърво*, *кљукājдрвец*, *кљукодървец*, *кљуцодръвица* и много други; срв. още бълг. диал. *пиздѝ врѝна*, *смърдовранка* 'птица синявица, *Socias garrulus*', със същия втори компонент като на разглежданото праславянско название. Всички тези имена очевидно продължават праславянския словообразователен модел V-(C)-S, вж. по-подробно Дейкова 2006: 191–194, 286–290, 253–255). Форми, като срхр. *gravran*, укр. *грайворон* биха могли да са наистина по-нови с преобразуван първоначален звукоподражателен елемент *gra(ŷ)-*, но е напълно възможно те да са преки продължители на едно първично праслав. **grā(j)ivarnъ* > **grā(j)varnъ*, паралелно образувано с **gā(j)varnъ* предвид много по-широко застъпените в славянските езици продължители на праслав. **grājāti* 'крякам'³⁰. Може да се допусне дори първично **grā(j)varnъ*, от което с дисимилаторно изпадане на *-r-* би могло да е възникнало и **gā(j)varnъ*. Струс. **водоногди**, което е с обратен ред на компонентите (S-C-V), всъщност подкрепя допускането за композитен произход на **gā(j)varnъ* / **grā(j)varnъ* с първи глаголен и втори субстантивен компонент. Разкритите на синхронно ниво многобройни експресивни композитни образувания от типа V-(C)-S в отделните славянски езици дават основание да се изхожда от подобни образувания и за един по-древен период.

³⁰ Сродно между другото с нем. *krähen* 'крякам', производно от което е нем. *Krähе* 'врана', вж. SP 8: 184–185, Kluge²⁰ 399, срв. и БЕР 1: 272, под *грай*. Срв. като производни от паралелния звукоподражателен глагол **grākāti* праслав. (диал. изт.-слав.) **grākъ* (рус. диал., укр., белор. *грак* 'полска врана', срв. и лат. *graculus* 'чавка', вж. SP 8: 185–186, срв. и БЕР 1: 272, под *грак*, вж. още Herej-Szymańska 2006).

Подобно на съвременните славянски орнитологични системи, които в историческия си развой се подлагат на реструктуриране, като наред с унаследените от праезика термини възникват и много нови, така и праславянската орнитологична система е била динамична. Тогава, когато вследствие на фонетичен развой имената се деетимологизират и тяхната вътрешна форма избледнява, формите (особено звукоподражателните) започват да се обновяват или се създават нови, с ясна мотивация.³¹ Подобно на съвременните орнитологични народни системи и при праславянската система от орнитоними се наблюдава разколебаност (породена от смесването на отделните названия и на представите за назоваваните птици въобще), разнообразие и синонимия от динамичен характер, като определянето на хронологията на възникване на отделните имена може да има само относителен характер за този древен предисторически етап. Всичко това трябва да се има предвид при опитите за реконструиране на старата народна система от орнитологични названия, която несъмнено ще се отличава от днешната строга научна система (вж. Havlová).

Литература

Алмалех 2004 — М. Алмалех: *Внушения за цвят в петокнижнето и езикова картина на света (върху български език и иврит)*, Автореферат на дисертация

³¹ Срв. другото праславянско название на гарвана **kъrkāvьсь*, производно от праслав. гл. **kъrkāti* със звукоподражателен корен **kъrk-*, с продължители бълг. диал. *кръкавец*, *къркавец*, срхр. диал. *krkavac*, чеш. *krkavec* (наложило се в официалната номенклатура). Срв. от същия звукоподражателен корен и стчеш. *krkan*, диал. *krkán* също. Подобна номинация от по-ново време е и бълг. *кр̀окон*, което може да се изведе от експресивния гл. **крок̀оня*, в основата на който лежи звукоподражателният корен **krok-*. Сродни с бълг. *кр̀окон* са и срхр. диал. *krokar*, *kroktač*, словен. *kròkar* (вж. Дейкова 2006: 346). Като название на гарвана в някои от славянските езици, като български и сърбохърватски, започва да се употребява и се налага (вкл. и в официалната номенклатура) праслав. **gā(j)varnь* с вероятно първично значение 'посевна врана', което очевидно е с по-късен произход, отколкото **varnь*. Причините за това могат да се търсят в неговия експресивен заряд (заложен в самото образуване), както и в ясното мотивационно осъзнаване на първата част като ономотопея, предаваща характерния грачещ звук на тези птици. Трябва да се има предвид и смесването в народните представи на птиците от това семейство поради голямата прилика между тях. От друга страна, трябва да се отчитат и различните книжовни традиции в отделните славянски езици (по отношение на естествените науки това означава придържане към научната, а не към езиковата класификация), които очевидно са играли роля при реструктуриране на старата народна система от названия. Срв. напр. чеш. *havran*, запазило вероятното първично праславянско значение 'посевна (полска) врана' (срв. и бълг. диал. съставно название *полски гарван* със същото значение), за което очевидно е допринесла и чешката номенклатурна научна система, водеща своето начало още от XIV в.

- за присъждане на научната степен „Доктор на филологическите науки“, София.
- Буга 1913** — К. Буга: Славяно-балтийския етимологии, *Русский филологический вестник* 70, 100–108.
- Булаховский 1978a** — Л. А. Булаховский: Общеславянские названия птиц, *Избранные труды в пяти томах. Том третий. Славистика. Русский язык*, Киев, 248–272.
- Булаховский 1978b** — Л. А. Булаховский: Славянские наименования птиц типа сложений (composita), *Избранные труды в пяти томах. Том третий. Славистика. Русский язык*, Киев, 272–289.
- Дейкова 2000** — Хр. Дейкова: Към славянските названия на птиците — Sitta europaea (ономасиологично-етимологичен етюд), *Studia etymologica Brunensia* 1, Praha, 235–245.
- Дейкова 2003** — Хр. Дейкова: Семантична мотивация и средства за номинация при славянските названия на птиците, *Studia etymologica Brunensia* 2, Praha, 391–401.
- Дейкова 2006** — Хр. Дейкова: *Ономасиологични и словообразователни сходства и различия между български и чешки названия на птици*, Дисертация (ръкопис), 418 стр., София.
- Лома 2003** — Ал. Лома: „Два врана гаврана“. Corvus corax у словенској епизи — компаративни поглед, *Кодови словенских култура* 8, Београд, 109–132.
- Откупщиков 1967** — Ю. В. Откупщиков: *Из истории индоевропейского словообразования*, Ленинград.
- Тодоров 1980** — Т. Ат. Тодоров: Произход на българската диалектна дума *káčur*, *В чест на академик Владимир Георгиев. Езиковедски проучвания (по случай седмдесет години от рождението му)*, София, 197–198.
- Улуханов 1992** — И. С. Улуханов: Мотивация и производность (о возможностях синхронно — диахронического описания языка), *Вопросы языкознания* 2, 5–20.

*

- Blažek 1998** — V. Blažek: Old Prussian bird names, *Colloquium Pruthenicum secundum*, Kraków, 7–23.
- Blažek 2005** — V. Blažek: Slovanská ornithonyma ve světle vnějšího srovnání, *Rocznik Slawistyczny* LV, 51–72.
- Fink** — N. Fink: *Imenik znanstvenih naziva životinja obrađenih u „Rječniku narodnih zoologičkih naziva“ (Vodzemci — Gmazovi — Ptice — Ribe) Prof. dra M. Hir-tza*, Zagreb 1956.
- Furlan 2003** — M. Furlan: Podaljšava — praslovanski izpridevniški besedotvorni vzorec, *Slavistična revija* 51, Posebna številka (Zbornik referatov za trinajsti mednarodni slavistični kongres, Ljubljana, 15.–21. avgusta 2003), 13–26.
- Havlová** — E. Havlová: *Etymologické poznámky k zoologickým a botanickým názvům*, лекция, изнесена в Силезийския университет в Опава, Чехия (ръкопис).
- Herej-Szymańska 2006** — Кр. Herej-Szymańska: Słowiańskie dźwiękonaśladowcze *gra-, *Ad fontes Verborum. Исследования по етимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот*, Москва, 115–126.

- Hinze 1996–1997** — Fr. Hinze: Die altprussischen Bezeichnungen der Wild-Avifauna und des Hausgeflügels, *Linguistica Baltica* 5–6, 145–181.
- Mareš 1967** — V. Mareš: K metodice etymologického bádání: Etymologie některých slovanských pojmenování ptáků onomatopoického původu, *Slavia* 36, 345–373.
- Meillet 1902** — A. Meillet: *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, Paris.
- Šlosar 1999** — D. Šlosar: *Česká kompozita diachronně*, Brno.
- Windekens 1976** — A. J. van Windekens: *Le Tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Vol. I. La phonétique et le vocabulaire*, Louvain.

Hristina Dejкова (Sofia)

Towards Proto-Slavic bird names:

**varnъ, *varnā, *gā(j)varnъ, *gālъ (?), *gālā, *gālъkā, *gālicā*

Summary

The paper aims at supplementing, specifying and correcting some of etymological explanations proposed so far for Proto-Slavic ornithonyms **varnъ, *varnā, *gā(j)varnъ, *gālъ (?), *gālā, *gālъkā, *gālicā*. The present reconsideration is based on the results of some recent studies in ornithonymy, especially the contrastive study of Bulgarian and Czech bird names, where onomasiological generalities and word-formation patterns are established partly going back to the Proto-Slavic times.

etym@ibl.bas.bg

Лиляна Димитрова-Тодорова (София)

Проблеми при етимологизуване на старинни топоними

В настоящото изследване въз основа на един пример с ойконима *Гърчиново* с първи регистриран запис в османски документи от XV в. се посочват различни проблеми, които възникват при етимологизуване на старинните топоними. Поради изчезване на дотопонимичния смисъл на етимона (запазва се само онимичното значение на топонима), древните топоними стават неясни за съвременното население и се деетимологизират, в резултат на което възниква вторична мотивация, водеща до т. нар. народна етимология (*Гърчиново* се извежда от етнонима *грък*). За да бъде установена научната етимология на такива топоними се използват методите на ономастичната реконструкция и ономастичния рекурс. Чрез прилагане на тези методи в изследването се предполагат няколко възможни словообразователни онимични модела на ойконима *Гърчиново* (от основа *град-* от стб. *гъдъ* 'крепост') валидни за времето и ареала, в който е създаден, като се използват не само лингвистични, но и екстралингвистични данни.

Ключови думи: апелатив, езикова комуникация, етимология, народна етимология, етимологична реинтерпретация, ойконим, онимично значение, ономастична реконструкция, ономастичен рекурс, топоним.

При една част от старинните топоними дотопонимичният смисъл на етимона е изчезнал и те са станали неясни за съвременното население. Някои от географските названия запазват векове наред думи, които днес не се използват в местните говори. В процеса на езиковата комуникация постепенно се заличава знанието за мотивиращия признак при наименоването на обекта. Остава запазено само т.нар. онимично значение на топонима. Терминът онимично значение е въведен от Blañár (1985: 72–82) и с него се означава всичко онова, което съществува в съзнанието на говорещия, когато си служи с топонима в комуникативния акт, т.е. представата на участника в комуникативния процес за назовавания десигнат. При употребата на топонимите у участниците в процеса на комуникация възниква представата не за първичното топонимично значение на местното име, а информационното съдържание, което носи в себе си знакът, т.е. представата за конкретния единичен предмет с неговите характерни особености в

момента на употребата на името в акта на комуникация. Затоа вече исчезнале в говора думи се запазват в продължение на векове в топонимите, активно използвани в процеса на езиковата комуникация, дори и когато участниците в комуникативния процес са чуждозични и не разбират лексикалното значение на домашните думи.

Когато при такива топоними се загубва изходната мотивация, те се деетимологизират, семантично се преосмислят поради фонетична близост с друга дума, при което не се вземат предвид езиковите закони и историческите условия, когато са били създадени. Така възниква вторична мотивация (старата вътрешна форма на названието се заменя с нова). При преосмислянето обикновено се променя и звуковият облик на топонимите. Такова преосмисляне и преоформяне на топонимите, както и на думите изобщо, е прието да се нарича народна етимология, а според полския езиковед Cienkowski (1972: 19) етимологична реинтерпретация.

Названията, възникнали в резултат на вторични връзки, са трудни за етимологизуване. В настоящото изложение ще бъде представен старинният ойконим *Гърчиново* от Поповско (район в Североизточна България — Долна Мизия) като много подходящ пример за трудностите, които трябва да преодолява ономастът-етимолог при откриване научната етимология на старинно название, както и за възможностите за народна етимология. За старинността на ойконима *Гърчиново* свидетелстват записи в османски данъчни регистри от XV, XVI и XVII в.: *Кърчинова* от 80-те години на XV в. (с 26 християнски домакинства) (Ковачев, Р. 1997: 151), *Гърчинова* от 1524 г. (с 31 християнски домакинства) и от 1541 г. (с 26 християнски домакинства) (Ковачев, Р. 1999: 29), *Кърчува (Кърчово)* от 1573 г. (записани са имената на двама българи овцевъди) (Стойков 1964: 115), *Гърчънова* от 1622 г. (с 30 християнски домакинства) (Стойков 1961: 363–490), *Гърчън* от 1648 г. (с 53 християнски домакинства) (Стойков 1961: 363–490), *Гърчинова* от 1676 г. (Стойков 1971: 363–490).

На пръв поглед селищното име *Гърчиново* може да бъде свързано с диалектната форма *гърк* на етнонима *грък*. Такава е народната етимология, залегнала в предание, преразказано от Попов/Кънев (1929: 152), според което на мястото на селището, носещо това име, имало само едно ханче, което било наричано от всички в околността «гръцкото ханче», тъй като собственикът му бил грък. По-късно, когато се заселили и други жители, селището получило името *Гърчиново*. Според друго предание, записано в Юбилеен сборник *Българското село* (1930: 454), името *Гърчиново* се обяснява с това, че първите заселници били гърци. Тази народна етимология е създадена в резултат

тат от преосмисляне на звуковия облик и значението на ойконима с апелатива *грък*. В зависимост от вида на мотивиращата основа ойконимът *Гърчиново* спада към топонимите с реална (изходна) мотивираща основа апелатив и с мнима (вторична) мотивираща основа апелатив (Димитрова-Тодорова 1993: 311–317; 2002: 385–389). Според трето предание названието *Гърчиново* е дало името на друго селище в България — *Угърчин*, т.е. според преданието жителите на с. Угърчин, Ловешко, били преселници от Гърчиново, бегълци от големия тормос на турците.

За да се открие научната (истинската) етимология, трябва не само да се извърши всеотрашен и задълбочен анализ на езиковия материал, но и да се изучи целият комплекс от исторически условия, при които се е появило и изменяло названието. В горния случай преосмислянето не е мотивирано исторически. В Поповския район няма данни за наличието на гръцко население нито днес, нито в миналото. За сметка на това в землището на селището в м. *Калето* е имало голяма крепост, наречена *Гърчиновското градище* или *Градница калеси* (Шкорпил 1914: 20–21; Попов/Кънев 1929: 18). На платото над крепостта имало остатъци от напречен зид, който е заграждал една част от платото на североизток от крепостта, със следи от селище и кладенци. До градището е минавал стар римски път. Това дава възможност да се предположи, че в основата на названието *Гърчиново* е запазен изходният апелатив **градъ* със значение 'градище, крепост'.

Да се открие изходната дума, залегнала в местното име, е много сложна задача. За целта помагат и стари документални записи на името. Ние разполагаме с такива записи от стари османски данъчни регистри (вж. по-горе), но за съжаление в различни варианти, което се дължи на факта, че са разчитани от арабски и са писани от различни записвачи и в различно време. И това затруднява реконструкцията на изходната форма на ойконима, запазил в себе си реликтни форми на местния говор. Старинните топоними, произлезли от изчезнали в съвременното състояние на говора думи или от забравени значения, се реконструират с помощта на думи, запазени в други диалекти или в други езици (най-често славянски) или запазени в български или чужди (най-често славянски) местни имена. За изясняване на произхода им е важно да се знае етимологичното значение на думата. За да бъде установен техният произход освен метода на ономастичната реконструкция е необходимо да бъде използван и методът на ономастичния рекурс (Eichler 1982: 28–34; 1988a: 47–53; 1988b: 90–103; Šrámek 1999: 92–100). Под ономастична реконструкция се подразбира стремежът да бъде установен възможно най-старият об-

лик на названието. Целта е да бъдат етимологично реконструирани или предположени неговите форма и значение. Реконструкцията се занимава с постепенно откриване на отделни стратиграфски пластове на собственото име, а методът на рекурса се съобразява с проприалната сфера на езика, като при рекурса реконструкцията на предполагаемия облик на собственото име се извършва чрез установяване на възможната му форма на определен модел, която произтича от познаването на закономерностите в процеса на наименоуване.

В случая реконструкцията на ойконима *Гърчиново* ни води до първоначалния облик **градъ* (стб. **ГРАДЪ**) и до първичното значение 'крепост', вече изчезнало в съвременния български език, но запазено в апелатива *градище*. Към тази реконструкция ни насочват представените по-горе данни за наличие в миналото на голяма крепост в селото. За семантиката срв. селищните имена *Крѣпча* в Поповско [от стб. **кѣпъ** 'твърд, здрав, силен' (Зогр. ев., Асем. ев., Супр. сб., Григорий Назиански XI в.) и суфикс с топонимична функция *-ица (-еи)*, заместен по-късно от турския суфикс с топонимична функция *-ча (< -џа)* под влияние на турския език, в който липсва звук *и* — от същия произход са *крѣпост, укрепление*] и *Твърдица* в Сливенско (от стб. **ТВЪРДЪ** 'здрав, як, корав' и суфикс с топонимична функция *-ица*; срв. и *твърдина* 'крепост, укрепление', производно от прилагателното *твърд*).

Използвайки метода на ономастичния рекурс можем да предположим няколко възможни словообразователни онимични модела на ойконима *Гърчиново*, валидни за времето и ареала, в който е създаден.

На първо място *Гърчиново* би могло да бъде изведено от първоначално **Градичиново*, преминало в **Градчиново* чрез елизия на *-и-* в неударена позиция, от което чрез промяна *-дч- > -тч-* и асимилация *т-ч > ч* е получена форма **Грачиново*. От тази форма чрез метатеза е създадена форма **Гарчиново*, от която пък е произлязла днешната форма *Гърчиново* чрез характерната за местния говор редукция *-а- > -ъ-* в неударена позиция. В този случай изходният апелатив, залегнал в основата на селищното име, би могъл да бъде **градичина* 'място около крепост, място с крепост', което е образувано със суфикс *-ина* от **градица* 'малък град, малка крепост'. За образуването срв. *къртичина* 'място с къртици' от *къртица*, *лисичина* 'място с лисици' от *лисица*, *царевичина* 'място с царица' и пр. На основата на сравнителни данни от славянските езици и славянската топонимия би могла да бъде реконструирана праславянска форма **gardicā* със същото значение, произв. от **gardъ* 'оградено място; крепост'. Срв. хърв. РечИ *Gradica* (XIII в.), словен. *gradica* 'малка градина', рус. диал. *городица* 'старинно градище', чеш. МИ *Hradice* (ЭССЯ 7: 33).

Допустим и възможен е и друг изходен словообразователен модел за ойконима *Гърчиново*. Той може да бъде от първоначална форма **Градъчиново* (> **Градчиново*), която е от **градъчина* 'място с малка крепост' (> **градчина*), производно от изчезналия апелатив **градъць* 'малък град, малка крепост' (стб. *ґрадьць*, днешно *градець* 'малък град') от праслав. **gardьсь* (по образуване е като *долчина* 'място с дол' от стб. *дольць* 'малък дол', *кочина* 'оградено място за свини' от стб. от XII в. *котыць* 'клетка', вж. БЕР 2: 675, *трапчина* 'място с трап' от стб. **трапыць* 'малък трап'). За промените, извършени с облика **Градчиново* до днешната форма *Гърчиново*, вж. по-горе. От същия произход са СелИ *Градечница* в Рилска грамота на цар Иван Шишман от 1378 г. и дн. СелИ *Градешница*, Мелнишко, които са от **Градъчница*, от **градъць* (Дуриданов 2000: 79), чеш. МИ *Hradečnice* (път за *Hradec Králové*) (Olivová-Nezbedová 1995: 311) и СелИ *Hradečno* (Profous/Svoboda 1947: 654). Срв. още стпол. МИ *Garszyn, Garcin*, което Sulisz (1976: 191) извежда от **gordъ* 'крепост'. За образуването срв. СелИ *Кочериново* в Югозападна България, което е от **кочерина* 'кочина, отделение, клетка в обор', произв. от *кочер* или *кочера* също, вж. Чолева-Димитрова (2002: 134), която обаче, позовавайки се на БЕР (2: 688), погрешно извежда *кочер* и *кочера* от *коч* 'кочина' (*кочер* е вероятно от по-старо **котыць*, новобълг. *котѐц*, със суфикс *-ер*, докато *коч* вероятно е получено чрез преразлагане от *кочина*).

И в двата горни случая на етимологизуване се предполага апелативна изходна основа за ойконима — **градичина* или **градъчина*, но основата би могла да бъде и онимична, т.е. ойконимът *Гърчиново* да произлиза от първоначално местно име **Градичина* или **Градчина*, които да са образувани със суфикса с топонимична функция *-ина* от първонач. **градица* 'малък град, малка крепост' или **градъць* 'малък град, малка крепост', към които по-късно е прибавен суфиксът за селищни имена *-ово*.

Може да бъде предположена и друга линия на развитие на ойконима, т.е. да бъде по МИ **Градница*, от което по-късно е възникнало МИ *Градница* (*калеси*)¹ (вж. по-горе), т.е. от **Градничиново* с изпада-

¹ МИ *Градница* (*калеси*) е тавтологично хибридно име, съставено от български и турски компонент с еднаква семантика 'крепост', където първият компонент е от стб. *ґрадьнь* 'градски, крепостен' (< праслав. **gardьнь* от **gardъ* 'оградено място; крепост') и суфикс с топонимична функция *-ица* [срв. СелИ *Градница* в Севлиевско (Ковачев, Н. 1961: 97), бълг. МИ в Гърция *Ғардѐνѧ* (**Gordьno*) (Vasmer 1941: 132), срхр. РечИ *Граднѧ* (Skok 1: 603), словен. *Graden*, рус. МИ *Городно* (по-старо *Городьнь*), *Городна*, РечИ *Городня*, чеш. СелИ *Hradná*, пол. *Gardna, Gardno, Grodne*,

не на неударено *-и-*, с асимилација $\delta-n > \delta-\delta > \delta$ и $\delta-ч > ч-ч > ч$, с метатеза *-ра-* $>$ *-ар-* и с редукција на неударено *a* $>$ *ъ*.

И при трите възможни реконструкции на ойконима словообразователният модел е един и същ, т.е. ойконимът е образуван със суфикса *-ово*, който още през Средновековието от посесивен суфикс се превръща в суфикс за образуване на селищни имена. Този модел с разширен суфикс за образуване на селищни имена е съществувал и е бил често срещан още през Средновековието (срв. по-горе старите записи *Гърчинова* от 1573 г. и по-късно). Обликът *Гърчиново* може обаче да е възникнал чрез елипса на втория компонент *село* (от стб. **СЕЛО**) от първоначално двукомпонентно име **Гърчиново село*.

Заслужава внимание още една хипотеза за произхода на изследвания ойконим, изказана от Русинов (1993), приета от Радев (1997: 86), според която названието произлиза от ЛИ *Гърчин* от *Гърчо* (от **Гърдчо*, умал. от *Гърдо*) със суфикс *-ин*, както в *Бойчин* от *Бойчо*, *Дойчин* от *Дойчо* (Илчев 1969: 149) и наставката *-ово* за селищни имена.

Както се вижда, днешната форма на ойконима *Гърчиново* е в почти непроменен вид спрямо една част от старите му записи. Срв. облика *Гърчинова* от 1524, 1622 и 1676 г., в който разликата с облика *Гърчиново* се състои само в крайното *-а* вместо *-о*. Съществуват две възможни обяснения за появата на *-а*.

Сели *Гърчиново* би могло да е възникнало чрез елипса на втория компонент от първоначално двусъставно название **Гърчинова (въсь)*, където първият компонент *Гърчинова* е прилагателно за ж.р. от *Гърчиново*², а вторият компонент *въсь* 'село' е от стб. **ВЪСЬ** със същото значение. По този елиптичен модел са образувани много селищни имена в България още през Средновековието. Срв. и другите стари записи на ойконима с *-а*: *Гърчънова* от 1622 г. и *Кърчува* от 1573 г., както и старите записи от 1524 г. *Гагова* и *Осикова* на днешните ойконими в Поповско *Гагово* и *Осиково*.

Крайното *-а* в многобройните записи на селищни имена през XV, XVI и XVII в. в османски документи може да се дължи на замяна от страна на османските записвачи на суфикса *-ово* с *-ова* поради пресосмисляне с тур. *ова* 'равнина, поляна'.

Grodno (Borek 1968: 66–68)], а вторият компонент *калесѝ* е от тур. *kalesi*, изафетна форма от *kale* 'градище, крепост', което е от араб. *qal'a* също (Димитрова-Тодорова 2006: 312).

² При всички елиптични имена от прилагателни родът на топонима е в зависимост от рода на вече изпадналия и в много случаи забравен термин, в случая *въсь*, тъй като преди елипсата уточняващият член в съставните топоними е бил съгласуван по род с идентифициращия член, който представлява апелатив, назоваващ обекта.

Формата *Гърчънова* е записана с *-ъ-* вместо с *-и-* под влияние на закона за вокалната хармония в османотурския език, където най-често гласните от предния ред се уподобяват на гласните от задния ред, срв. запис от 1648 г. *Садъна* на днешното Сели *Садина* в Поповско.

Формите от стари записи *Кърчинова* и *Кърчува* (вж. по-горе) се дължат на присъщото за османотурската фонетика редуване *к:г*, под влияние на което в много български топоними в началото на думата звучната съгласна *г* се заменя с беззвучната *к*, срв. например стария запис от 1573 г. *Кагува* на днешното селищно име в Поповско *Гагово*.

Формите *Кърчува* и *Кърчово* са записани така вероятно поради неразбирането им от чуждоезиковия записвач. Такива записи в османските регистри не са малко.

Както се вижда, при един внимателен анализ на топонимичния материал съществуват основания за различни трактовки на етимологичните възможности на старинни топоними, но всички те позволяват да бъдат възстановени дълбоките им връзки с изходния апелатив, като за целта е необходима реконструкция не само на изходния етимон, но и на словообразователните модели, характерни за определено време и ареал, диалекти или езици, като за целта се използват не само лингвистични, но и екстралингвистични данни.

Библиография

- Димитрова-Тодорова 1993 — Л. Димитрова-Тодорова: Народната етимология в топонимията, *Onomastyka literacka*, Olsztyn, 311–317.
- Димитрова-Тодорова 2002 — Л. Димитрова-Тодорова: Етимология на собствените имена в България, *Dzieje Słowian w świetle leksyki*, Kraków, 385–388.
- Димитрова-Тодорова 2006 — Л. Димитрова-Тодорова: Местните имена в Поповско, София.
- Дуриданов 2000 — Ив. Дуриданов: Местните имена в Рилската грамота на цар Иван Шишман, *Onomastické práce* 4, Praha, 77–83.
- Илчев 1969 — Ст. Илчев: Речник на личните и фамилни имена у българите, София.
- Ковачев, Н. 1961 — Н. Ковачев: Местните имена от Севлиево, София.
- Ковачев, Р. 1997 — Р. Ковачев: Опис на Никополския санджак от 80-те години на XV век, София.
- Ковачев, Р. 1999 — Р. Ковачев: Селища и население на Поповския регион според новопостъпили османотурски регистри от първата половина на XV век, *Попово в миналото* 3, Разград, 21–34.
- Попов/Кънев 1929 — А. Попов, Н. Кънев: Попово. Градът и околията му. Историко-географски очерк, Попово.
- Радев 1997 — Р. Радев: Произход и значение на селищните имена в Поповско, *Попово в миналото* 2, София, 84–91.

- Русинов 1993** — Р. Русинов: Произход на името *Гърчиново*, *Архив за поселишни проучвания* 2, Велико Търново.
- Стойков 1961** — Р. Стойков: Наименования на български селища в турски документи на ориенталскиот одел на Народна библиотека «В. Коларов» от XV, XVI, XVII и XVIII век, *Народна библиотека «В. Коларов», Библиотеката на Софийскиот универзитет, Известия за 1958 г.*, I (VII), 363–490.
- Стойков 1964** — Р. Стойков: Селища и демографски облик на Североисточна Бугарија и Јужна Добруджа през втората половина на XVI в., *Известия на Варненското археолошко друштво* XV, Варна, 97–118.
- Стойков 1971** — Р. Стойков: Селища в Силистренскиот санджак през 70-те години на XVII век, *Известия на Народниот музеј във Варна VII (XXII)*, Варна, 163–182.
- Чолева-Димитрова 2002** — А. М. Чолева-Димитрова: *Селишни имена от Југозападна Бугарија*, Софија / Москва.
- Шкорпил 1914** — К. Шкорпил: *Описание на старините по течението на р. Русенски Лом*, Софија.
- Юбилеен сборник Бугарското село**, Софија 1930.

*

- Blanár 1985** — V. Blanár: Die Semantik der Propria, *Onomastický Zpravodaj ČSAV* 26/1–3, 72–82.
- Borek 1968** — H. Borek: *Zachodniosłowiańskie nazwy toponimiczne z formantem -ьп*, Wrocław.
- Cienkowski 1972** — W. Cienkowski: *Teoria etymologii ludowej*, Warszawa.
- Eichler 1982** — E. Eichler: Grundfragen der toponymischen Intergration, *Ergebnisse der Namenforschung im deutsch-slawischen Berührungsgebiet*, Berlin, 28–34.
- Eichler 1988a** — E. Eichler: Das integrierte (slawisch-deutsche) Toponym in der lexikographischen Bearbeitung (Über die Rekursion), *Onomastica Slavogermanica* 16, 47–53.
- Eichler 1988b** — E. Eichler: Probleme der onomastischen Rekonstruktion als linguistische Universale, *Probleme der Namenbildung. Rekonstruktion der Eigennamen und ihnen zugrundeliegenden Appellative*, *Acta Universitatis Upsaliensis, Nomina Germanica* 18, Uppsala, 90–103.
- Nieckula 1971** — Fr. Nieckula: *Nazwy miejscowe z sufiksami -ov, -in na obszarze Wielkopolski i Małopolski*, Wrocław.
- Olivová-Nezbedová 1995** — L. Olivová-Nezbedová, M. Knappová, J. Malenínská, J. Matúšová: *Pomístní jména v Čechách. O čem vypovídají jména polí, luk, lesů, hor, vod a cest*, Praha.
- Profous/Svoboda 1947** — A. Profous, J. Svoboda: *Místní jména v Čechách I*, Praha.
- Sulisz 1976** — M. Sulisz: *Staropolska fonetyka w świetle materiału onomastycznego do XIV wieku*, Wrocław.
- Šrámek 1999** — R. Šrámek: *Úvod do obecné onomastiky*, Brno.

Liljana Dimirova-Todorova (Sofia)

Some problems of etymologising old place names

S u m m a r y

In the present paper *Gărchinovo* (Гърчиново), name of a settlement in the Popovo region (NE Bulgaria) is taken as an example elucidating the ambiguousness an etymologist-toponymist encounters while searching for origin of archaic place names: apparently deriving from the ethnonym *Grk*, *Grčīn* 'a Greek', this one is more convincingly explained as a derivative from *grad* 'castle'.

todorova@ibl.bas.bg

Анатолий Федорович Журавлёв (Москва)

Российская городская геральдика и наивная этимология

Рассматриваются случаи, когда элементы геральдических композиций появляются в начертании герба благодаря ложному осмыслению топонима, и те, когда имя населенного места этимологически принадлежит гнезду, в которое входит название предмета, но реальные мотивационные связи получили превратное разъяснение.

Ключевые слова: городская геральдика, русская топонимика, этимология.

Если они избирают своим девизом веселье, то велят изобразить весло; если кротость — то крота; если печаль — то печать; если рок, то — бараний рог; если лопнувший банк, то — лопнувшую банку; если балкон, то — коней на балу; если восторг, то — воз и торг. Всё это такие нелепые, такие пошлые, такие вымученные и грубые омонимы, что всякому, кто... станет их употреблять, следовало бы пришить к воротнику лисий хвост, а рожу вымазать коровьим калом.

«Гаргантюа и Пантагрюэль», пер. Н. Любимова.

Топонимия, прежде всего названия населённых мест, пожалуй, больше прочих ономастических сфер привлекает ищущую этимологическую мысль широкого круга непрофессионалов. Этимологизация тех или иных местных наименований, осуществляемая нелингвистами, нередко приводит к тому, что наивная этимология, не подтверждённая серьёзным историко-лингвистическим анализом, закрепляется официальными документами, в случае с названиями городов — во властных указах относительно городских гербов.

Предлагаемые ниже замечания рождены как раз этими несоответствиями, когда этимология топонимов (названий городов) не выявляет их непосредственной выводимости из наименований начертанных на гербах предметов. Здесь мы несколько механически ограничили названиями городов, находящихся на территории Россий-

ской Федерации, хотя результаты деятельности герботворческого учреждения, о котором речь ниже, распространяются, понятно, и на области, принадлежащие государствам, уже отдельным от России, и геральдика, например, украинских городов даёт поводы для подобных наблюдений (ср. *Сумы, Кривой Рог, Изюм* и др.).

Российская городская геральдика ведёт свое оформленное существование с 1722 г., с учреждения Петром I Герольдмейстерской конторы и деятельности в ней графа Франциска Санти. Заботясь об отражении в начертании городского или областного герба исторического, экономического, культурного и природного своеобразия этой географической и административной единицы, Герольдмейстерская контора в своём доношении в Сенат от 14 октября 1724 г. назвала перечень сведений, которые должны быть поставляемы в Контору для сочинения городских гербов. Среди прочих там числились такие: «от каких причин какими именами названы которых языков и в тех языках те речения не значают ли какого собства», «и каждого из тех мест каких родов скоты, звери и птицы всем имена, а особливо где есть род какой партикулярный» (то есть характерный, свойственный именно данному месту), «и те города на морях или на каких озерах или реках и как их именования», «и в которых местах какие народы живут руския ли или татарския или иной нации и какова звания»¹. Из доношения видно, что Санти придавал специальное значение местному имени, полагая, очевидно, что оно может быть связано с важными историческими событиями или существенными свойствами именуемого объекта.

В геральдике принято особо выделять так называемые «говорящие» гербы, когда те или иные фигуры, включённые в геральдическую композицию, семантически резонируют с внутренней формой имени владельца или названия места². Такие эмблемы оказываются своеобразными глоссами к ойконимам, сделанными средствами изобразительного искусства. К «говорящим» знакам относятся, например, гербы *Архангельска* и орловского *Малоархангельска* (помещены изображения летящего архангела), *Красноярска* (нарисована красная гора), новгородских *Крестцов* (перекрёсток дорог), *Кургана* (два кургана), *Липецка* (липа), *Лодейного Поля* (корабль), *Меленок* (ветряная мельница), псковского *Острова* (остров), нижегородского *Перевоза* (речной плот), *Рыбинска* (две стерляди), *Солигалича* (три стопки соли), *Соликамска* («соляной колодезь, с опущенным в него ведром для вынуждения соли»), брянского *Стародуба* (старый дуб) и др.; в гербах XX века — башкирского *Белорецка* (условно изображены белые волны),

¹ Цит. по: Соболева 1981: 47.

² См., например: Андриеш-Табак 2004.

нижегородского *Бора* (хвойная ветвь), кемеровского *Междуреченска* (слияние рек символизируют два сливающихся лазурных пояса), мурманских *Оленегорска* (олень), *Полярных Зорь* (северное сияние), *Скалестого* (чёрные сопки с серебряными вершинами), *Снежногорска* (три снежинки) и множества иных. Иной раз таким образом «расшифровываются» городские имена, сконструированные из морфем других языков и не являющиеся заимствованиями в прямом смысле: *Оранжевбаум* (апельсиновое дерево), *Ставрополь* (теперешний Тольятти — чёрный крест; его тёзка краевой центр с новым гербом — геральдический щит рассечён крестообразной фигурой), *Шлиссельбург* (городская стена, над нею ключ)³. Есть сомнения, числить ли «говорящими» гербы с надписанным названием города (этим приёмом злоупотребляла местная геральдика советского времени) или даже просто с инициальной буквой городского имени (например, буква *В* в гербе уральского *Верхотурья*)⁴. Можно ли, далее, считать, что гербы тверского *Белого* (среди начертанных фигур — два мучных мешка белого цвета) или *Красноуральска* (червлёный сталелитейный ковш) являются «говорящими»? По-видимому, можно, поскольку семиотичность гербов исключительно высока, в геральдическом искусстве «по определению» нет незначащих мелочей⁵. Именно «говорящим» гербам посвящены предлагаемые выборочные наблюдения⁶.

³ В категории «говорящих» можно выделить любопытную разновидность гербов с «недоговорками» (или гербов, так сказать, «заикающихся»). К ней нужно отнести в первую очередь герб *Пятигорска* советского периода (утверждён исполкомом совета народных депутатов 12 августа 1971 г.). Если в старом гербе 1842 г. в нижней части геральдического щита дано тщательное, едва ли не с топографическим занудством, изображение горы Бештау со всеми пятью вершинами, то на позднем гербе, разработанном дизайнером В. В. Марковым, в верхней его части горы переданы (то есть герб остаётся «говорящим») в бедном плакатно-геометрическом стиле, усвоенном графикой советского официального романтизма: зубчатая линия с тремя выступами; «горы» эти служат фоном для давящей надписи «*Пятигорск*», и «читателю» герба остаётся только догадываться, какие оценки по арифметике, точнее по счёту, получал в начальной школе художник.

⁴ Умный комментарий к геральдическим правилам, целый трактат о буквах, цифрах и целых надписях на гербах, см. в: <http://sovet.geraldika.ru/article/10256> (автор — «проф. М. Д.»).

⁵ Но именно лишь по определению: «зрелосоциалистическая» геральдика (к сожалению, посткоммунистическая тоже) изобилует постыдным скудомыслием и откровенно неграмотными решениями, что позволяет историкам-эмблематологам судить о наличии в геральдическом языке особого «советского» диалекта.

⁶ Официальные описания гербов (блазоны) цитируются, без ссылок и указания страниц, большей частью по энциклопедическому словарю «Города России» и материалам сайта в Интернете: <http://heraldry.hobby.ru>.

Российская городская геральдика даёт немало образцов, когда элементы геральдических композиций (фигуры, изображения) появляются в начертании герба благодаря ложному осмыслению топонима, созвучию названий этих предметов с именем города, при том что выясненная (обычно позже утверждения герба) этимология топонима его связи с названиями изображённых на гербе предметов не находит.

1. Мотивационное несоответствие

Даже если имя населённого места этимологически принадлежит гнезду, в которое входит название изображённого предмета, реальные мотивационные связи могут получать превратное разъяснение.

Так, в нижней части герба города *Мышкина* в Ярославской губернии (области), высочайше утверждённого 31 августа 1778 г., имеется «в червлёном поле мышка в знак имени сего города», но место названо не, предположим, по какой-то особой распространённости мелких грызунов в данной местности, а скорее всего от прозвищного имени *Мышка*⁷.

На гербе города *Старицы* в Тверской губернии (области), утверждённом 10 октября 1780 г., изображена «идушая с костью старица в серебряном поле»: слово *старица* ‘старое, обмелевшее или пересохшее речное русло’, реально лежащее в основе географического собственного имени⁸, понято как ‘старуха’ (но, заметим, не как ‘монахиня’: эмблематическое изображение старой женщины к такому осмыслению не толкает). Подобными «околотолкованиями» может увлечься и достаточно квалифицированный специалист-историк: «Название города происходит либо от названия реки, на которой построен город, либо от местоположения города (из доношения: “город Старица построен исстари между реки Волги да речки Верхней Старицы...”). Однако в доношении не случайно фигурирует слово “исстари”. Фигуру женщины с костью можно трактовать как картинное выражение *старости*, символизирующее *многолетнюю* историю города, что вполне соответствует его “состоянию”»⁹.

К результатам этого рода превратного истолкования собственных географических названий, отразившихся в городской геральдике, когда собственно этимологической (на уровне идентификации осно-

⁷ Смолицкая: 1997 3: 77; Поспелов: 279; ср.: Веселовский: 209.

⁸ Ср.: Никонов: 394; Поспелов: 397.

⁹ Соболева 1985: 58.

вы) ошибки нет, но конструируются не подлинные мотивировочные зависимости, относится целый ряд случаев.

Великие Луки (Псковская обл.) — классический и достославный пример. В истоках названия, несомненно, лежит апеллатив *лука* ‘изгиб реки, излучина, меандр’. В топонимистах¹⁰ на этот счёт полнейшее согласие: река Ловать, на которой стоит город, необычайно извилиста, в том числе в пределах нынешней городской территории. Несмотря на широкую известность географического термина *лука*, составители герба выбрали для отражения в нём совершенно не подходящий вариант — луки для стрельбы («В красном поле три золотых большие лука», высочайше утверждено 28 мая 1781 г.): героические мотивы, пусть не согласующиеся с типологическими принципами географической номинации, оказались много привлекательнее. В этой связи заслуживает упоминания и приводимая А. И. Поповым местная топонимическая легенда, что город получил имя от некоего то ли богатыря, то ли просто разбойника **Луки Великого*¹¹.

Верёя (Московская обл.). На гербе изображены «...две дубовые воротня в ере и с навесными золотыми крючьями, означающа собою имя сего города» (высочайше утверждено 29 октября 1782 г.). Мнения об этимологии названия расходятся. В. А. Никонов, ссылаясь на словарь Даля, возводит имя города к диал. *верей* «‘столбы, ворот’» (в никоновском перетолковании излишня запятая). Правильность семантического выбора вызывает сомнения: вряд ли эта деталь ограды, хотя бы и важная в конструктивном отношении, могла стать именем поселения (географ Г. М. Лаппо по этому поводу замечает: «Среди русских городов — единственный, в названии которого есть что-то от ворот, — Верёя»¹²). В основе названия более вероятным кажется географический термин. У того же Даля приводятся значения ‘верётья, непоёмная гряда, род природного вала, какие бывают на поймах, на луговой стороне рек, в несколько рядов и с поперечными прорывами’, тамб. ‘небольшой клин, полоса поля, луга, леса’¹³ (ср. название города *Клин*). В. П. Нерознак перечисляет все известные значения апеллатива *верёя*, как строительные, так и географические, но выбора не делает¹⁴. В пользу географического термина определённо высказы-

¹⁰ См.: Никонов: 77; Поспелов: 91; Попов 1968; Роспонд 1972: 73; Нерознак 1983: 104; Смолицкая: 1994 6: 84–85.

¹¹ Попов 1965: 63.

¹² Лаппо 2004.

¹³ Даль² I: 181; те же значения приведены и в: СРНГ 4: 145.

¹⁴ Нерознак 1983: 39–40.

ваются Е. М. Поспелов и Г. П. Смолицкая¹⁵. Названия поселений *Вярэйки*, *Верайцы* свидетельствуются в Белоруссии (Жучкевич: 47; в апеллятивной функции — см.: Лучыц-Федарэц 1976: 222), где они связаны с диал. *верай*, которое кроме семантики ‘ворота из двух половин’, ‘столб в воротах или ограде’ несёт значение ‘взгорок’ (Яшкін 1971: 33). Географические значения слова **verēja* могли сложиться на базе семантики ‘выгороженный участок’ — к праслав. **verti* ‘закрывать; открывать’ (ЭСБМ 2: 87).

Глазов (Удмуртия), до 1780 г. — село *Глазово*. На гербе города, утверждённом 28 мая 1781 г., изображён «в голубом поле человеческий открытый глаз, означающий имя сего города». Сомнительно, чтобы анатомический термин мог в данном случае стать базой для топонима (предположим, через общеизвестную метафору ‘польнья; прогал в болоте; источник’). Скорее всего, название села Глазова — отантропонимического происхождения, ср. *Глаз*, *Глазко* и др.¹⁶ в составе старорусского антропонимикона.¹⁷

Духовщина (Смоленская обл.). В нижней части герба, высочайше утверждённого 10 октября 1780 г., «в белом поле куст роз, производящий приятный дух» (заметим попутно, что сообщение о запахе выходит за рамки жанра «описание герба», его графики — это скорее уже интерпретация изображённого предмета: вменить в обязанность художнику показать запах кажется чрезмерностью). Город образован в 1777 г. на месте *Духовской слободы* (с XV в.), сложившейся на месте *Духова* (во имя Святого Духа) *монастыря*. Вряд ли поставщики информации в Герольдмейстерскую контору и составитель герба заблуждались на этот счёт. Случай наталкивает на мысль, что отступления от истинной мотивации иной раз были вполне осознанными. «В названии суффикс *-щина* указывает, что оно возникло как обозначение земель, принадлежащих монастырю...»¹⁸.

Зубцов (Тверская обл.). На гербе — «в красном поле золотая стена со старинными зубцами» (утверждён 10 октября 1780 г.). Идя по линии наименьшего сопротивления, указывают¹⁹ на др.-русск. *зубцы* ‘зубцы крепостной стены’²⁰. Топоним отантропонимического про-

¹⁵ Поспелов: 94; Смолицкая: 1994 6: 85.

¹⁶ Туников: 105; Веселовский: 78–79.

¹⁷ См.: Поспелов: 119.

¹⁸ Поспелов: 148.

¹⁹ Нерознак 1983: 78.

²⁰ СРЯ XI–XVII вв. 6:67.

исхождения²¹, ср. древне- и старорусские личные имена *Зуб*, *Зубко*, *Зубец*, *Зубца*²², современные фамилии *Зубов*, *Зубков*, *Зубцов*. Предание, по которому «здесь поселились братья-новгородцы Зубец, Обряк и Ветран, один из которых Якун-Зубец и дал название городу», недостоверно. «По другой версии, название возникло потому, что он образовался на треугольном мысу²³ при слиянии рек, где к 750-летию города установлен обелиск»²⁴, но топографический термин *зуб(ец)* *‘мыс’ по крайней мере у Даля и в СРНГ 3 не отмечен. Деантропонимическая версия представляется предпочтительной.

Козлов (теперешний Мичуринск, Тамбовская обл.). На гербе, утверждённом 16 августа 1781 г., изображён «козёл белый, поле красное, земля зелёная». Само домашнее животное имеет к городу весьма косвенное отношение: «Возник в 1636 г. как укрепление близ стана русск. поселенца Семёна Козлова. По его имени выросший при укреплении пос. получил название *Козлов*»²⁵.

Кологрив (Костромская обл.). Отклонять этимологическую связь топонима с корнем *грив-* нет необходимости, но конкретные мотивации названия остаются непрояснёнными. Есть две возможности. Первая — счесть название города деантропонимическим образованием, где прозвищное имя может быть истолковано либо как ‘служитель при коне (например, во время царских выездов)’²⁶, либо как ‘гривастый’ (личные имена *Кологрив*, *Кологривой*²⁷), ср. приводимые Далем *колобровый* ‘бровастый’, *кологрудый* ‘грудастый’, ср. выражение *грудь колесом*. Эта версия вызывает необходимость объяснить отсутствие посессивного суффикса у ойконима (можно предположить его гаплогическое сокращение — из **Кологривов(о)*). Вторая возможность — отнести его к случаям проприации географических терминов. Сводный словарь русских говоров приводит плохо паспортизованное слово *кологрив* ‘круто изогнутый ров’ (то ли вяземское — смоленское, то ли вязниковское — владимирское)²⁸. Не очень надёжно, хотя принимается частью этимологов-топонимистов²⁹, отнесение к

²¹ Роспонд 1972: 76; Поспелов: 165.

²² Тупиков: 163–164; Веселовский: 124; Зализняк 1995: 619; ДРС III: 405.

²³ Выражение *треугольный мыс* буквально понять невозможно.

²⁴ <http://www.library.tver.ru/tverbook2/petropav4.htm>.

²⁵ Поспелов: 271.

²⁶ Даль II: 138.

²⁷ Тупиков: 189; Веселовский: 149.

²⁸ СРНГ 14: 151.

²⁹ Никонов: 199; Роспонд 1972: 78.

грива ‘гряда, рёлка, поросшая лесом узкая возвышенность’. (Ср. ещё романтически приподнятые толкования, находимые в Интернете: «Название города Кологрив навеяно образом бескрайнего леса. Гривой издревле называли густые кроны деревьев. Около гривы — значит, город, основанный в лесах»³⁰; «По мере приближения к цели путешествия смешанный лес по обочинам дороги все более менялся на светлые боры и сумрачные таёжные ельники. Крутой поворот с трассы, несколько речных излучин в редких, отвоёванных у леса просветах тесноватых полей, и вот он — чистый уютный город около грив. Этим словом именуют здесь гряды холмов, украшенных синеющим в дальнем туманном мареве хвойником. Такова одна из исторических версий названия города. Есть и другие, связанные со славянским мировоззренческим понятием “коло”. Оно означает не просто время, а ось некоего коловорота, отмеряющего жизнь всего сущего»³¹.) Как бы то ни было, изображение на утверждённом 29 марта 1779 г. гербе города головы кологривого коня — «в золотом поле лошадиная голова с крутою гривой, означающая имя сего города» — страдает излишней прямолинейностью, как если бы, например, Москва обзавелась гербом с изображением человека с руками длиною до щиколоток.³²

Котельнич (Кировская обл.). На гербе, получившем высочайшее утверждение 28 мая 1781 г., «в зелёном поле, котёл золотой, означающий имя сего города». Связано, однако, не прямо с названием металлической утвари, а либо с наименованием ремесленника (*котельник*, ср. московскую слободу *Котельники*), либо с метафорической проекцией названия сосуда в географическую терминологию — обозначением котловины: в ней расположена древняя часть города. На вероятность первого варианта указывает суффикс *-ник* и производная посессивная форма на *-ич(ь)*, в пользу же второй версии (на наш взгляд, всё же существенно менее убедительной) может склонить прежнее именование города — *Кокшáров*, осмыслявшееся из марийск. *кокшер* ‘обсохшее болото, котловина’³³; полностью исключать её рискованно.³⁴

Ломов: *Верхний Ломов* (село, статус города утрачен), *Нижний Ломов* (Пензенская обл.). Гербы обоих городов, утверждённые 28 мая

³⁰ <http://www.tribuna.ru/online/pdf/240306/17.pdf>.

³¹ <http://www.rg.ru/2005/08/17/kologriv-ekopark.html>.

³² См. также, без определённого выбора: Пospelов: 208–209.

³³ Пospelов: 218.

³⁴ Ещё: Никонов: 209; Роспонд 1972: 73.

1781 г., совпадают во всём, за исключением одной детали: положенные десятиконечной звездой пять ломов в нижней части герба Верхнего Ломова направлены острыми концами в верх, Нижнего — естественно, в низ. Собственно этимологической ошибки здесь нет, однако топонимы мотивированы не названиями орудий, а либо словом *лом* в значении ‘бурелом, поваленный лес, лесные завалы’, известном широко на восточнославянской территории — на севере, западе великорусской зоны, в украинских, белорусских диалектах (не исключено, впрочем, и значение ‘поёмный луг, болото’)³⁵, либо, ввиду суффикса *-ов*, антропонимом (ср. фамилию *Ломов*).

Нетрудно увидеть, что в рубрике, объединяющей факты неверного понимания ойконимической мотивации (при неоспоримой оценке этимологической принадлежности имени), преобладают два типа семантических «сбоев». Первый — упущение того момента, что между названием предмета, отражённого на гербе, и названием города находится промежуточное звено, а может быть и не одно, в виде антропонима (*Мышкин, Глазов, Зубцов, Козлов...*, в том числе и не упомянутые здесь — *Скопин, Сычёвка* и др.). Если довести эту ситуацию до гротеска, то выглядит это так, как если бы город Царское Село, переименованный в честь величайшего русского поэта, получил герб с изображением огнестрельного орудия. Другой тип — неусмотрение основы для ойконима в народном географическом термине, в большинстве случаев, видимо, по его незнанию (*Старица, Великие Луки, Ломов...*). Такая мотивация как правило является более вероятной, чем многие прочие, и относится к самым устойчивым ономастологическим универсалиям, но сильно недооценивается этимологами-любителями, склонными в образовании топонимов и в особенности ойконимов преувеличивать роль исторических событий, представляемых обычно в героическом ключе. Историки географических собственных имён давно обратили внимание на то, что «если в этимологической трактовке чересчур явно выступает важный исторический факт — это почти полная гарантия её ошибочности»³⁶.

2. Этимологическая несогласованность

Если первую разновидность ошибочных любительских реконструкций образуют превратные толкования топонимов, состоящие в

³⁵ См.: Даль II: 265; СРНГ 17: 115–116; Поспелов: 290; http://www.mojgorod.ru/penzenk_obl/nizhnlomov/.

³⁶ Мокиенко 1974: 111–112.

неточном выборе мотивационной базы для данного топонима в пределах деривационного и/или семантического дерева, которому принадлежит реальная мотивирующая единица, то второй тип наивноэтимологических ошибок представляет собою выбор мотивационной базы для данного топонима среди составляющих этимологического гнезда, отличного от того, которое выбирается научной этимологией. Эпитет «научный» в данном случае не непременно означает «истинный». Конечно, и среди «научных» этимологий присутствуют скорее угаданные, чем вполне доказанные, немало неокончательных, спорных решений, но разница между любительским и научным этимологизированием состоит именно в уровне доказательности. У «научных» он существенно выше, по крайней мере этимолог-профессионал, в отличие от дилетанта, озабочен доказательством как обязательной частью методологического аппарата.

Буй (Костромская обл.). Одна из самых вопиющих геральдических нелепостей, коренящихся в неверном понимании топонима. На гербе города, сочинённом в 1779 г., изображён якорь с привязанным к нему б у е м, и эта картина усилена изображением в верхней части геральдического щита кормы плывущей по реке галеры, которое отсылает к гербу губернского центра, Костромы. Хотя Буй расположен при впадении в р. Кострому р. Вёксы, вытекающей из Галичского озера, крупным узлом в системе волжского судоходства его назвать трудно; выше Буя Кострома — сплавная река. Город основан в 1536 г., тогда как судоводительский термин *буй* заимствован из голландского языка (*boei*) в петровскую эпоху (его документация начинается, по Б. А. Ларину, с 1720 г.; по М. Фасмеру, ссылающемуся на Христиани, с 1705 г.), и хотя бы уже это обстоятельство делает геральдическую «этимологию» решительнейшим образом невозможной. В основе названия города — географический термин *буй*, скорее всего — ‘оголённое место, холм; возвышенность, открытая ветру’; менее оправдано привлечение значения ‘речная стремнина’, поскольку оно свидетельствуется в далёких от Заволжья псковских говорах³⁷. Географический термин *буй* легко становится проприальным именем (в Псковской области³⁸ имя *Буй* как собственное носят холм, сад).³⁹ Однако указывается⁴⁰, что источником названия города на территории

³⁷ СРНГ 3: 260.

³⁸ ПОС 2: 204.

³⁹ См.: Никонов: 68; Поспелов: 83–84; Фасмер I: 234; Ларин 2003; Ларин 2003а; Смолицкая: 1994 6: 81.

⁴⁰ Kalima 1946: 134; Гордеев 1: 235–236.

мери могла быть финно-угорская тополексема, восходящая к **viija* ‘речка, ручей’ («в восточнофинских языках сохранилась лишь в виде топоформанта в составе названий мест»: *Арбуй, Шимбуй, Ожбуй...*; впрочем, если принять эту возможную этимологию, костромской *Буй*, как и несколько гидронимов и название починка в Вятской губ. — это не «топоформант», а самостоятельные топонимы).

Ветлуга (Нижегородская обл., ранее — в Костромской губ.). Герб утверждён 29 марта 1779 г.: «...в серебряном поле куст дерева ветлы, означающей имя сего города». Город назван по реке, на которой стоит. Скепсис В. А. Никонова («Предполагали марийск. основу *вытла*: и ‘ветла’, и ‘чайка’. Без анализа форманта *-уга* эти домыслы имеют цену не больше, чем легенда о красавице Луге, утонувшей с любимым, чтобы не стать женой притеснителя Мурзы»⁴¹) сменяется уверенностью позднейших авторов в том, что ботаническое имя здесь ни при чём. Автор этимологического словаря марийского языка Ф. И. Гордеев начальную часть гидронима связывает с уральским **wete* ‘вода’ (слово ностратического характера), срединную часть отождествляет с топонимическим формантом *-ла*, а в исходе видит русский суффикс *-уга* (// *-уха*)⁴². Е. М. Поспелов, без деталей, повторяет эту же версию, но считает нужным упомянуть ещё возможное оформление речного названия по типу гидронимов на *-га*⁴³, в чём надёжности всё же нет.⁴⁴

Елец (Липецкая обл., прежде — в Орловской губ.). Герб города, утверждённый 16 августа 1781 г., рисует «в белом поле красного оленя под зелёной елью». Похоже, что составитель герба позволил себе своеобразный геральдический каламбур, совместив предметы с созвучными наименованиями: изображение (задним, заметим, планом) ели, по-видимому, этимологически правильно⁴⁵ соотносится с названием города (*елец* — к праслав. **edlbь*, ***edlbьсь*, ср. **edlica* ‘ёлка’⁴⁶, ср. ещё с тем же словообразовательным суффиксом смол. *елéнец* ‘можжевельник’⁴⁷), но заслоняющая его фигура оленя, отсылающая к

⁴¹ Никонов: 82.

⁴² Гордеев 2: 96.

⁴³ Поспелов: 96.

⁴⁴ См. ещё: Попов 1973; Смолицкая: 1994 6: 86.

⁴⁵ См.: Никонов: 136; Поспелов: 150; Смолицкая: 1995 4: 82 (где, однако, не исключается связь с ихтиологическим номеном *елец* и отвлекающимися от него антропонимами).

⁴⁶ ЭССЯ 6: 14–15.

⁴⁷ СРНГ 8: 340.

церк.-слав. **ѿЕЛЕНЬ** ‘олень’ (праслав. **elenь*), подвѣрстана сюда, можно предположить, под давлением паронимической аттракции⁴⁸.

Коломна (Московская обл.). Фонетическая перекличка с лат. *columna* дала толчок к интерпретации, отразившейся в гербе города, высочайше утверждённом 20 декабря 1781 г.: «На лазуревом поле столб белый, наверху корона, около две звезды». В контексте той же, в сущности, зависимости существовала легенда, по которой город был основан в 1147 году выходцем из Италии знатным человеком Карлом Колонною, давшим городу свое имя и герб. Имеющиеся научные объяснения топонима возможность его латинских связей справедливо обходят полным молчанием. М. Фасмер⁴⁹ принимает объяснение топонима у Даля и ссылается на диал. (рязан.) *колóмень*, *колóменье* ‘околица, околоток, соседство’⁵⁰. Высказывалась мысль о финском происхождении названия (*kalma* ‘могила, кладбище’⁵¹), которую В. А. Никонов почему-то считает возобладавшей⁵². По соображениям В. Н. Топорова, сюда простирается балтийское влияние (< **kalm-en-*, **kelm-en-*⁵³), хотя гидроним *Коломенка* он признаёт

⁴⁸ В качестве курьёза приведём новейшую «альтернативную» этимологическую версию, изложение которой обнаружено в Интернете: «**О Ельце — из Гондураса**. Сенсационная весть пришла в старинный город Елец Липецкой области из далекого Гондураса. Проректор Гондураского университета, специалист по математической лингвистике Консепсьон Феруфино, используя новейшие методы изучения древних языков, предложил свой вариант происхождения слова “Елец”. Вместе со своим коллегой математиком-лингвистом Людмилой Сотниковой из Москвы они написали книгу “Родство — основа системы слова” [уже само название книги с несомненностью свидетельствует о её научных достоинствах. — А. Ж.]. В ней путем математического анализа древнерусского алфавита, который использовался на Руси еще до кириллицы, авторы пришли к выводу, что название города восходит к древнерусскому слову “единение”. Как известно, традиционно считается, что имя Ельца связано с елью, ельником и т. д. И вот новая гипотеза. Книга написана на испанском языке и издана в Гондурасе. Несколько экземпляров с русским переводом по просьбе авторов известный кинорежиссер Ренита [Рената. — А. Ж.] Григорьева недавно вручила ученым Елецкого государственного университета. А сам Феруфино прислал университетским коллегам видеооткрытку. Полтора десятка лет назад молодой гондурасец, будучи аспирантом университета Дружбы народов им. Патриса Лумумбы, сыграл одну из ролей в фильме Григорьевой “Мальчики”, который снимался в Ельце. С тех пор с горожанами его связывает тёплая дружба» (<http://hghltd.yandex.com>). Мнение известного шоумена Николая Фоменко, который настаивает, что «не ту страну назвали Гондурасом», должно быть отклонено как недостаточно обоснованное: всё-таки ту.

⁴⁹ Фасмер II: 94, 95.

⁵⁰ Даль II: 138.

⁵¹ Попов 1948: 108–109.

⁵² Никонов: 200.

⁵³ Топоров 1972: 250; Топоров 3: 310–311.

«неясным». Несостоятельной нужно признать тюркскую этимологию, толкающую к значениям ‘охранение, обеспечение’⁵⁴. Наконец, весомой, хотя не без формальных слабостей, является точка зрения О. Н. Трубачёва⁵⁵, который, подхватывая «перспективное сравнение» польского историка Ф. Буяка, считает гидроним *Коломна* продолжением, через **коломня* < **коломъя*, праславянского **kolomyja* — к **kolo* ‘колесо’ и **myti*.⁵⁶ Как бы то ни было, этимологического оправдания геральдический рисунок не находит.

Кронштадт (Ленинградская обл.). С укрепившимся названием города его герб, высочайше утверждённый 7 мая 1780 г., связан лишь украшающей башню маяка короной, изображение которых расположено на правой (для зрителя левой) половине геральдического щита. Тем не менее «говорящими» являются и другие элементы герба. На левой стороне щита изображён «в красном поле на острове чёрный котёл, а кругом вода» — явная отсылка к тому обстоятельству, что крепость построена на острове *Комлин*. Этимологическая натяжка также очевидна: «На старинных швед. картах, хранящихся в архивах Стокгольма, остров надписан *Kettusaari* — фин. ‘лисий остров’. В договоре вел. кн. Ярослава с нем. и голл. послами, 1207 г., название записано в переосмысленной форме *Ketlingen* (ниж.-нем. *Kettel* ‘котёл’, *-ingen* сложный формант, употребительный в нем. названиях селений)»⁵⁷.

Курск. Этимология гидронима *Кур* (ручей, впадающий в р. Тускарь), на базе которого возникло название города, неизвестна⁵⁸. Попытка связать гидроним с «народным термином *куръя* — ‘речной залив, узкий проток реки, заводь’»⁵⁹ тороплива и бесперспективна уже хотя бы потому, что этот географический термин (спектр значений которого шире⁶⁰) распространён исключительно в северновеликорусских говорах и может быть объяснён лишь из финно-угорского лексического фонда⁶¹. С. Роспонд высказывается за собственно славянское происхождение гидронима, но не может выбрать между *куръ* ‘петух’

⁵⁴ Фоменко 1970: 17–19; с сочувствием — Мурзаев 1974: 165–166.

⁵⁵ Трубачёв 2004: 252; ЭССЯ 10: 147.

⁵⁶ См. ещё: Нерознак 1983: 90–91.

⁵⁷ Поспелов: 218.

⁵⁸ Никонов: 222; Смолицкая: 1996 5: 76 — без решения.

⁵⁹ Яценко 1958; ср.: Яценко 1973: 134–135; Поспелов: 232.

⁶⁰ См. СРНГ 16: 151–152.

⁶¹ См.: Матвеев 2001: 195–196; Аникин 2000: 334–335.

и *куръ* ‘прах, пыль’⁶²: доказательств нет ни в ту ни в другую сторону (не считать же таковым присутствие в гидронимии названий животных: «*Бобр, Венерь*» — автором приведены только эти два), как и в пользу самого славянского выбора⁶³. Тем не менее составители герба города Курска (утверждён 8 января 1780 г.) этимологический выбор сделали: «В серебряном поле синяя полоса и на оной три летящие куро п а т к и». Другая специфически курская птица, вокруг которой сложилась целая мифология, — соловей — оказалась неконкурентоспособной и была, как видим, посрамлена.

Медынь (Калужская обл.). Герб, высочайше утверждённый 10 марта 1777 г., представляет собою «голубой щит, насеенный златыми пчелами, изъявляющий как обильство оных в окружности сего города, так и самое наименование онаго». Научная этимология, однако, смотрит на происхождение имени иначе. Скорее всего перенесённое на город название реки, на которой он стоит, сохраняет следы древне-го балтоязычного населения этих мест: ср. литов. диал. *mėdė* ‘лес’ (ср. *mėdis* ‘дерево’), *medūnas* ‘древостой’⁶⁴.

Наровчат (Пензенская обл., нынче село: статус города утрачен). С точки зрения «говорящей» геральдики случай изысканный: на гербе, утверждённом 28 мая 1781 г., изображена «в голубом поле гора, на которой видны вновь зачатые звериные норы, означающие имя сего города», и, таким образом, предусматривается объяснение его названия из *нора* и (*за-, на-, по-*)*ч(ин)ать*. По-видимому, Герольдмейстерская контора не располагала вообще никакими сведениями о городе, если составитель герба прибег к форменному этимологическому эпатажу. Связанный с золотоордынской историей⁶⁵, *Наровчат*, точнее, город, называвшийся тогда Мохши, был столицей *Наручад-*

⁶² Роспонд 1972: 21–22.

⁶³ Заметим, что С. Роспонд странным образом вычитал в книге о гидронимии Верхнего Поднепровья (Топоров/Трубачёв 1962) мысль о балтийском происхождении имени ручья *Кур*. В книге вообще этот гидроним не рассматривается, а страницы (191–192), на которые ссылается С. Роспонд, содержат краткий этимологический анализ речных имён *Курейка* (вариант — *Корейка*) и *Корса* — притоков Осьмы и Курейки соответственно. Осьма (Восьма) же находится в самых верховьях Днепра, в Смоленской области, в четырёхстах (!) километрах от обсуждаемых Кура и Курска (и, кроме того, имеет «тёзку» в бассейне Оки, южнее Серпухова, см.: Смолицкая 1976: 144; Топоров 1972: 255). Общая характеристика упомянутой гидронимической монографии, тут же, по обозначенному поводу, данная С. Роспондом («В ценном труде Топорова — Трубачёва круг ономотологических балтизмов понимается иногда слишком широко») в свете этих обстоятельств значительно теряет свою серьёзность.

⁶⁴ См.: Поспелов: 265; иначе, в согласии с геральдистами, — Никонов: 262.

⁶⁵ Егоров 1985, гл. III.

ской орды (*Наручадь* отмечается в русских летописях⁶⁶). Ойконим объясняют как древнемордовский: *нар-* ‘поле, степь’, *-ов-* показатель прилагательного, *-чат* (мокша-морд. *шяйт*) ‘болото’: ‘степные болота’⁶⁷; есть иные этимологические толкования. О предполагавшейся связи этих форм с названием рязанского села *Нармушадь*, для которого усмотрены финноязычные истоки, Г. П. Смолицкая⁶⁸ предпочла не упоминать.

Орёл. Уже топонимическая притча. На гербе города, высочайше утверждённом 16 августа 1781 г., изображены «в синем поле белый город, на воротах которого чёрный одноглавый орёл с золотой на голове короною». «Орнитологическая» этимология ойконима, как и связанного с ним названия реки *Орлик*, при впадении которой в Оку стоит город (при более чем вероятной первичности из этих двух проприальных названий именно гидронима), давно признана неубедительной. Конкурируют две основных версии — тюркоязычная (ср. *airyly* ‘угловатый’ — к *airy* ‘разъединять; раздваивать’, ‘развилка’) и балтоязычная (ср. литов. *érlos* ‘сенокосный луг’, «в конечном счёте к и.-евр. **er-* ‘двигаться’ и т. п.)). Подробности см. в: Смолицкая 1974: 79–81; Мурзаев 1995: 176–177; Топоров 1988: 166. Ещё: Фасмер III: 151; Севортьян [I]: 114–116; Никонов: 311; Поспелов: 312; Трубачёв 1968: 229, 261; Смолицкая: 1998 1: 88–89.

Оса (Пермская обл.). На первоначальное поселение было перенесено речное название. Фонетическое тождество гидронима (позднее и ойконима) с названием насекомого совершенно случайно и не даёт оснований к их генетическому отождествлению⁶⁹. Тем не менее родственное насекомое, пчела, на гербе, утверждённом 17 июля 1783 г., присутствует: «в серебряном поле стоящий на дереве улей с летающими около него пчелами, означающий, что жители сего города имеют довольно мёду». Существует несколько иных версий о происхождении названия: от имени рода гайнинских башкир *Асса*, от арабского *осат-ун* ‘середина’ и др., вплоть до топонимической легенды-анекдота о высказывании Пугачёва по поводу четырёхдневного штурма города: «Мал городок, да кусается, как оса»⁷⁰. Сколько-нибудь достоверных, однако, среди них нет. Если мотивы геральдистов нами поняты правильно и герб сочинялся как «говорящий», то здесь

⁶⁶ ПСРЛ XV, 1: стб. 70.

⁶⁷ Полубояров 2003.

⁶⁸ См.: Смолицкая: 1997 3: 79–80.

⁶⁹ См.: Поспелов: 314.

⁷⁰ <http://59323.ocpi.ru/portalosa/?id=history>.

обнаруживается двойная натяжка — собственно этимологическая и семантическая (подмена одного биологического вида, точнее семейства, другим). Может быть именно поэтому в новейшем гербе Осы, принятом народными депутатами в 1989 г., пчёлы, вместе с ульем, безжалостно изгнаны — решение, достойное, впрочем, сожаления: ведь не истребляют немцы медведя на гербе Берлина, хотя давно стало понятным, что туда этот шатун забрёл по ошибке.

Повенец (Карелия). Одну из деталей городского герба, утверждённого 4 октября 1788 г., составляет «пирамида каменная, украшенная дубовым венком». Исходя из наличия в русских говорах народного географического термина *венёц* ‘самое высокое место по берегу реки’⁷¹, «края высокой степи правого берега Волги»⁷², ср. известный *Венец* в Симбирске, В. А. Никонов предполагал, что здесь может быть образование на базе этого термина с префиксом *по-*, с допустимой семантической реконструкцией ‘местность по краю возвышенности, селение вдоль бровки горы’⁷³. Тогда случай с «говорящим» гербом может быть отнесён к категории мотивационных несоответствий. Трудность, однако, в том, что Повенец расположен на ровном и низменном берегу Онежского озера, при впадении реки Повенчанки⁷⁴, следовательно, соображение В. А. Никонова провисает без поддержки физическими реалиями. Я. Калима и Й. Миккола, а со ссылкой на них Г. М. Керт и Н. Н. Мамонтова, думают о возможной связи ойконима с финским словом, которое стало собственным названием другого водного образования — северной Двины: *Viena*. В этой версии *Повенец* как геральдический объект оказывается жертвой наивной этимологии.

Ряжск (Рязанская обл.). В гербе, высочайше утверждённом 29 марта 1779 г., размещён «в серебряном поле построенный на реке ряж, означающий имя сего города». Слово *ряж* (*рѣжъ* муж., *рѣжъ* жен., также *рѣжа*) означает ‘бревенчатую решётку, под строение, плотину, устой’⁷⁵, ст.-русс. *ряжъ* ‘опора мостов, плотин в виде бревенчатого сруба, заполненного камнями’, ‘бревенчатое основание постройки’, XVII в.⁷⁶. Такие срубы были элементами и оборонительных сооружений, что послужило усилением в распространённой трактов-

⁷¹ СРНГ 4: 112.

⁷² Мурзасвы 1959: 52.

⁷³ Никонов: 335.

⁷⁴ Керт/Мамонтова 1982: 74.

⁷⁵ Даль₂ IV: 120.

⁷⁶ СРЯ XI–XVII вв. 22: 290–291.

ке герба героических мотивов, хотя наш геральдический ряз, погружённый в реку, следовало бы толковать как сооружение вполне мирное. Этимологически слово толкуется как связанное с корнем **rěd-* ‘редкий’ (→ **rědja*)⁷⁷, см. гнездо диалектной лексики со значениями ‘сеть с редким плетением’, ‘строительные леса’, ‘клеть’, ‘лестница’, ‘рыболовный закол’, ‘плотина’, ‘срубная обшивка размываемого берега’, ‘палисадник’ и под.⁷⁸ Исследователи топонимии (П. П. Семенов, Е. С. Отин, Е. М. Поспелов и др.), однако, опираясь на фиксируемые в письменности XVI–XVII вв. формы *Ряской городъ*, *Рясское поле* и проч. и на гидронимы, в составе которых присутствует народный географический термин *ряса́* ‘мочажина, топь, болото’, ‘пойма’⁷⁹ — *Становая Ряса*, *Ягодная Ряса*, — объясняют топоним *Ряжск* совсем иначе⁸⁰. С точки зрения мотивационной типологии ойконимов такая позиция выглядит более весомой. Кроме того, в пользу этого взгляда говорит и именование жителя города Ряжска в документах XVII в. с глухим исходом корня: *ряшанец*, *ряшенец* (можно предположить, что к нему восходит фамилия поэта Юрия *Ряшенцева*). Следовательно, и в данном случае мы имеем дело с ложноэтимологическим осмыслением городского названия, отразившимся в геральдическом знаке.

Завершить этот краткий обзор можно примером сравнительно свежим — пятилетней давности. 15 июня 2001 г. решением Стругокрасненского районного собрания депутатов Псковской обл. был принят герб районного центра — посёлка *Струги Красные*: «в щите, разделённом четверочастно волнистыми линиями на червлёные и серебряные поля, два древних деревянных струга переменных тинктур в столб»; герб внесён в Государственный геральдический регистр под № 795⁸¹. Топоним, однако, возник не на базе слова *струг* ‘речное судно, гребное и парусное’⁸² (по М. Фасмеру, к *струг* ‘инструмент для строгания’, *строгать*⁸³), а представляет собою результат перемещения в сферу ойконимии гидронима, которым стал широко распространённый в славянских языках ландшафтный термин **struga* ‘поток, ручей’, ‘омут’, ‘мелкое место в реке (озере) с топким дном’ и т. п.

⁷⁷ Фасмер III: 460.

⁷⁸ СРНГ 35: 25–29, 360.

⁷⁹ СРНГ 35: 354.

⁸⁰ Поспелов: 360; к этимологии — Фасмер III: 538–539.

⁸¹ <http://www.hrono.ru/heraldicum/russia/subjects/towns/strugi.htm>.

⁸² Даль IV: 340.

⁸³ Фасмер III: 782–783.

(специально на Псковщине регистрируется значение ‘боковой залив, старица’, параллели в балтийских языках — со значениями ‘болото; лужа’)⁸⁴ — в конечном счёте к индоевроп. **sreu-* ‘течь’⁸⁵. Превращение этого термина в географическое имя собственное отмечено неоднократно⁸⁶. Надо заметить, что до 1919 г. поселение, которому дан обсуждаемый герб, называлось *Струга Белая* (применительно к озёрам это прилагательное обычно указывает на песчаное дно; переименование, вероятно, носило идеологический характер)⁸⁷. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что географическое значение слова *струга* составителями герба также учтено; в официальном описании герба указано, что «волнистое деление щита отражает также второе смысловое значение слова “струг” — ручеек, маленькое озеро». Таким образом, герб является «говорящим» дважды, воздавая и вашим и нашим (а если принять во внимание отображение в нём замен «колористического» прилагательного в названии посёлка, то даже четырёхжды). Эмблема, надо сказать, очень красива, эстетичность и остроумие этой графики в наших глазах искупает показанную этимологическую шизофрению; впрочем, поскольку мотивационная двусмыслица допущена в гербе вполне осознанно, здесь скорее нужно видеть ещё один пример изящного геральдического каламбура.

Как относиться к выявленным или предполагаемым «этимологическим» ошибкам в «говорящих» гербах? Следует ли их устранять, рекомендуя геральдическим инстанциям (в нашей ситуации местным властям, региональным ассоциациям геральдистов, Государственному геральдическому регистру) вносить частичные исправления в уже имеющиеся гербы или даже требовать создания совершенно новых? Думается, что этот путь неправилен. В гербах вновь создаваемых ошибок, разумеется, лучше избегать, для этого целесообразны консультации с профессиональными этимологами, авторитетными исследователями ономастики и другими специалистами. Как можно судить, такие консультации имеют место, но лишь в отдельных ситуациях, когда создателям новой символики достаёт такта не переоценивать свою языковую компетенцию и осведомлённость в историко-лингвистических проблемах. Что же до гербов старых, существующих много десятилетий и даже столетий, то следует вооружиться той идеей, что они представляют собою уже неотменимые факты куль-

⁸⁴ Толстой 1969: 194–196; НОС 10: 169; Mühlenbachs/Endzelins III: 1093.

⁸⁵ Фасмер III: 783; Pokorný I: 1003.

⁸⁶ Ср.: Жучкевич: 364.

⁸⁷ Поспелов: 399.

турной истории, а заблуждения нужно рассматривать как неотменимую её часть. В конце концов, культура, то есть мир знаков, который мы создаём вокруг себя, мифологична в самой своей основе, и попытки преодолеть человеческую (слишком человеческую) природу приносят лишь временные успехи.

Литература

- Андриеш-Табак 2004** — С. Андриеш-Табак, *Территориальный говорящий герб: Топонимика, переходящая в геральдику (Теоретические рассуждения на опыте Республики Молдова)* // <http://heraldry.hobby.ru>.
- Веселовский** — С. Б. Веселовский, *Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии*. М., 1974.
- Гордеев** — Ф. И. Гордеев, *Этимологический словарь марийского языка*. Т. 1–. Йошкар-Ола, 1979–.
- Города** — *Города России. Энциклопедия*. М., 1994.
- Даль** = Даль² 1955.
- Егоров 1985** — В. Л. Егоров, *Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.* М., 1985.
- Жучкевич** — В. А. Жучкевич, *Краткий топонимический словарь Белоруссии*. Минск, 1974.
- Зализняк 1995** — А. А. Зализняк, *Древненовгородский диалект*. М., 1995.
- Керт/Мамонтова 1982** — Г. М. Керт, Н. Н. Мамонтова, *Загадки карельской топонимики. Рассказ о географических названиях Карелии*. Петрозаводск.
- Лаппо 2004** — Г. М. Лаппо, *Имена городов. Топонимические размышления геоурбаниста* // <http://geo.1september.ru/2004/22/11.htm>.
- Ларин 2003** — Б. А. Ларин, *Из истории слов. Буй — погост* // Б. А. Ларин, *Филологическое наследие*. СПб., 2003.
- Ларин 2003а** — Б. А. Ларин, *Об архаике в семантической структуре слова (яр — юр — буй)* // Там же.
- Лучыц-Федарэц 1976** — И. И. Лучыц-Федарэц, *Будаўнічая тэрміналогія беларускага Прыпяцкага Палесся* // *Народнае слова*. Мінск, 1976.
- Матвеев 2001** — А. К. Матвеев, *Субстратная топонимия Русского Севера*. Ч. I. Екатеринбург, 2001.
- Мокиенко 1974** — В. М. Мокиенко, *Народная этимология географических названий* // *Русская речь*, 1974, № 1.
- Мурзаев 1974** — Э. М. Мурзаев, *Очерки топонимии*. М., 1974.
- Мурзаев 1995** — Э. М. Мурзаев, *Топонимика и география*. М., 1995.
- Мурзаевы 1959** — Э. и В. Мурзаевы, *Словарь местных географических терминов*. М., 1959.
- Нерознак 1983** — В. П. Нерознак, *Названия древнерусских городов*. М., 1983.
- Никонов** — В. А. Никонов, *Краткий топонимический словарь*. М., 1966.
- НОС** — *Новгородский областной словарь*. Вып. 1–13. Новгород, 1992–1995.
- Полубояров 2003** — М. Полубояров, *Древности Пензенского края в зеркале топонимики*. М., 2003.

- Попов 1948** — А. И. Попов, Топонимическое изучение Восточной Европы // *Учёные записки Ленинградского государственного университета*, № 105. Л., 1948.
- Попов 1965** — А. И. Попов, *Географические названия (введение в топонимику)*. М.; Л., 1965.
- Попов 1968** — А. И. Попов, *Арск. Торонец. Великие Луки // Русская речь*, 1968, № 4.
- Попов 1973** — А. И. Попов, *Ветлуга // Русская речь*, 1973, № 4.
- ПОС** — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Вып. 1–. Л. (СПб.), 1967–.
- Поспелов** — Е. М. Поспелов, *Географические названия мира. Топонимический словарь*. М., 1998.
- ПСРЛ** — *Полное собрание русских летописей*, М. 1978.
- Роспонт 1972** — С. Роспонт, Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // *Восточнославянская ономастика*. М., 1972.
- Смолицкая** — Г. П. Смолицкая, Топонимический словарь Центральной России // *Русская речь*, 1994–2001.
- Смолицкая 1974** — Г. П. Смолицкая, Орёл, а не птица // *Русская речь*, 1974, № 1.
- Смолицкая 1976** — Г. П. Смолицкая, *Гидронимия бассейна Оки*, Москва.
- Соболева 1981** — Н. А. Соболева, *Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв.* М., 1981.
- Соболева 1985** — Н. А. Соболева, *Старинные гербы российских городов*. М., 1985.
- Толстой 1969** — Н. И. Толстой, *Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды*. М., 1969.
- Топоров 1972** — В. Н. Топоров, «Baltica» Подмосковья // *Балто-славянский сборник*. М., 1972.
- Топоров 1988** — В. Н. Топоров, Балтийский элемент в гидронимии Поочья. I // *Балто-славянские исследования*. 1986. Сборник научных трудов. М., 1988.
- Топоров/Трубачёв 1962** — В. Н. Топоров, О. Н. Трубачёв, *Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья*. М., 1962.
- Трубачёв 1968** — О. Н. Трубачёв, *Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация*. М., 1968.
- Трубачёв 2004** — О. Н. Трубачёв, Этимологические наблюдения над стратиграфией ранней восточнославянской топонимии // О. Н. Трубачёв, *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. Т. 2. М., 2004.
- Тупиков** — Н. М. Тупиков, *Словарь древнерусских личных собственных имён*. М., 2004.
- Фоменко 1970** — В. Г. Фоменко, О подмосковных топонимах Коломна и Кашира // *Топонимика*. Вып. 4. М., 1970.
- Яшкін 1971** — І. Я. Яшкін, *Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія*. Мінск, 1971.
- Ященко 1958** — А. И. Ященко, *Топография Курской области*. Курск., 1958.
- Ященко 1973** — А. И. Ященко, Курск. К 1000-летию основания // *Русская речь*, 1973, № 3.

*

Kalima 1946 — J. Kalima, Über die Erforschung russischen Ortsnamen fremden Ursprung // *Sitzungsberichte der finnischen Akademie der Wissenschaften 1945*. Helsinki, 1946.

Mülenbachs/Endzelīns — K. Mülenbachs, J. Endzelīns, *Latviešu valodas vārdnīca*. I–IV. Rīga, 1923–1932.

Anatolij Fedorovič Žuravlev (Moscow)

Russian civic heraldry and naive etymology

Summary

The author examines false etymologies underlying coats of arms of some Russian towns. He distinguishes between the instances of etymologically correct but semantically failed interpretations (e.g. the place name *Starica* understood and consequently visualised as an old woman, Russ. *starica*, although the word here actually designates an old, dried up river bed the city lies on) and those of paretymology (e.g. the city of *Orel* has a coat of arms representing an eagle, Russ. *orel*, but its name goes back probably to a Turkic or Baltic topographical term).

nv@olbuss.ru

Татьяна Зайковская (Никозия)

Этимология народной обрядовой терминологии: языковая реконструкция и экстралингвистические данные

На примере славянских названий свадебного пирога и головного убора невесты демонстрируется необходимость учитывания экстралингвистических данных в этимологических исследованиях народной обрядовой терминологии.

Ключевые слова: обрядовая терминология, славянская, балканская, этимология.

Этимология народной обрядовой терминологии, базирующаяся только на лингвистических данных, иногда может привести к ошибочным выводам. Учёт экстралингвистических данных позволяет во многих случаях скорректировать, предложить параллельную или более точную этимологию. Обрядовая лексика, относящаяся к одной семантической группе как в языковом, так и в ритуально-мифологическом плане часто демонстрирует этимологически сходную основу семантического развития. Мы остановимся на некоторых аспектах этимологии, а также развития семантики названий покрывала невесты и женского головного убора в славянских языках, которые тесно связаны с ритуальной практикой.

1. Одну группу представляют названия с семантическим полем '1) покрывало, головной убор невесты — 2) узел, в который заворачивали или завязывали угощение или подарки для новобрачных — 3) само угощение, еда (свадебный хлеб, пироги и т.п.) — 4) свадебный подарок'. Ритуальная изофункциональность этих обрядовых предметов часто обуславливала тождественность их названия: перенесения одного из них на другой (например укр. *балéць*) или параллельного развития. Сюда относятся, в первую очередь, славянские названия головного убора, покрывала невесты и свадебного пирога, восходящие к праславянскому корню **gъb-/ *gъb-*: серб. *гибаница*, укр. *гбаниця*, рус. *банник* (от **гбанник*) и другие (см. Зайковский 1998: 67–68). Другим примером является укр. диал. *балéць* '1) головное покрывало, головной платок невесты; 2) род свадебного хлеба; 3) свадебный подарок'

(см. Грінченко 1: 24), заимствованное из румын. *balț* ‘фата’, ср. арумын. (влашское) *báltsu, báltsi* ‘женский головной убор’ (Νικόλαϊδης 311), которые, в свою очередь, восходят к лат. *balteus* ‘1) кайма, кромка, корка; 2) полоска; 3) пояс; 4) перевязь для оружия; 5) часть сбруи, охватывавшая шею и грудь лошади; 6) подпруга’ (см. ЕСУМ 1: 127; Дворецкий 78). Частично подобную семантику имеет и балканский туркизм *bohča* (тур. *bohça*) ‘1) платок, в который завязывали подарок или угощение для молодоженов; 2) само угощение или подарок’, ср. урумское *bohča* ‘клунок, вузол, хустка з весільним подарунком, го-стинцем на підносі нареченій або з пожертвою на поминки’, *bohča йавлук* ‘спеціальна біла тканина для bohča’, *bohča ойнамах* ‘весільний танець із подарунком’ (Гаркавець 113), греч. диал. *μποχτσά* [boχ’sa], *μπουχτῶά* [buχ’sa] (η) ‘подарок невесте или подарок новорожденному (роженнице), завёрнутый в платок’ (Эратира, бывшая Селица, Козани) (Зайковская/Зайковский 2001: 154, 172). Следует заметить, что с изменением обряда забывалась исходная ритуальная семантика обрядового предмета, вследствие чего менялась и лексическая семантика, как например, в случае с укр. диал. *балéць*, которое (у бойков) означало также, с одной стороны ‘длинный, 3–4 метра, кусок домотканного полотна, которое приносит невеста в дом жениха для его родни’, как правило, для свекрови — та заворачивалась в него и шла танцевать, ср. «*Бере свекруха балець, біленький як папірець, тоненький, як лебедець*»; «*Балець, матінко, балець на сім мір та й на палець; що буде завивати, то буде споминати: то невісточка дала, бодай щастє мала*» (см. Грінченко 1: 24; Борисенко 1988: 124; Матейко 117), с другой стороны, ‘ткань, покрывало, которое дарил зять теще’ — на Львовщине *бальцом* называли красный платок, который зять дарил теще, ср. свадебную песню «*А це ж той балець, що зять дав, а за той балець дочку взяв*» (Борисенко 1988: 124). У лемков название *балець* перешло на большой белый свадебный хлеб, с которым молодая (невеста) трижды окручивалась в доме жениха, затем разламывала его на куски и раздавала их своим новым родственникам. В некоторых сёлах свекровь клала подаренный невестой кусок *балца* на печь, и это сопровождалось песней «*На пець, мамоньку, на пець, Най буде перший хлопець*» (Борисенко 1988: 135). Чтобы понять основу подобного семантического перехода ‘головное покрывало невесты’ > ‘обрядовый свадебный хлеб’, нужно учесть прежде всего три экстралингвистических фактора обрядового характера: во-первых, в свадебном обряде невеста часто несла хлеб на голове и над головой же его разламывала, то есть в этом случае хлеб служил своеобразным покрытием головы, своего рода «головным убором»; во-вторых, как мы

видим, в лемковском обычае с хлебом совершается то же обрядовое действие, что и с покрывалом головы, *намиткой*, — его помещают на печь¹, обрядовым хлебом-балцом совершали такое же причастие, как и другими обрядовыми блюдами — заместителями невесты, например *гибаницей*. Подобные изменения в обрядовой и лексической семантике, как увидим, произошли в некоторых случаях и с балканским туркизмом *divak* ‘покрывало невесты’. Как указывает В. С. Караджич в своём словаре: «*Дувак се у Биограду сад зове пријевјес, понајвише свилен, који обично дјевер доноси и од којега млада послје начини себи хаљину, особито ћурче*» (Вук s.v.).

С другой стороны, вследствие определённых фонетических процессов или даже без них могло происходить народноэтимологическое переосмысление значения обрядового термина, как в случае с рус. *банник* из **гбаник*, который стал связываться со словом *баня*, что, в свою очередь, повлияло на сам обряд и *банник* вошёл в обряд мытья невесты в бане. Многие из этих примеров уже указывались мною и В. Зайковским (см. Зайковская 1998; Зайковский 1998).

2. Другую группу составляют славянские и неславянские названия женских головных уборов, символизировавших переход невесты в статус замужней женщины, жены, связанные с ТГЛ (тематической группой лексики) названий птиц и частей их тела (оперение, гребень, хохол и т. п.), например, укр. диал. *гайструк* (от *гайстер* ‘аист’) ‘белый платок, вышитый на концах’ (Матейко 118; см. ЕСУМ 1: 454), рус. *кокóшник*, диал. (костромское) *кокóшка* (от *кокошь* ‘курица; петух’), рус. диал. *кокúй* ‘народный головной убор русских женщин в виде опахала или округлого щита вокруг головы’ (см. Даль 2: 135; Зеленин 258, 262–264, 266; Фасмер 2: 284; Маслова 57; Лисенко 190, 200); украинские и русские диалектные названия женского головного убора *сорóка* / *сарóка* / *сорóчка*, ср. карельское, финское *harakka* ‘сорока; чепец’, шведское *kråka* ‘ворона; чепчик’; болг. *перјаница*, серб. *перјаница*² (см. Даль 4: 275; Зеленин 259, 261; Фасмер 3: 723; Масло-

¹ О ритуально-мифологическом значении этого обрядового действия см. Зайковская 1998: 48–50.

² *Перјаница* ‘головной убор из перьев, «покрывало од перушке»’ — это одна из разновидностей *смиљеваца*, который новобрачная носила «од венчања до краја прве године брака», то есть в ритуально-мифологическом плане пребывала в переходном периоде «перелета в иной мир». Как указывает Керимова, «Перушке које су га украшавале имале су, осим декоративне, и магијско-заштитну функцију». Переходную знаково-ритуальную функцию имел и сам *смиљевац* (*цмиљевац*) «својеврсно покривало које потиче од првобитног венца и има сложен облик», который в окрестностях Левча, как писал Срезневский, замужняя женщина носила с момента свадьбы до первой беременности (см. Керимова 1995: 77–78).

ва 1984: 57; Лисенко 190, 200; Керимова 1995: см. также Зайковская 1998: 50). Сюда же, возможно, относятся и русские *кíка* ‘женский головной убор в виде кокошника’, *кíчка* ‘холщёвый остов кокошника’, которые могут быть этимологически связанными с русским *кíкать* ‘кричать (по-птичьи)’, укр. *кíкати* ‘куковать’, др.-рус. *кыкати*, *кычу* ‘кричать, куковать’, а не с болг. *кíка* ‘коса, чуб’, серб.-хорв. *кíка* ‘то же’, болг. *кíчер*, рус. *кучери* и т.п. По подобной модели было образовано и русское диалектное название кокошника *кокуй* от *кокати*, ср. по замечанию Даля (2: 135), новобрачной говорят: «Вот тебе кокуй, над ним и лыкуй!» Лингвисты считают, что подобные названия возникли из-за сходства головных уборов с частями тела птиц. Так, Фасмер по поводу *кокошника* пишет: «названо так по сходству с гребнем на голове птицы» (Фасмер 2: 284), название *сорока* тоже происходит «из-за сходства с сорочьим хвостом и расцветкой перьев» (Фасмер 3: 723). Но суть в том, что и подобная форма головных уборов и их названия базируются на ритуально-мифологическом отождествлении невесты (замужней женщины) с птицей³ (эта обрядовая мифологема рассматривается нами в уже названных статьях). Здесь можем упомянуть и головные уборы невесты с гребнем у болгар Добруджи, откуда их название «гребенците», а также у населения греческой (Эгейской) Македонии, которые у местного населения на историко-мифологическом уровне осмысливаются как наследие от шлемов войск Александра Македонского. Ту же семантику имеет и греч. диал. (Понт, Малая Азия) *τσαρκούλιν* [čarkúlin], *τσαρκούλ* [čarkúl] ‘1) женский головной убор (невесты), 2) птичий гребень’, с производными глаголами *τ᾿σαρκουλιάζω* [čarkul’ázo] и *τ᾿σαρκουλώνω* [čarkulóno] ‘покрывать голову’ (Παλαδόπουλος 2: 430).

К этой же группе следует отнести и балканизм, очевидно романского происхождения, *kačule* ‘конический головной убор; хохолок птицы’: ср. болг. диал. *качул*, *качуле* ‘покрывало невесты; птичий гребень’, *качулети* ‘вид вышивки на свадебной одежде невесты’, греч. *κατσούλι*, *κατσούλα* ‘конический головной убор; покрывало невесты в окрестностях Румлуки’, румын. *căciulă*, арумын. *căcîlă*; (куцовлашское) *κατσούλα* ‘головное покрывало’, алб. *kačul* ‘пучок (волос или перьев); гребень (птицы, головного убора); пенис (у детей)’ (см. Νικολαΐδης 211; Ανδριώτης 1967: 153; Κυριακίδου-Νέστορος 139; БЕР 2: 294–295; Κωνσταντίνου 1992: 56; Zaikovska 2002: 126). Владимир Орёл отделяет албанское *kačul* от *kačule* и, вслед за Сване и Де-

³ На другом материале и с другой точки зрения об ритуально-мифологическом отождествлении женщины с птицей пишет и Васева (2002).

сницкой, считает, что *kačul* ‘shock (of hair or feather), crest; penis (of infants)’ происходит от славянского префиксального образования **kočulь* / **kačulь* от *čulь* ‘безрогий; кусок дерева; пенис’, а *kačule* фонетически развилось из **kashulě*, которое является заимствованием из ланинского деминутива *casula* ‘избушка’, позже ‘плащ с капюшоном’ (Десницкая 13; ср. Дворецкий 160, 162). С другой стороны, Moutsos 1983 считает, что албанское и южнославянские названия происходят из греч. *κατσούλα*, что, конечно же, невероятно по фонетическим соображениям (см. Orel 162). Подобные коннотации названия головного убора и хохолка птицы зафиксированы уже в латинском: *cassis* f. ‘шлём, шишак’ и *cassīta* f. ‘хохлатый жаворонок’ (Дворецкий 160–161).

Учитывая эти примеры, очевидно, этимологически к этой же группе следует отнести ещё один балканизм турецкого происхождения — *duvak*, тур. диал. *duğak*, *dulak* ‘1) красная свадебная фата (вуаль), которой покрывают невесту; 2) оболочка новорожденного > вуаль или легкая ткань (которой покрывают новорожденного); 3) глиняная крышка (кувшина); глиняная или каменная затворка. заслонка (печи); 4) копыто (?)’ (см. Радлов 3: 1797; Баскаков 1977: 251; Redhouse 315). Судя по выражениям *duvaksız* ‘без покрывала, без брачного обряда’, *duvak takma* ‘венчание’ и фразеологизмам *duvağına doyma*= (букв. ‘не мочь насладиться вдоволь своим *дуваком*’), ‘а умереть сразу после свадьбы (о новобрачной); б) разлучиться с мужем (о новобрачной)’, *duvak düşkünü* (букв. ‘потерявшая *дувак*’) ‘потерявшая мужа сразу после свадьбы, молодая вдова’, метафорически означал и само замужество. Туркизм этот проник как в южнославянские, так и в другие балканские языки: серб.-хорв. *дүвак*, *dùvak* ‘Brautschleier, velum nuptiale, вео’, ‘вуаль; фата; покрывало невесты’, диал. *дүвак* (Космет), *духак* ‘врло танко платно или копрена од свиле, јефтино, бијеле, црвене и зелене боје, којим се покрива невеста’⁴ (см. Вук; Skok 1: 462–463; Толстой 106), болг. диал. *дува̀к* ‘покрывало, було’ (Пиротско, Брезнишко), *дувалѐ* ‘копринена забрадка’ (Кюстен-

⁴ Ср. описание и ритуальное употребление дувака в Височкой Нахии: «Кад сватови поју с младом од њене куће, певају: «*Виџа јело, дигни к небу гране / Нека њрођу кићени сватјови, / Нек њроведу лијеју дјевојку / Да дјевојка не раздре **дувака**, / А јенџица свиленог јаглука!*» **Откад пође од своје куће па све док је не сведу с младожењом у брачну постељу, млада је под «дуваком»** [выделено автором статьи]. То је танка копрена, коју је купио младожења и још раније у бисагама послао млади с осталим потребним стварима. Дувак невести намешта кума односно жења. Дувак се ставља преко јаглука, а невеста носи и поћелицу, под јаглуком» (Филиповић 171). Как видим, и здесь обрядовая семантика дувака связана с переходным состоянием.

дилско), ‘бяла или цветна женска забрадка’, ‘връзка на забрадка’; *дулак* ‘невестинско було’ (Софийско, Благоевградско), ‘въже, с което се връзва мрежа, след като се наполни с тревен фураж’ (Падина, Ардинско), *дѹлак* (Прилеп) (БЕР 1: 442, 445), *дувѹк* у болгар Украины (Задорожнюк 1996: 51); греч. диал. *δουβάκι* [dunáki] (το) ‘красное покрывало невесты, которое носили также женщины старшего возраста’ (бывший *Μελένικος*, ныне в Болгарии) (Ανδριώτης 1989: 42), *ντουβάκι* [dunák(i)] (το) ‘ткань, которую дарили новобрачным во время венчания и ложили её на их плечи’ (р-н Висалтия, Серры) (Πασχαλούδης 181), ср. *δόβουλου* [dónulu] (το) 1) ‘тряпье, 2) пелёнка, 3) старое покрывало, одеяло и т.п.’, *δουβόλι* [dunól] ‘пелёнка’ (Пиерия) (Δούγα-Παπαδοπούλου/Τζιτζιλής 276), урумское *дувѹх* ‘покрывало невесты; фата, вуаль’ у приазовских греков, эллинофонов и тюркофонов (Борисенко 1996: 77; Гаркавец 157), гагаузское *дуак*, *duak* ‘1) вуаль, покрывало или платок невесты (после брачной ночи): *ал дуак* ‘красный платок новобрачной’; 2) околоплодный пузырь: *duak içinde duumtaa* (букв. ‘в дуваке родиться’) ‘родиться в сорочке, быть счастливым’; 3) рождаемость, плодовитость, 3) кожура, оболочка плода’⁵ (Баскаков 1973: 161; Dođru/Каунак 83), алб. *duvák*, диал. *dullák*, *dulák* ‘Brautscheier, покрывало невесты’ (см. Meyer 78; Skok 1: 463; БЕР 1: 445; Γκίνης 174; Παπαφίλης 160). По мнению Скока, это «balkanski turcizam arapskog podrijetla (ar. > tur. *duvak* ‘tul’) iz oblasti tkiva: bug. *dulak* pored *duvak*, arb. *duvák* pored *dullák* ‘Brautscheier’» (Skok 1: 462–463). Tietze считает, что *duvak* происходит из распространённых в тюркских языках форм *tubaq* / *tumaq* ‘ меховая шапка’ (Tietze 1: 666), что, на наш взгляд, является ещё одним примером чисто лингвистического подхода к этимологии обрядовой терминологии. Турецкие этимологи, в частности Eren, выводят его из *tuğ* ‘покрывало, колпак’ и суффикса *-ak*: **tuğ-ak* > **duğ-ak* > *duvak* (Eren 124; ср. Eyyubođlu 207), что, очевидно, является более приемлемым решением, обосновывающим как диалектные формы *duğak*, *dulak*, так и гагаузское *duak*, которые объясняются закономерным в турецком и гагаузском языках исчезновением (выпадением) бывшего согласного *ğ*, как правило с ком-

⁵ Следует отметить интересные семантически-фразеологические параллели гагаузского фразеологизма, из которого вытекает, что в гагаузском *duak* означало ещё и ‘плева, оболочка плода (у беременной)’, так же как в русском, украинском *сорочка*, ср. фразеологизм с тем же значением *в сорочке родиться*. Сюда же следует отнести и нгреч. *υμένας* (*υμήν*) (ο) ‘1) плева, оболочка плода (у беременной); 2) мембрана’, ср производное прилагательное *υμέναιος* ‘1) свадебная песня; 2) свадьба, бракосочетание’, а также *τσίπα* (η) ‘1) плева, оболочка плода (у беременной); 2) мембрана, тонкая плёнка; 3) покрывало невесты’ и т.п.

пенсативным удлинением предыдущего гласного (comprehensive lengthening), особенно в гагаузском — форма [du:'ak]. Согласно фонологическим закономерностям турецкого языка стечение гласных недопустимо, поэтому оно устраняется, как правило, появлением протетического согласного [v] в литературном турецком — отсюда форма *duvak*, или протетического [l] в диалектах — отсюда диалектная форма *dulak*, проникшая в болгарские говоры и в говоры албанского языка. Гортанный согласный [ǧ], [ǧ̇] сохранился, однако, в некоторый анатолийских диалектах турецкого языка — отсюда диалектная форма *duǧak*, в других тюркских языках ему соответствует полугласный [w], что дает форму *duwak*. Таким образом, этимология Eren'a значительно более согласуется с фонетическими и фонологическими закономерностями турецкого языка и его говоров, а также соответствий в других тюркских языках, чем версия Tietze, предполагающая выпадение согласных [b] или [m], либо изменение их в согласные [v] или [ǧ̇], [ǧ̈]. Что касается развития семантики, следует только дополнить, что в турецком *tıǧ* означает также 'пучок перьев, хохол (у птицы), султан'. Таким образом, мы снова имеем то же семантическое поле: 'пучок перьев, хохол (у птицы) — покрывало невесты'. Болгарские формы *дулак*, *дүлак*, так же как и албанские *dullák*, *dulák*, заимствованы из турецких говоров. Что касается формы *дувалё*, то согласно БЕР, она образована от косвенной формы *duvaǧı* с уменьшительным суффиксом *-ле* как *столё*, *биволе*, *воле* и др., что не совсем точно, поскольку *-ле* в приведённых примерах суффиксом не является. Возможно, форма *дувалё* — это результат контаминации тур. *duvak* и *tuvalet* 'платье (вечернее)' (из фр. *toilette*), подобно греч. диал. *ντουβαλέτα* [duva'l'éta] 'головной убор (венки) из цветов, собранных на Первое мая; его приносили на голове домой и вечером вешали на входной двери дома, чтобы «хорошо прошёл год и на радость дому»' (Эратира, бывшая Селица, Козани) (Зайковская/Зайковский 2001: 164; см. Νασιόπουλος 167). Следует отметить, что этот балканский туркизм не указывается в известной мне литературе по болгарскому в своей основе помакскому диалекту, ни по арумунским (влашским) и албанским (арванитским) говорам Греции.

К этой же группе соблазнительно было бы отнести и болг. *було* (мн. *буля*) 'вуаль; покрывало; фата (подвенечная)', с производными *булско цвёте* 'раст. *Symphoricarpus racemopus*' (Казанлык); *забуля*, *забулвам*, *забулест* (ЮЗ) и *забулят* '(за птица) с голям качул на очите'; *набуля*; *отбуля*, *отбулвам*; *пребуля*, *пребулвам*; *разбуля*, *разбулвам* (БЕР 1: 89) с богатой фразеологией: *вдигам*, *свалям булото (някому)* 'срывать маску (с кого-л.)', *под булото (на нещо)* 'под прикрытием

(чего-л.)’, *спускам, турям, хвърлям б̀уло (в̀врху нещo)* ‘предавать забвению (что-л.)’, *гледам изпод б̀улото* ‘смотреть из-под покрывала’, *падна ми б̀улото от очите* ‘открылись мне глаза’ (см. Бернштейн 49; Банев/Карагьозова 79). *Було* ‘покрывало невесты’ есть и у болгар Украины, причем Задорожник (1996: 51) указывает, что более древними названиями являются *превез, прекрив, прекривка, чумбер, дувак*. Производными от *було* считаются и болг. *б̀улка* ‘1) молодая, новобрачная’, названная так потому что ей на голову по обычаю возлагают *було*. Слово это обозначает и растение дикий мак ‘кадънка, *Ranunculus rhoeas*’ (поскольку украшено как *було*), *б̀улка г̀ьба* ‘царска г̀ьба, невестинска г̀ьба, *Amanita caesarea*’, *булки* ‘булка г̀ьба; цвете невеста, *Fritillaria imperialis*, див мак’, а также *булче, булчица, еньова (радева, батьова, байнова) булчица* диал. ‘невестулка’, *попова булчица* ‘невестулка; ласка, калугер’, *булкувам* ‘булка сам’ (Русенско), *б̀улкин, б̀улчин, б̀улчини, б̀улчински, б̀улчинство, б̀улча (се)* ‘венчавам (се), женя (се)’, *об̀улчвам (се), об̀улча (се), разб̀улва, разб̀улчвам* (БЕР 1: 89; см. Маринов 657, 675), ср. также макед. *булка* ‘невеста’ (Димитровски 1: 49). БЕР считает слово *було* этимологически неясным, а производное от *булка* ‘невеста’ болг. диал. *б̀улчица* ‘невестулка, ласка’ как «създена като защитна, табуистична дума», ср. также греч. *νύφισσα* 1) зоол. ‘ласка’; 2) бот. ‘цикламен’ — уменьшительная форма от *νύφη* ‘невеста’. Tietze сводит все южнославянские лексемы к турецкому *billa / bulla / bula* ‘госпожа (madonna)’, ‘жена дяди по матери’, упоминаемом ещё до 1533 года, в том числе в словаре Менинского (Meninski) «*Thesaurus linguarum orientalium Turcicae, Arabicae, Persicae...*», изданном в Вене в 1680 году (Tietze 1: 332). Явно заимствованными из турецкого являются болг. *б̀ула* (разг.) ‘замужняя турчанка’, *б̀уля* ‘жена старшего брата (по отношению к младшим) и б̀ульо ‘обращение к женщине среднего или пожилого возраста’ (Бернштейн 49); болг. диал. *б̀уля* ‘жена на по-възрастен брат, братовица; булка, невеста; възрастна жена’ (СИ) (Ботев), с производными *б̀улин, б̀уле, б̀улне, б̀улне ле* (зват. п.) (БЕР 1: 89); болг. диал. *б̀уль ж.* (устар.) ‘туркиня, кадъна, млада ханъмка’ и уменьшительное *б̀улиць*, ср. также *б̀улкъ ж.* ‘1) току-що омъжена жена, 2) снаха, 3) съпруга, 4) годеница, която отива на венчаване, 5) всяка млада жена, 6) детска кукла от парцали, 7) братова жена’ (Войнягово, Карловско) (Ралев 1977: 106); серб. *б̀ула* ‘замужняя турчанка’ (Skok 1: 232–233; Толстой 42), серб. диал. *б̀ула* ‘жена муслиманска’ (Конавли) (Kašić 1995: 129), макед. *б̀ула* ‘турчанка’ (Димитровски 1: 49), венг. *bulya* ‘турчанка’ (XVI в.) (MNYTESz 1: 387–388), алб. *bullë* f. 1) ‘женщина, которая наряжает невесту и сопровождает её в дом жениха’, 2) ‘женщина мусульманка’ (Γκίνης 92;

Паπαφίλης 86); помакское *μούλα* (-να) [bula] ‘старшая сестра’ (Помаки Греции) (Θεοχαρίδης 293); а также греч. диал. *βούλα* (η) ‘турчанка’ (бывший Меленикос, ныне в Болгарии) (Ανδριώτης 1989: 36), греч. диал. *βούλα* (η) ‘тётя’ (Пиерия) (Δούγγα-Παπαδοπούλου/Τζιτζιλής 228), греч. диал. *πούλα* (η) ‘старшая сестра’ (Понт, Малая Азия) (Παπαδόπουλος 1: 222; Τομπαΐδης/Συμεωνίδης 35). В греческом языке слово *μούλα* (η) со значением (в трактовке Криараса) ‘женщина с покрытым лицом, турчанка’ зафиксировано уже в 1642 году: «*επίασαν οι Τούρκοι μία μούλα, πόρνα, μεθύστρια, ζουμποξίδαίνα, μπεζιβέγκισα ... και την επόμπεψαν*» (Κριαράς 11: 132–133), слово это приводится также в словаре Somavera (1709). По мнению Криараса, это слово «происходит вероятно» из *μπάμπουλα* ‘чучело, пугало’, через засвидетельствованное в говорах *μουμπούλα* с «диссимилятивным выпадением», гаплогогией, что конечно же, очень мало- «вероятно».

С одной стороны, в пользу происхождения славянских, греческих и других форм из турецкого свидетельствует болгарское название дикого мака *кадънка* от турецкого *kadın* ‘госпожа’ и сербское диалектное название мака *бӯла* и *цанибула* ‘*Paraver rhoeas* L.’, с объяснением: «*Па була, црвена, црвен цвет, ко була, Туркиња. Турци се буле били. Турци су црвене фесиће носили*» (югозападная Бачка) (Шпис-Ћулум 1995: 439). С другой стороны, есть и греческие названия дикого мака: *πούλοι* ‘птицы’, ед. ч. *πούλος*, который на Кипре называется *πετεινός* ‘петух’, а также растение *πούλες κίτρινες* (букв. ‘птицы жёлтые’) ‘*Sternbergia lutea* L.’ (см. Χελτράιχ 10, 19; 6, 95). То есть возможна ситуация, что греческая форма была заимствована в турецкий с закономерным озвончением начального согласного, а затем через турецкий проникла в балканские языки, как это произошло со многими грецизмами. Но, к сожалению, следует признать, что и эта версия маловероятна.

Основными вопросами, на мой взгляд, являются, во-первых, действительно ли связаны между собой этимологически болг. *було* ‘покрывало невесты’ и *булка* ‘невеста’, а если связаны, то возникает проблема «курицы и яйца», то есть что было первым, какое значение развилось из какого. Некоторые лексико-семантические параллели болг. *було* обнаруживаются в албанском языке и в греческих говорах. В албанском это прежде всего глагол *mbulónj* ‘покрывать’, с вариантами *mbulój* (аог. *mbulova*), *mbloj* ‘to cover, to bury’ и производным существительным *mbulésë* ‘покрывало’. Общепринятой является этимология Мейера от **invēlāre* ‘to cover’ (ср. *velo, -are* ‘закрывать, покрывать’). Чабей считает эту этимологию неудовлетворительной по фонетическим причинам (см. Meyer 267; Çabej 1: 339–340; Сытов 1987:

182). Орел предлагает этимологию от романского **manipulāre* ‘to dig in handfuls’, ср. лат. *manipulus* ‘handful’ (Orel 253). Оставим пока албанские примеры и перейдём к греческим.

В северногреческих говорах встречаем формы *μούλλα* (η) ‘цветной платок, с преобладанием чёрного цвета’, *μπαρμούλλα* (η) ‘чёрный платок, который женщины носят на голове’ с производными глаголами *μπαρμπλίζουμι* и *μπουρμπλίζουμι* ‘носить чёрный платок на голове’, в которых произошло выпадение безударного [u] (с. Гермас Касторья, бывшее Костурско) (Γεωργίου 133, 137); *μπουρμπουλώνουμι* [burbulónumi] ‘повязывать платок, закрывая и рот до носа, чтобы защититься от холода’ (Καταφιγιο Κозани) (Μαργαρίτη-Ρόγκα 76), *μπαρμούλα* (η), *μπαρμούλι* (το) п. ‘платок, которым закутывают голову, закрывая и большую часть лица’ (Καλινδέρης 255; Ντίνας 2: 310), *μπουλώνουμαι* ‘καλύπτομαι την κεφαλήν’ (Эпир) (Αραβαντινός 64), *μπουλώνω* ‘покрывать, укутывать’ (Эпир) (Μπόγας 2: 44), а также *μπαμπουλώνω* ‘покрывать, укутывать’. К этой же группе, вероятно, следует отнести и среднегреческое *μπουλαγιάρι* (το) ‘вид ткани’, с неясной этимологией, ср. «*Ἐστειλα του δύο καλτσόπανα, κομμάτι μπουλαγιάρι κόκκινον*» (Κριαράς 11: 133), учитывая, в частности, тот факт, что традиционно у народов Балкан покрывало невесты было красным; на основе этого произошёл переход значения ‘невеста’ > ‘дикий красный мак, цикламон’ в болгарском и греческом. К греческим формам примыкают и помакские *bulem so -aš* = ‘покрываться (платком и т.п.)’ и *bulenje (-no)* ‘покрывание головы платком’ (Θεοχαρίδης 293).

Форма *μπαμπουλώνω*, так же как и подобные ей *μπαρμπλίζουμι*, *μπουρμπουλώνουμι* и подобные появились, скорее всего, в результате народноэтимологического влияния слов *μπάμπα* ‘бабушка, старуха, повитуха’, *μπάρμπας* ‘дядя’ — *μπαρμούλα* (?) ‘жена дяди’, или же в результате редупликации, поскольку основная форма, как об этом свидетельствуют и помакские формы, была всё-таки на *bul-*. Формы эти вполне могли смешаться с турецкими формами, ср. ещё гагаузское *bulü* ‘1) жена старшего брата; невестка; 2) тётя (по матери); 3) обращение к пожилой женщине’ (Баскаков 1973: 97; Dođru/Каунак 42).

Что касается происхождения греческих (а возможно и албанских) форм, то, похоже, прав Минас, связывающий эти северогреческие формы с формами *μπόλια*, *εμπόλια*, *ομπόλια*, *πόλια* (η) ‘женский головной убор, тонкий платок’, распространёнными в южных греческих говорах (Μηνάς 463), происходящих из венецианского *imboglio* ‘платок’ (см. Κριαράς 11: 123). Совпадение значений и лингвогеогра-

фия распространения этих терминов свидетельствуют в пользу этого предположения⁶. Не углубляясь особо в вопросы греческой лингвогеографии и этимологии, скажем только, что северногреческие формы вполне могли возникнуть под влиянием глагольных форм **μπολώνω* — **μπολώνομαι*, в которых произошёл закономерный для северногреческих говоров переход (сужение) безударного [o] в [u], отсюда формы *μπουλώνου*, *μπουλώνουμι*, *μπαρμπουλώνου* и подобные. Из греческого эти формы вполне могли проникнуть в болгарский, ср. формы болгарского в своей основе диалекта помаков Греции, а также болг. диал. *бъл'ка* 'вид бешмет шапка' (Костурско / Касторья, ныне в Греции) (Шклифов 1977: 214). И ещё один пример удивительного совпадения значений в болгарских говорах и в далеких от Болгарии южногреческих: болг. диал. *б̀лу* с. '1) специально бяло покрывало на девойка при венчаване, булински воал', 2) 'лоева обвивка около стомаха на животно (обикновено на агне)' (Войнягово, Карловско) (Ралев 1977: 106) и греч. диал. *μπόλια* (η) 1) 'головной убор, платок', 2) 'жировые складки брюшины животного' (о. Миконос) (*Κουσαθανάς* 114), *μπόλια* (α) 1) 'женский пиджак'; 2) 'кусок шерстяной или хлопчатобумажной ткани, набрасываемый на голову'; 3) 'большое полотенце'; 4) 'брюшина': *Α φούκα έν' έχα απότσου τα μπόλια* 'желудок извне облечён, окружен брюшиной', синоним к последнему значению — *μαντίλα* 'платок; брюшина' (цаконские селения) (*Κωστάκης* 2: 275). Эти примеры нас выводят на третью группу названий покрывала невесты.

3. Третью группу составляют названия покрывала невесты, которые в то же время значит 'оболочка (брюшная, желудка, плода в чреве), плева, плёнка и т.п.' Уже приводились примеры спорадического развития подобных значений у названий головного убора невесты, такие как гагаузское *duak*. К этой группе следует отнести хорошо представленная в греческих говорах не совсем ясного происхождения лексема /tsipa/⁷, греч. *τσίπα* (η) '1) мембрана, тонкая плёнка; 2) плева, оболочка плода (у беременной); 3) покрывало невесты; 4) чувство стыда', заимствованное в полном объёме значений в албанский *cirë* f.

⁶ В северногреческих говорах нам встретился только один пример, близкий к южным формам: *μπόλι(ι)* (το) 'покрытие головы, платок' (Висалтия, Серры), но автор словаря указывает, что это слово бытует в речи переселенцев (*Πασχαλούδης* 167).

⁷ Андриотис связывает его со словом *σίφα* 'χώρια, перепонка', которое приводится в словаре Гесихия (*Ανδριώτης* 1967: 385), с обычными для греческих говоров историческими изменениями [s] в [ts] и [f] в [p] или [b], как в *σιφλός* > *τσιμπλής*. Некоторые связывают его с дргр. *сүфар* (Luc) 'слинявшая кожа, линовище' (см. *Πιτυκάκης* 2: 1122), в то время как другие считают это слово заимствованием из славянских языков, ср. «τσίπα < tsipa — ципа (σλαβ.)» (*Μαρινόπουλος* 302).

1) ‘мембрана, кожа, кожаца, оболочка, покрытие’; 2) анат. ‘мембрана, плева’, *cipa e vergjërisë* ‘девственная плева’; 3) перен. ‘чувство стыда, честь’, *njeri pa cipë* ‘бесстыдный человек, человек без чести’ (Γκίνης 106–7; Παλαφίλης 100), *cipu/ll, -lli*, т. ‘фата, покрывало, которое набрасывали на невесту’ (Γκίνης 107). Эта лексема частично представлена и в южнославянских языках, в частности в помак. *tšipa (-na)* ‘ципа’ (Θεοχαρίδης 651), в болгарских говорах и в болгарском языке: болг. диал. *цѝпа ж.* 1) ‘ципа, оболочка, плева’: *Шкѐмбата и царѐвата съ зъ̀вити су цѝпа* (Поп.); 2) ‘воал’, *Невестѝцка цѝпа*; фразеологизм *му пукна ципата* ‘няма срам’ (Костурско) (Шклифов 1977: 323), болг. *цѝпа ж.* 1) ‘оболочка’; 2) ‘перепонка’, ср. *дѐвствена цѝпа* ‘девственная плева’ (Бернштейн 707; Банев/Карагьозова 1227) и только один раз, по замечанию Скока⁸, упоминается в старосрб. рукописи XIV или XV века, ср. *цѝпа* 1) устар. ‘перепонка; кожаца’; 2) зоол. ‘конѐк (птица)’ (Skok 1: 268; ср. Толстой 657). Подобное семантическое поле развилось и у греческого *σκεπή* (η) 1) ‘кров, пристанище’, 2) ‘покровительство, защита’, 3) ‘вуаль’, 4) анат. ‘сальник’ и *σκεπή* (η) 1) ‘крыша, кровля’, 2) ‘навес’, 3) ‘колпак’.

Таким образом, видим, что у лексем различного происхождения развивается подобное семантическое поле, то ли развитие семантики идет от значения ‘покрывало (невесты)’, то ли от значения ‘оболочка (внутренних органов)’, конечный результат подобного развития почти один и тот же с небольшими отличиями, ср. болг. диал. *бу̀лу*, тур. *duvak*, гагауз. *duak*, греч. *μπόλια, τσίπα, σκέπη* и т.п. Сходная обрядовая практика, подобное ритуально-мифологическое значение и связи обуславливают развитие подобного семантического поля. При этимологизировании обрядовой лексики следует максимально учитывать факты обрядовой практики, как например в случае с *балец* — это не просто ‘свадебный хлеб’ или ‘большой белый хлеб’, а ‘свадебный большой белый хлеб, который невеста несла, как правило, на голове, затем разламывала и раздавала родственникам жениха’. На подобные детали часто, к сожалению, не обращается внимание даже в этнографической и этнологической литературе. Здесь нужно ещё учесть, что как покрывало невесты, так и свадебный хлеб, пирог типа *гибеницы, гбаника*, курица и т.п. служили ритуальным заместителем, двойником невесты и ритуальное угощение этими блюдами можно расценивать как воспоминание о ритуальном коллективном *coitus*’е с невестой (об этом см. Зайковский 1998). Кроме того, как известно, в этимологических

⁸ Как указывает Скок, «Nema potvrda iz današnjih govora. Balkanska riječ: arb. *cipë*, нгр. *τσίπα* ‘membrana’, bug. *cipa*, cig. *cipa*» (Skok 1: 268).

изысканиях в языках Балкан, как правило, нельзя ограничиться рамками только одного языка и это, опять-таки, в первую очередь касается обрядовой терминологии и вообще народной терминологической лексики, когда в некоторых случаях заимствуется лексема с полным семантическим инвентарем, иногда же только с некоторыми или даже одним значением. Бывают случаи, когда промежуточные звенья утрачиваются, как это произошло во многих греческих говорах с лексемой *τσίπα*, когда значение 'вуаль, покрывало невесты' (которая служила знаком её девственности, чести, стыда, ср. укр. *цнота*) было утрачено или же не зафиксировалось и значение 'стыд, честь' рядом со значением 'плёнка на молоке и т.п.' стало совершенно непонятным. Это дает повод для народноэтимологических попыток объяснения этой связи и заполнения подобных зияний, как в случае с греч. диал. *ατσίπωτον τυρίν* 'бесстыдный сыр, потому что обезжиренный, значит, у того, кто делает подобный сыр, не ни стыда ни совести'.

Источники

- Банев/Карагьозова** — Генчо Банев, Нели Карагьозова, *Βουλγαρο-ελληνικό λεξικό. Българско-гръцки речник*, Αθήνα 2003.
- Баскаков 1973** — Н. А. Баскаков (ред.), Г. В. Гайдаржи, Е. К. Колца, Покровская, Б. П. Тукан, *Гагаузско-русско-молдавский словарь*, Москва.
- Баскаков 1977** — А. Н. Баскаков и др., *Турецко-русский словарь*, Москва.
- Бернштейн** — С. Б. Бернштейн, *Болгарско-русский словарь*, Москва 1986³.
- Борисенко 1988** — В. К. Борисенко, *Весільні звичаї та обряди на Україні*, Київ.
- Борисенко 1996** — В. К. Борисенко, *Весільні звичаї та обряди греків Приазов'я, Під одним небом: Фольклор етносів України*, Київ, 69–78.
- Васева 2002** — Валентина Васева, *Жената-птица в семейните обреди на българите, Обичаји животного циклуса у градској средини*. Београд, 163–197.
- Гаркавец** — Олександр Гаркавец, *Урумський словник*, Алма-Ата 2000.
- Грінченко** — Б. Грінченко, *Словарь української мови 1–4*, Київ 1907–1909.
- Даль** = Даль².
- Дворецкий** — Д. Дворецкий, *Латинско-русский словарь*, Москва 1976.
- Десницкая** — Агния Десницкая, *Славянские заимствования в албанском языке*, Москва 1963.
- Димитровски** — Тодор Димитровски (ред.), *Речник на македонскиот јазик 1–3*, Скопје 1961–1966.
- Задорожнюк 1996** — Н. І. Задорожнюк, *Весільна обрядовість болгар, що живуть в Україні, Під одним небом. Фольклор етносів України*. Київ, 45–55.
- Зайковская 1998** — Татьяна Зайковская, *Невеста-птица 1. Перелет в иной мир, Кодови словенских култура, 3. Свадба*, Београд, 42–58.
- Зайковская/Зайковский 2001** — Т. Зайковская, В. Зайковский, *Этнолингвистические материалы из Северной Греции (с. Эратира, округ Козани), Иссле-*

- дования по славянској диалектологији. 7. Славянская диалектна лексика и лингвогеографија, Москва, 152–181.
- Зайковский 1998** — Виталиј Зайковский, Невеста-птица 2. Communio-coitus, Кодови словенских култура 3. Свадба. Београд, 59–79.
- Зеленин** — Д. К. Зеленин, *Восточнославянская этнография*, Москва 1991.
- Керимова 1995** — М. М. Керимова, Покушај реконструкције традиционалне народне ношње са простора бивше Југославије прве половине XIX века (по архивским материјалима И. И. Срезњевског), *Расковник* 79–80, Београд, 67–86.
- Лисенко** — П. С. Лисенко, *Словник поліських говорів*. Київ 1974.
- Маринов** — Димитър Маринов, *Народна вјера и религиозни народни обичаји*, Софија 1994.
- Маслова** — Г. С. Маслова, *Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в.*, Москва 1984.
- Матейко** — Катерина Матейко, *Український народний одяг: Етнографічний словник*, Київ 1996.
- Радлов** — В. В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий = Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialekte* 1–4, С.-Петербург 1893–1911 (reprint, The Hague 1960).
- Ралев 1977** — Лило Ралев, Говорът на село Войнягово, Карловско, *Българска диалектология* VIII. Софија, 3–199.
- Сытов 1987** — А. П. Сытов, Латинские элементы в глагольной системе албанского языка, *Romano-Balkanica (Вопросы адаптации латинского языкового элемента в балканском ареале)*, Ленинград, 171–201.
- Толстой** — И. И. Толстой, *Сербскохорватско-русский словарь*, Москва 1982.
- Филиповић** — Миленко С. Филиповић, *Живот и обичаји народни у Височкој Нахији*, Београд 1949.
- Шклифов 1977** — Благој Шклифов, Речник на костурскиј говор, *Българска диалектология* VIII. Софија, 201–327.
- Шпис-Ћулум 1995** — Марија Ј. Шпис-Ћулум, Фитонимија југозападне Бачке, *Српски дијалектолошки зборник* 41, Београд, 397–490.

*

- Çabej** — Eqrem Çabej, *Studime etimologjike në fushë të shqipës* 1–3, Tiranë 1976–1987.
- Doğru/Kaynak** — Abdülmecit Doğru, İsmail Kaynak, *Gagauz Türkçesinin Sözlüğü*, Ankara 1991.
- Eren** — Hasan Eren, *Türk dilinin etimoloji sözlüğü*. 2. Baskı. Ankara 1999.
- Eyuboğlu** — İsmet Zeki Eyuboğlu, *Türk dilinin etimoloji sözlüğü*, İstanbul 1991.
- Kašić 1995** — Zorka Kašić, Govor Konavala, *Српски дијалектолошки зборник* 41, Београд, 241–396.
- Meyer** — G. Meyer, *Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache*, Strasbourg 1891.
- MNyTESz** — *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára* 1–4, Budapest 1967–1984.

- Moutsos 1983** — Demetrios Moutsos, Latin *casula* and Balkan κατσoυδλa, *Zeitschrift für Balkanologie* 19/1, Wiesbaden, 48–65.
- Orel** — Vladimir Orel, *Albanian Etymological Dictionary*, Leiden / Boston / Köln 1998.
- Redhouse** — James William Redhouse, *Türkçe/Osmanlıca-İngilizce sözlüğü*, 18th ed., İstanbul 2000.

*

- Ανδριώτης 1989** — Νικόλαος Π. Ανδριώτης, *Το γλωσσικό ιδίωμα του Μελένικου*. Επιμέλεια, πρόλογος, εισαγωγή Ε. Παπαδοπούλου — Χρ. Τζιτζιλί, Θεσσαλονίκη.
- Αραβαντινός** — Παναγ. Αραβαντινός, *Ηπειροτικόν γλωσσάριον*, Αθήναι 1909.
- Γεωργίου** — Χρίστος Γ. Γεωργίου, *Το γλωσσικό ιδίωμα Γέρμα Καστοριάς*, Θεσσαλονίκη 1962.
- Γκίνης** — Νίκος Χ. Γκίνης, *Αλβανο-Ελληνικό Λεξικό. Fjalor Shqip-Greqisht*. Επιμέλεια Γεώργιος Δ. Καψάλης, Ιωάννινα 1998.
- Δούγα-Παπαδοπούλου/Τζιτζιλής** — Ευανθία Δούγα-Παπαδοπούλου, Χρήστος Τζιτζιλής, *Το γλωσσικό ιδίωμα της ορεινής Πιερίας: Λεξιλόγιο — Παραγωγικό*, Θεσσαλονίκη 2006.
- Zaikovska 2002** — Tatiana Zaikovska, *Έλληνες του Καυκάσου και της Ουκρανίας της τέως Σοβιετικής Ένωσης: διαβατήρια έθιμα (γέννηση — γάμος — θάνατος) και παραμυθιακή ύλη (διδασκτορική διατριβή)*, Αθήνα.
- Θεοχαρίδης** — Πέτρος Δ. Θεοχαρίδης, *Πομακο-ελληνικό λεξικό*, Θεσσαλονίκη 1996.
- Καλινδέρης** — Μ. Καλινδέρης, *Ο βίος της Κοινότητας Βλάστης επί Τουρκοκρατίας*, Θεσσαλονίκη 1982.
- Κουσαθανάς** — Παναγιώτης Κουσαθανάς, *Χρηστικό λεξικό του ιδιώματος της Μυκόνου: παραρτημα με ονόματα; παρωνύμια; τοπωνύμια και χάρτες*, Ηράκλειο 1996.
- Κυριακίδου-Νέστορος** — Άλκη Κυριακίδου-Νέστορος, *Λαογραφικά μελετήματα*, Αθήνα 1975.
- Κωστάκης** — Θανάσης Π. Κωστάκης, *Λεξικό της τσακόνικης διαλέκτου 1–3*, Αθήνα 1986–1987.
- Μηνάς** — Κωνσταντίνος Μηνάς, *Μελέτες νεοελληνικής διαλεκτολογίας*, Αθήνα 2004.
- Μαργαρίτη-Ρόγκα** — Μ. Μαργαρίτη-Ρόγκα, *Οροι υφαντικής και ενδυμασίας Καταφυγίου (νομός Κοζάνης)*, *Ελληνική διαλεκτολογία* I, Θεσσαλονίκη 1989, 73–80.
- Μαρινόπουλος** — Ευάγγελος Χ. Μαρινόπουλος, *Ξενικές επιδράσεις στην ελληνική γλώσσα*, [Δράμα] 1995.
- Μπόγκας** — Ευάγγελος Αθ. Μπόγκας, *Τα γλωσσικά ιδιώματα της Ηπείρου 1–2*, Ιωάννινα 1964–1966.
- Νασιόπουλος** — Ιωάννης Π. Νασιόπουλος, *Λαογραφικά Εράτυρας: Έθνη — Έθιμα — Παραδόσεις — Δοξασίες*, Θεσσαλονίκη 1993.
- Νικολαΐδης** — Κ. Νικολαΐδης, *Ετυμολογικόν λεξικόν της κουτσοβλάχικης γλώσσας*, Αθήναι 1909.

- Ντίνας** — Κώστας Δ. Ντίνας, *Το γλωσσικό ιδίωμα της Κοζάνης Α'-Β'*, Κόζανη 2005.
- Παπαδόπουλος** — Α. Α. Παπαδόπουλος, *Ιστορικών Λεξικόν της Ποντικής Διαλέκτου 1-2*, Αθήνα 1958-1961.
- Παπαφίλης** — Κωνσταντίνος Γ. Παπαφίλης, *Αλβανο-Ελληνικό λεξικό*, Αθήνα (β.γ.).
- Πασχαλούδης** — Νίκος Α. Πασχαλούδης, *Τα τερπνιώτικα και τα νιγριτινά. Ένα γλωσσικό ιδίωμα της Βισαλτίας Σερρών*, Αθήνα 2000.
- Πιτυκάκης** — Μανώλης Ι. Πιτυκάκης, *Το γλωσσικό ιδίωμα της Ανατολικής Κρήτης 1-2*, Αθήνα 1983.
- Τομπαΐδης/Συμεωνίδης** — Δ. Ε. Τομπαΐδης, Η. Π. Συμεωνίδης, *Συμπλήρωμα στο Ιστορικών Λεξικόν της ποντικής διαλέκτου του Α. Α. Παπαδοπούλου*, Αθήνα 2002.
- Χελτράιχ** — Θεόδωρος Χελτράιχ, *Λεξικό των δημωδών ονομάτων των φυτών της Ελλάδος, με επιστάσια και συμπληρώσεις Σπυρίδωνος Μηλιαράκη*, Αθήνα 1980.

Tatjana Zajkovskaja (Nicosia)

The etymology of ritual folk terms: linguistic reconstruction and extralinguistic data

Summary

In etymologising terminology related to folk rituals false conclusions are often drawn if it is based solely on linguistic facts, without considering extralinguistic data, which in many instances help to corroborate an existing interpretation or to propose a new one. This is true especially of designations belonging to the same semantic group and showing a similar motivation in different languages, e.g. bridal hats metaphorically designated as bird's crest or tuft, the names of wedding pies, etc. An isofunctionality of ritual objects might lead to their homonymy, by a name transfer from one to the other (e.g. Ukr. *baléc'*), or by parallel developments, as in the cases of bridal hats and wedding pies mentioned above, both bearing, in Slavic languages, names derived from the same root **gъb-/*gyb-*.

tatianaz@ucy.ac.cy

ISBN 978-86-7025-451-0, (2007), p. (171–208)

УДК 811.16'373.6

811.16'373.22.257.7

Виталий Зайковский (Никозия)

Этимология, этнолингвистика и языковые контакты славянских с греческим, другими балканскими и тюркскими языками

В статье делается попытка сформулировать некоторые общие проблемы, касающиеся интерпретации результатов языковых контактов славянских с неславянскими этноязыковыми группами Юго-Восточной Европы (ЮВЕ), в том числе и тюркоязычными. Архаические заимствования из славянских в балканские языки показывают, что языковая система славян, пришедших на Балканы в начале второй пол. I тысячелетия, находилась ещё в состоянии до коренной её морфофонологической перестройки, с отражением «постбалтославянского» фонетического характера долгих и кратких гласных: \bar{a} и $\check{a} = A$, \bar{e} и $\check{e} = E$, \bar{i} и $\check{i} = I$, \bar{y} и $\check{y} = U$, сочетаний VSC как с плавными, так и с носовыми сонорными и т.п. Эти данные дают основание для пересмотра понятия о праславянском языке указанного периода и реконструируемых праславянских форм.

Ключевые слова: праславянский язык, языки Юго-Восточной Европы, языковые контакты, архаические заимствования, духовная культура, названия демонологических персонажей.

Для удобства изложения в статье используются два рабочих термина — *лингвосистема* (ЛС) и *гиперлингвосистема* (ГЛС). Под ЛС подразумевается языковая система любого уровня — от говора (в том числе и подговора) до языка в их устной или письменной форме. Под ГЛС — комплекс, синтез определённых характерных для ряда ЛС базовых черт и тенденций, независимо от того возникли ли они в результате генетического родства или тесного языкового союза. Таким образом, можно говорить о разного уровня и разного происхождения ГЛС: (пра)славянской, урало-алтайской, балканской, кипрской и других. Праславянский язык-основа в данной статье рассматривается как ГЛС, включающая ЛС различного уровня и различной интенсивности взаимодействия как между собой, так и с ЛС иного структурного устройства.

Следует также учитывать инерционные процессы развития общих для ГЛС «первоначальных толчков», продолжавших определённое время действовать и после утраты тесного контакта между

ЛС или подсистемами, развивајућимися в самостоятельные ЛС. В некоторых случаях «субстратные» тенденции или внешние толчки могут коренным образом изменить состояние ЛС, катализируя определённые тенденции и перестраивая внутренние процессы. Так произошло в болгарском с разрушением базовой для славянской ГЛС флективной системы и интенсивным развитием аналитических структур.

История языковых контактов. Контакты славян с греческими, романскими, тюркскими, финно-угорскими и другими этноязыковыми группами начинаются очень рано, очевидно, когда они ещё пребывали на их теоретической прародине. Нет сомнения, что славяне имели контакты не только с греческим населением Северного Причерноморья, но и с тюркскими и мажарскими племенами как с восточно-тюркскими племенами причерноморских степей (см. Добродомов 1974), так и пришедших в ЮВЕ в составе войска Атиллы. Вполне возможно, что «скифы» Паннонии, которых посетил византийский историк и дипломат Приск Панийский в 448 г. по дороге к ставке Атиллы, были славянами или населением, имевшим с ними тесные культурные и языковые контакты. Об этом могут свидетельствовать названия и описание двух напитков, которыми местное население угощало путешественников «из Греков в Гунны»: аналогичный вину напиток *μέδος* — *médos* и приготавливаемый из ячменя *kámos* ~ *kámon*¹. Сюда же относится также *strava* ‘dawn, поминальная

¹ Что касается *μέδος* — *médos*, то слово это действительно и.-е. происхождения (**médh-ǵ*), и могло быть заимствовано из других и.-е. языков; вопрос в том, изготавливали ли носители этих ЛС хмельной напиток из мёда. Второй напиток по описанию похож на квас (ср. в тюркских языках *куас*, *кувас*), но это славянское название трудно согласуется фонетически с *kámos* ~ *kámon* Приска. Фонетически более подходит тюрк. *кумыс* ~ *кымыс* ~ *кымыз* ‘напиток (хмельной) из кислого кобыльего молока’, но не совсем согласуется семантически. Впрочем, похоже, что тюрк. *qit/qut-/çit-/çot-* означало ‘бродить (о напитках), (хмельное) брожение’, ср. шор. *кымнак*, *кыбынак*, телеут. *кымынак*, бараб.-тат., сагай. *кумнак*, *кумад*, *кумунак* ‘хмель; шишка хмелевая’ из *кым/кум* + *лак* (Radloff II:852–854), чуваш. *çätla*, *çotla*, тюрк.-булг. **çutlaγ* ‘Норфел’, откуда вогул. *kumliç*, венг. *kömölö*. С восточно-тюркскими формами связывают и псл. **chъmelъ* < **çumelī*, а также сгр. *χουμέλη* ж., *χουμέλι* с. ‘хмель’; лат. *humulus* и др. (см. Vasmer 3:251; Svane 1992:305; Hinrichs 1999:641); ср. *χούμελι* с. ~ *χούμελη* ж. ‘хмель, вид алкогольного напитка’: σκέρα δέ ἐστὶ πᾶν τὸ ἀνευ οἴνου μέθην ἐμποιοῦν, οἷά ἐστιν ἃ ἐπιτηδεύουσιν ἀνθρώποι, ὡς ἡ λεγομένη χούμελι, καὶ ὅσα ὁμοίως σκευάζονται (Du Cange 1688:1758), «*χούμελη*, ἢ (χορτάρι): Lupolo (herba)» ‘хмель (*Humulus lupulus*)’ (Somavera 1709:448), нгр. диал. *χουμελιάζει* ‘увариваться, перевариваться’ (Эпир) (Αραβαντινός 1909:97; Μπούκας 1:434; см. Μηνάς 2004:467; Καραποτόσογλου 2005:115–117). Как видим, сгр. формы отражают псл. краткие *ǵ* и *ī*: *χουμέλι* ~ *χούμελη* < **chъmelī* > **chъmelъ*. Колелания в роде в сгр. словах связано с тем, что в эту эпоху греческие окончания женского -η и среднего рода -ι уже произносились одинаково как [i].

тризна⁷ в описании погребения Атиллы² готским историком Иорданом, который, очевидно, использовал несохранившийся текст Прииска³ (см. Blockley 1981–1983; Кобычев 1973:141; Топоров 1990:41; Schenker 1996:6). По мере продвижения славян в V–VI в. на Балканы, они начинают усиленно контактировать с т.н. автохтонным населением: предками нынешних румын, арумын, и других романоязычных этносов, албанцами, греками, а также с тюркоязычными племенами (аварами, булгарами, печенегам, узам, сургучам, торкам), рано проникшими на Балканы через Восточную Европу, т.е. через те же причерноморские степи (см. Баскаков 1962:219–221; Десницкая 1990:5–7; Ivić 1972; Hinrichs 1999:619). Кроме того, следует также учитывать, что ко времени прихода славян на Балканах гипотетически могло ещё существовать автохтонное население, говорящее на т.н. палео-балканских языках⁴, ср. напр., дакором. *şchiau*, мн. *şchei* ‘славянин’⁵ < псл. **s(k)lavěn-* (см. Hinrichs 1999:619–620, 624 < Duridanov 1993:9). О ранних контактах свидетельствует также значительный пласт славянских фонетических и морфологических архаизмов в балканских ЛС (см. Duridanov 1977, 1993; Hinrichs 1999:623, 624).

Синтез языковых кодов: билингвизм, мультилингвизм. Судя даже по имеющимся скудным данным, уже в раннюю

² «*Postquam talibus lamentis est defletus, stravam super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti comessatione conselebrant...*» (“*De getarum origine et rebus getis*”, Cap. 49; цит. по Топоров 1990:41). В. Н. Топоров приводит для сравнения только псл. **traviti* в знач. ‘кормить’, ‘питать’, стсл. **травити** **сѣтѣшол**, србхрв. **травити**, чеш. *trávití, trava*, из **trou-/treu-/tru-* (там же), что не совсем корректно. Более точен и осторожен А. Шенкер, которому трудно возразить, что «modern Slavic *strava* comes from Proto-Slavic *īiz-trāuā* (root *trāu-* ‘digest, use up’), and it is absolutely unthinkable for Proto-Slavic *ī* not to have been perceived as a full vowel in the fifth or sixth century» (Schenker 1996:6). Но можно предложить решение, которое, возможно, годится и для другого заимствования в греческий из балканского поздне-праславянского: **σβάρνα** ‘борона’ < **īiz-bārnā*. Оба случая можно объяснить восприятием греческим ухом начального (прото-славянского) *ī* как артикля ж. р. ед. ч. η [i], т.е. **īiz-trāuā* > η **στράβα**, **īiz-bārnā* > η **σβάρνα**.

³ Кобычев (1973:141–142) приводит ещё ряд слов, упоминаемых в источниках первой пол. I тыс. н.э., «принадлежность которых к славянскому языку почти неоспорима». Критический анализ этих примеров выходит за рамки данной статьи.

⁴ О древних балканских языках см. обобщающую работу: Katičić 1976.

⁵ Отметим также, что в документах архива албаноязычной (арванитской) общины острова Идры (Греция) фамилия **Σκλάβου** отмечена и в диалектной форме **Σκουάβη**; эта же форма **σκουάβη** зафиксирована и в арванитском фольклоре. Произшла она, по мнению Т. Йохаласа, в результате характерного для албанского говора Идры выпадения **λ** [l] и развития **ου** [u] (Γιοχάλας 1, 2006:128–129). Точнее говоря, речь идёт о лабиализации [l] и преобразовании его в губно-губной [w] или гласный [u], фонологическом процессе, отмечаемом и в других ЛС ЮВЕ.

эпоху у представитељей населенія ЮВЕ, в особенноти у пришедших на Балканы славян, существовал развитый билингвизм и даже мультилингвизм. Свидетельством этому может служить зафиксированная в «Чудесах Святого Димитрия» история о некоем Мавросе (Μαῦρος). В конце VII в. (~680 г.) он явился к властям Салоник и на безукоризненном греческом заявил о том, что он обладает всеми данными, чтобы управлять лагерем переселенцев-одноплеменников, которые только лишь прибыли на отчие земли из какой-то далёкой страны и поселились западнее Салоник в районе Верии (Βέρροια) (см. Lemerle 1979:227–234; Μαλιγκούδης 2006:197–199). Оставляя в стороне вопрос об этнической принадлежности претендента, который в данном случае не столь важен, укажем только, что одним из существенных качеств, которыми он обладал, было знание четырёх языков: греческого, латинского, славянского и тюрко-булгарского: *τινὰ τῶν ἀρχόντων ἔξοχον ὄντα καὶ πανούργον ἐν πᾶσι, καὶ τὴν καθ' ἡμᾶς ἐπιστάμενον γλῶσσαν καὶ τὴν Ρωμαίων, Σκλάβων καὶ Βουλγάρων* (Lemerle 1979:229 [291]).

Другим примером может быть сообщение Константина Багрянородного о том, что император Михаил III (842–867 гг.) принял делегацию славян, прибывших из административной области (ἀρχοντία), находящейся западнее Салоник. Славяне эти прибыли из района, который назывался *Σουβδελιτία*, чтобы заявить о своем раскаянии за то, что они восстали против императора и укрылись на горе в той местности, где они проживали. Ф. Малингудис предполагает, что гора, на которой нашли убежище восставшие славяне, — это Вермио (Βέρμιο), а само название *Σουβδελιτία* происходит из латинского префикса *sub* ‘под’ и субстратного фрак. *del* ‘гора’⁶ (Μαλιγκούδης 2006:206–208). В славянской передаче это должно было бы быть *Подгорье* или *Загорье*⁷ и подобные топонимы славянского происхождения часто встречаются в Греции: *Ζαγορά*, *Ζαγαρά*, *Ζαγαράς*, *Ζαγάρενα*, *Ζαγόρι(ον)*, *Ζαγόριανη*, *Ζαγορίσιοι*, *Ζαγορίτης*, *Ζαγοριτσάνη*, *Ζαγοριώτη*, *Ζαγόρτσα*, *Ζαγουριάνοι*, *Πογδόρα*, *Πογδόριανη*, *Ποδογόρα*, *Ποδογορά*, *Ποδογόργιανη*, *Ποδογυρά* и др. (см. Vasmer 1941 *passim*). Если пред-

⁶ По мнению В. М. Иллича-Свитыча, термины горного ландшафта, в том числе псл. **děľь* ‘горная цепь, хребет, гора’, в слав. языках являются или заимствованиями, или новообразованиями. Эту же точку зрения поддерживают и другие исследователи (С. Б. Бернштейн, Ф. П. Филин), указывающие на переносное употребление таких терминов как **gora*, **chrъbьtь*, рус. *гребень* и т.п. (см. Кобычев 1973:137).

⁷ Кстати говоря, *Загорой* (*Ζαγορά*) называлась в византийских источниках (Symeon Magister 655,5) территория от Сидера (Западная Странджа) до Делвето, запустевшая в это время, которую в том же IX в. императрица Феодора (830–856 гг.) подарила болгарскому царю Борису за принятие христианства (см. Thavoris 1975a:192).

положение Ф. Малингудиса правильно, то речь идёт о синтезе элементов четырёх ЛС: греческой (общение с императором), славянской, романской и субстратной фракийской. Подобную этноязыковую ситуацию хорошо отражает византийский «этноним» *Βουλγαραλβανιτοβλάχος* ‘булгароалбановлах’ (LBG 1:290).

Копирование из славянских ЛС в средневековых греческих источниках. Ряд славянских генетически или адаптированных слов в письменной фиксации появляется уже в ранних средневековых греческих (византийских) письменных памятниках VIII–XII вв., напр., *ἄσβος* ‘ein Tier’, *βάλτα* / *βάλτον* / *βάλτος* (slav. *blato*) ‘Sumpf’, *βεδούριον* (slav. *vědro*) ‘Eimer’, *βουλκόλακα(ς)* / *βουρκόλακος* и др. ‘Gespenst, Vampir’, *βοεβόδας* / *βοεβόδος* (slav. *vojevoda*) ‘Heerführer, Anführer, Oberhaupt, Vojvode’, *βογάτος* (slav. *bogatiŭ*) ‘reich’, *βόγος* / *Βογ* (slav. *bogŭ*) ‘Gott’, *ζάκανον* (slav. *zakoniŭ*) ‘Gesetz’, *κράλης* ‘Titel König’, *κουνάδιον* (< slav. *kuna*) ‘Marder (fell)’, *λοβίνα* (bulg. *lovina*) ‘ein berausches Getränk’, *μουδουβίνα* ‘Honigwasser’, *ρίσος* (asl. *rysŭ*) ‘Luchs, Panther’, *στούμπον* (aslav. *stapa*) ‘Mörser’ и многие другие (см. соответствующие статьи в словарях Э. Криараса, Э. Траппа, где приводятся источники, а также Triandaphyllidis 1909:151=1963:453; Budziszewska 1990; Hinrichs 1999:641).

Следует заметить, что не все слова славянского происхождения или в славянской форме, встречающиеся в византийских текстах, можно характеризовать как заимствования. Некоторые из них, очевидно, не употреблялись в разговорном среднегреческом. В текстах они встречаются как экзотизмы, при описании славянских местностей, народов, обычаев и т.п., как напр., восточнославянские названия днепровских порогов и другие славянские топонимы типа *Λεσνήκ* (город в Сербии) у Константина Багрянородного (De Adm. Imp. 32/150), слова типа *λέσα* < болг. *леса*, *μουδουβίνα* < **medovina* и др.

Подобные слова требуют поиска и проверки на материалах современных н.-греч. говоров. Так, стр. *ἄσβος* м., которое в словаре под редакцией Э. Траппа даётся со значением ‘какой-то зверь’, хорошо засвидетельствовано в современном нгр. и его говорах: *ασβός*, *ἄσβος* м. ‘барсук’ (Хориков/Малев 143); *ασβός* ‘всеядное млекопитающее с короткими лапами, которые заканчиваются твёрдыми, приспособленными для рытья когтями, с острой мордой и сероватой шерстью, которое обычно живёт в подземных ходах’ (INEΣ 214); нгр. диал. *ἄσβος* (Вифиния, Эпир, Пелопоннес), *ἄσβους* (Эпир: Загори; Фессалия; Макед.; Центр. Греция, Этолия), *γιάσβους* ~ *ιάσβους* ~ *ἄσβιος* ~ *ἄζος* (Макед.), *οσβός* (Пелопоннес), *ασβούύ* (Фессалия: Каламбака), *αζός*, *χάζος* (Аттика), *εσβός*, *έσβος* (Левкада; Пелопоннес), *έσβους* (Эпир;

Центр. Греция), *έσγους* (Макед.), *έζους* (Макед.: Касторья), уменьш. *ασβούδι* (ΙΑΝΕ 3:155–6; Χαντζιάρας 1995), а также *άζβους* и *αζβέλ* (Макед.: горная Пиерия) (Δούγα-Παπαδοπούλου/Τζιτζιλής 2006:158). Относительно этимологии этой лексемы (ΙΑΝΕ 3:154) отсылает к сгр. *ἄσβος* и статье М. Стефанидиса, который предполагает его происхождение из дгр. *ἄψοος* ‘zygaena ampelophaga’ «θηρίον τι κατεσθίον τὰς ἀμπέλους» (Гесих.) (Στεφανίδης 1918:72–73; Ανδριώτης 39). Словарь Института новогреческих исследований (Салоники) выводит его из слав. *jazv(a)*, приводя для сравнения болг. *jazovets* (ΙΝΕΣ 214), а Э. Дуга-Пападопулу и Х. Дзидзилис, со ссылкой на Г. Майера и Ф. Миклошича, — из псл. **jazvь* ‘барсук’, указывая рус. *jazvo* (Δούγα-Παπαδοπούλου/Τζιτζιλής 2006: 89). Действительно, в славянских языках зафиксированы рус. диал. *язвѣц*, *язвó*, *язвѣк*, болг. *язовец* ‘барсук’, друс. и сцсл. *jazvь* ‘χοιρόγρυλλος, eginaceus’ из псл. **jazvь*, **jazvьсь* ‘живущий в норе’, ср. псл. **jazva*, **jazvina* ‘пещера’ (Vasmer 3:489; Фасмер 4:550). Греческие варианты фиксируют бессуффиксальную форму, в то время как в большинстве славянских ЛС получила распространение форма на суффикс *-ьс-*. Кроме того, нгр. диал. *έσγους* и в особенности *έζους* (*έζης*) ‘*hystrix cristata*’ (Макед.: Касторья), очевидно, также являются славянским заимствованием, но другим — от псл. **ježь*, ср. нгр. диал. *έσγιους*, *γιέζιους* [jéž’us] ‘ёж’ (Макед.: Козани, Эратира) (см. Зайковская/Зайковский 2001:153), а также топоним в Македонии *Έζιοβα* [’Ežova] ~ *Έζιουβα* [’Ežuva] ~ *Έζ(ι)βα* ~ *Νιζβά* (старое название сел. *Δάφνη*) (Серры, р-н Висалтии [Нигрита]) (Πασχαλούδης 2000:91, 175). М. Фасмер приводит исторически зафиксированные формы этого топонима: *Εζοβά*, *Εζιβών*, *Εζιοβαί*, *Εζεво* у Кънчева, а также указывает топоним *Εζεβά* в Фессалии, упоминаемый Анной Комниной, но не приходит к определённом выводу о его этимологии (Vasmer 1941:216). Следует также отметить, что среднегреческая, как и некоторые новогреческие диалектные формы не отражают начального (протетического) [j], что может свидетельствовать, наряду с отсутствием суффикса, о древности этого славянского заимствования. Однако, при широкой распространённости этого зоонима в новогреческих говорах, пока не удалось обнаружить его в других балканских ЛС.

Относительно среднегреческих слов есть также ряд вопросов чисто методологического характера в плане исторического или генетического источника заимствования: считать ли, напр., формы *βοεά-νος* / *βοάνος* ‘Ban (kroatischer Gebietsvorsteher)’ заимствованием из слав. **bojanь* или из тюрк. *bān*, как в словаре Э. Траппа (LBG 1:283); *κούρβα* ‘Sattbogen’ из слав. *kurva*, как считают М. Триандафиллидис

и И. Шевченко, или из лат. *curvus*, как указывает тот же словарь; то же самое касается слов *κνεῖς*, *Βάραγγος* и т.п. С другой стороны, славянские по происхождению слова могли войти в византийские источники при посредничестве других ЛС. Так, Константин Багрянородный, говоря о мадьярах-венграх (*τὸ τῶν Τούρκων ἔθνος*) в его «Об управлении империей», указывает, что первым воеводой (*βοέβωδος*) у них был *Λεβεδίας*. А. М. Рот предполагает, что Багрянородный черпал сведения о венграх и их воеводе Леvedие не из восточнославянских, а из византийских и арабских источников, а также основывался на результатах его встреч с правнуком Арпада — Термачу и венгерским карханом Булчу⁸. На основании этого предполагается, что *βοέβωδος* вошло в византийский текст не непосредственно из древнерусского, а через венгерский (мадьярский), а уже венгерские формы *vajda ~ vajada ~ vajavado ~ vojovoda ~ vojada ~ vojavodo ~ vojda ~ vajoda ~ vajavoda* ‘dux, princeps; воевода’ (с 1193 г.) из друс. (южн. д. ареала) **ВОЕВОДА** (XI в.) — ср. рус. *воевода*, укр. *воєвода*, белор. *воевода*, болг. *войвода*, србхрв. *војвода*, слов. *vóJVoda*, чеш. *vevoda*, польск. *wojewoda*, словц. *vojvoda* (Рот 1973:244–245). Некоторые формы были, вероятно, действительно заимствованы в мадьярские говоры из древнерусского языка в VIII–IX вв. до прихода мадьяров в Паннонию, но в утверждении А. М. Рота есть одно слабое место — ни в одной из приводимых им венгерских форм нет гласного [e], что естественно для урало-алтайских ЛС с характерной для них гармонией гласных. Предположение о том, что сгр. *βοέβωδος* было зафиксировано Багрянородным из венг. *vojovoda*, при наличии значительно более близкого по форме друс. **ВОЕВОДА** в данном случае сомнительно, хотя это могло бы объяснить окончание *-ος* в приводимой Багрянородным форме (*vojovodo?*), в отличие от *-ας* в других сгр. текстах. Тем не менее, похоже, что сгр. *βοέβωδος*, *βοέβωδας*, *βειβόδας*, *βοιβόδας*, *βοιβονδας*, *βοιβόνδας*, *βοιβόντας*, *βοβώδας* были скопированы из разных славянских ЛС, а может быть и при посредничестве не-славянских. То же самое касается происхождения этого славянского по происхождению слова в других ЛС. По мнению А. М. Рота, дако-рум. *voivod ~ vovod ~ vodă*, как и молд. *воєвода* заимствованы из др.-рус. языка. Что касается тур. *voyvoda*, *vayvoda*, и производного *voyvodalik*, достигших даже отдалённого Кипра⁹, то оно могло быть заимствовано

⁸ Как указывают Г. Г. Литаврин и А. П. Новосельцев, рассказ Багрянородного действительно мадьярского происхождения (Багрянородный 391).

⁹ В библиографии по этому слову обычная проблема неконкретности ЛС-источника — «Slav voyvoda» (Redhouse 2153; Süleymanoğlu Yenisoy 1998:199), «İslavca Voyevoda» (Hakeri 2003:307).

как при византийском посредничестве, так и непосредственно из южнославянских языков. Как известно, славянская, в частности сербская, речь, была весьма популярна при дворе султанов, напр., Мюрада II (1421–1451). Выдающийся украинский востоковед А. Е. Крымский пишет: «Подобно своему деду Баезиду I Молниеносному, султан Мюрад II имел жену-христианку из вассально-царственной сербской династии, и она, «благочестивая царица Мара», свободно сохраняла в замужестве свою отцовскую веру. Придворный язык в Адрианополе был далеко не турецкий: сербская речь, частью христиан, а ещё больше — добровольно новообратившихся ренегатов, звучала при дворе как обычная, наряду также с греческой» (Крымский 1916:42). Распространению славянских слов, таких как *војвода*, *крал*, способствовала ещё и популярность на Балканах славянских эпических сказаний, в частности сербского эпоса о *Кралевице Марко*, мак.-болг. *Крали Марко*, ставшем «национальным героем» многих балканских народов¹⁰, ср. напр., арум. “*Cráli Márka și cu nipuātu Gruıntıși*” ‘Крали Марко и его племянник Груинчи’ (Παπαγεωργίου 1984[1]:40); гагауз. “*Bir vakit Makedoniyada varmış krali Marko, o Gagauz varmış*” ‘Одно время в Македонии был (говорят) кралевиц Марко, он был (говорят) гагаузом’ (Zajaczkowski W. 1966:102).

В свою очередь, османско-турецкая ЛС, функционировавшая как «язык межнационального общения» во времена османского владычества, могла послужить распространителем заимствований из ЛС самых разных этноязыковых групп, проживавших на и вне территории обширной Османской империи. Этим объясняется и название независимого влашско-арумынского «*βοϊβοδαλίκι της χώρας Μετζόβου*». То же самое касается и новогреческих говоров, напр. «*Καϊμακάμης, αγάς για βοεβόντας θα στέλνται απ’ την Πόλη...*» ‘Каймакам (начальник каза), ага (местный управитель) или воевода будут присылаться из Стамбула’ (Малая Азия: Айвали) (Κόντογλου 1962:20), ясно показывает, что *βοεβόντας* в этом случае из османско-турецкого. Османско-турецкая языковая среда послужила адаптирующим фильтром и проводником для многих других слов, напр., греческих по происхождению названий новогодне-рождественских демонов *καλικάντζαροι* / *λυκοκάντζαροι*, проникших в южнославянские ЛС в отуреченных формах типа *караконджол*, *корконджо* и т.п.

Более существенным и сложным для слав. этимологии является вопрос не столько исторический, сколько генетический, напр., то же стсл. и друс. **БОЕВОДА** возникло самостоятельно и независимо от сход-

¹⁰ См. по этому поводу также Skendi 1980:59–148.

ных по строению греч. *στρατηγός* ~ *στρατηλάτης*, соответственно в.-нем. *herizogo* ~ *Herzog*, или является калькой одного либо другого (см. Vasmer 1:213). Тот же вопрос «кто у кого что взял» возникает и во многих других случаях, напр., сгр. *κάραβος* ‘Boot; барка, корабль’ заимствован из псл. **kǫrǫbjo-*¹¹ ‘то же’, ср. болг. *кораб* (Hinrichs 1999:641 < Budziszewska 1990:120), или наоборот стсл. **КОРАБЪ** и подобные формы в других слав. и неслав. ЛС (позднелат. *CĀRABUS* (VI в.), араб. *qāreb*, *gāreb*, *qārib* (VII в.), дгерм. *karfi* и др.¹²) из сгр. *κάραβος*, а стсл. **КОРАБЪ** из сгр. *καράβιον*; то же касается связи сгр. *χουμέλη* ~ *χουμέλι* с псл. **chǫmēlǫ* [**chǫmēli*] и с тюркскими формами (см. Vasmer 3:250–251); нгр. *παπάρα* ‘хлебная похлёбка, тюря’ и подобные слова в других балканских ЛС (румын., арум. *papără*, алб. *papāre*, *papārja*, тур. *papara*, диал. *paparo*, *porara*, *poraro*) были заимствованы из южно-славянских ЛС (ср. србхрв. *ūđāpa*, болг. *попáра*), или все они генетически из итал. *pappara* ‘суп из хлеба’ < лат. *papparium* ‘детская каша’ < *pappa* ‘хлеб’ (см. Филипова-Байрова 144; Eyubođlu 1991:547). Ещё сложнее вопрос, на какой языковой почве возникли фразеологизмы типа {сварить / дать к.-либо / съесть папару} ‘дать нагоняй, получить взбучку’, распространённые во всех балканских ЛС (о фразеологизмах и малых жанрах фольклора в балканских ЛС в связи с этимологией см. Sandfeld 1930:205–209; Sikimić 1996).

Славянско-греческо-тюркские языковые контакты. Довольно сложными в период средневековья были и славянско-греческо-тюркские языковые связи. Весьма показателен в этом отношении памятник половецко-куманского языка конца XIII в. *Codex Cumanicus*¹³, в котором, кроме собственно тюркских слов, а также значительного количества заимствований из арабского и персидского (см. Grønbech 1942; Bodrogligeti 1971), есть также ряд слов славянского и гре-

¹¹ Более корректной реконструируемой формой должна быть **kǫrǫbǫ* > *korabǫ*.

¹² См. другие примеры у Zajǫczkowski A. 1949:15; Kahane/Tietze 1958:514/780.

¹³ Выражаясь точнее, речь идёт о сборнике текстов, написанном разными авторами в разное время, состоящем из двух различных и независимых частей: 1) практического руководства по половецкому (куманскому) языку со словариками на итальянско-латинском, (ново)персидском и половецком; 2) сборника религиозных текстов, фольклорных материалов (половецкие загадки) и лингвистических данных, написанных разными почерками с переводом на латинский и восточный средне-верхне-немецкий диалект. Эти две части исследователи условно называют «итальянской» и «немецкой», или, как их характеризует Лигети, — «Книга Переводчика» (“Interpreter’s Book”) и «Книга Миссионеров» (“Missionaries’ Book”) соответственно (см. Kun/Ligeti 1981:51; Golden 1992:38).

ческого происхождения. Польский тюрколог А. Зайончковски указывает ряд бесспорно заимствованных из древнерусского языка терминов оседло-земледельческого хозяйства: *samala* < **смола**, *peč* < **печь**, *uxba (izba)* < **изба**, *salan (salam)* < **солома**, *ous (ovus ~ owus)*¹⁴ ‘рожь, зерно’ < **овьсь** (Zajaczkowski A. 1949:12–13). Скопированная лексема *samala* упоминается также в нескольких кыпчакско-половецких глоссариях, напр. *Tuhfat az-zakīja* (“Ettuhfet-üz-zekiyye fil-lûgat-it-türkiye”) даёт форму *salama* (sic!) с объяснением через арабское *zift* ‘смола’; *Bulğat al-mušāq* приводит слово *samla* с арабским соответствием *qār*, а как соответствие арабскому *zift* указывает *teget* ‘вид смолы, живица’, которое тоже является заимствованием (копированием) друс. **деготь** (ср. дчеш. *dehet*). Заимствованием из древнерусского может быть и вторая составляющая часть приводимого в Куманском Кодексе (КК) сложного слова *balauz (balavuz ~ balawuz)* ‘воск’, состоящего из тюрк. *bal* ‘мёд’ и *avuz, avus* ‘воск’. Проблема в том, что пчеловодческий термин *avus* ‘воск’ как тюрко-булгарское приводит уже известный тюркский лексикограф XI в. Махмуд Кашгарский в своём «Диване тюркских языков» (*Dīwān Luğāt at-Türk*)¹⁵. С другой стороны, друс. **воскъ** поминается в старейших древнерусских летописях, по крайней мере с 945 г. Таким образом, если этот термин и был заимствован из древнерусского, то значительно раньше в тюрко-булгарский, их которого, вероятно, проник и в половецко-куманский (см. Zajaczkowski A. 1949:12–14). Другой видный тюрколог К. Менгес, кроме слов, указанных А. Зайончковским (не упоминая, впрочем, его книгу), приводит ещё пол.-кум. *urs* ‘Luchs’ < друс. **рысь**, ср. арм.-кыпч. *rus*, а также ряд других соответствий в тюркских ЛС к заимствованиям из древнерусского в КК (см. Menges 1978:9–19). В Кодексе есть также ряд слов греческого происхождения: *mandanus* — *μαϊντανός* ‘петрушка’, *marul* — *μαρούλι* ‘салат-латук’, *pistak* — *φιστίκι* ‘арахис’, *fanar* — *φανάρι* ‘фонарь’, *kondrok* ‘благовонная живица,

¹⁴ Очевидно, это славянское слово было настолько популярным, что составитель «руководства» приписал его даже персидскому языку, который в то время служил чем-то вроде *Lingua Franca* этого региона Евразии. Однако, в новоперсидском языке и его говорах следов слова *ovus ~ owūs (ous)* ‘гье’ исследователям обнаружить не удалось. Показательно также и то, что к этому слову даётся более широкое значение через лат. *segara* ‘рожь, зерно’, что свидетельствует о популярности и распространённости овса в то время (см. Zajaczkowski A. 1949:13; Bodrogligeti 1971:175). Слово это зафиксировано также в караимском языке в форме *uvus* в его изначальном значении ‘Hafer, овёс’ (Kowalski 1929:276; Menges 1978:9). В форме *uvezu* ‘овёс’ это славянское слово вошло и в арумынские говоры Греции (Млоушмлоуќњс 2003:325).

¹⁵ См. одно из последних издание этого монументального труда: Dankoff/Kelly I–II, 1982.

ладан' — *χόνδρος* 'хрящ; нарост' и др. Некоторые слова генетически греческого происхождения были заимствованы в половецко-куманский явно при посредничестве древнерусского языка, напр. *timean* 'фимиам' в повествовании о поклонении волхвов: «*altun miron timean bergeidik*» 'золото, миро, фимиам дали (бы) мы'. Наименования даров тоже из трёх стран света: исконно тюрк. *altun*, заимствованное *miron*, скопированное непосредственно из сгр. *μύρον* или вин. п. от *μύρος* 'мирра или миро (благовонное растительное масло)' (см. Κριαράς 11:174), и заимствованное *timean*, генетически восходящее к сгр. *θυμίαμα*, но явно подвергшееся друс. адаптации в виде **ТИМЬЯНЪ** ~ **ТЕМЬЯНЪ**. Древнерусское посредничество А. Зайончковски предполагает и для пол.-кум. *trapes* 'стол, трапеза' — друс. **ТРАПЕЗА** — сгр. *τράπεζα* и *terme* 'святыня, обособленное и высоко расположенное место' — друс. **ТЕРЕМЪ** — дгр. *τέρεμνα* (см. Zajaczkowski A. 1949:15–16). Со некоторыми предположениями А. Зайончковского можно поспорить, напр., пол.-кум. *trapes* вероятнее из сгр. *τραπέζι(ον)* 'стол', а пол.-кум. *limen* 'порт' допускает как друс. посредничество — **ЛИМЕНЬ**, так и наоборот — тюркское для друс. **ИЛЬМЕНЬ** ~ **ИЛИМЕЗЬ**. Во всяком случае, последнее слово было заимствовано или очень рано, или из какого-то среднегреческого говора, сохраняющего древнее произношение *λιμήν* с *η* как [e], ср. *λιμένας*, поскольку в греческих памятниках уже со II в. наблюдается смешивание *η* и *ι*, а с V в. произношение [i] на месте этимологического *η* [ē] распространяется на всю Грецию (см. Συμεωνίδης 1989:21–22). Многие аспекты славяно-греческо-тюркских языковых связей нуждаются в дальнейшем лингвистическом анализе, в том числе и этимологическом, напр. то же пол.-кум. *tärmä* ~ *terme* фонетически и семантически более подходит как исходная форма для славянских форм, предполагающих **term-ŭ*, ср. друс. **ТЕРЕМЪ**, ссл. **ТЪРЪМЪ** и другие славянские формы, хотя они считаются ранним заимствованием из гр. *τέρεμνον*, *τέραμνον* 'дом, жилище' (Vasmer 3:97), ср у Гесихия: "*τέρεμνα* [τὰ] (Eur. Phoen. 335) οἰκήματα". Тюрко-монгольский источник славянских форм ещё более вероятен при наличии монг. *terme*, калмык. *termə* с тем же значением, что и в половецком. Возникает, конечно, закономерный вопрос о пересмотре хронологизации, как и вообще истории тюрко-славянских языковых контактов.

Цели и задачи «контактной» этимологии. Задачи этимологии в области заимствований или «копирования» можно разделить на программу-минимум и программу-максимум. Согласно программе-минимум, этимологу достаточно выявить непосредственный источник заимствованного слова (исторический источник), образец

для копирования (*exemplum*¹⁶) и этого достаточно. Программа-максимум предполагает выяснение всей цепи: **ЛС-источник** <адаптация> [**ЛС-посредник/ретранслятор**] <адаптация> **ЛС-приемник**, с комплексным рассмотрением на всех уровнях — лексическом, семантическом, фонетическом, морфологическом, фразеологическом, паремиологическом, синтаксическом, синхроническом и диахроническом лингвогеографическом и т.д. Это, в принципе, выходит за рамки традиционной этимологии, поскольку в этом случае нужно учитывать не только закономерности ЛС-приемника, но и особенности ЛС-посредников, а также множество экстралингвистических факторов. Эти задачи относятся уже к сфере *интерлингвистики* или *контактной лингвистики* (см. Goebl et al. 1997).

Исследователи иногда вольно или невольно упрощают проблемы контактной лингвистики, рассматривая в большинстве случаев заимствованные слова как результат непосредственных контактов языка-приемника с языком-источником, или пользуются уже готовыми схемами, подгоняя под эти схемы имеющийся материал. Перефразируя греческий термин, вместо *ἐτυμολογία* ‘этимология’ (< *ἔτυμον* ‘этимон, первооснова’) получается *ἐτοιμολογία* (< *ἔτοιμος* ‘готовый’), т.е. следование готовым схемам. Для заимствований из славянских ЛС даётся, как правило, ссылка на неопределённое «слав.(янкское)» и приводятся некоторые примеры из славянских языков, не уточняя, из какого именно славянского языка или говора заимствовано то или иное слово. Следует, конечно, признать, что в некоторых случаях, вследствие сходства форм в слав. ЛС, действительно трудно или невозможно установить источник с точностью до говора или языка. Иногда, впрочем, в этих случаях славянский ЛС-источник, наоборот, конкретизируется до определённого языка, хотя, казалось бы, для этого нет оснований. Так, В. Георгиев совершенно справедливо указывает, что архаические славянские заимствования в балканских языках сохраняют целый ряд реликтовых фонетических явлений, относящихся к поздней эпохе славянского единства: сохранение сочетаний гласного с сонорным плавным до метатезы и сочетаний гласного с сонорным носовым (дифтонгов *an, am*) перед последующим согласным (VSC), а также краткого *ǎ*, не перешедшего ещё в *o*¹⁷.

¹⁶ Под термином *exemplum* подразумевается то же, что и в позднелатинском его значении — ‘образец для копирования’, но в применении к языковым контактам.

¹⁷ «Ces emprunts datent de la dernière époque du slave commun, lorsque se formait le vieux slave. Pendant cette époque la métathèse n’était pas encore réalisée, l’*a* bref du slave commun n’était pas encore changé en *o* (au moins en position atone) et les diphtongues *an, am* étaient encore conservées» (Georgiev 1968:55). Эти и другие архаические

Тем не менее, все славянские заимствования в балканских языках, в том числе и раннего периода VI–IX вв., автор вольно или невольно окрещивает болгарскими (Georgiev 1968). И таких примеров, к сожалению, даже в серьёзной лингвистической литературе очень много. Совершенно очевидно, что точность, конкретность, аккуратность и «непредвзятость подхода должна явиться руководящим принципом проводимого лингвистического анализа» (Десницкая 1990:8).

Проблемы ЛС-посредника. Во многих случаях действительно найти непосредственный (исторический) источник не так легко. С. Б. Бернштейн, обсуждая вопрос о тюркизмах в южнославянских языках, к трудным случаям, когда «специалист по южнославянским языкам вынужден заниматься исследованием вопросов, которые, как будто, выходят за границы его интересов», относит два следующих: установление непосредственного источника грецизмов, а также иранизмов, которые, как будто, отсутствуют в турецком языке. В качестве примеров указывается известное в большинстве балканских языков слово *talaz* ‘волна’, по мнению Стаховского, восходящее к гр. *θάλασσα* ‘море’, но вошедшее в южнославянские языки через посредство осм.-тур. *talaz* ‘волна’. Как пример иранизма с неясным языком-посредником С. Б. Бернштейн приводит известные южнославянским языкам формы *хубав*, *убав* ‘красивый’, которым соответствует перс. *хуб* ‘хороший, добрый, красивый’, *хубан* ‘красавицы’, *хубру* ‘красивый’, *хуби* ‘хорошо’ и т. п. (см. Бернштейн 1984:9).

Что касается первого примера, то одним (первичным?) из значений гр. *θάλασσα* является ‘шторм, большая волна’, откуда, как указывают Г. и Р. Кагане и А. Тице, осм.-тур. *talaz* ~ *talas* ~ *tales* 1) ‘волна; foaming wave, billow, surge’; 2) ‘whirlwind; cyclone’ (см. Kahane/Tietze 1958:510–512/773; Redhouse 1090–91; Radloff 3:882). На этом значении построены выражения *έχει θάλασσα* ‘море волнуется, штормит’ и *τα έκανα θάλασσα, τα θαλάσσωσα* ‘сделать что-либо не так как следует, испортить; вызвать неразбериху, путаницу’. Последнее идиоматическое значение калькируется и в других и.-е. и не и.-е. языках, ср. итал. *mare magno* ‘grande e confuse insieme di cose o persone’, англ. *at sea*,

славянские черты в заимствованиях в балканские языки, такие как /u/ < ū на месте позднейшего Ъ и /i/ < ĭ, на месте Ь, указывал Кр. Сандфельд, напр. алб. *shullë* ‘servant’ < псл. **sŭlŭ*, алб. *grusht* ‘poing’ < псл. **grŭstŭ*, с древним албанским чередованием *s* > *š* (см. Sandfeld 1930:78, 82–83). Эти явления отражают переходное состояние фонологической системы от балто-славянской ГЛС к праславянской: слиянии *ā* и *ō* в *ā*, и соответственно *ā* и *ō* в *ā* (см. Schenker 1993:66), т.е. переходу к относительно симметричной «четырёхугольной» трапециевидной системе гласных с восьмью гласными четырёх ступеней подъёма вместо десяти.

араб. *savaḥon paḥr* ‘he made a mess of them’ (Марониты Кипра) (см. Borg 2004:151). Следует, однако, выяснить, связаны ли этимологически или парэтимологически османско-турецкие формы с общетюрк. *talaı* ‘море, большое озеро’; ‘размахнуться (плетью), качать, махать, трясти’; *tala-* ‘растерзать, разорвать’ и др. (см. Radloff 3:878–886).

Второй пример с иранизмом тоже можно объяснить. Перс. *hūb* зафиксировано в памятнике кыпчакско-половецкого языка *Codex Cumanicus* в формах *ghob* (hōb) ~ *ghub* (hūb) ‘beautiful’, *gubi* (hūbi) ‘beauty’ (см. Kuun/Ligeti 85, 86, 115; Vodrogligeti 1971:147, 148). Не исключено, что именно из новоперсидской ЛС, бытовавшей в Северном Причерноморье как *Lingua Franca* торговли, это слово проникло в осм.-тур. как *хоб* (*hob*) ‘хороший, красивый’, *хоб сәдәли* (*hob sädäli*) ‘имеющий хороший голос’ (Radloff 2:1714–5) и *hub* ‘хороший; красивый; изящный’ (Баскаков 1977:413); *hub* ‘good, excellent, beautiful, elegant, graceful’, *huban* ‘beauties, the fair ones’ (Redhouse 491). К тому же источнику следует отнести и урум. *хуба* ‘тонкий’ [изящный, красивый?], *хуба хашлы* ‘з тонкими бровами’ (Крым, Приазовье) (Гаркавец 2000:551). Ю.-слав. *хубав*, *убав* развились или из *hub* при помощи суффикса прилагательных *-ав*, или из *huban* в результате ассимиляции или морфологической адаптации персидско-османско-турецкой формы мн. ч. в славянское прилагательное. Из южнославянских ЛС это слово было заимствовано в арумынский, ср. имена сказочных персонажей *Ubavu Dımtşı* ‘Красивый Димчи’, *Ubavu Gruıntşı* ‘Красивый Груинчи’ (Παλαγεωργίου 1984[1]:40, 260).

Как более сложный пример явного грецизма с неясным посредником можно привести белор. диал. *пантóпіль* (*пантóпель*) ‘вязаны лапаць з тоўстых пяньковых ці ільняных нітак’ (Яўневич 1960:41), которое явно восходит к незасвидетельствованному сгр. *παντό-φελ-λός. К этой греческой форме возводят итал. *pantofola* (см. Ανδριώτης 264; Κουλάκης 1993:702; Μαρινόπουλος 1995:238), франц. *pantoufle*, *pantouflard*¹⁸ (Dauzat et al. 529–530), а также ср.-нж.-нем. *pantuffel*, *tuffele*, *tuffel*, давшим в.-слав. *тўфля* ж., *тўфель* м. (см. Фасмер 4:127–128). Учитывая фонетическую форму и экстралингвистические факторы языковых контактов, наиболее вероятным промежуточным передатчиком была ср.-нж.-нем. форма *pantuffel*, очевидно при посредничестве польских говоров, но это требует дальнейших поисков, поскольку белорусское слово очень сходно с греческим и по форме и,

¹⁸ Ср. *pantoufle* «milieu XVe s., d’orig. obsc.; peut-être issu des parlers du Midi, et se rattachant à la famille de *patte*. Pour d’autres, empr. à l’ital. *pantofola*, napolitain et sicilien, représentant le comp. bas-grec *panthellon*, “tout (*pan*), liège (*phellon*)” (Dauzat et al. 529–530).

вероятно, по семантике. Белорусское слово может также помочь уточнить значение сгр. *παντό-φελλός* > *παντόφελλον*, где *φελλός*, родственное с *φλοῖός* и *φλούδα* ‘кора (дерева)’, вероятно, означало не ‘пробковая кора’, и даже не просто ‘кора’, а нечто вроде славянского лыка, из которого плели лапти, постолы. Проверить эту версию можно только на экстралингвистическом историко-археологическом материале, т.е. следует выяснить, носили ли византийские крестьяне обувь типа славянских лаптей или так были названы необычные для византийцев славянские лапти, покрывающие лыком, «корой», всю стопу в отличие от привычной для них обуви.

Проблема интерпретации архаических заимствований. Важной ступенью этимологических разысканий в области языковых контактов является реконструкция исходной формы-образца для копирования (*exemplum*). Несомненно, сначала следует установить предполагаемую форму, учитывая на первом этапе закономерности ЛС-приемника, чтобы потом сравнить с существующими или восстанавливаемыми образцами из ЛС, предполагаемых как источник или передатчик. Так например, венг. *szégye* ~ *szegye* [sedje] предполагает исходную форму **sedje*, возможно **sedja*, которая соответствует традиционно восстанавливаемой псл. **sédja*, а не друс. *сѣ(д)жа* ‘сежа (устройство снасти для рыбной ловли)’, как полагает А. М. Рот (Roth 1973:227; ср. Vasmer s.v.).

Данный принцип особенно актуален в отношении реликтовых заимствований в ЛС ЮВЕ. Так, например, сгр. *καρούτα* (η) или *καρούτι(ο)ν* (το) ‘ein Faß; бочка, кадка, бадья’ (LBG 1:766), нгр. диал. *καρούτα* ж. ‘корыто’¹⁹, известное и как топоним *Καρούτια*, *Καρούτες*, *Κα-*

¹⁹ Ср. напр. нгр. диал. *καρούτα* ж. 1) ‘ёмкость (кадка, кошелка) для сбора винограда’; 2) ‘жёлоб водяной мельницы’ (Нμελλος/Πολυμέρου-Καμηλάκη 1983:134, 191); ‘корыто’ (Румелия) (Καλαντζάκος 1995:43), *καρούτια* мн. ‘кувшины с отбитым верхом, из которых куры пьют воду’ (Румелия: Кавакли (ныне в Болгарии)) (Σειτανίδου-Ζαρογυλίδου 1992:8); *καρούτα* ‘корыто для стирки’ (Эпир) (Αραβαντινός 1909:47; Μπόγκας 1:160); *καρούτα* ж. [καγύτα] 1) ‘большая давальня для винограда’; 2) ‘широкий жёлоб, по которому вода течёт на мельницу’ (Макед.: Козани) (Ντίνας 2, 2005:194); ‘чан водяной мельницы’ (Макед.: Козани, с. Ливадеро (Мокро)) (Νίκου-Γιωλτζόγλου 1999: 430); *καρούτα* и *καρουτή* ж. 1) ‘наклонный узкий и длинный жёлоб, из которого падает с силой вода на водяной мельнице и на сукновальне’; 2) ‘деревянное корыто, куда кладут корм для животных’ (Макед.: горная Пиерия) (Δούγα-Παπαδοπούλου/Τζιτζιλής 2006:94, 321); *καρούτι* с. ‘большой чан для 100–150 загрузок винограда, стоящий на 6–8 ножках, по числу металлических обручей чана, доходящих до верхнего края’ (Макед.: р-н Касторьи) (Нμελλος/Πολυμέρου-Καμηλάκη 1983:135); *καρούτα* ‘давальня для винограда’ (Фессалия: Трикала, с. Мегала Каливья) (Χιώτης 1997:326); 1) ‘корыто для стирки’, 2) ‘большая кадка для грязного белья’, 3) ‘четырёхугольная деревянная давальня для виногра-

ρύταινα, *Καρύτια*, *Καρύτσα* (см. Vasmer 1941:105, 116, 154, 168, 311), предполагают как образец **karuta*, а учитывая позднейшие славянские формы, напр. друс. **козыто**, и закономерности происхождения славянских гласных /o/ < балтослав. *ā* < и.-е. *ǎ/ō*, /ы/ < *ū*, /a/ < *ā/ō*, получаем псл. **kārūtā* или мн. **kārūtā* (ср. Vasmer 1 s.v. *κορύτο*). Вопрос только в том, что в балканских ЛС эта лексема, как правило, женского рода, что можно объяснить всё той же формой **kārūtā*, принятой в этих ЛС как существительное ж.р. на *-a* (более простое решение); или сингуляризацией, т.е. переходом в ед.ч. славянской формы мн. числа; в арумьинской и румынской ЛС этот процесс был обусловлен отсутствием категории среднего рода²⁰. Из указанного образца для копирования легко выводятся арум. *károútā* [kârūtā] 1) ‘большой деревянный сосуд для брожения вина’; 2) ‘жёлоб водяной мельницы’ (Νικολαΐδης 204) и алб. *karrutë* ж., мн. *karruta* ‘fermenter’ (см. Orel 173). Казалось бы всё просто и очевидно. Однако, имея ввиду традиционно восстанавливаемую форму **koryto* и исходя из того, что славянское *-o* обычно не передается (копируется) в греческом через *-α*, Кр. Сандфельд, а вслед за ними и другие, считали, что нгр. *καρούτα* из алб. *karrutë*, а уж албанское из слав. **koryto* (Sandfeld 1930:77; Ανδριώτης 147). К. Иконому в целом согласен с этой схемой, но выводит новогреческую форму не из *karrutë*, а почему-то из алб. *kërrutë* -a ‘ewe with horns; овца с рогами’²¹ (Οικονόμου 1997:124). К. Ляпис развивает предложенную схему, возводя слав. *koryto* к лат. *corytus* (?), которое «очень вероятно является обратным заимствованием из дгр.

да’ (Фессалия) (Χαντζιάρας 1995:194); *καρούτα* ж. и *καρούτ* с. 1) ‘старого типа деревянная давящая для винограда’, 2) ‘открытая и неглубокая ёмкость, куда гончары бросали глину, премешанную с водой’ (Фессалия: Волос, Пилио) (Λιάπης 1996:181); *καρούτα* ж. 1) ‘ёмкость в виде корыта на каменоломне, куда сыпается раздробленный камень и песок; которые затем через отверстие в днище высыплются в грузовики’, 2) ‘неглубокая железная или деревянная ёмкость, в которой гасится известь при строительстве’ (Самос) (Δημητρίου 1991–93[6]:444; ср. Γιαννουλέλλης 2003:44) и др.

²⁰ Подобным образом в балканских ЛС были адаптированы и другие слав. существительные среднего рода, напр. псл. **bolto* < **bāltā*, мн. **bāltā* > сгр. *βάλτα* ж., *βάλτος* м., *βάλτο* с., румын. *băltă* ж. 1) ‘marécage’, 2) ‘lac’, арум. *băltă* ж. ‘eau stagnante; marc; marais’, истрорум. *balta* ж. (см. Georgiev 1968:55; Russu 1970:3; Δελόπουλος 1977:169), молд. *бáлтэ*, гагауз. *бáлта* 1) ‘плавни; плавневый’, 2) ‘болото; низина’ (Баскаков 1973:71), алб. *baltë* ж., мн. *baltë* ‘Schlamm, Sumpf; swamp, marsh, dirt, earth’, алб. диал. *baljtë* -a, *báljte*-α, ж. ‘грязь, ил’ (Эвбия, Идра, арваниты Греции) (Γιοχάλας 2002:358; Γιοχάλας 2, 2006:644).

²¹ Вероятно, в результате смешения с нгр. диал. *κουρούτα* (γίδα) = *κουτσουκέρα* ‘коза со сломанным рогом’ (Самос) (Ζαφειρίου 1995:456, 458).

κόρυς ‘шлём’»²² (Λιάπης 1996:181). Вл. Орел, вслед за Г. Майером, А. М. Селищевым и Г. Сване, считает албанскую форму ранним заимствованием из псл. **koryto* (см. Meyer 1894–95[2]:30; Селищев 1931:78, 142; Svane 1992:67; Orel 173). Парадокс в том, что к этой же праславянской форме возводится и более позднее алб. *koritë* ж., мн. *korita* ‘trough’, хотя даются для сравнения болг. *korito* и србхрв. *koru-tio* (Orel 191), ср. ещё алб. диал. *koríte -a* ‘корыто’ (Идра, арваниты Греции) (Γιοχάλας 2, 2006:746). Совершенно очевидно, что алб. *koritë -a* предполагает как образец **korita* ~ **korito*, совпадающие с южнославянскими формами, в которых слились этимологические *ū* ([*y*]) и [*i*], ср. болг. *koruto*, србхрв. *kòrutio*, а также помак. *kovrít-to(-vo)* [*kurito(-no)*] 1) ‘водопойный жёлоб, корыто’ *Napalni kuritono za da napujem magareso* ‘Наполни корыто — напоим осла’; 2) ‘цистерна’; 3) ‘яма, впадина; небольшой водоём (чаще каменный)’; 4) ‘корыто (для стирки)’ (Помаки Фракии) (Θεοχαρίδης 1996:221–222). К южнославянским формам восходят также рум. *corítă* ‘Auffangtrog der Weinpresse; Trog; Mehlkasten’ (Șăineanu 1936:138 > Tietze 1957:18), ср. *kovúto* с. *kovúta* ж. ‘Trog, Bottich’: *kovútas σταφυλών* (Dem-Chom 84,6 = PitParal 372) (LBG 1:866; см. Κουκουλές 1955–56:274), нгр. диал. жен. и сред. рода в цакопском диалекте с палатализацией в некоторых говорах [*r*'] > [ž] перед гласным переднего ряда и переходом безударного *o* в [*u*] — *kovúta* (α), *kovúta*, *kovúta*, *kovúta*; *kovúto* (το), *kovúto* ‘выдолбленный изнутри ствол дерева или камень, из которого скот пьёт воду’ (Κωστάκης 2:109); в других говорах жен. рода *kovúta* ‘озёрное или речное судно, лодка без киля’ (Ημελλος/Πολυμέρου-Καμηλάκη 1983:185, 392 [рис.]), *kovúta* (=βούτα) 1) ‘выдолбленный ствол дерева (корыто) для поения животных’; 2) (также *kovúta* ~ *kovútu*) ‘лодка подобная пироге’ (Самос) (Ζαφειρίου 1995:457); *kovúta* ‘лодка плоскодонка’ (Лесбос: Пломари; Малая Азия: Айвали) (Κόντογλου 1962:261, 264 [рис.]; Γιαννουλέλλης 2003:52); ‘особая речная лодка без киля’ (Самос) (Δημητρίου 6, 1993:519), *kovúta* 1) ‘малоазийское небольшое судно типа пироги’; 2) ‘выдолбленный ствол дерева, употребляемый для поения животных’ (Эпир) (Μπόγκας 1:188); 1) ‘корыто’; 2) ‘ясли (для лошадей)’ (греки Приазовья) (Ashla 1999:120); муж. рода *kovútos* ‘корыто из выдолбленного ствола дерева для поения животных’ (Δημητράκος), *korítos* 1) ‘маленькое, на одного человека, озёрное рыбацкое

²² Понятно, что автор не имеет представления об исторической грамматике и.-е. и славянских языков, однако пример показателен тем, как неадекватное представление праславянской формы может ввести в заблуждение, в том числе и маститых учёных, как напр. Кр. Сандфельда.

судно'; 2) 'корыто, выдолбленное из ствола дерева' (Эпир) (Αραβαντινός 1909:52), *κορίτος* 1) 'лодка, на которой раньше привозили воду в город из источника Крионеру'; 2) 'каменный сосуд, из которого куры пьют воду'; 3) 'женский головной убор в виде платка, концы которого завязывались вокруг головы в узел' (Закинф) (Κονόμου 2003:25), *κορύτος* 'ёмкость для воды в курятнике, чтобы пили куры' (Кефалонья и Фиаки) (Πανταζάτος 2000:113), *κουρύτους* 'поилка для коз, овец и крупного скота' (Самос) (Δημητρίου 6, 1993:519–520), *κουρύτους* 'выдолбленный ствол дерева (корыто), установленный под источником, для поения животных' (Самос) (Ζαφειρίου 1995:180, 457), *κουρίτους* (ου) 'очень маленькое озёрное судно' (Эпир: Яннина) (Μηνάς 2004:480). Сюда же относятся и топонимы в Македонии *Κορίτα* (р-н Драмы), *Κουρίτα* (р-н Кавалы) (Vasmer 1941:226), *Κουρίτους* (ου) (Эпир: Яннина, с. Велциста) (Μηνάς 2004:480, 12), *Κουρίτους*, *Κουρ'τάκ'* [< *κουριτάκι*, уменьшит. от *κουρίτα*, *κουρίτους*] (Самос) (Ζαφειρίου 1995:180, 457). Варианты с *-ου* [*u*] в северногреческих говорах возникли в результате закономерного для них перехода (сужения) безударного */o/* в [*u*], захватившего частично даже славянский в своей основе помакский диалект. Сложнее объяснить тур. диал. *korta* (İstanbul*) 'çeşme yalağı', 'Tränktrog am Brunnen', 'деревянное или каменное корыто для водопоя, колода; каменный резервуар у источника'; (Amasya*, Çanakale*, Bursa) 'içinde üzüm çığnenen şıra teknesi', 'Trog, in dem Trauben ausgepresst werden'; 1) 'корыто, чан для выдавливания сока из винограда; давилня' (см. DS 2927; Tietze 1957:17–18; Süleymanoğlu Yenisoy 1998:183); урум. *корта* 'корито' и *корота* 'корито (дерев'яне)' (Гаркавец 2000:269). Предположения о копировании из славянских ЛС не согласуются с конечным *-a*; если это, конечно, не сингуляризованная форма мн. числа. Скорей всего они вошли в турецкие говоры через греческие, а выпадение [*i*] произошло уже на турецкой почве в результате переноса ударения на последний слог и выпадения даже этимологических безударных гласных верхнего подъёма [*i̇*], [*i*], [*u*], [*ü*] перед слогом с ударным гласным, типа *burun* — *burnu*, *ağız* — *ağzım*, ср. тур. диал. *borla* 'çamdan oyulmuş su kabı'; 'Fass; walzenförmiger Wasserkrug aus Kiefernholz'; 'сосуд для воды, вырезанный из сосны' (İstanbul*) (740), считающееся заимствованием из южнославянских ЛС: србхрв. *бурило* или болг. *бурило* < итал. *barile* 'бочка, кадка, чан' (Tietze 1957:7/10; Süleymanoğlu Yenisoy 1998:169; Tietze 1:372); гагауз. *бёрна*²³, наряду с *бёрона*, *бёруна* 'борона', *борналамаа* 'бороновать' (Баскаков 1973:91).

²³ Эту форму можно было бы трактовать как рефлекс псл. **borna*, что, конечно, сомнительно, учитывая другие варианты, а также урум. *борона* 'борона', *бо-*

Таким же образом нгр. *μαγούλα* [magúla] ж. ‘бугор, холм, курган’, весьма распространённое в Греции и как топоним, предполагает форму **magula*, а учитывая поздние славянские формы, напр. друс. **МОГЫЛА**, и те же закономерности происхождения славянских гласных /o/ < *ǎ*, /ы/ < *ǔ*, /a/ < *ǎ*, получаем псл. **mǎgǔlā*. Сходную форму **magūla* из «раннего праславянского» для алб. *mǎgūlē* предполагал в своё время Шварц, а также И. Дуриданов для рум. *mǎgură* < **magula* (Duridanov 1993:9; Hinrichs 1999:624). Действительно, из указанной праславянской формы легко выводятся рум. *mǎgură* ‘Berg, Hügel, Anhöhe’, диал. *mǎgúră* ‘colline’ (с типичным для многих романских ЛС раннего периода переходом [l] > [r], в особенности перед гласными); арум. *mǎγούλǎ* [mǎγúla], алб. *mǎgūlē*, с метатезой согласных *gamule*, **gamula* ‘холм’. И с этим словом произошла та же история, что и с нгр. *καρούτα*: Г. Майер, а за ним и другие, гр. *μαγούλα* (η) ‘холм, курган’ и топоним *Μαγούλα* производят из алб. *mǎgūlē* ‘холм’, которое из слав. **mogyla* (см. Meyer 2, 1894:68; ср. Ανδριώτης 194; Κουλάκης 1993:584). По мнению М. Фасмера, греческие топонимы, такие как визант. *χωρίον ἢ Μαγούλα* (1289), и нгреч. *Μαγούλα*, *Μαγούλα Φανάρι*, *Κασέσι Μαγούλα* (Фессалия: р-н Кардицы), *Μαγουλίτσα*, *Μαγουλιάνα* и географический термин *μαγούλα* ‘Hügel, холм’ происходят от слав. **mogyla* ‘могила, курган’²⁴ (Vasmer 1941 passim; ср. Vasmer 2 s.v. *могила*). Согласно В. Орлу, алб. *magulë* является результатом метатезы от *gamule* ‘hear’, сингуляризированной формы мн. ч. *gamulë*, восходящей к праалб. **gamula*, этимологически идентичного лит. *gāmulas* ‘bale, lump’, псл. **gomola* ‘то же’, а уже албанское вто-

ронала- ‘боронувати’ (Гаркавец 2000:111); тур. диал. *borana*, *borhana* ‘tırmık, борона’ (Ankara), *barana* ‘tırmık; çit yapılan ya da toprak damlara konulan kalın, sağlam ağaç’ (Konya; Ayvagediği / Mersin), *buranya* ‘tarlayı sürerken bir tarım âleti’ (Edirne*) (см. DS 525, 738, 740, 794; DS 4444; Tietze 1957:6/5; Süleymanoğlu Yenisoy 1998:168, 169, 170; Top 2004:8, 41). Тюркские формы, так же как и венг. *borona* (Pott 1973:116), молд. *boroáне* ‘борона’, а *бороні* ‘бороновать’ (Баскаков 1973:91) — явно заимствованы из восточнославянских ЛС. Псл. форму **bǎrnā* (> **borna*) отражает сгр. и нгр. *σβάρνα* ‘борона, сначала деревянная с плетением из лозы’ (см. Ήμελλος/Πολυμέρου-Καμηλάκη 1983:112, 344–345 (фот. 148–150); ср. Μαλιγκούδης 1991:30–32). Этот пример показывает, что следует осторожно восстанавливать образец для копирования, учитывая, как уже было сказано, закономерности ЛС-приемника и другие лингвистические и экстралингвистические факторы.

²⁴ В случае с топонимами тоже следует внимательно выяснить все данные, связанные с тем или иным названием, топонимический массив и т.п. Так, *Magúla* ‘холм’; микротопоним в районе Пископи (*Piskopi-Επισκοπή*) на ЮЗ Идры был принесён, по мнению Т. Йохаласа, переселенцами из Албании, что подтверждает ряд других микротопонимов албанского (арванитского) происхождения или усвоенных им (Γιοχάλας 1, 2006:90).

ричное с метатезой *magulë* было заимствовано в рум. *măgură* (Orel 109). Подобные формы в других балканских ЛС, в том числе и гр. *μαγούλα*, не упоминаются, так же как и не выясняется связь албанских форм со славянскими словами. С другой стороны, признаётся, что алб. *gomilë* ж., мн. *gomila* ‘hear of stones, stone hill’ является заимствованием из южнославянских языков: болг. *гомѝла*, србхрв. *гомѝла*, форм, которые возникли в результате метатезы псл. **mogyla* (Orel 120). И вся эта путаница, в конечном счёте, во многом в результате неадекватной передачи праславянских форм, вынудившей, например, Шварца обращаться к «раннему праславянскому». Но славяне, пришедшие на Балканы в V–VI вв., были уже далеко не «ранними праславянами» и даже не совсем праславянами, а носителями, в лучшем случае, поздних праславянских ЛС или праславянской ГЛС в период её интенсивного расслоения, развития подсистем в отдельные самостоятельные ЛС.

Как показывают приведённые примеры, в архаических, реликтовых заимствованиях из славянских ЛС в балканские ЛС, в которых долгота гласных как дифференциальный фонологический признак была уже утрачена, одинаково передаются этимологический краткий *ĭ*, изменившийся позже в позднеславянский /Ь/, и долгий *ī* > позднеславянские /Ы/ ~ /И/; соответственно краткий *ǎ* > позднеславянский /О/ и долгий *ā* > позднеславянский /А/ и т.п., в отличие от более поздних, в том числе и повторных заимствований в тех же говорах типа нгр. *καρούτα* ~ *κορύτο(ς)*, рум. *măgură* ~ *movila*.

Данные балканских ЛС, сохраняющих копии с архаических праславянских форм, совершенно однозначно показывают, что ЛС или ГЛС славян, пришедших на Балканы, была ещё в пред-перестроечном состоянии или в начале процесса перестройки, т.е. до коренного преобразования всей фонологической системы праславянской ГЛС: монофтонгизации дифтонгов, создавшей давление в системе гласных, передвижению долгих и кратких гласных, слиянием их фонетически и перераспределением фонологически с утратой долготы гласных как фонологического признака, перехода сочетаний гласных с носовым согласным [n]/[m] в носовые гласные и последующей их окончательной вокализацией в большинстве славянских ЛС, изменений сочетаний гласного с последующим сонорным [r]/[l] и т.п. (ср. Schenker 1993:63–82; 1996:77–104; Bethin 1998).

Для объяснения данного утверждения и более компактного представления сочетаний фонем в славянской ГЛС обратимся к известным фактам. В фонологической системе славянских ГЛС выделяются три основные категории фонем в порядке возрастания их

звучности: согласные — С (1), сонорные — S (2) и гласные — V (3). Как известно, в славянской ГЛС в определённый период начал действовать т. н. закон *открытого слога* или, точнее, тенденция к возрастающей звучности в пределах слога (ТВЗ), когда последовательность звуков в пределах слога могла быть только CSV (1–2–3). Следовательно, наличие сочетаний VSC (3–2–1), независимо от того с плавным или с носовым, не согласуется с ТВЗ, поскольку слог не мог заканчиваться сонорным после более звучного гласного, ни тем более начинаться с сонорного перед менее звучным согласным. Вывод из этого очень простой: реликтовые славянские заимствования в балканских ЛС с сочетаниями VSC, типа арум. диал. *zvarna* < гр. *σβάρνα* < псл. **bǫrnā*, венг. *szalma*, тур. диал. *salma*, гр. *σάλμα* < псл. **sǫlmā*, и т.п., свидетельствуют о том, что ТВЗ в славянской ГЛС в период прихода славян на Балканы ещё не вошёл в силу. Следовательно, как сохранялись ещё сочетания VSC с плавным сонорным, так же сохранялись они и с носовым — причин для преобразования сочетаний VSC с носовым сонорным не было. Образование носовых гласных, т.е. переход носовых сонорных согласных в носовой призвук предшествующего гласного, и преобразование сочетаний гласного с сонорным плавным в позиции перед последующим согласным были «одного поля ягодами», результатом действия тенденции к возрастающей звучности в пределах слога (ТВЗ) и должны были происходить более менее одновременно, по крайней мере, в пределах единого хронологического периода действия указанной тенденции. С этой точки зрения, учитывая условия действия ТВЗ, носовые гласные и сочетания гласных с сонорным плавным перед последующим согласным (VSC) несовместимы хронологически в пределах одной языковой системы, т.е. представляют праславянский язык как несколько архаизированную форму старославянского при помощи т.н. неполногласных сочетаний. Относительную хронологию фонологических явлений и преобразований в славянских ЛС следует пересмотреть и уточнить. Интерпретация фонологических явлений в том плане, что общие из них для всех славянских ЛС должны были происходить в период, когда славяне ещё жили сообща, т.е. на их прародине, а различные или различающиеся — уже когда они разделились и разбрелись по белу свету, слишком прямолинейны и односторонни. Здесь нужно учитывать базовые для какой-либо ГЛС тенденции, которые продолжают действовать и после выделения языковых подсистем в самостоятельные ЛС, и вторичные, которые могут быть различными для подсистем в рамках одной ЛС. Кроме того, следует учитывать и типологию одинаковых результатов фонологических преобразований. То что палатали-

зация заднеязычных согласных перед гласными переднего ряда дала практически одинаковые результаты как в славянских, так и в других ЛС, напр. в кипрском, понтийском и других диалектах и говорах новогреческого языка, или некоторых говорах турецкого, отнюдь не свидетельствует о том, что она происходила одновременно в этих ЛС, или что они принадлежат к одной ГЛС, так же как и переход [r'] в [ž] в некоторых говорах цаконского диалекта (*korita* > *kožita*) или типологически сходный зетацизм в тюркских языках не свидетельствуют об их общности с польским, или что *kožita* заимствовано из польского.

Таким образом, румын. *o sută* 'сто' < псл. **sūtā*, (традиц. **syto*), румын. *mătură*, арум. *metura* 'метла' < псл. **mētūlā* > **metyla*, нгр. д. *χουμέλι* 'Hopfen, хмель (растение)' < псл. **chūmēlī* > **chymelъ* (см. Budziszewska 1990; Duridanov 1993; Hinrichs 1999:641), гр. *λόγγος* м. 'густые заросли кустарника', арум. *lungî* 'ровное поливаемое поле или поле возле реки' (Фессалия, горная Каламбака) (Μπουσμπρούκης 2003:320) < псл. **lāngŭ* ~ **lūngŭ* > **logъ*); нгр. *σέμπρος* м. 'испольщик', диал. *σέμβρους* 'крестьянин-испольщик, который ставит одного быка (вола) в пару для пахоты' (Макед.: горная Пиерия) (Δούγα-Παπαδοπούλου/Τζιτζιλής 2006:510), *σέμβρα* (η) 'так называет женщина, вышедшая замуж за вдовца, первую, умершую, жену её мужа' (Зап. Макед.: Касторья, с. Гермас) (Γεωργίου 1962:335), микротопоним *Σεμπροβίτσα* (Аркадия: с. Витина) (Μαλιγκούδης 2006:216–217), арум. *simbru* 'землепашец-испольщик, крестьянин, имеющий только одного вола, который берёт для пахоты в компаньоны другого крестьянина с одним волом' (Фессалия: горная Каламбака, сс. Ортоуни и Тригона) (Μπουσμπρούκης 2003:319); алб. *sembër* ~ *sëmbër* мн. 'two peasants using the same pair of oxen or having common cattle' «from **sębrъ* 'neighbor, comrade, peasant'» (Orel 394) < псл. **sęmbrŭ* ~ **sŭmbrŭ*, ср. србхрв. *себар*, белор. *сябёр* мн. *сябры* и др.

Сходство некоторых реконструируемых праславянских с и.-е. формами не должна смущать исследователя-слависта: сохранение архаических черт на периферии и ускорение развития фонологических преобразований в центре, или при активизации языковых контактов, явление известное и обычное. Так напр., в украинских центральных и степных говорах произошла бурная реформация фонологической системы, в то же время в «периферийных» полесских говорах сохранились многие архаические явления (переходные дифтонги *вол* ~ *вуол* ~ *вуіл* ~ *вил* и т.п.).

Языковые контакты и духовная культура. Большинство славянских заимствований в балканские языки относится к т. н. культурным заимствованиям (*cultural loans*), относящимся к разным сферам

жизни, хозяйства, окружающей среды и т.д. Заимствования в области духовной культуры, в особенности названия демонических персонажей, можно одновременно отнести к двум категориям и культурным (*cultural loans*) и специфическим, альтернативным (*intimate loans*)²⁵.

Одним из наиболее распространённых славянских заимствований, связанных с народной духовной культурой, народными представлениями, в греческом языке и его говорах является сгр. *βουλκόλακα(ς)*, *βουλκολάκος*, *βουρκολάκος*, *βουρκολάκας*, *βρικόλακας*, *βрукόλαξ* (ο) ‘Gespenst, Vampir’ (Κριαράς 4:191–2; LBG 1:292), причастие *βουρκολακιασμένος*, *βρικολακιασμένος*, *βρουκολακιασμένος* ‘ставший волколаком, оборотнем’ (Κριαράς 4:191–2); нгр. *βρικόλακας* (ο) ‘оборотень, вурдалак, вампир’, от которого глагол *βρικολακιάζω* 1) ‘становиться оборотнем, вурдалаком, вампиром’; 2) *перен.* ‘оживать, возрождаться, воскресать’; и отглагольное существительное *βρικολάκισμα* (το) 1) ‘превращение в оборотня, вурдалака, вампира’; 2) *перен.* ‘оживание, возрождение, воскресение’ (Хориков/Малев 200; INES 287). В новогреческих говорах это название демонов получило широкое распространение с очень большой вариативностью: *βρικούλακας* (Эпир), *βικόακας* (Самофракия), *βρεκόлаκας* (Пелопн.), *βрокόлаκας* (Милос; Наксос; Пелопн.; Понт), *βρουκόлаκας* (Аморгос; Вост. Румелия; Эпир; Фессалия; Фера; Фракия; Лесбос; Макед.; Пелопн.; Самос и др.), *βρουκόακα* (Цакония), *βρουκούлаκου* (Фессалия; Центр. Греция; Макед.), *βρακόлаκας* (Макед.), *βркόлаκας* (Кефалиния и др.), *βоркóлаκας* (Каппадокия; Кинфос; Тилос и др.), *βουρκόлаκας* (Афины; Аморгос; Эпир; Карпатос; Кефалиния; Крит; Китира; Лесбос; Мегара; Милос; Наксос; Пелопн.; Самос; Центр. Греция и др.), *βουλκόлаκας* (Макед.), *βουρβούлаκας* (Ионические о-ва; Крит; Кос; Миконос; Родос; Сифнос; Тинос; Хиос и др.), *βουρβούλιακας* (Фракия: Силиврия), *βорβóлаκας* (Эвбия; Карпатос; Ликия: Ливисси), *βαρβούλακας* (Парос), *βαρβάλακας* (Нисирос; Сими), *βουρβούλ-λ^dακας* (Родос), *βóлаκας* (Ликия: Ливисси), *βουρδóулаκας* (Афины; Андрос; Эвбия; Кинтос; Мегара; Саламина; Сирос и др.), *βουρδóлаκας* (Афины; Эвбия; Пелоп.; Центр. Греция и др.), *βордóлаκας* (Афины; Эвбия; Понт и др.), *βордóулаκας* (Афины), *πρόлаκας* (Вост. Румелия) — 1) а) ‘мёртвый грешник, который не разлагается и одержимый дьяволом выходит из могилы, обычно ночью, иногда и днём, кроме субботы, и причиняет вред и разрушение, в первую очередь своим ближним, но и другим людям, принося их в жертву; часто продолжает заниматься тем же, чем занимался и при жизни, совокупляется с же-

²⁵ См. об этом Joseph 1994; Bloomfield 1933.

ной, которая рождает от этого детей; появляется или в обычном виде или в виде животных (собаки, жабы и т.п.) или предметов (мешка, огня и т.п.)'; б) 'привидение, тень, дух или душа умершего, беспокоящая живых'; 2) 'каликандзарос, рождественско-новогодний демон'; 3) 'пугало'; 4) а) 'антропоморфное привидение с рогами, с покрытыми шерстью ногами, которое садится сверху на спящих и душит их во сне', б) 'демон'. Мн. ч. *βρικουλακάδης* (Фракия), *βουρκόλακας*, οί (Самос); жен. р. *βρικόλακισσα* (Кефалиния), *βρικουλατσίνα* (Лесбос), *βουρβουλακίνα* (Хиос); уменьшит. *βρικόλακι* (Макед.: Салоники), *βρουκουλάκι* (Фессалия), *βορβολακάτσι*, а также производные *βρικόλακιάζω*, *βρικόλακισμα*, *βρικόλακίστικος* (ΙΑΝΕ 4:125–126).

Согласно мнению составителей «Исторического словаря новогреческого языка и его говоров» (ΙΑΝΕ), эти формы происходят от незасвид. **βρίκολος*, варианта дгр. *βρίκελος* 'трагическая маска' при помощи увеличит. суффикса -ак-(ας). Влиянием другого слова с подобным значением — **μормόλακας* от дгр. *μормολύκη*, нгр. *μормολύκειο(ν)* 1) 'бука, сташилище, «старик» (которым пугают детей)'; 2) 'пугало, страшилище (чаще о старике)' объясняется возникновение форм типа *βορβόλακας*. Варианты *βουρδούλακας*, *βουρδόλακας*²⁶ и подобные возникли под народноэтимологическим влиянием слова *βούρδουλας* 'плеть, кнут'. Упоминается, правда, и мнение Г. Маера о славянском происхождении (ΙΑΝΕ 4:125; Meyer 1894–95[2]:19). В новейшей литературе славянское происхождение уже, как правило, не оспаривается, но напр., вслед за тем же Г. Маером форму *βρουκόλακας* (Макед.: горная Пиерия, Козани, Серры и др.) выводят или непосредственно из болг. *върколак*, или от нее же через сгр. *βουρκόλακας* (см. БЕР 1:97; ΙΝΕΣ 287; Πασχαλούδης 2000:72; Ντίνας 2, 2005:97; Δούγα-Παπαδοπούλου/Τζιτζιλής 2006:90). Указанное решение нельзя исключить, но сгр. названия показывают, что уже в период средневековья они значительно варьировались. Причем наиболее архаичной сгр. формой, очевидно, является *βουλκόλακα(ς)*, дающее нам предполагаемую для копирования форму **vŭlkolaka*, отражающую ещё сохраняющееся, как и в других архаических заимствованиях, краткое *ŭ*, но уже с упрощением группы *dl > l*. Трудно сказать, произошло ли это упрощение ещё в славянской форме или, может уже на греческой по-

²⁶ Очевидно, эту гр. форму использовал А. Пушкин, вводя в русскую литературу, а через неё и в широкий обиход слово *вурдалак*, практически вытеснившее исконно русское *волколак* (см. МНМ 1:243). Это интересный случай обратного заимствования и влияния литературных источников на формирование демонической терминологии.

чве. Стр. форма также свидетельствует в пользу окончания *-a* в слав. образце для копирования (ср. укр. *вовкулака*), в другом случае следовало бы ожидать закономерное стр. окончание *-os*, как в форме *βουρκολάκος*. По этому поводу см. указанные выше примеры стр. слов с окончанием *-os*, передающим слав. окончание *-ъ[-ǫ]*, так же как и лат. *-us*: *βογάτος* (*bogatǫ*), *άσβος* (*jazvǫ*) и т.п., но *βοεβόδας* из слав. **БОЕВОДА**. В последнем случае следует, конечно, помнить, что у Багрянородного приводится форма *βοεβόδος*, но это может объясняться образцами для копирования из разных ЛС, как и в случае с *βουλκόλακα* ~ *βρουκόλακας* ~ *βρουκόλακος*, напр. нгр. диал. *βουρκολάκος*, судя по фонетическому оформлению и акцентуации, очевидно, действительно из болг. *върколак*. Сложно принять окончательное решение и о происхождении форм *βουρκόλακας* ~ *βρουκόλακας* с [r] на месте [l], потому что и для греческого языка, а в особенности для нгр. говоров, так же как и для славянских ЛС, характерно чередование *l / r* и неустойчивость сочетаний гласных с сонорными плавными в положении между согласными. Сходное алб. *vurkollak* м, мн. *vurkolleq*, вариант *vurvollak* 'вампир' Вл. Орёл выводит из псл. **vǫlkodlakъ* 'werewolf, vampire' (Orel 517). Это решение тоже нельзя безоговорочно отвергнуть, но очень уж сходны алб. формы с указанными нгр. диал. *βουρκόλακας* и *βουρβόλακας* и очень далеки от предполагаемой праславянской формы²⁷. Насколько можно судить на основании имеющегося материала, практически ничего не осталось в балканских ЛС и от первоначальной славянской семантики: в словарях, как правило, даётся краткое объяснение «βρικόλακας, βαμπίρ; vampire», в этнографической литературе *βρουκόλακας* также описывается как встающий из могилы мертвец, труп которого не разлагается. Ничего «волчьего» в семантике *βουλκόλακα* в греческой литературе пока найти не удалось.

Как известно, для слав. форм: србхрв. *вукодлак*, болг. *върколак*, рус. *волкулák*, укр. *вовкулáка* и т.п. восстанавливается псл. **vǫlko-dlakъ*²⁸ 'волчья шкура, т.е. человек / существо в волчьей шкуре, ставший волком, превратившийся в волка' (см. Vasmer 1 s.v. *вол-*

²⁷ В алб. говорах Греции употребляется другое алб. название вампира, оборотня — *ljugat* -i, *ljughat* -i (Эвбея, Идра) (Γιοχάλας 2002:503; 2006/2:589), ср. алб. *lugat* м, мн. *luget*, *lugetër*, вариант *lavgat* 'bogy, vampire', которое считается заимствованным из раннероман. сложным словом, первой частью которого, несомненно, по выражению Вл. Орла, является лат. *lupus* 'волк', а всё слово может быть продолжением роман. **lupus peccátus* 'false wolf' (Orel 233)

²⁸ В. В. Иванов и В. Н. Топоров предлагают другую этимологию, возводя вторую часть к балтийскому названию медведя (дпрус. *clokis*, лит. *lokys*) (см. МНМ 1:242, а также Лома 2002:90, прим. 123). Косвенные параллели к этому можно приве-

колáк; Dukova 1984:12–14; Лома 2002:90). Славянское название связывают с ритуальным ряжением волком, в частности во время инициаций юношей у славян, так же как и у других и.-е. и не и.-е. народов. Ф. Малингудис связывает это название и обрядово-мифологическую семантику, на которой оно возникло, с пассажем у Псевдо-Кесарийского (Псевдо-Цесариуса) (сер. VI в.) о славянах, которые зовут один другого, подражая вою волков — «*τῶν λύκων οἰμογάς*». Это сообщение перекликается с псл. **vьlkonуja* ‘человек, воющий как волк’ и племенным названием *Vьlkonуje* (см. Лома 2002:89, 199). Топоним **Vьlkonуja* распространён по всей Юго-Восточной Европе, северо-восточной Германии, зафиксирован он также в Южной Греции в эллинизированной форме *Λυκουβές* (Мессинийское Мани, где с середины VII в. осело славянское племя милингов — *Μιληγγοί*). Ф. Малингудис трактует этот топоним как *locus incarnationis* — место исполнения языческих ритуалов древних славян (см. Malingoudis 1981:13; Μαλιγκούδης 2006:231–234). К сообщению Псевдо-Цесариуса близко и описание ритуального поведения полабских славян Велетов, которые ещё в начале XII в. отсекали головы новоборачённым христианам и пили их кровь, завывая как волки (*horrendis vocibus ululantes*) перед жертвенниками их бога Припегалы (*Pripegala*) (см. Лома 2002:89). Древнее ритуальное значение славянского термина сохраняет укр. *вовкулака* или *вовкун*, который может сам, по собственному желанию, превращаться в волка и снова в человека (см. Зеленин 1991: 423). Это хорошо видно из записей П. Чубинского: «Вовкулак ходыть у лис до настоящих вовкив, и там воны бигають, щоб поймать що-небудь и зьысты. Свитом вовкулак иде додому и перед селом знов перекидається в чоловика, а жинка ёго вже знае, ничого вже ёму й не каже», а также «Вовкулакою зветься такый чоловик, котрый може робытьця вовком. Вин, як изробытьця уже вовком, ходыть по кошарам, душыть там овець, абы, бачте, пакость зробыть хозяину, бо вовкулака (бый ёго сыла Божа!) тылько подушыть, а не исть» (Чубинський 1:203).

сти из гр. ЛС: в понтийском диалекте (Малая Азия, Грузия) зафиксированы термины *λυκοπάππος* («волк-дед») ‘прадед’, *λυκογιάγια* («волк-бабушка») ‘прабабушка’, а также *αρκοπάππος* (=медведь-дед) ‘прапрадед’ *αρκογιάγια* (=медведица-бабушка) ‘прапрабабушка’ (см. Παπαδόπουλος 1, 1958:140; 2, 1961:535; Зайковская 1993:104; Ζαϊκόφσκαγια 1996–97:167). На связь волка и медведя с названием оборотня указывает и нгр. диал. *βουρκόλακας*, мн. *βουρκόλακας* = *αρκούδης* («медведи») ‘фасоль, которая не варится’ (Самос) (Ζαφειρίου 1995:367, 350). Однако, парадокс этимологии В. В. Иванова и В. Н. Топорова в том, что они приписывают балтийское значение слав. слову, в то время как за лит. *vilkolakis*, *vilkolakas*, *vilkalakis*, *vilkalokas*, *vikalotas*, *vikalatas* признают значение «с волчьей шерстью», сходное со славянским, которое они считают народноэтимологическим (МНМ 1:236).

Подобные представления у греков Пелопоннеса о демонах, которые душат скот, приводит Ф. Малингудис. Характерно, что этих демонов тоже называют словами слав. происхождения: *σμερδάκι* / *σμιρδάκι* (то) уменьш. форма от *σμέρδι* < псл. **smьrdь* 1) 'отвратительный, гнусный', 2) 'вонючий' и *ντίβετσκας* < **divьць*, уменьш. форма от **divь* 1) 'демон', 2) 'дикий' < и.-е. **deiwos* (Μαλιγκούδης 2006:227–234).

Сложная ситуация и с названием ещё одного демонологического персонажа, ставшего всемирно известным под заимствованным от славян именем *вампир* (см. напр. Kreuter 2001). Как известно, рус. *упырь*, укр. *упір*, белор. *вўпор*, польск. *upior*, болг. *въпер*, *вампирин*, *вапир*, *лепир* общепринятой этимологии не имеют (см. Vasmer 3:186–187; МНМ 2:549). По мнению Д. К. Зеленина, «Представление о кровожадном вампире проникло из Западной Европы только на Украину и в Белоруссию (укр. *упір*, белор. *вўпор*); русским он неизвестен» (Зеленин 1991:420). В южнославянских ЛС подобные названия и их семантика, как и положено в таких случаях, широко варьируются, ср. напр. у Маринова: болг. диал. *въпер* (Демирхисарско), *вампир(ин)* (Воден, Битоля, Самоковско), *вапир* (Прилепско), *лепир* (Търновско) и *дракос* (Хасковско), *пльтеник* «*Тези, които умрели много стари*» (Маринов 1994:213, 309–313; БЕР 1:117). Во многих вариантах подобные названия этого демонологического персонажа представлены и в нгр. говорах, указанные в IANЕ, составители которого указывают на их славянское происхождение: *βόμπρας* м (Эвбия; Макед.; Пелоп., Центр. Греция: Этолия, Арахово, Навпактос, Парнасос и др.), *βόμπ'ρας* (Сев. Эвбия; Макед., Центр. Греция и др.), *βόμπε-ρας* (Центр. Греция: Арахово и др.), *βούμπερας* (Эвбия), *βούμβαρος* (Кипр), *μπόμπρας* (Эвбия, Кинфос и др.), *βόβιρας* (Кефалиния), *μπόμπορας* (Паксос), *γόμουρας*, *βομπίρα* (Пелоп.: Коринф), *βομπίρα* (Центр. Греция: Этолия, Навпактос), *μπομπιρού* 1. а) 'вурдалак, который, согласно повериям, ест человеческую плоть и пьёт кровь. прежде всего опасен для его ближних' (Сев. Эвбия; Макед.: Салоники; Центр. Греция: Этолия, Навпактос и др.); б) 'ребёнок, оставшийся сиротой, который считается причиной смерти его родителей (что он съел своих родителей)' (Центр. Греция); 2) а) (также *βομπιρίάρις*) 'человек низкого роста, худой, безобразный, а также плохой, завистливый, недоброжелательный, злобный' (Эвбия; Кефалония; Паксос; Пелопоннес: Коринф; Центр. Греция: Этолия, Арахово, и др.); б) 'маленький, но очень живой и непослушный ребёнок' (Эвбия, Кифнос, Макед., Центр. Греция: Этолия и др.); в) 'своенравный, упрямый, с тяжёлым характером человек' (Центр. Греция: Этолия); 3) 'рождественско-новогодний демон, каликандзар' (Кипр) (IANЕ 4:33). Доба-

вим также нгр. диал. *βάμβουρας, βέμβουρας, βόμβιρας* 1) ‘волколак’; 2) ‘непослушный ребёнок’; 3) ‘низкорослый человек или животное’; 4) ‘жуликоватый человек’ (Макед.: горная Пиерия) (Δούγα-Παλαδοπούλου/Τζιτζιλής 2006:90, 201, 205). Однако К. Динас, вслед за INEΣ 889, считает формы *βόμπιρας* [vómbiras] ή *βόμπουρας* [vómburas] ‘низкорослый человек, карлик; маленький ребёнок’ (Козани) звукоподражательными (Ντίνας 2, 2005:92), указывая также арум. *vómbiru* (Paparagi 1278). Связь указанных слов с нгр. *μπόμπιρας* м. 1) ‘хрущ; майский жук’; 2) перен. ‘малышка; малышка (о ребёнке); коротышка (о человеке)’ # *είναι μπόμπιρας* ‘мал да удал’ (см. Хориков/Малев 537) следует уточнить, в том числе и на экстралингвистическом материале (народные поверья и представления о майских жуках, их связь с миром мёртвых и т.п.).

Славянского происхождения, по мнению А. Тице, и тур. диал. *obur* ‘Gespenst, Wiedergänger’ (Rize) (см. Tietze 1957:31–32; Süleymanoğlu Yenisoу 1998:188). Но с этим мнением не согласен Х. Эрен (Eren 1960:344) и на вполне законных основаниях. Подобные названия вампира широко распространены в тюркских ЛС: осм.-тур., крым.-татар. *обур* (из *op+Vr*) ‘ненасытный, обжора, ведьма, злой дух’, ср. уйгур. *обур* ‘кормилица’, крым.-татар. *обурлан* ‘состариться (в дурном смысле, т.е. иметь вид старого злого духа или ведьмы’, осм.-тур. *обурлук* ‘обжорство, страшный голод’, казан.-татар. *убыр* (из *up+Vp*) ‘мифическое существо’, *убыр карчык* ‘ведьма, колдунья’, *убыр киши* ‘колдун’, *убырлы* ‘человек, одержимый убыром’ (Radloff 1:1161, 1782–83), гагауз. *обур, хобур* ‘оборотень, вурдалак’ (Баскаков 1973:348, 520), урум. *обур* ‘ведьма; старый, злий’; *обуркӱген* и *обуртит’ен(и)* ‘чортополох’ (*кӱген* ‘колючка; терен’); *обурлан-* ‘сильно старити’ (Гаркавец 2000:318). К тому же они являются закономерным морфологическим и семантическим развитием тюрк. глагольной основы *up ~ op* [up~op] 1) ‘всасывать в себя’; 2) ‘проглотить’; 3) ‘глотать с жадностью, прожирать’ 4) ‘много и без пользы уничтожить’²⁹ (Radloff 1:1155, 1779; см. Dukova 1997:99; Kreuter 2001:71). Это соответствие славянским и закономерность тюрк. *obur ~ ubir* смущало в своё время ещё М. Фасмера. Проблему представляет только носовой в стслав. форме, но это можно объяснить балканскими процессами появления носового [m] перед согласными [p] и [b], скорее всего связанными с фонетическо-фонологическими изменениями [b] > [w] > [v], графически передаваемого как β, в греческом, как это произо-

²⁹ Ср. поверья о слав. и греч. вовкулаках и др. демонах, которые уничтожают много скота, без всякой пользы.

шло, напр., в форме *sqbota* > *subota*, из сгр. **σάμβατον*, мн. -*τα*, или балкано-роман. **sāmbātā*, ср. рум., арум. *sāmbātā* ‘суббота’ (см. Vasmer 3:37). Следовательно, польское *upior* без носового является закономерным. Если эта этимология верна, тогда это ещё раз подтверждает древность контактов славян с тюркскими племенами. Существенно то, что тюркские лексемы зафиксированы в ЛС этноязыковых групп, восходящим к тюркским племенам, очень рано проникшим в ЮВЕ. У. Дукова указывает также чуваш. *vāpār* ~ *vipār*, с которыми она связывает болг. диал. *вāпār* (Dukova 1997:99), но чуваш. *ā* и болг. слав. *ā*, так же как и чуваш. *p* и болг. *n* несколько различаются в плане их происхождения и места в фонологической системе соответствующих ЛС.

Сложно сказать определённо к какому историческому источнику восходит осм.-тур. *vampir* 1) ‘vampire’; 2) ‘vampire bat, zool., Vampirus spectrum’ (Radloff 4:1966; Баскаков 1977:893; Redhouse). Как уже было сказано, слово это стало интернационализмом и вполне возможно, что в османо-турецком оно из французского, как указывают составители словаря Redhouse.

В некоторых случаях проследить пути проникновения заимствованного слова, в особенности, названий демонических персонажей очень трудно или даже невозможно. П. Чубинский приводит укр. поверье из Проскуровского уезда о *мемозинах*: «Уверяют, что в море находятся странные существа, полурыбы, полуженщины: голова, руки и брюхо женские, а вместо ног — рыбий хвост» (Чубинский 1:203). Несомненно, что укр. *мемозины* происходят от имени франкской русалки *Mélusine*, полуженщины-полурыбы, которая, согласно генеалогической легенде (*La légende de Mélusine*), считалась родоначальницей королевского дома Лузиньянов (*Lusignan*) на Кипре и в Киликийской (Малой) Армении, о которой повествует Jean d’Arras в своём труде «*Mélusine ou L’Histoire de Lusignan*» (1392 г.) (см. Μαρχακού/Λοΐζου 1985:22). Но каким образом это средневековое франкское предание попало на Украину, об этом можно только гадать. Может быть, кто-то из барышень или господ, начитавшись средневековых романов, решил просветить и крестьян, которым это предание запало глубоко в душу; может кто-то из паломников к святым местам или странствующих монахов (вспомним Василия Барского долго прожившего на Кипре) услышал историю о Мелюзине во время долгих странствований по морям по волнам и затем рассказа своим соотечественникам. Мемозина знает! Можно предположить, что передача имени *Мелюзина* как *мемозина* произошла в результате ошибки переписчика, так как рукописное *-лю-* вполне могло быть прочитано как *-мо-*.

Этимология и лингвогеография названий мифологических персонажей типа *вриколак*, *вурдалак*, *вампир*, *караконджол*, *мемозина* и т.п. показывают, что подобные названия легко и охотно заимствуются как чужие наименования демонов, которые чужды по отношению к человеческой общине, не-свои и по «природе» своей не могущие быть освоенными; и очень быстро распространяются, варьируясь вследствие народной этимологии, но, прежде всего, вследствие заложенной в них изначально экспрессивности.

Как показывают данные результатов языковых контактов, особенно ранних, славянских с балканскими и тюркскими языками, адекватная интерпретация материала имеет важное значение прежде всего для самой славянской этимологии и её базовых понятий, таких как праславянский язык-основа, (пра)славянская ГЛС, реконструируемые (пра)формы и т.п. Максимальный учёт всех имеющихся лингвистических и экстралингвистических данных, а также непредвзятый анализ материала, служащего основой, краеугольным камнем и конечным критерием проверки любой рабочей теории, могут помочь по-новому посмотреть на результаты контактов славянских ЛС и их носителей с неславянскими, пересмотреть некоторые вопросы славяноведения, прежде всего праславянского языка, роль славянских ЛС (слав. ГЛС) в формировании балканского языкового союза, а также решить многие этимологические проблемы.

Источники

- Багрянородный** — Константин Багрянородный, *Об управлении империей*: текст, перевод, комментарий. Под редакцией Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева, Москва 1990.
- Баскаков 1962** — Н. А. Баскаков, *Введение в изучение тюркских языков*, Москва.
- Баскаков 1973** — Н. А. Баскаков (ред.), Г. А. Гайдаржи, Е. К. Колца, Л. А. Покровская, Б. П. Тукан, *Гагаузско-русско-молдавский словарь*, Москва.
- Баскаков 1977** — Н. А. Баскаков, *Турецко-русский словарь*, Москва.
- Бернштейн 1984** — С. Б. Бернштейн, К изучению тюркизмов (турцизмов) в южнославянских языках. *Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте*, Москва, 5–10.
- Бернштейн 1986** — С. Б. Бернштейн, *Болгарско-русский словарь*, 3-е изд., Москва.
- Болокан и др. 1980** — Г. Болокан, Т. Медведев, Т. Воронцова, *Румынско-русский словарь*, Москва — Бухарест.
- Гаркавец 2000** — О. Гаркавец, *Урумьский словник*, Алма-Ата.
- Дворецкий 1976** — И. Х. Дворецкий, *Латинско-русский словарь*, Москва.
- Десницкая 1963** — А. В. Десницкая, *Славянские заимствования в албанском языке*, Москва.

- Десницкая 1990** — А. В. Десницкая (ред.), *Основы балканского языкознания: Языки балканского региона. Часть I (новогреческий, албанский, романские языки)*, Ленинград.
- Добродомов 1974** — И. Г. Добродомов, Пути проникновения болгарских элементов в славянские языки, *Тюркизмы в восточнославянских языках*, Москва, 26–43.
- Зайковская/Зайковский 2001** — Т. Зайковская, В. Зайковский, Этнолингвистические материалы из Северной Греции (с. Эратира, округ Козани), *Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография*, Москва, 152–181.
- Зайковская 1993** — Т. В. Зайковская, Момозэры — новогодние ряженые у греков Аджарии, *Полевые исследования*, Новая серия, том I, выпуск 1, Москва, 94–105.
- Зеленин 1991** — Д. К. Зеленин, *Восточнославянская этнография*, Москва.
- Зеленин 1995** — Д. К. Зеленин, *Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки*, Москва.
- Кобычев 1973** — В. П. Кобычев, *В поисках прародины славян*, Москва.
- Крымский 1916** — А. Крымский, *История Турции и ее литературы. Том первый (От возникновения до начала расцвета)*, Москва.
- Лома 2002** — А. Лома, *Пракосово. Словенски и индоевройски корени српске ейике*, Београд.
- Маринов 1994** — Д. Маринов, *Народна вяра и религиозни народни обичаи*, София.
- МНМ** — *Мифы народов мира*, Энциклопедия, 1–2, Москва 1991.
- Пухнер 1983** — В. Пухнер, Белешки към оноματοлогията и етимологията на българските и гръцките названия на обряда за дъжд *додола /перперуна*, *Български фолклор* XI/1, 59–65.
- Раденковић 1996** — Љ. Раденковић, *Народна бајања код Јужних Словена*, Београд.
- Рачева 1993** — М. Рачева, Отражение старых этнических и языковых контактов на Балканах в болгарских и сербохорватских названиях некрещеного ребенка, *Балканско езикознание* XXXVI/3, 275–280.
- Рот 1973** — А. М. Рот, *Венгерско-восточнославянские языковые контакты*, Будапест.
- Селищев 1931** — А. М. Селищев, *Славянское население в Албании*, София.
- Сытов 1987** — А. П. Сытов, Латинские элементы в глагольной системе албанского языка, А. В. Десницкая (ред.), *ROMANO-BALCANICA (Вопросы адаптации латинского языкового элемента в балканском ареале)*, Ленинград, 171–201.
- Толстой 1982** — И. И. Толстой, *Сербскохорватско-русский словарь*, Москва.
- Топоров 1990** — В. Н. Топоров, Конные состязания на похоронах, *Исследования в области балто-славянской духовной культуры (Погребальный обряд)*, Москва, 12–47.
- Чајкановић 1995** — В. Чајкановић, *Стара српска религија и митологија*, Београд.
- Чубинський** — П. Чубинський, *Мудрість віків. Українське народознавство у творчій спадщині Павла Чубинського*. Кн. I–II, Київ 1995.

- Шклифов 1977** — Б. Шклифов, Речник на костурския говор, *БД VIII*, 201–327.
Яўневіч 1960 — М. Яўневіч, 3 лексикі вёскі Кліны // Ф. Янкоўскі (ред.), *Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы*, Мінск, 7–64.

*

- Ashla 1999** — Alexandr Ashla, *Τα Μαριουπολιτικά*, Αθήνα.
Bárczi 1–3, 1967–1976 — Géza Bárczi (ed.), *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára*, első kötet, v. 1–4, Budapest.
Bethin 1998 — Christina Y. Bethin, *Slavic Prosody: language change and phonological theory*. Cambridge, New York.
Birnbaum/Vryonis 1972 — Henrik Birnbaum & Speros Vryonis (eds.), *Aspect of the Balkans: Continuity and change*. The Hague — Paris.
Blockley 1981–1983 — R.C. Blockley, *The fragmentary classicising historians of the later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus, and Malchus*, I-II. Liverpool.
Bloomfield 1933 — L. Bloomfield, *Language*, New York.
Bodrogligeti 1971 — A. Bodrogligeti, *The Persian Vocabulary of the Codex Cumanicus*. Budapest.
Borg 2004 — Alexander Borg, *A comparative glossary of Cypriot Maronite Arabic: Arabic-English with an introductory essay*. Leiden: Boston.
Bozdémir/Bosnali 2006 — Michel Bozdémir, Sonel Bosnali (eds.), *Contact des langues II: les mots voyageurs et l'Orient: actes du colloque organisé par l'Université de Bogazigi (2–3 juin 2003, Istanbul)*, İstanbul.
Budziszewska 1990 — W. Budziszewska, „Die Widerspiegelung der Kultur der Slawen in den slawischen Lehnwörtern in neugriechischen Dialekten“, *Балканское языкознание* 33/3–4 (1990), 119–126.
Comrie/Corbett 1993 — Bernard Comrie and Greville G. Corbett (eds.), *The Slavonic languages*. London.
Dankoff/Kelly I–II, 1982 — Robert Dankoff & James Kelly, *MAHMŪD al-KĀŠGARĪ, Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luyāt at-Turk)*. Edited and Translated with Introduction and Indices by Robert Dankoff in collaboration with James Kelly. Part I-II. Harvard.
Dauzat et al. = Dauzat/Dubois/Mitterand.
DS I–XII, 1993 (1963–1976) — *Türkiye'de halk ağzından derleme sözlüğü*, I–XII, Ankara.
Dukova 1984 — U. Dukova, „Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen“, *Балканское языкознание* XXVII, 2 (1984) 12–14.
Dukova 1997 — U. Dukova, *Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen*. München.
Duridanov 1977 — I. Duridanov, Zur Bestimmung der ältesten slavischen Entlehnungen im Albanischen, *Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft*, Sonderheft 41 = *Akten des internationalen albanologischen Kolloquiums in memoriam N. Jokl*. Innsbruck.
Duridanov 1993 — I. Duridanov, Die ältesten slavischen Entlehnungen im Rumänischen, *Балканское языкознание* XXXIV, 1–2 (1993) 3–19.

- Eren 1960** — Hasan Eren, Anadolu Ağzlarında Rumca, İslavca ve Arapça Kelimeler, *Türk Dili Araştırmaları Yılığ*ı (Ankara 1960) 295–371.
- Eren 1999** — Hasan Eren, *Türk dilinin etimoloji sözlüğü*. 2. Baskı. Ankara.
- Georgiev 1968** — V. Georgiev, L'apport du bulgare a la formation de l'union linguistique balkanique, *Actes du Premier Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes, VI.-Linguistique*. Sofia, 55–57.
- Goebel et al. 1997** — Goebel, Hans / Peter H. Nelde / Zdeněk Starý / Wolfgang Wölck (eds.), *Kontaktlinguistik / Contact Linguistics / Linguistique de contact*, 1–2, Berlin / New York.
- Golden 1992** — Peter B. Golden, “The *Codex Cumanicus*”, In: Hasan B. Paksoy (ed.), *Central Asia Monuments*, Istanbul, 33–63.
- Grønbech 1942** — Kaare Grønbech, *Komanisches Wörterbuch, türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus*, København.
- Hakeri 2003** — Bener Hakkı Hakeri, *Hakeri'nin Kıbrıs Türkçesi sözlüğü*. Mağusa.
- Hasluck I–II, 1929** — F. W. Hasluck, *Christianity and Islam under the Sultans*, edited by Margaret M. Hasluck, Oxford.
- Hinrichs/Büttner 1999** — Uwe Hinrichs / Uwe Büttner (eds.), *Handbuch der Südost-europa-Linguistik*. Wiesbaden.
- Hinrichs 1999** — Uwe Hinrichs, Der Einfluss des Slavischen in Südosteuropa, In: Hinrichs / Büttner (eds.) 1999, 619–647.
- Ivić 1972** — P. Ivić, Balkan Slavic Migrations in the Light of South Slavic Dialectology, In: Birnbaum / Vryonis (eds.) 1972, p. 66–86.
- Joseph 1994** — Brian D. Joseph, Borrowing at the Popular Level: Balkan Interjectional Particles of Turkish and Greek Origin, *Septième congrès international d'études du Sud-est européen (Thessalonique, 29 août - 4 septembre 1994)*, Rapports, Athènes, 507–520.
- Kahane/Tietze 1958** — Henry & Renfe Kahane, Andreas Tietze, *The Lingua Franca in the Levant: Turkish Nautical Terms of Italian and Greek Origin*. Urbana.
- Katičić 1976** — Radoslav Katičić, *Ancient languages of the Balkans*, part one-two (Indices), The Hague-Paris.
- Kowalski 1929** — Tadeusz Kowalski, *Karaimische Texte im Dialekt von Troki: eingeleitet, erläutert und mit einem karaimisch-polnisch-deutschen Glossar versehen = Teksty karaimskie w narzeczcu Trockiem: z wstępem i objaśnieniami w języku niemieckim, tudzież ze słownikiem karaimsko-polsko-niemieckim*. Kraków.
- Kreuter 2001** — Peter Mario Kreuter, *Der Vampirglaube in Südosteuropa: Studien zur Genese, Bedeutung und Funktion: Rumänien und der Balkanraum*. Berlin.
- Kuun/Ligeti** — Géza Kuun / Lajos Ligeti (*Prolegomena*), *Codex Cumanicus bibliothecae ad Templum Divi Venetiarum*, Budapest 1981.
- Lemerle 1979** — Paul Lemerle, *Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Démétrius et la pénétration des Slaves dans les Balkans*, I, Paris.
- Menges 1978** — Karl H. Menges, Etymologika: Einige slavische und andere westliche Lehnbeziehungen des Türkischen, *Rocznik Orientalistyczny* XL, 1 (Warszawa 1978) 9–19.
- Meninski** — Franciscus a Mesgnien Meninski, *Thesaurus linguarum orientalium Turcicae, Arabicae, Persicae...* = *Lexicon Turcico-Arabico-Persicum*, ed. St. Stachowski und M. Ölmez, II, Istanbul 2000.

- Meyer 1894–95** — Gustav Meyer, *Neugriechische Studien*, I–IV, *Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Klasse*. Wien.
- Mollova 1967** — Mefküre Mollova, *Quelques lexèmes turks septentrionaux en bulgare*, *Балканское езиковзнание* XI, 2 (1967) 79–86.
- Mollova 2003** — Mefküre Riza Mollova, *Doğu Rodop Türk Ağızlarının Sözlüğü = Dictionnaire Dialectologique du Turc du Rhodope de l'Est-Turc-Français*, Ankara.
- Moser-Karagiannis 2003** — Emmanuelle Moser-Karagiannis, *Quelques remarques sur les appellations du Kalikantzaros*, *Λεξικογραφικόν Δελτίον* 24 (Αθήνα 2003) 161–197.
- Porphyrogenitus** — Constantine Porphyrogenitus, *De administrando imperio*, Greek text edited by Gy. Moravcsik, English translation by R. J. H. Jenkins. Washington 1967.
- Radloff** — Wilhelm Radloff, Omeljjan Pritsak (Vorwort), *Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte (Опыт словаря тюркских наречий)* I–IV, The Hague 1960.
- Russu 1970** — I. I. Russu, *Elemente autohtone in limba română*, Bukurești.
- Sandfeld 1930** — Kr. Sandfeld, *Linguistique balkanique: problèmes et résultats*. Paris.
- Schenker 1993** — Alexander M. Schenker, Proto-Slavonic; In: Comrie / Corbett (eds.) 1993, 60–121.
- Schenker 1996** — Alexander M. Schenker, *The Dawn of Slavic: an introduction to Slavic philology*. New Haven and London.
- Sikimić 1996** — Biljana Sikimić, *Etimologija i male folklorne forme*, Beograd.
- Skendi 1980** — Stavro Skendi, *Balkan Cultural Studies*, New York.
- Somavera 1709** — Alessio da Somavera, *Θησαυρός της ρωμαϊκής και της φραγκικής γλώσσας, ήγουν λεξικόν ρωμαϊκόν και φραγκικόν, έργον οψίγονον από τον πατέρα Αλέξιον τον Σουμβαβεραίων = Tesoro della lingua greca-volgare ed italiana cioè ricchissimo dizionario greco-volgare et italiano, opera postuma dal Padre Alessio da Somavera*. Paris.
- Süleymanoğlu Yenisoıy 1998** — Hayriye Süleymanoğlu Yenisoıy, *Tarih boyunca Slav-Türk dil ilişkileri, Türkçede ve öteki Türk lehçelerinde Slav leksik unsurları*, Ankara.
- Svane 1992** — Gunnar Svane, *Slavische Lehnwörter in Albanischen*. Aarhus.
- Symeonidis 1976** — Charalambos Symeonidis, *Der Vokalismus der griechischen Lehnwörter im Türkischen*, Thessaloniki.
- Thavoris 1975a** — Antonios I. Thavoris, The Slavs and Slavs toponyms and their endings in Greece, *Cyrrillomethodianum III* (Thessaloniki) 190–218.
- Thavoris 1975b** — A. I. Thavoris, Die Archaismen der griechischen Lehnwörter im Bulgarischen, *Balkan Studies* 16/1 (Thessaloniki) 146–153.
- Tietze 1955** — Andreas Tietze, „Griechische Lehnwörter im anatolischen Türkisch“, *Oriens* 8 (Leiden) 204–257.
- Tietze 1957** — Andreas Tietze, „Slavische Lehnwörter in der türkischen Volkssprache“, *Oriens* 10/1 (Leiden) 1–47.
- Tor 2004** — Gülseren Tor, *Mersin ağzı sözlüğü*, İstanbul.
- Triandafphyllidis 1909 (= 1963)** — M. Triandafphyllidis, *Die Lehnwörter der mittelgriechischen Vulgärliteratur*. Straßburg 1909 = *Άπαντα Μανόλη Τριανταφυλλίδη*, τ. 1, *Ερευνητικά Α΄*, Θεσσαλονίκη 1963, σ. 299–494.

- Tryjarski 1968** — Edward Tryjarski, *Dictionnaire arméno-kiptchak d'après trois manuscrits des collections viennoises*, vv. 1–4, Warszawa.
- Tzitzilis 1999** — Christos Tzitzilis, „Der Einfluss des Griechischen in Südosteuropa“, In: Hinrichs/Buttner, 585–617.
- Vasmer 1941** — Max Vasmer, *Die Slaven in Griechenland*. Berlin.
- Zaikovskyi 1998** — Vitalii Zaikovskiy, *Συμβολή στη λαογραφική και εθνογλωσσολογική μελέτη των εορτολογίων των Ελλήνων και των Σλάβων (Το Δωδεκαήμερο ως περίοδος διάβασης)*, Αθήνα (докторская диссертация, рукопись).
- Zajęzkowski Ł. 1938** — Ananiasz Zajęzkowski, *Manuel arabe de la langue des Turcs et des Kiptchaks — époque de l'Etat Mamelouk = Arabski podręcznik języka Turków i Kipczaków z epoki Państwa Mameluckiego*, Jamal al-Din Abd Allah, Abu Muhammad, al Turki; Introd., vocabulaire turc-polonaise-français, texte. Warszawa.
- Zajęzkowski Ł. 1948** — Ananiasz Zajęzkowski, *Glosy tureckie w zabytkach staropolskich*, Wrocław.
- Zajęzkowski Ł. 1949** — Ananiasz Zajęzkowski, *Związki językowe połowiecko-słowiańskie*. Wrocław.
- Zajęzkowski Ł. 1954–1958, I–II** — Ananiasz Zajęzkowski, *Vocabulaire arabe-kiptchak de l'Etat Mamelouk = Bulgat al-mustaq fi lugat at-Turk wa-l-Qifzaq, Słownik arabo-kipczaski z okresu Państwa Mameluckiego*. Warszawa.
- Zajęzkowski W. 1966** — Włodzimierz Zajęzkowski, *Język i folklor Gagauzów z Bułgarii*. Kraków.

*

- Αραβαντινός 1909** — Π. Αραβαντινός, *Ηπειρωτικόν γλωσσάριον*, Αθήνα.
- Βέλκος 1976** — Γ. Π. Βέλκος, *Γλωσσικό ιδίωμα της Εράτυρας (Σελίτσας) Βοίου νομού Κοζάνης*, Ελασσόνα (рукопись).
- Γεωργίου 1962** — Χ. Γ. Γεωργίου, *Το γλωσσικό ιδίωμα Γέρμα Καστοριάς*, Θεσσαλονίκη.
- Γιαννουλέλλης 2003** — Γ. Ν. Γιαννουλέλλης, *Νεοελληνικές ιδιοματικές λέξεις δάνειες από ξένες γλώσσες. Οι αρχικές σημασίες και η εξέλιξή τους όπως φανερώνονται από την ετυμολογία τους*, 2η έκδοση, Αθήνα.
- Γιοχάλας 2002** — Τ. Γιοχάλας, *Εύβοια. Τα Αρβανίτικα*, Αθήνα.
- Γιοχάλας 1–2, 2006** — Τ. Γιοχάλας, *Ύδρα. Λησμονημένη Γλώσσα, Α'–Β'*, Αθήνα.
- Δαγκίτσης 1978** — Κ. Δαγκίτσης, *Ετυμολογικό Λεξικό της Νεοελληνικής*, Αθήνα.
- Δελόπουλος 1977** — Γ. Δ. Δελόπουλος, *Η Άρτα και ορισμένα συγγενικά της τοπωνύμια, Α' Συμπόσιο Γλωσσολογίας του Βορειοελλαδικού Χώρου*, Θεσσαλονίκη, σ. 163–177.
- Δημητρίου 1991–93** — Ν. Δημητρίου, *Λαογραφικά της Σάμου, 1–6*, Αθήνα.
- Δούγα-Παπαδοπούλου/Τζιτζιλής 2006** — Ευανθία Δούγα-Παπαδοπούλου, Χ. Τζιτζιλής, *Το γλωσσικό ιδίωμα της ορεινής Πιερίας: Λεξιλόγιο — Παραγωγικό*, Θεσσαλονίκη.
- Ζαϊκόφσκαγια 1996–97** — Τ. Β. Ζαϊκόφσκαγια, *Οι μωμόγεροι στις πρωτοχρονιάτικες και γαμήλιες τελετές των σύγχρονων Ελληνοποντίων στην Ατζαρία (Νότιος Καύκασο)*, *Αρχαίον Πόντου* 47, Αθήνα, 155–185.

- Ζαφειρίου 1995** — Μ. Π. Ζαφειρίου, *Το γλωσσικό ιδίωμα της Σάμου*, Αθήνα.
- Ήμελλος/Πολυμέρου-Καμηλάκη 1983** — Σ. Δ. Ήμελλος, Α. Πολυμέρου-Καμηλάκη, *Παραδοσιακός υλικός βίος του ελληνικού λαού (ερωτηματολόγιο)*, Αθήνα.
- Θεοχαρίδης 1996** — Πέτρος Δ. Θεοχαρίδης, *Πομακο-ελληνικό λεξικό*, Θεσσαλονίκη.
- ΙΛΝΕ** — Ακαδημία Αθηνών, Κέντρο Ερεύνης των Νεοελληνικών Διαλέκτων και Ιδιωμάτων, *Ιστορικό λεξικό της νέας ελληνικής της τε κοινώς ομιλούμενης και των ιδιωμάτων 1-5*, Αθήνα 1933-1989.
- ΙΝΕΣ** — Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών (Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη), *Λεξικό της κοινής νεοελληνικής*, Θεσσαλονίκη 1998.
- Καλαντζάκος 1995** — Α. Ι. Καλαντζάκος, *Λεξικό ρουμελιώτικης λαϊκής γλώσσας*, Αθήνα.
- Καραποτόσογλου 2005** — Κ. Καραποτόσογλου, *Ετυμολογικά της Δυτικής Κρητικής διαλέκτου*, *Λεξικογραφικόν Δελτίον* 25, Αθήνα, 69-118.
- Κατσάνης 1997** — Ν. Κατσάνης, «Λεξικογραφική διαστρωμάτωση του γλωσσικού ιδιώματος της Κοζάνης», *Η Κοζάνη και η περιοχή της: Ιστορία — Πολιτισμός. Πρακτικά Α΄ Συνεδρίου (Σεπτέμβριος 1993)*, Κοζάνη, 247-257.
- Κουκουλές 1955-56** — Φ. Ι. Κουκουλές, *Νεοελληνικών λέξεων και φράσεων παλαιότερα μνεία*.
- Κονόμου 2003** — Ν. Κονόμου, *Ζακυνθινό λεξιλόγιο*, 2^η έκδοση, Αθήνα.
- Κόντογλου 1962** — Φ. Κόντογλου, *Το Αϊβαλί η πατρίδα μου*, Αθήνα.
- Κουλάκης 1993** — Γιάννης Κουλάκης, *Το μεγάλο ετυμολογικό λεξικό της νεοελληνικής γλώσσας*, Θεσσαλονίκη.
- Κριαράς ΝΕΛΔ** — Ε. Κριαράς, *Νέο ελληνικό λεξικό της σύγχρονης δημοτικής γλώσσας: γραπτής και προφορικής : ορθογραφικό, ερμηνευτικό, ετυμολογικό, συνωνύμων, αντιθέτων, κύριων ονομάτων*, Αθήνα 1995, 2003.
- Κωστάκης** — Θ. Π. Κωστάκης, *Λεξικό της τσακωνικής διαλέκτου*, 1-3, Αθήνα, 1986-1987.
- Λιάπης 1996** — Κ. Λιάπης, *Το γλωσσικό ιδίωμα του Πήλιου*, Βόλος.
- Μαλιγκούδης 1991²** — Φ. Μαλιγκούδης, *Σλάβοι στη Μεσαιωνική Ελλάδα*, 2^η έκδοση, Θεσσαλονίκη.
- Μαλιγκούδης 2006** — Φ. Μαλιγκούδης, *Ελληνισμός και Σλαβικός κόσμος*, Θεσσαλονίκη.
- Μανιατέας 2002** — Γιάννης Μανιατέας, *Λεξικό της μανιάτικης διαλέκτου*. Συλλογή Α΄, Αθήνα.
- Μαραγκού/Λοΐζου 1985** — Α. Μαραγκού, Λ. Λοΐζου (επιμ.), *Η ζωή στην Κύπρο στα χρόνια της Φραγκοκρατίας και της Βενετοκρατίας (1191-1571)*, Λευκωσία.
- Μαρινόπουλος 1995** — Ευάγγελος Χ. Μαρινόπουλος, *Ξενικές επιδράσεις στην ελληνική γλώσσα*, Δράμα.
- Μηνάς 2004** — Κ. Μηνάς, *Μελέτες νεοελληνικής διαλεκτολογίας*, Αθήνα.
- Μπόγκας** — Ε. Μπόγκας, *Τα γλωσσικά ιδιώματα της Ηπείρου*, 1-2, Ιωάννινα 1964-1966.
- Μπουσμπούκης 2003** — Α. Μπουσμπούκης, *Γεωργική ορολογία από δύο βλάχικα ιδιώματα*, *Λεξικογραφικόν Δελτίον* 24, Αθήνα, 317-330.

- Νασιόπουλος 1993** — Ι. Π. Νασιόπουλος, *Λαογραφικά Εράτυρας: Ήθη— Έθιμα— Παραδόσεις— Δοξασίες*, Θεσσαλονίκη.
- Νίκου-Γιωλτζόγλου 1999** — Έ. Νίκου-Γιωλτζόγλου, *Λιβαδερό (Μόκρο) — Η λαϊκή μας παράδοση*, Επιμέλεια: Σταύρος Γιωλτζόγλου, Θεσσαλονίκη.
- Ντινας 1–2, 2005** — Κ. Δ. Ντινας, *Το γλωσσικό ιδίωμα της Κοζάνης*, Κοζάνη.
- Οικονόμου 1997** — Κ. Ευ. Οικονόμου, *Η αλβανική γλωσσική επίδραση στα ηπειρωτικά ιδιώματα*, Ιωάννινα.
- Παδιώτης 1988** — Γ. Απ. Παδιώτης, *Căntiri Armânești di-Aminciu. Βλάχικα τραγούδια του Μετσόβου*, Αθήνα.
- Παπαγεωργίου 1984** — Μ. Γ. Παπαγεωργίου, *Παραμύθια από μύθους αρχαίων ελληνικών ποιητικών έργων που χάθηκαν και άλλα παραμύθια του βλαχόφωνου χωριού Σκρα (Λιουμνίτσα)*, ττ. Α'– Β', Θεσσαλονίκη.
- Παπαδόπουλος 1927** — Ά. Παπαδόπουλος, *Γραμματική των βόρειων ιδιωμάτων της νέας ελληνικής γλώσσας*, Αθήναι.
- Παπαδόπουλος 1958/1, 1961/2** — Ά. Παπαδόπουλος, *Ιστορικό Λεξικό της ποικίλης διαλέκτου*, Αθήναι.
- Πασχαλούδης 2000** — Ν. Α. Πασχαλούδης, *Τα τερπνιώτικα και τα νιγριτινά. Ένα γλωσσικό ιδίωμα της Βισαλτίας Σερρών*, Αθήνα.
- Σεϊτανίδου-Ζαρογυλίδου 1992** — Π. Σεϊτανίδου-Ζαρογυλίδου, *Στο Καβακλή κάποτε...*, Κουφαλιά.
- Σεττάς 1989** — Κ. Χρ. Σεττάς, *Λαογραφικά της Ρούμελης*, Αθήνα.
- Στεφανίδης 1918** — Μ. Κ. Στεφανίδης, *Φυσιγνωστική ονοματολογία, Λεξικογραφικών αρχείων της μέσης και νέας ελληνικής*, Αθήναι, 64–85.
- Συμεωνίδης 1989** — Χ. Π. Συμεωνίδης, *Ιστορική γραμματική της αρχαίας ελληνικής. Πρώτο μέρος: φωνητική* (Πανεπιστημιακές παραδόσεις), Θεσσαλονίκη.
- Τζιαμούρτας 1998** — Ζ. Τζιαμούρτας, *Λαογραφική πινακοθήκη των Καραγούνηδων (Υλικός και πνευματικός βίος)*, Καρδίτσα.
- Τομπαΐδης 1967** — Δ. Ε. Τομπαΐδης, *Το γλωσσικό ιδίωμα της Θάσου*, Θεσσαλονίκη.
- Χαντζιάρας 1995** — Δ. Π. Χαντζιάρας, *Το θεσσαλικό γλωσσικό ιδίωμα: γλωσσάρι-λεξικό*, Αθήνα.
- Χιώτης 1997** — Ν. Χιώτης, *Μεγάλα Καλύβια, Ο τόπος μας και ο κόσμος μας*, Μεγάλα Καλύβια Τρικάλων.

Vitalij Zajkovskij (Nicosia)

**Etymology, ethnolinguistics and language contacts
of Slavic with Greek, other Balkan and Turkic languages**

S u m m a r y

Etymological research of words borrowed from or into Slavic languages at an early date often proves to be a difficult task due to scarcity of data. This is especially true of the Balkan linguistic area. The ethnolinguogeography of lexical Balkanisms such as *papara* / *popara*, *kačula*, *dermon* / *darmon*, including phraseologisms (e.g. “to cook, to give to someone, to consume a *popara*”), as well as of small forms of verbal folklore is of particular interest for the matters of their origin, distribution, phonetical, morphological and semantic transformations. In the present paper an attempt is made, on the basis of etymologies already accepted or newly proposed, to establish some general rules of contacts between Slavic and Balkan languages, with special attention paid to the borrowings from (South)Slavic languages into Modern Greek and especially its northern vernaculars, as well as into Turkish.

zajkovski@ucy.ac.cy

Mariola Jakubowicz (Kraków)

Motywacje semantyczne przymiotników oceniających negatywnie wygląd zewnętrzny

W referacie został zanalizowany rozwój semantyczny wyrazów które w poszczególnych językach słowiańskich odnoszą się do wyglądu, nie znajdującego aprobaty patrzącego. Wśród nich szczególnie interesujące są te, których znaczenie przeszło ewolucję od wartościującego pozytywnie do wartościującego negatywnie bądź w odwrotnym kierunku.

Słowa kluczowe: Semantyczny rozwój, (semantyczna) motywacja, prasłowiański, brzydki, nudny, piękny

Pola semantyczne zawierające wartościujące nazwy wyglądu charakteryzują się skłonnością do częstej wymiany słownictwa. Dotyczy to zarówno pozytywnej, jak i negatywnej oceny powierzchowności obiektu i jest spowodowane wieloma przyczynami, między innymi zapewne względnością oceny estetycznej, a jeśli chodzi o słownictwo wartościujące negatywnie również używaniem eufemizmów, delikatnością, dyplomacją.

Co za tym idzie, trudno ustalić, jakich podstawowych leksemów dla pojęć estetycznych używali przodkowie dzisiejszych Słowian. W materiale służącym rekonstrukcji języka prasłowiańskiego znajdujemy kilka różnych wyrazów, które mogły pełnić tę funkcję, jednak nie ma ani jednego, który upowszechniłby się we wszystkich grupach językowych w znaczeniu podstawowym 'brzydki, turpis'. Wśród zrekonstruowanych dotąd haseł Słownika prasłowiańskiego nie ma żadnego, dla którego autorzy słownika uznaliby za zasadną rekonstrukcję jedynie takiego znaczenia. Co prawda w dwóch miejscach można odnaleźć zrekonstruowane znaczenie 'brzydki', jednak w żadnym z wypadków materiał leksykalny nie pozwala na uznanie tego znaczenia za właściwe w całej prasłowiańszczyźnie. Pierwszy rekonstrukt to psł. *grdbъ*. W nagłówku tego hasła widnieje sześć silnie zróżnicowanych grup znaczeń: 'ogromny, silny', 'wspaniały, śmiały, majestatyczny', 'zdający sobie sprawę ze swojej siły, godności', 'wyniosły, pyszny, hardy, superbus', 'budzący grozę, przejmujący grozą, straszny, terribilis, horrendus', 'zniekształcony, bezkształtny, szkaradny, brzydki, deformis' (SP 8:283). Znaczenie 'brzydki' zajmuje w rekonstruk-

cji marginalną pozycję. Drugi rekonstrukt **gydъkъ* ‘brzydki, paskudny, budzący wstręt, turpis, taeter’ (SP 8:336) jest oparty na nielicznych poświadczeniach ze słowników dialektycznych języków wschodniosłowiańskich. W tym wypadku zasięg geograficzny rekonstruowanego hasła jest ograniczony do części słowiańszczyzny. Choć dotychczasowe tomy Słownika prasłowiańskiego nie zawierają ogólnosłowiańskiego leksemu o znaczeniu ‘brzydki’, to materiał leksykalny w nich zawarty pomaga odpowiedzieć na inne pytanie: jakie znaczenia były semantycznymi motywantami interesującego nas pojęcia. Na podstawie zanalizowanego materiału można stwierdzić, że najczęściej rozwojowi semantycznemu prowadzącemu do powstania znaczenia ‘turpis’ ulegały przymiotniki, których znaczeniem, bądź jednym ze znaczeń prasłowiańskich było ‘wstrętny, budzący odrazę’.

1.1. Na uwagę zasługuje rodzina psł. pochodna od pie. **g^uō-dh-* od **g^uo(u)-/g^uū-* ‘gnój, kał, odchody; coś wstrętnego’. Należą do niej rzeczowniki psł. **gadъ*, **žad-* < **gēd-*, **gydъ* : **gyzdъ*, będące podstawą czasowników (**gaditi*, **žadati*, **gyditi*, **gyzditi*), a także (pośrednio bądź bezpośrednio) przymiotników odnoszących się do oceny estetycznej.

1.1.1. Od **žadati se* ‘brzydzić się, odczuwać wstręt’ pochodzi głuź. *žadlawy* ‘wstrętny, bardzo brzydki, paskudny’. Na temat stosunku tematów psł. **gad-* do *žad-* < *gēd* zob. SP 7:20, Wojtyła-Świerzowska 1992:78–9, Boryś 153 i odmiennie ЭССЯ 7: 82.

1.1.2. Przymiotniki pochodzące od postaci *gad-* to psł. **gadъnъ* i tylko wschodniosłowiańskie **gadъkъ* (ros. *зѣдкѣй*, brus. *zādki*). Kontynuanty psł. **gadъnъ* w językach południowosłowiańskich znaczą ‘wstrętny, obrzydliwy’, w tym samym znaczeniu w językach wschodniosłowiańskich funkcjonują przymiotniki z przyrostkiem *-ъkъ*. W kręgu przymiotników opartych na postaci z *-a-*: *gad-* obok znaczeń odnoszących się do wyglądu występują znaczenia motywowane znaczeniem rzeczownika *gadъ* ‘wąż’, np. *gadъbъ* ‘wężowy, żmijowy’.

1.1.3.1. Pierwiastek *gyd-* jest prasłowiańską innowacją, mającą paralele w innych językach indoeuropejskich (por. SP 8:336). Niewątpliwą innowacją jest postać *gyzd-*. Semantyka tej gałęzi omawianej rodziny wyrazowej koncentruje się na ocenie wyglądu zewnętrznego, a przenośnie cech charakteru i reakcji, jakie te cechy i wygląd wzbudzają w odbiorcy. Z uwagi na zjawisko enancjosemii jest to rodzina szczególnie interesująca dla badań semantycznych.

Wspomniany już **gydъkъ* rekonstruowany przez SP 8:337 jako ‘brzydki, paskudny, budzący wstręt’ jest derywatem z sufiksem *-ъkъ* od **gydъ* (ЭССЯ 7:221; według SP l.c. od **gyditi*). Od tej samej podstawy derywowany jest czasownik *o-gyditi*, będący źródłem ukr. *огидний* i brus.

agidny, skąd pol. *ohydny* ‘wstrętny, bardzo brzydki’ (por. czes. i sła. *ohyzdny* od niżej omawianej postaci).

1.1.3.2. Kolejne przymiotniki są derywowane od postaci z determinantem *-z-* **gyzditi*. Psł. **gyzdavъ* rozwinęło antonimiczne znaczenie w różnych grupach języków słowiańskich. Jego kontynuanty w językach zachodniosłowiańskich mają znaczenie ‘brzydki, wstrętny, budzący odrazę’, (dial. czes. i sła. *gyzdavy* ‘szpetny, ohydny, obrzydliwy’), podczas gdy w językach południowosłowiańskich znaczą (sł. *gizdāv*, serb. i chorw. *gizdav*, bułg. i maced. *zuzdae*) ‘wystrojony, elegancki, wytworny’. Biorąc pod uwagę semantykę całej rodziny nie można wątpić, że rozwój południowosłowiański jest innowacją. Drogę rozwoju do znaczeń pozytywnie oceniających wygląd zewnętrzny można chyba dostrzec w słoweńskim, gdzie *gizdāv* znaczy ‘kiczowaty, fircykowaty’, a więc odnosi się do takiej elegancji, która jest negatywnie oceniana przez patrzącego. Należałoby przyjąć, że pozostałe języki południowosłowiańskie z biegiem czasu utraciły odcień negatywny.

1.1.4. Godny uwagi jest także problematyczny przypadek czes. *hezky* ‘piękny’. Miklosich w swoim słowniku etymologicznym (Miklosich 505 pod hasłem *ged-*), dołączył wyraz czeski do rodziny **goditi*, rekonstruuje dla niego prapostać **goždьskъ* (za nim Machek 166 oraz Rejzek 200 z prapostacią **gъd-jь-kъ*). Z formalnego punktu widzenia bardziej zasadne wydaje się połączenie z rodziną **gyd-/gyzd-*. Tak postąpił ЭССЯ 7:223–4, rekonstruuje przymiotnik **gyzdьkъ* jako derywat od **gyzdь*. Dla wyjaśnienia formalnych trudności przejścia psł. *y* w czes. *e* przytacza za Machkiem paralelę *pysk* : *peskovati*. Zbyt pochopne wydaje się stwierdzenie Sławskiego w SP 8:340 o nieprawdopodobieństwie związku przymiotnika czeskiego z rodziną *gyd-/gyzd-*. Semantycznie rozwój ten można poprzeć paralelami. Formalnie pociągająca może być hipoteza rekonstrukcji postaci **gъzdьkъ*, jako reliktu prasłowiańskiej alternacji *gъz(d)-* : *gyz(d)-*, jednak kontynuantów postaci na stopniu zredukowanym (poza wspomnianym czes. *hezky*) próżno by szukać w słownikach i to jest główny argument przemawiający przeciw tej hipotezie.

1.2. Psł. **bridъ* ‘ostrzy, tnący’, ‘cierpki, nieprzyjemny, o smaku’, ‘wstrętny, odrażający’ i, rozszerzone sufiksem *-kъ*, adi. **bridьkъ* ‘ostrzy, acer’, ‘cierpki, gorzki, niesmaczny, acerbus’, ‘wstrętny, odrażający, szpetny, brudny’ (SP 1:378–380) są derywatami od **briti* ‘ścinać ostrym nożem włosy, zarost, golić, tondere, radere’. Znaczenie etymologiczne tych przymiotników ‘ostrzy, tnący’, zaświadczone też w sensie dosłownym, np. stczes. *brīdký* meč, sł. *bridka* sablja, występuje w sensie metaforycznym już w najdawniejszych zapisach. Wśród znaczeń pochodnych od nich wyrazów spotyka się takie, które nazywają obiekty drażniąco dzia-

łąjące na zmysł smaku albo powonienia, np. ros. dial. *брыд* ‘dym, swąd’, brus. dial. *брыд* ‘smród fermentujących substancji’, ‘ostry, cierpki smak’. Por. paralelny do pewnego stopnia rozwój psł. **gorьkь* ‘o nieprzyjemnym smaku, np. piołunu, żółci; nie osłodzony’, przen. ‘przykry, bolesny’, ‘żałosny, nieszczęśliwy’ (SP 8:129). Wśród znaczeń kontyuantów tego przymiotnika w materiale bułgarskim spotykamy również interesujące nas znaczenie ‘brzydki, zły’ (Геров 1:235). Można zaryzykować stwierdzenie, że już w czasach psł. **bridь*, **bridьkь* miały przede wszystkim znaczenie przenośne w odróżnieniu od synonimu, psł. **ostrь* odziedziczonego z pie. **ak’-* w tym samym znaczeniu (np. Boryś 402). W tym wypadku doszło do pejoratywizacji znaczenia i już zapewne w języku psł. powstały znaczenia ‘wstrętny, odpychający, obrzydliwy’. Na tle materiału słowiańskiego, a przede wszystkim staropolskiego, dzisiejszy odcień znaczeniowy pol. wyrazu *brzydki* ‘nie zadowolający pod względem estetycznym, nieładny’ uległ złagodzeniu.

1.3. Dwie kolejne rodziny prasłowiańskie są oparte na tym samym pierwiastku pie. **ghen-* ‘trzeć, rozcierać’. Od rdzenia z rozszerzeniem *-ēi-* **ghnēi-/ghnēi* : *ghnī-/ghnī-* pochodzi psł. **gniti* ‘psuć się, rozkładać się, gnić’, od rdzenia z rozszerzeniem *-ou/eu-*: **ghn-ou/ghn-eu* psł. **gnusь* z wtórną postacią **gn’usь* (na pld. też **gnosь*).

1.3.1. Rozwój semantyczny pierwszej z rodzin nie przedstawia trudności. Czasownik **gniti* jest podstawą formacji przymiotnikowych (w tym zleksykalizowanych imiesłowów), a także nomen acti **gnojь* ‘gnój’. Derywaty od **gnojь* niosą ze sobą zarówno konotacje negatywne jak i pozytywne. Pozytywne są związane z pojęciami ‘urodzajny, żyzny’, negatywne opierają się na odrażającym zapachu gnijących substancji. Pierwotny imiesłów czynny od **gniti* — **gnilь* rozwinął znaczenia przenośne, wśród których trudno jednak byłoby znaleźć znaczenia odnoszące się wyraźnie do oceny estetycznej. Kontyuanty **gnilь* odnoszą się częściej do cech moralnych niż do fizycznych. Powszechne jest znaczenie ‘opieszwały, leniwy’, we wszystkich grupach powtarza się też znaczenie ‘niemoralny, zepsuty’.

1.3.2. Trudniej zrekonstruować pierwotne znaczenie psł. **gnusь*. W językach wschodniosłowiańskich znaczenia kontyuantów koncentrują się wokół kolektywnego ‘dokuczliwe owady i drobne zwierzęta, np. myszy’, a szerzej wokół różnych zwierząt szkodzących i zagrażających człowiekowi. W językach zachodniosłowiańskich i południowosłowiańskich powszechnym desygnatem kontyuantów psł. **gnusь* jest obiekt albo uczucie wstrętu. Znaczenie zrekonstruowane przez SP 7:200 jako podstawowe ‘coś rozartatego, zmierzwionego, brudnego’ ma nawiązać do znaczenia rdzenia pie. ‘trzeć, rozcierać’ i jest poparte pojedynczym przykładem z dia-

lektu morawskiego: *hñus* ‘wszelka nieczystość, zwłaszcza rozarte drobiny słomy, siana itp.’. Chorw. *gnûs* : *gnjûs* ‘coś wstrętne, odrażające, nieczystości; kał zwierzęcy, gnój’ mogłyby również świadczyć na korzyść zrekonstruowanego znaczenia, jeśli przyjąć, że w cytowanym quasi-synonimicznym ciągu znaczeń ‘gnój’ jest znaczeniem pierwotnym. Kontynuanty derywatów *gnusъnъ* : *gn’usъnъ* odnoszą się w językach południowo-słowiańskich i południowej części terytorium zachodniego do wyglądu zewnętrznego, ale z silnym nacechowaniem emocjonalnym ‘wstrętne, wzbudzający odrazę’. Czasami nacechowanie to ulegało znacznemu osłabieniu. СРНГ 6:251 cytuje przykład z dialektu rosyjskiego z okolic Tobolska: *he gnysna* из себя ‘niebrzydka, ładna’.

1.4. Psł. **skarędъ* : **skarědъ* występuje w językach zachodnio- i wschodniosłowiańskich jako ‘brzydki, wstrętne; brudny’: np. czes. *škaredy* ‘brzydki, szpetny’, strus. *скарядый* ‘brudny; wstrętne’. Jest również zapisany w serbskiej redakcji cs.: *skarědъ* ‘wstrętne, paskudny’. Porównanie z językami indoeuropejskimi (stind. *apa-skara-* ‘ekskrementy’, het. *šakkar* ‘gnój, kał’, stisl. *skarn* ‘gnój, brud’, grec. *σκώρ* ‘gnój, kał’) wskazuje na pierwotne znaczenie ‘ekskrementy’. Nie dysponujemy leksyką wskazującą na zachowanie się tego znaczenia u Prasłowian. Budowa wyrazu psł. jest niejasna (Boryś 603).

1.5. Innemu nieprzyjemnemu oddziaływaniu na zmysły człowieka należy przypisać motywację przymiotników opartych na pierwotnym adi. **mъrзь*: **mъrзьkъ*, **mъrzatъ*, **mъrzanъ*. Najczęstszym znaczeniem kontynuantów tych przymiotników jest ‘wstrętne, budzący uczucie obrzydzenia’ zarówno w sensie fizycznym, jak i moralnym, np. sła. *mrzký* ‘brzydki, nieładny, wstrętne; zły, niedobry’, czes. *mrzaty* ‘brzydki, szkaradny; obmierzły’. Znaczeniem, które można zrekonstruować dla psł. **mъrзь* i pozostałych derywatów przymiotnikowych jest niewątpliwie ‘wzbudzający wstręt’. Porównanie semantyki całej rodziny wyrazowej, do której należą zarówno czasowniki o znaczeniu ‘wzbudzać wstręt’, ‘odczuwać wstręt’ (**mъrзiti*, **mъrзěti*), jak i o znaczeniu ‘marznąć’ (**mъrznъti*), wskazuje, że oba pola semantyczne istniały już w języku prasłowiańskim. Wśród etymologów nie ma zgodności co do drogi rozwoju semantycznego (przegląd dotychczasowych poglądów daje ЭССЯ 20:12–14), ale z reguły wychodzą od znaczenia ‘odczuwać zimno’ (np. Skok 2:473 uważa za ogólnie przejściowe między odczuwaniem zimna i wstrętu drżenie z zimna i dreszcze).

1.6. Innej kolejności motywacji można się dopatrywać w wypadku pld.-słow. **rǫžьnъ*, derywatu od psł. **rǫgъ* ‘szyderstwo’ albo **rǫgati* ‘wyśmiewać, uragać’ (ESJS 13:780–781, Bezlaj 3:102), mającego odpowiednik w lit. *iš-rangúoti* ‘wyśmiewać’ (Skok 2:166–167). W starocer-

kiewnym kodeksie Supraskim jest on poświadczony w znaczeniach ‘szyderyczy’, ‘śmieszny’. W porównaniu ze sł. *róžen* ‘wstrętny’ oraz sch. *rúžan* ‘brzydki, szpetny; odrażający’ znaczenie z kodeksu Supraskiego wydaje się eufemizmem. Paralelne wzmocnienie znaczenia widoczne jest w rosyjskim kontynuancie *пызѣть* ‘łajać, lżyć’.

1.7. Omówione przymiotniki odnoszą się przede wszystkim do wrażeń zmysłowych, choć niekoniecznie działających na zmysł wzroku. Wtórnie prawie każdy z nich może być użyty dla określenia cech moralnych.

2.1. Odwrotny kierunek rozwoju, od cech moralnych do fizycznych, jest rzadszy, lecz wyraźnie widoczny w wypadku przymiotnika ukr. *нозѣнний* ‘zły, marny’, ‘brzydki, wstrętny’¹. Według EСУМ 4:472 przymiotnik ten pochodzi od rzeczownika *погань* ‘wyznawca kultów przedchrześcijańskich’, zapożyczonego z łac. *paganus* pierwotnie ‘mieszkaniec *pagus*, okręgu nie należącego do Rzymu, wieśniak’. Do utrwalenia rzeczownika w języku ukraińskim i rozbudowania jego rodziny mógł się przyczynić (może zapożyczony z polskiego) czasownik *гѣнити* ‘strofować, łajać’ < psł. **ganiti* ‘ts.’. Tu, odwrotnie niż w większości omówionych przypadków, zachodzi rozwój od moralnego do fizycznego. Zgodnie ze stereotypem ‘obcy’ to ‘zły’, ten kto wyznaje inną religię jest uważany za złego też pod względem moralnym. Wskutek poszerzenia zakresu wyrazu zaczyna on oznaczać ‘złego pod różnymi względami’. Może określać już nie tylko człowieka (na to wskazują znaczenia ‘szkodliwy, niejadalny, o grzybie’), a także przyjmuje interesujące mnie znaczenie estetyczne.

2.2. Podobnie jest prawdopodobnie w wypadku ros. *дурной* ‘brzydki, szpetny, szkaradny’. Znaczenie estetyczne jest jednym z wielu znaczeń określających cechy negatywne. Psł. **durьnъ* ‘burzący się, wzburzony’, z czego ‘gniewny, pobudliwy’, ‘nieokiełznany, dziki’ > ‘głupi’, ‘wywołujący wzburzenie, np. o chorobie, trującej roślinie’ (SP 5:107). Znaczenia występujące w języku rosyjskim: ‘brzydki, szpetny, szkaradny’; ‘zły, lichy, marny; niedobry, niepomyślny’, ‘chory, niezdrowy’, ‘zepsuty, stary, zniszczony’, ‘niejadalny, o grzybie’ wyodrębniły się z ogólnego znaczenia ‘zły’, wtórnego, jak wynika z materiału innych języków, względem ‘wzburzony, szalony, gniewny’. Rozwój od znaczenia ogólnowartościującego do fizycznego.

¹ Uwzględnienie tego przymiotnika w artykule poświęconym leksyce pochodzenia słowiańskiego, jest uzasadnione faktem, że interesujący nas rozwój nastąpił z całą pewnością na gruncie języka ukraińskiego, prawdopodobnie pod wpływem czasownika prasłowiańskiego pochodzenia.

3. Więcej wątpliwości budzą dwa kolejne przymiotniki prasłowiańskie, których kontynuanty znaczą w pewnych językach ‘turpis’. Motywacją jest zapewne w ich wypadku budzenie strachu przeniesione na inne związane ze strachem emocje.

3.1. Psł. **grozъnъ* to przede wszystkim ‘dotyczący grozy, wyrażający grozę, groźbę, minax’, ‘budzący zgrozę, terribilis’ (SP 8:237). Etymologia rzeczownika **groza*, który jest podstawą tego derywatu, nie jest ustalona. Najczęściej przyjmuje się związek z bałtycką rodziną wyrazową: lit. *grasùs* ‘groźny’, *grèsti* ‘zagrozić’ (SP 8:233). ЭССЯ 7:141 opowiada się za pochodzeniem onomatopeicznym, analogicznym do grec. γοργός ‘straszny’. Znaczenie ‘brzydki’ nie jest prasłowiańskie, stwierdza się je w dwóch grupach językowych. Wśród języków zachodniosłowiańskich mają je oba języki łużyckie, a także połabski (*grüznã* ‘brzydka, szpetna’, Polański 187). Powyższe wyrazy mają silne zabarwienie negatywne. W słowniku przekładowym górnołużycko-polskim znaczenie ‘brzydki’ wchodzi w szereg synonimiczny z wyrazami ‘szpetny, wstrętny, paskudny’, w dolnołużycko-niemieckim ze ‘schrecklich, entsetzlich, grauenhaft’, ‘hässlich, entstellt, widerlich’. Znaczenie estetyczne występuje też w grupie południowosłowiańskiej w bułgarskim i macedońskim: bułg. *grozen* ‘brzydki; drażniący, nieprzyjemny’, ‘straszny’, maced. *grozen* ‘brzydki, szpetny, paskudny; wstrętny’, a w nasilonym stopniu również w słoweńskim: *grózen* ‘groźny, straszny; ogromny’, ‘bardzo brzydki, odrażający’. Rozwój semantyczny od ‘groźny, straszny’ do ‘budzący zgrozę’ pod względem estetycznym, wstrętny, bardzo brzydki’ nie budzi zdziwienia. Mogło dojść do niego niezależnie w różnych językach słowiańskich, czy ich grupach. Wątpliwości budzą znaczenia antonimiczne powstałe w dialektach języka słoweńskiego: ‘okazały, postawny, przystojny, piękny’. Z problemem spotkaliśmy się już przy okazji słu. *gizdäv*. Czy należy przyjąć tu taki rozwój znaczenia, jaki zaproponowaliśmy wyżej, czy raczej słu. dial. *grózen* to taki piękny, że aż wzbudza grozę, przy czym grozę tę należałoby rozumieć raczej jako zachwyty, porażenie niż jako strach?

3.2. Dla psł. **gъrdъ* SP 8:283 rekonstruuje następujące znaczenia ‘ogromny, silny’, ‘wspaniały, śmiały, majestatyczny’, ‘zdający sobie sprawę ze swej siły, godności, dumny’, ‘wyniosły, pyszny, hardy, superbus’, ‘budzący grozę, przejmujący grozą, straszny, terribilis, horrendus’, ‘zniekształcony, bezkształtny, szkaradny, brzydki, deformis’. Pochodzenie psł. **gъrdъ* jest niepewne. Z formalnego punktu widzenia najbardziej zbliża się do lit. *gurdùs* ‘powolny, słaby’, łot. *guĩds* ‘zwiędły, zmęczony’, łac. *gurdus* ‘ciężki, gruby, nieruchawy; tępy, głupi’, grec. βραδύς ‘powolny’. Związek semantyczny psł. **gъrdъ* z tymi wyrazami, choć na pierwszy rzut oka niewidoczny, nie jest niemożliwy do przyjęcia. ЭССЯ 7:207 proponu-

je rozwój od ‘ociężały, nieruchawy, powolny’ do ‘powściągliwy; dumny’. Z semantycznego punktu widzenia trudniejsza do przyjęcia jest propozycja, według której **gьrdь* jest oparty na zredukowanym stopniu **ghur-* pie. rdzenia **gher-* ‘rozcierać, kruszyć’ (Skok 1:613; SP 8:284). Słownik prasłowiański zwraca uwagę na bliskość semantyczną z psł. **grōdь* ‘trudny, przykry, męczący, molestus’, rekonstruowanego na podstawie kasz. *grądi* ‘ciężki, przykry, dotkliwy’, słw. *ogróden* ‘szorstki, nieokrzesany’ (por. SP 8:242).

Znaczenia kontynuantów psł. **gьrdь* wykazują wyraźne zróżnicowanie terytorialne. W językach północnosłowiańskich kontynuanty wskazują na pierwotne znaczenie ‘dumny, wyniosły, butny’. W poszczególnych językach nastąpił rozwój bądź to w kierunku znaczeń nacechowanych pozytywnie: ‘wartościowy, wspaniały’, bądź to negatywnie: ‘zarozumiały, arogancki’. Inny obraz dają języki południowosłowiańskie, w których już od XV w. dominują znaczenia negatywnie nacechowane (słw. *gr̄d* ‘brzydki, szpetny; odrażający, nieprzyjemny’, serb. i chorw. *gr̄d* ‘brzydki, szpetny; zniekształcony, budzący grozę’, bułg. dial. *gr̄d* ‘brzydki, uciążliwy, zły’, ‘groźny, straszny’, maced. *gr̄d* ‘brzydki, wstrętny, nieprzyjemny’). Semantyka zgodna z arealem północnosłowiańskim występuje tylko w zabytkach starocerkiewnosłowiańskich, później zaś w narodowych redakcjach języka cerkiewnego. To zróżnicowanie znaczeń było nawet przyczyną próby rekonstrukcji przez Osten-Sackena dwóch odrębnych wyrazów prasłowiańskich (Osten-Sacken 1911:419), co nie znalazło posłuchu u późniejszych etymologów (np. Sławski 1:405, o innych próbach objaśnienia rozwoju semantycznego, zob. ESJS 4:208).

Mało prawdopodobna wydaje mi się hipoteza zaproponowana przez L. Kralika (Kralik 200:305–308), według której psł. **gьrdь* należałby pierwotnie do leksyki militarnej i znaczyłby ‘mężny, dzielny’, na co poza znaczeniami w dialektach rosyjskich może wskazywać czeski derywat *hrdina* ‘bohater’. Desygnaty z kręgu semantycznego wojny, jako biegunowo różnie oceniane przez strony zaangażowane w walkę, wydają się dobrym punktem wyjścia dla powstania wyrazów o antonimicznym wydźwięku. Błędne wydaje się jednak przyjęcie jako pierwotnego znaczenia ‘dzielny, odważny, śmiały’, w sytuacji, gdy materiał leksykalny wskazuje wyraźnie na pierwotne znaczenie ‘dumny’. Moim zdaniem najbardziej prawdopodobne jest, że znaczenie ‘turpis’ w językach południowosłowiańskich powstało za pośrednictwem znaczenia ‘budzący grozę’. Paralelny rozwój psł. **grozьnь* został przedstawiony wyżej. Drugą możliwością jest przyjęcie rozwoju od znaczenia moralnego do estetycznego. Jego podłożem byłaby wtedy negatywna ocena butnego, wyniosłego zachowania.

4. Już samo pochodzenie większości omówionych przymiotników o znaczeniu ‘turpis’ pokazuje, że mogą one przybierać znaczenie bardzo silnie negatywnie wartościujące: ‘taki brzydki, że patrzenie nań powoduje wstręt, obrzydzenie albo strach’. Oczywiście w zasobie każdego jako tako rozwiniętego języka muszą znajdować się także przymiotniki o nie tak silnym zabarwieniu negatywnym, czy to po to, aby wyrazić ocenę umiarkowaną negatywną, czy też po to, żeby zakamuflować rzeczywistą ocenę. W językach słowiańskich czołowe miejsce zajmują leksemy o znaczeniu ‘pulcher’ z negacją. Omawianie tych przymiotników, obecnych w każdym języku słowiańskim, nie byłoby zbyt interesujące. Myślę jednak, że nie od rzeczy będzie przedstawienie w kilku zdaniach motywacji występujących w polu semantycznym ‘piękny’. Korzystam tu z badań J. Ruska (Rusek 2000). Wszystkie języki dysponują leksemami dla wyrażenia pojęcia ‘pulcher’, jednak i te wyrazy zdradzają wyraźną tendencję do wychodzenia poza funkcję oceny estetycznej.

Nie możemy zrekonstruować ani jednego leksemu prasłowiańskiego w tym znaczeniu, który obejmowałby zasięgiem całą Słowiańszczyznę. Największy zasięg mają **lěpъ*, **krasъ*, **pěknъ*. Spośród wymienionych przymiotników tylko etymologia wyrazu **lěpъ* jest uznawana przez większość etymologów. Jest on łączony z psł. **lěpiti* ‘lepić się, przylegać, przystawać’ od pie. **leip-* ‘tłuszczyć, kleić’. Rozwój semantyczny objaśniany jest na dwa sposoby. Od ‘przyklejony, przylegający’ przez ‘odpowiedni, stosowny’ dalej ‘dobry’ do ‘ładny’ albo rzadziej: od ‘klejący się’ przez ‘tłusty’ do ‘piękny’. Dla pierwszej z przedstawionych ewentualności dobrze poświadczone są w różnych językach słowiańskich (także w zabytkach starocerkiewnosłowiańskich) ogniwa pośrednie ‘odpowiedni, stosowny’, ‘dobry’. Znaczenie ‘tłusty’ proponowane przez zwolenników drugiej hipotezy nie jest poświadczone. Wysuwa się je na podstawie analogii z polskim *krasić* ‘polewać tłuszczem, o potrawach’ pozostającym w związku z *krasa* ‘piękność’ oraz odnalezionego w dialektach maced. *macen* ‘piękny’ od *macū* ‘tłuszcz’. Przeglądając próby objaśnień etymologicznych podejmowane przez różnych badaczy, zauważa się, że zakładają one pochodzenie wyrazów oznaczających piękno od konkretnych objawów piękna. Przyjmuje się zwłaszcza prawdopodobieństwo motywacji znaczenia ‘piękny’ przez ‘tłusty’. Przykładowo przedstawione wyżej objaśnianie wyrazu **lěpъ*, a także zestawianie psł. **krasъ* z łac. *crassus* ‘tłusty’, a **pěknъ* z łac. *pinguis* w tym samym znaczeniu. Z późniejszych prób wspomnę, że Schuster-Šewc 14:1057 wyprowadzał **pěknъ* z pie. **poi-* ‘być tłustym’, z rozwojem znaczenia ‘tłusty, gruby’ w ‘piękny’. Inne przymioty spotykane w tych badaniach etymologicznych to ‘koloru ognia, krwi, czerwony’ albo ‘lśniący, błyszczący, jasny’. Okazuje się jednak, że motywacja tych

nielicznych wyrazów, które mają pewną etymologię, jest nieco inna. Zarówno łuz. *rjany*, *rědny* od psł. **rědъ*, jak i pol. *ładny*, sła. *ladný* od psł. **ladъ* znaczyły pierwotnie ‘prawidłowo ułożony czy ustawiony, porządnny, poprawny’. Wspomniane wcześniej **lěpъ*, zgodnie ze zdaniem większości etymologów, znaczyło ‘właściwie dopasowany, odpowiedni’. Wynikałoby z tego, że jedyną wyraźną tendencją (wobec niejasności większości interesujących nas wyrazów trudno mówić o tendencji dominującej) jest rozwój semantyczny od ‘odpowiedni, właściwy, mający wszystko na właściwym miejscu’ do ‘ładny, piękny’. Można przypuszczać, że przy takim rozwoju chodzi o harmonijność rysów twarzy czy kształtów, możliwy jest też rozwój bardziej abstrakcyjny: od ‘dobry pod każdym względem’ do ‘dobry pod względem estetycznym’.

Wracając do motywacji w polu semantycznym ‘turpis’ zauważamy, że i tu, podobnie jak w polu semantycznym ‘pulcher’, brak jest motywacji, których podstawą byłaby cecha powodująca daną ocenę estetyczną. Nie znalazłam motywacji opartych na cechach wyglądu, jak np. chudość, czy odwrotnie, tusza czy też związanych z jakimś fizycznym brakiem albo wyrzutami na twarzy itd. Nie ukrywam, że wniosek ten jest dla mnie zaskoczeniem. Ponieważ w przedstawionym szkicu materiał dialektalny znalazł się tylko okazjonalnie, warto by sięgnąć również do tego źródła, aby sprawdzić, czy motywacje tego typu nie wystąpiły w dialektach.

Podsumowując stwierdzam, że w omawianym polu semantycznym rzadkością są wyrazy o wyraźnie zarysowanym zakresie znaczeniowym i pozbawione zabarwienia emocjonalnego. Motywacja semantyczna ogranicza się do dwóch podstawowych modeli. Brzydki to ten, który odpycha swym wyglądem albo ten, który nie jest piękny. Pierwszy z modeli motywacyjnych można skonfrontować z istniejącą w wielu językach motywacją znaczenia ‘piękny’ przez pociąganie, wabienie swoim wyglądem (ros. *привлекательный*, pol. *powabny*). Mniejszą grupę stanowią wyrazy, których znaczenie rozwinęło się od ‘zły’ w ogóle albo ‘zły’ pod względem moralnym do ‘zły’ pod względem estetycznym. To spostrzeżenie potwierdza wielokrotnie już stawianą hipotezę, że dobro i piękno, i analogicznie brzydota i zło, są w znacznym stopniu utożsamiane z sobą i mogą się wzajemnie motywować.

Literatura

- Králík 2000** — L'. Králík, Urslawisch **gьrdъ* und seine baltischen Parallelen, *Studia etymologica Brunensia* 1, Praha 2000, 305–310.
- Osten-Sacken 1911** — Frhr. v. d. Osten-Sacken, die Bedeutungssphäre der Eigenschaftsabstrakta auf *-oba*, *Indogermanische Forschungen* 28, Strassburg 1911, 416–424.

Rusek 2000 — J. Rusek, Nazwy dla ‘piękny’ w językach słowiańskich, *Studia etymologica Brunensia* 1, Praha 2000, 137–143.

Wojtyła-Świerzowska 1992 — M. Wojtyła-Świerzowska, *Prasłowiańskie abstrak-tum. Słowotwórstwo. Semantyka. I. Formacje tematyczne*. Warszawa 1992.

Mariola Jakubowicz (Krakau)

Die semantische Motivationen der das Äußere negativ bewertenden Adjektiven

Zusammenfassung

Das Thema des vorliegenden Aufsatzes ist die semantische Motivation der Lexik, die ein negatives Bewerten des Aussehens ausdrückt. In der urslavischen Sprache gab es wahrscheinlich kein Lexem, das das Äußere bloß neutral bezeichnete. Für die meisten urslav. Adjektive, deren Fortsetzungen diesen Begriff ausdrücken, rekonstruiert man eine Bedeutung ‘ekel, gräßlich’. Auch für einige Lexeme mit anderer Primärbedeutung, wie **grozъnъ* ‘bedrohlich’, **gъrdъ* ‘stolz’, läßt sich ein ähnlicher Bedeutungsweg rekonstruieren. Grundsätzlich läuft die Entwicklung vom Konkret zum Abstrakt. Ausnahmsweise entwickelt sich ukr. *pohányj* wie auch russ. *durnój* von ‘schlecht’ zu ‘häßlich, unschön’. Neben diesen Motivationen sind in jeder slavischen Sprache Lexeme zu finden, deren Motivation in einer Negierung des Begriffs ‘schön’ besteht. Wie auch im antonymischen Bedeutungsfeld fehlen hier Benennungen, die sich auf einem Kennzeichen der Häßlichkeit beruhen.

Stichwörter: Bedeutungsentwicklung, semantische Motivation, urslavisch, häßlich, ekelhaft, schön.

mjakub7@interia.pl

Илона Янышкова (Брно)

Избыточное (неэтимологическое) *ne-**

В статье рассматриваются некоторые случаи функционирования т. н. избыточного (неэтимологического) *ne-* в чешском языке и в других славянских языках. Анализу подвергаются языковые единицы, обозначающие плохую погоду (чешское диал. *nekleč*, словенское *nevihta*, кашубское *ńepleka* 'плохая погода, ненастье, непогода'), которые трактуются в научной литературе как формы с избыточным *ne-*. Автор статьи предлагает дополнительные аргументы, которые могут поддержать, корректировать или опровергнуть эти толкования.

Ключевые слова: славянские языки, этимология, метеорологическая лексика

Избыточное (неэтимологическое) *ne-* мы рассматриваем как негативную приставку *ne-*, которая является «излишней», поскольку присоединяется к словам, не изменяя их значений и морфологических характеристик. Эта приставка выполняет только функцию определенного усиления, подчеркивания смысла, но семантических сдвигов при этом не происходит. Таким образом, можно подобрать пары слов, отличающиеся друг от друга только наличием или отсутствием избыточного *ne-*, то есть пары слов, отличающиеся не значением, а только формой. В чешском языке засвидетельствовано, наряду с обиходным прилагательным *ohromný* 'огромный, громадный', диал. *neohromný* в том же значении (Bartoš 1906:232); чеш. *nesvár* 'раздор, разлад, ссора, распря' наряду с *svár* 'то же'; чеш. *neurvalý* 'грубый, суровый, злой (о человеке)' наряду с диал. *urvalý*¹ 'то же' (Bartoš 1906:466) и др.²

* Статья была подготовлена при поддержке грантов (GA AV ČR) № IAA900610501 и (GA ČR) № 405/04/1179.

¹ Прилагательное *urvalý* значит по Юнгманну „ten, který se urval, totiž utrlh od šibenice, čili otrlý, vysvičený, totiž rvačkám zvyklý“ (Jungmann 4:781).

² Лексемы с избыточным *ne-* отмечены и в других славянских языках, ср., напр., русск. диал. *несварка* 'несогласие, ссора' — *свара* 'ссора, брань, раздоры; драка' и др. (Петлева 1998:249).

Важную роль выполняет здесь аналогия, то есть уподобление негативным формам в подобном значении;³ в некоторых случаях это слова, не имеющие «положительных» соответствий (или они встречаются очень редко). В качестве примера можно привести чеш. прилагательные *nesmírný*, *nenadály*, *neslýchaný*, *nedobytný*, существительные *nevole*, *nesnáz* и др.

В настоящей статье мы рассматриваем несколько выражений, обозначающих плохую погоду, которые трактуются в научной литературе⁴ как формы с избыточным *ne-*. Цель статьи — поддержать, корректировать или опровергнуть эти толкования.

Чешское *nekleč* известно только диалектам, причем фиксируется в северновосточных говорах Чехии чаще всего со значением ‘слякоть, ненастье, непогода, плохая погода’ (Kubín 1913:202, Vachmannová 1998:221), ‘метель’ (NŘ 20:247). По мнению Махека (Machek 1946:41–42 и Machek 395) это слово, вероятно, родственно укр. диал. *хляга*, *хляка* ‘слякоть, дождливая погода’ (Грінченко 4:404), или же также русск. диал. *хляба* ‘дождь с мокрым снегом’ (Дальз 4:1200). Происхождение этих слов ему, однако, неясно⁵ (от своей мысли о том, что приведенные слова родственны — „grapřibuzná“ — немец. *Schlackwetter* ‘слякоть, дождливая погода’, он позже отказывается). Связывая чеш. *nekleč* с приведенными восточнославянскими словами, Махек предполагает, что *ne-* в этих словах избыточное, что оно было добавлено по аналогии с чеш. *nečas*, *nechvíle*, *nepohoda* ‘плохая погода’ и т. п.

Трубачев (ЭССЯ 24:139) реконструировал на основании чеш. *nekleč* даже праслав. форму — возможно, локального характера — **neklečь* (с вопросительным знаком), сложение усилительного **ne-* и корня **kleč-/*klek-*, передающего неустойчивость, шаткость и разнообразные близкие значения. С этим объяснением Трубачева нельзя, однако, согласиться.

³ Ф. Бартош объяснял эту аналогию на примере чеш. *nesvár*, которое приобрело точно такое же значение как *svár*, следующим образом: „Nelze si toho vyložití jinak, nežli působením liché analogie hojných takových složenin smyslu podobného, jako *neláska*, *neshoda*, *nesvornost*, *neprízeň* а р. Smysl záporný, který bytně obsažen jest v podstatném *svár*, vyjádřen i formálně nadbytečnou zápornkou *ne*“ (Bartoš 1893:199).

⁴ Темой избыточного *ne-* занимались в своих статьях Франтишек Бартош (Bartoš 1893), Йосеф Зубаты (Zubaty 1914:6–28), Вацлав Махек (Machek 1940), Владимир Шаур (Šaur 1976) и Франтишек Копечны (ESSJ грк 2:447–448).

⁵ Трубачев (ЭССЯ 8:33) причисляет русск. *хляба* (и соответствующие блр. и укр. диал. слова) к праслав. звукоподражательному **chlebatì* ‘шататься, качаться’ (ср. русск. разговорное *хлябать* ‘шлёпать, брести по грязи’).

Более надежным кажется толкование, исходящее из сравнения со ст.-чеш. *kl'učný, klíčný, klčný* 'удобный, подходящий, способный, годный', на которые впервые обратили свое внимание В. Полак и Ф. Копечны (ESSJ гкр.). Исходной формой служит, очевидно, ст.-чеш. *kl'učný*, отсюда возникло перегласовкой *kličný*, и затем (вследствие редукции?) *klčný* (ст.-чеш. данные см. Gebauer 2:55); засвидетельствованы также формы с отрицанием *nekl'učný, neklčný* 'неспособный, непригодный, бесполезный, ненужный (о человеке)' (StčS 1:505). В таком случае первоначальное значение чеш. диал. *nekleč* — 'неблагоприятная, неприятная погода'. Если принять — несмотря на фонетические затруднения (*nekleč* < **neklič, *neklč?*) — эту версию, то чеш. *nekleč* следует относить (вместе с вышеприведенными ст.-чеш. словами) к слав. *ključiti se* (ср., напр., ст.-слав. **КЛЮЧЫНЪ** 'подходящий', **КЛЮЧИТИ СѦ** 'случиться'), которое считается чаще всего производным от праслав. **kl'učь* с первичным значением 'крюк'; принятие такого этимологического толкования предполагает развитие значения *'зацеплять крюком другой предмет' → 'соединять' → 'случиться, т. е. настать вследствие соединения событий' (подробнее об этимологических версиях см. ESJS 6:319). Таким образом, чеш. диал. *nekleč* 'плохая погода' не включает в себя избыточного *ne-*.

Напротив, примером наличия т. наз. избыточного *ne-* в рамках лексико-семантической группы слов со значением „погода“ или же „плохая погода“ является словен. *nevihta* 'гроза, буря, сильный дождь с вихрем, непогода, ненастье'. Эта лексема зафиксирована в словен. языке только с XIX века; от нее образовано прилаг. *nevihten* 'ветренный, буйный' и даже глагол *nevihtovati* 'греметь, бушевать' (Pleteršnik 1:706). В более старых источниках и в диалектах встречаются формы без *ne-* с тем же значением, напр. *vihta, viha, jiha, vihra, viher* и т. п., которые относятся — вместе с обиходным словен. *vihar* — к праслав. **vichъrь* 'сильный ветер, вихрь'. По мнению Сноя (Snoj 444) *ne-* лексемы *nevihta* сигнализирует негативные свойства определенного явления; так же дело обстоит, напр., у словен. *neurje* 'буря, гроза, вихрь, ненастье, непогода'⁶ или у словен. диал. *nevreme* 'непогода, ненастье, плохая погода'. Нам всё же кажется, что есть разница между *nevihta*, с одной стороны, и *nevreme, neurje*, с другой стороны: в слове *nevihta* *ne-* присоединяется к *vihta*, значение которого — в противоположность лексемам *vreme* и *ura* — уже негативно. Скорее всего, избыточное *ne-* было присоединено к лексеме *vihta* под воздействием нем.

⁶ Словенское *neurje* является — по мнению Безлая — скорее всего калькой итал. *malora*, франц. *malheur* 'несчастье' (Bezljaj 2:221).

Ungewitter ‘непогода, ненастье’ (с такой возможностью согласны Безлай и Сной, см. Bezljaj 2:222, Snoj 444). Нем. *Ungewitter* возникло путем отрицания из *Gewitter*, значение которого было сначала нейтральным, тождественным значению нем. *Wetter* ‘погода’ (Kluge₂₄ 942); лишь позднее лексема *Gewitter* приобрела значение ‘грозовая погода, гроза, сильный ветер, вихрь, раскаты грома и т. п.’ (EWD 1:566–567).

В кашубском языке значение ‘ненастье, непогода, плохая погода’ выражается лексемой *ńepleka* (Sychta 3:241); репертуар значений этого слова, однако, шире: ‘говорун, болтун, пустомеля, пустобрёх’, ‘злой, плохой человек’, ‘неловкий человек, растяпа, недотёпа, увалень, тюлень’, ‘болезненный, хилый человек, урод, калека’ и др. Соответствующие выражения обнаруживаются, помимо словин. *ńepleka* ‘болезненный, хилый, слабый человек’, также в лужицких языках (ср. в.-луж. *njeplech*, н.-луж. *njeplek* ‘грязный человек’, ‘мерзавец, негодяй, прохвост, озорник, проказник, шалун, балбес, грубиян, хам, невежа’, ‘болтун, пустомеля, пустобрёх’),⁷ в словацком языке (слвц. *neplecha* ‘неприятность, неприятная ситуация’, ‘проказы, шалости, озорство и т. п.’), тоже в чешском.

Чешское *neplecha* ‘недисциплинированное, неприличное, невежливое поведение, шалости, озорство, проказы’, ‘шалун, проказник, озорник’, прилаг. (устарелое) *neplechý* ‘нечестный, нехороший, плохой, дурной, скверный’, ‘нечистый, грязный’ (Jungmann 2:683), объясняется традиционно как форма с избыточным *ne-* (впервые Janko 1935:339). Это оригинальное объяснение принял и дополнил Махек (Machek 1940:228–229 и Machek 395–396, ср. также Holub/Корейспý 243): в основе слова *neplechý* он видит чеш. *plochý* ‘плоский’; первоначальное **neplochý*, **neplocha* разошлось — вследствие последующей ассимиляции *-o-* к предыдущему гласному *-e-* — с *plochý* ‘плоский’. Родственными Махек считает русск. *плохой* ‘нехороший, негативный, отрицательный, вызывающий осуждение’, польск. *plochy* ‘легкомысленный, несерьезный, неблагоразумный’, а также чеш. *plachý* ‘боязливый, пугливый, робкий, застенчивый, несмелый’ (Machek s.v. *plachý*, *plechý*).

Это толкование Махека побуждает к следующим рассуждениям.

Во-первых, гипотетической связи чеш. *neplechý* с *plochý* мешает то, что в чешском языке не засвидетельствована лексема *plochý* со значением ‘плохой’. Напомним, что этимология чешского *plochý* ‘плоский’ неясна: реконструируется форма **plochъ*, вариант к пра-

⁷ Средневозточнонемецкое *Nepleck* ‘озорник, проказник, шалун’ из н.-луж. *njeplek* (Eichler 1965:87).

слав. **ploskъ* ‘ровный, плоский’ (так, напр., ESJS 11:661); кроме того, слово считают заимствованием из нем. *flach* в том же значении (например, Machek 462); также есть мнение, что чеш. *plachý* можно считать результатом контаминации чеш. *ploský* и нем. *flach* (Newerklá 2004:400).

Во-вторых, связь *neplechý* с чеш. *plachý* предполагает реконструкцию праслав. **polchъ*, из которого легко можно объяснить также польск. *plochy* ‘легкомысленный, несерьезный, неблагоприятный, неустойчивый’, ст.-польск. ‘необузданный, распущенный, живой’ (SSp 6:167); тогда русск. *плохой* следовало бы считать заимствованием из польского языка. Чешское *plachý* ‘боязливый, пугливый, робкий, застенчивый, несмелый’ имело в старочешском языке преимущественно негативное значение ‘вспыльчивый, пылкий, горячий, дикий, необузданный, распущенный, развязный, неудержимый (о человеке и животных); недоброкачественный, плохой (о лошади)’ (StěS 3:210–211, Nedvěďová 1984:161–164). Такое пейоративное значение засвидетельствовано в чешском языке еще в XIX веке; представлено оно также в говорах. Ср. *plaché krajky* ‘обвисшие кружева’ (Jungmann 3:99), диал. *plachá polévka* ‘невкусный суп’ (Machek 453), *plachovina* ‘плохая, некачественная ткань’ (Malý 1951:191). Таким образом, чеш. *neplechý* может на самом деле представлять собой сложение избыточного *ne-* и прилаг. **polchъ*, причём первичное значение последнего негативно.

В-третьих, русск. диал. *плѣха* ‘бранное обращение к женщине’, ‘беспутная гулящая женщина, развратница’, ‘негодяйка’, ‘сплетница, болтунья’, ‘грязнуля, замарашка’ (СРНГ 27:133) предполагает исходную форму **plechъ*, которая могла действительно лечь в основу чеш. *neplechý*.⁸ Шустер-Шевц (Schuster-Šewc 1012–1013) также считал форму **plechъ* древней. Трубачев (ЭССЯ 24:187–188 s.v. **neplechъjъ*) рассматривал слав. **plechъ* как экспрессивный вариант первоначального **plekъ*, отглагольного адъективного образования, соотносительного с глаголом **plekati*, ср. чеш. диал. и словц. *plekat’*, польск. диал. *plekać*, укр. *плекати* ‘кормить грудью’, которые однако трактуются традиционно как карпатские пастушеские слова румынского происхождения (Machek 457, ЕСУМ 4:436–437). Учитывая географическое распространение приведенных глаголов в областях, связанных с валахской колонизацией, от этимологии Трубачева по праву отказался Борысь (SEK 3:338).

⁸ Иначе Фасмер 3:280, который считал русск. диал. *плѣха* ‘распутная женщина, лахудра’ (Дальз 3:316) сокращением выражения *плѣвая жєницина*, ср. *плѣвое дело* ‘негодное, ничего не стоящее дело’ (< русск. *плевать, плюю*).

В-четвертых, возникает вопрос, можно ли действительно считать в.-луж. *njeplech*, н.-луж. *njeplek*,⁹ каш. *ńepleka* и словц. *neplecha* независимыми континуантами вышеприведенного слав. **plechъ*, или эти слова были заимствованы из чешского языка?¹⁰

Чешские *neplech*, *neplecha*, *neplechý* и т. п. фиксируются довольно поздно, лишь в XVI веке. Приблизительно к этому времени относятся антонимы *plechý* ‘чистый, чистоплотный’, *plechost*, *plechota* ‘чистота’, *pleše* ‘чисто’ и др. (Jungmann 3:110). В одном нравоучительном стихотворении XVI века встречаем: *Zvlášť pak šetr, by se pleše měl, / nečistoty nenáviděl. / Počestným lidem neplecha / mrzka jest jako i pýcha*. (Jireček 1875:171). Другой пример (XVII век) приводит Юнгманн: *Žena plechá pleše se má v hospodářství, miluje plechotu* (Jungmann 3:1102). Чеш. *plechý* и др. известны также в диалектах, ср. *plechý* ‘порядочный, способный, надлежащий’: *Ani botů plechých to nemá. Dyby byla plechá, byla by u muža* (Bartoš 1906:293), *plechej* ‘красивый’, *pleše* ‘прекрасно, хорошо’, *plechota* ‘доброта’: *Má žena nechtěla dělat plechotu* (Hošek 1900:99).¹¹ Чешские антонимы *plechý* и др. возникли вторично вследствие депрефиксации, когда неэтимологическое *ne-* стало пониматься как простое отрицание. Такое образование новых слов — антонимов — к лексемам, у которых они раньше отсутствовали, посредством отрицательной частицы *ne-*, мы находим, напр., в чешском книжном *kalý* ‘приличный, порядочный, честный’, возникшего из *nekalý* ‘морально неподходящий, плохой’ (< ст.-чеш. *nekajily* ‘некающийся, нераскаивающийся’), ср. Machek 1940:228 и Němec 1968:118. Дополним, что в чешском языке имеются также другие «положительные» слова, возникшие вследствие депрефиксации. Так, напр., к чеш. *nepříčetný* ‘невменяемый’ было образовано «положительное» *příčetný* ‘вменяемый’, к ст.-чеш. *nesbedný* ‘неукротимый, необузданный, неуправляемый (о животных), надменный, кичливый, строптивый, бестактный, безжалостный, жестокий (о человеке и его поведении)’¹² — ст.-чеш. «положительное» *sbedný* ‘послушный, хороший’ и др.

⁹ Не принимается мысль Миклошича (Miklosich 1867:88 и Miklosich 58) о связи н.-луж. *njeplek* со словен. *fleten* ‘приятный, хороший, красивый, чистый’, которое заимствовано из ср.-в.-нем. *vlaetec*, *vlaetic* ‘чистый, красивый, очаровательный’ (Bezlej 1:130, Snoj 155).

¹⁰ Мнимое польское диал. *niepleka* (< чеш. *neplecha* — SW 3:307!) — слово кашубское (ср. также Karłowicz 3:307).

¹¹ Устарелое прилаг. *plechý* сохранилось ныне только в западной Моравии и в смежных областях Чехии (ČJA 1:178 и 180, карта стр. 181).

¹² Ср. современное чеш. *nezbedný* ‘шаловливый, озорной, проказливый’.

О других словах с т. наз. избыточным *ne-* (включая неэтимологическое *ne-*, которое добавляется к словам по причине табу, ср., напр., русск. *невод* и др.) можно будет поговорить в дальнейшем.

Литература

Даль = Дальз.

Петлева 1998 — И. П. Петлева: Еще раз к вопросу о *ne* — не ‘не’, *Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого*, Москва 1998, т. I, 246–250.

*

Bachmannová 1998 — J. Bachmannová, *Podkrkonošský slovník*, Praha 1998.

Bartoš 1893 — F. Bartoš: O některých případech záporu nadbytečného, *Časopis Matice moravské* 17, 1893, 199–202.

Bartoš 1906 — F. Bartoš, *Dialektický slovník moravský*, Praha 1906.

ČJA — *Český jazykový atlas* 1–5, Praha 1992–2006.

Eichler 1965 — E. Eichler, *Etymologisches Wörterbuch der slawischen Elemente im Ostmitteleutschen*, Bautzen 1965.

ESSJ rkp. — *Etymologický slovník slovanských jazyků* (písmena n, o, q), Brno, rukopis.

EWD — *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen* 1–3 (Red. W. Pfeifer), Berlin 1989.

Hošek 1900 — I. Hošek, *Nářečí českomoravské I: Podřečí polenské*, Praha 1900.

Janko 1935 — J. Janko: rec. E. Schwarz: Die Ortsnamen der Sudetenländer als Geschichtsquelle, *Časopis pro moderní filologii* 21, 1935, 334–340.

Jireček 1875 — J. Jireček: Nové objevy z literatury staročeské, *Časopis Musea království českého* 49, 1875, 167–172.

Kubín 1913 — J. Š. Kubín, *Lidomluva Čechů kladských*, Praha 1913.

Machek 1940 — V. Machek: Kladná slova ze záporných, *Naše řeč* 24, 1940, 225–229.

Machek 1946 — V. Machek: Výklady slov, *Naše řeč* 30, 1946, 38–42.

Malý 1951 — J. Malý: Slovníček nářečí frýdlantského, *Radostná země* 1, 1951, 138–141, 188–196.

Miklosich 1867 — F. Miklosich, *Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen*, Wien 1867.

Nedvěďová 1984 — M. Nedvěďová: Staročeské adjektivum *plachý*, *Naše řeč* 67, 1984, 161–164.

Němec 1968 — I. Němec, *Vývojové postupy české slovní zásoby*, Praha 1968.

Newerkla 2004 — S. M. Newerkla, *Sprachkontakte Deutsch — Tschechisch — Slowakisch*, Frankfurt am Main 2004.

NŘ — *Naše řeč*, Praha 1917–.

Šaur 1976 — V. Šaur: K etymologii některých slov na *ne-*, *Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity*, A 24, 1976, 33–37.

Zubatý 1914 — J. Zubatý: Výklady etymologické a lexikální, *Sborník filologický* V, 1914, 1–61.

Iлона Janyšková (Brno)

Redundant (non-etymological) *ne-*

S u m m a r y

The present article is concerned with some cases of the so-called redundant (non-etymological) *ne-* in Czech and other Slavonic languages. It examines several expressions from the semantic theme of ‘weather’ (Czech dialectal *nekleč*, Slovenian *nevihta*, Kashubian *nepleka* ‘bad weather, tempest’), which have in common a redundant *ne-*. The author presents additional arguments which may support, revise or refute existing etymological explanations.

The semantically tempting link between the Czech dialectal *nekleč* ‘bad weather, tempest’ and the Old Czech expressions *kl’učný*, *kličný*, *klčny* ‘suitable, capable, competent’ is difficult to accept given the spelling discrepancies. The redundant *ne-* in the Slovenian *nevihta* ‘storm, downpour, bad weather’ was apparently prepended to *vihta* (which has the same meaning) calqued on the German *Ungewitter* ‘bad weather, tempest’. The Kashubian *nepleka* ‘bad weather’ (and also the Czech *neplecha* ‘bad manners, mischief’ etc.) are clear examples of words with a redundant (non-etymological) *ne-*, their etymology, however, remains unclear.

ilona.janyskova@iach.cz

Maja R. Kalezić (Beograd)

Srpsko-hrvatski nazivi biljaka iz roda *Pistacia* L. (etimološka beleška)*

Rod *Pistacia* L. iz porodice Anacardiaceae obuhvata deset biljnih vrsta (*Pistacia afghanistanica* / *atlantica* / *chinensis* / *khinjuk* / *lentiscus* / *mexicana* / *terebinthus* / *texana* / *vera* / *wienmannifolia*) koje se odlikuju vrlo širokim rasprostranjem. Svojim arealima obuhvataju Kanarska ostrva, severozapadnu Afriku, južnu Evropu, centralnu i istočnu Aziju i južnu Severnu Ameriku. To su drveća ili grmovi koji dostižu visinu od 5 do 15 metara. Postoje zimzelene i listopadne vrste. U ovom radu se rekonstruišu nominacijski postupci koji su doveli do formiranja srpsko-hrvatskih designata za tri biljne vrste koje pripadaju mediteranskom flornom elementu: *Pistacia lentiscus* / *terebinthus* / *vera*. S obzirom na poreklo, među njima se mogu izdvojiti imena koja pripadaju slovenskom fondu fitonima, imena neslovenskog porekla adaptirana slovenskim sufiksima i pozajmljenice. Ovi nazivi nisu bili predmet ozbiljnijih fitolingvističkih rasprava.

Ključne reči: etimologija, fitonimija, onomasiologija, slovenski jezici, grčke i latinske pozajmljenice.

1.0. Botanička identifikacija i deskripcija

Velike površine visokih šuma eumediteranskog i submediteranskog područja pripadaju prirodnom arealu vrsta roda *Pistacia* (L.): *trišlja* (*P. lentiscus*) i *smrdljika* (*P. terebinthus*). To su dve autohtone vrste koje su na Mediteranu oduvek imale značajnu funkciju. Na ovom prostoru je već stolecima manjak svih drvnih sortimenata, te je drvo vrsta ovoga roda, posebno *P. terebinthus*, imalo široku primenu u stolarstvu, strugarstvu i izradi drvenih delova oruđa, zato što je tvrdo, čvrsto i dobro se obrađuje i polira. Pogodno je i za ogrev jer ima smole. U prostoriji u kojoj gori oseća se ugodan miris. Drugi delovi biljaka ovoga roda imali su primenu u hemijskoj industriji, medicini, itd. Ponekad se zbog velike suše i nedostatka druge stočne hrane, u toplijem submediteranu bralo i sušilo lišće kao surogat hrane za ovce i koze. Naročito su se brali još nedozreli plodovi — grozdo-

* Ovaj prilog je rezultat rada na projektu Instituta za srpski jezik SANU „Etimološka istraživanja srpskog jezika i izrada Etimološkog rečnika srpskog jezika“, koji pod brojem 148004 finansira Ministarstvo nauke Republike Srbije.

vi i davali ovcama kao ‘energetska’ hrana. Vrste ovoga roda imaju razgranat korenov sastav i izrazito su kserofitne, dobro podnose siromašna staništa, imaju dobru izbojnu snagu, te su sastavni deo makije i toplijih područja listopadnih panjača. Od ove dve, daleko je poznatija vrsta *P. vera* (*pištač*) koja se na mediteranskom području, pa i šire, uzgaja radi jestivih i vrlo ukusnih plodova. Poreklom je iz Male Azije, odakle je u mediteranske zemlje donesena u novom veku (detaljnije Tolić 2003: 501–508).

2.0. Principi nominacije

U Botaničkom rečniku D. Simonovića zabeleženi su sledeći srpsko-hrvatski nazivi za navedene vrste roda *Pistacia*:

a. *P. lentiscus*: *žvatak, jurevika, kunovina, mastika, mastiks, mrtvik, mrtvika, mrtvica, mrtina, mrča, sakaz, sakaz-drvo, smarca, smarča, smrdelj, smrdljika, smrča, tarslaka, trislja, trišalj, trišlica, trišlja, tršlja, crna mrta, crnomrta,*

b. *P. terebinthus*: *divlji rogač, smardej, smarljika, smrdej, smrdelj, smrdećak, smrdljika, smriča, smrka, smrlj, smrljika, terebint, terpentik, terpentini-drvo, trementina cablo,*

c. *P. vera*: *morski lešnik, orašnici, orašćići, palad, pestak, pistak, pištač, pistacija, pistacijski bademi, pištač, pistaš, pištać, prava tršlja, sirijski orasi, sicilijanski orah, trišalj, trišlja, trišljana.*

2.1. Fitonimi slovenskog porekla

2.1.1. Direktno motivisani nazivi

BILJKA ~ BILJNI PRODUKT

S.-h. *žvatak* (m.) „ime za smolu koja se dobija iz trišlje (biljke *P. lentiscus*)“ (Симоновић; РСА; РЈА) srodno je sa slovenskim *-ica* izvedenicama: s.-h. *živica* zast. „smola“, slč. *živica*, češ. *živice*, polj. *żywica*, gluž. *živica*, dluž. *żywica* „smola“, rus. *живица* „bela omoričina smola; balzam; terpentini“, ukr. *живиця*, blr. *жывіца* „smola“ < psl. **živica* „smola (iz četinavog drveta)“ (Skok 3: 690; Schuster-Šewc 1795–1796). Budući da je ovaj fitonim zabeležen samo jedanput — u botaničkom priručniku K. Crnogorca iz 1882. godine, moglo bi se raditi samo o individualnoj kreaciji, a ne o narodnoj reči.¹

¹ Poznato delo *Природна историја (II део: Ботаника)* Koste Crnogorca, objavljeno u Beogradu 1882. godine, sem poznatih, donosi izvestan broj srpsko-hrvatskih imena biljaka kojih nema u dotadašnjim, a ni i u kasnijim izvorima. Iako su u duhu narodnog jezika, Živojin Jurišić, ugledni srpski botaničar iz prve polovine 20. veka i Pančićev sledbenik, u svom referatu o rukopisu “Botaničar” Koste Crnogorca, stavlja ova imena pod sumnju, pišući “da nisu iz narodnih usta pokupljena” (Prosvetni glasnik 1895, str. 46).

BILJKA ~ MIRIS

Pojava identičnih nominacionih postupaka u različitim jezicima, kako srodnim tako i nesrodnim, uslovljena je s jedne strane istovetnim jezičkim viđenjem objektivne stvarnosti i s druge — procesom kalkiranja. Ova dva principa nominacija u fitonimiji je najčešće teško razgraničiti. Takav problem Bezlaj (3: 275) vidi u sln. *smrdljika* P. terebinthus za koji ne može sa sigurnošću tvrditi da li predstavlja naziv direktno motivisan aromatičnošću biljke ili se radi o kalku nvnem. imena za biljku Juniperus koji se na južnoslovenskom terenu preneo na biljku P. terebinthus. Prema Bezlaju, drugu mogućnost indirektno potvrđuju sinonimna s.-h. imena *smrka* i *smrča* koja „so fonetično primerljiva s poimenovanji za Juniperus in kažejo na prenos, ki ga je tu verjetno spodbudila skupna značilnost obeh fitonimov, tj. smola“. Činjenica da centralna Evropa nije područje na kojem autohtono rastu date biljne vrste — s jedne, te isključivo fonetski razlozi koji su doveli do ukrštanja pomenutih srpsko-hrvatskih designata (o čemu v. niže) — s druge strane, govore u prilog tome da se u slučaju sln. *smrdljika* kao i s.-h. *smrdelj* (m.) P. lentiscus (Belostenec, Poljica u Dalm., RJA), P. terebinthus (Š.), *smrdljika* (f.) P. lentiscus (Симоновић), P. terebinthus (CG, Vuk), *smardej* P. terebinthus, *smrdej*, *smrdecak* (m.), *smarljika* (Š.), *smrljika* (Š.; Stuli, RJA), *smrlj* (m.) (Š.), *šmrljika* (Vuk), pre radi o nezavisnim južnoslovenskim kreacijama sa osnovom **smrd-*, inspirisanim karakterističnim mirisom terpentina (up. Skok 3: 294–295).

2.1.2. Indirektno motivisani nazivi:

Dendronimi motivisani drugim botaničkim nazivom resp. dendronimom nisu česta pojava u narodnim botaničkim nomenklaturama, budući da se radi o lako prepoznatljivom rastinju sa gotovo uvek određenom upotrebom. Njihovi nazivi se najčešće nasleđuju iz ranijih razdoblja ili se preuzimaju kao pozajmljenice. Tzv. prenošenje naziva prisutnije je u nominaciji korova čije se botaničke specifičnosti teže uočavaju, što često dovodi do još jedne, za narodnu korovsku terminologiju karakteristične pojave, koju još Strömberg (1940: 16) naziva 'Verwechslung'. No među s.-h. designatima za biljke iz roda Pistacia, izdvaja se čak pet naziva ovako formiranih. Svi su nastali na temelju percepcije *strictissimo sensu* i u svim slučajevima veza BILJKA ~ DRUGA BILJKA uspostavljena je prema karakteristikama ploda, i to:

a. prema mahunastom izgledu ploda: *jud* (m.) *P. lentiscus* (Hirc 1891: 149, 150–151, 208)², *divlji rògáč* (m.) *P. terebinthus* (BiH, Симоновић; Poljica u Dalmaciji, RJA),

b. prema orašastom semenu: *morski lešnik* *P. vera* (Симоновић), *italijanski lešnjačec* (Patačić, Vajs 2003: 138), *pistacijski bademi* (Симоновић), *orašnici*, *oraščiči* (Š.), *sirijski orasi*, *sicilijanski orah* (Симоновић), *oreh egiptomski* (Belostenec, Vajs l. c.); up. češ. *pistáciové oříšky*, *rajské oříšky* (Rystonová 1996), polj. *orzszki pistakowe* (Š.).

2.2. Neslovenski fitonimi adaptirani slovenskim sufiksima i pozajmljenice:

S.-h. *jùrevika* (f.) RJA beleži u značenju „vrsta mrtine, smrče, koja šiba u vis, a mrtina se grana. U jurevike list je samac, rjeđi nego u mrtine, i od nje se vršve pletu“ (Makarska). Akcenatsku dubletu *jurèvika* potvrđuje PCA. Skok (1: 787) donosi oblik *jùrovika* „šumsko drvo mirta“ (Lumbarda, Smokvica, Korčula) i pomišlja na vezu s.-h. fitonima sa gr. *μύρτος* > lat. *myrta*, *murta*, **murtea*. Glasovna struktura s.-h. imena doista upućuje na grčki predložak, ali ne na onaj na koji Skok pomišlja. Naime, glasovno bliže stoje im ngr. nazivi *ōrhoβos* (ō) „víka“, *ρόβη* (ή), *ρόβι* (τό) „víkova čечевица (разновидность)“ (Хориков/Малев). Liddell/Scott upoređuju gr. *ōrhoβos* „bitter vetch, *Vicia ervilia*“ sa gr. *ἐρέβινθος* (ὀ)³ *Cicer arietinum* i lat. *ervum* V. *ervilia*. Stgr. fitonime *ōrhoβos* C. *arietinum*, V. *ervilia* i *ἐρέβινθος* C. *arietinum* takođe dovode u vezu Frisk (2: 424; 1: 542) i Chantraine (3: 824–825, 1: 366) i obojica ih prosuđuju kao pozajmljenice iz nepoznatog, verovatno istočnomediteranskog jezika. Ngr. *ōrhoβos* ušlo je u većinu balkanskih jezika: s.-h. *urôv* „vrsta ploda od nekakve biljke kao grahorice koju više tamošnji narod ne seje“ Kosovo (Елезовић 2: 394, up. Skok 3: 548), mak. *уров* V. *ervilia* (Симоновић), bug. *оров* „раст. *Vicia cracca* и негов плод“, *урòв*, dij. *ров* „фий“ (БЕР 4: 926), alb. *urof*, *urov* V. *ervilia* (FEB). S.-h. fitonimi *jùrevika* / *jurèvika* / *jùrovi-*

² Ovo ime nije potvrđeno ni u PCA ni u RJA. Fitonimi *juda*, *judino drvo*, *judino stablo*, *judič*, *judič* jesu designati za drvo *Cercis siliquastrum* (< lat. *arbor Judae*, up. češ. *Jidášův strom*, polj. *Judaszowe drzewo*, rus. *йудино дерево*, nem. *Judasbaum*, itd., up. Machek 1954: 117). Oblik maskulinuma *jud* nastao je verovatno prema deminutivu *judič*.

³ Stgr. *ἐρέβινθος* > helen. *ἐρεβίνθιον*, srgr. *ρεβίθι*, *ροβίθι* (> s.-h. *revitov* adj. “koji pripada revitu, tj. biljci, koja se još zove cicer, cič, čič; lithospermum arvense, lathyrus sativus” Šulek, RJA, *revitovъ ciceris*, *revinъъ cicer* Miklošič, RJA, stgr. *ревитово зръно* 15. vek, Jagić 1878: 85, up. Skok 3: 134) > ngr. *ρεβίθι* (τό) C. *arietinum* (plod), *ρεβιθιά* (ή) C. *arietinum* (drvo), *ροβίθι* (τό) C. *arietinum* (plod), *ροβιθιά* (ή) C. *arietinum* (drvo) (AKNE; Хориков/Малев).

⁴ O sufiksu *-ika* u službi botaničkog sufiksa u srpsko-hrvatskom jeziku, v. Ђокић 2003.

ka iz južne i srednje Dalmacije formalno se mogu svesti na isti grčki predložak, koji je u srpsko-hrvatskom jeziku bio adaptiran jednim od najfrekventnijih sufikasa u srpsko-hrvatskoj narodnoj botaničkoj nomenklaturi — sufiksom *-ika*⁴. Ostaje još objasniti semantički pomak *V. ervilia* → *P. lentiscus*. Biljka *V. ervilia* se gaji na čitavom Mediteranu, a naročito u Grčkoj, Italiji i Španiji. Poreklo ove biljne kulture datira još iz kamenog doba, ali antička književnost pruža dosta nepouzdanе podatke o njoj, budući da su se imena *orobos*, *erebinthos* i *ervum* koristila da označe i druge biljne vrste (iste porodice — Papilionaceae): Cicer, Lens, Pisum i *Lathyrus sativus* (Hegi 1924). Prisustvo homonimijske polisemije očituje se i u njihovim srpsko-hrvatski nazivima, a uslovljeno je sličnim botaničkim obeležjima jednako imenovanih biljaka, što nesumnjivo potvrđuju njihovi botanički deskripti:

Vicia ervilia	Cicer (arietinum)	Lens [= <i>Ervum lens</i>]	Pisum	<i>Lathyrus</i> sativus
Grah-hromac (Š.), lećak (Vuk)	bijeli (slani) grah (Š.), rogačica (Vuk)	leća, rogačica (Vuk)	divlji grašak (ji.Srbija, Симоновић)	Graj (PCA)

To se pak ne može tvrditi i za biljku *P. lentiscus* koja pripada sasvim drugoj botaničkoj porodici (Anacardiaceae) te se s toga uzroci za pojavu identične nominacije ne mogu tražiti čak ni u odsustvu specifičnih, tj. dovoljno razlikovnih obeležja ovih biljaka. Drugim rečima, ne možemo govoriti ni o pojavi homonimijskog generalizovanja. Motivi za pojavu ‘prenošenje naziva’ moraju onda ležati na sasvim drugoj strani. Znači li onda to da je s.-h. *jurovika* možda indirektno motivisan naziv? Kod indirektno motivisanih naziva motivaciono obeležje koje ukazuje na asocijativnu vezu BILJKA ~ DRUGA REALIJA bazira se na nekoj od njihovih zajedničkih oznaka. I doista, deskripti u botaničkim priručnicima ukazuju na upadljive morfološke sličnosti mahunastih plodova biljaka iz porodice lepirnjača (Papilionaceae) i vrsta roda *Pistacia* (v. Hirc 1891: 150). Dakle, asocijativna veza BILJKA ~ DRUGA REALIJA lako se uspostavlja; uz to treba napomenuti da je u našem slučaju motivacija bila uslovljena i samom tvorbom: naime, naziv *jurovika* mogao bi se uzeti kao dobar primer upotrebe sufiksa *-ika* u modifikacijskoj funkciji, tj. funkciji označavanja biljne vrste drugog roda ili porodice koja je zbog specifičnog zajedničkog obeležja asocijativnim putem povezana sa biljkom koju determiniše motivna reč⁵.

Prema Vinji (2: 130) s.-h. nazivi *lanjstik* (m.) *P. lentiscus* (Lošinj), *lanštik* (Cres) predstavljaju narodne reflekse lat. *lentiscus* „Mastixbaum“

⁵ V. napomenu br. 3.

nepoznatog porekla (v. Ernout/Meillet; DELI 3: 663); bliže latinskom prototipu stoji s.-h. *lantisk* zabeleženo na Rabu, Božavi, Molatu, Olibu i Cresu. Da se lat. ime javlja i kao *GLOSSA LATINITATIS NORICI* svedoči sln. *lantisk* (Kranj, Š.). S.-h. *lantisk* Skok (2: 268) tumači kao pozajmljenicu iz it. *lentisco*, *lentischio*, sa *an* < *en* kao u *lancun*. Zapadnoslovenska imena (češ. *lentišek*, *lentyšek*, *řečík lentišek*, *řečík lentiškový* (Rystonová 1996) i polj. *lentyszek* (Pažderski 2002) ušla su iz latinskog preko književnog jezika (up. Sławski 4: 157).

U PCA s.-h. *màstika* (f.) potvrđeno je u sledećim značenjima: a. biljka trišlja, P. *lentiscus*, b. smola, beložuta smola, smola trišlje, c. rakija aromatizirana mastikom. Kao naziv za drvo (odatle i kao naziv za uljano-smolastu supstancu koja se dobija zarezivanjem kore) s.-h. *mastika* zabeleženo je još u poznatom latinskom rukopisnom kodeksu lekovitog bilja N. Roccabonelle *Liber de simplicibus Benedicti Rinij, medici et philosophi Veneti* (Š; Šugar 2002: 50). Ime se tumači kao pozajmljenica iz it. *mastica* (Skok 2: 384). Ovaj naziv je i danas u upotrebi ali se najčešće primenjuje na piće — mastiku, a ne na biljku. U tom značenju reč je pozajmljena iz gr. *μαστίχα* posredstvom turskog *mastika* „raki flavored with mastic“ (Redhouse 736; Skok l. c.), up. bug. *маслика* „vrsta rakije“ (БЕР 3: 681), rum. *mastică* „id.“ (Tiktin 2: 608), arum. *măstică* (Papahagi 670), alb. *mastikë* (FShS 545). Oblici sa *-h-*, stsrp. *mastihь* „smola“, *mastiha* (D. Obradović), top. *Mastihni dub* (Mačva), pozajmljeni su neposredno iz gr. *μαστίχη* (Skok l. c.), up. bug. *масмх* „vrsta leka“ (?) (БЕР 3: 681), rum. *mastihă*, arum. *măstihă* Papahagi l. c., alb. *mastih* (Meyer 262). S.-h. *màstiks* (m.) „smola (knjiž., Elezović, PCA); biljka P. *lentiscus* (knjiž., PCA; Orfelin, Š.); vrsta rakije (PCA)“ i *mastik* (zast.) „biljka P. *lentiscus* (knjiž., PCA); vrsta rakija (Sremac, PCA)“ prema Skok (l. c.) potiču od lat. *mastix*.

Gr.(-lat.) reč ušla je i u druge slovenske jezike različitim posredstvom: sln. *mastika* P. *lentiscus*, *mastik*, *mastix* (18. v.) (Bezljaj 2: 170), slč. *mastix* (ЭСУМ 3: 409), češ. *mastix*, *mastyx* (*pryskyřice*), *mastixová pryskyřice*, *mastixový strom*, *řečík mastikový* (Rystonová l. c.), polj. *mastyksowy* (*drzewo*) (Pažderski l. c.), *mastyka*, *mastyks* (ЭСУМ l. c.), stpolj. *mastyk*, *mastyka* „смола фісташки“ (Сабадош 1996: 84), gluž. *mastiks* (ЭСУМ l. c.), rus. *маслика* P. *lentiscus* (Анненковъ), „mast; smola“, струс. *маслика* (Фасмер 2: 579), *маслига* „id.“ (ЭСУМ l. c.), ukr. *мастика*, *мастикъ* (17. век), *масти(к)сь*, *мастихва*, *мастиха* (18. век) (Сабадош 1996: 84; ЭСУМ l. c.), blr. *масцика* „смола“ (ТСБМ 3: 119).

Da se naziv za drvo *Myrtus communis* — *mrt*a (f.) javlja u srpsko-hrvatskoj fitonimiji i kao hiperonimski naziv (poput lat. *nux* ili *ficus*) resp. generički naziv koji služi da označi određenu grupu rastinja sa sličnim botaničkim svojstvima, nesumnjivo svedoči njegova upotreba uz kvalifikativ *crna*

u funkciji designata za biljku *P. lentiscus*: *crna mrta* (Š.), up. takođe složenicu *crnomrta* (Stuli, Š.). Fitonim *mrta* *M. communis* ubraja se u dalmato-romanske leksičke ostatke (< lat. *myrta* < gr. μύρτος) (Skok 2: 471–472). Sličnost između dva drveta uočljiva je već na prvi pogled te otuda ne čude i ostali homonimni nazivi: *mrtina*⁶ (Stuli, Š.), *mrča* (Š.) (< dalm.-rom. **myrtea*, v. Skok l. c.) i *smarča*⁷ (Š.). Ukrštanje sa nazivom za drvo *Juniperus* opravdano je samo zbog glasovne sličnosti: *smrča*, *smarča* *P. lentiscus*, *smriča*, *smrka* *P. terebinthus* (Š.). Oblike *mrtvik* (m.), *mrtvika* (f.) (Š.), *mrtvina* (Stuli, Mikalja, Š.) Skok l. c. vezuje za lat. *myrta* (prema deklinaciji *buky*, *bukьve*). Autori ЭССЯ (21: 144) ih, semantički i onomasiološki sasvim neopravdano, zajedno sa sln. *mrtvika* *P. lentiscus*, izvode od prideva **mьrtvь*. Ove likove je pak najlakše objasniti kako sa fonetske tako i sa semantičke strane ako se pođe od lat. imenice *u*-deklinacije *myrtus*, *-us* (-i) f.

Latinsko ime *pistācium* odnosi se na plod stabla prave trišlje (*P. vera*). Naziv je preuzet iz gr. πιστάκιον orijentalnog porekla (André 253; Carnoy 226; Frisk 2: 544). Likovi sa osnovom *pest-* u istom značenju potvrđeni su još oko 700. god. u Francuskoj: *pestacias tantas* (FEW 8: 597). S.-h. *pestac* (m.), *pestača* (f.) (Vitezović, Vajs 2003: 138) direktni su nastavljači ovog lat. oblika (Vajs l. c.). Likove sa finalnim *-k*, *pestak* (m.) (Stuli, RJA) i *pistak* (Š.), Skok (2: 664) prosuđuje kao grecizme. Rocabonellin *pestak* zbog grafije *pestach* dopušta i čitanje *pestač* (Š.; Šugar 2002: 51; Vajs l. c.)⁸. Preko latinskog jezika gr. reč ušla je u zapadnoslovenske jezike: češ. *piskacie*, *pistací*, *pistácie* (Rystonová 1996), polj. *pistacja* (Pažderski 2002), a posredstvom Turaka (tur. *fistik* preko ar. *fustuq*, Räsänen 145) širi se u sve jezike Balkana: s.-h. *fustuk* (Škaljić 286), bug. (*непсуи-ски*) *фьстѣкъ* (МББР; Младенов), rum. *fistic* (Borza 131; Tiktin 2: 168), alb. *festék* (Meyer 104) i ngr. φιστίκι (ΛΚΝΕ) odakle u arum. *fistike* (Paparagi 460) i alb. *fistiké* (< ngr. φιστικιά, Meyer l. c.). Prema Vasmeru rus. *фистáшка*, sudeći prema inicijalnom *-f-*, verovatno potiče iz turskog, ali je morfološki pod uticajem fr. *pistache* (iz it. *pistacchio*) (Фасмер 4: 197), up. ukr. *фісташка* (Сабадош 1996: 84), blr. *фіста́шка* „паўднёвае пладовае дрэва з перыстымі лістамі сямейства сумахавых; Ядомы плод гэтага дрэва, які мае форму невялікага арэха“ (ТСБМ 5: 137).⁹

⁶ O proširenju *-ina* v. Vajs 2003: 91.

⁷ Za inicijalno *s-* Skok (2: 471–472) upućuje na isto.-rom. *zmirtule* “mirto”.

⁸ Zast. *puštek* m. (Tanzlingher, Vajs 2003: 138), *puštaći* m. pl. (Skok 2: 664) verovatno ide zajedno sa *pestak*, *pistak*.

⁹ Istoj grupi pripadaju i s.-h. fitonimi *dahvina* (f.) i *dahvin* (m.) *P. vera*, koje je zajedno sa sinonimnim *tučivaj* i *hršnjak* zabeležio Tanzlingher, a danas nijedan od navedenih

S.-h. *sakaz* (m.) „smola trišlje (biljke *P. lentiscus*)“ (Симоновић), *sàkaz* Kosovo (Елезовић 2: 195), *sàkrz* „vrsta rakije“ Bosna (Škaljić 544) ubraja se u balkanske turcizme iz botaničke terminologije (< tur. *sakız* „smola“, Skok 3: 190), up. bug. *sakъzъ* *P. lentiscus* (МББР), rum. *sacî'z* „1. kolofonijum, 2. smola, 3. *Sacîz* ostrvo Hios“ (Tiktin 3: 346), arum. *să-cî'ze* kolofonijum (Paparagi 917), alb. *sakëz* „smola; žvakaća guma“ (FShS 842; Meyer 377). S.-h. polusloženica *sakaz-drvo* *Pistacia lentiscus* (Симоновић) nastala je najverovatnije kalkiranjem tur. *sakız ağacı* (TBAS), up. bug. *sakъzно дрво* „id.“ (МББР).

U osnovi s.-h. imena *terpentik* (m.) (Š.; Stuli, RJA) i *terpentin-drvo* (n.) (Симоновић) *P. terebinthus* leži nemački predložak *Terpentin*, a u složenici *trementine cablo* n. „id.“ (Dalm., Š.) — it. *trementina* (Skok 3: 496). Arhetip oba predloška je lat. pridev *terebinthīnus* (< gr. *τερέβινθος*). Gr.(-lat.) reč ušla je i u druge balkanske i slovenske jezike: bug. *теребен-тово дрво* *P. terebinthus* (МББР), rum. *terebință*, *terebinț*, zast. *terbentina*, *terpentin*, *trementin*, *trimintin*, *trimintim*, *termentin* (Tiktin 3: 642), alb. *terebinținë*, *terpentinë* (FShS 931), tur. *tereminti* (Meyer 1893: 35), češ. *terpentin*, stčeš. *terebinčina* (Holub/Kopečný), polj. *terpentynowy* (*drzewo*), rus. *терпентинное дерево* (МББР).

2. 3. Fitonimi nepoznate motivacije:

S.-h. ime *kostilj* (m.) zabeležio je Hirc (1891: 151): „U primorju imao bi rasti i kostilj (*P. lentiscus*), koji je ti južnoj Istriji oko Pulja veoma običan. Reichenbach (Flora. german. excurs., br. 1043) navadja kostilj za Rieku, a po njem i Ana Marija Smithova, nu smo ga tu i droguda po primorskih krajevih badava tražili“. Budući *ἄπαξ λεγόμενον*, reč nema solidnu osnovu za etimologisanje.

S.-h. naziv *kunovina* (f.) u značenju *P. lentiscus* zabeležio je Šulek, a potvrdu je preuzeo iz poznate Dalmatinske flore R. Visianija¹⁰. Ako je vokal *u* nastao od sonantnog *l*, tj. od nulskog stepena psl. **klenvъ* (vrlo raspravljane etimologije, up. Skok 2: 92; Bezlaj 2: 40; ЭССЯ 9: 194–195),

naziva više nije u upotrebi (Vajs 2003: 138; za etimologiju v. Skok 1: 371). Ime je preneto sa biljke *Myristica moschata* zbog sličnog izgleda semena.

¹⁰ Poznato delo R. Visianija *Flora Dalmatica sive enumeratio stirpium vascularium quas hactenus in Dalmatia lectas et sibi observatas descriptis, variorumque iconibus illustravit* izašlo je u tri dela (Leipzig 1842, 1847, 1852) i tri dodatka (*Supplementa Florae Dalmaticae*) od kojih je prva dva štampao Visiani (Venecija 1872, 1877), a treće postumno P. A. Saccardo (1882). Važnost ovog dela leži prvenstveno u tome što je Visiani njime udario čvrste temelje poznavanju flore Dalmacije (što su iskoristili J. K. Schlosser i Lj. Vukotinović u sastavljanju *Florae Croaticae* (1869) i otvorio niz taksonomskih problema koji ni do danas nisu izgubili na aktualnosti.

postupak prenošenja naziva onomasiološki bi bio opravdan zbog mahunastog izgleda ploda.

O s.-h. imenu *palad* m. (f.?) *P. vera* (Š; RJA) nema pomena u dosadašnjoj etimološkoj i fitolingvističkoj literaturi. S obzirom na činjenicu da se svi s.-h. nazivi¹¹ za *P. vera* kao i sam latinski naziv *pistacium* odnose na plod stabla ove biljke, istu onomasiološku motivaciju možemo tražiti i u fitonimu *palad*. U tom slučaju, po formi i sadržaju izraza, bliski ovom fitonimu stajali bi apelativi (takođe etimološki nejasni) *palika* (f.) „grozd, bjam, rogač i svaki drugi plod koji ostane na stablu i poslije berbe“ Vis (Roki-Fortunato), *poľik(a)* (m./f.) „Nachlese, Nachernte“ (ČDL), *paľike* pl. tant. „berba maslina koje su ostale nakon redovnog branja“ (Vuković). Naziv bi dakle mogao biti formiran prema komušini resp. mahunarki, a u vezi sa glagolom **pelti*.

S.-h. naziv *tršlja* (f.) *P. lentiscus* (Mikalja, Belostenec, Vitezović, Bela, Stuli, Vuk iz Dubr., RJA) potvrđen je u više fonetskih i tvorbenih varijantata i na širokom arealu: *trišlja* *P. lentiscus* / *vera* (Š.; Симоновић), *trislja* *P. lentiscus* (Š.), *trišalj* (m.) *P. lentiscus* / *vera* (Š.; Симоновић), *trišljana* *P. vera* (Симоновић), *trišlica*, *tarślaka* *P. lentiscus* (Š.). Skok (3: 510) pominje fitonim *tršljika* s.v. *fřst*¹, gde završetak *-ljika* (neubedljivo) tumači analogijom prema nazivu *smrdljika*. Od ostalih slov. jezika javlja se još u sln. *trišlja* *P. lentiscus* (SSKJ 5: 178) i češ. *tryšla* „id.“ (Š.; RJA; Jungmann 4: 664). Fitonim je neprozirne formalne i semantičke strukture i zahteva opširniju fitonomastičku raspravu.

Literatura:

- André** — J. André, *Lexique des termes de botanique en latin*, Paris 1956.
Borza — A. Borza, *Dicționar etnobotanic*, București 1968.
Carnoy — A. Carnoy, *Dictionnaire étymologique des noms grecs de plantes*, Louvain 1959.
FEB — *Fjalor i emrave të bimëve*, Tiranë-Prishtinë 2003.
FEW — W. v. Wartburg, *Französisches etymologisches Wörterbuch I–XXI*, Tübingen 1948-Basel 1965.
Hegi 1924 — G. Hegi, *Illustrierte Flora Mitteleuropas*, DE Translation from: *Illustrierte Flora von Mittel-Europa* (Hegi, 1924). Vol. IV *Vicia* Hegi & Gams (1924), www.general.uwa.edu.au/u/enneking/HEGI.htm.
Hirc 1891 — D. Hirc, Pogled u floru hrvatskoga Primorja s osobitim obzirom na šumsko drveće i grmlje, *Šumarski list* XV/4, Zagreb, 107–208.
Jagić — V. Jagić, Opisi i izvodi iz nekoliko južno-slovenskih rukopisa. XVI. Sredovječni liekovi, gatanja i vraćanja. *Starine JAZU*, knj. 10, Zagreb 1878, 81–126.

¹¹ Izuzimamo odavde fitonime *prava tršlja*, *trišalj*, *trišlja*, *trišljana* nejasne etimološke strukture.

- Meyer 1893** — G. Meyer, *Türkische Studien. I*. In: Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Band 128, Wien 1893.
- Pažderski 2002** — http://rastko.org.yu/rastko-pl/jezik/dvpazdjerski-recnik/index_1.php.
- Räsänen** — M. Räsänen, *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkischen Sprachen*, Helsinki 1969.
- Roki-Fortunato** — A. Roki-Fortunato, *Knjiga Viškog Govora*, Toronto 1997.
- Rystonová 1996** — http://www.darius.cz.archeus/BB_index.html.
- Strömberg 1940** — R. Strömberg, *Griechische Pflanzennamen*, Göteborg.
- Šugar 2002** — I. Šugar, I. Gostl, K. Hazler-Pilepić, *Hrvatsko biljno nazivlje*, Zagreb 2002.
- Šulek** — B. Šulek, *Imenik bilja*, Zagreb 1879.
- TBAS** — T. Baytop, *Türkçe bitki adlari sözlüğü*, Ankara 1994.
- Tolić 2003** — I. Tolić, *Gospodarske i druge vrijednosti vrsta roda pistacija*, *Šumarski list*, Zagreb 2003/9–10, 501–508.
- Vajs 2003** — N. Vajs, *Hrvatska povijesna fitonimija*, Zagreb 2003.
- Vuković** — S. Vuković, *Ričnik selaškega govora*, Split 2001.

*

- Анненковъ** — Н. Анненковъ, *Ботанический словарь*, Москва 1859.
- Ђокић 2003** — М. Ђокић, *Српско-хрватски фитонимски дериваџи на -ика у индоевропском контексту (са посебним осврћом на семасиологију назива за дајће биљке у класичним језицима)*, Београд [magistarski rad u rukopisu].
- МББР** — *Материали за български ботаничен речник*. Събрани от Б. Давидов и А. Авашев. Дополнени и редактирани от Б. Ахтаров, София 1939.
- Сабадош 1996** — I. В. Сабадош, *Формування української ботанічної номенклатури*, Ужгород 1996.

Maja R. Kalezić (Belgrade)

**Serbo-Croatian names for plant species from genus Pistacia L.
(an etymological note)**

S u m m a r y

The paper deals with Serbo-Croatian names for three plant species that belong to the genus *Pistacia* L., mostly native to the Mediterranean region: *P. lentiscus* / *terebinthus* / *vera*. The aim is reconstructing the denomination process for each of these designations, reconsidering some of the already proposed etymologies and proposing new ones for those names that have never been systematically discussed in former phytonomastical researches.

maja.djokic@sanu.ac.yu

Helena Karlíková (Brno)

Lexikální vyjádření škodolibosti v evropském areálu*

Průspěvek podává etymologický výklad monolexémických výrazů označujících negativní lidskou vlastnost — škodolibost. Při této analýze se ukazuje souvislost mezi existencí a absencí monolexémického výrazu v určitém jazyce a kulturně historicko-sociálním pozadím země, v níž se daným jazykem mluví.

Klíčová hesla: kalk, hybridní kalk, kompozitum, škodolibost, areálová lingvistika.

Škodolibost je „zlomyslná radost ze škody, z nesnází druhého“. Škodolibý je člověk „mající, najevo dávající, prozrazující zlomyslnou radost ze škody druhého“ (PSJČ 5:1079). Naproti tomu zlomyslnost je primárně „úmyslné způsobení zla někomu provázené radostí z toho“ (PSJČ 8:571). Zlomyslný je ten, kdo „se snaží někomu uškodit, přeje mu něco zlého“ (SSČ 1994:570). Rozdíl mezi škodolibostí a zlomyslností tedy spočívá v tom, že zatímco škodolibý člověk se raduje z nesnází druhého, do nichž se dotýčný dostal bez jeho přispění, zlomyslný člověk se naopak snaží někomu uškodit. Významová hranice mezi oběma negativními vlastnostmi dnes už sice není příliš ostrá, přesto však lze říct, že ve většině analyzovaných jazyků jednoslovné pojmenování pro škodolibost chybí. Ve slovanských jazycích se objevuje v podstatě pouze tam, kde bylo kalkováno sthn. *scado* (v. níže), jinde jsou doloženy lexémy, jež významově odpovídají spíše českému *zlomyslnost* s příležitostnou, nikoli standartní sémantickou nuancí ‘škodolibost’. V lexikálním materiálu, který jsem pro tuto příležitost shromáždila, je to také dobře patrné.

Vyjdeme-li z nejstaršího literárního jazyka slovanského, tak staroslověňština výraz pro škodolibost nemá. Nutno předeslat, že lexém odpovídající českému *škoda* ve staroslověňštině není, toto slovo bylo kalkováno z němčiny až v historických obdobích jednotlivých slovanských jazyků

* Průspěvek vznikl v rámci projektu Grantové agentury České republiky č. 405/04/1179 *Praslověňština a rané etapy slovanských jazyků ve vztahu k sousedním etnikům v evropském areálu*.

(v. dále). Staroslověnština má dva výrazy, které jako jeden z významů mají i s významem ‘škoda’, a to *vrěďbъ* (též ‘rána, tělesné ublížení; nemoc; ztráta, újma’) a *pakostbъ* (též ‘ukřivdění, křivda’). Oba mají své ekvivalenty v některých slovanských jazycích, ve staroslověnštině se však žádným z nich nepojmenovává škodolibost. Ve stsl. památkách sice najdeme poměrně velké množství kompozit, v nichž druhou složku tvoří komponent *-ljub-*. Tento komponent je doložen ve stsl. adjektivu *ljubъ* ‘milý’ (srov. ESJS 7:430n) a odpovídá právě českému *libý* ve slově *škodolibý*; žádné z těchto kompozit však nepojmenovává tuto negativní vlastnost, pokud nepočítáme slovo stsl. *neblagoljubъсь* ‘člověk nepřející dobru’, ekvivalent řeckého *ἀφιλάγαθος* tv. Podobný, i když škodolibost opět ne zcela vystihující, význam má adjektivní složenina *зълोकъзньнъ* ‘zlomyslný, lstivý’, kalk řeckého *κακότεχνος* tv. (Schumann 1958:64). Druhý komponent je utvořen od substantiva *къзнъ* ‘úklad, nástraha, úskok’, které je v praslovánštině produktivním sufixem *-znъ* odvozeno od redukovaného stupně verbálního kořene *kov-*, doloženého v slovesu *kovati* (< ie. **keH₂u-* ‘bít, tlouci’). K etymologii v. více ESJS 6:349.

Ve staré češtině je, jak se zdá, pouze jedno kompozitum, jehož druhou složkou je *-l’ubý*, a to adjektivum *dobřěl’ubý* ‘příjemný, libý’ (Gebauer 1903–1916 1:209). Nachází se v žaltáři Klementinském (1. pol. 14. stol.) a jde o nepřilíši zdařilý překlad německého ekvivalentu *wohlgefällig* v jeho zastaralém významu ‘oblíbený, libý, příjemný’. Za povšimnutí stojí, že stč. *-l’ubý* zde překládá německé *gefällig* ‘příjemný, milý apod.’. Ačkoliv substantivum *škoda* ‘škoda, poškození’, výpůjčka sthn. *scado* ‘zlo, neštěstí, pohroma, zkáza; škoda apod.’ (k ie. **skeH₁th-* ‘škodit’), se ve staré češtině objevuje už od konce 13. století a je dobře doloženo (Newerkla 2004:124 zmiňuje cca 450 dokladů), ve složenině s *libý*, jak je běžné dnes, se nevyskytuje (dlužno říct, že se nevyskytuje v žádné složenině). Stará čeština nemá pro pojem škodolibost ani žádný jiný lexém. Substantivum *zlob*, resp. *zloba* znamená sice vedle ‘zlo, špatnost, zločin’ též ‘zlost’ a ‘zlomyslnost’, adjektivum *zlobivý* má význam ‘zlý, zlomyslný, nešlechtný’ (Šimek 1947:227), význam ‘škodolibost’ však tato slova nemají. Poprvé se v češtině objevují výrazy *škodoradosta* a *škodoradůstka* ‘kdo se raduje z cizího neštěstí’ v 16. století v českém zpracování německých komentářových výkladů K. Huberina k biblické knize *Ecclesiasticus* (*Knihá Jesusa Siracha*) Tomáše Rešela¹. Evidentně jde o kalky německého kompozita *schadenfroh* téhož významu, přesněji řečeno o kalky hybridní, neboť první část kompozita je jen foneticky adaptovanou podo-

¹ Srov. *Lexikon české literatury*, ved. redaktor J. Opelík, 3/II, Praha 2000, s. 1238.

bou německého slova, kdežto druhá část je českým překladem německého východiska. Toto kompozitum má ve srovnání se substantivem *Schade* poměrně mladou historii. Poprvé se objevuje v překladu Johanna Ambrosia Bartha *Weiberspiegel*² v roce 1565. Předloha pro Rešelův překlad pak pochází z roku 1568. Substantivum *Schadenfreude* je ještě o něco mladší, poprvé ho zmiňuje s významem ‘freude über den schaden anderer’ Johann Christoph Adelung v r. 1777 ve třetím svazku svého slovníku (Adelung 1774–1786). Je zajímavé, že o pár let později, v r. 1797, použil hněm. *Schadenfreude* Georg Thomas Serz³ jako ekvivalent latinského *petulantia* ‘drzost, opovážlivost, rozpustilost’, čímž toto něm. slovo značně odchýlil od jeho původního významu.⁴ Je to však pravděpodobně jediný případ takového významového posunu u tohoto slova.

Pokud jde o výše uvedené starší české *škodoradosta*, resp. *škodora-důstka*, tak tato slova byla zřejmě vytvořena ad hoc jako hybridní kalky mající vyjádřit v češtině dosud neexistující pojem, a proto v české slovní zásobě nezakotvila. Jepičí život měly i další hybridní kalky téhož německého východiska, a to *škodopřejec*, *škodorád*, *škodoradník*, vše ‘Schadenfrohe’ a *škodopřejný* ‘schadenfroh’, jež ve svém *Kapesním slovníku novinářském* (Praha 1862) uvádí Josef Rank. V češtině se neudržely ani další doslovné překlady *škodoradnost* ‘škodolibost’ a *škodoradný* ‘škodolibý’, které zachycuje Kott 1878–1893:3, 890. Téměř současně (podle Kotta l. c. rovněž v polovině 19. stol.) se však v češtině objevuje kompozitum, které se stalo organickou součástí českého lexika, a to *škodolibý* a jeho deriváty *škodolibost*, *škodolibec*. Vzhledem k tomu, že druhý komponent této složeniny, *-libý*, odpovídá v podobných případech většinou německému *-gefällig* (vedle stč. *dobřěl’ubý* za *wohlgefällig* srov. např. i č. *samolibý* za *selbstgefällig* nebo č. *bohulibý* za *gottgefällig*), dá se předpokládat, že č. *škodolibý* není identickým kalkem něm. adjektiva *schadenfroh*, jak tomu je ve výše zmíněných, v současné češtině už zaniklých, případech, ale že druhý komponent této složeniny, něm. *-froh*, bylo nahrazeno pro češtinu

² Johann Ambrosius Barth, *Weiberspiegel*. Darinnen sich zuersehen: wes sich ein gottsfürchtig...weib in ihrem ehestande verhalten soll, geteilet in vier bücher...erstlich in latein zusammen getragen durch Georg. Viviennum und jetzo erst verdeutschet...durch Joh. Barth von sanct Annenbergk. Leipzig 1565.

³ Serz, G. T., *Teutsche idiotismen, provinzialismen, volksausdrücke, sprüchwörtliche und andere im täglichen leben vorkommende redensarten in entsprechendes latein übertragen und nach dem alphabet geordnet*, Nürnberg 1797.

⁴ Německý materiál je citován podle následujících slovníků: Grimm, J. und W.: *Deutsches Wörterbuch* 1–16, Leipzig 1854–1954, Quellenverzeichnis, Leipzig 1971, zde sv. 8, 1893, s. 1983–1984, a Weigand, Fr. L. K., *Deutsches Wörterbuch*, 5. Auflage, 1–2, Giessen 1909–1910, zde sv. 2, 1910, s. 665.

přijatelnějším adjektivem (možná tu sehrál jistou roli i vliv adjektivních kompozit typu *samolibý*).

Naopak kompozitum s druhým komponentem *-rad-* (< psl. *radъ* ‘veselý, radostný’⁵) je běžné v současné slovenštině, a to v podobě *škodoradost*, *škodoradostný*, *škodoradostník* (SSJ 4:416). Ojedinele jako synonymum k *škodoradost* se objevuje též *škodoples* (Kálal 1924:678 bez udání místa a doby výskytu), kde *-ples* je deverbativum k *plesat* ‘projevovat velkou radost’ (< psl. *plęsati* ‘tančit; jásat’⁶). Slk. substantivum *ples* ve významu ‘velká radost’ však ve spisovném jazyce místo nemá, SSJ je klasifikuje jako básnické (a nezaznamenal je ani HSSJ). Slk. *škodol’ubý*, které uvádí SSJ l. c. jako knižní řídké, je patrně bohemismus.

Obdobný lexém má i horní lužická srbština. Na rozdíl od slovenštiny, kde *škodoradostný* je hybridním kalkem něm. *schadenfroh*, však hl. složeniny *škodopřejny* a *škodopřejnosť*, resp. *škodupřeće* vznikly ze spojení *přeć škodu* (ojedinele jsou doložena i kompozita, kde první složkou je *zlo: zlopratk* a *zlopreće*, obě ve významu ‘Schadenfreude’⁷). V dolní lužické srbštině jednoslovný výraz není, k vyjádření obratu *být škodolibý* je třeba použít opisu *wjaseliš se nad škodu drugego*. Podobně i v polštině je *škodolibý cieszący się z czyjego nieszczęścia*. Poslední ze slovanských jazyků, které mají pro pojmenování škodolibosti kompozitum, jehož součástí je *škoda*, je slovinština, a to *škodoželjen* ‘schadenfroh’, *škodoželje*, *škodoželjnost* ‘Schadenfreude’, expr. *škodoželjnež* ‘Schadenfrohe’, arch. též *škodoželjnik*, *škodoželjnica* tv. (Pleteršnik 2:632). Druhá složka těchto kompozit je tvořena od základu *žel-*, který je obsažen v sln. slovesu *želeti* ‘přát (si); dychtit, toužit’ (< psl. *želęti*, to pravděpodobně obsahuje ie. kořen **g^uel(H)-* ‘píchat, bodat’ — srov. LIV 246, M. Snoj in Bezljaj 4:443 aj.⁸).

Vzhledem k tomu, že východoslovanské ani jihoslovanské jazyky (s výjimkou slovinštiny) kalk sthn. *scado* nemají, logicky se tu nevyskytuje ani kompozitum odpovídající českému *škodolibý*. Pojmenování této negativní vlastnosti vznikla v těchto jazycích použitím jiných základů a také kalkováním z jiných východisek. Právě však v těchto jazycích dochází ke splývání obou negativních vlastností a většinou nelze určit jednoznačné hranice mezi nimi.

⁵ Etymologicky ne příliš jasné; snad souvisí se stangl. *rōt* стенгл. *rōt* ‘veselý, boдрý’, *rētu* ‘radost’ a též s psl. *raditi/roditi* ‘pečovat’. Více v. ESJS 12:745n.

⁶ K etymologii v. ESJS 11:658n.

⁷ Uvádí je pouze Dr. Rězák ve svém slovníku *Němsko-serbski słownik hornjołužiskeje řeče*, Bautzen 1920, na s. 815, ovšem bez udání místa a doby výskytu.

⁸ K sémantickému vývoji srov. Karlíková 1998:52.

Kalkem středořeckého *κακόχαρτος* ‘radující se z cizího neštěstí’⁹ (Lampe 1991:696) je už rchl. *злорадный*, které se pravděpodobně poprvé objevuje v díle patriarchy Nikona (1662–1669) — srov. Шанский 2:97. Jde o doslovný překlad obou složek řeckého kompozita, tedy *κακός* ‘špatný; škodlivý’ a *χαρτός* ‘radostný, radující se’. Toto adjektivum se stalo běžnou součástí ruského lexika a bylo přejato i do ukrajinštiny (v podobě *злорадный, злорадый*) a běloruštiny (*зларадны*). Nověji byly vytvořeny i deriváty, jako ukr. *злорадство*, br. *зларадства, злараднасьць* ‘zlomyslná radost z cizího neštěstí’ a ukr. *злорадіти*, br. *злараднічаць* ‘škodolibě se radovat, pocít’ovat škodolibou radost’. Za církevní slavismy lze pravděpodobně pokládat též ekvivalenty ve většině jihoslovanských jazyků: sln. arch. *zloràd* ‘schadenfroh’ a *zlorádost* ‘Schadenfreude’ (obě Pleteršnik 2:927), srb. *злорад* ‘kdo se raduje z cizího neštěstí’, dial. též *злурад* (RJA) a charv. *zlorad* tv. MLP 229 zachycuje srbsl. (16. stol.) adjektivum *злорадостънъ* ‘aliorum calamitate gaudens’. Bulharština a makedonština mají rovněž adjektivum *злорад* (v bulharštině je ovšem chápáno jako knižní), v bulharštině běžné je sloveso *злорадствам*, makedonština má substantivum *злорадостѝ*.

Církevněslovanského původu je zjevně i ruské adjektivum *зловредный*, kompozitum, jehož první složkou je opět *zlo-*, na rozdíl od výše uvedených kompozit zde má pouze adverbialní, stupňující význam, neboť druhý komponent, související se stsl. *vrěďь*, v ruštině existuje jako samostatné adjektivum *вредный* s významem ‘škodlivý’. Toto kompozitum, s převažujícím významem ‘zlý, zhoubný’ (tak už v rchl. v 17. stol. — СРЯ XI–XVII вв. 6:20), se v hovorovém jazyce používá i ve významu ‘zlomyslný, škodolibý’. Stejný význam má i ukrajinské *зловредный*, pocházející patrně z ruštiny.

Domácího původu jsou výrazy odpovídající stsl. *pakostь* (< adv. *оракъ/-у* + sufix *-ostь*), které ve většině slovanských jazyků mají řadu různých významů, jako ‘škoda, újma’, ‘nesnáz’, ‘nemoc, utrpení’, ‘zlo’ apod., ale jen srb. *pakost* a charv. *pakost* mají i speciální význam ‘zlomyslnost’¹⁰. Ji-ného původu je zřejmě kaš. *překas* ‘zlomyslnost, jedovatost, ironie’ (Sychta 4:185), kterým se etymologické výklady, pokud je mi známo, nezabývají. Souvisí pravděpodobně s psl. *kosnъti (se)* ‘dotknout se’.¹¹

Latina speciální lexém s významem ‘škodolibost’ nemá. Obdobou řeckého *κακόχαρτος* je latinské adjektivum *malevolus* ‘zlovolný, nepřít-

⁹ Toto řecké adjektivum se v tomto významu objevuje ve spise Klementa Alexandrijského *Παιδαγωγός* (3.II p. 278.9) z období kolem r. 300 n. l. a použil ho ve svých básních též Grégorios z Nazianzu ve 4. stol. n. l.

¹⁰ K etymologii stsl. *pakostь* v. ESJS 10:622.

¹¹ Srov. ESJS 6:344.

znivý, zlomyslný’, v substantivizované podobě pak ‘zlomyslník, závistník, nepřítel’. Toto kompozitum (jehož komponenty jsou odvozeny od *malus* ‘zlý, špatný’ nejasné etymologie¹² a *volō* ‘chci’) se objevuje už u Plauta; podle Ernout/Meillet 380 mu odpovídá ř. *κακόδομος*, původně ‘špatně se chovající, zlý otrok’ (Liddell/Scott 1953:861). Substantivní podobu *malevolentia* charakterizuje Cicero následovně: „malevolentia est voluptas ex malo alterius sine emolumento suo“. Derivát adjektiva *malus* лат. *malus*, substantivum *malitia*, se v latinských textech objevuje ve významech ‘špatnost, zloba, úskočnost apod.’. Od něj odvozené adjektivum *malitiōsus* ‘zlomyslný, potměšilý, ničemný, úskočný’ pak opět charakterizuje Cicero: „non viri boni, versuti potius, malitiosi“. Pokračováním latinského *malignus* (< *malus*) ‘špatný, zlý, zlomyslný, závistivý’ jsou příslušně foneticky adaptovaná slova v románských jazycích, jako fr. *maligne* (od 12. stol.), it. *maligno* (od 14. stol.), špaň. *maligno* s významy shodnými s latinským slovem a dále rozvitými o další nuance jako ‘jízlivý, potměšilý’ a též ‘nezdravý, zhoubný’. Italština ani francouzština nemá jednoslovné pojmenování škodolibosti. Škodolibost se v těchto jazycích vyjádří pouze dvouslovným spojením, a to it. *gioia maligna* a fr. *joie maligne* (kde první výraz je zjevně pokračováním lat. substantiva *gaudium*, resp. pl. *gaudia* ‘radost’). Latinské *maliciosus* je východiskem pro špaň. *malicioso* a pro rum. *malitios*, u obou slov se uvádějí významy ‘zlomyslný, škodolibý; zlý, špatný apod.’. Rumunština má ještě jedno adjektivum, jež je pokračováním latinského východiska, a sice *răutăcios* (< rum. *rău* ‘zlý, špatný’ < lat. *reus* ‘schuldig, verpflichtet’).

Pravděpodobně jediným indoevropským jazykem, který kromě některých jazyků slovanských, převzal z němčiny kompozitum s významem ‘škodolibý’, je angličtina, která ve svém lexiku má kromě řady lexémů s významem ‘zlomyslný’, též lexém *schadenfreude* ‘satisfaction or pleasure felt at someone else’s misfortune’. Do angličtiny bylo toto kompozitum přejato koncem 19. století¹³, aby zaplnilo mezeru ve slovní zásobě a pojmenovalo vlastnost, pro niž dosud angličtina neměla vlastní název.

Na závěr se hodí položit si otázku, zda předvedená etymologická analýza umožňuje nějakou lingvistickou generalizaci. Zdá se, že ano, a to v kontextu areálové lingvistiky. Ukazuje se totiž, že ve shodě s předpoklady areálové lingvistiky jsou kompozita obsahující jako jednu složku německý kalk doložena v jazycích v geografickém kontaktu s němčinou (pěkně je to vidět právě na jazycích slovanských). Dodat je ovšem třeba,

¹² K etymologii viz podrobněji Ernout/Meillet 380.

¹³ Webster’s Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York–Toronto–London–Sydney–Auckland 1996, s. 1713.

že pouze v těch s němčinou geograficky kontaktních jazycích, které přejímaly z němčiny i v jiných etických sémantických oblastech, tj. nikoli např. v italštině nebo francouzštině.

Literatura

- Adelung 1774–1786** — J. Ch. Adelung, *Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuches der hochdeutschen Mundart* 1–5, Leipzig.
- Gebauer 1903–1916** — J. Gebauer, *Slovník staročeský* 1–2, Praha.
- Kálal 1924** — M. Kálal, *Slovenský slovník z literatury aj nářečí*, Banská Bystrica.
- Karlíková 1998** — H. Karlíková, Typy a původ sémantických změn výrazů pro pojmenování citových stavů a jejich projevů ve slovanských jazycích, *Slavia* 67, 49–56.
- Kott 1878–1893** — F. Š. Kott, *Česko-německý slovník zvláště grammaticko-frazeologický* 1–7, Praha.
- Lampe 1991** — G. W. H. Lampe, *A Patristic Greek Lexicon*, Oxford.
- Newerkla 2004** — S. M. Newerkla, *Sprachkontakte Deutsch — Tschechisch — Slowakisch*, Frankfurt am Main.
- Niggemann 1986** — G. Niggemann, *Untersuchungen zur Nominalkomposition im Tschechischen. Vom Alttschechischen bis zum 17. Jahrhundert*, Münster.
- Schumann 1958** — K. Schumann, *Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen*, Berlin.
- SSČ** — *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*, Praha 1994.
- SSJ** — *Slovník slovenského jazyka* 1–6, Bratislava.
- Šimek 1947** — F. Šimek, *Slovníček staré češtiny*, Praha.
- Šlosar 1999** — D. Šlosar, *Česká kompozita diachronně*, Brno.

Helena Karlíková (Brno)

L'expression lexicale de la malignité dans l'aire européenne

Résumé

En partant de l'hypothèse qu'il existe une différence entre les qualités dénotées en tchèque par les mots *škodolibost* et *zlomyslnost*, un *škodolibý člověk* se réjouissant des malheurs d'autrui, même s'il n'a pas contribué à les provoquer, tandis qu'un *zlomyslný člověk* s'efforce de nuire, on arrive à la conclusion basée sur une analyse étymologique du lexique dénotant ces qualités dans les langues européennes (en vérifiant l'hypothèse de Whorf relative au «Standard Average European»), qu'il manque dans la plupart des langues analysées un mot correspondant à 'škodolibost'. On ne le trouve en fait que dans les langues slaves, ayant calqué sur le mot allemand *schadenfroh*, dont le premier élément remonte au vieux-haut-allemand *scado*. Ailleurs, il existe pour 'škodolibost' des lexèmes dont la signification correspond plutôt au tchèque *zlomyslnost*. La seule langue non-slave qui a emprunté à l'allemand (vers la fin du 19ème siècle)

ce mot composé pour désigner une personne se réjouissant des malheurs d'autrui, *škodolibý*, est l'anglais avec *schadenfreude* «satisfaction or pleasure felt at someone else's misfortune».

En accord avec les hypothèses de la linguistique aréale, il est démontré ici que mots composés formés à partir d'un calque de l'allemand ne sont attestés que pour les langues géographiquement connectées à l'allemand, qui ont emprunté à lui différents mots appartenant au champ sémantique des qualités éthiques, contrairement, par exemple, au français ou à l'italien.

helena.karlikova@iach.cz

L'ubor Králik (Bratislava)

K výskumu praslovanského lexikálneho komponentu v slovenčine: o niektorých problematických etymologických interpretáciách*

V príspevku sa analyzujú niektoré slovenské dialektizmy, ktoré sa v etymologickej literatúre interpretovali ako slovenské reflexy rekonštruovaných praslovanských etymónov. Podľa autorovho názoru ich však treba objasniť ako pomerne recentné prevzatia z cudzích jazykov, resp. ako výrazy vzniknuté v rámci samostatného vývinu slovenského jazyka (nárečová fonetika a i.).

Kľúčové slová: etymológia, praslovančina, slovenčina, lexika slovenských nárečí, praslovanská lexika v slovenčine, germanizmy v slovenčine, hungarizmy v slovenčine.

Rekonštrukcia praslovanskej slovnej zásoby nie je možná bez zohľadňovania lexiky jednotlivých slovanských jazykov v jej komplexnosti (lexika spisovného jazyka i nespisovných útvarov, materiál starších období vývinu príslušného jazyka, onymia a pod.); kým sa však ten-ktorý výraz začne využívať ako argument pri formulovaní etymologických hypotéz, je potrebná adekvátna etymologická analýza jeho samého. V odbornej literatúre sa možno neraz stretnúť s tým, že ako priame reflexy praslovanských etymónov sa uvádzajú aj oveľa mladšie výrazy, ktoré mohli vzniknúť až počas samostatného vývinu príslušného slovanského jazyka (t. j. po ukončení praslovanského obdobia), a to buď v rámci interného jazykového vývinu, alebo v dôsledku jazykových kontaktov. V príspevku poukážeme na niektoré slovenské výrazy, ktorých usúvztážňovanie s praslovanskými etymónmi sa v uvedených súvislostiach zdá problematické.

1. Slk. *Grék*. — Tak napr. v rámci prehl'adu reflexov neskorého psl. **grьkь* v jednotlivých slovanských jazykoch sa v ЭССЯ 7:163 uvádzala aj slovenská forma *Grék*, doložená od 18. stor. (porov. HSSJ 1:383 s.v.). Treba však zrejme súhlasiť so SP 8:264–265 s.v. *grьkь*, kde sa na slk.

* Príspevok vznikol s podporou Vedeckej grantovej agentúry Ministerstva školstva Slovenskej republiky a Slovenskej akadémie vied (VEGA; grantový projekt č. 2/5040/26).

Grék — podobne ako na príslušné etnonymá známe v iných severnoslovanských jazykoch — vzt'ahuje charakteristika „[n]a pólnocy, w poszczególnych językach, niezależna, pózna pożyczka bezpośrednio z łac. *grae-cus*“ (s. 265). Slk. *Grék* teda nemožno považovať za priamy reflex neskorého psl. **grьkь*, prevzatého z balkánskej latinčiny.¹

2. Slk. dial. *dóren* a i. — V minulosti sme už poukázali na interpretáciu slk. dial. *dóren* 'nástroj na rozšírenie dier v obruči, ráfe', usúvzt'ažňujúcu tento výraz so sln. dial. *dvôrec*, *dvôrek* 'rukovät' vrtáka', pre ktoré sa hl'adá d'alšie príbuzenstvo v iných indoeurópskych jazykoch (porov. Králik 1997; tam aj d'alšia literatúra). V prípade slk. dial. *dóren*, *dóreň*, *doreň*, *dorn* 'nástroj na vybíjanie alebo úpravu dier do železa' (SSN 1:359 s.v. *doreň* i *dorn*) je však podl'a nášho názoru reálnejšie predpokladať prevzatie z nem. *Dorn*, známeho vo významoch 'stachelige Pflanze' i 'dornförmiges Gerät und Geräteteil; Werkzeug zur Herstellung bzw. Erweiterung von Löchern' (Grimm VI Neu 1277 s.v.) — nejde teda o výraz praslovanského pôvodu, ale o relatívne recentný germanizmus. V zmysle princípu tzv. opakovanosti prevzatia² neprekvapuje, že analogický výraz nachádzame aj v pol'ských dialektoch (porov. SGOWM 2:355 s.v. *dorn*, *dornik*).³

3. Slk. *lengat'* (sa). — Rekonštrukcia psl. **lęgati* (*se*), spájaného s psl. **ligati* (porov. stpol'. *ligać* 'wierzgać, kopać [o koniu]' a i.; od ide. **leig-* 'hüpfen, beben; beben machen', Pokorný 667–668 s.v.), vychádza z ruského, bieloruského a slovenského lexikálneho materiálu (porov. ЭССЯ 15:54–55 s.v. **lęgati* (*se*) II); ako slovenský kontinuant psl. **lęgati* (*se*) sa uvádza sloveso *lengat'* (*sa*) 'visiet' a pohybovať sa sem i tam, kolísat' sa,

¹ Na pozadí rekonštrukcie neskorého psl. **grьkь* je vhodné pripomenúť aj miestny názov slk. *Hrkovce* na južnom strednom Slovensku: J. Stanislav tu na základe starších dokladov *Gyrki* 1156 atď., *Gerky* 1263, *Greky* 1290 rekonštruoval východiskovú formu „**Grky*, čo súvisí s dnešným južnoslovanským *Grk* 'Grék'“ (Stanislav I:107); autor zároveň usúvzt'ažnil príslušný miestny názov s pôsobením byzantskej misie na území dnešného Slovenska („[p]ozostatky systému starej slovienčiny“, s. 108).

² Porov. „принцип неединичности заимствующего языка“ vo formulácii L. Kiss (Kiss 1969:70).

³ Na tomto mieste možno pripomenúť aj zaujímavý doklad zo starej pol'stiny: ide o názov predmetu používaného zlatníkom, ktorý bol pri inventarizácii zlatníkovej pozostalosti zapísaný ako *d(o)m(a)jzyn*. Autori Słownika polszczyzny XVI wieku interpretovali tento zápis ako „*dornajzyn* (?)“, t. j. ako prevzatie nemeckého kompozita typu **Dorn-eisen*, a rekonštruovali význam príslušného staropol'ského výrazu ako „[p]rawdopodobnie ostro zakończone narzędzie do robienia otworów w metalu, wybijak“ (Słownik XVI w. 5:322); na základe lexikálneho materiálu uvedeného v našom príspevku možno takúto interpretáciu stpol'. *d(o)m(a)jzyn*, *dornajzyn* plne akceptovať.

hompál'at' sa' (SSJ II:30 s.v., KSSJ 295 s.v.), dial. aj 'vol'ne visiet'' (porov. Orlovský 161 s.v. *lengat' se*).

Usúvzt'ažňovanie slk. *lengat' (sa)* s psl. **lēgati (se)* však spôsobuje určité ťažkosti fonetického charakteru. Na základe východiska **lēgati (se)* by sme v slovenčine očakávali podobu *l'ahat' (sa)*, resp. *liahat' (sa)*, t. j. s vývinom **ē > 'a* (v dlhej slabike *ia*) a **g > h*; odlišnosti v reálnej forme výrazu by bolo potrebné objasňovať štylistickou charakteristikou výrazu (zachovanie pôvodného *g* a vsunutie novšieho *n* v dôsledku expresivity slova?). Z formálneho hľadiska sa preto zdá pravdepodobnejší názor, že slk. *lengat' (sa)* je prevzaté z mad'. *leng* 'schwingen, sich hin und her bewegen' (porov. Rocchi 2:11 s.v.).⁴ V takom prípade by bolo žiaduce konštatovať, že reflexy psl. **lēgati (se)* sa obmedzujú len na východoslovanský jazykový areál (ruština, bieloruština),⁵ nejde teda o východoslovansko-slovenskú izoglosu, ako môže vyplývať z údajov ЭССР.

4. Slk. dial. *kajbavý, kajboš*. — ЭССР 9:106 uvádza aj samostatné heslo **kabavъjъ*, rekonštruované výlučne na základe slk. dial. *kajbavej* (v štandardizovanej forme *kajbavý*) 'krivý'. Adjektívum **kabavъjъ* sa v ЭССР interpretuje (v nadväznosti na ďalšiu literatúru) ako derivát od nedoloženého iteratívneho slovesa **kabati (*kōb-)*, súvisiaceho s psl. **kobi-ti, *kobb*; po sémantickej stránke sa tu vychádza z východiskového významu typu 'ohýbat'' (odtiaľ d'alej 'ohnutý' > 'krivý'). Od rovnakého koreňa je nepochybne odvodené aj slk. dial. *kajboš* 'krivý, zhrbený človek' (SSN 1:735 s.v.; doklad z Kobeliarova, Rožňava).

Určitým formálnym nedostatkom takejto interpretácie slk. dial. *kajb*-môže byť fakt, že neobjasňuje prítomnosť konsonantu *j* v koreni slovenských slov (expresívna modifikácia a pod.). Takisto možno pripomenúť, že uvedené slk. dialektizmy sú známe z nárečí južnej časti stredného Slovenska, t. j. zo slovensko-mad'arského kontaktného územia; preto si treba položiť otázku, či v prípade slk. dial. *kajbavý* naozaj ide o praslovanský lexikálny relikť (ktorý navyše nenachádza paralely v iných slovenských jazykoch⁶) a či by nebolo vhodné analyzovať tento výraz sub specie slovensko-mad'arských jazykových kontaktov.

⁴ Podľa L. Rocchiho sem patrí aj slk. dial. *olengárit' (se)* 'túlat' sa, ponevierať sa, motať sa' (Orlovský 214 s.v.). — Mad'. *leng* sa interpretuje ako výraz onomatopoického charakteru, pôvodne označujúci pomalý kmitavý pohyb (porov. novšie EWU 2:888 s.v.).

⁵ Predpoklad, že slk. *lengat' (sa)* vzniklo kontamináciou pravidelného reflexu psl. **lēgati (se)* a mad'. *leng*, pokladáme za špekulatívny.

⁶ Azda práve táto skutočnosť spôsobila, že v ЭССР sa príslušný heslový výraz uvádza s otáznikom (, **kabavъjъ?*“).

V tejto súvislosti nemusí byť nezaujímavá hypotéza usúvzt' ažňujúca slk. dial. *kajbavý* so slk. dial. *kajlavý* 'majúci krivé nohy, krivonohý (o človeku i o zvieratách); hl'adiaci nakrivo, škul'avý' (porov. SSN 1:735 s.v.), ktoré je prevzatím z mad'. *kajla* 'krivý';⁷ forma *kajbavý* sa v takom prípade interpretuje ako výsledok kontaminácie adjektíva *kajlavý* a výrazov typu *galbavý* 'používajúci ľ'avú ruku viac ako pravú; kryptavý; nemotorný, nešikovný' (SSJ VI:35 s.v., KSSJ 171 s.v.), *t'arbavý* 'pomalý, t'ažkopádny, nemotorný, neobratný, nešikovný' (SSJ IV:494 s.v., KSSJ 762 s.v.) a pod. — bližšie porov. Gregor 65–66 s.v. *kajbavý*. Ak prijmeme takýto výklad slk. dial. *kajbavý*, rekonštrukcia (i keď iba hypotetická) psl. **kabavъjъ* stráca svoje opodstatnenie.

5. Slk. dial. *bdol*. — Pol'ský lingvista Z. Babik nedávno uverejnil zaujímavú štúdiu (Babik 2003) o slk. dial. *dbol* 'včelí úl', na základe ktorého sa v minulosti rekonštruovalo psl. **dъbolъ*, d'alej odvodzované od ide. **dheu-b-* 'tief, hohl'; autor však presvedčivo ukázal, že formu *dbol* treba interpretovať ako obmenu pôvodného *gbol*, ktorého východiskom bolo slk. dial. *kbel*, predstavujúce reflex psl. **къbьlъ*.⁸ Z toho vyplýva, že slk. dial. *dbol* je produktom interného vývinu slovenčiny a nie je adekvátne predpokladať preň samostatný praslovanský etymón.

V nadväznosti na presvedčivú analýzu Z. Babika možno d'alej dodať, že reflexom psl. **къbьlъ* je — za predpokladu zmeny *gb-* > *db-* a následnej metatézy *db-* > *bd-* — akiste aj slk. dial. *bdol* 'úl' (Kálal 19 s.v., doklad z Kotta). Nie je tu teda potrebné uvažovať o hypotetickom psl. **bъdolъ*/**bъdolъ*,⁹ ktoré sa rekonštruovalo v ЭССЯ 3:111 výlučne na základe slk. dial. *bdol*; malo ísť o „неясное слово“, azda súvisiace s psl. **bъdla*, označujúcim rôzne druhy húb.

⁷ K slovtovornej adaptácii porov. slk. hovor. *barnavý* 'hnedý' < mad'. *barna* 'id.' a i.

⁸ V súvislosti s vokalizmom slk. dial. *gbol*, *dbol* autor správne pripomína, že vokál *o* v strednej slovenčine nemohol vzniknúť vokalizáciou predného jeru, a vyslovuje predpoklad, že neetymologický vokalizmus *o* sa tu etabloval pod vplyvom nepriamych pádov: „formy nom.-acc. sg. zostaly tu odnowione według przypadków zależnych (**къbl-* → nowy nom.-acc. sg. **kьbьl*)“ (Babik 2003:18, poznámka č. 8). Takisto však azda nemožno celkom vylúčiť, že pri vzniku nominatívu-akuzatívu *gbol* zohrala určitú úlohu aj analógia s výrazmi typu *kotol* (**kotьlъ*), *osol* (**osьlъ*), gen. sg. *kotla* (**kotьla*), *osla* (**osьla*) a pod., pri ktorých došlo k úprave hláskového striedania *e/o* (s očakávanou jerovou striednicou) na *o/o* pod vplyvom tvrdého konsonantu na konci slova (porov. Novák 1980:165–171; Krajčovič 1988:31, tam aj ďalšia literatúra).

⁹ Príslušný heslový výraz sa v ЭССЯ uvádza s otáznikmi („**bъdolъ*?/**bъdolъ*?“).

Literatúra

- Babik 2003** — Z. Babik: O rzekomym prasłowiańskim **dьbolь* ‘ul’, *Rocznik Slawistyczny* LIII, 16–20.
- Grimm VI Neu** — *Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Band VI. Neubearbeitung*, Leipzig 1970–1983.
- Gregor** — F. Gregor: *A szlovák nyelv magyar elemeiből (Mutatványfüzet)*, Budapest 1993.
- Kálal** — M. Kálal: *Slovenský slovník z literatúry aj nárečí (Slovensko-český diferenciálny)*, Banská Bystrica 1923.
- Kiss 1969** — Л. Киш: О некоторых принципах этимологизирования заимствованных слов, *Этимология* 1967, 68–70.
- Krajčovič 1988** — R. Krajčovič: *Vývin slovenského jazyka a dialektológia*, Bratislava.
- Králik 1997** — L’. Králik: Niekoľko drobných lexikálnych výkladov, *Slovenská reč* 62, 3–10.
- KSSJ** — *Krátky slovník slovenského jazyka*, Bratislava 2003⁴.
- Novák 1980** — L’. Novák: *K najstarším dejinám slovenského jazyka*, Bratislava.
- Orlovský** — J. Orlovský: *Gemerský nárečový slovník*, Martin 1982.
- Rocchi** — L. Rocchi: *Hungarian Loanwords in the Slovak Language*, Trieste 1999–.
- SGOWM** — *Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur*, Wrocław etc. 1987–.
- Słownik XVI w.** — *Słownik polszczyzny XVI wieku*, Wrocław etc. 1966–.
- Stanislav** — J. Stanislav: *Slovenský juh v stredoveku I–II*, Turčiansky Sv. Martin 1948.

L’ubor Králik (Bratislava)

From the study of the Common Slavonic lexis in Slovak: On some problematic etymological interpretations

Summary

The paper discusses some Slovak words which have hitherto been interpreted in etymological literature as Slovak reflexes of reconstructed Common Slavonic etyma. In the author’s opinion, they should rather be explained as relatively recent loanwords taken from foreign languages or as forms created during the internal development of the Slovak language. Thus, Slovak *Grék* ‘Greek’ (attested since the 18th century) is a recent loanword from Latin *Graecus* rather than a direct reflex of late Common Slavonic **grьkь* ‘id.’; no Common Slavonic etymon exists for Slovak dial. *dóren, dóreň, doreň, dorn* ‘tool used for driving or modifying holes in iron’ which is in fact borrowed from German *Dorn* ‘sharp, woody spine, thorn; tool or its part having the form of a spine; instrument used for making or extending holes’. Slovak *lengat’ (sa)* ‘to dangle, to sway, to swing, to rock’ and dial. *kajbavý* ‘crooked’ do not seem to reflect Common Slavonic **lęgati (se)* and **kabavъjь*: *lengat’ sa* probably originates in Hungarian *leng* ‘to swing, to dangle’ (cf. L. Rocchi), *kajbavý* was explained by F. Gregor as a blend of Slovak dial. *kajlavý* ‘bandy-legged, bowlegged; cross-eyed, squint-eyed’ (< Hungarian *kajla* ‘bent [downwards], crooked’) and Slovak *t’arbavý* ‘clumsy, awkward’, *galbavý*

'left-handed; awkward, maladroit', etc. There is obviously no need to reconstruct a special Common Slavonic etymon (**bьdolь/*bьdolь*) for Slovak dial. *bdol* 'beehive', since it might be a mere variation (metathesis *db-* > *bd-*) of Slovak dial. *dbol* < *gbol* < *kbol* < Common Slavonic **kьbbь*.

lubork@zoznam.sk

Любовь Викторовна Куркина (Москва)

К реконструкции этимологических связей слав. *čajati

На основе семантического анализа и анализа структуры исходной основы гл. *čajati, построенного на новых диалектных данных, преимущественно русских и сербских, обосновывается новое понимание исходной семантики глагола, для которого определяющим признается признак слабо выраженного, слабо протекающего процесса, что позволяет с новых позиций подойти к оценке этимологических связей гл. *čajati и *čakati, рус. чахнуть.

Ключевые слова: этимология, праславянский язык, семантическая реконструкция, словообразовательные модели.

С расширением материальной базы этимологии, с развитием исследований в области семантики, словообразования углубляется и обогащается новым содержанием общий этимологический контекст, и на этой основе появляется возможность с новых позиций подойти к оценке существующих этимологических версий, внести коррективы в понимание тех подходов, которые вызывают сомнения или отвергаются словарями. При всей определенности принятого словарями этимологического истолкования гл. *čajati остаются моменты, недостаточно обоснованные, затрудняющие продвижение в понимании семантических и словообразовательных связей глагола. К таким слабо разработанным аспектам следует отнести отсутствие четкости в понимании структуры исходной основы (и.-е. *k^uē- или *k^uēi-) и его изначальной семантики. В литературе ставится, но не решается вопрос о характере отношений слав. гл. *čajati и *čakati, рус. чахнуть.

В литературе по-разному определяются этимологические истоки слав. *čajati и соответственно по-разному толкуются родственные связи слова и структура исходной основы. Признается, что для слав. *čajati отсутствуют соответствия в балтийских языках (Skok I: 288). Этот глагол, представленный во всех группах славянских языков (ср. ст.-слав. чаити 'expectare', болг. диал. ч^аем, с.-х. ч^ајаѣи, словен. č^â-jati, чеш. čaj^áti, рус. ч^аять 'ждать, ожидать' — ЭССЯ 4: 10; SP 2:

107), традиционално сближається с др.-инд. *śāyati* ‘наблюдает, страшится, опасается’, *cāras* ‘лазутчик’, греч. *τετίημαι* ‘быть огорченным, опечаленным’, *τετίηώς* ‘грустный, пугливый’, *τηρέω* ‘наблюдаю, охраняю, берегу’, *τηρός* ‘стерегущий’ (Berneker 134; Фасмер IV: 321; Sławski I: 111; Skok I: 288). На основании одного и того же ряда соответствий на и.-е. уровне восстанавливается корень **k^uēi-* с дифтонгом (Pokorny I: 636; Skok I: 288; SP 2: 108) и с долгим гласным **k^uē-* (Vaillant III: 266). В словарях ставится, но не решается вопрос о характере отношений слав. **čajati* и **čakati*, рус. *чахнуть*.

Колебания в понимании исходной структуры **čaj-ati* (< и.-е. **k^uēi-*) или **ča-ti* (< и.-е. **k^uē-*) снимаются в пользу **ča-ti*, и основанием для этого служат др.-инд. *cāras* ‘лазутчик’, слав. имя **Ča-slavъ* (ст.-польск. *Czastlaw*, ст.-чеш. *Čáslav*), рус. арханг. *чáтый*: *чатое дело* ‘чайное, ожидаемое’ с первой частью **ča-* гл. **ča-ti* (Даль IV: 1291; SP 2: 107). К продолжениям той же основы можно отнести и словц. (дет.) *počat’* ‘ожидать’ (Orlovský 241). Это означает, что форма **ča-ja-ti* вторична, она сложилась в славянских и индоевропейских языках путем расширения глагольной основы **ča-* суффиксом *-ja*. Это обстоятельство позволяет внести уточнения в понимание морфологической структуры некоторых русских диалектных образований. Как причастие на *-т* и *-л* от гл. ***чати* могут быть поняты рус. диал. *чáтый* и курск. *челó* безл. ‘казалось, думалось’ (ср. *Мне чело собака, ажно волк, челóсь; Ему челось, я буду просить его; мне челó, ему челóсь* ‘казалось’ (Доп. к Опыту; Даль IV: 1294). Как производные от причастной формы на *-л* того же глагола могут быть интерпретированы русские диалектные глаголы на *-ити*: *чáлиться* ‘грозиться’, ‘то же, что квелиться’, *чáлить* ‘задумывать, намереваться’, *чéлиться* ‘тянуться, потягиваться перед наступлением простудной болезни’ (Даль IV: 1283, 1299) и т.д. по типу *вялый* : *вялиться*. Морфологический подход к объяснению русских диалектизмов имеет больше оснований, чем фонетический, предполагающий мену *j > л* (ср. ЭССЯ 4: 11).

С восстановлением исходного корня с долгим гласным в первую очередь по морфонологическим основаниям следует признать маловероятным предлагаемое Вайяном (Vaillant III: 266) сближение с гл. **po-čiti* (< **k^uī-*) (SP 2: 108).

В дальнейшем продвижении особое значение приобретает семантический аспект. Трудности семантической реконструкции связаны с тем, что в процессе длительного развития слово выходит далеко за пределы изначальной семантики и тем самым утрачивается связь с признаком, положенным в основу обозначения. Утрате изначальных связей способствуют переосмысление формы, преобразование слово-

образовательной структуры слова под влиянием разных факторов на разных этапах развития языка. В результате слово вовлекается в новые системы лексико-семантических отношений, что приводит к эволюции значения. С привлечением новых диалектных данных, с расширением общего семантического контекста появляется возможность выявления ориентиров, помогающих при восстановлении мотивов переосмысления, перестройки лексико-семантических отношений. Представляется, что некоторая неопределенность в понимании этимологических связей гл. *čajati объясняется недостаточной разработанностью семантики глагола. Все этимологические версии исходят из признания, что первичным для этого глагола было значение ‘ждать’. Однако в славянских языках это значение, являясь основным, не покрывает всей семантики глагола. Это значение тесно связано со значением ‘желать, жаждать’. В качестве семантической параллели, подтверждающей связь значений ‘ждать’ и ‘желать, жаждать’, в литературе приводятся лит. *geidžiu, geĩsti* ‘страстно желать’, прус. *geide* 3 л. мн. ‘они ждут’, лтш. *gaida* ‘ожидание’, *gaidīt* ‘ждать’, рус. *ждать* (Berneker 134; Топоров 2: 192).

Значение ‘ждать’ дало импульс последующим семантическим преобразованиям. Очевидную связь с основным значением ‘ждать’ обнаруживают польские образования в значении ‘сторожить, караулить’: польск. *czajić się* ‘устанавливать засаду, подкарауливать, поджидать’, ‘подкрадываться’ (ЭССЯ 4: 11), ‘желать’ > ‘simulare’ в ст.-польск. *czajić się* ‘simulare’ (SSp I: 341, с середины XV в.).

В русских диалектах находим приставочные глаголы со значением ‘думать, предполагать’: *начáять* ‘рассчитывать на кого-, что-л.; полагаться на кого-л.; надеяться’, ‘думать, предполагать, ожидать’ (арх., вят.), ‘предвещать’. Тот же круг значений характеризует глагол с основой *ча-*: ср. *начáть* ‘думать, предполагать; рассчитывать, надеяться’ (ср. *Я не начал, что ты завернешь к нам*), ‘быть состоянии, мочь’ (ср. *Я не начую мешок поднять*), безл. ‘показаться, представиться’ (ср. *Мне начáло*), *начáться* фолькл. ‘рассчитывать на кого-, что-л.; полагаться на кого-л.; надеяться’ (*И не чалась я-то горя, не началась, И рвалось сердечушко — не рывалось*), ‘думать, предполагать; ожидать’ (перм., вят., нижегор., том., пск. и др.) (СРНГ 20: 281), *почáть* сов. и нес. ‘думать, предполагать’ (вят., самар.): ср. *Я почал, ты придешь* (СРНГ 30: 375). Значение ‘думать, предполагать’ вполне могло стать следующей ступенью семантической эволюции глагола: ‘ждать’ > ‘надеяться’ > ‘предполагать, рассчитывать’ > ‘думать’. Поэтому представляется излишней и необоснованной реконструкция для слав. *čajati ‘думать’ и.-е. корня *kei- ‘сечь, резать’ (> с

s-mobile в лат. *scire* ‘знать’) с развитием значения ‘думать, предполагать’ > ‘ждать’. Единственным основанием для такого понимания этимологических истоков слав. **čajati* служит типологическая параллель — лат. *putare* ‘бить, сечь’ и ‘думать’ (Ondruš 1977: 422). Примеры семантической типологии не могут иметь решающего значения без использования приемов внутренней реконструкции.

Какая-то часть значений весьма далеко отстоит от основного ‘желать, хотеть’ ~ ‘ждать’ и не обнаруживает признаков очевидной семантической мотивировки этим значением, ср. рус. диал. *зача́яться* ‘запутаться’ (*зача́яться в грехах*), *зача́ять* ‘почуять’, ‘почувствовать’ и *зача́иться* ‘излечиться’ (СРНГ 11: 171) и т.д.

Это обстоятельство заставляет предположить, что значение ‘желать’ ~ ‘ждать’, принимаемое за основное, само по себе является производным. В восстановлении исходной семантики весьма существенны свидетельства русских диалектов. Материалы новых диалектных словарей расширяют наши представления о семантическом наполнении глагола. В последнем шестом томе словаря «Русских говоров Карелии и сопредельных областей» находим гл. *ча́ять* в значении ‘тлеть’ (*Накладу угля в горшок да и заморю их, они и ча́ять не будут*) (Сл. Карелии 6: 763). Примечательно, что этот глагол имеет своим объектом не человека, а предмет — угли. Семантика русского диалектизма, относящегося к лексике горения, позволяет выделить в качестве основного и определяющего признак замедленного, вяло текущего процесса. Этим признаком мотивировано обозначение состояния томления, тоски и процесса горения без пламени, тления: ср. рус. *тлеть* ‘таиться, гореть скрытно внутри чего-л.’, ср. *Страсти тлеются под внешним гнетом, до взрыва* (Даль IV: 773), с.-х. *кòпне-и́и* ‘таять (о снеге)’ и ‘томиться, изнывать’ и т.п. Слав. **čajati* ‘желать’ ~ ‘ждать’ утратил архаическую семантическую мотивировку, но присутствие исходного признака вполне ощутимо в семантике сербских диалектизмов. В этимологических словарях особо выделяется сербский диалектизм с семантикой, выходящей за пределы основного значения, — с.-х. диал. гл. на *-ěti* — *čājět*, *čājim* ‘томиться, тосковать, исчезать’ (Косово) (Skok I: 288; SP II: 107–108; ЭССЯ 4: 11). В одной из своих работ М. Белетич (Бјелетић 2005: 192) приводит в качестве синонимов к серб. *кавèдаи́и* ‘влачить существование’ (< **ka-veđati*), *чавèдаи́и* ‘пропадать, опадать, истощаться’ (< **ča-veđati*) сербские диалектизмы, семантика которых передает идею замедленного, слабо протекающего процесса, результатом которого проявляется в угасании, утрате физической силы, общем замедлении: ср. *ча́јаи́и* ‘жить в трудности’, *оча́јаи́и* ‘отчаяться’ (Станић II: 476, 69), ‘ослабевать,

таять, страдать' (ср. *Пиїшали су шїа јој је, а она је даље чајала све док није дук исїушїишла*), *зачајайїи* 'задержаться', *ишчїайїи* 'сильно ослабевать, исчезать, пропадать, таять', *чїайїи* 'опаздывать, запаздывать' (Гаговић 85, 106, 295: Пива), *чїйїи* 'с трудом тянуть, влачить существование под тяжестью лет' (Материалы РСА: Драгољ, Качер). Нельзя обойти вниманием тот факт, что к сфере горения имеет отношение и серб. диал. *очїайїи* в значении 'прогорев, превратиться в гарь, шлак' (Станић II: 69). Семантика слав. *čajati базируется на мотивационных отношениях, определяемых исходной идеей медленно, слабо выраженного процесса. Разветвление семантики шло в направлении 'существовать, проявляться в слабом виде' > 'тлеть, слабо гореть' > 'желать' > 'ждать' и 'вянуть, сохнуть' и 'худеть, слабеть, болеть', 'измучиться', 'влачить жалкое существование', 'тащиться, тянуться', 'тянуть, опаздывать'.

С восстановлением исходной семантической ситуации в новом свете предстает обсуждаемый в литературе вопрос об истоках вост.-слав. *šaxati : *šaxoti с общим значением 'слабеть, сохнуть': рус. диал. (пск., твер.) *чїхать* 'быть подвержену рвоте' (Доп. к Опыту 298), *чїхнуть* 'сохнуть, вянуть, блекнуть; хилеть, хиреть, дряхлеть, худеть и слабеть' (Даль IV: 1292), 'о дровах: просыхать' (Доп. к Опыту 298), *прочїхать* нес., *прочїхнуть* сов. 'подсыхать, обветриваться; просыхать' (ср. *Дорога прочїхла*), безл. 'прогореть (об углях); выйти (о дыме, чаде и т.п.)' (ср. *Пусть прочїхнет в печке, прогорят угли, чтобы не было угару*), 'становиться менее горячим, остывать (о еде)' (ср. *Уж суп твой прочїх ...*), 'остыть после работы; отдохнуть' (ср. *Не пой лошадь, пусть сначала прочїхнет*) (СРНГ 33: 38), *причїхнуть* 'подсохнуть (о земле)', ср. *Земля еще не причїхла* (СРНГ 32: 57), *очїхнуть* 'остыть, стать холодным', ср. *Хлеб горяч, нехай очїхнет* (курск., смол.), 'просохнуть, обсохнуть', ср. *Скоро земля очїхнет, пахать поедем* (курск., тул., волог.), 'перестать горячиться, умерить гнев', ср. *Ты больно горяч, очїхни лучше* (курск.), 'осесть, уплотниться', ср. *Грибы очїхли* (арх.) (СРНГ 25: 60) и т.п. Нельзя не отметить случаи употребления этого глагола по отношению к горению: ср. диал. (арх.) *вїчїхнуть* 'начать тлеть, схватиться огнем' (ср. *Прибежала в избу, а постель-то фся вїчїхла*) (Арх. сл. 8: 385) и т.п.

Все известные объяснения рус. *чїхнуть* сопряжены с большими трудностями и потому признаются малообоснованными: рус. *чїхнуть* < *čakch-*, *čaks-* < и.-е. *qēq-s- (Berneker 134); *šaxnut'*, первонач. 'кашлять, хрипеть, стонать', из *kašljati < от звукоподражания *q^hōs- (Ильинский 1913: 266–269); рус. *чїхнуть* < праслав. *šexnoti, ср. греч. κάυκαυος 'сухой', лит. *keñkti* 'вредить, причинять вред' < и.-е. *qenq-

‘жечь; сушить’ (Petersson 1913: 379); из **čaznŋti* с отношением $z : x$ (Shevelov 1964: 133) или из **čaknŋti* с переходом $k > x$ и развитием значения ‘ударять’, ‘хватать’ > ‘доставать, быть достаточным’ > ‘ожидать’, ‘ударять’ > ‘сохнуть, чахнуть’ (ЭССЯ 4: 14); *чахнуть* родственно лит. *kašėti, kašiū* ‘хиреть, чахнуть’ < и.-е. **k’ak-* ‘худеть’ (SP 2: 107); *чахнуть*, возможно, результат контаминации **čaznuti* и *drjachnutь* (Otrębski 1970: 51–60) и т.д. В предположительной форме без обоснования в Краковском словаре высказана идея о возможной связи *чахнуть* с гл. **čajati*. С учетом восстанавливаемой семантики и глагольных отношений типа **mati* : **maxati*, **čuti* : **čuxati* и т.п. можно видеть в гл. *чахать* : *чахнуть* продолжение основы **ča-* с экспрессивным расширением *-xati*.

Примечательно, что лексемы *чахнуть*, *чахлый* фиксируются в русском языке не раньше эпохи Пушкина. Как отмечают исследователи, глагол употребляется в специфически областном значении, относимом к предмету, а не лицу: «После мытья дают стекать с него промывной воде целые 12 часов; тогда говорят: Купорос *чахнет*» (Сорокин 1977: 77, со ссылкой на Озерковский Н. Обзорение Онежского озера: «Месяцеслов на 1791 г»).

Гл. **čaxnŋti* ограничен вост.-слав. ареалом. Однако можно думать, что основа, расширенная суффиксальным элементом *-x*, имеет продолжения и в других частях славянского языкового ареала. В в.-луж. *čachorić so* ‘медленно работать; копаться’ (Трофимович 18) можно видеть продолжение основы **čax-*, расширенной экспрессивным элементом *-or*.

С раскрытием изначальной семантики в более широкой перспективе получает не только семантическое, но и словообразовательное обоснование гл. **čakati* ‘ждать’ с первоначальным презентом **čače-* (Vaillant III: 335–336). Известны попытки объяснить возникновение слав. **čakati* на индоевропейском уровне как результат редупликации корня, который в вед. *kāyatanas* ‘желающий, любящий’, *ā-cakē* ‘желаю’, авест. *kayeiti* ‘требовать, желать’, лат. *cārus* ‘дорогой; любезный, милый’ и т.д. (Verneker 134). Бернекер полагал, что изначальной могла быть форма **čekati*, а **čakati* обязано влиянию сходного по значению гл. **čajati* (Verneker 134). В то же время он допускает, что обе формы могли быть первоначальными, тогда **ča-* — интенсивная редупликация и.-е. **qē-*, ср. др.-инд. *dā-dharti* ‘hält’, греч. *δη-δέχεται* ‘приветствуют’. Фасмер допускает возможность редупликации по отношению к **čajati* уже на праславянском уровне (Фасмер IV: 321), но в другом месте предполагается расширение корня гл. **ča-jati* с помощью *-k* (Фасмер IV: 325). Попытки выявить индоевропейские исто-

ки славянского глагола приводят к этимологическому отождествлению слав. *čakati / *čekati ‘ждать’ с балтийскими образованиями — лит. *kàkti* в значении ‘быть достаточным, хватать’, лтш. *kakt* ‘приходить к концу’, а также прус. *kackint* ‘достигать’. Предполагается, что слав. *čakati продолжает старый итератив *kēkā, а презентная основа от перфектного *kak- с вокализмом *e* нашла отражение в слав. *čekati. Слав. *čekati рассматривается как результат тематизации более древнего гл. *čekti (~ балт. *kekti). Предполагается, что значение ‘ждать’ могло развиваться из первоначального ‘достигать цели’, ‘хватать’, ср. лтш. *gribēt* ‘хотеть’ при *greĩbt* ‘хватать’ и т.д. (Stang 1961: 67–70; Топоров 3: 162–163). Против этой гипотезы говорит тот факт, что в славянских языках не обнаруживаются признаки значения ‘достигать цели’, ‘хватать’, восстанавливаемого для балтийских образований. Согласно этой гипотезе этимологически тождественны *čekati в значении ‘ждать’ и ‘бить, колоть’ (ЭССЯ 4: 36–37; Топоров 3: 163), что также представляется маловероятным. Не исключено, что эти глаголы имеют разные этимологические истоки.

Гл. *čakati с характерным для него значением ‘ждать’ вполне укладывается в модель словообразовательных отношений, действующих в системе праславянского языка. Слав. *čakati является собственно славянским образованием, сложившимся по модели глагольных отношений типа *grajati : *grakati, *blějati : *blekati и т.п. Эта модель, вопреки Стангу, весьма продуктивна в славянских языках (Sławski 1974: 49), действие её не ограничивается одним примером *zьrcati, zьr’o. Присоединение *-kati* сопровождается изменением в *čekati, *čьkati (SP 2: 109). Форму *čekati объясняют диссимиляцией (Meillet 1902: 163) или редукцией гласного в императивной форме в беглой речи (Vaillant III: 335).

Знание истоков и мотивационных отношений в гнезде слав. *čajati дает ключ к раскрытию этимологических связей некоторых слов, занимающих изолированное положение в славянских языках.

Привлекает к себе внимание выделенная в литературе (Горячева 1983: 80) еще одна группа слов вост.-слав. диалектизмов с основой *čat- с семантикой недомогания, слабости и т.п.: ср. блр. диал. *čat-niць* ‘чахнуть, хиреть; приходить в упадок’, безл. *čat-nица* (Юрчанка 1966: 219), *зачатнiваць, зачатнiваца* ‘начинать хворать, слабеть, худеть’: Як прывалiўся пад лёд, посьлi тога i стаў зычатнiвыць, ён дужа пiракалеў тады (Юрчанка 1981: 227). В контексте выявленных семантических отношений приведенные диалектизмы могут быть истолкованы как архаичные образования, производные от отглагольного имени с суфф. *-ть, -ta* от гл. *čati в старом значении ‘существовать,

проявляться в слабом, скрытом виде'. Если признать возможным такое объяснение, то как образования с вторичной семантикой по отношению к исходной могут быть поняты рус. диал. *чатъ* 'болезнь огурцов: желтые пятна на огурцах' (Сл. Оби 221), блр. диал. *чáта* 'буран' (З народ. сл. 73) с предполагаемым развитием значения: 'плохая погода' < 'недомогание' (по модели русск. диал. *хилина́* 'ненастье', словен. *mrléti* 'чахнуть' и 'моросить'). К образованиям того же типа могут быть отнесены польск. диал. *śaćńes*, *śaćń'eje* 'о картофеле и овощах: увядать', кочев. *vičaćńeć* 'высохнуть, увянуть; выветриться, испариться, выветриться (о жидкости)', *wuczacznieć* 'выветриться, стать пустым', без достаточных оснований определяемые как результат экспрессивного преобразования гл. **čeznŏti* (SEK I: 226–227). Однако с учетом ограниченного распространения в части белорусских и кашубских диалектов остается большая вероятность заимствования.

Особого внимания требуют к себе группа болгарских лексем: диал. *zачáв'ам се* 'разевать рот, засматриваться', *zачавéйа* 'зевака' (БД III: 221), а также софийск. *zачáйувам се* 'засматриваться, отвлекаться от чего-л.' (БД I: 249), *zачáйвам се* 'заниматься чем-л., засматриваться' (БД II: 81), соотносимые с гл. *чаять* (БЕР I: 617: Самоков). С учетом семантики 'засматриваться, смотреть по сторонам' и устойчивого оформления глаголов преф. *за-* большая вероятность производности от сочетания предлога *за* и *очи*. В качестве словообразовательной аналогии можно привести болг. *заушвамъ* 'давать пощечину' (Геров), диал. *зауша* 'ударить' и 'сделать крюк' (БД VI: 175)¹.

На примере слав. **čajati* можно наглядно убедиться в том, что по мере обогащения наших знаний о славянской лексике и словообразовательных отношениях появляются возможности внести коррективы в понимание этимологических связей слов, имеющих вполне удовлетворительное объяснение в литературе.

Примечания

Meillet 1902 — Meillet A. *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*. Paris.

Ondruš 1977 — Ondruš Š. *Slovanské etymologické kompendia II // Slavia 46*, seš. 4. Praha.

Otrębski 1970 — Otrębski J. *Das expressive ch im Slavischen // Die Welt der Slaven* Bd. 15. Wiesbaden.

¹ Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить М. Рачеву за консультацию по болгарской лексике.

- Petersson 1913** — Petersson H. Slavische Etymologien // *Archiv für Slavische Philologie* XXXIV. Berlin.
- Shevelov 1964** — Shevelov G. *A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic*. Heidelberg.
- Stang 1961** — Stang Chr. S. Zum baltisch-slavischen Verbum // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics* IV. Columbus, Ohio.

*

- Арх. сл.** — *Архангельский областной словарь*. Под ред. О. Г. Гецово́й. Т. 1–11–. М., 1980–2001–.
- Бјелетић 2005** — Бјелетић М. Прилог проучавању словенских лексичких паралела (с.-х. *чавѣдати* и укр. *чав'ядіти*) // *Студии з ономастики та етимологii*. 2005. Київ.
- Гаговић** — Гаговић С. Из лексике Пиве (село Безује), СДЗБ 51/2004, 1–313.
- Горячева 1983** — Горячева Т. В. К этимологии восточнославянских метеорологических терминов // *Этимология* 1983. М., 1985.
- Даль** = Дальз 1912–1914.
- Доп. к Опыту** — *Дополнение к Опыту областного великорусского словаря*. СПб., 1858.
- З народ. сл.** — Аляксейчык Г. М. З дыялектнай лексікі Навагрудчыны // *З народнага слоўніка*. Мінск, 1975.
- Ильинский 1913** — Ильинский Г. Славянские этимологии // *Русский филологический вестник* LXX, № 70.
- Сл. Карелии** — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- Сл. Оби** — *Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби*. Т. 1–3. Томск, 1964–1967.
- Сорокин 1977** — Сорокин Ю. С. О поэтическом идеодialeкте. Из стилистических комментариев к пушкинским поэтическим текстам («Анчар») // *Вопросы лексикологии, стилистики и грамматики в аспекте общего языкознания*. Калинин.
- Станић** — Станић М. *Ускочки речник* 1–2, Београд 1990–1991.
- Трофимович** — Трофимович К. *Верхнелужицко-русский словарь*. Под ред. Ф. Михалка и П. Фёлькеля. Бауцен, 1974.
- Юрчанка 1966** — Юрчанка Г. Ф. *Дыялектны слоўнік (З гаворак Мсціслаўшчыны)*. Мінск.
- Юрчанка 1981** — Юрчанка Г. Ф. *Народнае вытворнае слова: З гаворкі Мсціслаўшчыны*. А-Л. Мінск.

Ljubov' Viktorovna Kurkina (Moscow)

Towards reconstructing the etymological relations of the Common Slavic *čajati

Summary

With the progressive broadening of their material basis and with current advances of research in the fields of semantics and word formation, the etymological studies go deeper and get richer with new contents. This makes it possible to reconsider, from new standpoints, the existing etymologies and to amend views on some theses questioned or refuted in etymological dictionaries. Despite their certainty about the etymology of Common Slavic verb *čajati there still remain points to be elucidated from the standpoint of word formation and semantics. As for its original structure, the dilemma between *čaj-ati < PIE *k^wēi- and *ča-ti < PIE *k^wē- (cf. respectively OInd *cāyati* 'to perceive, be afraid of, respect' and *cāras* 'spy') may be resolved in favour of the latter analysis in view of the PN *Ča-slavъ, Russ dial. *čatyj*, *čatoe delo* 'as expected', which gives reason to interpret the forms Russ dial. *mne čeló*, *emu čelós* 'it seemed, appeared', *čalit'sja* 'to threaten', *čalit* 'to think up, to intend to do', etc. as derived from the *l*-participle instead of explaining them by a dial. change *j > l*.

With new dialectal data the meaning 'to wish, to expect', which was considered original, proves to be secondary, developed from 'to flicker, dwindle, melt, waste away', cf. SCr dial. *čājāt*, *čājīm* 'to be tormented, to pine away', (*iš-*)*čājati* 'to weaken, suffer, perish', Russ. dial. *čajat* 'to smoulder; to delay > to be late', SCr *čajiti* 'to delay', *čajāti* 'to be late', etc.

Bearing in mind this primary semantics as well as productive types of Slavic verbal formation such as ***mati* : **majati* : **manōti* and ***mati* : **maxati* : **maxnōti*, to the derivatives of *čajati two hitherto etymologically unexplained words may be added, Russ dial. *počanut* 'to think (about)' beside *počajat* 'id.' and East-Slavic *čachnut* 'to wither, fade away'.

Special attention is paid to distinguishing between two homonymous verbs *čekati 'to wait' < *čakati and *čekati 'to hit, strike', as well as to the explanation of Bulg dial. *začàv'am se* 'to stare at', which hardly belongs to the word family of čajati; it rather goes back to the prepositional phrase *za oči*.

ljkurkina@mtu-net.ru

Татяна Лекова (Наполи)

Институцията **ваџаџь** в българското средновековие

В доклада се предлага тълкуване на произхода и съдържанието на сръбълг. длъжностния термин **ваџаџь**. Оспорва се традиционното приетата теза, че **ваџаџь** следва да се тълкува като 'готвач', производно от стбълг. глагол **важити** 'варя, готвя', съответстваща на гр. $\mu\acute{\alpha}\gamma\epsilon\tau\rho\varsigma$ и на лат. *coquus*. Приема се предположението от И. Билярски тълкуване на значението като 'пазач на крепост, куладжия, охранител, вардянин'.

Ключови думи: институции, провинциална администрация, *angariae*, средновековие, хрисовули, **ваџь**, $\beta\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$, суфикс **-аџь** (лат. *-ārius*), **ваџовати (сѡ)**, унг. *vár, város*, слав. *varoš*.

1. Настоящото изследване е посветено на един все още не докрай изяснен въпрос от областта на средновековната военноадминистративна институционална терминология според данните от грамотите на българските царе. Става дума за произхода и съдържанието на длъжностния термин *hapaх legomenon*, **ваџаџь**, засвидетелстван във форма за мн. ч. **ваџаџе** единствено в хрисовула на последния търновски цар Йоан Шишман (1371–1393/1395). Дарственият документ е издаден в полза на Драгалевския манастир „Пречиста Богоматер Витоска” и с него се преутвърждават владенията, предоставени му по-рано от Йоан Александър (1331–1371). Както е известно, вероятното датиране на царската повеля се определя към времето преди завладяването на София от османците, което според повечето съвременни историци следва да се отнесе към 1385 г. Следователно за *terminus ante quem* при издаване на царската повеля логично се приема периодът между 1382 и 1385 г., когато се осъществява поредният етап от турската завоевателна стратегия, приключил с овладяване след продължителна обсада или чрез предателство срещу софийския управител бан Янука (Υανουκα ban) на Средешката ключова крепост¹.

¹ Съществуваха доскоро две научни хипотези относно годината на падането на Софийската крепост, което при отсъствието на конкретни сведения в османските хроники някои учени отнасяха към 1382 (Ников 1928: 134; Ангелов 1953: 383; Ирецк 1978: 390), а други — към 1385 г. (Дуйчев 1986: 24; Андреев 1996: 89). Напо-

Извън целите на изследването остава тълкуването на историческите факти при превземането на София, които се споменават само с оглед на фиксирането на приблизителната дата на издаването на документа. В защитната формула на документа службата на *вараря* е включена на едно от последните места в ранговия списък, като след поредицата фискални чиновници следва групата на военните длъжности, в чиито край тя стои, т.е. нарежда се след *аподохаторите, комисите, страторите и сердарите*²:

НАД ТЪМИ ЛЮДМИ ДА НЕ МЕТЕХА [...] ТО НИ АПОДОХАТОДЕ.

НИ КОМИСИ НИ СТРАТОДЕ. НИ СЪДАДЕ. НИ ВАРАДЕ.

1.1. В досегашните няколко издания на грамотите³, както и в посветените на тях културно-исторически и историческо-юридически изследвания, няма единно тълкуване на институцията на *вараря* във Второто българско царство. Общо взето, сред изследователите преобладава мнението, че съществителното *вададъ* следва да се разглежда като производно от старобългарския глагол *вадити* 'варя', 'готвя'. Г. Илинский в словоуказателя към своето издание го обяснява като 'готвач', съответстващо на гр. *μάγειρος* и на лат. *coquus*, а в раздела за управниците привежда термините *вададъ* и *вадъничии* като два синонима на *повадъ* (Илинский 1911: 121, 129). В списъка на царските чиновници К. Иречек без колебание приравнява службата на *варарите* с тази на *варничите* (Иречек 1886: 514), а в по-новото допълнено издание към тях прибавя като тъждествена по съдържание и тази на *поварите* (Иречек 1978: 446). В своите трудове, посветени на ста-

следък в българската историография се налага като по-убедително мнението за по-късна дата на покоряването на София през 1385 г., намиращо логична обосновка в контекста на разгръщането на отоманската експанзия на Балканите и на конкретното политическо поведение на Йоан Шишман. Така времето на издаването на Витошката грамота се премества с три години, докъм 1385 г., което се приема за по-достоверно в излезлите наскоро авторитетни исторически изследвания (срв. становището на Божилов 1994: 226, коригирано впоследствие у Божилов/Гюзелев 1999: 615, 659).

² Последният термин *сдаде* е първоначално оспорен от К. Иречек 1886: 514, който предлага коректното разчитане на текста да се поправи на *гдаде*, поради голямата графична прилика между бързописните *г* и *с*. Наскоро М. Райкова (Райкова 2002: 62–69), работила по снимки с Витошката грамота, се връща към идеята на Иречек да се изключи от лексиката на царските грамоти турцизмът *сдаде*, съществуването на който според нея не е оправдано нито от историческа, нито от филологическа гледна точка.

³ Пълният текст на Витошката повеля е най-добре издаден у Илинский 1911: 29; у Дуйчев 1944: 183–195 и у Ковачев 1940: 7–11, придружен с новобългарски превод; само старобългарски текст у Иванов 1970: 600–601; както и в най-новото издание на Даскалова/Райкова 2005: 47.

робългарските правни паметници, Ст. Бобчев не се спира подробно на съдържанието на длъжността *варар*, но я споменава в редицата на фискалните агенти с кратко уточнение: „*варари* (вид бирници)” (Бобчев 1937: 7). Следващите поколения медиевисти не се задълбочават специално върху тълкуването на наличните оскъдни исторически данни и формулираното от Иречек–Илински мнение продължава да се цитира безкритично в историческите, филологическите и правните изследвания върху царските документи. С него се съгласяват, предавайки в новобългарския превод на Витошката повеля **ваџаџь** с „готвачи”, учени като Ив. Дуйчев (Дуйчев 1944: 184), П. Петров и В. Гюзелев (Петров/Гюзелев 1978: 277), Д. Ангелов (Ангелов 1989: 64) и др.

Основание да се приеме за правдоподобно това значение на термина **ваџаџь** обикновено се намира в съпоставката му с другия, неподлежащ на съмнение термин **поваџь**, упоменат в съхраняваната в Хилендар Оряховска или Мрачка грамота на Йоан Александър от 1.12.1348 г., издадена в полза на манастира „Св. Никола” в местността Оряшковоц, Радомирско. В нея длъжностното лице **поваџь** е поставено в редицата на фискалните чиновници и стои непосредствено след винарите и десеткарите — свински, овчи и пчелни, — отговарящи за събирането на хранителните провизии в провинцията. В правомощията на тези служители вероятно е влизало реквизиране на добитък и селскостопански продукти за войската или гарнизона и с това те са могли да притесняват населението, поради което са били изброени в защитната формула на документа.

Както бе изтъкнато, институцията **ваџаџь** по традиция се свързва и с още един еднокоренен термин — **ваџьничии**, употребен в Рилската грамота на Йоан Шишман от 21.09.1378 г., чието значение обичайно се схваща също като ‘готвач’. В този случай мненията на изследователите са доста противоречиви.

Например М. Андреев при съпоставката на откъси от четири царски хрисовула превежда **поваџь**, от Мрачкия, и **ваџаџь**, от Витошкия, с „готвачи” (Андреев М. 1965: 110–111), а термина **ваџьничии** от Рилския оставя непреведен. Малко по-нататък в същия труд, при изброяването на държавните служители в различните документи, и трите апелатива са квалифицирани като ‘готвачи’ (Андреев М. 1965: 158–159). В една от следващите си публикации по темата същият автор потвърждава виждането си, че *поварите* и *варарите* следва да се смятат за готвачи, докато длъжността на *варничите* от Рилската грамота според него остава неясна (Андреев М. 1967: 10). В книгата си върху историята на българската феодална държава и право М. Андреев и Д. Ангелов, разглеждайки чиновническата мрежа в провинциите,

споменават само един от трите интересуващи ни термини — готвачите, т. е. поварите от Мрачката грамота (Андреев/Ангелов 1972: 152–153). Във важния си труд върху аграрните отношения в средновековна България Г. Цанкова-Петкова не подлага на детайлно тълкуване тези служби, а в приложения накрая предметен показалец отбелязва само, че значението на **ваџничии** не е уточнено (Цанкова-Петкова 1964: 114, 193). Е. Койчева при изследването на общото и специфичното в системата на късносредновековните балкански институции заключава, че някои провинциални длъжности, сред които *готвач*, *варнич* и др. не намират аналог в никоя съседна балканска държава (Койчева 1982: 18). Своя принос в проучването на названията на професиите от гледна точка на българската историческата лексикология дава и видният полски славист Й. Русек, който в историческия си обзор нарежда и трите термина сред битувалите в ръкописната традиция названия на готвача (гр. *μάγειρος*, лат. *coquus*) (Rusek 1991: 98–100).

Нова насока в тълкуването на разглежданите средновековни институционални термини внася Ив. Дуйчев, който нееднократно със своите езикови бележки успява да обори редица общоприети тези и да наложи свои добре аргументирани оригинални обяснения на известни традиционни схващания. В коментара на титлите и длъжностите към самостоятелното издание на Рилската грамота Дуйчев припомня обяснението в класическия труд на Илински, но се придържа към резервираното становище, споделяно от преобладаващата част от съвременните учени, че значението на термина **ваџничии** не е ясно. Допускайки обаче евентуална връзка с предшестващия го в контекста термин **градаџь**, тълкуван от него в смисъл на ‘строител, градител’, Дуйчев изразява предположение, че може да се мисли за ‘варник’ — лексема, производна от ‘вар, варница’, т.е. *варничият* може би е отговорял за строителните дейности в областта (Дуйчев 1986: 63). В излязлото съвсем наскоро пълно издание на осемте български царски грамоти авторите Ангелина Даскалова и Мария Райкова приемат **поваџь** за ‘готвач — държавен служител’ (Даскалова/Райкова 2005: 286); а за **ваџничии** и **ваџаџь**, опирайки се на авторитетното мнение на Иван Дуйчев, предлагат следното обяснение: ‘вероятно готвач, но по аналогия [между **ваџаџь** и **ваџничии**] е възможна и връзка с ‘вар, варница’” (Даскалова/Райкова 2005: 88–89).

1.2. Всъщност и трите приведени деятелни имена — **поваџь**, **ваџаџь** и **ваџничии** — отвеждащи към един и същи корен **-ваџ-** и често отъждествявани по значение, са засвидетелствани в три хрисовула,

свързани помежду си, принадлежащи към една и съща епоха, XIV в. и близки в хронологично отношение, тъй като са издадени в сравнително кратък период от около три-четири десетилетия, между 1348 и 1385 г. При това названията **ваџьничии** и **ваџаџь** са употребени в Рилската и Витошката грамота на Йоан Шишман, изготвени от една и съща царска канцелария в разстояние на не повече от седем години. Да се отдава различната им форма на вероятна правописна грешка на царския логотет или граматик, не е убедително. Добре известно е, че не всички царски документи са били съставяни в столицата Търново и дори част от атонските златопечатници са били подготвяни от самите монаси и поднасяни за утвърждаване от владетеля. М. Андреев обръща внимание на факта, че някои от хрисовулите по всяка вероятност са изготвяни под диктовката или поне по непосредствените указания на самия владетел далече от седалището на царската канцелария, което е налагало известна бързина (Андреев М. 1965: 36–37). Доказателство за това е многократно цитираната бележка на писача на Мрачкия хрисовул, в която се дават точни указания за датата и мястото на съставянето му: **цѣ̄ ѡвѣлѣ̄, Дѡвѡмидѣ̄ писа̄ в̄ Сѣзгѣвици дѣ̄. а̄ днѣ̄ в̄ сж̄** (Ильинский 1911: 26). Друг неоспорим факт е, че хрисовулите се различават помежду си в графично отношение: докато писмото на Мрачкия се характеризира с множество бързописни елементи, Рилският е писан само с полуустав, а Витошкият — изцяло с бързопис. Нито едно от изтъкнатите обстоятелства обаче не може да послужи като аргумент за проявена немарливост, недоглеждане или недостатъчна подготовка на царския секретар, напротив, допускането на подобни грешки във важни държавни документи е почти изключено. Същевременно, сред достигналите до нас средновековни паметници няма непосредствени сведения за проведено реформиране или промяна на военно-административния апарат в навечерието на турската инвазия, което би оправдало различията в термините⁴, каквото например е било извършено в Сърбия в началото на XV век (Динић 1968).

2. Така че остава или да се потърси задоволително обяснение на разликите във фонетичните облици на трите термина, ако условно се приеме, че те обозначават едно и също понятие — средновековната институция ‘готвач’, или пък да се предложи и развие хипотезата, че

⁴ Трябва да спомена, че евентуална реорганизация на административно-териториалното деление на Второто царство през XIV в. се допуска от Билярски. Той предполага, че появата в българската управленска организация на службата на *кастрофилакса* е свързана с утвърждаването в резултат от проведеното териториално реформиране на възникналите нови структурни единици, начело с *кефалия* (Билярски 1998: 314).

различията в терминологијата по-скоро биха могли да произтичат от различното съдържание на институциите, които са означавали. При това положение, при наличните крайно недостатъчни исторически сведения, е от голямо значение използването на филологически подход за изследване на средновековната държавна институционална структура на Балканите, привличане на сравнителни лексикални данни от южнославянските книжовни паметници за съпоставка и обяснение. Известно е, че държавно-административната терминология, засвидетелствана в грамотите на българските царе и тези на сръбските крале от XIII–XIV в., в епиграфиката на европейския Югоизток, в деловите документи на Влашките и Молдавските княжества, в южнославянските книжовни паметници, е формирана по ромейски модел като реплика на византийския държавен строй чрез директно заемане на лексика или чрез калкиране и затова се наблюдават редица конвергентни, общи черти, не само по отношение на йерархията на почетните титли, на военните чинове и на гражданско-административните длъжности, но също така и в структурата на централната власт и на провинциалната администрация (Билярски 1998; Божилов/Гюзелев 1999; Божилов 1994).

2.1. Такъв оригинален подход, съчетаващ съпоставително-историческия с филологическия метод, прилага историкът Ив. Билярски в изследването си, посветено на изясняване произхода и съдържанието на трите институционални термина на Второто българско царство **ваџьничии**, **ваџаџь** и **поваџь** (Biliarsky 1994: 95–104). Разглеждайки семантичния развой на индоевропейския корен *-var-*, със съответни деривати в германските, балтийските и славянските езици, той определя наличието на два пътя на обособяване на две семантични гнезда с различно значение. Първото е ‘горещина, зной, жар’, както и строителният материал ‘вар’ и производното (образувано с помощта на локативния суфикс *-n-*) *nomem loci* ‘варница’, а от него и длъжността **ваџьничии** ‘този, който завежда варницата’, ‘зидар или служител по строителството’; същото значение е проявено в старобългарския глагол **ваџити**, **-џџь**, **-џџиши** ‘варя, готвя’, откъдето е **поваџь** ‘готвач’. Второто значение Билярски вижда в старобългарския глагол **ваџити**, **-џџь**, **-џџиши**; **ваџовати сѧ**, **-оџџь сѧ**, **-оџџиши сѧ**; **ваџати**, **-џџь**, **-џџиши** ‘защитавам, охранявам, пазя, вардя’, откъдето според него възниква производното, мотивираното от глаголна основа деятелно име **ваџаџь** ‘пазач; вардянин’.

2.1.1. Етимологичното обяснение, което Билярски дава на **ваџьничии** (в текста на документа във формата си за им п. мн. ч. **ваџьничіѣ**)

като производно от **вафъница** ‘fornax calcaria’ е в съответствие с основните принципи на функционално-структурното разбиране на словообразователния анализ. Като агентивно название то принадлежи към словообразователната категория имена за вършители на действие (*nomina actoris*) с имплицитно заложена процесуалност, мотивирани морфологично от субстантивна основа. То не само изразява име на носител на субстанциално отношение, но и формално морфологично произлиза от именна основа. Ономасиологичният признак при този словообразователен тип за имена на лица съчетава развитие на субстанциално отношение и скрита, но подразбираща се процесуалност, свързана с обстоятелствата (мястото) на дейността (Dokulil 1967: 125–170). Изходната форма, принадлежаща към категорията *nomina loci*, е създадена по богат на възможности в старобългарски словообразователен модел за десубстантивна деривация, при който сложният суфикс **-ница**, получен от семантичното сливане на **-ън-** и **-ица-**, подчертава по-ярко мотивиращото съществително (Vaillant IV: 349; Тотоманова/Добрев/Икономова 1986: 95–97; Граматика 1991: 184–185)⁵. Както забелязва Билярски, ако деятелното име не бе производно от **вафъница**, а директно формирано от съществителното **вафъ**, би следвало да има друг морфологичен облик, без локализиращата морфема **-н-**, като например **вафъчии** (Biliarsky 1994: 98). Към изказаните от него доводи може да се добави само, че формално морфологически то не би могло да бъде производно и от основата на глагола **вафити**, тъй като би имало облик **вафъчии** или префигирано **повафъчии**. За това може да се съди по другите три деятелни имена с прабългарската наставка **-чии**, които се срещат в царските грамоти: **издавъчии**, **изгонъчии** и **повибуъчии**⁶. В подкрепа на твърдението, че **вафъничии** произхожда от **вафъница** са преминалите в румънски и в мегленорумънски български заемки *var* ‘вар’, *varniță* ‘варница’ и съответните им производни деятелни имена: от първото *vărar*, а от второто *vărnicear*, *vărnicear* ‘варджия; производител или търговец на вар’ (Цонев 1921: 79; Ciorănescu 827).

⁵ Получените по този модел женски съществителни, като **житъница**, **мътъница**, **коџмиџница**, **кџнижъница**, **џиџница** и др. не са производни от имената от стара *o*-основа от м.р. с наставка **-ĭk-** (**-ик-**).

⁶ Този словообразователен тип е характерен за паметниците от Царсимонова епоха, в които редица съществителни са създадени на славянска почва от славянски корени (като не смятаме в това число прабългарските заемки и гърцизмите), и повечето от тях са мотивирани от глаголни основи, например **ласкъчии** (от **ласкати**), **зъдъчии** (от **зъдати**), **въспоминъчии** (от **въспоминати**), **гъабъчии** (от **гъабити**), **чъпъчии** (от **чъпати**), **сърѣвѣроклепъчии** (от **сърѣвѣроклепати**), **сърѣвѣропродавъчии** (от **сърѣвѣропродавати**), **пискъчии** (от **пискати**) (Тотоманова/Добрев/Икономова 1986: 126).

Билярски свързва службата на *варничия* с ангарийната повинност на населението **градозидание**, спомената в Зографската грамота на Йоан Александър от 1342 г. (Ильинский 1911: 23), съответстваща на византийската *καστροκτίσις*, която вероятно се е изразявала в осигуряването на работна ръка и на добиване и обработка на строителни материали, необходими за строежа, ремонта и поддръжката на крепостните стени и на защитните съоръжения на крепостите (Biliarsky 1994: 98–100; Билярски 1998: 383–384).

2.1.2. Терминът **поваръз** ‘готвач’, считан за русизъм, който е употребен във формата си за мн. ч. **поварзи**, е много характерен за лексиката на староруските паметници от XI в. нататък и за по-късните руски преписи от произведенията на Преславската книжовна школа, за Царсимоновия Златоструй, хрониката на Г. Амартол, Лествицата на Йоан Синайски, редица пролози и минеи. Разпространени са и неговите деривати **поваръница** и **поваръния** ‘*coquina, culina, μαγειρεῖον*’, които са засвидетелствани в Синайския патерик и в Диалозите на папа Григорий и Петър Дякон (Срезневский II: 994; Rusek 1991: 98–99). Съществителното име **поваръз**, принадлежащо към имената със стара *o*-основа м.р., е една много рядка формация от категорията *nomina agentis* в тесния смисъл, включваща имена на лица, производители на действие, които, освен че са ясно и експлицитно процесуално мотивирани в ономаσιологично отношение, са и формално морфологично произлизащи от глаголна основа. То принадлежи към непроизводителния тип агентивни конверсиални образувания, създадени чрез пренасяне на словообразователната основа на една граматична категория (в случая основата на префигурирания глагол **по-варзити**) в друга (съществително име за лице), като **съпасъ**, **продокъ**, **посълъ**, **съпостатъ** и др. (Мострова 2005: 20). При конверсията не се използват чисти словообразователни суфикси, а само морфологичен формант за м. р. **-ъ**, който иначе е особено продуктивен за образуването на имена от категорията *nomina actionis* и *nomina acti*, но пък се оказва най-непродуктивен именно за създаване на *nomina agentis* (Sławski 1974: 58–59). Следва специално да се подчертае, че това е едно от малкото деятелни имена от категорията, запазено и в съвременния руски, в които ударението не пада на последната сричка.

3. Както се вижда, разгледаните два еднокоренни апелатива са различни помежду си от ономаσιологична и словообразователна гледна точка. Съвсем отделно от тях Билярски поставя деятелното име **вадаръз** ‘пазач; вардянин’, което, според него, е мотивирано от глагола **вадзити**, **-ръж**, **-ръши**; **вадовати сѧ**, **-оуѣж сѧ**, **-оуѣши сѧ**; **вадѧ-**

ти/вардѣти, -ѣѣж, -ѣѣши в значение ‘защищавам; охранявам; пазя; вардѣ’, с примери от SJS I: 165, и е образувано с помощта на суфикса **-ѣѣ** за имена на лица, означаващи професия (Biliarsky 1994: 97; Билярски 1998: 321–322). В Пражкия речник обаче регистрираните значения на глагола **вардѣти** са 1. ‘προφθάνειν, προάγειν, προλαμβάνειν, προέρεσθαι’, ‘praecedere, praevenire, praecoccupare, anticipare, antevertere’ и 2. ‘μαγειρεύειν, ἔψειν,’ ‘coquere’ (SJS I: 165–166). Това означава, че в класическите старобългарски текстове няма отбелязано такова значение на **вардѣти**.

3.1. Що се отнася до възвратния глагол **вардовати** сл. ‘cavere’, въпросът за неговото разпространение в славянските езици заслужава по-обстойно разглеждане. Този глагол по всеобщо мнение не принадлежи към най-архаичния пласт лексика от чешко-моравски произход и не е засвидетелстван в класическите паметници от старобългарската епоха, а най-ранните му употреби са ни известни само от два ръкописа, преведени вероятно през XI в. от латински оригинали: Беседите върху евангелието на папа Григорий Велики (Двоеслов), запазени в руски препис от XIII в.⁷ и Житието на св. Бенедикт Нурсийски, съхранено в сръбски препис от XIV в.⁸ (Соболевский 1910: 48–91; Львов 1968: 316–338; SJS I: 166). Цитираната теза обаче не може да бъде убедително поддържана по две съображения. Първо, Миклошич и Срезневски отбелязват наличието на споменатия глагол със същото значение в кратката редакция на Царсимоновия Златоструй в ранен руски препис през XII в. (MLP: 56; Срезневский I: 229), в тълковен псалтир от сборката на П. А. Лавров, също от XII в., редом с най-ранната му поява в Посланието на Яков към великия княз Дмитрий, която отвежда към предполагаемото му наличие в староруски още от 1078 г. (Срезневский I: 229; ССЯ 4: 21). Второ, става дума за очевидно ранна и общославянска лексема от германски произход, гот. *vars* ‘behutsam’, ствнем. *wara* ‘Acht, Aufmerksamkeit’, двнем. ‘wahrnehmen’, която според Миклошич е разпространена в почти всички съвременни славянски езици: словен. *varati* ‘schauen’, *varovati, obarovati, obariti* ‘bewahren’, *varuh, varih* ‘Beschützer’, *vardèvati* ‘besorgen’, *nevaren* ‘geführtlich’, бълг. *варда* ‘Wache’, *заваря* ‘antreffen’, *вардѣ* ‘hüten’, *вардач* ‘Wächter’, *варам* ‘betrügen’, хърв. *var imati, obarovati*, сръб. *vardati* ‘Acht geben’, *varati* ‘täuschen’, чеш. *varovati, vary, varyte, vari, varite, var, varte* ‘hüte dich, hütet euch’, *varta* ‘Wache’, пол. *waro-*

⁷ Библиотека в Санкт-Петербург, сборка Погодин, № 70.

⁸ Ibidem., сборка Хилфердинг, № 90, изд. А. И. Соболевский 1903.

wać, wara! ‘Aufgeschaut!’, *warunek* ‘Bewahrung’, долнолуж. *vardovaš* ‘pflegen’, малорус. *варуватый, варкый* ‘vorsicht erheischend’, в балтийските езици — лит. *varavūti* и латв. *varīt, vēra ņemt*, а освен това в рум. *varde*, унг. *várda*, фин. *vara* ‘vorsicht’, *vartoa* и тур. *varda!* ‘aufgeschaut’ (Miklosich: 375). По-честа употреба на глагола **вадовати** в посоченото значение ‘защищавам, охранявам, пазя, вардя’ се среща през новобългарско време във влахо-българските грамоти (Венелин 1840: 23). Съвременните български диалектни форми *варам, варвам* ‘оставям на мира, не безпокоя’, както и императивните форми *варай, варайте*, според БЕР I: 119, са заемки чрез сръбското и хърватско *в̀арати, в̀аровати* ‘пазя, охранявам’ вероятно от немски *wahren* ‘също’ и за тях се предполага, че са претърпели семантичен развой ‘пазя’ → ‘пазя дете’ → ‘зальгвам’, ‘залисвам’ → ‘мамя, лъжа’, паралелен в общи линии на описания у Skok III: 565–566. Дадените в РРОДД: 52 регионализми *варам* ‘оставям на мира, не безпокоя’ и възвратното *варам се* ‘пазя се, бягам’ имат същия характер като изтъкнатите в БЕР примери⁹. Даничич също отбелязва употреби на **вадовати** (сѡ) ‘custodire’ в старосръбската книжнина с примери от Monumenta serbica (Даничић I: 102). Следователно много вероятно е глаголят **вадовати** (сѡ) ‘cavege’ да е присъствал в среднобългарския лексикален фонд през XIV в.

3.2. В такъв случай стои за изясняване един важен словообразователен въпрос: коя е коренната лексема, от която е образуван? Той принадлежи към глаголите от III спрежение, трети разред, със сегашна основа със суфикс *-оу-* (*-ю-*) пред праславянския суфикс *-je-/-jo-*, чиято инфинитивна основа е със суфикс *-ова-* (*-ева-*) (Грамматика 1991: 276–277). Тези глаголи в голямата си част са десубстантивни формации. В езика на царските грамоти такива са още **благовольствовати, възследовати, господьствовати, дадовати/дадоувати, заповелѣвати, наслѣдовати, рѣвновати, трѣговати, цѣсарьствовати** и др. А. Вайан обяснява глаголната форма **коуповати** като получена от поствербала **коупъ** чрез вторична имперфективизация от **коупити** и предполага същото развитие и за **вадовати** ‘garder’: схрв. *vàrovati, v̀arati*, пол. *warować* ‘garantir’, заето от герм., стсаксон. *warōn*, нем. *wahren*, преминало и в романските езици: фр. *garer*. Според него **вадовати** се е развило също като деноминативна формация (срв. ствнем. *wara* ‘garde’,

⁹ Билярски цитира неточно отсъстващи в РРОДД: 52 диалектни форми *варя* (*се*), *варвам се* със значение ‘se garder’, ‘fuir’ (Biliarsky 1994: 97). Всъщност в българските говори *варам* е преходен глагол и няма регистрирана възвратна форма, докато *варя* (*се*) пази своето изконно значение от старобългарски ‘изпреварвам; идвам по-рано; надбягвам се’ (БЕР I: 121).

пол. *wara* ‘gare, attention!’, стеръб. *var* ‘circonspection, attention’), само че е запазило ударението върху началната сричка в сръб. и хърв. (Vaillant III/2: 350, 509; Id. IV: 197). Скок отбелязва като деноминали *vàrovati*, *-ujēm* ‘custodire’ и *obarovati* ‘zaštítiti’, регистрирано в паметник от 1431 г. Той определя съществителното *var* ‘ražnja, pomnija, oprez’ в сръб. и хърв., заедно с неговите деривати *obar* ‘vlast, oblast’, *obara* ‘obrana, straža, čuvanje’, образувани с наставката *ob-*, като поствербали от имперфективния глагол *vàrati*, *-ām* (Skok III: 565–566). Вайан също включва коренната форма *-var-* в приложения индекс на поствербалите (Vaillant IV: 291). Както обаче се вижда от посочените примери, предполагаеният от него преход **вaрити** > **вaр-** > **вaрoвaти**, подобен на **кoупити** > **кoупъ** > **кoупoвaти**, е семантически невъзможен поради съвършено различното значение на изходния глагол. Следователно **вaр-** ‘gare, circonspection, attention’ не може да бъде поствербал от **вaрити**.

4. Освен семантически, предложената етимология за длъжностното название **вараџь** среща и някои морфологически затруднения. Както бе споменато, Билярски изказва идеята, че по принцип съществителното **вараџь** би могло да се изведе от глаголна основа с прибавен суфикс **-аџь** и изтъква като довод известното становище, че „в по-стария период на старобългарския език новообразуваните думи са мотивирани изцяло от съществителни, ала по-сетне се срещат и такива, мотивирани от глаголни основи”, с позоваване на академичната граматика на старобългар. език (Biliarsky 1994: 100; Билярски 1998: 321–323). То би могло да се приеме за вярно, ако се приведат убедителни аргументи, че през XIV в. в среднобългарския език такъв тип словообразователна формация е било възможно да съществува.

4.1. Надеждна основа за правилната класификация на лексикалния материал е теоретично разработената преди половин век от М. Dokulil в чешката лингвистика методология за функционален анализ на словообразователните структури, която успешно се прилага и от българските езиковеди както на синхронно, така и на диахронно равнище. Според нея основен критерий за обособяването на даден словообразователен тип е единството на лексикалните единици по отношение на тяхната ономаσιологична база и на ономаσιологичния признак, изграждащи ономаσιологичната структура на думата, и на формално-морфологичната им характеристика, съчетаваща еднотипна словообразователната основа със съответен словообразователен формант (Dokulil 1962; 1967; Мострова 2005). Този нов тип по-прецизна

класификация отхвърля механичното групиране на лексикалния масив по суфикси и възможните грешки в неговото интерпретиране.

4.1.1. Интересуващото ни име спада към лексико-семантичната група имена на лица, свързани с тяхната постоянна трудова дейност или професия, при които се въвежда нов тип словообразователна категория, мотивирана в морфологично-структурно отношение от субстантивни основи — имена на вършители на действие, *nomina actoris*, която се отделя от агентивните названия с девербална мотивировка — имена за производители на еднократно или повтарящо се действие, *nomina agentis*. Модерният словообразователен анализ успешно се прилага при изследването на съвременния български книжовен език и на диалектите на синхронно равнище, докато все още са фрагментарни проучванията върху тенденциите в словообразователните категории и словообразователните типове в различните по жанр, тематика и стил преводни и оригинални произведения през среднобългарската и ранната новобългарска епоха. Чувства се липсата на едно по-цялостно системно изследване в диахронен аспект на българското историческо словообразуване, в съпоставка със сравнително добре проучения лексикален корпус на класическите текстове, което би представлявало надеждна отправна точка за езикови, литературно-исторически, културоложки и пр. изследвания. В тази насока напоследък бяха постигнати интересни резултати в изучаването на словообразуването на съществителни имена, мотивирани от глаголни основи, в редица ценни книжовни паметници от българското средновековно наследство (Кочев/Кочева/Мострова 1980; Благова 1980; Мострова 1983; Ead. 1987; Ead. 1992; Ead. 1993–1994; Ead. 2005; Кърпачев 2005 и др.). Благодарение на дългогодишната работа на Татяна Мострова могат да се смятат систематично проучени в общ план основните словообразователни категории и словообразователни типове при девербативните имена от категорията *nomina agentis*, характерни за различни по жанр и тематика оригинални и преводни произведения от XIV в. на базата на обработка и класификация на огромен по обем лексикален масив от повече от 2000 единици. Изводите, формулирани от Мострова за паметниците от XIV в., могат с пълно основание да бъдат приложени и при определяне на словообразователните типове и закономерности на институционалните термини, употребени в съставените през същото столетие царски документи.

Суфикс **-аѣь**, с който е образуван апелативът **ваѣаѣь** произхожда от латинския суфикс *-arius* и е проникнал ведно с римската цивилизация и нейните занаятчийски произведения чрез заемане на думи,

означаващи професия в гръцки, келтски и германски, а чрез посредничеството на германски и в славянските езици. В старобългарски това са малка група, по-точно осем мотивирани винаги десубстантивни съществителни от непродуктивен тип¹⁰, повечето от които хапакси, означаващи професия или постоянно занятие, насочващи към обекта на тяхната дейност, изследвани от редица видни слависти — Лескин, Вондрак, Фасмер, Щепкин, Мейе, Вайан, Дилс, Кипарски, Шутц, Копец, Симеонов, Славски, Цейтлин, Чурмаева, Шимански и др. Според обратния речник на Садник-Айтцетмюлер (Sadnik/Aitzetmüller 1955) в старобългарски няма нито едно съществително на **-аѣ** извън тази категория. Те са главно моравизми със западно-славянски характер и се намират в евангелските текстове или гърцизми от административно-политическата терминология. Произходът на този тип суфиксални производни е най-вероятно нееднороден, хетерогенен, и докато административно-правната терминология е несъмнено от византийски, известна част от икономическите, занаятчийските и индустриалните термини вероятно са дошли чрез германски, а също и чрез саксонските миньори на Балканите. Словообразователните им особености (десубстантивният им характер и окситонността им) свързват тяхното разпространение с Балканите, където са засвидетелствани стари заемки от гръцки, латински и готски. Съотношението на този словообразователен тип имена с глагола е опосредствано и на базата на тази опосредствана връзка се оказва възможно последващо непосредствено образуване на имена със суфикс **-аѣ** от глаголи, които вече нямат изходна именна основа (Варбот 1969: 90). Исторически *pōmina agentis* от девербативни основи са се появили в книжнината от новобългарската епоха, във всеки случай не по-рано от XIV–XV в. Според Й. Шутц най-голяма продуктивност на агентивни имена на **-аѣ** достигат онези славянски езици, които са в непосредствена близост до немски — словенски, горнолужишки и чешки, като влиянието на немския се забелязва по мястото на ударението на първата сричка (Schütz 1960). Заетите от гръцки, калкираните или образуваните по гръцки модел даятелни имена в среднобългарската епоха са по прин-

¹⁰ Засвидетелстваните в класическите старобългарски текстове осем десубстантивни деятелни имена, образувани с формант **-аѣ** са следните: **винаѣ** (ὄμπελοῦργός), **вратаѣ** (θυρορός), **връзтоградаѣ** (κητοῦργός), **гъзньчаѣ** (κεραμεύς), **клеветаѣ** (κατηγορός), **ключаѣ** (κλειδοφύλαξ), **мътаѣ** (τελώνης), **губаѣ** (ἀλιεύς). Ако от тях се изключи **мътаѣ**, което се отхвърля от мнозинството палеослависти като славянско образуване, а се смята за пряка заемка от старовисоконемски или готски, останалите седем са с всичко петнайсет употреби в паметниците от IX–XI в. От тях четири лексеми се срещат в Супрасълския сборник, като при това две са хапакси в същия паметник.

цип десубстантивни, тъй като формантът *-άριος* през цялата постеленистична, византийска и новогръцка епоха е бил единствено десубстантивен суфикс и се е специализирал в образуването на *nomina deminutiva* (Jannaris 1968). В действителност той става продуктивен едва в сборниците със смесено съдържание и в дамаскините от XVII–XVIII в., както отбелязва в труда си Шимански (Szymański 1968).

Следва обаче специално да се подчертае, че при изследването на съществителните от глаголна основа в голям брой различни по жанр и тематика книжовни паметници от българския XIV в. Т. Мострова установява отсъствието на такъв обособен словообразователен тип в лексикалния корпус на среднобългарския език. Изводите, до които тя достига, се базират на основното проучване на огромен масив от лексикални единици, представят точна и прецизна картина на състоянието и на словообразователните тенденции през тази важна епоха. Следователно, ако допуснем, че агентивното име **ваџаџь**, засвидетелствано в царските грамоти от XIV в., е образувано от глаголна основа, то според функционално-структурната методика би следвало да се разглежда по-скоро като изключение от съществуващите в този исторически период словообразователни модели.

5. Това означава, че за обяснението за произхода на деятелното име **ваџаџь** трябва да се търси по-приемлива в морфологично отношение хипотеза, а именно наличието на именен корен **-ваџ-** в старобългарски, чийто деятелен дериват, образуван чрез суфиксация, да означава военна служба от провинциалната администрация на Втората българска държава. Смятам за най-вероятна изходна лексема старобългарското съществително **ваџь**, **ваџи**, от ж. р., *i*-основа, непреведен гърцизъм от гр. βῆρις в значение ‘дворец’, ‘палат’, ‘domus’, употребено два пъти в глаголическия Синайски псалтир (според пражкия словник и речника на Цейтлин, Вечерка и Благова): в псалм 44,9 (45,9) **ѡтѣ ваџьхъ сло(но)венъхъ из ниѣже възвеселиша тѣа** (СС: 109), гр. ἀπὸ βῆρεων ἐλεφαντίνων ἐξ ὧν ἠὺφρανάν σε, в новобългарския превод на библията ‘из слоново-костни палати струнните инструменти те развеселиха’ (Библия 1924), и в псалм 47,4 (48,2) **богъ въз ваџьхъ его** (id est **града**) **знаемъ естѣ** (SJS: 167–168), гр. ὁ Θεὸς ἐν ταῖς βῆρεσιν αὐτῆς γινώσκειται, новобългарски ‘в палатите му Бог е запознат (като прибежище)’ (Библия 1924). В тълковните псалтири думата се среща и в самите тълкования: напр. в Болонския псалтир тълкуванието към псалм 44,9 гласи: **ваџии домове сѣтѣ вѣсоци**. В лексикона си Миклошич посочва **ваџи**, **ваџисъ**, гр. βῆρις, ‘turris’, ‘domus regia’, с примери от Болонския псалтир (**ваџисъ естѣ домъ**) и от

хомилии към Антиоховите пандекти в кодекс от XIV в. (MLP: 56). У Срезневски е отбелязано **вѣри**, гр. βάρυς, ‘turris’, ‘domus turrita’ в късни преписи на псалтира с тълкувания от Атанасий Александрийски от XVI–XVII в. (Срезневский I: 227).

В някои случаи гръцкото βάρυς като съставна част от сложна дума се предава със структурна калка в старобългарски, която превежда композитното име в гръцки с негово точно славянско съответствие, напр. все в Синайския псалтир πυργοβάρυς ‘крепост, замък, цитадела, твърдина’ в псалм 121,7 е преведено със сложна дума **стѣзпѣстѣна**: **бѣди же миръ въ силѣ твоѣи· ꙗ обилие въ стѣзпѣстѣнахъ твоихъ** (СС: 625), гр. γενέσθω δὴ εἰρήνη ἐν τῇ δυνάμει σου καὶ εὐθηνία ἐν ταῖς πυργοβάρεσιν σου, в превод на новобългарски: „Мир да бъде отвътре стените ти, благоденствие в палатите ти!” (Библия 1924). В славянския превод на Диалозите на Псевдо-Кесарий, запазен в късни руски преписи от XV–XVII в., които обаче съдържат характерните за Преславската школа лексикални особености, думите βάρυς и πύργος се превеждат със **стѣзпѣ** ‘кула’ или с вероятната тюркска (прабългарска заемка) **стѣнѣ** със същото значение, която в повечето случаи остава неразбрана от руските кописисти (Милтенов 2006: 177–178).

5.1. Вѣрѣ се оказва лексема с голяма фреквентност в старогръцките и ранновизантийските паметници и особено в библейския гръцки. Според речника на Liddell/Scott това е йонийска дума от египетски произход с първоначално значение ‘flat bottomed boat, used in Egypt’, която по-късно развива чрез полисемия вторично значение ‘large house, tower, castle’ (Liddell/Scott: 307). Електронният речник Perseus посочва 16 употреби на думата в египетски папируси и *ostraka*, отнасяни към късноантичната епоха. Документирани са още 60 употреби у гръцките класически писатели, като се започне от трагичите, Есхил и Еврипид, после у Херодот, Платон и Аристотел, през цялата еленистична и императорска епоха — в съчиненията на Полибий, Страбон, Ксенофонт, Диодор Сикул, Йосиф Флавий („De bello Judaico” и „Antiquitates Judaicae”), до текста на Новия завет и до християнски автори като Григорий Нисийски и др. (Lampe: 289; Perseus). Thesaurus Graecae linguae, v izdaniето si v Grac от 1954 г., не се ангажира с определено становище относно етимологидта на думата, но прави уговорката, че независимо от вероднид si orientalski proizhod, td se čuvstva ot elinskite filosofi i knižovnici kato rodna. Thesaurus (III: 127–134) разглежда значенията τεῖχη, στοαί, ἀυλαί, πύργοι, φρουραί, πόλεις (Moenia, Porticus, Aulæ, Turres, munimentum, ac urbem) в Исихиевата редакция на малките пророци, а също в Исая и Йеремя, прави пара-

лели с еврејски и сирийски в превода на Стариот завет од Акила, Симах и Теодотион, като изказва предположение, че думата е съществувала в хекзаплара на Ориген. Привежда също и данни от архаичната топонимия: като остров и *Civitas Barium* на Пиренейскиот полуостров в Апулија, древен персийски град *Barin*, споменат у Есхил, планина в Армения, наречена Βάρις.

Съвършено различно етимологично објаснение за Βάρις изказва Hans Krahe, който обосновава тезата за автохтонен илиријски или по-точно месапийски произход на думата, извеждајќи ја од βαυρία ‘οἰκία’ с дълго \bar{a} од дифтонг *ai* поради настъпилата монофтонгизација во илиријски (Krahe 1962: 57, 116). Според него чрез друга отгласна степен на сѝзият корен се е получило βύριον ‘οἰκημα’, βυριόθεν ‘οἰκοθεν’. Този аблаут се е развил и во германските езици, кдето се е јавило во ствиснем. *būr* ‘Hütte, Zimmer, Käfig’ од стгерм. **būra-*. Илиријската хипотеза на Krahe се споделя со известна предпазливост од Н. Frisk и Р. Chantraine, които отбелязват употребите на лексемата во Септуагинта и разпространението ѝ като топоним во целия гръцки античен свят, но намират за неудовлетворителна идејата за семантичен развој од ‘barca’ към ‘domaine, grande maison fortifiée’, ‘Turm, Palast’ (Frisk I: 220, 277; Chantraine I: 165).

Поддржането на тази иначе привлекателна автохтонна теза обаче изисква да се приеме като необходима една хипотетична монофтонгизација во месапийски, която не се потврждава со достатъчно примери. Ето зашто на неја възразява А. J. van Windekens, който търси по-приемливо развитие. Ученијат предлага по-прост автентично гръцки път на развитие на прилагателното βαρύς ‘lourd’, свъзано и со фонетична промяна во една форма **βαρFι-* след изпадането на *F*, изразяваща се во удължаването на коренниот вокал по диалектни или други причини. Той смята за естествена семантичната еволуција на ‘тежък’ към ‘важен’, като сочи за показателно значението на βαρός ‘тегло, тежест’ (‘roids, charge’) към ‘importance, abundance, influence’. Затова, според него, Βάρις се употребува по-често като прилагателно към οἰκία во значението на ‘важен, значителен’ (Windekens: 38).

Како се вижда од направениот преглед на лексикографските иследвания на гръцкиот јазик, мненията на учениците относно етимологијата на лексемата Βάρις са крайно противоречиви. Подобна картина за произхода на корена *-var-* се очертава и во славистичните иследвания.

6. На прво место тук следва да се изјасни има ли каква врска меѓу старобългарското **ваѣь**, **ваѣи**, старите славјански глаголни форми **ваѣвати** ‘hüten’, **ваѣвати** **сѣ** ‘sich hüten’ и разпространеното през

средните векове на Балканите *vár*, *város* ‘стара, укрепена част на града’. Мнозинството от славистите не допускат родство с маджаризма *város* < *vár* ‘град, крепост’, проникнал в рум. *oraş*, алб. *varrósh*, сърбо-хърв. *vároš*, бълг. *варош* и тур. *varoş*, които до XV в. са означавали ‘Vorstadt’, ‘naselje koje se razvilo ispod feudalnog grada’ (Skok III: 566–567). Коренното *-var-* е засвидетелствано в Маджарско като съставна част на различни топоними от 1015 г. нататък в дарствени грамоти, първият от които е *feheruuaru*, като *var* ‘Festung’, ‘Burg’, ‘Schloß’ се смята не за домашна угрофинска дума, а за стара северно-иранска заемка в унгарски, с първоначално значение ‘дига от пръст, траншея, тип военно съоръжение’. Производното прилагателно *város*, образувано от *vár* с помощта на асоциативен суфикс *-s*, започва да означава ‘Stadt’, ‘Bewohnerschaft einer Stadt’, лат. *suburbium*, старосръбски **вадошъ** ‘urbs’: **градъ Клѣчь и вадошъ Подъклѣчь** (MS: 439); **златаѣа оу жоупи да нѣсть, разъве оу вадоши** (Душанов законник, Чл. 49) (Даничић I: 102); среднобългарски **подъградъ** ‘търговско-заятчийската част на града вън от крепостните му стени’. От унгарски лексемата е проникнала във всички балкански езици, първо в Босна, а след това в Сърбия и България. В български тя се смята за заета към XV–XVI в. чрез сърбохърватски или чрез турски от погранични области към Унгария (БЕР I: 121).

В статията върху произхода на *-var-* авторите на академичния унгарски етимологичен речник насочват към авестийското *vāra* ‘дига от пръст’, ‘траншея’, ‘насип’, ‘тип отбранително съоръжение’; *varəna* ‘покрито, затворено място’ (MNYTESz 3: 1090), като се позовават на обяснението на J. Pokorny за и.е. **vāra* ‘Deckung, Wehr’, **varəna* ‘Umhüllung, Bedeckung’, което възхожда към и.е. корен **uer-*, **ueru-*, **urū-* ‘verschließen, bedecken, schützen, retten’, ‘Schütz, Einzäunung’ (Pokorny: 1160–1161, също WP: 280–281 и Младенов: 58).

Подобно семантично развитие на корена *-var-* се предполага и в етимологическите изследвания на източнославянските езици. У Срезневский I: 230 е посочено **ваошъ** ‘стороженъе’, за съжаление без нито един пример от староруски паметници. Тази насока в етимологичните търсения по проблема се поддържа от Фасмер в речниковата му статия за *вар*: ‘скотный двор’, диал. *варок*, *ворок*, свързано със старобългар. преславско и староруско **воошъ**, **забоошъ**, родствено с лит. *vāras* ‘столб, кол в изгороди, заборе’, *apivaras* ‘загон для скота’, от старовиснем. *wuorī* ‘плотина, насыпь’, староангл. *waru* ‘береговая насыпь, дамба, защита’, стисланд. *vor* ‘камни, уложенные рядами на причале’ (Фасмер I: 273).

Интересен е фактът, че Скок извежда панславянските и праславянски образувания от *-var-* от стфрен. *waron* ‘aufmerken, beachten’, проникнало широко и в романските езици, като за изходна форма той също смята старогерманския корен **uer-* (Skok III: 565–566). Въпреки това обаче той не вижда никаква връзка между него и маджарската заемка във всички балкански езици и турски *varoş*, производна от *var* (Skok III: 566–567).

Нова насока към едно по-широко тълкуване на етимологическите проблеми в по-широк индоевропейски контекст дава Ф. Миклошич. В своя „*Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*“ той подлага на изследване корена *-var-* в старите славянски форми **ваѡвати** ‘hüten’, **ваѡвати сѡ** ‘sich hüten’, **обаѡвати** ‘schützen’ и техните наследници в съвременните славянски езици — български, сръбски, хърватски, чешки, полски, долнолужишки, малоруски и руските диалекти и стига до извода, че той е от германски произход, но е проникнал рано във всички романски езици. От вниманието му не убягва, че това е една от най-разпространените думи за образуване на топоними като *Бијеловар*, *Вуковар*, *Гостивар* и др. Ученият без колебание заключава: „Es ist das verbreitetste deutsche Wort. Damit will man verbinden *var* in ON.: kr. s. *belovar*, *gostivar*, *vukovar* usw., das vom magy. *vár* burg nicht getrennt werden kann” (Miklosich 375).¹¹ Следователно според Миклошич става дума за твърде разнообразното историческо развитие на едно семантично гнездо, принадлежащо първоначално към един индоевропейски корен, като той не се задълбочава в конкретното му проследяване. Сходни, макар и по-малко систематични, са и разсъжденията на Преображенски при анализа на съществителното *варъ* в руски и неговите диалекти, поставящи го в единство с глагола *варувати* ‘стеречь’, **ваѡвати** ‘хранить, защищать’, **ваѡвати сѡ** ‘беречься’ и маджарското и тюркско име *vár* ‘крепость’, *varoş*, *város* ‘город’ (Preobrazhensky I: 65–66).

7. На второ място, би било особено важно да се установи хронологията на интересуващата ни лексема *vár*, *város* ‘град, крепост’, а именно, дали действително заслуга на маджарите е пренасянето ѝ при тяхното разселване на Балканите, или пък тя е била позната и преди това на коренното население и на установилите се на полуострова славянски племена. Такива данни се съдържат в книгата на гръцкия историк Прокопий (? — ок. 565) Περὶ κτισμάτων (De aedificiis), написана към средата на VI в., най-вероятно след 558 г., в която се избро-

¹¹ Иначе към местно име *Гостивар* Заимов 1973: 94.

яват имената на около 565 кастела. В Тракия, Македония, Епир и Тесалия. В изследването си, посветено на най-старите славянски местни имена, отразени у Прокопий, В. Георгиев отбелязва 96 топонима, от които 54 със сигурен и 42 с твърде вероятен славянски произход (Георгиев 1958: 67–153). Два от преценените като сигурни славянски топоними обаче пораждават известни съмнения: това са названията **Σούβα-ρας**, кастел в Нишко, тълкувано от Георгиев като съставено от **соуџъ** и **ваџъ** ‘жега, горещина’ и **Ταμνοβαρί**, кастел в Тракия в областта на Марица, смятано от него за предаване на двусъставното име **ТЪМЪНЪ ВЪРЪХЪ** (Георгиев 1958: 76, 83–84). Тези две посочени като славянски местни имена едва ли са такива, или поне вторият им компонент по-скоро би могъл да бъде определен като фонетично по-близък до гръцкото **βαρίς**. Същото съображение би могло да се изтъкне при някои от преценените като славянски топоними в изследването на Фасмер върху старата славянска топонимия в Гърция „Die Slaven in Griechenland”, напр. **Βραδοβαρί** и **Τσερβαρί** в Епир, в района на Янина, както и **Βαροῦσι** в Тесалия, в района на Лариса (Vasmer 1941).

Ще добавя, че тук би могъл да се постави въпросът и за архаичната топонимия в южните предели на Пелопонес — не само в Епир и Тесалия, но и в Елада, Ахая, Аркадия, Арголида, Месения и Лаконика, и особено за микротопонимията, където се откриват следи от старото **βαρίς**. Те свидетелстват, че още преди идването на маджарите той е бил широко използван за образуване на топоними. Така например знае се, че предмаджарско (а според ЕРСJ 2: 176–177 и предславянско) е името на град **Ἀντίβαρίς** в Черногорското Приморие, което се среща за първи път в списъците на гръцките епископи в края на IX, а в X в. за него споменава Константин Порфирогенит.

Би могло освен това да се разсъждава в тази насока около названия като **Βαρνοῦς** в Леринско, или **Βάρνη**, **Βαρνίτσα** в района на Галиполи (Vasmer 1941: 196, 234), както и върху регистрираното от Малингудис местно име **Βάρνοβα** в месенския Мани (Malingoudis 1981: 121), които могат да произлизат и от славянския корен *вран* ‘черен’ с ненастъпила ликвидна метатеза, но могат да бъдат и производни от **βαρίς**. Интересен е и въпросът за името Варна, което се среща за първи път у двамата византийски хронисти Теофан и Никифор. То е принадлежало първоначално не на стария Одесос, а на някоя добре укрепена от природата местност в околността, навярно на Провадийската река заедно с Девненското езеро и издигащите се зад тях предпланини на Стара планина и по-точно Авренското плато. Както разказва Теофан, когато през 774 г. император Константин V се отправил на поход срещу българите по море, неслучайно веднага щом стигнал до

Варна (ἕως τῆς Βάρνας), той се уплашил само при вида на непристъпния бряг и предпочел да се завърне обратно (ГИБИ III: 274; Бешевлиев 1981).

От посочените данни може да се направи изводът за единството и взаимното семантично проникване между книжовното старобългарско **ВАФЪ**, **ВАФИ**, старите славянски глаголни форми **ВАФОВАТИ** 'hüten', **ВАФОВАТИ СМ** 'sich hüten' и маджарското *vár, város* 'urbs, castellum'. Смятам, че маджарите са пренесли на Балканите същата северноиранска заемка, която дълго преди това е била разпространена в този географски ареал чрез гръцки. Благодарение на посредничеството на унгарски, позабравеният книжен гърцизъм **ВАФИ**, **ВАФИСЪ**, съхранил се главно в архаичната топонимия, отново се е върнал в редовна употреба в южнославянските езици. От своя страна, глаголът **ВАФОВАТИ** 'hüten', **ВАФОВАТИ СМ** 'sich hüten', ранна и общославянска лексема от германски произход, гот. *vars* 'behutsam', ствнем. *wara* 'Acht, Aufmerksamkeit', герм., стсаксон. *war-rōn*, нем. *wahren* 'aufmerken, beachten', на балканска почва е съвпаднал формално и семантически със същия корен *-var-* и се е развил в старобългарски като десубстантивен глагол, а не като поствербал от **ВАФИТИ**¹². Възможно е допълнителните справки за разпространението на техния общ корен **uer-* и в неиндоевропейските езици, в семитската група езици, а също и в хунски, тюркски и аварски, да докажат принадлежността на корена към древната месопотамска култура.

8. Връщайки се към темата на доклада, а именно към термина **ВАФАФЪ**, упоменат във Витошката грамота на Иван Шишман, следва да уточня, че той не е засвидетелстван в известните засега южнославянски ръкописи и отсъства както от чешкия словник и речника на Цейтлин, Вечерка, Благова, така и от речниците на Миклошич, Даничич и Срезневски. Ще се опитам обаче да покажа мястото на тази институция във военно-административните или фискалните системи на държавите, намиращи се в орбитата на Византия, въпреки специфичните исторически обстоятелства във всяка от тях. Известно е, че службата на военното ведомство в Империята се е наричала *λογοθέσιον τοῦ στρατιωτικοῦ*. Административният апарат на балканските държави досега не е изцяло проучен, но тъй като в документите срещаме същите задължения, за които се е грижела тази служба в Империята, може да се допусне, че такава служба е съществувала и в тях (Цанкова-Петкова 1964: 115, бел. 198).

¹² По-късната подмяна на корен *-var-* с *-vard-* или тяхното паралелно съществуване в южнославянските езици остава извън задачите на настоящото и ще бъде предмет на отделно проучване.

Така например в сръбските средновековни извори присъства терминът **вигла**, засвидетелстван в две дарствени грамоти на монахиня Евгения, със светско име княгиня Милица и синовете ѝ, князете Стефан и Вук, издадени през 1395 г., с които се освобождават от дължимите на централната власт данъци и трудови повинности (*angariae*) селата, дадени на два светогорски манастира. И в двата документа, сред изброените **работы маліе и великіе**, които жителите на селищата са били задължени да изпълняват, срещаме понятието **вигла** (Новаковић 1912: 495–496). В дарствения акт, предоставен на лаврата на св. Атанасий, **вигла** е споменато на трето място в списъка на ангарийните задължения на областта Петрушка (**Петроушка областъ**). В златопечатника, издаден в полза на манастира св. Пантелеймон, **вигла** стои на второ място сред повинностите, веднага след **градозидание** (Новаковић 1912: 517–520). Като се съди по споменатите в хрисовула **градъ** и **подъградие**, може да се предположи, че терминът назовава денонощния караул (или патрул) по охраната на крепостта, които населението е било длъжно да осигурява като част от редицата **господьски работи**. В сръбските кралски грамоти у Новакович и Даничич е отбелязано идентичното на *биглата* задължение **градоблюдение**, съответстващо на ромейското *custodia urbis*, т.е. охрана на крепостта (Даничић I: 231). Това се отнася също и за охраната на манастирските и църковните твърдини. В един Дечански хрисовул някой си протопоп Прохор от село Зрзе е бил натоварен със задължението заедно с подчинените си хора „**да владѣ град црковный**” (Благојевић 2004: 242).

В сръбските грамоти, например в хрисовула на Стефан Урош II Милутин от 1300 г., военният функционер, който вероятно е бил натоварен с организацията на повинностите на населението, свързани с охраната на населени места и крепости, е назван **стражъ градоу** (Новаковић 1912: 616).

В споменатите сръбски владетелски документи ангарията **градозидание**, семантична калка от гръцкото *καστροκτισία*, което на свой ред води началото си от Римската империя и е еквивалент на латинското *aedificatio urbis*, се отнася до задължението на населението да участва в строежа и ремонта на крепостите, мостовете и на другите защитни съоръжения. Както е известно, две столетия по-рано, архиепископ Теофилакт Охридски (ок. 1055–1126) описва в писмата си от 1092 г. повинностите *καστροκτισία* и *παράκοινά* ‘пазене на стража, охрана на крепост, склад, трезор или на затвора, разположен в кулата на феодала’ като тежки и обременяващи населението (Migne, Patrologia graeca 126: col. 393, A 6; col. 541, A 3). Ескусията от тях, макар и частична, е облекчавала значително положението на париците.

Дали длъжностното лице, натоварено с рекрутирането на войници за охрана на крепостите сред цивилното население и с организацията на тази повинност, е било военно или гражданско лице, не може със сигурност да се прецени. Известно е, че балканските държави възпроизвеждат ромейския модел за административно и държавно устройство, при който военните чинове в много случаи поемат функциите на гражданската администрация и поради това не може да се очертае рязка граница между гражданските и военните служби. Освен това при надвисналата над Балканските държави отоманска заплаха през XIV в. се наблюдава силно военизиране на административния апарат. Прави впечатление, че в последните две български царски грамоти — Рилската и Витошката, — са изброени най-много служители на провинциалното управление (Андреев М. 1967: 8–9). Според М. Андреев редица военни длъжности, *алагатори*, *комиси*, *стратори*, *десетници*, за които се знае, че са съществували много преди царуването на Иван Шишман, са изброени единствено в тези две грамоти, тъй като при предишните суверени те са изпълнявали само военна служба и не са им били възлагани фискални и административни функции, поради което не е било необходимо специалното им записване в държавните актове (Андреев М. 1967: 12–13). Трябва да се приеме, че това разширяване на административния апарат, което се наблюдава в по-късните хрисовули, означава едно общо увеличаване на данъчното бреме в България, което е налагало една по-диференцирана фискална система и наличието на по-голям брой чиновници (Андреев/Ангелов 1972: 153; Андреев М. 1965: 154 сл.).

С оглед уточняване съдържанието на разглежданата институция, ще припомня, че в Сърбия, в която по принцип има по-голяма децентрализация на властта в сравнение с България, в края века е предприета административна реформа, според която в държавата биват обособени военно-териториални единици, наречени власти, всяка от които има за свой административен център добре укрепен град. Според изследванията на сръбската историчка Йованка Калич, военното командване на тези единици е било поверено на воеводи (Kalić 1978). В хрисовула на Вук Бранкович в полза на Хилендарския манастир от 1377 г. и в закона за Ново Бърдо, създаден през 1412 г. от деспот Стефан Лазаревич, са споменати двама воеводи: един на града и друг на кулата, т. е. на крепостта. Това показва, че функциите на военния комендант по отбраната на крепостта са били отделени от гражданско-административното управление.

В историческите документи на Трансилвания е засвидетелстван длъжностният термин *ižpan*, употребен в грамота от 1269 г., зает в ун-

гарски по всяка вероятност от хърватското *župan*, който съответства на латинското *comes* или на германското *graf, graev*. Висшият управител на един град или административен център се наричал *várišpan* от *vár* ‘civitas’ и *išpan* и имал преди всичко военни функции, но разполагал и с известна административна и съдебна власт (Instituții: 239–240). Както във Влашките, така и в Молдавските княжества са отбелязани два типа ангарийни повинности на населението: **посада** и **вигла** (Ангелов/Щефънеску 1965). С термина **посада** се означава задължението да се осигурява охраната на държавните граници и на крепостите, впоследствие комутирано в хранителни провизии и парични средства. Терминът **вигла**, с фонетичен вариант *vigli*, се явява във влахо-български грамоти от XV в. и означава задължението за осигуряване на охрана. В грамота от Търговище от 1417–1418 г. жителите на града се освобождават от задължението да дават нощни дежурства по охраната на града (Instituții: 501). Този термин в следващите векове е заменен във Влашко с *pažă*, а в Молдавия със *strajă*. Организацията на нощната охрана била възложена на **исправници** ‘военни командири или началници на градската милиция’ и **пъркълаби** ‘комендантите на крепости’, които са имали и известни гражданско-административни пълномощия (Dicționarul 456–457).

Охранителните ангарии са известни и на българските средновековни извори, макар и да са означени с други термини. В неавтентичния Виргински хрисовул на Константин Асен, издаден преди 1277 г., чиято връзка с цитираната Милутинова грамота не подлежи на съмнение, се споменава задължението **градъ блюсти** — идентично със сръбското **градоблюденіе** — и **тъмницъ блюсти**, означаващо ‘пазене, надзираване на затвора, разположен на кулата на крепостта’ (Ильинский 1911: 14–21).

Приведените в изследването данни потвърждават по същество изводите на Иван Билярски, че длъжността **владаѝ** в държавно-политическата структура през последните десетилетия от съществуването на Второто царство е означавала ‘пазач’, ‘вардянин’, ‘охранител’, ‘куладжия’, началник на стражата, стоящ доста ниско във военната йерархия, който се е занимавал с организацията и изпълнението на охранителните повинности на населението и по-точно онези, свързани с ангарията за пазене на крепости и затвори (Билярски 1998: 321–323).

Библиография

Ангелов 1953 — Д. Ангелов: Турското завоевание и борбата на балканските народи против нашествениците, *Исторически преглед*, IX, кн. 4, 374–398.

- Ангелов 1989** — Д. Ангелов: *София през Второто българско царство (1185–1396), София през вековете. Древност. Средновековие. Възраждане*, т. I, София, 55–73.
- Ангелов/Щефњеску 1965** — Д. Ангелов, С. Щефњеску: *Обществено-икономическото развитие на България и Влашко през XIII–XIV в., Българо-румњнски врзки и одношения през вековете (Изследвания)*, 1 (XII–XIX в.), Издателство БАН, София, 55–110.
- Андреев 1996** — Й. Андреев: *История на второто българско царство*, Велико Търново.
- Андреев М. 1965** — М. Андреев: *Ватопедската грамота и въпроси на българското феодално право*, София.
- Андреев М. 1967** — М. Андреев: *Службите на провинциалното управление в средновековна България и средновековна Сърбия според данни на дарствените грамоти на българските и сръбските владетели от XIII и XIV век, Годишник на Софийския университет, Юридически факултет*, т. LVIII, 2, София, 1–31.
- Андреев/Ангелов 1972** — М. Андреев, Д. Ангелов: *История на българската феодална държава и право*, София.
- Бешевлиев 1981** — В. Бешевлиев: *Името Варна, Известия на Народния музей Варна*, 17 (32), 5–7.
- Библия 1924** — *Библия или Свещеното писание на Стария и Новия завет, вярно и точно предадено от оригинала, ревизирано издание*, София.
- Билярски 1998** — И. Билярски: *Институциите на Средновековна България*, София.
- Благова 1980** — Е. Благова: *Лексика Супрасальской рукописи и лексика Йоанна Ексарха, Проучвания върху Супрасълския сборник. Старобългарски паметник от X в.*, София, 117–126.
- Благојевић 2004** — М. Благојевић: *Немањићи и Лазаревићи и сръска средњовековна државност*, Београд.
- Бобчев 1937** — С. С. Бобчев: *София — политическо и културно средище в римско, българско и османско време, Сердика*, I/8.
- Божилев 1994** — И. Божилев: *Фамилията на Асеневици (1186–1460). Генеалогия и просопография*, София².
- Божилев/Гюзелев 1999** — И. Божилев, В. Гюзелев: *История на България*, т. I, *История на средновековна България VII–XIV век*, София.
- Варбот 1969** — Ж. Ж. Варбот: *Древнерусское именное словообразование, Ретро-спективная формальная характеристика*, Москва.
- Венелин 1840** — Ю. Венелин: *Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты*, Санкт-Петербург.
- Георгиев 1958** — В. Георгиев: *Въпроси на българската етимология*, София.
- ГИБИ** — *Гръцки извори за българската история*, I–VI, София 1954–1965.
- Грамматика 1991** — *Грамматика на старобългарския език, фонетика, морфология, синтаксис*, гл. ред. И. Дуриданов, София.
- Даскалова/Райкова 2005** — А. Даскалова, М. Райкова: *Грамоти на българските царе. Увод. Текстове. Речник. Библиография*, София.
- Динић 1968** — М. Динић: *Власти за време Деспотовине, Зборник Филозофског факултета*, X/1, 283–343.

- Дуйчев 1944** — И. Дуйчев: *Из старата българска книжнина*, т. II, *Книжовни и исторически паметници от Второто българско царство*, София.
- Дуйчев 1986** — И. Дуйчев: *Рилската грамота на цар Иван Шишман от 1378 г.*, София.
- Заимов 1973** — Й. Заимов: *Български географски имена с -јь. Принос към славянския ономастичен атлас*, София.
- Ильинский 1911** — Г. Ильинский: *Грамоты болгарских царей*, Древности труды Славянской комиссии Императорского московского археологического общества, Том V, Синодальная типография, Москва.
- Иречек 1886** — К. Иречек: *Историята на българите*, Търново 1886.
- Иречек 1978** — К. Иречек: *История на българите с поправки и добавки от самия автор*, под ред. на П. Хр. Петров, София.
- Клайнер 1977** — Б. Клайнер: *История на България, съставена в 1761 г.*, под ред. на И. Дуйчев и К. Телбизов, София.
- Ковачев 1940** — М. Ковачев: *Материали за историята на София*, кн. XI, *Драгалевският манастир св. Богородица Витошка и неговите старини*, София.
- Койчева 1982** — Е. Койчева: Някои общи и специфични черти в системата на късносредновековните балкански институции и титли, *Векове*, 5, 14–21.
- Кочев 1971** — И. Кочев: Диалектни категории и типове при словообразуването на съществителното име (Съпоставително изследване върху материал от три български говора), *Известия на Института за български език*, 20, 125–131.
- Кочев/Кочева/Мострова 1980** — И. Кочев, Е. Кочева, Т. Мострова: Словообразуване на съществителното име в Супрасълския сборник, *Проучвания върху Супрасълския сборник. Старобългарски паметник от X в.*, София, 131–136.
- Кърпачев 2005** — В. Кърпачев: Словообразователни модели при *Nomina agentis* в Беседите на папа Григорий Велики, *Acta Palaeoslavica*, vol. 2, edited by M. Dimitrova, P. Petkov, I. Hristova, Sofia, 172–177.
- Лекова 1996** — Т. Лекова: Няколко ранни ориенталски заемки в българския език, *Българска реч*, II, 1, 16–21.
- Лишев 1970** — С. Лишев: *Българският средновековен град. Обществено-икономически облик*, София.
- Львов 1968** — А. С. Львов: Чешско-моравска лексика в паметниците древно-руската писменности, *Славянское языкознание*, VI Международен съезд славистов (Прага, август 1968 г.), Доклади советской делегации, Москва.
- Милтенов 2006** — Я. Милтенов: *Диалозите на Псевдо-Кесарий в славянската ръкописна традиция*, София.
- Мострова 1983** — Т. Мострова: *Nomina agentis* в «Шестоднева» на Йоан Екзарх в съпоставка със старобългарските паметници, *Български език*, 2, 101–108.
- Мострова 1987** — Т. Мострова: Тенденции в словообразуването на съществителните имена в българския книжовен език през XIV в., *Втори международен конгрес по българистика, Доклади, 2, История на българския език*, София, 174–185.
- Мострова 1992** — Т. Мострова: Жанрово-стилистика обусловеност на функционалната характеристика на съществителните от глаголна основа в паметници от XIV в., *Български език*, 4, 275–283.

- Мострова 1993–1994** — Т. Мострова: Сложни съществителни имена със суфикс *-теѡ* в паметници от XIV в., *Български език*, 4, 302–310.
- Мострова 2005** — Т. Мострова: *Съществителни от глаголна основа в паметници от XIV век*, Автореферат на дисертация за присъждане на научната и образователна степен «доктор», София.
- Ников 1928** — П. Ников: Турското завоевание на България и съдбата на последните Шишмановци, *Българска историческа библиотека*, I, 1, 113–159.
- Новаковић 1912** — С. Новаковић: *Законски сѡменици срѣјских држава средњега века*, Београд.
- Овчаров 1995** — Н. Овчаров: Град и замък на Балканите (XII–XIV в.), (Въпроси на типологията и терминологията), *Минало*, 1, 32–38.
- Петров/Гюзелев 1978** — П. Петров, В. Гюзелев, *Христоматия по история на България*, т. II, *Същинско средновековие (краят на XII–XIV век)*, София.
- Райкова 2002** — М. Райкова: Към лексиката на Витошката грамота, *Palaeobulgarica*, XXVI, 2, 62–69.
- Симеонов 1968а** — Б. Симеонов: Към въпроса за ранните латински заемки в старобългарски, *Славянска филология*, т. X, *Езикознание*, София, 121–131.
- Симеонов 1968б** — Б. Симеонов: Произход и правопис на наставката *-ar* в съвременния български книжовен език, *Български език*, XVIII, 2–3, 250–252.
- Соболевский 1903** — А. И. Соболевский, Житие преп. Бенедикта Нурсийского по сербскому списку XIV в., *Известия ОРЯС*, VIII, 2, 121–137.
- Соболевский 1910** — А. И. Соболевский: Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии, *Сборник ОРЯС*, т. 88, 3, 48–91.
- СС** — Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова: *Старославянский словарь по рукописям X–XI веков*, Москва 1992.
- Супрасълски сборник** — *Супрасълски или Ретков сборник*, Й. Заимов, Увод и коментар на старобългарския текст, М. Капалдо, Подбор и коментар на гръцкия текст, София, т. 1, 1982, т. 2, 1983.
- Тотоманова/Добрев/Икономова 1986** — А. Тотоманова, И. Добрев, Ж. Икономова: *Старобългарски език за XII клас на Националната гимназия за древни езици и култури Константин-Кирил Философ*, София.
- Фасмер 1906–09** — М. Фасмер: Греко-славянские этюды, I (*Известия ОРЯС*, 11, 1906, 2); II (*Известия ОРЯС*, 12, 1907, 2); III (*Сборник ОРЯС*, 86, 1909, 1).
- Цанкова-Петкова 1964** — Г. Цанкова-Петкова: *За аграрните отношения в средновековна България (XI–XIII в.)*, София.
- Цонев 1921** — Б. Цонев: Езикови взаимности между българи и румъни, *Годишник на Софийския университет, Историко-филологически факултет*, XV–XVI, 1919–1920, София, 1–160.
- Цейтлин 1977** — Р. М. Цейтлин: *Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв.*, Москва.
- Цейтлин 1986** — Р. М. Цейтлин: *Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв.*, София.
- Чурмаева 1964** — В. Н. Чурмаева: Существительные с суффиксом *-аѡ* со значением действующего лица в древнерусском языке XI–XIV вв., *Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка*, Наука, Москва, 260–271.

Чурмаева 1968 — В. Н. Чурмаева: К истории слова писарь в русском языке, *Русская историческая лексикология*, Наука, Москва, 228–233.

*

Biliarsky 1994 — I. Biliarsky: Trois institutions méconnues de la Bulgarie médiévale: варничѣи, варарь, поварь, *Ricerche slavistiche*, Vol. XLI, 95–104.

Biliarsky 2001 — I. Biliarsky: Some observation on the administrative terminology of the Second Bulgarian empire (13th–14th centuries), *Byzantine and Modern Greek Studies*, 25, 69–89.

Dicționarul — *Dicționarul elementilor românești din documentale slavo-române (1374–1600)*, București 1981.

Diels 1932 — P. Diels: *Altkirchenslavische Grammatik, mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch, I. Teil: Grammatik*, Heidelberg.

Dokulil 1962 — M. Dokulil: *Twoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov*, Praha, 29–49; 68–76.

Dokulil 1967 — M. Dokulil (и съавторски колектив): *Twoření slov v češtině. 2. Odvozování podstatných jmen. Jména konatelská*, Praha, 125–170.

Guilland 1971 — R. Guilland: Les Logothètes, Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin, *Revue des Études Byzantines*, Tome XXIX, 5–115.

Hadzidakis 1892 — G. Hadzidakis: *Einleitung in die neugriechische Grammatik*, Leipzig.

Indexy — Z. Ribarova: *Indexy k staroslověnskému slovníku*, Euroslavica, Praha 2003.

Instituții — *Instituții feudale din Țările Române. Dicționar*, București 1988.

Jannaris 1968 — A. N. Jannaris: *An Historical Greek Grammar Chiefly of the Attic Dialect (as written and spoken from Classical Antiquity down to the present time)*, Georg Olms Verlagsbuchhandlung, Hildesheim.

Jireček 1912 — C. Jireček: *Staat und Gesellschaft im mittelalterlichen Serbien, I*, Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, Band 56, Wien.

Kalić 1978 — J. Kalić: Was verstand man in den mittelalterlichen serbischen Städten unter «Kula»? *Balcanoslavica*, 7, Prilep, 15–24.

Kazhdan — A. Kazhdan: *The Oxford Dictionary of Byzantium*, I–III, Oxford University Press, New York / Oxford 1991.

Kiparsky 1934 — V. Kiparsky: *Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen*, Helsinki.

Koledarov 1968 — P. Koledarov: Le titulariat des boyards dans la Bulgarie médiévale et sa portée les autres pays, *Études historiques*, t. IV, À l'occasion du V-ie congrès international des études slaves Prague, Sofia, 191–212.

Krahe 1962 — H. Krahe: *Hydronymie. Die Struktur der alteuropäischen Hydronymie*, Wiesbaden.

Lampe — G. W. H. Lampe: *A Patristic Greek Lexicon*, 13° impression, Oxford 1997.

Leskien 1919 — A. Leskien: *Grammatik der Altbulgarischen (Altkirchenslavischen) Sprache*, Heidelberg.

Malingoudis 1981 — Ph. Malingoudis: *Studien zu den slavischen Ortsnamen Griechenlands, 1. Slavische Flurnamen aus der messenischen Mani*, Wiesbaden.

- Meyer 1895** — G. Meyer: *Neugriechische Studien III, Die lateinischen Lehnwörter im Neugriechischen*, Sitzungsberichte der Philosophisch-historische Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften 132, Wien.
- Meillet 1905** — A. Meillet: *Études sur l'étymologie et le vocabolaire du vieux slave*, Seconde partie, Paris.
- Meillet 1934** — A. Meillet: *Le slave commun*, Seconde édition revue et augmentée, avec le concours de A. Vaillant, Collection de manuels publiée par l'Institut d'études slaves, II, Paris.
- Meyer-Lübke 1923** — W. Meyer-Lübke: *Grammaire des Langues Romanes*, t. II, *Morphologie*, Traduction française A. Doutrepoint, G. Doutrepoint, Reprint, Leipzig / New York / London / Paris.
- Moravcsik 1958** — G. Moravcsik: *Byzantinoturcica II, Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen*, Berlin.
- Preobrazhensky** — A. G. Preobrazhensky: *Etymological Dictionary of the Russian Language*, I–II, Columbia University Press, New York 1951².
- Romansky 1909** — S. Romansky: *Lehnwörter lateinischen Ursprungs im Bulgarischen*, Leipzig 1908, Jahresbericht der Instituts für rumänische Sprache zu Leipzig, XV, 89–134.
- Rosetti 1965** — A. Rosetti: *Istoria limbii române*, Vol. 4, *Româna comună*, București.
- Rusek 1991** — J. Rusek: Z dziejów nazw zawodowych w języku bułgarskim, *Słownictwo słowiańskie*, pod redakcją Jerzego Ruska, Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, CMVIII, Prace Językoznawcze, zeszyt 95, Kraków, 77–113.
- Schütz 1960** — J. Schütz: Lexikologisches und Chronologisches zu den Bildungen mit *-arъ*, *Die Welt der Slaven*, V, Heft 3–4, Wiesbaden, 409–414.
- Szymański 1968** — T. Szymański: *Słowotwórstwo rzeczownika u bułgarskich tekstach XVII–XVIII wieku*, Polska Akademia Nauk — Oddział w Krakowie, Prace Komisji Słowianoznawstwa, Nr. 15, Wrocław / Warszawa / Kraków.
- Thesaurus** — H. Stephanus: *Thesaurus Graecae Linguae* I–XII, Graz 1954².
- Vondrák 1924** — W. Vondrák: *Vergleichische slavische Grammatik*, I Band, *Lautlehre und Stammbildungslehre*, Göttingen.
- Windekens** — A. J. van Windekens: *Dictionnaire étymologique complémentaire de la langue grecque, Nouvelles contributions à l'interprétation historique et compare du vocabulaire*, Peeters, Leuven 1986.

Tatjana Lekova (Naples)

The office holder *vararъ* in medieval Bulgaria

Summary

The paper discusses the origin and meaning of Middle Bulgarian term *vararъ* (**вараѣ**) designating an office holder. It is attested in a charter issued by the last Tzar of Turnovo Ioan Shishman (1371–1393/1395), to confirm the land donation by his predecessor Ioan Alexander (1331–1371) to the monastery of Our Lady of Vitosha at Dragalevtsi. This term has been interpreted as ‘cook’, synonymous with two other designations *varъničii* (**вараѣничии**) and *rovarъ* (**пoвараѣ**) occurring in the sources from the same period, both deriving from OBulg *variti* ‘to boil, to cook’. The author rejects this traditional interpretation and agrees with I. Biliarsky rendering the word as ‘keeper of a fortress or a tower’ – i.e. an officer who recruits soldiers to guard the fortifications or organizes the local population to keep watch over fortresses and prisons. This explanation conforms to the officer’s duties mentioned in the forged Virgin charter of Constantine Tikh Asen (1257–1277) as *grad bljusti* (cf. OSerb *gradobljudenje*) and *tъmnicъ bljusti*.

The hypothesis suggested is that *vararъ* was formed as *nomen actoris* with the suffix *-arъ* (< Latin *-arius*) from OBulg *varъ* (**вараѣ**), Gen. *vari* f. ‘turris, domus, domus regia, domus turrita’ documented in the Slavonic psalm text, which renders untranslated the Old Greek and Early Byzantine βάρις, -ιδος ‘large house, tower, castle’ from Septuaginta. It can be assumed that a kind of semantic interference occurred between OBulg *varъ*, Slavonic *varovati* (*se*) ‘to watch, to take care’ and Hungarian *vár, város* ‘urbs, castellum’ of Iranian origin. It is also suggested that Gk βάρις goes back to the same North Iranian word which was borrowed by the Hungarians, who brought it to the Balkans, where it has been known long ago due to Greek influence. Thanks to Hungarian intermediation the Greek literary term, preserved mainly in archaic toponyms, has restored its regular use in South Slavonic languages. As for the verb *varovati* (*se*), a Common Slavic word of Germanic origin (Gothic *vars* ‘behutsam’, Old High German *wara* ‘Acht, Aufmerksamkeit’, German and Old Saxon *warōn*, German *wahren* ‘aufmerken, beachten’), in the Balkans it coincided formally and semantically with the Hungarian loanword *vár(-)*, widely spread as a constituent of toponyms such as *Vukovar, Bjelovar, Timișoara*, etc. and consequently began to be felt as its denominative verb. The conclusion is that all the words considered here ultimately go back to the Indo-European root **uer-*, **ueru-*, **urū-* ‘to close, cover, protect, save’ –with possible further Semitic and Altaic connections.

tlekova@yahoo.it

Claire Le Feuvre (Strasbourg)

On the etymology of Russian *paxat'* “to plough”

The paper offers arguments in favour of separating R. *naxátʹ*, *nauxú* “to plough” and *naxátʹ*, *nauxú* “to sweep” as homophonous verbs. The former is traced back to IE **peh₂g-* “to pound in, stab” (besides **peh₂ǵ-*, a further case of Gutturalwechsel in an IE root!) with a deverbial **peh₂gso-* (reflected in Skt. *paḥṣá-* “limb, wing” by the effect of Lubotsky’s law), which originally meant “that which is pounded” – hence the anatomical meaning “limb” and the agricultural one “spade” (cf. Lat. *pāla* “spade” < **peh₂gs-leh₂*). The Slavic denominal from **peh₂gso-*, **paxati* (originally “to plant a tool into the ground”) being synonymous to **orati* has replaced it in East Slavic.

Keywords: Slavic languages, Gutturalwechsel, homophony, intonation, Lubotsky’s law.

The Russian verb *naxátʹ*, *nauxú* “to plough”, and its derivatives *ná-xota* “ploughing” and *náshnia* “ploughed field”, are of unknown origin. The verb is not attested in Old Russian before the 15th c., except for one occurrence of the present participle: *паша по чюжеи земляѣ*, in a letter by Abbott Anton before 1147 (Sreznevskij), and for *пашють нивы своа* in a late version of the *PVL*, the *Chronicle of Perejaslavl'* of the 15th c. (vs *дѣлають нивы своа* in *Laur.* 16v). The derivatives are also attested rather late: *пашьныи* “suitable for ploughing” in a letter from ca. 1350 (SDRJa), and *пахотьныи* in a letter from the end of 15th – beginning of the 16th c. (Sreznevskij). In East Slavic this verb eventually replaced the original verb for “to plough”, which is *orati* (IE **h₂erh₃-*, Lat. *arāre*, Gr. *ἀρόω*).

The East Slavic forms have formal counterparts in West Slavic, with a different meaning: Cz. *páchati*, Slk. *páchat'*, Pol. *pachać*. The West Slavic terms are usually translated by “to accomplish” (for instance Vasmer), but in fact they have a much more precise meaning. They refer specifically to evil doings and sins: Old Czech *páchati hřichy* “to perpetrate evil doings, sins” (with the derived *pachatel* “criminal”), with the same meaning in Old Polish “to perpetrate an evil doing” (Linde translates “böses stiften”). In Polish *pachać* means “to dig”, hence “to hurt”. This means that the usually admitted semantic evolution “to accomplish, to work”, hence “to plough”,

ploughing being the fundamental work¹, is probably not correct, because of the specific meaning of the West Slavic terms. The meaning “to perpetrate an evil doing, to sin” could be better derived from the meaning “to hurt, to harm” found in Polish, itself derived from “to dig, to spade”, which fits with East Slavic “to plough”, both referring to the agricultural process of working the ground. In East Slavic the proper meaning was retained and the verb belongs to the agricultural lexical field, whereas in West Slavic the metaphorical meaning “to hurt, to harm” is predominant.

The verb is not attested in South Slavic languages with this meaning.

There is another verb *paxati*, that of R. *пахать*, *пау́* “to sweep”, formally identical with the preceding one. This verb is found in all three branches of Slavic, including South Slavic: S.-Cr. *у̀аха̀у̀и* “to sweep (dust)”, Sln. *páhati* “to clean, to sweep dust”, Bulg. *пахам* “I sweep”. Most scholars include in this group OCS *opašǐ* “tail”, translating Gr. οὐρά, attested twice in the Suprasliensis, the tail being assimilated to a broom. The verb is usually thought to be identical with the verb “to blow” / “to smell” (R. *пахнуть* “to smell” / *пахнуть* “to blow”, USorb. *pachać* “to blow, to smoke”), because blowing dust away and sweeping dust away are similar processes. In East Slavic and West Slavic, the verb is distinct from “to blow, to smell”, which is a nasal-suffixed formation (R. *пахнуть*, Cz. *páchnouti*, Pol. *pachnąć*, *pachnieć*), whereas in South Slavic **paxati* is used both for “to blow” and “to sweep”.

The question is to know how many verbs **paxati* there are. For some scholars, there is only one verb, with different semantic evolutions (for instance ĖSSJa 28, s.v. **obpaxati*²). For others, there are two verbs, “to blow” and “to sweep” on the one hand, and “to plough / to perpetrate a crime” on the other (for instance Vasmer, Skok). For others, there are two verbs, but the grouping is different: “to sweep” and “to plough” on the one hand, and “to blow” on the other (for instance NRE). The last possibility is that we could be dealing with three different verbs.

It is likely that the distribution in Slavic languages reflects the effect of homophony: the meaning “to plough” is found only in East Slavic and West Slavic, not in South Slavic. But on the other hand, West Slavic and East Slavic have a formal differentiation between “to plough” and “to blow”, which is a nasal-infix formation (cf. above)³, whereas South Sla-

¹ Cf. for instance French *labourer* “to plough”, from Latin *laborare* “to work”, preserved in Italian *lavorare* “to work”.

² I am grateful to A. E. Anikin for the reference.

³ The exception in West Slavic is Sorbian (USorb. *pachać* “to blow, to smoke”), but Sorbian does not have the meaning “to plough / to accomplish”, nor “to sweep”.

vic has the same form for "to blow" and "to sweep", but does not have "to plough". It seems that homonyms were eliminated in a different way in different Slavic groups, so that one homophony was tolerated, but not two.

	"to blow"	"to sweep"	"to plough"
South Slavic	* <i>paxa-</i>	* <i>paxa-</i>	
Sorbian	* <i>paxa-</i>		
Cz., Slk., Pol.	[* <i>paxnq-</i>]		* <i>paxa-</i>
East Slavic	[* <i>paxnq-</i>]	* <i>paxa-</i>	* <i>paxa-</i>

Several etymologies have been proposed. For those who consider that there is only one verb, the fundamental meaning would be "to blow", and the group would be of onomatopoeic origin, *pax* imitating the blow. It would be a doublet of **pyxati* (R. *ныхать*, *нышý* "to smoke", Sln. *píhati*, *píšem* "to blow", Bulg. *нѣхам* "to blow heavily", Cz. *pýchati* "to be proud of"), from the IE root **phū-(s)-* (Skt. *phūt-karoti* "to blow", Gr. *φῦσάω* "to blow", Lat. *pustula* "bubble, pimple", Arm. *բւոյճ* "blow", Lith. *pūsti* "to blow", Latv. *pūst* "to blow"). The group would therefore be isolated, without counterparts in other Indo-European languages. The meaning "to sweep" would be a derived meaning. But it is much more difficult to derive the meaning "to plough / to dig" of East and West Slavic from "to blow" or "to sweep".

Vaillant (1964: 90–91) proposes a different etymology for "to sweep", and links the verb with Baltic verbs meaning "to clean", from an Indo-European root **pek-* "to be happy, to be bright", attested in Germanic and Balto-Slavic. The *e*-grade is attested in OEng. *ge-feon* "to rejoice", the causative **pok-eie-* in Got. *fulla-fahjan* "to satisfy", and a doublet **pok-ie-*, itself causative, in Olce. *føgja* "to make bright, to clean", and in East Baltic, Lith. *puošti*, *puoštiù* "to decorate, to adorn", Latv. *pūost* "to adorn, to clean"⁴. There is also a morphological agreement, since the *-*io*-present of Lith. *puoštiù* is the exact match of R. *нашý*. In this hypothesis, the meaning "to clean", hence "to sweep" is original. This etymology is admitted in NRĚ and is quite convincing. It means that the verb *пахать* "to sweep" cannot be of onomatopoeic origin, since there is a verbal root, albeit limited to Germanic and Balto-Slavic. From the semantic point of view, Vaillant derives both meanings "to plough" and "to sweep" from an original "to prepare", hence "to work". Vaillant's explanation is improved

⁴ Trautmann 1923, Fraenkel (and LIV² after Fraenkel) give Baltic and Germanic forms, but do not mention Slavic, which should be added.

in NRĚ, which admits an original meaning “to clean, to prepare for ploughing” by removing stones and stumps, which evolved into “to plough”.

For both “to sweep” and “to plough”, the present shows two different types, the productive *-am* inflection and a *-je-* type (R. *nauyý*), and sometimes both coexist within the same language (Cz. *pášu* / *páchám*): the *-am* type is a recent renewal after the infinitive *-ati*, the *-je-* type (*pašu*) is older. For “to sweep”, the infinitive **paxati* is clearly a remodelling of the phonetically regular **pasti* (< **pōk-tēi*, Lith. *puōšti*), which was homophonous with *pasti* “to pasture cattle” (< **peh₂s-*, Lat. *pāscō*), but the model of the renewal remains to be determined: most scholars admit the /x/ is “expressive” (Vaillant 1964; Shevelov 1964: 133), which is of course always possible, but nevertheless arbitrary. Another problem is that the root **peĕ-* is expected to show a circumflex intonation (which is systematic in Baltic: Lith. *puōšti*, *puoštiù*, Latv. *pūost*), whereas Cz. *páchati* apparently indicates an old acute intonation. There is also an acute intonation in South Slavic in S.-Cr. *pàhati* “to sweep / to blow dust away” and Sln. *páhati* “to dust, to blow dust away”, but it is contradicted by the intonation of S.-Cr. *páhati* “to dust”. Vaillant notices the problem of intonation and concludes that there has been a reorganization within Slavic, which is obviously the case. But this reorganization itself implies that there were two different homophonous stems, an acute one and a circumflex one, and contaminations between them.

We have seen that R. *naxamь* “to plough” and Pol. *pachać* “to dig, to spade” both refer to an agricultural process, and that the original meaning of **paxati* was likely to be “to plant a tool into the ground”. There is an Indo-European root which has precisely this meaning, the root **peh₂ĝ-* “to become / to make stiff, rigid”, hence “to plant”. This root has an enlarged variant **peh₂ĝ-s-*, which is well attested in many Indo-European languages.

The non-enlarged form is found in the verbal forms, Gr. *πῆγνυμι* “to plant”, Lat. *pango* “to plant”, Arm. *s-p^cacanim* (Medium) “to gird oneself (with a piece of armour)”, which all point to an old nasal-infixed formation (originally causative “to make stiff, to plant”)⁵, to which one can add the Skt. intensive *pāpaje* (RV 10, 105, 3) “remain firm forever”⁶. There are several nominal derivatives. On the full grade of the root **peh₂ĝ-*, we have Skt. *pājas-* “surface, form” (neuter *s*-stem, the exact meaning of which in the RV remains unclear, the original meaning is “that which is

⁵ Pace Schrijver 1991: 97, who considers that the infixed present of Latin is an innovation.

⁶ The form is built on a secondary root *paj-* and cannot reflect directly either **peh₂ĝ-* or **ph₂ĝ-*.

planted, stake, pole”), *pajrá-* “firm, solid” (with the effect of Lubotsky’s law, cf. below); Gr. *πηγάς* “firm, strong”, *πηγάς* “frost”; Lat. *pāgus* “stake, pole”, hence “territory, district”, because the stake marks the limit, and its derivative *pāgina* “vine arbour”, hence by metaphor “column (in a volumen), page”; Sl. *pazŭ* “joint” (R. *naz*, Cz., Pol. *paz*, Sln. *páz*), which is the exact counterpart of Lat. *pāgus*: the “joint”, the articulation, is the place where the pole is attached and planted. On the zero grade of the root **ph₂ĝ-*, we have Gr. *παγός* “rock”, *παγή* “trap, snare”, and compounds in *-πηγής* / *-παγής*, but these may be deverbal and not significant; Germ. **fäko-* (OSax. *fac* “stake”, hence “enclosure, field”, with the same evolution as Lat. *pāgus*, Germ. *Fach* “portion of territory”).

The enlarged variant **peh₂ĝ-s-* is found only in nominal derivatives, and there are no verbal forms, except denominative ones: Skt. *pakṣá-* “member, wing, side” (with the neuter *s*-stem doublet *pákṣas-*), the member being conceived of as being “planted” into the body; with secondary suffixes we have Gr. *πάχνη* “frost” (which makes things rigid), from **ph₂ĝs-nā*, unless it must be analyzed ***ph₂ĝ-snā* with **s* belonging to the suffix, since the enlarged root is not attested elsewhere in Greek and **-sno-* as a doublet of **-no-* is not rare; Lat. *pālus* “pole, stake” (**p(e)h₂ĝs-lo-*), diminutive *paxillus* “stake”, *pāla* “spade” or “stone set into a ring, used as a seal”, (**p(e)h₂ĝs-lā*), *pastinum* “hoe” (**p(e)h₂ĝs-to-no-*)⁷.

Finally, there is a variant with a voiceless final consonant **peh₂k-*, which is attested in Gr. *πάσσαλος* “nail” (< **ph₂k-ialo-*), Lat. *pax*, *pācis* “peace treaty” (with the same semantic evolution as that of *pactum* “treaty”, originally the participle of *pango*), in Germanic **φανχ-* in Got. *fahan*, OSax. *fangan* “to catch”, OHG *fahan*, once again a nasal-infix formation, and in the causative OSax. *fogian* “to adapt”. The voiceless form is found also probably in Skt. *páśa-* “tie, chain”⁸. The alternation between voiced and voiceless plosive in final root-position is well known and goes back to old athematic formations, where there was an assimilation to the following consonant (that of the ending or of the suffix), but in the case of **peh₂ĝ-(s)-* it is likely that the variant **peh₂k-*, with voiceless consonant, is partly due to the enlarged variant **peh₂ĝs- > *peh₂k-*, where assimilation was automatic.

⁷ *Pālus* and *pāla* in theory allow for an original full grade as well as for a zero grade, with compensatory lengthening in the sequence **-gsl-*.

⁸ It is possible that Iranian jav. *paiti.auua.pašāt* “one must tie together” belongs here: Kellens (1984: 109) considers this subjunctive form to be a mistake for *-pasāt*. But there remains the problem of the short [ä]: should we admit a secondary stem **pas-* derived from *pās-*?

Since **peh₂ĝ-* contains a laryngeal, the expected intonation in Slavic should be an acute.

Let us now return briefly to Lubotsky's law. In a paper published in 1981, A. Lubotsky proposed a law according to which a laryngeal is lost in certain phonetic contexts in Indo-Iranian, namely before voiced plosive itself followed by a consonant: CVHD > CVD, but CVHDC > CVḌC. The difference is probably the result of a difference in syllabation (CVH|D but CVHD|C). He took as his first example the root **peh₂ĝ-*: the law gives a straightforward explanation for the difference between *pájas* "surface, form" < **peh₂ĝ-os/es-*, and *pajrá-* "firm, strong" < **pe(h₂)ĝró-*; the short [ǎ] of the latter cannot be explained by a zero grade, which would give **pijra-*, nor by the full grade, which should give **pājra-* with [ā], therefore the etymological dictionaries list the form as problematic, when they do not simply exclude it. But with Lubotsky's law, *pajrá-* is regular⁹. Another form of the same root which presents the effect of the law is *pakṣá-* "wing, side", with the same abnormal short [ǎ], which goes back to **peh₂ĝs-o-*. Another etymology connecting *pakṣá-* with Lat. *pectus* "breast", involving different suffixes and different morphological types, **pek-t-os-* (neuter *s*-stem) / **pek-so-* (masculine thematic stem) is highly unlikely. Pisani's explanation (1981) from **pekḥo-* must at any rate be rejected for phonetic reasons.

It so happens that this form *pakṣá-* has an exact counterpart in Slavic, **paxŭ* < **peh₂kso-* "articulation", with a feminine doublet *paxa*, and a secondary specialization "articulation of the leg, groin" (usually for the masculine form: R. *nax*, Cz. *pach*) / "articulation of the arm, armpit" (usually for the feminine form: Pol. *pacha*, Ukr., dial. R. *naxa*, but USorb. *podpach*). The equation with Skt. *pakṣá-* is widely accepted (so for instance Vasmer, NRĚ, Mayrhofer) and the word is reconstructed as < **pākso-*. From the semantic point of view, the equation is straightforward: the Slavic meaning "articulation of the member" is derived from the meaning "member", the pair corresponds to that formed by Sl. *pazŭ* "joint" and Lat. *pāgus* "stake, pole", or, from a different root, Lat. *armus* "shoulder, upper part of the arm" and Gr. ὄρμος "articulation" (**h₂er-* "to adapt", cf. also the OSax. causative *fogian* "to adapt" from "to plant" < **poh₂k-(e)ie-*). From the formal point of view, however, there are two problems. The first one is the difference in quantity, with long [ā] in Slavic and short [ǎ] in Sanskrit. This is no longer a problem with Lubotsky's law, which operates

⁹ Another hypothesis has been proposed for *pajrá-*, namely that the adjective be based on a secondary root *paj-* < **ph₂-ŋ-ĝ-*, that of the nasal-infixd present stem (LIV² 461), but this is less satisfying to my mind.

only in Indo-Iranian: in Slavic the laryngeal was not lost, and the long [ā] is regular. The second problem is the treatment of [x] in Slavic, because **k̄s* usually yields **s* (cf. *osī* ‘axle’ < **h₂ek̄si-*, Lith. *ašis*, Lat. *axis*, *deśina* ‘right hand’ < **dek̄si-na-*, Skt. *dákṣina-*, *lososī* ‘salmon’ < **loks-o-*, Lith. *lašišà*, OHG *lahs*) and not **x*, which is the result of **ks* or **k^{us}* (*lixū* ‘superfluous, bad’ < **leik^{us}-o-*, cf. Gr. λείψανον)¹⁰. This is a stronger objection, but not decisive to my mind. We could have here a case of ‘Gutturalwechsel’, that is, a case where some *satəm* languages show the reflex of a pure velar instead of a palatal, whereas other *satəm* languages have the regular reflexes of the palatal (cf. the well-known example of Lith. *šėšuras* ‘step-father’, Skt. *śvāsura-* < **suekuro-* in front of Sl. *svekrū* derived from the feminine *svekry* < **suekrū*), with sometimes both reflexes in one and the same language, as in the well-known case of Slavic *kamen-* ‘stone’ < **akmen-* in front of Lith. *akmuõ* ‘stone’ < **h₂ek-mōn*, but *āšmenys* ‘edge’ < **h₂ek̄-men-*, Let. *akmens* ‘stone’ but *asmens* ‘edge’, Skt. *ásman-* ‘rock’: Indo-Iranian has consistently the reflex of **h₂ek̄-*, Slavic the reflex of **h₂ek-* and Baltic the reflex of both. These alternations are best explained by the fact that in some phonetic contexts (namely the vicinity of **s*, **r*, and **u*), palatalization was hindered, giving rise to two variants of the same root: this is the same process as the development of the variant **peh₂k̄-*, with voiceless plosive, from **peh₂ḡ-*, which started in contexts where there was an assimilation.

Could the root **peh₂ḡ-* have developed a variant **peh₂g-* with a pure velar, hence **peh₂gs-o-* > **peh₂ks-o-* > Sl. *paxū*¹¹? There are contexts which allow for this development, namely forms in *-r-* (Skt. *pajrá-*), in *-s-* (Skt. *pakṣá-* etc.), and maybe in *-u-* if Gr. πηγυλῖς ‘ice-cold’ is old and does not contain the secondary suffix *-υλῖς*. A particularly interesting form is the Sanskrit adjective *pañgú-* ‘lame, crippled, with disabled legs’ (AV, epic, class.), which could belong to the root **peh₂ḡ-*. The word has no etymology and is usually thought to be non Indo-European, because it has variants (Mayrhofer KEWA, EWAia). Deverbal *u*-adjectives, based on the desiderative, on the perfect stem, on the present stem, are productive in Sanskrit: cf. on nasal-infixed presents *bhindú-* ‘breaker’ (RV) / *bhinád-mi* ‘to split’ (**b^{heid-}*, Lat. *findo*), *-vindú-* ‘possessing’ / *vindati* ‘to find’, *vañkú-* (RV, the meaning of the word is not very clear) / *vañcati* ‘to move crookedly’, *vakrá-* ‘crooked’, *mandú-* ‘rejoicing’ / *máñdate* ‘to be drunk,

¹⁰ The same distinction between **k̄s* and **ks*, *k^{us}* is preserved in Iranian, where **k̄s* > *š* whereas **ks*, **k^{us}* > *xš* (Hoffmann/Forssman 1996: 103), while in Indian the opposition is systematically neutralized and **k̄s*, *ks* and **k^{us}* are all reflected as *ks*.

¹¹ On the problem of the Gutturalwechsel in sequences **k̄s* / **ks*, cf. A. Loma's article in this same volume.

to be delighted”, from *mad-* “to be drunk, to rejoice”¹² (Wackernagel — Debrunner II, 2: 465, 473)¹³. The meaning is that of a participle, active if based on an active verbal form, passive if based on a medio-passive one. *Pañgú-* could be based on the old nasal-infixed present attested by Gr. πήγνυμι, Lat. *pango*, Arm. *s-p^cacanim*, Got. *fahan* (< **fanchan*), but which is not attested in Indo-Iranian, where the root has no longer any verbal form except for the secondary intensive *pápa^hje*. For the meaning, one may compare the use of Gr. πήγνυμαι (passive) for rigid, frozen articulations (*Il.* 22, 452–3: νέρθε δὲ γούνα || πήγνυται “below me my knees are frozen”; Euripides, *Herc. fur.* 1395: ἄρθρα γὰρ πέπηγέ μου “my limbs are frozen”). Skt. *pañgú-* and Gr. πήγνυμαι could be the *disjecta membra* of a pair like *bhindú-* / *bhinádmi*, with *pañgú-* based on the old nasal-infixed present **ph₂-n-ġ-* or **ph₂-n-g-* (Sg. **ph₂neġ-*, Pl. **ph₂ñġ-* > **paġ-* remodelled into **panġ-* with a restored infix). The relationship between **peh₂ġ-* / **peh₂k̄-* (verbal root) and **peh₂g-* in *pañgú-* would be parallel to that between **peik̄-* (Skt. *pimśati* “to incise”, Sl. *pīšati* / *pisati* “to write”, *pīštrū* “many-coloured, motley”, formal match of Gr. πικρός) and the variant **peig-*, which is mainly found in forms with an infix, precisely, (Lat. *pingo* “to paint”, and in nominal derivatives Skt. *piṅgalá-*, *piṅgá-* “reddish”, Gr. πίγγαλος “sort of lizard”), but also without infix (Sl. *pěgŭ* “skewbald” < **poigo-*, in front of **poiko-* in Skt. *peśalá-* “adorned”, Gr. ποικίλος “many-coloured”). However, I admit that this explanation for *pañgú-* remains highly hypothetical, because of the absence of the verbal form in Indo-Iranian and because the non Indo-European origin of the word remains possible. But even in that case, leaving *pañgú-* out of the discussion, it remains that the coexistence of **peh₂ġ-* / **peh₂k̄-* and **peh₂g-* would be no more of a problem than that of **peik̄-* and **peig-* (variation in both roots between voiced and voiceless and between palatal and plain velar, originally contextually determined): Slavic has both **peik̄-* (*pīšati*, *pīštrū*) and **peig-* (*pěgŭ*), and could well have both **peh₂ġ-* (*pazŭ*) and **peh₂g-s-* (*paxŭ*).

To sum up, the fact that Sl. *paxŭ* reflects **peh₂kso-* (Skt. *paśá-* can reflect either **peh₂k̄so-* or **peh₂kso-*) is not in itself sufficient to reject the connection with **peh₂ġ-* / **peh₂k̄-* evidenced by Lubotsky for the Sanskrit word.

¹² According to Mayrhofer, KEWA, *mandate* is not a nasal-infixed form, but an old perfect **me-md-*: even if this were so, in synchrony it can only be interpreted as a nasal-infixed present stem.

¹³ G. Pinault objects that this type is old with reduplicated presents, but probably not with nasal-infixed ones.

There remains a problematic form, the Latvian word *paksīš* ‘corner of the house’, which is usually linked with Skt. *paḥṣá-*, Sl. *paxŭ*. The first problem is the short [ā] opposed to the long [ā̄] of Slavic. As soon as the short [ā] of Skt. *paḥṣá-* is recognized to be specific to Indo-Iranian by the effect of Lubotsky’s law, and to reflect an original full grade, it can no longer be equated with the short [ā̄] of the Latvian word, for which Lubotsky’s law cannot apply. Latvian should present the same long vowel as in Slavic, namely **o*. We could admit a zero grade **ph₂ks-o-* for Latvian, but the form would no longer be exactly parallel to that of Slavic and Indo-Iranian. Secondly, Indo-European **ks* normally yields *s* in Latvian (Latv. *ass* < **aḥsi-*, Lith. *ašis*, Sl. *osī*), and **ks* yields /kš/, by the action of the RUKI rule (Stang 1966: 95–96), not /ks/, which means that the sequence /ks/ is probably secondary. But it is true that the RUKI rule gave rise to allomorphs with [s] and [š] in suffixes, and that the distribution was blurred by analogical processes. Therefore, to save the link between *paksīš* and *paxŭ* / *paḥṣá-*, we would have to admit a different vocalism (zero grade in Latvian / full grade in Slavic and Sanskrit), a different suffix (**-i-* in Latvian / **-o-* in Slavic and Sanskrit) and an analogical reshaping of the suffix (*-si-* instead of *-ši-*). Although this is not absolutely impossible, it may be better to leave the Latvian form out of this group.

We then have in Indo-European two substantives meaning ‘that which is planted’, **peh₂ĝ-o-*, on the bare root, and **peh₂ĝs-o-* / **peh₂gs-o-*, on the enlarged variant. The first one is found in Lat. *pāgus* ‘stake’, hence ‘field, district’ (with the derived *pāgina*); with the anatomic meaning ‘member’ / ‘articulation’, we have Sl. *pazŭ* ‘joint’; the zero grade **ph₂ĝ-o-* is found in Germanic (OSax. *fac* ‘stake’, hence ‘enclosure, field’, Germ. *Fach*) and Greek (παγός ‘rock’). The second one, **peh₂gs-o-* is found in its proper meaning ‘stake’ in the Lat. diminutive *paxillus*, and in its derived anatomical meaning of ‘member’ / ‘articulation of the member’ in Skt. *paḥṣá-* and in Sl. *paxŭ*¹⁴. On this **peh₂gs-o-*, Latin has formed secondary derivatives in *-lo-*, *pālus* (< **peh₂gs-lo-*) ‘stake’ and *pāla* (< **peh₂gs-leh₂*) ‘spade’: the original **peh₂gs-o-* is preserved in the diminutive *paxillus*, which shows that Latin has inherited a **peh₂gs-o-* ‘that which is planted’ identical with Skt. *paḥṣá-* and Sl. *paxŭ*; the *-l-* forms are renewals of this **peh₂gs-o-*. Another secondary derivative, with another suffix, is *pastinum* ‘hoe’, from **peh₂gs-to-*. From the semantic point of view, *pāla* and *pastinum*, both referring to agricultural to-

¹⁴ I write conventionally **peh₂gs-o-* because the distinction between palatals and pure velars is not pertinent for *centum* languages, and the only *satəm* language non ambiguous form, that of Slavic, points to a pure velar.

ols used to work the ground with the same technique, indicate that **peh₂gs-o-* had developed the meaning “agricultural tool” or equivalent before the resuffixation: if two forms with two different suffixes (**-lo-* in *pāla*, **-to-* in *pastinum*) have the same meaning, this meaning was already that of the base term (**peh₂gs-o-*).

Now Slavic attests both **peh₂gs-o-* and **peh₂gs-eh₂* “that which is planted”, with the derived meaning “member / articulation”, meaning which is probably old, since it is found also in Skt. *paḥṣá-*. A straightforward explanation for the verb *paxati* “to plough / to dig” would be that it is a denominative of a **paxū* or **paxa* “that which is planted”, referring to a spade or other agricultural tool (Lat. *pāla*, *pastinum*): the initial meaning would be “to spade”, hence Pol. “to dig”, different from “to plough”, which is *orati* (**h₂erh₃₋*, Gr. ὀρώω, ἄροτρον, Lat. *arare*). In East Slavic, *paxati* “to spade” lost its specificity and came to be used as an equivalent for *orati* “to plough”, which it replaced eventually. Dal’ establishes a distinction between the two verbs: *оруть плугомъ, а наууть сохойъ*, which reflects the fact that the two verbs refer to the working of the ground with two different tools, though the opposition “plough” / “swing plough” is probably a renewal of an older opposition “plough” / “spade, hoe (or equivalent)”. It is plausible that the morphological type infinitive *-a-* / present *-je-* (*naxamъ, nauuy*) is modelled after *orati*, *orjō*, although this type is also attested for denominatives: compare *glagolū* / *glagolati*, *glagoljō*.

The connection of *paxati* with Lat. *pāla*, *pastinum* is not new, it was proposed by Pedersen (1895: 42) and Havet (1881), but it was not retained because the link with the root **peh₂ĝ-* was not made. The decisive step forward to solve the problem is to my mind Lubotsky’s law (1981), which ensured the connection of Skt. *paḥṣá-* to the root **peh₂ĝ-*, the equation between Skt. *paḥṣá-* and Slavic *paxъ*, and thus the connection of *paxъ* with *pazū* “joint” and **peh₂ĝ-(s)-*, casting a new light on this set of forms, and vindicating a century later the intuition of Pedersen.

We thus have two roots, **peh₂ĝ-(s)-* “to plant” and **peĕ-* “to clean”. For “to sweep”, Germanic and Baltic indicate a present **pōk-īe-*, infinitive **pōk-tēi*. This would give in Slavic a present *pašú* “I clean, I sweep”, which is the attested form, exact match of Lith. *puošiu*, and an infinitive **pastí*, corresponding to Lith. *puošti*, Latv. *pūost*. But this infinitive was homophonous with *pastí* “to pasture cattle”, from **peh₂s-* (Lat. *pāscō*). On the other hand, the present stem *paše-* (< **pōk-īe-*) was homophonous with *paše-* “to spade” (< **pāx-īe-* < **peh₂ks-īe-*). The language had thus the “choice”, so to speak, between two homophonic pairs, “to spade / to sweep” vs “to pasture” or “to spade” vs “to sweep / to pasture”. Apparently it was more important to preserve the distinction between “to pasture” and

"to sweep" than the distinction between "to spade" and "to sweep", and, owing to the homophony *pašq* "I spade" / *pašq* "I sweep", the infinitive **pastí* "to sweep" (< **pōk-tēi*) was remodelled into *paxati*, with the regular alternation $x \sim \check{s}$. This means that the /x/ in *paxati* "to sweep" is probably not expressive, but arose through morphonological rules from the present stem *paše-*, under the analogical influence of *paxati* "to spade", which is phonetic (< **ks*, secondary variant of **k̂s*).

The confusion between *paxati* "to spade" and *paxati* "to sweep" explains the apparent incoherence from the accentological point of view. According to the etymology, "to sweep" (**pek-*) should have a circumflex intonation, and "to spade, to plough" (**peh₂ĝ-*) an acute intonation. But this distribution is not preserved in Slavic in the verbal forms, where the situation is blurred: the confusion of the two roots led to a redistribution of the forms.

This may illustrate once again the fact that new advances in another field of Indo-European linguistics (in that case, Lubotsky's law for Indo-Iranian) can cast a new light on old problems, and that old etymologies which have not found their way into the standard etymological works because they were too imprecise at the time should be reexamined anew.

References

- Havet 1881** — L. Havet: Variétés, *Mémoires de la Société de Linguistique* 4, 85–88.
- Hoffmann/Forssman 1996** — K. Hoffmann, B. Forssman: *Avestische Laut- und Flexionslehre*, Innsbruck (Innsbrücker Beiträge zur Sprachwissenschaft 84).
- Kellens 1984** — J. Kellens: *Le verbe avestique*, Wiesbaden, Reichert.
- Linde** — S. B. Linde: *Słownik języka polskiego*, 2nd ed., Lwow 1854–1860.
- Lubotsky 1981** — A. Lubotsky: Gr. πῆγνυμι : Skt. *pajrá-* and loss of laryngeals before mediae in Indo-Iranian, *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 40, 133–138.
- NRĚ** — *Novoje v russskoj étimologii* I, Moskva, Rossijskaja akademija nauk, 2003.
- Pedersen 1895** — H. Pedersen: Das indogermanische *s* im Slavischen, *Indogermanische Forschungen* 5, 33–87.
- Pisani 1981** — V. Pisani: Alcuni casi di «suoni þ», *Indogermanische Forschungen* 86, 208–211.
- Schrijver** — P. Schrijver: *The reflexes of the PIE laryngeals in Latin*, Amsterdam / Atlanta 1991 (Leiden Studies in Indo-European 2).
- Shevelov 1964** — G. Shevelov: *Prehistory of Slavic. Historical phonology of the Slavic languages*, Heidelberg, Winter.
- Stang 1966** — Ch. Stang: *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*, Oslo.
- Trautmann 1923** — R. Trautmann: *Baltisch-Slawisches Wörterbuch*, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht.
- Vaillant 1964** — A. Vaillant: Notules, *Revue des Etudes Slaves* 43, 90–91.

Wackernagel/Debrunner — J. Wackernagel, A. Debrunner: *Altindische Grammatik*, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht; I (2nd ed. 1957), II, 1 (2nd ed. 1957), II, 2 (1954), III (2nd ed. 1975), *Register* by R. Hauschild (1964).

Клер Лефевр (Страсбург)

К этимологии русского глагола *пахать (землю)*

Резюме

Рус. *пахать (землю)* следует отделять от *пахать* «мести» < и.е. **pōk-je-* (лит. *piūšti*). Их совпадение может быть вторичным. По мнению автора, *пахать (землю)* восходит к и.е. **peh₂g-* «вбивать, вколачивать», от которого образовано имя **peh₂gso-*, обозначающее др.-инд. *paśā-* «член, крыло», с эффектом закона Луботского. Связь данных фактов указывает на мену гуттуральных в и.е. корне. Исходным значением **peh₂gso-* было «то, что вбито, вколочено», откуда анатомическое значение «член» и сельскохозяйственное «заступ» (см. лат. *pāla* «заступ» < **peh₂gs-leh₂*). Слав. **пахати* — деноминатив от **peh₂gso-* с первоначальным значением «копать заступом». В восточнославянском этот глагол стал синонимом глагола **orati* и в значительной степени вытеснил его.

claire.lefeuvre@umb.u-strasbg.fr

ISBN 978-86-7025-451-0, (2007), p. (307–323)

УДК 811.163.41'373.22

811.163.41'282

811.163.1'355

Александар Лома (Београд)

**Два српска дијалекатска архаизма
на балтословенском плану: *ѡренсла* (и сл.)
„*Prunus padus*“, *ѡремесла* „дијафрагма“***

Срп. дијал. назив дрвета *ѡријесла*, *ѡренсла*, *сријенсла*, *сренсла*, *сѡресла* своди се на псл. **čerm̃sla* (pored **serm̃sla*?) са најближом паралелом у лит. *šerm̃kšle*, даље у вези са псл. **čerm̃xa* / **čerm̃ixa* / **čerm̃sa* / **serm̃sa*, лет. *c̃erm̃ukša*, лит. *šerm̃ukšnis*. Словенски називи означавају '*Prunus padus*', но изворним треба сматрати балтско значење 'јаребика (*Sorbus aucuparia*)'. Реч је о дрвету коре изузетно богате танином и неће бити случајно што се на истом с.-х. терену кора за штављење зове *ѡријесло*; изгледа да се псл. предложак **čerslo* од **čer(s)ti*, *č̃br(t)q̃* 'сећи, гулити кору' укрстио са **čerm̃slo* како у том, тако и у значењу 'дијафрагма', срп. дијал. *ѡремесла* са истог терена према чеш. *tříslø* 'id.'. Даље се може поредити псл. **korm̃slo* / **č̃rm̃slo* 'обрамица', што води претпоставци сложене са првим чланом **(s)ker-* / *(s)kor-* 'кора' и другим **meuk(s)-* 'љуштити', са творбено-семантичком паралелом у псл. **(s)kor-lup-*, **(s)kor-lusk-* и са алтернацијама палаталног и непалаталног велара **k / k* у оба дела.

Кључне речи: етимологија, историјска фонетика, српски дијалекти, прасловенски, балтски, праиндоевропски, палатали.

Вук у другом издању свога Рјечника има из Боке назив за врсту дрвета *ѡријесла* „*Prunus austera*“ са придевом *ѡреслов* и изведеницом *ѡресловина* „*das Holz von тријесла*“.¹ Skok II 199 s.v. *криша* ову реч,

* Овај прилог је резултат рада на пројекту 148004: „Етимолошка истраживања српског језика и израда *Етимолошког речника српског језика*“, који у целини финансира Министарство науке Републике Србије.

¹ Грађа РСА даје потврде за екавски облик *ѡресла* али само из српско-немачких речника (Поповићев и Ристићев/Кангрин), где је он свакако плод вештачког екавизирања. Аутентична је потврда за облик *ѡресловине* f. pl. „заостаци од негдашњих трешања“ са краја XIX в. из старе Црне Горе (Трешњево, СЕЗб 39/1926, 636). Микротопономастичка грађа дана у Pulević/Samardžić 471 употпуњује слику распрострањености овог облика на црногорском подручју: *Тријесле* у селу Комарном у Црмници, *Тријешле* у селу Трнову исте области; уз ово друго име аутори напомињу да би се тај назив могао повезати са биљком *Prunus fruticosa*, коју понегде називају *ѡријесла*, *ѡресловина*, (*дивља*) *ѡрешиња*.

коју квалификује као изоловану, сврстава заједно са *ѡрѣшиња* < *чрешиња* међу рефлексе лат. *cerasus*, претпостављајући непотврђен лат. предлогак **ceresula*. Скоку је промакао облик *ѡренсла*, *ѡренсловина* „неко дрво јаког мириса“ који бележи РЈА са примером из Србско-далматинског магазина, број 26/5 из 1867, стр. 52: Чесан лук и тренсла дрво, од који(х) не могу никако трпјети мириса. РСА у својој грађи има из истог извора придев *ѡренслов* у примеру: Ваља заложити тренслових дрва на ватру и, са стр. 64, *ѡренсловина* f.: Бабе од вјештица ложе на ватру тренсловину, са варијантом *ѡренславина* забележеном у *Гласнику Еѡнографског музеја* за 1927. Контекст свих ових потврда је исти — обичај ложења ватре против вештица о Месним Покладама — а подручје Херцеговина. У свом чланку о именима биљака у Херцеговини (Извешт. Гимн. Мостар 1905, стр. 22) А. Пихлер даје за *Prunus Mahaleb* из околине Стоца, Билеће и Житомишљића *ѡрѣнсла* са варијантом *ѡрѣнсула*; за облик на *-ула* у значењу „тремза“ има још једна потврда из Херцеговине, а забележио га је и Светозар Ђоровић у Мостару као назив за дивљу трешњу коју треба калемити; Лука Грђић Бјелокосић има са истог терена у истом значењу *ѡрѣнсуља* (све по грађи РСА). Усамљена је микро-топонимска потврда за варијанту са дугим „јатом“ и назалом *Тријенсла* (Никшићке Рудине, Pulević/Samardžić 471).

Постоји и варијанта на *-с-*. У грађи РСА нашли смо само *сријемзла* *Prunus Mahaleb* L. са Виса, по Шулеку (Im. 375) и *сремеловина*² у примеру из Бос. Виле за 1911: На бијеле покладе наложити на ватру мало *сремеловине* где је опет реч о одбрани од вештица. Pulević/Samardžić 437 дд. наводе *сренсла*, *сријенсла* и *сресла* као назив за дивљу трешњу и низ микро-топонимских потврда са црногорског тла.³

Очито се ради о варијанти назива за дрво *Prunus padus*, *Prunus mahaleb* *сремза*, где почетно *-с-* алтернира у српско-хрватском са *-ц-* (*цремза*, *цримза*, *црѣмжа*) које је у штокавском дијалекту закономерно настало од псл. **č-* пред *-r-*, док се *-з-* објашњава секундарним озвучењем првобитног **-s-*, које се очувало у слн. *srĕmsa* поред *črĕmsa* / *črĕnsa* „*Prunus padus*“; други словенски језици показују на том месту *-x-*: рус. *черѣмха*, чеш. *střemcha*, такође слн. *črĕmha* итд. Алтернација *s-* / *č-* у анлауту још је прасловенска а заједничка је и балтском, где према лит. *šermùkšlė*, *šermùkšnis*, лет. *sĕrmauksis*, *sĕrmùkšs* имамо лет.

² Sic! Испис је ваљан, што сам утврдио провером извора (стр. 219); да ли је у њему можда посреди штампарска грешка уместо **сремсловина*, остаје отворено.

³ Мтоп. *Сријенсла* двапут у Бањанима, једном у Боци (село Камено изнад Херцег Новог), *Сренсла* bis, *Сренслице*, *Сренслишћа*, *Сренслова долина* bis, *Сренслове долине* bis, *Сренслова главица*, *Сренслова* (на топографској карти: *Сремслова*) *гомила*, *Сренслова ѡрла* све на подручју Опутне Рудине, *Сренслове ѡрине* на два места у Бањанима.

cĕrmukša, *cĕrmaũkša*, све у значењу „јеребика, *Sorbus aucuparia*“; ту је посредни један од случајева смене палаталног и непалаталног велара у балто-словенском. Варијанта на *ĩpr-* забележена је у Херцеговини и од облика фитонима без *-l-* *ĩprĕmza* = *цремза* „*Prunus Mahaleb*“ (грађа РСА); она се објашњава дисимилацијом *ĩsc > ĩi* под утицајем спиранта *s*, *z* или *sh* у следећем слогу; уп. *ĩĕstĩa* Босна, Далмација < *цĕstĩa* (Skok I 259). Аналоган развој запажа се у *ĩprešnja* < *црешња* < *чрешња*, топониму *Тремошњица* од *Цремошњица*, од *цремош* „дивљи лук, *Allium ursinum*“. Старији облик *црѣмсла* изгледа да је посведочен на терену Црне Горе у једној старосрпској повељи из XV в.⁴ Облици на *cp-* могли би се схватити као дублета типа **sermъsa* поред **ĉermъsa* са алтернацијом ие. палатала и велара, о којој ће још бити речи, а *-ĩi-* у облику **cĩpresla* (уп. *Cĩpreслове ĩорине* у Бањанима „по дрвету стресли“ Pulević/Samardžić 440) би у том случају било секундарно уметнуто у групу *cp-* насталу ликвидном метатезом, или ипак и ту треба поћи од облика на *чp-* > *цp-* са метатезом *ĩscp- > cĩsp-* и доцнијим испадањем *-ĩi-*; уп. западнословенске развоје **ĉermъxa* > пољ. *strzemcha*, чеш. *střemcha* поред пољ. *trzemcha*, стчеш. *třemcha*.⁵ Тиме се долази до реконструкције **ĉermъsla* (и **sermъsla*?) као варијанте од **ĉermъsa* / **ĉermъxa* поред **sermъsa*, са суфиксом *-l-* који има аналогiju у наведеном лит. облику *šermũkšlė*.

Овамо би могао спадати и један други дијалектизам са истог терена. А. Јовићевић забележио га је у Ријечкој нахији у значењу *ĩprĕмесла* f. „пречага између груди и трбуха у говеда“, са примером: Затим се покроји тремесла (ZNŽO XIII 114). Вјеслав Бориш, који је први скренуо пажњу на ову реч (Boryš 1978, 37–40), даје и пример из чланка о црногорској народној медицини Моја Медића (ZNŽO XX/1915, 27): сашео му је његову тремеслу првијем шавом, пак другијем његову кожу, уз објашњење израза *ĩpreмесла* „опна, талијански peritoneo, као подстава трбушна“. У грађи РСА нашли смо ову реч у значењу „препона између трбуха и ноге код човека“, са примером: Толико се напрезао да су му пукле тремесле; и тај запис је из Црне Горе. Бориш овој

⁴ У повељи Ивана Црнојевића о границама села Бајица, Бјелоша и Очинића (препис са почетка XVIII в.) данас Шекуларац (1987, 211) чита *црѣмъвѣ ц Црѣ .. њ*, док је ранији издавач Марко Драговић, Прилози за историју Црне Горе по „крисовуљу цетињском“, ЛМС 167 (1891) 3, стр. 1–21, стр. 18 читао *Цремелу*, што ће бити погрешно преписано или прочитано уместо *Црѣмсла* (уп. горе н. 2 *сремеловина*). У оснивачкој повељи манастира Мораче (препис из 1639. на зиду манастира) помиње се локалитет *црѣм’тица* (121). У зетско-дукљанским повељама помиње се и *Чремишиска Скала* (ibid. 245, регистар).

⁵ Слична варијантност у називу дивљег лука *cĩpriјемош* / *cĩpriјемуш* поред *сремеш* / *сремеш*; за прасловенски се и ту претпоставља дублета **ĉermuš-* / **sermuš-*, в. ниже.

изолованој речи приписује велику, чак балтословенску старину. Његова даља интерпретација заснована је на поређењу са стпрус. *kērmens* „трбух“; он претпоставља фонетски развој *īpремесла* < **чремесла* < **чремесла*, са *īp-* < *cp-* < *чp-* као у *īпрешња*, *Тremoшник* итд. и реконструисае праоблик **čermęsla*, у којем би првобитна изведеница на *-men-* ***čermę*, *-ene* = стпрус. *kērmens* била проширена суфиксом **-sla*. Основаним се чини Боришев суд да је посреди значајан архаизам, ваљаном – његова реконструкција гласовног развоја облика. Поређење са старопруском речју је на први поглед примамљиво, али реконструисани псл. облик **čermęsla* побуђује озбиљне недоумице у погледу реалности и мотивације суфикса.⁶ Уз то, Боришево тумачење оставља реч потпуно усамљеном на словенском плану. Она, међутим, има, на истом терену, врло блиску формалну паралелу у **čermъsla* > *чремсла* > *īпренсла*, са аналогним гласовним развитком какав смо горе претпоставили, а на ширем словенском плану налази семантичку паралелу у чеш. *tříсло* поред *stříсло* „дијафрагма“. Исти предлогак **čermъsla* могао се по испадању слабог полугласа семантички и формално раздвојити на назив за дрво са чувањем и даљим упрошћавањем групе *мсл* > *нсл* > *сл* и на назив за део тела са њеним разбијањем сварабхактичким вокалом боје наслоњене на вокал првог слога: *īпремсла* > *īпремесла*.⁷ Чеш. (*s*)*tříсло* могло је настати од **črěmslo* < *čermъslo* на исти начин као *īпријесла* од *чpђмсла* < **čermъsla*. Разлика у роду објашњавала би се, бар у случају назива за дијафрагму, сингуларизацијом множине средњег рода **čermъsla*.

Може се учинити да ни ова наша претпоставка не пружа убедљиво решење етимолошког проблема који пред нас поставља дијалектизам *īпремесла*, него пре отвара нова питања; једно је могућност да се успостави семантичка веза између назива за шумско дрво и за унутрашњу преграду у телу сисара, а друго — ваљаност досадашњег подвођења чешке речи (*s*)*tříсло* под псл. **čerslo* са веома разгранатом семантиком. Подробније разматрање тог реконструкта у његовим разним значењима — од којих су најраспрострањенија „раоник“ и „кора за штављење“ — приближиће нас одговору на оба питања.

⁶ Аутор сам признаје да у прасловенском нема потврде за суфикс **-sla*, али га допушта с обзиром на лит. *-sla* и на слов. *-slo* (Boryś 1978, 290). Заправо би једноставније било претпоставити да је *īпремесла* секундаран фемининум настао сингуларизацијом множине средњег рода изведенице на *-(s)lo*, но то је суфикс поствербалне, а не деноминалне творбе; као пример за ову последњу Бориш наводи псл. **črmy-slo* / **kormy-slo*, прихватајући за ту реч једну анализу која није вероватна, в. ниже.

⁷ Аналогију би пружао облик *сремеловина* (дисимилован од **сремесловина*?), ако је ваљан, уп. нап. 2.

Спорно је да ли је у случају псл. **čerslo* посреди један или два а можда и више различитих етимона. Прва могућност прихваћена је у ЭССЯ 4, 74–76, који реконструише у свим значењима **čert-slo* од глагола **čersti* „сећи“. Изворно значење било би „оно чиме се сече, оруђе за сечење (нож, раоник)“, у којем једино реч има индоевропске (заправо: балтске) паралеле, изведено — „оно што је одсечено (кора дрвета, летве за ограду)“, а пренесено — крста, појас (као део тела и као део одеће), бедра, полни органи, носна кост, дијафрагма, било каква преграда“. У SP 2:162 раздвојена су три значења у три посебне одреднице. Под *čerslo* 1. стављено је значење „раоник, лемех“, под *čerslo* 2. сабрана су значења „истуцана кора дрвета коришћена као штавило“, „дебела даска“, „узак свод отвора у зиду, горњи део улаза“, „ограда врта, тор од плетера“, „преграде у орачу“, а под *čerslo* 3. „део тела око појаса, крста, бедра, полни органи, препоне, дијафрагма; комадић, појас земље“. Прво значење било би *nomen instrumenti* од глагола сећи, а друго првобитно *nomen actionis* „сечење, гуљење“, одатле *nomen acti* „оно што је одсечено, одрано, кора дрвета“, док би се треће изводило из другог преко „појас одсечене коре“, уз указивање на некадашњу употребу појаса од коре дрвета као дела одеће, са којег би се реч онда пренела на појас као део тела и на околне делове тела. Како се види, и у SP се, без обзира на утрајање одреднице, претпоставља у свим значењима исти првобитни облик и иста етимологија, од **čert-* „сећи“. Вреди навести и мишљење Андре Вајана (Vaillant 1974, 552 д.), који стсл. *чѣрсла*, рус. *чѣресла* „крста“, чеш. *trísła* „препоне“ итд.⁸ заједно са стсл. *чѣрслъ* „појас, кеса“ изводи од *чѣрслъ* „кроз“, одвајајајући ту реч од **čerslo* „лемех“ као изведенице од **čьrt-* „сећи“, а за слн. *črěslo*, чеш. *tríslo* „танин“ узима да је трећа реч, мада, с обзиром на то да слн. реч значи и „кора дрвета“, одакле је деноминал *črěslati* „гулити кору“, и „преграда у плоду ораха“ допушта такође везу са *чѣрслъ* и основну семантику храстове коре која даје танин и скидања те коре.

Што се тиче назива за раоник, традиционално извођење од коре на **ker(t)-* „сећи“ чини се неспорним, с обзиром на синоним с.-х. *чр-шало* < **čьrtadlo* и балтске паралеле лит. *keřslas* „оруђе за пуштање крви, нож за стругање“, стпрус. *kersle* „секира“. Исти корен означава гуљење коре са дрвећа у укр. дијал. *чѣр(с)ми*, *чру*,⁹ што чини вероват-

⁸ У том значењу редовно у множини, што је могло пружити основ за сингуларизацију у *чрѣмесла* f., уп. чеш. *trísťla* f. (ЭССЯ 4, 74).

⁹ Иначе једини траг непроширеног **(s)ker-* „сећи“ у словенским језицима, уз делимично наслањање инфинитивне основе на **čersti*, *čьrtq*; балтску паралелу пружа лит. *skirti*, *skiriù* „делити, одвајати“, лет. *škiŗt* „id.“, уп. даље нем. *scheren* „стрићи“, гр. *κείρειν* „id.“, итд. (SP 2, 166 д.).

ном изведеницу на *-slo* одатле и у значењу „кора за штављење“, а опет од „трака огуљене коре“ до „трака, појас; телесна опна; преграда, препона“ пут се не чини предалек. Но срп. дијал. *џремесла* према чеш. *(s)tríslo* и варијантност *џренсла* : *џријесла* указују да су се, у значењима „дијафрагма“ и „штавило“, укрстила два сазвучна синонима. Тај утисак снажи чињеница да псл. реч **čerslo* „штавило“ у српско-хрватском показује исти фонетски развој и подударну деривацију као фитоним *џријесла*. То досад није запажено. Као једину потврду речи **čerslo* „кора за штављење“ на с.-х. простору Skok 1, 338 наводи кајк. *чрѐсло*, деноминал *чреслиџи*. Премакло му је (као и обома прасловенским речницима)¹⁰ да постоји варијанта *џријесло* „id., танин“, која претпоставља горе описани штокавски развој *чр-* > *чр-* и затим дисимилацију *ч* [тш] — *с* > *џ* — *с*. У грађи РСА налазимо екавске и јекавске облике основне речи и њене изведенице на *-овина*; с обзиром на њену досадашњу недовољну документованост (не бележе је ни Вук ни РЈА, а на тај том РСА још ће се чекати), наводимо те потврде исцрпно: тресло: Кажу, да помаже *џресло* од штављених кожа, кад се по лејама поспе (Ђ. Радић, Јагода, Н. Сад 1883, 95), тресловина: Од тих су састојака [лозе] за подрумара од велике важности: *џресловина* (Tanin, Gerbstoff) (Ј. Живковић, Подрумар. 7), ... да она [рујевина] садржи у себи од 5 до 19,75 процента *џресловине* (танина) (Срп. нов. 1884, 336), У кори се неког шумског дрвећа ... налази *treslovina*, која служи за штavljenje kože (Ђуро Ненадић, Основи шумарства, Загреб 1924, 343), Остали су делови пива шећер ... лупулин ... *џресловина* (Мл. Србадија I 1870, бр. 4, 167), Tanin, т. танин, *џресловина* (од растове коре за чињење кожа) (Настас Петровић, Француско-српски речник II 1883).; тријесло: Главни и споредни путеви [по баштама] остају једном за свагда, и с тога се патошу шљунком, ... пијеском, или *џријеслом* (чим се коже штаве) (Ђ. Радић, Повртарство, Панчево 1878, 51); може се hrast gajiti i kao sitna šuma, pak onda se dobivaju ... izvrsno *trieslo* (Gerberlohe) za kožare (В. Šulek, Šume 1866, 106), ... samo guljenje kore u hrastovoj sitnoj šumi (što je trebaju kožari za *trieslo*) prilično je izdašan dohodak ... (id. 114), Radi *trijesla* mnogo se traže i šiške koje stvara hrastov šiškar ... (Ђ. Nenađić, Osn. Šum. 1924, 63), Kora je ... crvenkasto smeđe boje, ... Ona se upotrebljava za *trijeslo* (za štavljenje kože) ... (id. 47), Za takov gnoj može se ... upotriebiti ... šumsko listje, strunuto (sprhnuto) drvo, *trieslo* (*čreslo*) ... itd. (Pučki prijatelj 1868, 41), *Trieslom* popravi se teško tlo, jer ga čini lahkim i prhkim (id. 48), *tri(je)slo* (Nast. vjesn. 4, 59); тријесловина: Млада hrastova kora puna je trijeslovine, pa se toga radi i mnogo prodaje

¹⁰ SP 2, 162 има само кајк. *čreslo*, ЭССЯ 4, 74 само из РЈА вештачки ијекавизирано *črijěslo*.

za uštavljenje kože (Nenadić 1924, 63); тако је врућа вода испирала из храстовине танин (*џријесловину*) (Козарац, Изабране прип. 68).

Као што се види, употреба је термилошка, али тешко може бити места сумњи да би посреди било пуко штокавизирање облика *чресло* (по узору на *џрешња* : *чрешња*) ради пуристичке замене туђице *џанин* у књижевном језику.¹¹ У најмању руку изведеница *џресловина* оставља утисак народске речи, а њена формална блискост са *џре(н)словина* при подударању ареала једва да може бити случајна, поготову ако је овај дендроним изворно означавао врсту дрвета изузетно богату танином. У том случају, потпуну паралелу пружао би деривациони ланац псл. **dǫbъ* „храст“ (дрво коре богате танином) → **dǫbiti* „штавити“ → истсл. *дубити* → *дуб* „штавило“. За сремзу, *Prunus radus* не располажемо релевантним подацима, али за врсту дрвета *Sorbus aucuparia*, јеребику, коју сродни називи означавају у балтским језицима, карактеристичан је висок садржај танина у кори, чак виши него код храста, због чега се њена кора у средњем веку употребљавала за штављење.¹² Посебно пада у очи да се на истом с.-х. терену изведеницом *џр(иј)есловина* означава и дрво сремзе, *џријесле* / *џренсле* (која је као денотат вероватно заменила јеребику) и кора за штављење, *џријесло*.

Чини се, дакле, да је на овом, југозападном с.-х. терену дошло до укрштања псл. изведенице на *-slo* од *čer(t)-* „гулити кору“ у значењима „огуљена кора (за штављење); телесна опна, дијафрагма“ и облика **čermъslo* другачије структуре, у вези са балтословенским називом за јеребику. Укрштању је свакако доприносило местимично упрошћење овога другог облика испадањем назала пред *s*, у чијем исходу су се његови рефлекси гласовно изједначили са онима псл. **čerslo*.¹³

Тако се у нашем досадашњем разматрању око балтско-словенског назива за *Prunus radus* и *Sorbus aucuparia* оцртало лексичко гнездо са прилично разгранатом семантиком, која позива на преиспитивање традиционалне етимологије овог дендронима. Обично се псл. *čermъxa*, лит. *šermùkšle* итд. везује за сазвучно балтословенско име дивљег лука, сремуса **čermušъ* / *čermuša*, лит. *kermùše*. Првобитни денотат би био управо дивљи лук, *Allium ursinum*, будући да за њего-

¹¹ Или евентуално бохемизам, уп. слч. *trieslo* „id.“ < чеш. *tríslo* (ЭССЯ I.c.).

¹² По Dűppele Lexikon s.v. *Eberesche*.

¹³ До испадања *t* могло је доћи и сразмерно рано, у вези са редоследом вршења двеју приближно синхроних појава, елиминације слабог полугласа и ликвидне метатезе у датим говорима; где је прва претходила другој, група *-rmsl-* била је тешко одржива и лако подложна упрошћењу у *-rsl-*.

во име постоје паралеле у другим индоевропским језицима: гр. κρόμ(μ)υον / κρέμ(μ)υον „бели лук, чешњак, *Allium sativum*“, стенгл. *hramsā* „црни лук, бели лук“, срп. *crem* / *crim* „бели лук“. Како врсте *Prunus padus* и *Sorbus aucuparia* имају цвет оштрог мириса, оне би према тој општеприхваћеној етимологији биле назване по дивљем луку.¹⁴ Такав пренос свакако је могућ, што између осталог илуструје горенаведени пример из РЈА: Чесан лук и тренсла дрво, од који(х) не могу никако трпјети мириса. Но употреба јеребикине коре у штављењу свакако је пружала снажнији мотив за деноминацију, а управо смо закључили да је прасловенски назив за штавило повезан са балтословенским називом за ово дрво. Можемо, додуше, остати при старој етимологији, по којој би јеребика била означена као „дрво са мирисом налик на дивљи лук“, и претпоставити да је онда назив за јеребику због богатства њене коре танином попримио, у облику **čermъslo*, значење штавила уопште. Но ако поближе размотримо наизглед убедљив ланац етимолошког повезивања који од назива за бели и дивљи лук у грчком, германском и келтском преко имена исте биљке у балтском и словенском води до балтословенског назива за дрвета јеребику и сремзу, открићемо у њему неке слабе карике. На основу гр. κρόμ(μ)υον / κρέμ(μ)υον, стенгл. *hramsā*, ствнем. *ramusia* долази се, занемаривши проблем који поставља удвојено *m* грчког облика, до вероватне реконструкције **krémus-* / **krómus-*, но балтословенски синоним претпоставља другачији вид корена **kerm-*, а не **krem-*. Ту се, дакле, мора за невољу допустити редак „Schwebeablaut“. Други проблем поставља поређење суфикаса. Германски облик фитонима „*Allium sativum* / *ursinum*“ претпоставља суфиксално *-us-*, а грчки облик допушта ту претпоставку као и словенски, будући да се словенско *-ušъ* / *-uša* и балтско *-uše* дају свести на *-(o)usio-* / *-(o)usiā*. Што се, међутим, тиче назива за „*Sorbus aucuparia*, *Prunus padus*“, он у балтском на том месту доследно показује не очекивано *š* као рефлекс пие. *s* иза *u*, него групу *kš* која рефлектује пие. *ks* са веларним оклузивом; у словенском пак варирају *x* и *s*, и док псл. **x* иза *u* може рефлектовати како пие. **s*, тако и **ks*, **s* у том положају, с обзиром на *ruki*-правило, не може рефлектовати пие. **s* већ само *k* или групу *ks*.¹⁵ Дакле имамо код назива за лук вокализам *-re/ro-* и суфикс **-us-*, а код назива за дрво вокализам *-er-* и суфикс *-uks-/uks-*. Несводивост како коренских, тако и су-

¹⁴ Трубачов тој семантичкој спони претпоставља као тешњу и специфичнију црвљивост, склоност труљењу јеребике, која се на немачком зове *Faulbaum*, и полази од пие. **krm-* / **kerm-* „црв“ > псл. **čьrть*, лет. *čërme* (ЭССЯ 4, 68).

¹⁵ То ограничење важи, додуше, само за оне словенске облике као слн. *srêmsa*, *črêmsa*, где иза *s* не долази консонант *l* у својству суфиксалног проширења (о којем в.

фиксалних делова двају фитонима на заједнички праоблик, уз различитост денотата, пре указује на површну и случајну сазвучност двеју речи него на њихово прасродство. При том обема заједничка алтернација палаталног и непалаталног гутурала у анлауту не пружа противаргумент у прилог њиховог етимолошког сродства, јер је реч о појави ширег домаћаја, коју, видели смо, ваља допустити и у другом слогу дендронима. Тиме долазимо до реконструкције псл. **Kerm(o)uKs-* „јаребика“, са варијантношћу палатал/велар на два места.¹⁶ Реконструисана структура тешко се може интерпретирати као суфиксална изведеница и пре указује на сложеницу, у којој је морфолошка граница могла ићи и иза и испред *m*: **K(e/o)rm-(o)uKs-* или **K(e/o)r-m(o)uKs-*. За ову другу могућност поделе говоре неке упоредиве формације:

**(s)kor-lup-* > рус. *королюпы*, с.-х. *Кралуйи*, чеш. *Kralupy*, с.-х. дијал. (ист.) *крављуйина* „опна, љуска, кора која се сљушти са дрвета, крљушт“, стсл. *скралоуџпа*, слн. *skralûp*, са *rl* > *r(r)* с.-х. *скоруџ*, итд.

**(s)kor-lusk-* блр. *каралюшчо* „љуска јажета“, **(s)koro-lušča*, **kър-luščъ* „рибља крљушт“, рус. дијал. *корљушина* „краста на зараслој рани“.¹⁷

У првом делу у оба случаја је корен речи **(s)kora*, тачније коренска именица од које је тај самостални облик *a*-основе настао сингуларизацијом њеног колектива на **-ā* < *-eH₂*.¹⁸ Како је првобитна атематска промена морала бити скопчана са апофонијом, у **K(e/o)r-m(o)uKs-* имали бисмо *e*-превој **(s)ker-* према **(s)kor-*, **kor-* у првом делу горенаведених сложеница. Могућу формалну паралелу пружају два старогрчка глагола у значењу „грдити, ружити“, *κέρτομεῖν* и *σкерβόλλειν*, чије би дословно значење било „сећи“ (τομέω каузатив од τέμ-ν-ειν) односно „гулити“ (βόλλειν ~ сл. **golъ*, **guliti?*)¹⁹

ниже), али ако би се у облицима са *-sl-* оно сводило на праие. **-sl-*, онда му у литавском не би одговарало *-kšl-*, већ *-sl-*, уп. горе наведен облик лит. *kešlas* ~ псл. **čerslo* „лемех“.

¹⁶ Великим *K* означавамо место алтернације безвучног велара и палатала.

¹⁷ Трећи могућ пример била би **kor-sta* „краста“, са глаголским кореном од **sta-ti* као другим чланом; но како та могућност није извесна (Трубачов ЭССЯ 11, 95 види у **sta* суфикс), а семантика је другачија од овде разматране, боље је оставити ту реч по страни.

¹⁸ Претпоставка усвојена у ЭССЯ 11, 90 о првобитности ликова са везивним вокалом **koro-(lup-/lušč-)* и третманом *torot* као *tort* на словенском југу и западу чини се непотребном.

¹⁹ Вероватна веза између придева и глагола обично се формализује претпоставком *Schwebeablaut*-а **guol-* / **goul-* (тако Трубачов у ЭССЯ 7, 171), но пре би ваљало узети да је **golъ* < **g^hol-os*, а да се *u*-вокализам глагола **goul-* / **geul-* (> **zuliti*)

„кору“ или „кожу“ (* (σ) кер-); као и код сл. **koriti*, у основи би била метафора гуљења, огољавања, разобличавања.²⁰ Атематски карактер предњег члана чини мање вероватном могућност поствербалне творбе од балтосл. *(*s*)*ker-ti* „гулити кору“ (в. горе нап. 9) независне од **kor^o*, **kora*.

У *(*s*)*kor-lup-*, *(*s*)*kor-lusk-* други део су глаголске основе *lup-*, *lusk-* са семантиком гуљења, а значења су углавном резултативна: „о-но што се гули, љушти, скида“. Подсетимо да **čerslo* „штавило“, у нашој реконструкцији **čermъslo*, конкретно значи траке огуљене коре за штављење. Најпре бисмо, дакле, у другом делу сложенице **m(o)uKs-* могли очекивати неки глаголски корен у значењу „скидати, љуштити, гулити“. Такав корен постоји. Реконструирше се као **meuk-*, у основном значењу „од-/раз-решити; скинути, огулити“ (LIV 443 д.: „losbinden; abstreifen“). Реконструкција са веларним *k* заснива се на староиндијском *muñcāti* „дреши, ослобађа“, *moka-* „одрана кожа“ итд., и на балтско-словенском поредбеном материјалу: лит. *maukiti*, *maūkti* „гулити, драти“, одатле *maūkna* „лико, луб“, *munkū*, *mūkti* „умаћи“, псл. **mъkti*, поред лит. *smaūkti* „скидати, свлачити“, псл. **smukati*, **smykati* „чупати, тргати“; од кентумских језика посведочен је у грчком, латинском и ирском где му је значење, међутим, конкретизовано на ослобађање од слина, усекњивање (гр. ἄπο-μύσσω, лат. *ē-mungere*, кимр. *smūc*, *smug* „слине“). Као варијанта са палаталним ауслаутом досад је препознат само староперсијски глагол *muθ-* „умаћи“.²¹ Палатално *k* претпостављају и неке словенске речи које је тешко одвојити од овог глаголског корена, с обзиром на његово значе-

секундарно развио иза лабиовелара у редукованој бази **guol-* > **gūl-*, како то сам Трубачов у ЭССЯ 13, 125 претпоставља за **kuriti* / **čuriti* према лит. *kūrti*.

²⁰ Могуће је да се у **koriti* деноминал од **kor(a)-* укрестио са деноминалом од праие. **kori-* „војска“ у значењу „заповедати војском“, уп. А. Лома у ОП 18/2005, 27. Што се тиче грчких глагола, оба иначе слове као етимолошки нејасна. За κερτομεῖν овде се предлаже, у ствари, само модификација Prellwitz-ове етимологије, коју наводе Chantraine I 521 и Frisk I 832 а најскорије је прихвата Perpillou 1996, 112 дд., по којој би у првом делу био корен глагола κείρειν „сећи, стрићи“, пие. *(*s*)*ker-*, одакле се изводи и слов. *(*s*)*kora*); уместо таутолошког споја два синонимна глагола претпостављамо, на првом месту, поствербал * „одсечено“ > „кора, кожа“. За σκερβόλλω Chantraine (IV) 1015 s.v. помишља на сложеницу првим делом у вези са σκῶρ „измет“ а другим са βάλ-λειν „бацати“ (уп. и Frisk II 726 s.v.); О. Szemerényi, Gnomon 53/1981, 114 наводи J. Knobloch-а који поткрепљује такво тумачење семантичком паралелом нем. *besheifen*. Но повезивање σкер- са σκῶρ (ген. σκατός) формално је проблематично, тим пре што се њиме σκερβόλλειν одваја од синонимног и структурно сличног κερτομεῖν.

²¹ Потврђен је аорист *amuθa* (*hadā kamnaibiš asabāraibiš amuθa* „са малим бројем коњаника побеже“, формула у Даријевом натпису из Бехистуна).

ње у грчком и латинском: укр., блр. *муса* „(кравља) њушка“, слн. *ти-са* „прљава жена или крава“, с.-х. *мусав* „прљав око уста, слинав“, **musti, musati* „слинити“ само у изведеницама рус. дијал. *мусáла* „чељуст, подбрадак и сл.“, *мúсли* „слине“, одатле деноминал *мúслишь* „слинити“.²²

На семантику телесних излучевина може се свести источнословенска породица речи рус. дијал., блр. *мусьика* „гној“, блр. *мúсока* „сукрвица, крв из носа од удара“ (такође *мúсык* т. „гној“ СРНГ 18, 367). У ЭССЯ 20, 197 она се подводи под **muska* заједно са рус. дијал. *мúсока* „горка, слана морска вода“ и даље везује са **muskati* „гладити“, **muzga, *muzgati*.²³ Како за праоблик **muska* нема потврде у расположивој грађи, треба узети озбиљно у ЭССЯ I.c. одбачену могућност да је посредни сложенец са другим делом у вези са **sokъ*; у најмању руку одредница **obsoka* у истом речнику id. 30, 6 показује изразит паралелизам значења („гној, сукрвица, вода у којој се усолјава свињско месо, итд.“). Пре него експресивни префикс **mi-* (?) валао би допустити укрштање са **mis-* „лучити течност“, ако већ не и сложенцу са тим кореном у првом делу.²⁴

Од облика без *-l-* могуће је да овамо спада српски дијалектизам (са истог терена одакле *ѿренсла* и *ѿремесла*) *мúскаѿи се* „осећати глад, жеђ, прохтев, жељу за јелом и пићем“: Миска му се на вино ЦГ, Јовић. 1. Гладноме се миска кад некога види да једе id., РЈА, *мúснуйи се* „добити, осетити жељу за неком храном“: Кад ко пожели што изјести, нпр. боник или тешка жена, те се рече: миснуло јој се на јабуку Зоре, Рад ЈА 110, 225. Миснути се (кому на што, пожељети што, изјести, вели се о боник) Бока Которска, Словин. 1883, 231, Поп. Ђ. 4, РЈА (по РСА). Како се глагол употребљава једино са храном као објектом, вероватном

²² Већ је Петерсон поредио ову сл. породицу са гр. $\mu\acute{\upsilon}\xi\alpha, \acute{\alpha}\lambda\alpha\upsilon\acute{\iota}\sigma\sigma\omega$, лат. *mīcus*, срп. *мукљив* „влажан“ (по Фасмер III 16 s.v. *муслить*). Сам Фасмер I.c. претпоставља том тумачењу везу са гр. $\mu\acute{\upsilon}\delta\omicron\varsigma$ т. „влага, плесан“, $\mu\upsilon\delta\acute{\alpha}\omega$ „бити влажан, покварити се од влаге“, која је могућа само уз ad hoc претпоставку *s-*проширења. Слично ЭССЯ 20, 198 своди **musl-* на **mud-sl-* у вези са гр. $\mu\acute{\upsilon}\xi\omega$ „сисати“, но *l* је ту свакако секундарно, како то показују ниже размотрени словенски облици.

²³ ЭССЯ 20, 202 д.; уп. тамо буг. *мúзгобелка* „стабло младог бора или јеле очишћено од коре“ слн. *múzgati* „скидати целу кору са штапа не оштетивши је“ (Pleteršnik I 617 са примером: *vřba se da muzgati*); ако је изворни лик **muskati*, како се то тамо претпоставља, онда би се бар ова значења пре него са лит. *máuti* „гладити“ (тако ЭССЯ 20, 198) могла поредити са лит. *maĩkti* и сврстати овамо.

²⁴ Занимљива је, у том контексту, и рус. реч *мúсор* „отпаци, смеће“; у својој напомени уз Фасмер III 17 s.v. Трубачов за њу и за *бúсор* „стареж“ претпоставља исто, турско порекло, али у ЭССЯ 20, 199 даје одредницу **musorъ* са знаком питања и помишља на сложенцу **mi-sorъ* са експресивним **mi-* и **sorъ*.

се и овде чини изворна семантика лучења телесне течности, уп. с.-х. *навире му вода на усѣа* „осећа велику жељу за нечим“ (РСА 2, 724b s.v. *вода*),²⁵ у том случају псл. **mys-ka-ti*, **mys-ŋq-ti*, у превоју дужења нулске базе пие. **mūk-* према **mouk-* > псл. *mus-*.

У староиндијском, глаголски корен **meuk-* јавља се и са проширењем *-s-*, вероватно десидеративног порекла: *mokṣa-* „ослобођење“ итд.²⁶ Једна тако проширена основа може објаснити и други део у лет. *čęr-mukša*, лит. *šer-mùkšle*, *šer-mùkšnis*; формално би одговарало псл. **mъx-/ *mux-* у **čer-mъxa*, *čer-muxa*, док би **mъs- / mus-* представљало варијанту са палаталним *k* иза кога је могло а није морало стајати *s*: **m(o)uk(s)*.

Даље треба указати на формалну блискост реконструисане сложенице сл. **čer-mъs(l)-a*, **čer-mъx-a*, **ser-mъs(l)-a* и сл. „огуљена кора, трака; дрво са којег се кора гули“ са прасл. **čьrmyslo* у кашубском *čärměslë* „обрамица“ поред **kormyslo* у руском *коромысло* „id.“. Изворно значење било би **„дрво са којег је огуљена кора“*, или можда **„предмет од јеребиковине“* (уп. рус. *коромысло рябиновое*), мање вероватно **„пречага“* (ипак уп. горе дефиницију за *йрѣмесла!*).

Коначно, у контексту овог разматрања ваља се осврнути и на рус. дијал. *мысь* Псков, *мысль* *ibid.*, Свердловск „веверица“, посведочено можда већ у „Слову о Полку Игореве“, у ЭССЯ 21, 52 реконструисано као **mystľ* у вези са лат. *müstēla* „ласица“, осет. *mystulæg* „id.“; но та реконструкција занемарује како присуство вокала иза *-t-* и у латинском и у осетском облику, тако и руски облик без *-л-*. Стога би се смело помишљати и на поствербал од **mys-ti* „гулити, драти“. Могућу семантичку паралелу пружало би *белка* „веверица; крзно веверице и сличних животиња“; претпоставци да је изворно реч означавала посебно цењену врсту беле боје и њено крзно, може се као алтернатива поставити извођење од глагола **běliti* са (још прасловенским) специјализованим значењем „гулити (кору), љуштити (кору, опну), драти

²⁵ Skok II 431 ставља под реч *mīsaο*, за коју претпоставља првобитно значење „poželjeti nešto“. Ипак се, засад, не види довољан семантички основ да се овамо укључи и псл. **mysľ*, које, ваља рећи, нема убедљиве етимологије. Нека нам ипак буде допуштено да укажемо на паралелизам употребе речи **mysliti se*, **mysľ* у рус. дијал. *мыслиться* „нравится“: как мне эта постройка мыслиться Покр. Влад. 1910, *ibid.* s.v. 2. *мысль* сметана вам не по мысли Шуйск. Влад. Водарский (СРНГ 19, 62). Занимљива је и упоредност облика *муслить* „мислити, премишљати“ и *муслиться* „слинити (плачући)“ на истом, северозападном руском подручју (Псковска и Тверска губернија, СРНГ 18, 364 д.).

²⁶ Слично образовање гр. *μύξα* „слуз, слине“ Фриск објашњава као рефлекс сигматске основе одражене у лат. *mūcor* „плесан, среш, влага“ (Frisk II 277).

(кожу)²⁷ Суфикс *-lb* имао би ту резултативно значење: „оно што је скинуто, одрано“ као нпр. стсл. **сѣхль** „осушена дрва“ од **sъxnŋoti* (Vaillant 1974, 557 д.).

Што се тиче дендронима **čermъsla*, лит. *šermùkšle*, елеменат *-l-* се и ту јасно очитује као секундаран с обзиром на псл. **čermъsa*, **čermъxa*, лет. *cērmukša* итд. За **čer(mъ)slo* (n.pl. > f.sg. *-sla*) „пречага, преграда; штавило“ и **čermyslo* / **kormyslo* „обрамица“, немамо паралелних облика без *-l-*, но како су посреди *nomina instrumenti* ту бисмо имали посла са псл. суфиксом *-lo* као нпр. у **greb-lo* „весло“ или *-slo* као нпр. у **vez-slo* > **veslo*; у првом случају ваљало би претпоставити глаголску основу проширену на *-s-* **mukš-*, у другом би се могло радити и о простој **muk-*. Од литавских облика старији ће бити *šermùkšlė*, где би глаголски корен **mukš-* био проширен суфиксом **-liā* за *nomina instrumenti*, уп. *knyslė* „рило“ поред *knỹsis* „ривење“, *rėplės* f.pl. „клешта“ од *rėpti* „обухватати“, итд. (Otrębski 1965, 106), прасл. *-l'a* у **grabl'ę* „грабље“ итд. (Sławski 1974, 106), а *šermùkšnis* је могло настати одатле наслањањем на деминутивни суфикс *-Vkšnis* / *-Vkšlis* (уп. Otrębski 1965, 215 д.). Образовање **čermъs-la* најпре се може поредити са псл. изведеницама на *-la* као **met-la* од **met-* „мести“, **tesla* од **tes-ati* итд. (уп. Vaillant 1974, 550 д., Sławski 1974, 104 д.), које такође означавају оруђе или средство вршења глаголске радње (овде: штављења!). У свим овим случајевима посреди су суфикси поствербалне творбе, што би поткрепљивало горе изнесену претпоставку да у претходном елементу *-mъs-*, *-mъx-*, *-mux-*, *-mys-* (у варијанти **čermuxa*), балт. *mukš-* треба видети превојне варијанте глаголског корена *meuk(s)-* (**muK(s)-*, **mouK(s)-*, **mūK(s)-*) са варијацијом веларног **k* и палаталног **k̑* у ауслауту.

Древна балтословенска сложеница коју овде реконструирамо није занимљива само за историју материјалне културе, с обзиром на своје семантичко гранање у разне животне сфере (штављење коже, пренос терета, животињска и људска анатомија, фитонимија), већ и за један од средишњих проблема историјске фонологије балтских и словенских језика, а то је присуство у њима паралелних кентумских и сатемских ликова. Имамо пред собом, наиме, јединствен случај када се може посматрати понашање двају палатала унутар исте речи. С обзиром да се ниједан праиндоевропски корен не реконструира са два палатала, а да нема ни праиндоевропских суфикаса који би садржали палатал, такву могућност може пружити једино сложена реч. У балто-

²⁷ У том случају и севернословенска реч **myslivъсь* „довац“ изворно би значила „дерач кожа“, а не „мислилац“, како се обично тумачи (уп. ЭССЯ 21, 47 s.v.) .

словенском називу за *Sorbus aucuparia* (*Prunus padus*) запажају се следеће варијације палаталности:

- 1) велар — велар: **kermuks-* > **čermъxa*, лет. *cērmukša*;
- 2) велар — палатал: **kermuks-* > **čermъsla*;
- 3) палатал — велар: **ķermuks-* > лит. *šermùkšle*, *šermùkšnis*;
- 4) палатал — палатал: **ķermuks-* > **sermъsa*.

Да бисмо разумели ову варијантност, треба се осврнути на механизам и процес сатемизације. У њему ваља претпоставити следеће фазе, овде илустроване на примеру безвучног палатала и његовог развоја у пие. називу за број десет **dek̥m*. Полазна тачка била је фонологизација испрва позиционо условљених умекшаних алофона веларних гутурала у „протосатемским“ дијалектима познопраиндоевропског језика:

1. **[k̥]* > **k̥*;
- 2) **k̥* > **k̥s̥*, уп. фин. (*kah-/yh-*)*deksän* „8, 9“;²⁸
- 3) **k̥s̥* > **t̥s̥* (ć), уп. нуристански (кати) *duc* [duts];
- 4а) **t̥s̥* > **ʃ* (стперс. *daʃa°*, алб. **djeth* > *dhjetë*);
- 4б) **t̥s̥* > **s̥* (стинд. *daśa*);
- 5) **s̥* > *š* [ʃ] (лит. *dėšim-t*) / *s* (авест. *dasa*, јерм. *tasn*, стпрус. *desim-p-ts*, лет. *desmit*, псл. *desę-tь*).

Посебан случај представља развој групе **ķs*. У балтском, словенском и иранском вршила се прогресивна асимилација денталног спираанта палаталном: **ķs̥s-* > **ķs̥-*: **deķsino-* > авест. *dašina-*, лит. *dėšinas*, прасл. **desъnъ*, очувала се дакле дистинкција између **ks* и **k(u)s-* (> ав. *xš*, балт. *kš*, сл. *x*), док се у староиндијском дисимилација вршила у обратном смеру: **ķs̥s-* > **ks*, те је у њеном исходу палатал бивао депалатализован: стинд. *dáksina-* (*sa s* > *š* [ʃ] по *ruki*-правилу); дакле, у положају пред *s* дистинкција између праие. **ķ* и **k(u)* ту је неутрализована.

Током прве и друге фазе, док гласовни развој још није био предалеко одмакао, били су могући дисимилаторно-асимилаторни процеси, а такође уједначавања по аналогiji. Мејеова дисимилација²⁹ у случајевима као **kosa* „falx“ уместо ***sosa* < **kos-* (уп. стинд. *śas-trám* „нож“)³⁰ замислива је само у другој фази, кад је спираантиза-

²⁸ Позајмица из неког „протосатемског“ дијалекта. Аналоган назив пружало би лит. *túksantis* ‘1000’ као позајмица из прасловенског, уп. Трубачев 1973, 305 д.

²⁹ Меје је претпостављао дисимилацију према **s*, но може се допустити да су и други контексти (близина *r*, *u*) спречавали палатализацију и доводили до настанка дублетних форми, уп. у овом зборнику рад колегинице Lefeuivre, стр. 271.

ција већ била почела али се још чувао веларни призвук испред фрикатива: $*ksVs-$ > $kVs-$. У случају да су се два палатала нашла у истој (сложеној) речи, дисимилација или асимилација била је такође могућа у тој, али већ и у првој фази са фонологизованом меким $*k̄$. Тада је могла деловати и аналогија. На пример, $*x < *ks$ у псл. дијал. **proxa* према регуларном $*s < k̄s$ у **proso*, стпрус. *prasan* ~ тох. В *proksa* 'врста (јела од?) житарица' може се објаснити аналогијом према (дисимилованом) $*kos-$ у $*kosa$, $*kositi$, ако се прихвати етимологија по којој би у основи била префиксална сложеница $*pro-k̄som$ (g^{heitom}) '(жито) које се *прво коси*, тј. пре доспева за жетву од осталих врста'.³¹

Што се тиче наше сложенице, док је код њеног другог члана присутно колебање на прајезичкој равни $*(s)meuk-s-$ / $*(s)meuk̄-s-$, за први, именски, $*(s)ker-$ / $(s)kor-$ нема индикација палаталног анлаута. Стога пре него о дисимилацији два палатала овде може бити речи о регресивној асимилацији палаталности, можда удруженој са метатезом иницијалне групе у варијанти анлаута са *s-mobile* $*sker-$ > $*k̄šer-$ > $*k̄šer-$.

Ако смо у праву када псл. $*m̄k-$ / $*(s)myk-$ и $*mus-$ / $*mys-$ своди-мо на исти праие. корен $*(s)meuk-$ / $*(s)meuk̄-$, запажа се семантичко раздвајање варијанте са веларним $*k$ која је остала везана за основну семантику „уклањања, скидања“ од оне са $*k̄ > s$ чије се значење сузило на лучење течности, пре свега телесних. Овде разматрана сложеница очитује стање пре те семантичко-фонетске бифуркације, јер у њој и за $*-m̄x-$ са веларним и за $*-m̄s(l)-$, $*-mys(l)-$ са палаталним рефлексом ваља претпоставити семантику „скидања, гуљења“. То се уосталом слаже са чињеницом да је посредни заједничко балтско-словенско образовање које нам, уз друге примере као $*kosa$, $*proso$, $*proxa$, $sermuš$ / $čermuš$, $*brusiti$ према лит. *braũkti* итд., говори нешто о географији и хронологији познопраиндоевропске палатализације, потврђујући да је у њој балтско-словенски ареал (а донекле и старои-дијски) имао периферан положај у односу на (прото)ирански иновациони центар. Стога је то у балтском и словенском био сразмерно по-

³⁰ Међу случајеве у којима се такво објашњење чини делотворним може се убројати и горепоменути $*kermous-$ > 'срмуш' > $*čermuš$ / $sermuš$, а такође $*gosty$ уместо $**zosty < *ghostis$ „(странац) који се поздравља руковањем“ према стинд. *hásta-*, ав. *zasta-* „рука“ итд. (детаљно у мом прилогу предатом за зборник XII конференције Индоевропског друштва [Indogermanische Gesellschaft] одржане у Кракову октобра 2004).

³¹ Детаљно у мом прилогу предатом за зборник скупа *Symposium Baltic languages, Slavic languages: contact, confrontation, comparison*, одржаног у Паризу априла 2006.

зан и у извесној мери реверзибилан процес непотпуног домашаја, са колебањима присутним и унутар ужих дијалекатских целина.

Литература

- ЛМС — *Лейойис Маџице срџске*, Нови Сад.
 ОП — *Ономаџолошки прилози*, Београд.
 СЕЗБ — *Срџски еџнографски зборник*, Београд
 Трубачев 1973 — О. Н. Трубачев, Лексикографија и етимологија, *Славянское языкознание*, VII међународни сјезд славистов, Варшава, 294–313.
 Шекуларац 1987 — Б. Шекуларац, *Дукљанско-зейске њовелье*, Титоград.

*

- Boryś 1978 — W. Boryś, Dwa archaizmy leksykalne w gwarach serbsko-chorwackich (sztok. *trëmesla*, czak. *šćüt*), RS XXXIX 37–45.
 Düppeler Lexikon — Museumsdorf Düppel, *Lexikon: Nutzung heimischer Holzarten im Mittelalter*, <http://www.dueppel.de/lexikon/holzart.htm>.
 Gnomon — *Gnomon. Kritische Zeitschrift für die gesamte klassische Altertumswissenschaft*, München.
 Otrębski 1965 — J. Otrębski, *Gramatyka języka litewskiego*, t. II *Nauka o budowie wyrazów*, Warszawa.
 Perpillou 1996 — J.-L. Perpillou, *Recherches lexicales en grec ancien. Étymologie, analogie, représentations*, Louvain-la-Neuve.
 Pulević/Samardžić — V. Pulević, N. Samardžić, *Fitonimi i zoonimi u toponimiji Crne Gore*, Podgorica 2003.
 RS — *Rocznik Sławistyczny*, Kraków.
 Šulek — B. Šulek, *Imenik bilja*, Zagreb 1879.
 ZNŽ — *Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena*, Zagreb.

Aleksandar Loma (Belgrade)

Two Serbian dialectal archaisms from a Balto-Slavic perspective

Summary

Serb. dialectal names of the bird cherry (*Prunus padus*) *trijesla*, *trensla*, *srijensla*, *srensla*, *stresla* attested in Montenegro are not to be separated from their literary synonym *sremza* (also dial. *cremza*), Slov. *srëmsa*, *črêmsa* / *črênsa* as well as from Proto-Slavic *čermъxa / *čermuxa ‘id.’, Lith. *šermukšle*, *šermukšnis*, Latv. *cermukša* ‘Rowan, *Sorbus aucuparia*’. Rowan’s bark being characterised by a very high concentration of tannin, a further comparison with SCr. Štok. *trijeslo* ‘tan’, Kajk. *črêslo*, etc. seems plausible; in view of Czech *tríslo* ‘diaphragm’, another dialectal word from Montenegro can be taken into account, *tremesla*

‘diaphragm’, which leads to suppose in both meanings, ‘bark, tan’ and ‘midriff’ a protoform **čermъslo* beside **čerslo*. Whereas the latter is explained as a suffixal derivative from **čer(s)ti, čьr(t)q* ‘to cut, to bark’, for Balto-Slavic **Kerm(o)uKs(-l)-*, with a double alternation of the voiceless palatal and non-palatal stop, a composite structure seems more probable. By analogy with PSI. compounds **(s)kor-lup-*, **(s)kor-lusk-* it may be analysed as **Ker-m(o)uKs-*, with the athematic stem of the word for ‘bark’ **(s)kora* as its first element and the verbal root IE. **meuK-s-* ‘to remove, to peel’ as the second. A further connection can be established with PSI. **kormyslo / *čьrmyslo* ‘shoulder pole’ < **kor-/kʲ-mūk(s)l-*.

aloma@f.bg.ac.yu

ISBN 978-86-7025-451-0, (2007), p. (325–335)

UDC 811.135.1'373.6

811.161'373.6

Mihai Mitu (Bukareszt)

Wyrazy rumuńskie pochodzenia słowiańskiego z etymonem podlegającym fleksji

Oprócz wielu slawizmów j. rum. które dają się tłumaczyć etymologicznie tematem wyjściowym (mianownik w fleksji imiennej; bezokolicznik w fleksji werbalnej), jest sporo przykładów, których etymon ulega odmianie już w dawnym języku słowiańskim. Ten proces widoczny jest w wypadku najdawniejszych slawizmów (IX–XII w.): *beznǎ, valmǎ, iznoavǎ; dobǎndi, dovedi, nǎimi, plivi, primi, osteni, nǎpǎdi, prǎpǎdi* itp.), oraz w zakresie używania j. scs. w rum. cerkwi prawosławnej lub w kancelariach gospodarskich (*bogdaproste, dajboj, vǎleat*); trwa on nadal w okresach późniejszych, kiedy Rumuni zapożyczali z żywych j. słow. (rosyjskiego, polskiego, bułgarskiego, serbskiego), przy czym niektóre slawizmy obecne są nawet w j. literackim: *niznai, sluj, dulǎu* itp., inne pozostają tylko regionalnie (niektóre serbizmy w Banacie), albo mają zabarwienie archaiczne (*guleai, stupai, proklet* itd.). Słowotwórstwo, frazeologia, rozwój semantyczny wielu przykładów są nader wymowne, świadczą o żywotności i różnorodności kontaktów językowych słowiańsko-rumuńskich.

Słowa kluczowe: etymologia, kontakt językowy, język polski, język rosyjski, język serbski, język staro-cerkiewno-słowiański, język wyjściowy, regionalizm, semantyka, temat fleksyjny.

W większości wypadków wyrazy rumuńskie zapożyczone w ciągu wieków od Słowian zachowują pierwotną postać etymonu, niepodlegającą fleksji, tzn. postać hasła słownikowego (w mianowniku — rzeczowniki, przymiotniki; w bezokoliczniku — czasowniki). Przykłady najdawniejszych slawizmów (sprzed XII-ego wieku): *ceas* ‘czas’ (< scs. **часъ**, bułg. *час*, serb. *čas*, Mihǎilǎ 1960:108; Rosetti 1968:314; ESJS 99); *grajd* ‘stajnia, stodoła’ (< scs. **ґраждь**, bułg. *гражд*, Mihǎilǎ 1960:39; ESJS 198); *rod* ‘ród, rodzina; potomek; owoc; wynik pracy’ (< scs. **родъ**, bułg. *pod*, serb. *ród*, Mihǎilǎ 1960:129; ESJS 772); *slab* ‘słaby, chudy, niemocny’ (< scs. *slabъ*, bułg. *слаб*, serb. *slǎb*, Mihǎilǎ 1960:177); *goni* ‘gonić’ (< scs. **ґонити**, bułg. *гоня*, serb. *gòniti*, Mihǎilǎ 1960:199; ESJS 214) etc.

Z późniejszych zapożyczeń różnego pochodzenia słowiańskiego przypomnimy takie jak: z rosyjskiego *mujic* ‘chłop, wieśniak’ (< ros. *мужик*, Vârban 2000:235–236); *stoliță* ‘miasto stołeczne’ (< ros. *столица*,

Vârban 2000:238); *nacealnic* ‘naczelnik’ (< ros. *началник*, Vârban 2000:236) itp. albo z polskiego: *baštã* ‘fortyfikacja bojowa, baszta; wieża’ (< pol. *baszta*, Lința 1974: 36); *pozvoli* ‘pozwolić’ (< pol. *pozwolić*, Lința 1974:54); *șoltuz* ‘burmistrz’ (< pol. *sołtys*, *szoltys*, Lința 1974:63) itp.

Podobne przykłady można dodać z innych, żywych języków słowiańskich: bułgarskiego, serbskiego, ukraińskiego.

Należy dodać do nich tzw. ‘slawonizmy’, tzn. slawizmy cerkiewne, książkowe, kancelaryjne, zapożyczone z języka urzędowego, używanego według tradycji w rumuńskiej cerkwi prawosławnej (już od XI-XII w.), a potem (od XIV w.) również w środowisku dworskim, w kancelariach hospodarów wołoskich i mołdawskich oraz w latopisach, przy czym większość tych wyrazów zachowuje fonetykę południowo-słowiańską (bułgarską, serbską). Mamy na myśli wyrazy należące do terminologii religijnej: *duh* (< *ДУХЪ*), *iad* (< *ИДЪ*), *rai* (< *РАИ*), *proroc* (< *ПРОРОКЪ*), *oltar* (< *ОЛЪТАРЪ*), *slujbã* (< *СЛОУЖБА*) i inne albo do terminologii używanej w latopisach i gramotach kancelaryjnych: *pisar* (< *ПИСАРЪ*), *letopiset* (< *ЛѢТОПИСЕЦЪ*), *zapis* (< *ЗАПИСЪ*), *izvod* (< *ИЗВОДЪ*) itp. (Mihăilă 1973:127–134).

Obok tych, najliczniejszych (a wiele z nich jest jeszcze żywych we współczesnym j. rum.), niemało jest wyrazów, które, etymologicznie, należy odnosić do form fleksyjnych, tzn. do etymonu słowiańskiego podlegającego fleksji (deklinacji w wypadku rzeczowników albo przymiotników, koniugacji w wypadku czasowników). W różnych okresach dwustronnych kontaktów językowych między Słowianami a Rumunami na terenie rumuńskim, ci ostatni mogli nieraz zaczerpnąć od Słowian niektóre wyrazy już w formie osobowej albo będące częścią składową poszczególnych zestawień frazeologicznych. Zjawisko to jest powszechnie znane w warunkach dłuższego współżycia w środowiskach dwujęzycznych przy używaniu na co dzień zwrotów potocznych. Podobnie do slawizmów w j. rum. rzecz się ma w wypadku germanizmów w j. polskim albo czeskim, turcyzmów w j. bułgarskim lub serbskim itd.

O ile nam wiadomo, przykłady z zakresu slawizmów z etymonem fleksyjnym pojawiają się tu i tam w słownikach języka rumuńskiego, w niektórych monografiach dotyczących stosunków językowych słowiańsko-rumuńskich (Rosetti, Mihăilă i in), ale nigdy nie stały się w rumuńskiej literaturze językoznawczej przedmiotem osobnego, bardziej szczegółowego badania. Problem ten, prawie nieporuszony przez badaczy, może ofiarować zarówno nowy horyzont porównawczy zarówno dla językoznawstwa slawistycznego jak i dla ugruntowania głównych zasad ogólnej teorii kontaktów językowych¹. W niniejszej pracy, zamierzamy na razie

zasygnalizować różnorodność problematyki w przestrzeni i w czasie, ilustrując to wybranymi przykładami, w przekonaniu, że nasze, częściowe wnioski mogą stanowić podniecie do dalszych, bardziej owocnych poszukiwań.

Z najstarszej warstwy zapożyczeń rumuńskich ze słowiańszczyzny (tzn. z języków południowo-słowiańskie, mniej więcej w VI–XII; Mihăilă 1960), najbardziej wymowne są:

— *beznă* ‘przepaść bez dna; ciemność wielka’ < scs. БЕЗ ДЪНА, bułg. бездна (Mihăilă 1960:107, 243). Dla pojęcia ‘ciemność’ w j. rum. istnieje wyraz *întuneric* (poch. łacińskiego); by wyrazić to, że ciemność jest ‘bez-denna’ (tzn. aż tak głęboka, że ‘dna nie widać’) wystarczy używać po rumuńsku wyrażenia scs. *bez dъna* (ze scs. *dъno*, dop. po przyimku *bez*) które, drogą zespolenia obu wyrazów w jeden, stało się w rum. rzeczownikiem, kończącym się na *-a* (rodzaju żeńskiego); w ten sposób wyraz *întuneric* stał się zbędny, gdyż sam wyraz *beznă* jest bardziej ekspresywny: np. *afară era beznă* ‘na dworze była ciemność taka, że dna nie widać’ (tzn. ‘wielka’), ESJS 60.

— *iznoavă* ‘nowina, coś nowego’, ‘żart, dowcip’ < scs. ИЗЪ НОВА ‘znowu’ (DLR II 933), nowsza forma *snoavă* (rzeczownik r. żeńskiego) ‘facecja, dykteryjka’ (DLR X 1143).

— *valmă*, najczęściej używany w j. rum. w wyrażeniu *de-a valma* (daw. *de-avaloma* ‘nieporządnie, bez ładu, chaotycznie’). Słowniki rum. podają jako etymon ‘sl. *valomŭ*’ (Ciorănescu 9147) albo ukr. *валоm* (DLR XIII, 44–45), mając na uwadze, że najstarsze zaświadczenia pochodzą od Dosyteusza (w. XVII), dobrego znawcy j. ukr. i pol. Jest to więc postać narzędnika l. poj. rzeczownika ukr. *вал*, pol. *wał* ‘fala’, do którego na terenie j. rum. dodawano *-a* końcowe w postaci przysłówkowej *valoma* (tak jak *aidoma* od scs. *vidomъ, -o, -a*, tzn. ‘podobno’). Naszym zdaniem, w tym wypadku, możemy mieć do czynienia już z formą narzędnika l. podwójnej, a nie pojedynczej, tzn. *valoma* ‘dwoma falami’ (z końcówką *-oma* już w postaci fleksyjnej języka prasłowiańskiego (a co za tym idzie, tak samo w j. scs.). Jeżeli przyjmujemy taką możliwość jako słuszną, znaczy to, że wyraz ten w j. rum. *valoma* (a nie *valom + a*) jest o wiele starszy, jeszcze z czasów przed wyodrębnieniem j. słow. z ogólnego j. psł., kiedy istniała forma narzędnika l. podwójnej jako żywa, zaświadczona w j. scs. jako ВАЛОМА, podobno do ГРАДОМА, ЧЛОВѢКОМА (Vaillant 1964:88), czyli mniej

¹ Zob. o tym podstawową pracę: Marius Sala, *El problema de las lenguas en contacto*, México, 1988; wyd. II, *Lenguas en contacto*, Madrid, Gredos, 1997 (wyd. rum: *Limbi în contact*, Bucureşti, 1997).

więcej w tym samym okresie (XI–X w), kiedy zapożyczano w j. starorumuńskim słowizmy takie jak *bezna* (z БЕЗ ДѢНА, zob. wyżej).

Taka propozycja etymologizowania rum. *valmă* jest godna przyjęcia, jeżeli wychodzimy z założenia, że Słowianie, jako naród indoeuropejski, byli raczej narodem nizinnym, lądowym; oni nie byli wytrawnymi żeglarzami, jak dawniej Grecy albo Fenicjanie, żyli nie nad morzem, lecz wewnątrz łądu; ich pierwotną siedzibą (*Urheimat*) był, jak wiadomo, teren nizinno-stepowy nad Morzem Czarnym, oni osiedlali się zwyczajnie wzdłuż rzek o szerokich korytach, płynących spokojnie (Don, Dniepr, Bug, Dniestr), które rzadko zagrażały powodzią, ich fale szły cicho z północy na południe, albo pojedynczo, albo po kilka, ale w takich odstępach czasu, że ludzie mieli czas bronić się, uciekać przed nimi, zabezpieczać się (a więc ‘przed falą’ tzn. *prěď valomъ*, w narz. l. poj., albo ‘przed falami’, tzn. *prěď valoma*, w narz. l. podw.!). W miarę ich zbliżania się do terenów pagórkowato-górskich, w czasie migracji ze Wschodu na południowy Zachód, w stronę Karpat i Tatr, Prasłowianie zaczęli się stykać coraz częściej z bystrymi rzeczkami podgórskimi, o stosunkowo wąskich korytach (stąd częsta u nich nazwa *Bystrzyca* = rum. *Bistrița*, tzn. ‘bystra woda’!), których wody, szczególnie w czasie ulewy, wzbierały gwałtownie grożąc powodzią; między lewym a prawym brzegiem tych rzek istniała mała przestrzeń, fale nie szły powoli (a poza tym teren był na ogół spadzisty, z góry na dół), ale uderzały *parami*, raz w lewą, raz w prawą stronę koryta, przynosząc wielką ilość wody, która zalewała brzegi, powodując ofiary zarówno materialne, jak i ludzkie, jak się zdarza w czasie powodzi. Więc, zaskoczeni ludzie krzyczeli nie: *valomъ* ‘falą’, nie *valy* ‘falami’ ale *valoma* (narz. l. podw.!)? Można przypuszczać, że Prarumuni na terenie średniowiecznej Mołdawii, sąsiadując z Prasłowianami, przybyszami ze Wschodu, mogli nieraz usłyszeć ten krzyk i przyswoili go jako ‘*valoma!*’ (w ich ówczesnym języku). Później, wyjątkowa okoliczność tego wydarzenia, początek jego, zazwyczaj niespodziewany, zaskoczenie, zamęt, niemożliwość obrony przed zalewem, śmierć bydła, ofiary w ludziach, zniszczenie majątku, jednym słowem: chaos, nieporządek, które towarzyszą każdej podobnej klęsce i zagładzie, stanowiły normalne przesłanki do zmiany znaczenia okrzyku ‘*valoma!*’ (rzeczownik l. dwojakiej w narzędniku) w kierunku ‘nieporządkie, chaotycznie itp’, tak samo jak zwrot *bez dьna* (pierwotne konkretne znaczenie: ‘*dьno* którego końca nie widać’) doszedł w j. rum. do znaczenia: ‘wielka ciemność’.

Spśród późniejszych słowizmów, z okresu XIII–XVII w., kiedy w kręgach rum. prawosławia i na dworach gospodarów panował język słowiański, tzn. cerkiewno-książkowy, redakcji średniobułgarskiej (na Wołoszczyźnie) albo rusko-ukraińskiej (w Mołdawii) (fr. *le slaven, la langue*

slavonne) obok wielkiej ilości tzw. ‘sławonizmów’, zapożyczonych w postaci podstawowej (zob. wyżej), jest kilka przykładów, które należy odnosić do etymonu ulegającego odmianie albo do utartych zwrotów:

— *bogdaprosti, bogdaproste* ‘dziękuję’ (< scs. БОГЪ ДА ПРОСТИ) (Mihăilă 1960:146), wyrażenie często używane w środowisku cerkiewnym, wśród wierzących, biorących udział w nabożeństwach albo w stypach, albo jako odpowiedź żebraków, jako sposób podziękowania za jałmużnę; stąd wyrażenie *pui de bogdaproste* ‘biedne dziecko’ (DLR I 598).

— *daiboj*, w wyrażeniu *pe daiboj* ‘za darmo, bez wysiłku, za Bóg zapłać’ (< scs. ДАИ БОЖЕ, bułg. дай боже), stąd *a umbla cu daibojul* ‘chodzić na żebrzy’; *a daiboji* ‘paplać, bredzić’, *daibojéală* ‘puste gadanie’ (DEX 258; Ciorănescu 274).

— *veleat* ‘rok’ (< scs. ВЪ ЛѢТО), daw. *velet, văleat* zwłaszcza w kronikach, na początku nowego rozdziału czyli akapitu (= łac. *In Anno Domini*) ‘w roku Pańskim’, lecz również w gramotach kancelaryjnych, na końcu, w części dotyczącej datowania dokumentu (**ВЪ ЛѢТО ОТЬ СЪТВОРЕНИЯ СВѢТА**). Z czasem, na terenie rum. zatracono świadomość istnienia dwóch wyrazów: przyimek **ВЪ** i rzeczownik **ЛѢТО**, a drogą zespolenia ich w jedno słowo, nowe wyrażenie stało się osobnym wyrazem, co widać np. w powieściach historycznych późniejszych pisarzy XIX–XX w., gdzie można znaleźć wyraz *văleat* z rum. przyimkiem *în* (< łac. *in*): *în văleatul* ‘w roku’ (DLR XIII 266–267; DEX 1154).

Ze wszystkich części mowy, najwięcej podobnych przykładów mamy w rum. w zakresie czasowników, gdyż w porównaniu do rzeczowników lub przymiotników, które dostały się do mowy rum. najczęściej w postaci pierwotnej (mianownik, biernik, zob. wyżej), czasowniki były zazwyczaj używane w mowie potocznej już w formie osobowej i w takiej postaci jeszcze w najdawniejszym okresie kontaktów słowiańsko-rumuńskich po VI-ym wieku zapożyczone przez Rumunów od żyjących obok Słowian. Pod tym względem, nawet przed ukończeniem analizy *catego* zasobu czasowników rum. pochodzenia słowiańskiego, możemy zarysować właściwie trzy formalne kategorie:

1. Czasowniki które można wyjaśnić etymologicznie tylko i wyłącznie formą bezokolicznika: *căli* (< scs. КАЛИТИ) ‘hartować’ (Mihăilă 1960:196); *goni* (< scs. ГОНИТИ), zob. wyżej; *iubi* (< scs. ЛЮБИТИ) ‘lubić, kochać’ (Mihăilă 1960:206); *se ivi* (< scs. ІВІТИ [СА]) ‘pojawić się’ (Mihăilă 1960:199); *lovi* (< scs. ЛОВИТИ) ‘uderzyć’ (Mihăilă 1960:197; ESJS 437–8); *pofti*, daw. *pohti* (< scs. ПОХОТѢТИ) ‘pragnąć’ (Mihăilă 1960:207); *toci* (< scs. ТОЧИТИ) ‘tępić, ostrzyć’ (Mihăilă 1960:195) itd.; z późniejszych ‘sławonizmów’: *blagoslovi* (< scs. БЛАГОСЛОВИТИ) ‘błogosła-

wić’ (Mihăilă 1960:146); *greși* (< scs. **грѣшити**) ‘grzeszyć’ (Mihăilă 1960:206).

2. Czasowniki rum., których formę bezokolicznika można wyjaśnić tylko i wyłącznie formą fleksyjną, w cz. terażniejszym, np.:

– *clădi* (< scs. **кладж**, I os. I. poj. cz. ter. od **класти**, zob. bułg. *кладя*) ‘budować, wznosić’ (Mihăilă 1960:196; ESJS 310); rz. *clăie* ‘stóg; kupa, gromada’ z bułg. *кладня* (Mihăilă 1960:31).

– *dobândi* (< scs. **добѣдж**, I os. I. poj. czas. ter. od **добыти**) ‘zdobywać, wyszukiwać’ (Mihăilă 1960:197), od tego, drogą derywacji wstecznej w rum., *dobândă* ‘procenty, odsetki; zysk’.

– *dovedi* (< scs. **довѣдж**, I os. I. poj. czas. ter. od **довести**) ‘pokażać, zademonstrować; zwyciężać; zakończyć (robotę)’, zob. bułg. *доведа*, sch. *dovesti*, *dovedem* (Mihăilă 1960:197), od tego rz. *dovadă* ‘dowód’.

Podobnie można wyjaśnić mnóstwo innych rum. czasowników pochodzenia słowiańskiego z tego okresu, takie jak *împleti* ‘pleść, splatać’ (< scs. **плѣтж**, I os. od **плести**); *năimi* ‘zatrudniać’ (< scs. **наимж**, I os. od **наѣти**); *năpădi* ‘opadać, wpadać na kogoś’ (< scs. **нападж**, I os. od **напасти**); *osteni* ‘trudzić (się); męczyć (się), facygować się’ (< scs. **оустѣнж**, I os. od **оустѣти**); *plivi* ‘pleć, plewić’ (< scs. **плѣвж**, I os. od **плѣти**); *prăpădi* ‘zniszczyć’ (< scs. **прѣпадж**, I os. od **прѣпасти**); *primi* ‘dostać, przyjąć’ (< scs. **примж**, I os. od **примѣти**); *răpști* ‘powstać przeciw komuś; narzekać, szemrać, protestować’ (< scs. **ръпштж**, I os. od **ръпштѣти**, zob. ESJS 788), dzisiaj nieużywany; *suci* ‘kręcić, wiercić’ (< scs. **соуѣж**, **соуѣши**, I os. od **соуѣти**), itp., zob. Mihăilă 1960:194–202². Do tych można dodać i inne, jak *podidi*, w wyrażeniu *a podidi (pe cineva) plânsul* ‘omal że na płacz (kogoś) zbiera’ (< scs. **подѣидж**, **-ѣши**, I–II os. I. poj. od **подѣити**, zob. DLR VIII 919–920, co jest bardzo słuszne, gdyż chodzi o łzy, które się zbierają *pod* oczami, gotowe do schodzenia na dół, do policzków (zob. ESJS 257, który podaje, za Tiktinem, tylko formę starorum. *proidi* ‘przenikać’); tak samo *prididi* (daw. *pridedi*, *pridădi*) ‘przedać, przekazać, ujarzmić’ (dawne znaczenia, XVI–XVII w.), a dzisiaj, z upodobnieniem wokalicznym (wszędzie samogłoska [i]), w znaczeniu ‘zdołać coś zrobić, czegoś dokonać, z wysiłkiem; zwyciężać w ostatniej chwili’ (< scs. **прѣдѣдж**, **-ѣши**, I–II os. cz. ter. od **прѣдѣти**, zob. DLR VIII 1403–1404).

² Niektóre wyrazy uwzględniane są ostatnio i w ESJS, na podstawie rum. słowników, np. *năimi* (s. 292, pod *jeți*), *năpădi*, *prăpădi* (s. 628, pod *pasti*), *răpști* (s. 788, pod *гърътати*), *plivi* (s. 657, pod *plēti*).

Wiele wyrazów można tłumaczyć również jako pożyczki z żywych j. południowo-słow., jak bułg. *плетя, доведа, пропадам, устаня, плевя, суча* itp. Wiadomo, że j. bułg. stracił bezokolicznik, a więc, drogą bezpośrednich kontaktów z Bułgarami, te formy cz. ter. mogły się tym bardziej przedostać do j. rum. Zresztą, ostatni *Słownik etymologiczny j. starocerkiewnosłowiańskiego* (ESJS, Brno), kierując się w wielu wypadkach źródłami rum. (Tiktin, Rosetti, Mihăilă), zauważa, że należy uwzględniać nie tylko formy scs. lecz również formy żywe, późniejsze, w większości wypadków bułgarskie.

3. Czasowniki, tzw. dublety etymologiczne, takie które, z powodu swoich dwóch form w j. rum., należy wyjaśnić dwojako, zarówno od tematu bezokolicznika, jak również od tematu cz. ter., np. *izbuti* i *izbândi*:

izbuti ‘odnosić sukces; szczęśliwie doprowadzić do końca’ (< scs. *избыти*); *izbândi* ‘zwycięzać (w walce)’ (< scs. *избѣдѣж*, cz. ter. I os. od *избыти*, zob. Mihăilă 1960:197), przy czym, w tym ostatnim wypadku, rezultat jest podobny do formy *dobândi*, z derywatem wstecznym w postaci rz. *izbândă* ‘zwycięstwo’, tak jak *dobândă* (zob. wyżej).

Szczególne miejsce w zakresie rum. zapożyczeń z j. słow. zajmują czasowniki rum. ze sufiksem *-ui* w bezok. Jest on pochodzenia słow., od cz. słow. III koniugacji, typu *-ovati* (*-ują -uješi*): *даровати, дароуѣж, -оуѣши; миловати, мироуѣж, -оуѣши* (Vasiliu 1967:113–114). Ten typ zapożyczeń był bardzo rozpowszechniony w XIII–XVI w.: *виновати, миловати, праздъновати, силовати, тлъковати, трѣбовати* itp., których formy I–II os. l. poj. na *оуѣж, -оуѣши* (*виноуѣж, -оуѣши* itd.), stały się podstawą rum. czasowników na *-ui* (IV koniugacji rumuńskiej): *vinui* ‘obwiniać’; *mirui* ‘namaszczać (olejami)’; *prăznui* ‘świętować’; *silui* ‘niewolić, gwałcić’; *tâlcui* ‘wyjaśnić, tłumaczyć’; *trebui* ‘musieć; być potrzebnym’ itp. Sufiks ten stał się tak popularny, że przy jego pomocy stworzono inne liczne czasowniki zapożyczone z innych, żywych j. słow., jak *arestui, formui, rătui* i in. z pol. *aresztować, formować, ratować*; *brăcui, răfui, tencui* i in. z ukr. *бракувати, рахувати, тинькувати*; *comendui* z. ros. *командовать* itd., jak również z j. węgierskiego: *alcătui* ‘układać, stanowić’, *bântui* ‘szaleć’, *birui* ‘zwycięzać’, *bizui* ‘liczyć na kogoś’, *hăitui* ‘naganiać, szcuć’; albo z niem.: *abțigui* ‘sfalszować; upić się’ (< niem. *abziehen*), a nawet utworzono czasowniki od innych wyrazów rum. pochodzenia łacińskiego: *viețui* ‘trwać przy życiu’ (< rum. *viață* < łac. *vi-ta*), lub starsłowiańskiego: *prăfui* ‘okrywać kurzem’ (< rum. *praf* < scs. *прахъ*). Należy dodać, że niektóre czasowniki tej kategorii ustępowały później miejsce pożyczkom uważanym za neologizmy (szczególnie z

niem. lub fr.): *aresta, comanda, forma* itp. (tym razem należące do I koniugacji rum.).

Do kategorii fleksji czasowników należy dodać te wyrazy, które mają za podstawę formy imiesłowu biernego, np.:

— *iscusit* ‘doświadczony (w swoim zawodzie); uczony’ (< scs. **ИСКУСИТЬ** im. bierny od **ИСКУСИТИ**, sch. *iskusiti*, bułg. *искуся, искусен майстор*, zob. Mihăilă 1960:184; ESJS 250).

— *prieten* ‘przyjaciel’ (< scs. **ПРИЯТЕЛЬ**, nomen agentis od **ПРИЯТИ**; w starorum. *priiatel* (< scs. **ПРИЯТЕЛЬ**). Ta pożyczka literacka z epoki śrw. wyszła z użycia na korzyść dawniejszej i o wiele bardziej rozpowszechnionej *prieten* (Mihăilă 1960:183; ESJS 714). DLR VIII 1407 uważa wyraz *prieten* za nowy bułgaryzm (*приямен*), natomiast formę starorum. *priiatel* odnosi do scs. **ПРИЯТЕЛЬ**.

— *proklet* ‘przeklęty’ (< scs. **ПРОКЛАТЪ, ПРОКЛЕТЪ**, im. bierny od **ПРОКЛЕТИ** ‘przekląć’, DLR VIII 1563; ESJS 316; jest to tzw. ‘slawonizm cerkiewny’ z XVI w., dzisiaj rzadko używany, zazwyczaj w folklorze, w stosunku do diabła).

Literatura dotycząca zapożyczeń rum. z żywych j. słow. w późniejszym okresie (XVII–XX w) jest również bardzo obfita; mnóstwo jest w słownictwie rum. pożyczek z j. polskiego, rosyjskiego, ukraińskiego, serbskiego, bułgarskiego, przy czym obok wyrazów ‘książkowych’, które przestały się do rum. drogą literacką, dzięki kontaktom kulturalnym, wiele jest bułgaryzmów, serbizmów, ukrainizmów, polonizmów, rusycyzmów itp. oznaczających realia ‘ludowe’ tzn. wiejskie, przekazane ustnie Rumunom przez rozmówców słowiańskich. Oto parę przykładów:

— *dulău* ‘pies myśliwski’, ‘duży pies, brytan, pies łańcuchowy’ (< pol. pies *do łowu*; z drugiej części zwrotu, *do łowu*, tzn. pies przeznaczony do łowienia, Lința 1974:81–82; Mitu 2001:32–34).

— *guleai* ‘uczta, festyn rodzinny z wielką ilością trunku’ (< ros. *гуляй*, rozkaznik od cz. *гулять* ‘bawić się, ucztować’, u pisarzy mołdawskich drugiej połowy XIX w.; regionalizm, DLR II 324); zob. pol. *hulaj dusza!* (SJP III 118).

— *hurtă*, tylko w wyrażeniach *cu hurta* ‘bez wyboru, wszystko razem, bez różnicy co do ilości (w wypadku sprzedaży jakiegoś towaru)’, albo *la hurtă* ‘byle jak, bez wyboru (tak samo)’, regionalizm mołdawski (< pol. *hurtem*, narz. l. poj. od *hurt* < śrgniem. *hurt* ‘ogrodzenie, miejsce ogrodzone’, SJP III 128); Mitu 1997:162; Sławski I 439; DLR II 422 s.v. *hurtă* podaje etymologię ukr. Są to właściwie kalki z pol., ukr. *hurtem, na hurt*.

— *niznai*, w wyrażeniu *a face pe niznăiu* ‘udawać, że się nic nie wie’ (< ros. *не знаю*, I os. l. poj. od czas. *не знать*, DLR VII/1 445).

– *sluj*, w wyrażeniu *a face sluj* ‘być posłusznym; stać się sługusem, stać na dwóch łapkach (przed kimś)’ (< pol. *служи!*, rozkaznik od czas. *służyć*, DLR X 1093).

– *stupai!* wykrzyknik: ‘Marsz! Do boju!’, w wyrażeniu *a da stupai* ‘wyganiać, prześladować’; rzeczownik: ‘jednostka wojskowa’; ‘zawojowanie obcego terytorium’ (XVII w), DLR X 1821; Vârban 2000:238.

– *șlactrafu* ‘diabeł’ (regionalizm, na Bukowinie) (< pol. *niech kogo szlag trafi*, ukr. *шляк бу (abu) мебе мрафус* < niem. (*der*) *Schlag (soll ihn treffen)*), używany zwłaszcza w stosunku do urzędnika należącego do biurokracji austriackiej, utożsamionego z diabłem (DLR XI/1 115; Mitu 1999: 165; Mitu 2001:97–99).

Regionalizmy pochodzenia serbskiego w rumuńskim słownictwie na terenie Banatu (południowy zachód Rumunii) stały się przedmiotem badań kilku rumuńskich dialektologów, wśród nich szczególnie Dorina Gămulescu (*Elemente...*, 1974). Z całej listy zawartej w tej pracy, kilka z nich można zaliczać do zapożyczeń z etymonem serbskim ulegającym fleksji. Oto przykłady:

– *bestraga* ‘do diabła!’ (< sch. *bestraga*, z przyimkiem *bez* + rz. *trag* ‘ślad’, Gămulescu 88).

– *bogami* ‘dalibóg; jak Boga kocham’ (< sch. *bogami*, dop. l. poj. od *Bog* + *mi* ‘mnie’).

– *buzumini* ‘tracić głowę, mylić się; być dezorientowanym, zbitym z tropu’ (< sch. *bezuman* ‘tępak; nierozważny’, od *bez* + *uman*, Gămulescu 98).

– *ciuti!* wykrzyknik: ‘milcz!’ (< sch. *ćuti*, 2 os. rozkaznika od *ćutati* ‘milczeć’, Gămulescu 112).

– *milui* ‘głaskać po policzku’ (< sch. cz. ter. I os. *milujem*, od *milovati*, Gămulescu 155).

– *odivamo* ‘narzędzie do łowienia ryb, wędka’ (< sch. (*h*)*odi (o)va-mo* ‘chodź tutaj’, Gămulescu 164).

– *pocăzui* ‘pokazać’ (< sch. *pokazujem*, I os. cz. ter. od *pokazivati*, Gămulescu 175).

– *smirom* ‘spokojnie, cicho’ (< sch. *s mirom* ‘ze spokojem, bez hałasu’, Gămulescu 187).

– *tarisfat* ‘starszy mężczyzna, prowodyr orszaku weselnego’ (< sch. *stari svat*, forma żeńska: *tarisfătiță*, Gămulescu 144; zob. DLR XI/2 60).

Wnioski. Wymienione wyżej przykłady slawizmów rum. z etymonem ulegającym fleksji są świadectwem tego, że przedostały się one z danych źródeł słow. do j. rum. zazwyczaj w postaci mówionej, z języka potocznego, w odmianie kolokwialnej. Najlepszym dowodem tego jest przekazanie danego wyrazu w formie zwrotu, wyrażenia, z reguły w to-

warzystwie przyimka (*beznă, iznoavă*), w narzędniku (*valmă*), w miejscowniku (*veleat*), albo u czasowników w formach najczęściej używanych, mianowicie w czasie teraźniejszym, I. osoby I. poj. (*dobândi, izbândi, dovedi, clădi, năimi, osteni, plivi, podidi, prididi, primi, răpști, suci* itp.), w rozkazniku (*guleai, stupai, sluj, ciuti, odivamo*), albo w formie imiesłowu biernego (*iscusit*). Nawet formy właściwe światu religijnemu, gdzie spodziewalibyśmy się pośrednictwa odmiany literackiej, książkowej, w wypadkach wymienionych (*bogdaproste, daiboj*) były wynikiem bezpośrednich kontaktów proboszcza z wierzącymi podczas spowiedzi, modlitwy, a nie przekazem utartych zwrotów i wyrażen z Pisma Świętego; podobnie można wyjaśnić wyrazy jak *dăruî, milui, prăznui, tâlcui, mirui* itp., często używane przez proboszcza w czasie mówienia kazań przed ołtarzem, przy odprawianiu mszy. Do długiego żywota (czyli popularności) wielu wyrazów tego rodzaju przyczyniła się ich duża częstotliwość (zob. np. *văleat*) albo większa ekspresywność danego sławizmu w stosunku do synonimu rum. innego pochodzenia (*beznă* wobec *întunerec*; *dovedi* wobec *arăta*; *năpădi* wobec *cuceri*; *izbândă* wobec *victorie*; *dulău* wobec *câine*; *șlactrafu* wobec *drac* itp.). Niemal jest wyrazów tego rodzaju, które są po dziś dzień powszechnie używane zarówno w j. literackim, jak i w mowie potocznej (*clădi, dovedi, prididi, primi; de-a valma, dulău, sluj* itp.). Niemniej ciekawy jest rozwój semantyczny niektórych wyrazów z tego zakresu na terenie rum.: *beznă* (nie tylko ‘bardzo ciemna noc’, lecz i ‘głęboka przepaść’), *valmă* (od znaczenia konkretnego ‘dwie ma falami’ do znaczenia ‘chaotycznie, bez porządku’), *năimi* (od znaczenia ‘zatrudniać’ do ‘zaangażować kogoś za opłatę, celem dokonania złego czynu’), co widać najlepiej w zwrotach frazeologicznych, gdzie dużą rolę gra również metaforyzacja: *a face sluj, întuneric beznă, a podidi plânsul, a suci capul cuiva, a face pe niznaiu* i inne. Natomiast, niektóre pozostają jako trafne stylistycznie w poezji, w powieściach historycznych, z dużym stopniem archaiczności (*iznoavă, văleat, năimi, bogdaproste, daiboj, valmă, răpști* i inne). Bardziej szczegółowe i głębokie badanie całego zasobu sławizmów rum. pod względem morfologicznym (nie tylko leksykalno-semantycznym, jak robiono dotychczas), na podstawie bogatszej literatury przedmiotu w ostatnim okresie, może doprowadzić do interesujących wyników i uogólnień w teorii kontaktów językowych.

Bibliografia

- DLR** — *Dicționarul limbii române I–XIV*, București 1913–2004.
DEX — *Dicționarul explicativ al limbii române*, București 1996.

- Gămulescu 1974** — D. Gămulescu, *Elementele de origine sârbocroată ale vocabularului dacoromân. Elementi srpskohrvatskog porekla u dakorumunskom rečniku*, București / Pančevo.
- Lința 1974** — E. Lința, *Wyrazy polskiego pochodzenia w języku rumuńskim*, Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk.
- Mihăilă 1960** — G. Mihăilă, *Împrumuturi vechi sud-slave în limba română. Studii lexicosemantic*, București.
- Mihăilă 1973** — G. Mihăilă, *Studii de lexicologie și istorie a lingvisticii românești*, București.
- Mitu 1997** — M. Mitu, Interferențe lexicale germano-polono-ucrainene în graiurile românești din Bucovina, *Conferința națională de bilingvism, 16–17 iunie 1997*, București, 160–169.
- Mitu 1999** — M. Mitu, *Oameni și fapte din secolul al XVIII-lea românesc*, București.
- Mitu 2001** — M. Mitu, *Studii de etimologie româno-slavă*, București.
- Rosetti 1968** — Al. Rosetti, *Istoria limbii române*, București.
- SJP** — *Słownik języka polskiego* I–XI, PAN, Warszawa 1958–1969.
- Vaillant 1964** — A. Vaillant, *Manuel du vieux slave*, tome I, *Grammaire*, Paris.
- Vasiliu 1967** — L. Vasiliu, Sufixul verbal *-ui* și compusele lui, *Studii și materiale privitoare la formarea cuvintelor în limba română* IV, 1967, 113–142.
- Vârban 2000** — F. Vârban, Influența rusă asupra limbii române între 1688 și 1780, *Contribuții la studiul limbii române literare — secolul al XVIII-lea (1688–1780)*, Clusium, 227–287.

Mihai Mitu (Bucarest)

Mots roumains d'origine slave remontant aux formes flexionelles

Résumé

Il s'agit de slavismes roumains qui ont comme point de départ des formes déjà transformées du point de vue morphologique. Au commencement, entre les VIII-XII siècles, et puis, à l'époque slavonne (du XIII au XVII siècles), le roumain a surtout emprunté des langues slaves du sud des mots déjà déclinés, comme *beznă* (< vsl. *bezŭ dŭna*) 'nuit noire', *valmă*, dans l'expression *de-a valma* 'sans aucun ordre' (< vsl. *valoma*, instr. duel du mot *valŭ*), ou les formes verbales, telles que *dobândi* 'obtenir, gagner' (< vsl. *dobŭdŭ*, ind. présent du *dobyti*), *izbândi* 'vaincre' (< vsl. *izbŭdŭ*, ind. présent du *izbyti*), avec les dérivés regressifs formés sur le terrain roumain: *dobândă* 'gain, profit', *izbândă* 'victorie' etc. Ce processus a plus tard continué par des emprunts des langues slaves modernes (le polonais, le russe, le serbe): *dulău* 'chien de garde' (< pol. *pies do lowu* 'chien pour la chasse'), *sluj*, dans l'expression *a face sluj* 'être servile' (< pol. *szuż*, impératif du *szużyc*), *stupai* 'commandement militaire' (< rus. *stupaj*, impératif du *stupat*), *niznai*, dans l'expression *a face pe niznaiu* 'fait semblant de rien savoir'; les régionalismes d'origine serbe dans la région de Banat (*bestraga!* 'corbleu!'; *buzumini* 'faire perdre la tête'; *odivamo* 'instrument de pêche').

Bogumił Ostrowski (Kraków)

Semantyka niektórych typów leksykalnych z rdzeniem **rod-* na materiale języków słowiańskich

W artykule prześladowany został rozwój znaczeniowy leksemów z pierwiastkiem **rod-* w językach słowiańskich z uwzględnieniem zarówno faktów historycznych, jak i źródeł gwarowych. Psł. **rodь* (< 1-e. **ured^h-* / **uerd^h-* ‘rosnąć, rozrastać się, wznosić się’: ‘to, co rośnie, wyrasta, co wyrosło’) oznaczał najpierw ‘urodzaj, obfitość (zwłaszcza plonu)’: ‘szczęśliwy zbieg okoliczności, szczęście, prosperita’. W ciągu wieków znaczenie ewoluowało w kierunku: ‘ród (< ‘wspólne wzrastanie’: ‘społeczność połączona więzami krwi’); rodzina; ‘pokrewieństwo, powinowactwo’; ‘pochodzenie, urodzenie’. Niezłe udokumentowana jest treść ‘zespół cech wspólnych; cechy wrodzone, skłonności’ oraz ‘rodzaj, gatunek’, jak również ‘członek rodu, współplemiennik’: ‘dziecko’. Analizy dokonano w oparciu o obserwacje paralelnego łąc. wyrazu *partūs, -ūs* ‘poród; potomek’. W artykule nie pominięto takich psł. leksemów jak **rod'ajь* : **urod'ajь* : **porod'ajь*. Zwrócono uwagę na sporą ilość w słowiańszczyźnie prefigowanych leksemów z rdzeniem **-rod-* w znaczeniu ‘płód (jajko)’ > ‘młoda istota’ > ‘dziecko, młode zwierzę, pisklą’. Na zakończenie omówiono przykłady kontynuantów psł. **jьzrod-*, zwracając szczególną uwagę na ciekawy rozwój znaczeniowy, nazywany w językoznawstwie enantiosemią.

Słowa kluczowe: semantyka, rozwój znaczeniowy, grupa semantyczna, enantiosemy.

Niezwykle bogaty słowiański materiał językowy z rdzeniem **-rod-*, na pierwszy rzut oka, zdaje się być dość niespójny semantycznie. Bliższe przyjrzenie się niektórym prefigowanym jednostkom leksykalnym zawierającym ów pień (takim jak np.: **jьz-rod-*, **u-rod-*, **vy-rod-*) o zbliżonej, czy wręcz identycznej budowie strukturalnej, a przy tym nierzadko dość odległych, rozbieżnych znaczeniach, pozwala zaryzykować twierdzenie, iż naznaczone są piętnem niezależnego rozwoju na gruncie poszczególnych języków. Przeszkodą dla w pełni wiarygodnej i przekonującej diachronicznej konfrontacji semantyczno-strukturalnej były niektóre obiektywne czynniki. Wymienić tu trzeba istotne różnice w proporcji pozyskanego ze źródeł historycznych i zestawionego w odpowiednich leksykonach materiału językowego — z jednej strony, z drugiej — pewne ograniczenia wynikające z dostępu do historycznej bazy danych tych języków. Nie trzeba

przytaczać wyszukanych argumentów, by uzmysłowić wagę tych historycznych poświadczeń dla podejmowanej analizy. Wystarczy poprzestać na stwierdzeniu, że ich istnienie pozwala niejednokrotnie odtworzyć znaczenie źródłowe wyrazu lub przynajmniej podjąć właściwy trop w ustaleniu kierunku przekształceń semantycznych. Pewnym wsparciem dla takich dociekań może być zestawienie i porównanie gwarowych danych poszczególnych języków pokrewnych. Ale i w tym wypadku konstatację winna cechować umiarkowana ostrożność, chociażby ze względu na opcjonalność rozstrzygnięć: pewniejszą dla gwar terytorialnych, mniej pewną dla tzw. gwar pogranicza językowego (w tym wypadku pod uwagę trzeba wziąć zarówno uwarunkowania historyczno-geograficzne, jak i możliwość wzajemnych influencji, przede wszystkim na płaszczyźnie językowej). Nie zawsze w sposób jednoznaczny można rozstrzygnąć, czy konkretny leksem jest szczątkowo zachowanym archaizmem, zapożyczeniem, czy też powstałym niezależnie lokalnym neologizmem (ewentualnie neosemantyzmem). Innymi słowy nie wszystkie okoliczności sprzyjają arbitralności rozstrzygnięć.

Zanim przystąpię do prezentacji zapowiedzianych we wstępie wybranych prefigowanych typów leksykalnych z rdzeniem **rod-* wydaje mi się zasadnym przypomnienie, bodaj w największym skrócie, najważniejszych ustaleń dotyczących wyrazu podstawowego. Odtwarzane najczęściej dla **rōdъ*, g. **rōda* praznaczenie ‘pokolenie, plemię; generatio, gens’, znajdujące mocne wsparcie w realnych poświadczeniach poszczególnych języków słowiańskich, jest — jak można wnosić na podstawie porównania z danymi pokrewnych języków indoeuropejskich — kolejnym już ogniwem w jego rozwoju semantycznym, ogniwem o tyle istotnym dla całej słowiańszczyzny, że spajającym niejako epokę przedhistoryczną z historyczną. O ile etapy rozwoju znaczeń w epoce piśmienniczej można określić dość precyzyjnie, o tyle do odtworzenia stanu sprzed tego okresu trzeba nierzadko sięgnąć po dane pozasłowiańskich języków indoeuropejskich. Dla naszych potrzeb wsparciem są: litew. dial. *rasmė* (< **radsmė*) ‘Gedeihen, Ergiebigkeit; obfitość, urodzaj’, łot. *rasme* ‘powodzenie’, gr. ὀρθός, dor. βορθό- ‘aufrecht, gerade, richtig, wahr; wyprostowany, podniesiony, stojący prosto; prosty’, stind. *várdhati*, *várdhatē*, *vrdhāti* ‘wächst, mehrt sich; rośnie, nasila się, rozprzestrzenia się’, awest. *varəd-* ‘wachsen machen’. Powyższe fakty pozwoliły uczonym z jednej strony połączyć nasz wyraz z pie. **uredh-* / **uerdh-* ‘wachsen, steigen; hoch = rosnać, rozrastać się, wznosić się’, z drugiej odtworzyć znaczenie ‘to, co rośnie, wyrasta, co wyrosło’ (Pokorny I 1167, Boryś 524, Bezłaj III 190). Nie sposób przy tej okazji nie przytoczyć pewnych uwag O. N. Trubačeva: „Типичным для славянского и отличающим его от других индоевро-

пейских языков, в том числе и от балтийских, является исключительное употребление в значениях «род, рождать(ся)» местных названий (...). Это чисто славянское новшество, которое, однако, представляет собой в сущности лишь новое использование древних индоевропейских морфем. (...) В славянском существует ряд форм, фонетически близких к **родъ**, **родити**: русск. *радѣть* ‘стараться’, сербск. *рад* ‘работа’, русск. *рад*, ст.-сл. **расти**. Сопоставим семантически более близкие **родъ**, **родити** : **расти**. Эти формы сравниваются с санскр. *rd-hāti* ‘процветает, удается; совершает’, латышск. *rads* (= ст.-слав. **родъ**), форма с начальным плавным считается здесь исконной (Трубачев 1959: 151). W dalszej części analizy autor skupia swą uwagę na szeregu ciekawych odniesieniach strukturalno-semantycznych w innych językach indoeuropejskich, ustosunkowując się do dotychczasowych ustaleń. Swe rozważania kończy konkluzją: «А. Брюкнер (AfsIPh, 40, 1926, 12–14) был довольно близок к истине, когда говорил, что **родъ**, **родити** означало сначала ‘успех, процветание’, ‘урожай, прибыль’, ‘забота’» (o.c. 153).

Większość realnych poświadczeń kontynuantów psł. **rodъ* na którymś z etapów historycznego rozwoju poszczególnych języków słowiańskich lub ich dialektów oscyluje wokół znaczeń ‘ród, rodzina (członkowie tego samego rodu, których łączą więzy krwi)’, skąd też ‘pokrewieństwo, powinowactwo’, ‘pochodzenie, urodzenie’. Niezłe udokumentowana jest treść ‘zespół cech wspólnych; cechy wrodzone, skłonności’, przekształcona w następnym etapie w ‘rodzaj, gatunek’ (por. chociażby: dłuż. *pcołkowy rod* — Muka II 312–13, strus. w Izborniku z 1073 r. **родъ**: np. (...) **ВИДЪ ЖЕ ЕСТЬ ПОДЪЧИНАЕМОЕ ПО РОДЪ** Срезневский III 135–8, ros. *pod* (np. человеческий, людской) — ССРЛЯ XII 1373–74, czy pol. dial. *trunki* dwojakowo *rodě* — Karłowicz V 29). Warto przypomnieć, że funkcjonujący dziś w tym znaczeniu we współczesnej polszczyźnie literackiej wyraz *rodzaj*, przed ostatecznym przejściem tejże treści, przeszedł również długą drogę przeobrażeń semantycznych. Konteksty użycia tegoż leksemu, znanego polszczyźnie już od XIV w., wskazują na inne jego znaczenia: ‘rodzina, ród, naród’, ‘generacja, pokolenie’, ‘pochodzenie, rodowód’, ‘narodziny, urodzenie’, ‘płodność’, czy też ‘natura, przyrodzenie’ (SSp VII 476–78). Nie sposób nie zauważyć, że wszystkie te odcienie znaczeniowe były, a niektóre pozostały do czasów współczesnych, właściwe dla podstawowego wyrazu *ród*. Jedno z wcześniejszych znaczeń leksemu *rodzaj* ‘urodzaj’, poza polskim, poświadczone jest także w ukr. *рôжай* ‘ts.’ (Гринченко IV 29). Wyraz w tej samej postaci strukturalnej zapisany został również w *Małorusko-niemieckim słowniku* Żelechowskiego. Dla naszych dociekań istotne jest to, że podany w nim niemiecki ekwiwa-

lent semantyczny tegoż wyrazu ‘Gedeihen, Leben’ (Желеховский II 811) — znaczący ‘wzrost, pomyślny rozwój; życie’, jest najbliższym chyba (i przez to najstarszym) ogniwiem, dotykającym znaczenia prymarnego ‘szczęście, pomyślność; obfitość (urodzaju)’. Omawiany derywat — utworzony za pomocą suf. *-jajb*¹ bezpośrednio od podstawy werbalnej psł. **rodīti rōdišb* ‘wydawać na świat potomstwo, dawać płody, owocować’ (o akcentuacji p. Bezlaj III 190) — posiada w Słowiańszczyźnie dość szeroki zasięg występowania. Budowa i wyprowadzalność z jednego źródła, choć w szczegółach nieco zindywidualizowane, znaczenia w poszczególnych językach (dla porównania: pol. i sła. przestarzałe *rodzaj* ‘gatunek, odmiana’ — HSSJ V 78, sch. *rōđāj* ‘poród, urodzenie, narodzenie’, dial. ‘wschód słońca’: *rōditi rōdīm* ‘pojavit se (o suncu) — RJA XIII 98 nn.; 115, strus. *ꙋꙋжѧи* od XIII w. ‘twór, płód’, ‘urodzenie; wydanie potomstwa’, ‘ogół cech wspólnych, przyrodzonych’ — Срезневский III 140 i tp.) wskazują na jego archaiczny charakter.

Z kolei, obserwacja przedstawionego wyżej materiału, umożliwiła wysnucie wniosku, dotyczącego specjalizacji semantycznej przytoczonych polskich wyrazów z rdzeniem **rod-* na przestrzeni dziejów. Bezpośredni polski kontynuant psł. **rodьb* utrwalił się przede wszystkim w znaczeniu ‘ród, rodzina; wspólne pochodzenie’, leksem *rodzaj* wyspecjalizował się w treści ‘gatunek, rodzaj’, zaś sens ‘obfitość urodzaju, bogactwo plonu’ został przejęty przez dewerbalną formację prefigowaną *u-rodzaj* (< *urodzić*).

Kiedy w wychwyceniu kolejnych etapów przeobrażeń semantycznych i w określeniu ewentualnych zależności zawodzi (czy też piętrzy wątpliwości) materiał rodzimy, warto posłużyć się analogicznymi pod względem semiotycznym (nie koniecznie etymologicznym) danymi innych języków. Są one często argumentem dowodzącym paralelnego procesu przekształceń i rozwoju znaczeniowego poszczególnych grup semantycznych. Dla potrzeb niniejszej analizy, zawierającej w swej bazie motywacyjnej słow. rdzeń **rod-*, posłuży nam łac. wyraz *partūs, -ūs*. Ten posiadający znaczenie ogólne ‘rodzenie, poród’ i realizujący się również w treściach szczegółowych: ‘czas porodu’, ‘pochodzenie’, ‘płód; dziecko, syn, młode’ (Kumaniecki 352) leksem, to nomen deverbale od *parere pariō* ‘rodzić, wydawać na świat; (o ptakach) znosić jajka’ (Plezia IV 31–2). Ponieważ w obu przypadkach daje się zauważyć zbieżność znaczeń, można wnioskować z dużą dozą prawdopodobieństwa identyczny rozwój:

¹ Por.: Бартор 1969: 83–4. Ślowski 1974: 87 zauważa: „Jak zwykle obok nomina agentis spotyka się też nomina actionis (> nomina acti). Należą tu np. *kračajb* : *kročajb* ‘krok’ : *kračati* ‘stąpać, kroczyć’; *obvyčajb* ‘nawyk, zwyczaj, obyczaj’ : *obvyknōti* ‘przywyknąć, przyzwyczaić się’; (...) *rod’ajb* ‘rodzenie, poród; ród, potomstwo’ : *roditi* ‘rodzić’. W tej funkcji sufiks wykazał produktywność w sch. i sła.“

‘proces rodzenia, wydawania na świat potomstwa’ (nomen actionis) > ‘akt narodzin = moment urodzenia potomstwa’ (nomen acti), czy ‘„wytwór“ tego procesu i aktu, czyli nowa istota, potomek (dziecko, młode zwierzę, a nawet jajo — jako załączek życia)’. O ile dwa pierwsze ogniwa tego łańcucha bezsprzecznie pozostają w silnym związku motywacyjnym z czasownikiem, o tyle w wyabstrahowaniu się znaczenia metonimicznego ‘młoda istota, dziecko’ sprzyjać mogły także inne czynniki. Myślę tu o udokumentowanej w materiale opozycji ZBIOROWOŚĆ ‘wspólnota pobratymców, członkowie rodu’ : JEDNOSTKA ‘współplemiennik, pojedynczy członek rodu’, por. strus. *родъ* ‘ród, pokolenie’, ‘plemię, naród’, ‘rodzina’ : ‘соплеменник, земляк’, por. *аз въ есмь родъ вашъ ѿ единомъ землѣ съ вами* (Срезневский III 137). Tę opozycję dostrzega wyraźnie Plezia w łac. *partus*, dystansując znaczenia metonimiczne ‘ród’ : ‘płód, dziecko, młode zwierzę’ od tych typowo dewerbalnych (Plezia IV 38). Myślę, że w słowiańszczyźnie owo syngulatywne znaczenie ‘członek wspólnoty rodowej’, poświadczone chociażby w staroruskim, poprzedzać mogło kolejne ‘pojedynczy, nowonarodzony członek grupy’ > ‘nowa istota; dziecko’. Tę ostatnią treść dobrze dokumentuje przykład z gwar polskich na Kujawach: A lulaj mi lulaj, ty maleńki *rodzie* (Karłowicz V 63). Znaczenie ‘dziecko, młode zwierzę lub ptak’ poświadczone jest w bułg. derywatach z suf. *-ьба* (: *-ьбѣа, -ьбина*): *рожба* : *родѣба, рожбица, рожбина* (БЕР VI 298–304).

O tym, że psł. **rod-* i derywaty oparte na nim funkcjonowały nie tylko w grupowym, ale i w jednostkowym znaczeniu, świadczą też inne dane. Są to zwykle leksemy (ze względu na rozbudowaną strukturę) dodatkowo nacechowane semantycznie, jednakże ich główna treść to nic innego jak ‘dziecko, istota niedorośla’. Należą tu: bułg. *дѣпода* ‘ostatnie dziecko w wielodzietnej rodzinie, wyskrobek’, *дѣподак* dial. ‘ostatnie dziecko w rodzinie’, *дѣподак* ‘ts. w wielodzietnej rodzinie’ (БЕР I.c.), czes. *zrod* małżeńský [nemałżeńský] (termin prawniczy) — ‘dziecko ślubne [nieślubne]’ (SSJ V 718), pol. dawne i regionalne *zrodek* ‘zrodzony z kogo, płód, plemię czyje’: wstydzic się swoich zrodków (SJP 1861: 2244), sła. *zrodenc* *-nca* ‘potomek, dziecię’: *Zrodenci zeme* (SSJ V 718), strus. i rus.-cs. *изродъ* ‘dziecko, potomek’ (СРЯ XI–XVII вв. 6: 205; Срезневский I 1078), sła. *izrôdek* dawne ‘die Bastardart = nieślubne dziecko’ (Pleteršnik I 341), bułg. *ѣзподак* : *ѣзподо̀к* ‘ostatnie dziecko w wielodzietnej rodzinie’, *ѣзподо̀к* ‘małe jajko’ (БЕР I.c.), *но̀рѣдици* pl. ‘dzieci rodzące się rok po roku, jedno za drugim’ (: *но̀рѣда* ‘rodzić dzieci jedno po drugim; por. też adi. *но̀рѣден* ‘urodzony jeden po drugim, zwykle rok po roku’, także w funkcji subst. ‘dziecko urodzone jako drugie’ (ib.), sła. (dawne 1648 r.) *porodok* [-ek] ‘potomek, dziecko’ (HSSJ III 124), czy w końcu

chorw. dial. *pòrod* ‘djete, djeca’: Pajo nema svog *pòroda* (Sekulić 2005: 426²).

Wspomnianą opozycję ‘zbiorowość’ : ‘jednostka’ znakomicie ilustruje inny polski leksem z rdzeniem **rod-*: *naród*. Jedno z wielu ogniw – wyprowadzalnych ze wspólnego kolektywnego ‘ogół członków’³ – ‘potomstwo, dzieci’ stworzyło możliwość wyłonienia się znaczenia singulatywnego ‘potomek, dziecko’. Dowodzi tego dokumentacja zgromadzona w Słowniku gwar polskich: por. *naród* ‘lud, ludzie’ (z Lubelskiego, Kujaw, Litwy), ale także wyraziste: „A usnijże, ty mały *narodzie*, com cie znalazła w marchwi na ogrodzie” (z kołysanki), „*Narody* = małe dzieci”, czy „mieli dziewięcioro *narodu*” (Karłowicz III 260).

W badanej rodzinie wyrazowej sporą podgrupę stanowią wyrazy dające się przyporządkować leksyce następujących pól semantycznych: 1. ‘obfitość (plonu), urodzajność; dorodność, uroda’, 2. ‘nieurodzaj, brak plonu’, czy wreszcie 3. ‘zmiana (cech gatunkowych)’.

Przyjrzyjmy się nieco baczniej materiałowi słowiańskiemu skupionemu wokół trzeciego z wymienionych pól semantycznych. Fakty językowe dowodzą niezbicie, że poświadczone w słowiańszczyźnie enancjosemiczne znaczenia ‘degeneracja, zwyrodnienie, wynaturzenie; brzydota’ – z jednej strony, a z drugiej – ‘piękno, uroda’ to wynik ewolucyjnych procesów semantycznych. Punktem wyjściowym dla tych podążających w przeciwnych kierunkach zmian jakościowych musiało być jakieś znaczenie neutralne ‘każda (wyraźnie dostrzegalna) różnica, przeobrażenie, zmiana w stosunku do stanu, obiektu lub subiektu, z którym coś lub ktoś jest porównywane/-y’. Znaczenie ‘zmieniać się pod względem fizycznym bądź psychicznym, przeobrażać się, przeistaczać się’ musiało zatem stanowić etap początkowy dający asumpt kolejnym stadiom rozwojowym, obserwowanym na przykładzie słowiańskich kontynuantów **ǰzrod-*. Intuicyjnie

² Ciekawe, że w charakterze nomen actionis wyspecjalizował się w danej gwarze derywowany za pomocą omawianego już suf. **-ǰajb* wyraz *pòrodaj* ‘proces kojim završava trudnoća kad zreli plod izlazi iz utrobe i počinje svoj životni vanjski tijek’: Matilka je imala teški *pòrodaj*.

³ Boryś 352 podaje: **naród** od XV w. ‘nacja’, ‘lud’, stpol. ‘plemię, lud’, ‘pokolenie’, ‘ród, rodzina, krewni’, ‘potomstwo, dzieci’, daw. ‘ród’, ‘rodzaj’, ‘rodzina’, ‘płec’, ‘genealogia’, dial. ‘ludzie’; stp. XV w. też *naroda* ‘ród, potomstwo’. Ogsł.: stcz. *národ* ‘wszystko, co się narodziło, co obrodziło, stworzenia, płody, plony; gatunek zwierząt, ród ludzki, płec; naród, narodowość, plemię; krewni, pokolenie, potomstwo’, cz. ‘naród’, pot. ‘lud, ludzie’, r. *naród* ‘naród; lud; ludzie’, scs. *narodъ* ‘naród; lud, ludzie, gromada’. Psł. **narodъ* ‘to, co się narodziło, urodziło, obrodziło’, rzecz. odczas. (nazwa czynności wtórnie skonkretyzowana) od psł. przedrostkowego **na-roditi* ‘urodzić’, p. *narodzić* (o pochodzeniu zob. *rodzić*). Pierwotne znaczenie ‘narodzenie’, stąd ‘to, co się narodziło, urodziło’, z czego dalsze znaczenia.

na taki ciąg ewolucyjny wskazał W. Dal, p: „Слово изродный, как и уродливый, принимает двоякое значение выродка, в хорошем и дурном смысле” (Даль II 73).

Zwykła perfektywizacyjna funkcja suf. *jьz-* (ew. *sъ-*, gdyż nie zawsze udaje się odtworzyć postać wyjściową) dobrze poświadczona jest w grupie zachodniej: pol. *zrodzić -dzę* od XV w. ‘zrodzić, wydać na świat potomstwo; porodzić’ (SSp XI 474 z BZ: Cy wszitci bily spoymaly zoni sobye s czvdzego rodu, a bili zoni gich, gesz bily *zrodzili* sini; dziś także np. w dial. kasz. i sli. *zrozęc (zrozęc)*, Sychta VI 3334), głuź. *zrodzić -i* ‘ts.’ (Zeman 1967: 618), czes. *zroditi* książk. ‘ts.’ (PSJČ 8: 817), sła. *zrodit* ‘ts.’: v otroctve *zrodila* ma mat’, ‘dać początek czemuś’ (SSJ V 718). Znaczenie ‘urodzić, wydać na świat’ poświadczane jest także w językach południowosłowiańskich: sch. *izròditi izrodím* od XVII w. (RJA VIII 298), bułg. dial. (Kostur) *izpòda* (БЕР VI 301 s.v. *подя*; dawniej także *изподя се* ‘urodzić się’ — ПРОДД 177), maced. *изроду* ‘narodzić, rodzić (radzać)’ (PMJ 288) oraz wschodniosłowiańskich: strus. *изродитися* od XII w.: **И то село есть святых пророкъ, тоу бо соуть изродилися святии пророци и то ихъ есть отчина** (СРЯ XI–XVII вв. 6: 205, Срезневский I 1078), ros. dial. mosk. *изродить*: от сиволапых *изрождены* (СРНГ 12: 169), wołog. *изродить -рожу́ -ро́дят*: Если *изро́дишь* надо за ребятами ухаживать... (СлВологд III, 16).

Niektóre z czasowników z rdzeniem **rod-* i pref. *jьz-* mają wyraźnie wyczuwalne już zabarwienie negatywne, co dowodzi przesunięcia semantycznego „*in minus*”: ‘urodzić (się) w stanie gorszym od poprzednika; charakteryzować się gorszymi, cechami osobniczymi’ > ‘wyrodzić się, stać się zwyrodniałym (bezpłodnym, nie przynoszącym urodzaju)’. Dowody takiego przekształcenia znajdujemy w naszym materiale: sło. *izrodíti* ‘spremeniti na slapše’ (SSKJ II 164 s.v. *izrodítev*), *izroditi se* ‘wyrodzić się; stać się jałowym, bezpłodnym’: drevo se je izrodilo (Pleteršnik I 341), rodila 10 otrok, pa se še *ni izrodila* (SSKJ II 163⁵), sch. *izròditi se* (dial. też *zrodit se*) ‘zdegenerować się’ (RJA VIII 298, też dial.: Kranjčević 2004: 264, np. krumpir mi *se izrodil*, Mahulja 2006: 394), o ziemi ‘stać się jałowym’, bułg. *изродя* : *изродявам* ‘moralnie spaczyc’: чумоносната сиромашия обезобразява телата, *изродява* душите (РБЕ VI 627), *изродя се* (por. też *израждам се*) ‘wyradzać się, (za)tracić fizyczne lub

⁴ Por. jednak dawniejsze nacechowane semantycznie ‘odrodzić, odmłodzić, odświeżyć, ożywić, orzeźwić’ (SJP VIII 610) — wskazujące pośrednio na znaczenie ‘uczynić młodszym, świeższym, znacznie żywszym’ w stosunku do stanu poprzedniego.

⁵ Ogniwo pośrednie ‘przerodzić się, przeobrazić się w coś’, pozbawione wszakże ładunku emocjonalnego, ilustruje przykład *jezik se je v razna narečja izrodil* = die Sprache hat sich zu verschiedenen Mundarten umgestaltet (Pleteršnik l.c.).

moralne właściwości swego gatunku; dawać gorsze, słabsze pokolenie; o roślinach ‘wyradzać się, przynosić mniejsze plony’ (РБЕ VI 627, Геров II 297, БЕР VI 301), maced. *изроди се* wyrodzić się, zdegenerować się’ (PMJ 288), strus. *изрожатиса* XVI w. ‘вырождаться, перерождаться’: **На мокрых земляхъ ... в овес изрожається зерно пшеничное** (СРЯ XI–XVII вв. 6: 205; XVI w.), ros. dial. *изродиться* (: *изрождаться*) ‘wyrodzić się, zmienić lub stracić cechy gatunkowe’: у нас пшеницу сеять нельзя, *изрождается* (ok. Kaługi, Pskowa), совсем *изродился* овес (Wiatka); ‘stać się jałowym, przestać wydawać plon’: Землица наша *изродилась*, выпахали её; także przenośnie w odniesieniu do kobiety w okresie przekwitania: Эта женщина *изродилась* (Kaługa 1849, СРНГ 12: 168).

Interesujące jest to, że tożsame pod względem morfologicznym formacje czasownikowe, zdołały wyabstrahować zgoła biegunowe znaczenia: w opozycji bowiem do znakomicie zachowanej treści ‘tracić cechy gatunku, wyradzać się’: ‘tracić zdolności reprodukcyjne; stawać się jałowym’, istnieją także poświadczenia nacechowane dodatnio ‘obrodzić (ponad miarę); przynieść doskonały plon’: pol. dial. *zrodzić się* np.: pszeniczka mi się *zrodziła* (Karłowicz VI 413), bułg. dial. *изрòда се* ‘obrodzić obficie (urodzić w wielkiej ilości) = obfitować’ (БД IV 106), maced. *изроди се* ‘obrodzić (obficie)’, ros. *изродиться* o roślinach, zbożu ‘dać obfity plon, udać się’⁶.

Z kolei, przykład z rosyjskich gwar okolic Wiatki: хорош мальчик *изродился*, в солдатушки сгодился; czy *изродился* весь в отца nie mieści się w ramach opisywanych przeobrażeń semantycznych: brak tu punktu styczności z którymkolwiek ze wskazanych ogniw ewolucji znaczeniowej, czy to “*in plus*”, czy „*in minus*”. Konteksty użycia tychże czasowników wskazują bowiem wyraźnie na kontynuację linii cech, przekazanych przez „dawcę”, co w języku polskim jest realizowane przez czasownik z prefiksem *w-* > *wrodzić się* (w kogo) = ‘być dokładnie takim jak „pier-

⁶ Paralelny przykład rozwoju semantycznego znajdujemy w niektórych kontynuacjach psł. **per-rod-*, por. w rosyjskim materiale gwarowym opozycyjne znaczenia verbum *перерождаться* ‘давать урожай в избытке’ obok ‘перестать произрастать’, ‘истощаться (о земле)’, z okolic Świerdłowska *перерождаться* ‘вымирать, о людях’: старый народ *перерождается* (СРНГ 26: 208), pol. *przeradzać się* ‘wyradzać się, przemieniać się kolejną pokoleń, tracąc jedne cechy a przybierając drugie’, *przerodzić się* ‘przestać być płodnym’ (Słownik języka polskiego 1861: 1255). Także nomen deverbale: *перерод* ‘обильный, очень большой урожай’: У нас, благодаря бога, *перерод* во всём, будем сытыя в орозуци do ‘не урожай вследствие дождливой погоды’, czy też ‘ухудшение сорта, породы; утрата прежних ценных свойств, высоких качеств’ w odniesieniu do ziarna, które straciło swe właściwości, wyjałowionej ziemi, zwierząt, które utraciły cechy rodziców — СРНГ 26: 206.

wowzór”, być bardzo podobnym do kogoś’ (por. takie sformułowania jak: wykapany syn, kropka w kropkę = ros. *мочь-в-мочь*).

O znaczeniach nomen deverbale **jьzrodъ* (i deminutivach: **jьzrodьkъ*, **jьzrodьcъ*; adi. **jьzrodьnъ*), nawiązujących bezpośrednio do podstawy czasownika **jьzroditi*, tj. ‘narodziny, urodziny’: ‘zaczątek, początek; powstanie’ oraz neutralnym — ‘potomek, dziecko’ była już mowa wyżej. W dalszej części niniejszej analizy postaramy się dać odpowiedź na pytanie, czy i w jakim zakresie w materiale słowiańskim poświadczono są znaczenia dające się wyprowadzić z ogólniejszej treści ‘zmiana, przeobrażenie, przemiana’. Zebrane dane pozwalają udzielić odpowiedzi twierdzącej: istotnie, duża część znaczeń szczegółowych omawianego wyrazu niepodważalnie oscyluje wokół podstawowego ‘zmiana’. W diapazonie tego pola semantyczno-strukturalnego mieszczą się pojęcia ogólne (abstrakcyjne), jak np. ros. dial. (ok. Permu, z 1930 r.⁷) *узрод* ‘wyniszczenie, wytrzebienie, zagłada, wykorzenienie’ (CPHG 12: 168), sł. *izròd izròda* m. ‘das Ausgeartete = zwyrodniałość, wynaturzenie; coś zwyrodniałego, wynaturzonego’, ale przede wszystkim konkretne: sł. *izròd* ‘ein ausgearteter Mensch = wynaturzony człowiek, potwór’ (Pleteršnik I 341; także SSKJ II 163: np.: on je v družini *izrod*); także *izrojênc* ‘człowiek niemoralny, zwyrodnialec’, sch. *izrod* od XVI w. ‘wyrodek, degenerat’, np.: *izrod* od svojijeh starijeh; Da je pogrda, neprilika (RJA IV 297), dial. czarnog. *узрод* ‘odszczepieniec, wyrodek; potwór (człowiek z defektem fizycznym)’ (Вујићић 50), bułg. *узрод* ‘człowiek z defektem fizycznym; potwór, dziwoląg’ (РБЕ VI 626, Геров II 297), dial. rodopskie *узродок* ‘chuderlak, osoba niedożywiona; potwór, poczwara’ (БД V 174), w dial. także w innych odcieniach znaczeniowych wskazujących na defekty umysłu ‘człowiek niebezpieczny, okrutny, bez zasad moralnych; zwyrodnialec’ (w tym znaczeniu też daw. *узрòда*, por.: звер в человеческа ма-ска, *узрода* человеческа — l.c.), ‘człowiek nierozgarnięty, ograniczony umysłowo’ (БЕР VI 301⁸, РБЕ l.c.), maced. *узрод* ‘wyrodek, degenerat’ (PMJ 288), ros. dial. *узрòдок* ‘wyrodek’ (CPHG l.c.: pskow., twer.). Z przedstawionych danych nie trudno wnioskować, że odnoszą się do istoty ludzkiej z jakimś defektem (fizycznym lub psychicznym). W tym wypadku rozwój semantyczny przybrał zdecydowanie tor „in minus”, możemy więc mówić o wyraźnej specjalizacji semantycznej rzeczownika, w przeciwieństwie do bazowego czasownika, gdzie w obrębie nawet tego samego

⁷ Warto zaznaczyć, że w wydanym niedawno dwutomowym słowniku dialektalnym *Словарь пермских говоров* (I–II, Пермь 2000–2002) wyraz ten nie jest już notowany.

⁸ Por. także z negatywną konotacją: bułg. dial. *узрод* ‘chwast wśród zboża’, *узрòдуи* ‘zwierzę, które zatraciło cechy gatunku, wyrodziło się’, *узродък* ‘małe jajko’ (БЕР l.c.), sł. *izròdek*, -dka ‘to, co się wyrodziło’: rastlinski, živalski *izrodek* (SSKJ II 163) i inne.

języka poświadczane są treści o zabarwieniu tak pozytywnym, jak i negatywnym. Zwykle pejoratywne zabarwienie posiadają także przymiotnikowe kontynuanty *jъzrod-: por. sł. *izróden* ‘abartig’ (Pleteršnik: Cig.), sch. *izrodan* ‘koji se izrodio’, w XVI w. ‘kojega se mnogo izrodilo ili koji mnogo izrodi’, ‘wyrodny (< gorszy od swych rodziców)’: ja *izrodni* i opaki sin (RJA l.c.), bułg. dial. *izpoden* ‘charakteryzujący się gorszymi właściwościami (także umysłowymi) od swoich przodków’, także ‘zwyrodniały moralnie’ (PBE, БЕР l.c.), maced. *izpoden* ‘wyrodzony, zwyrodniały, zdegenerowany’ (PMJ); strus. (wg odpisu XVI w.) *изродьныи* przen. ‘wypaczony, skażony, nieprawdziwy’ (Срезневский I 1078), ros. dial. *изрѳдныи* хлеб ‘wyrodzone zboże’, pej. ‘ten, który się wyrodził’: *изрѳдныи сын* ‘syn marnotrawny’ (Даль II 73).

Na szczególną uwagę zasługują niektóre poświadczenia wschodniosłowiańskie, zwłaszcza z dialektów rosyjskich. W gwarach pskowskich poświadczony jest leksem *изрѳды* pl. ‘rodzina, krewni’ i bliski semantycznie adi. *изрѳдныи* ‘nierodzony (przyrodni)’ (ib.), twer. ‘cioteczny, stryjeczny’ (СРНГ 12: 168). O ile dla tych znaczeń możemy wyznaczyć punkt styczności z poprzednimi (mam tu na myśli stopniowe oddalanie się od wspólnego źródła), o tyle poświadczenia z północy Rosji, tj. z gwar archang. i wołogodz. ‘postawny, przystojny; ładny, urodziwy’: pr. (w pieśni ludowej): Добры кони у нас не удалы, Молоды жены у нас не *изрѳдныя* (СРНГ l.c.), Жена-то у него *изрѳдная* была (СлВологд III 16) oraz ukr. *зрѳдно* adv. ‘urodzajnie (obficie)’ (Гринченко II 183) dowodzą wyraźnie przeciwnego kierunku rozwoju. Tak jak to było w przypadku omówionych wcześniej kontynuantów czasownika *jъzroditi, i tutaj mamy do czynienia z rozwojem enancjosemicznym. Zjawisko to równie, a może nawet jeszcze bardziej wyraziście daje się zaobserwować na przykładzie innych formacji z rdzeniem *rod-, takich chociażby jak *urod-, czy *vyrod-, które zostaną przedstawione przy innej sposobności.

Dodatkowy wykaz słowników

- Kranjčević 2004** — M. Kranjčević, *Ričnik gãčke čakãvščine. Kõnopoljski divã*. Rijeka.
Kumaniecki 1957 — *Słownik łacińsko-polski*. Według słownika H. Mengego i H. Koppii opracował K. Kumaniecki, Warszawa.
Mahulja 2006 — I. Mahulja, *Rječnik omišaljskoga govora*, Rijeka–Omišalj.
Plezia 1974 — *Słownik łacińsko-polski* pod red. M. Plezi, T. IV, Warszawa.
Sekulić 2005 — A. Sekulić, *Rječnik govora Bačkih Hrvata*, Zagreb.
Słownik języka polskiego 1861 — *Słownik języka polskiego*, Wyd. M. Orgelbrandt, I (A–O), II (P–Ż); (ciągła paginacja), Wilno.
Zeman 1967 — H. Zeman: *Słownik górnołużycko-polski*, Warszawa.

*

Варбот 1969 — Ж. Ж. Варбот, *Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика*, Москва.

Вујичић — М. Вујичић: *Рјечник говора Проиђења (код Мојковца)*, Подгорица 1995. (Посебна издања ЦАНУ књ. 29, Одјелјење умјетности књ. 6).

Даль = Дальз.

СлВологд — *Словарь вологодских говоров*, ред. Т. Г. Паникарская, т. I нп., Вологда 1983.

ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка I–XVII*, Москва / Ленинград 1948–1965.

Bogumił Ostrowski (Cracow)

**Some lexical types and their semantics
(Derivatives from Proto-Slavic stem *rod- in Slavic languages)**

Summary

The aim of this paper is to make a thorough study of the semasiological development of the words with Proto-Slavic stem *rod- in Slavic languages. The research is based on both historical and dialectal facts. Originally Proto-Slavic *rodъ (< IE *ured^h- / *uerd^h- ‘grow (up), strengthen, rise’ : ‘something that thrives and prospers’, and, as a result, ‘something shot up, well-developed’) was used to designate ‘harvest and abundance (especially of crops)’ as well as ‘prosperity and a lucky coincidence’. In the course of time its meaning has evolved towards ‘tribe’ (< ‘growing up together’ and ‘kinship based on blood ties’); ‘family; relationship’ and ‘birth, provenance (e.g. humble)’. Also well documented are the semantic groups ‘the set of characteristics received from one’s ancestors; inheritance’; ‘inclination and tendency to do something’ as well as ‘type, sort or quality, breed, species’. Additionally there are some examples of the meaning ‘clan member, fellow tribesman; child’ and ‘descent’. The analysis is based on the parallelism with Latin word *partūs* ‘childbirth; kin, descent’. Proto-Slavic derivatives *rod’ajъ : *urod’ajъ : *porod’ajъ are also taken into consideration. Special attention is paid to some prefixed forms within the semantic scope of ‘embryo (egg)’ > ‘young creature’ > ‘child; young animal; nestling’. Finally an interesting instance of enantiosemy is analysed concerning the semasiological development of the continuants of PSI *jъzrod-.

Keywords: semasiology / semantics, semasiological development, semantic group, enantiosemy, Slavonic languages.

bostr@interia.pl

ISBN 978-86-7025-451-0, (2007), p. (349–359)

УДК 811.163.41'373.423

811.163.41'373.424

811.163.41'373'6

Снежана Петровић (Београд)

Раздвајање хомонима: словенско-балканска прожимања*

У раду се лексема *јурија*, у РСА дефинисана као једна реч са више значења, раздваја на четири потенцијана хомонима: „слободан простор, поље, утрина“ (турцизам), „време од Митрова до Ђурђева дана кад се стока слободно креће по пољу и мешају стада“ (турцизам или домаћа реч), „трка, јурњава, метеж“ (вероватно домаћа реч) и „невреме, непогода“ (нејасног порекла, вероватно плод контаминације).

Кључне речи: српски језик, етимологија, хомонимија, турцизам, лексичка контаминација, дијалекатска лексика.

Препознавање и лексикографски третман хомонима проблем је са којим се често суочавају писци како етимолошких, тако и описних речника. Задатак је, на првом месту етимологије, да разграничи и протумачи хомонимне речи, али хронични недостатак савремених приручника ове врсте за српско-хрватски језик умногоме отежава њихову адекватну обраду и у описним једнојезичним речницима. Тако се у РСА, у коме по правилу хомоними имају засебне одреднице, под једном лемом која гласи *јурија*, највероватније нашло неколико разнородних лексема. У овом пак речнику, *јурија* је дефинисана као реч са више значења, и то: „1. слободан (обично раван) простор, слободно земљиште, пространство, ширина; 2. време од последње косидбе до пролећног забрањивања ливада (од Митрова до Ђурђева дана) кад се стока слободно креће по пољу и мешају стада; простор који се тако ослободи за стоку; 3. трка, јурњава, метеж; необузdana гомила, хајка, потеря; 4. невреме, непогода“.

Овде ћемо покушати да образложимо да се у случају ове одреднице не ради о речи широког семантичког дијапазона, већ о четири потенцијална хомонима.

* Овај текст је резултат рада на пројекту 148004: „Етимолошка истраживања српског језика и израда *Етимолошког речника српског језика*“, који у целини финансира Министарство науке Републике Србије.

јурија I

јурија f. „слободан (обично раван) простор, слободно земљиште, пространство, ширина“: Једног дана на дорђолској јурији освану нова новцата „фабрика обуће Стела“ – Требало [би] да је гробље ограђено тако да не буде јурија свему свету. књиж. (РСА),

јурија f. „неограђен простор“ Призрен (Чемерикић)¹,

јурија f. „празно поље, неограђен простор“ Косово (Елезовић II 518–519)²,

јурија f. „пуста пољана, утрина, општинско земљиште“ Тимок (Динић I 114),

јурија f. „широк, неограђен простор“: Авлија ми се претворила у јурију. Лесковац (Митровић),

јурија „сеоска земља, утрина“ Тимок (Михајловић 161),

топ. *Јурија* један део Скопског поља (Skok 1:787),

мтоп. *јурија* горње Међурово код Ниша (Ђапић 217).

Лексема *јурија* најбоље је посведочена у значењу „празно поље, неограђен простор“, а њу у својим речницима помињу Скок, Кнежевић и Михајловић.

Скок Елезовићеву потврду, као и топоним *Јурија* смешта под одредницу *jürdisat* и изводи од тур. *yürü*. Без обзира на то што овај турски облик не бележе речници, из дискусије коју даје Скок јасно је да се српско *јурија* доводи у везу са турским глаголом *yürümek* „ићи, кретати се, напасти“ од чијег је девербала *yürüyüş* „напад“ српско-хрватско (а и шире, балканско) *јуриш* и сл.

Кнежевић има само апелатив из речника Глише Елезовића и тумачи га од тур. *yuriya*, које карактерише као застарело не наводећи му значење. Како се у одредници не налази лексикографски извор из кога је турска реч преузета, а нама доступни савремени, дијалекатски и историјски речници је не бележе, она се на основу граfiје коју даје Кнежевић не може повезати са етимомом који предлаже Скок, нити јој се може реконструисати значење.

¹ Чемерикић не даје никакву дефиницију за ову реч, већ је само пореди са другим примером из РСА који је горе наведен под тим извором. То није усамљен случај у његовој збирци, тако да се реч, уз извесну резерву, може ипак сматрати аутентично призренском.

² Елезовић ову реч дефинише као апелатив, али даје само један пример: У Скопљу *Јурија* име једног дела скопског поља из кога се може закључити да се ради о (микротопониму). То је уједно и потврда коју Skok 1:787 наводи као топоним.

Михајловић не узима у обзир Скокову и Кнежевићеву етимологију, већ само констатује да би извођење речи *јурија* „(од лат. *area*) коју предлаже аутор чланка одакле је ексерпирана реч захтевала аргументовано фонетско објашњење о преласку слога *ar-* у *ју-*“ (Михајловић 161). Досадашња тумачења из турских језичких средстава нису задовољавајућа из најмање два разлога: у оба случаја (турски) етимони су непоуздани – код Скока је он по свему судећи чак реконструисан и формално нејасан, док семантика остаје потпуно необјашњена. Заједничко и једном и другом објашњењу јесте то што се за српско *јурија* претпоставља почетно етимолошко *у-* у турској речи.

Међутим, уколико се домаће *јурија*, које је забележено углавном на територији Косова и Метохије и југоисточне Србије, повеже са формално и семантички блиским *урија* „општински пашњак; име пашњаку или уопште широком пољу; ливада; неорана њива“ потврђеним у Босни и Херцеговини и Лици, указује се могућност за адекватније етимолошко објашњење:

јурија f. често pl. „општински пашњак; име пашњаку или уопште широком пољу“ БиХ, Лика (RJA)³,

јурије pl. „пашњак“: Гоне благо на урије. Поткозарје (Далмација),

јурија f. „пашњак, ливада, мера (особито близу реке)“ (Škaljić 633),

урија „пашњак“: Све га ђого низ урије чепа, Све од Сења до Рада влашкога. (Херман, грађа РСА),

урија f. „неорана њива“ Босна, Прњавор (грађа РСА),

урија у примеру: Када пројду кроз село, онда иду на урије (пашњаци) пустаре, где марву ... пасу. Славонија (грађа РСА),

мтоп. *јурије* pl. дио Приједора: Станујем у Уријама (у Приједору). Њего је са Урија. Поткозарје (Далмација),

Урије назив за широко поље (RJA).

Škaljić 633 облик *урија* из народне песме из Босне и Херцеговине изводи од тур. *örü* без икаквог значења. Скок нема реч *урија* у оквиру одредница већ је само s.v. *tratina* помиње у дефиницији значења: „необрађена земља у близини села куда је порасла ситна трава за ситну стоку, рудина, утрина, **урија**, потрица“ (Skok 3:493).

Стандардни турски речници реч *örü* бележе углавном у значењу „плетење; зид, ограда; ткање, сплет; усправан“ док је она у дијалектима широко потврђена управо као „пашњак; врх, узвисина, поље, отво-

³ У RJA ова лексема је одређена као „реч туђега, по свој прилици, турскога подријела“.

рен простор, обронак“ (DS 3351). Турском *örü* у потпуности одговара српско *урија*, семантички, а уз извесна фонетска појашњења, и формално. Наиме, почетно српско *у-* могло би се изводити и из турског *ö-*, но, промена почетног *ö-* у *ü-* у западнорумелијским турским говорима регуларна је и могла би се чак и реконструисати, али је варијанта *ürü* „место на пољу на коме стока лежи, спава“ (SDD 1435) забележена у околини града Болу (југоисточно од Истанбула). Она представља адекватнији етимон српском *урија*, посебно кад се зна да у западнорумелијским турским дијалектима финални вокал увек гласи *-i* те би претпостављени дијалекатски облик гласио **üri*. Реч *јурија* се такође, без значајнијих препрека, изводи од тур. *ürü*, **üri* – почетно тур. *ü-* може бити преузето као *ју-* што је појава која је потврђена код српских, а и других балканско-словенских турцизама: *јурнек* „мустра, образац“ Ниш, Врање (РСА), Призрен (Чемерићи), поред *јурнек* „id.“ (Škaljić 633), мак. *јурнек*, *урнек* (Јашар-Настева 79), буг. *јурнекъ*, *урнекъ* (Младенов 700, 654) од тур. дијал. **ürnek*, поред *örnek* „id.“, затим *јурџија* „врста веће мараме за покривање главе“ (РСА)⁴ поред *јурџија* „покривач“ (Škaljić 633) од тур. дијал. *ürti* „id.“ Призрен (Jusuf 184), поред *örtü* и сл.

Разлика у значењу између речи *јурија* „слободан (обично раван) простор, слободно земљиште, пространство, ширина; пуста пољана, утрина; празно поље, неограђен простор“ и *урија* „(општински) пашњак; ливада“ не представља непремостив проблем за прихватање ове етимологије. Пре свега и у турским дијалектима посведочено је значење „отворен, широк простор“, а с обзиром на то да су ова два облика ареално ограничена, један на Србију, а други на Лику и Босну и Херцеговину, код варијанте *јурија* могло је доћи и до ареално изолованог семантичког развоја „(општински) пашњак; широко поље; неорана њива“ → „утрина; слободно земљиште; ширина“. Исти семантички дијапазон забележен је код домаће речи *ујтрина* „пашњак, општи назив државног земљишта на коме се напаса стока“: Утрина је државни пашњак, слободно, необрађено (земљиште). Криви Вир (Ракић-Милојковић 136).

Од осталих балканских језика, једино су још у бугарском забележене паралеле овом, у српско-хрватском језику широко потврђеном турцизму и то углавном у дијалектима: буг. дијал. *јурје* „одређена област“ Родопи (БД 2:177)⁵; *јурџа* „пољана“ Батак, *јурје* „одређена

⁴ У српском призренском говору је забележен облик *јурџија* „покривач, арњеви“ (Чемерићи).

⁵ У речнику овог говора није дата њена етимологија, већ је само кратко назначено да се ради о речи турског порекла. Иначе, родопски говор карактерише значајан

област“ Смољан, Ардин, Мадан, Асеновград, Девин, *юрѝа* „област, покрајина“; „област“ Стурјан, Смољан; „заштићена област за делатност одређених занатлија, обично два, три села“ Родопи, *юрѝа* „једно, два или неколико села у којима бакарције и калајције извесно време обављају свој занат“ Хр. Вакарелски; „одређено место за овце; место одређено за пашу једног стада оваца; (ис)паша“⁶ Средњи Родопи, *юрѝѝе* „необрађена земља“ Мадан⁷.

Турске речи *örü* и *ürü* нису сродне са глаголом *yürümek* у чију породицу речи Скок смешта српско *јурија*. Обе представљају домаће речи, сродне са општетурским *ör* „врх, узвишење“ и глаголом *örmek* „подизати се, стајати; ићи на пашу (о стоци)“ (Севортјан 1:542–543). Сематичку паралелу за значења „пашњак, испаша“ од глагола који као базичну има семантику „подизања“ представља и српско *издиг* т. „летње изгоњење стоке у планину ради испаше; летњи боравак са стоком на планинским пашњацима, катун, бачија“ Црна Гора, Шумадија, „насеље са колибама и торовима за летњи боравак сточара и стоке у планини, бачија, катун, стан“, „уздизање, успон; одлазак, пресељење на више место“, које је деноминал од *издизаѝи* „одлазити са стоком на издиг; истеривати стоку у планину ради летње испаше“ поред „подизати“ (РСА).

У српском језику посведочене су још неке речи које се могу довести у везу са *урија*, *јурија*. Једна од њих је *јурѝина* коју бележи РСА само у једном примеру, дефинишући њено значење као нејасно: Елем, државне те јасле увијек пуне чекају, па само зобљеш ону јурѝину. Онда се врај возиш оним ђаволом што Швабе измислише и народу дајеш обећања. Значење ове речи може се одредити као „пашњак, утрина“ ако се узме у обзир потврда из Рожаја *јурѝина* у значењу „ничѝја земља, заједничка испаша, утрина“: Беху заузел’и цијелу јурѝину, не мореш ни овце да прогнаш (Надѝић). Оне се могу протумачити као контаминат од турцизма *јурија*, који је потврђен на терену Косова и Метохије, близу Рожаја, и домаћег *уѝрина*, оба у значењу „(општински) пашњак“. Занимљиво је да аутор рожајског речника напомиње да се реч *уѝрина* не јавља у народном говору.

број лексике пореклом из турског, а такође су забележени турцизми са почетним *й*-од тур. *й*-: *йурѝек* „мустра“, *йул’кѝ* „земља“ Родопи (БД 2:177).

⁶ Није извесно, због особене семантике, да ли овамо спада и буг. дијал. *јуриа* „без правца, циља“ Копривштица из истог извора, или се можда може довести у везу са *јурија III*.

⁷ Овом приликом се захваљујем колегиници Десислави Борисовој из Софије која је сакупила и послала ми наведене бугарске потврде из дијалекатске картотеке Института за бугарски језик БАН.

У етимолошки нејасне речи спада и лексема *apilja* f. „неплодно, обично пространо земљиште“ Врање (Златановић). Она би се могла довести у везу са *јурија*, која је, поред тога што има готово истоветно значење, забележена и на ареално блиском терену југоисточне Србије. Проблем, међутим, представља фонетски лик речи из Врања. Могло би се поћи од турског облика *örü*, уз претпоставку да је он позајмљен као **орија* а да је потом у локалном говору дошло до промене почетног *о-* у *а-* као у случају турцизма *ошав*, који је у истом извору забележен и као *ашав*.

Са анализираним речима, уз значајну неизвесност, може се повезати и хапакс *урија* забележен само у долини Цетине у Далмацији: Кад каква ствар ... прирасте к туђој, као каква рјечина кад наплије и споји се с овом туђом земљом, она овога постаје као својина; али не код ирија. (Богишић 1874:421, РСА). Највећа тешкоћа приликом тумачења порекла ове речи јесте њено нејасно значење. Како је извор Богишићев *Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih Slovena*, оно се може протумачити као „општинска земља“ или „општинска ливада“ и довести у везу са турцизмом *урија*. Почетно *и-* у том случају, теоретски било би рефлекс турског *ü-*, што је појава која се јавља у неким српским дијалектима, па тако поред *уцера* „ћелија, соба“ и *хуцера* „id.“ имамо и *ицёрка* Призрен (Чемерикић) од тур. *hücre* (Škaljić 335). Али уколико се значење схвати као „временска непогода, стихија“, вероватним се чини њено повезивање са речју *урија* „ружно време; снажан ветар, олуја“, о чему ће бити речи под **јурија IV**.

јурија II

Друго значење речи *јурија* које бележи РСА јесте „време од последње косидбе до пролећног забрањивања ливада (од Митрова до Ђурђева дана) кад се стока слободно креће по пољу и мешају стада; простор који се тако ослободи за стоку“, и у етимолошким речницима оно до сада није тумачено. Семантички ова реч стоји веома блиско речима *урија* „пашњак“ и *јурија* „слободно земљиште, пространство“ с једне стране, али и глаголу *јуриџи* „гонити, терати“ с друге стране. Уколико би се претпоставило да је њено примарно значење „простор који се ослободи за стоку“, дакле „место за испашу“, а да се „време за испашу“ секундарно развило из првог, онда би ова реч била исто што и **јурија I** и не би је требало третирати као хомоним већ као семантички развој у оквиру једне исте речи. Близак семантички дијапазон има и лексема *издиг* која изворно значи „летње изгоњење стоке у планину“ а тек одатле „насеље за летњи боравак сточара и стоке у плани-

ни, бачија“. Међутим, ако би се пошло од значења „слободно кретање стоке по пољу“ које се развило у → „време када се стока слободно креће по пољу“ а затим и → „слободан простор“ *јурија* би се могла тумачити и као девербал на *-ија* од глагола *јуриџи* „гонити, терати стоку“⁸. У том случају радило би се о домаћој, словенској речи, истог крајњег порекла као **јурија III**. Код оба понуђена тумачења могло би се допустити накнадно формално и семантичко укрштање две различите породице речи.

јурија III

Треће значење речи *јурија* које даје РСА јесте „трка, јурњава, метеж“, „необузdana гомила, хајка, потеря“ из Парађина и Дучаловића. И у пиротском говору забележена је реч *јурија* у значењу „јурњава, метеж“ (Живковић). Овај пиротски пример Стаховски тумачи од турског непотврђеног **yürüyü* које би било дериват од глагола *yürümek* „ићи, кретати се, напасти“ (Stachowski 42). Вероватније је ипак да се ради о домаћој речи, девербалу на *-ија* од *јуриџи* „брзо ићи, трчати, гонити“ < псл. **juriti* (*se*) (ЭССЯ 8:198–199). Иако овај творбени модел није посебно продуктиван у српском језику, постоје аналогне творбе типа: *морија* од *мориџи*, *љуџија* од *љуџиџи*, *јоложија* од *јоложиџи* и сл. (Skok 1:711–712)⁹. Код значења „хајка, потеря“ могло је доћи до семантичког наслањања на турцизам *јуриш* „напад“, *јуришаџи* „напасти“.

јурија IV

Реч *јурија* у значењу „невреме, непогода“ бележи једино РСА и то само у примеру из приповетке Јована Миодраговића, на основу кога би се она могла прецизније дефинисати као „бујица, велика и снажна вода“: Свуда вода. Однесе све! ... Поводањ! Поплава! ... А под нашом крушком обрћу се вирови, тече вода низа стабло, капље с грана и лишћа, а ми под њом готово суви! Посматрајући беснило ове **јурије** и онога мутљага, ми смо имали кад да се померимо с онога места на друго, кад нас вирић каква огрезне и растера. Јован Миодраговић [Шумадија] (РСА). Формал-

⁸ За суфикс *-ија* у српско-хрватском језику, који је грчко-романског порекла, од нгр. *-ία*, лат. > ит. *-ia* и служи за творбу девербалних именица в. Skok 1:711–712.

⁹ О суфиксу *-ија* в. претходну напомену. Поред горенаведених примера, као и оних поменутих код Скока l.c., у народном говору је посведочено и *киџија* „пљусак, невреме“ (усмено М. Пижурица) < *киџиџи* „стварати велике таласе, вртлоге, ударати, ковитлати воденом масом, бити узбуркан, бучати, хујати (о мору, реци)“, поред „врети, кључати и др.“ (РСА).

но она се може тумачити као девербал од глагола *јуриџи* у значењу „брзо, бујно, у бујици тећи, вретити, сливати се“, истог крајњег порекла као **јурија III**¹⁰.

Ова реч, будући да је потврђена само у једном извору, могла би се сматрати изолованом, можда индивидуалном креацијом. Међутим, постоји могућност да се она повеже, са једне стране, са обликом *вѹрија* f. „место у потоку или речици где се вода вури, прелива преко камена“ (РСА)¹¹ и глаголом *вѹриџи* impf. „дувати, струјати (о ваздуху, ветру)“ Зоруновац, Ресава, Тимок (РСА). У том случају однос с.-х. *јур-* / *вур-* могао би се свести, на псл. равни, на вокалску алтернацију **eur-* / **our-* > псл. **jur-* / **ur-*; за протетско *в-* испред *у-* на том терену уп. случај *вѹдица* „удица“ Тимок (Динић I 44).

Са друге стране, *јурија* (а можда и *вурџија*) може се поредити са *ѹрија* f. покр. „ружно време; снажан ветар, олуја“ Дубровник (РСА), *ѹрија* „невријеме“: Ноћас су биле ирије божје од вјетра и от кише! Дубровник (Бојанић/Тривунац), *ѹрија* „снажан ветар“ Пељешац (Vinja II 25), *ѹрија* „срџба, бијес“ [?] ¹²: Кад се помама божја ирија. — Кад је ударила ова божја ирија, све су тигле пале и поломиле се. — Ове праске су добро приметиле, да не прође овога прољећа ирија и све нам је на „Блата“ нагрдила. — Чекајте мало док паса ова ирија, па ћемо онда поћ дома! ји. Бока (Lipovac-Radulović).

Реч *ирија* тумачи се као позајмљеница из италијанског, најпре у вези са лат. *ira* „срџба“. Ову етимологију предложио је још Лука Зоре у свом речнику, али је Скок, увидевши формални недостатак овог објашњења – завршетак *-ија*, јер би се очекивало с.-х. *ира* – предложио неколико различитих алоглотских тумачења. Најпре у студији из 1933. године каже да је ова реч истог порекла „као итал. *oreggio*, *brezza* или *ribrezzo*, или фр. *orage*, т.ј. изведеница од лат. *aura* „вјетар“ с помоћу гр.-лат. суфикса *-idia*. Глагол *auridiare* налази се у многим романским језицима. Како и зашто је замијењен први слог *av* са самим *i* у дубровачкој ријечи, то ће још требати освијетлити.“ (Skok 1933:160). Потом у *Etimologijskom rječniku* не помиње ово објашњење, већ реч *ирија* тумачи у две одреднице: s.v. *àјер* доводи је у везу са *àјер* „ваздух“ и алб. *erī* „миомирис“ = *eiri*, одређено *eiriја*, које је у

¹⁰ Аналогну формално-семантичку творбу представља пример из претходне напомене *киџија* < *киџиџи*.

¹¹ Ова реч је ексцерпирана из извора: Алекса Остојић, *Речи којих нема у Вукову Рјечнику*, 1855, и не може се географски убицирати.

¹² Иако је реч у овом извору дефинисана само као „срџба, бијес“ из примера се јасно види да се ради о „временској непогоди“.

крајњој линији од лат. *aer* (Skok 1:17), а s.v. *fûrija* са лексемом *фûрија* „бесноћа“ преко непотврђеног далматороманског облика **fuirā > ira* (Skok 1:537). Vinja II 25 међутим одбацује Скокове претпоставке сматрајући да семантичка подударност израза *урија од времена* и ит. *una ira de ábba* „пролом облака“, *una ira de nie* „снежна мећава“ пресудно говори у прилог извођењу ове речи од лат. *ira*.

Но, када једна реч има неколико не сасвим задовољавајућих алоглотских тумачења, неретко треба претпоставити постојање неког идиоглотског предлошка.

С обзиром на српско *јурија* „невреме, непогода“, можда би се могло претпоставити укрштање домаће речи **урија* „невреме, непогода“ са ит. *ira* (романизам у том облику иначе није потврђен у српско-хрватском) и накнадно преосмишљавање, посебно у изразима *божја урија* према новозаветном изразу (*essere*) *un'ira di Dio* „грозна ствар или особа“ (DELI 626). Објашњењем завршетка *-ија* на овај начин донекле би се ублажио формални недостатак непосредног извођења од ит. *ira*.

Претпостављена домаћа с.-х. реч **урија* „непогода“ може се на ширем плану поредити са слн. *ir* „вир“, *iríti se* „бити узбуркан, пенити се (о води)“, рус. дијал. *úрей* „јак ветар“, но у овом тренутку не чини се могућом једнозначна пројекција ових фонетских ликова на прасловенску раван (уп. горенаведене варијанте *јурија*, *вурија*, слн. *jeríti se*, *jaríti se*, укр. *вирій* поред *ірій* „топли крајеви куда зими одлећу птице селице“), па самим тим ни опредељење у досадашњој дискусији око порекла словеначких и источнословенских речи.¹³

На основу овде предложене анализе у оквиру одреднице *јурија* у РСА су се наша четири хомонима: један турског, један словенског порекла, један плод потенцијалног укрштања ових двеју породица речи и један нејасног, могуће словенског порекла, али са више потенцијалних решења на нивоу српског и дубљег, прасловенског, нивоа, уз могуће додатно наслањање на италијанску реч. Посебну тешкоћу приликом раздвајања овог типа хомонима представља то што алоглотски и идиоглотски предлошки имају блиска значења, па се иначе важан семантички критеријум пре поставља као препрека него као путоказ у њиховом разграничавању. Такође, из истог разлога, међусобно укрштање и семантички утицај разнородних лексичких породица не може се сасвим искључити ни код једне од анализираних речи. У крај-

¹³ Уп. ЭССЯ 8:236–237 s.v. **jъrъ / *jъrъjъ*, Bezlaž 1:212 s.v. *ir*; 4:264 s.v. *úren* I; у оквиру наведених одредница налазе се детаљнија етимолошка објашњења, могуће даље паралеле, као и релевантна литература.

њој линији, чак и када није могуће јасно дефинисати границе међу хомонимима, указивање на евентуално различито порекло оваквих речи може допринети бољем дефинисању одредница у етимолошким, али и у описним речницима.

Литература и скраћенице

- Бојанић/Тривунац** — М. Бојанић, Р. Тривунац, *Рјечник дубровачког говора*, СДЗБ 49/2002.
- Далмација** — С. Далмација, *Рјечник говора Пошкочарја*, Бања Лука 2004.
- Динић I** — Ј. Динић, *Речник тимочког говора*, СДЗБ 34/1988, 7–335.
- Ђапић** — С. Ђапић, *Микротопонимија у хатару неких села општине Ниш, Прилози проучавању језика 7*, Нови Сад 1971, 215–224.
- Живковић** — Н. Живковић, *Речник њиројског говора*, Пирот 1987.
- Златановић** — М. Златановић, *Речник говора јужне Србије*, Врање 1998.
- Митровић** — Б. Митровић, *Речник лесковачког говора*, Лесковац 1984.
- Михајловић** — В. Михајловић, *Прилог речнику српскохрватских географских термина, Прилози проучавању језика 6*, Нови Сад 1970, 153–181.
- Ракић-Милојковић** — С. Ракић-Милојковић, *Пастирска терминологија Криво-вирског Тимока*, СДЗБ 46, 1999, 263–426.
- Чемерикић** — Д. Чемерикић, *збирка речи из Призрена (грађа РСА)*.

*

- DS** — *Türkiye'de Halk Ağzından Derleme Sözlüğü I–IX*, Ankara 1963–1977.
- Hadžić** — I. Hadžić, *Rožajski rječnik (Građa za diferencijalni rječnik narodnog govora rožajskog kraja)*, Rožaje 2003.
- Lipovac-Radulović** — V. Lipovac-Radulović, *Romanizmi u Crnoj Gori, jugoistočni dio Boke Kotorske*, Cetinje / Titograd 1981.
- SDD** — *Türkiyede Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi I–IV*, İstanbul 1939–1949.
- Skok 1933** — P. Skok, *Od koga naučiše jadranski Jugosloveni pomorstvo i ribarstvo?*, Split.
- Stachowski** — S. Stachowski, *Türkische Lehnwörter im serbischen Dialekt von Pirot*, Kraków 1992.

Snežana Petrović (Belgrad)

Trennung von Homonymen Slavisch-balkanische Berührungen

Zusammenfassung

Im Wörterbuch der Serbischen Akademie findet man ein Stichwort *jurija* mit vier verschiedenen Bedeutungen: 1) „freie (gewöhnlich ebene) Fläche; Anger, Trift; Geräumigkeit, We-

ite“; 2) „Zeitraum zwischen dem letzten Heuschnitt und dem Weideverbot im Frühjahr (zwischen dem Tag des Sankt Demetrios, dem 8. November, und dem Sanktgeorgstag, dem 6. Mai), als man das Vieh frei zu grasen und die Herden sich miteinander zu mischen läßt; der dazu freigemachte Raum“; 3. „Laufen, Rennen, Tumult; wilder Haufen, Hatz, Nachjagen“; 4. „Unwetter, Gewitter“. Eine semantische und etymologische Analyse führt zum Schluß, daß wahrscheinlich vier Homonyme vorliegen: **jurija I** < türk. *örü*, dial. *ürü*, **üri* „Weide; Gipfel, Anhöhe; Feld, offener Raum; Berghang“; **jurija II** entweder zu I oder III, vielleicht durch Kreuzung der beiden entstanden; **jurija III** am ehesten ein slavisches Wort, zu *juriti* „rennen, eilen“; **jurija IV** unbekannter Herkunft, mehrdeutig; kann irgendwie mit *vurija* „die Stelle im Bach oder Fluß, wo das Wasser sich über Steine ergießt (*vuri*)“ und *irija* „Unwetter; starker Wind; Gewitter“ zusammenhängen, wobei sich auf der einzelsprachlichen und der tieferen, urslavischen Ebene mehrere Deutungsmöglichkeiten anbieten, aber auch eine Anlehnung an ital. *ira* „Zorn, Wut“ als möglich erscheint.

snezana.petrovic@sanu.ac.yu

Мато Пижурица (Нови Сад)

Прилог етимологији и географији речи (на грађи из Црне Горе)

Обрађују се речи (више у смислу допуне документације и прилога лингвистичкој географији, него етимологији): (1) *бѝрѝиши, набирѝиши се*; (2) *дљѝа(ј)иѝиши, задљѝа(ј)иѝиши, удљѝа(ј)иѝиши се*; (3) *лѝиѝњаѝ*; (4) *оѝишиѝиши*; (5) *ѝрѝиѝиши-лѝс(ѝи)*.

Кључне речи: словенска етимологија, српски дијалекти, географија речи, Црна Гора.

Уместо увода. — Неретко, и поодавно (још из времена сарадње и дружења са пок. Велимиром Михајловићем),¹ након сабирања записа на маргинама етимолошких расправа и етимолошких речника, све чешће и на маргинама прилога из дијалектологије,² с већом дозом опреза (и суздржаније) када се ради о ономастици, опоменем себе да се не мешам у посао етимолога, изузетних професионалаца и зналаца

¹ Он је — након једногодишњег студијског боравка у московском етимолошком центру раних седамдесетих година прошлога века, где је исписивао српскохрватску грађу за ЭССЯ — освежио нашу средину новим идејама, које је несебично делио са својим млађим сарадницима, из етнолингвистике, етимологије и ономастике. Серија тзв. специјалних терминологија из српске традиционалне културе, рађених у новосадском лингвистичком центру, његова су идеја.

² Чиним то не само када су у питању прилози из лексике, већ и тумачења мање-више непрозирних фонетских ликова појединих речи и њихових „необичних“ значења, као што је на пример релативно прихватљиво објашњење да је дијал. *лѝм* 'наслаге устајале нечистоће, буђ, обично од масноће на ободу суда', и од исте основе *ѝдлемѝиши*, настало метатезом од *мемла*, што се вероватно тешко може довести у питање евентуалним (сумњивим) увођењем у игру етимолошки нејасног *лѝмина* 'ситно натруло грање, односно („тршчинави“) остаци од торина'. Реч *лѝмина* је вероватно реалније доводи у везу са *лѝмѝз*, *лѝмѝзови*, кол. *лѝмѝзје* 'дугачке гране, увезане врховима, којима се притиска стог сена', такође нејасног порекла. Без обзира на концепцију наших речника, помислим да није коректно под истом одредницом дати на пример *кобилица* као дем. од *кобила* и више, наравно, других речи (хомонима) чија се мотивациона основа најчешће може свести на 'благо испупчење, издигнути набор' (уп. нпр. из теренске бележнице 'набор између обрва, као знак срѝбе'), с вероватним извођењем из **(s)kob-* 'савијати, кривити' и сл.

од многих наука (не само лингвистичких). Дobar део тих записа покушао сам да елаборирам, да бих их потом похранио у фасцикле. Повремено се тим записима повратим, понешто допишем, исправим и неретко се сам себи насмејем. Осмелио сам се да (из те „интимне“ документације) уобличим и публикујем седам-осам прилога, с неколико десетака појединачних опсервација, етимолошких и лингвогеографских, и увек с немалом дозом снебивања. У том мом бављењу етимологијом (или „етимологијом“) има и голе интелектуалне радозналости и поимања научне и педагошке обавезе историчара језика и дијалектолога. На основу претходног ћете разумети зашто ми је 'легао' наслов једног рада колегинице Јасне Влајић-Поповић: *Од сумњиве њошврде до њихвајљиве етимологије*, с тим што бих га ја (као наслов за своје мешање у посао вас професионалних етимолога) преокренуо — *Од сигурне њошврде до сумњиве етимологије!* Део тих записа, нисам уверен и најсрећније изабран, износим пред овај скуп.

1. *бѝр̑ати, набир̑ати се* 'искусити недаће, отрпети тешкоће'

бѝр̑ати, *-ам* несвр. имају оба велика речника — *РЈА* и *РСА*, други и *бир̑овајти*, *бѝрујем* (квалификовано као покрајинско) из Вукове Рукописне збирке речи, а први и придев *бѝр̑ан*, што Скок узима за одредницу у етим. обради. *РЈА* (Даничић) има богату грађу и добру лексикографску обраду (коју, мислим, Скок није искористио у довољној мери); *РСА*, из разумљивих разлога, сужава документацију, одричући се, у складу са концепцијом Речника, потврда из старијих извора, а нема ни дијалекатске грађе са ширег простора. *Бѝр̑ати* у *РСА* има два значења: (1) 'обучавати коња', (2а) 'имати посла с нечим, искусити нешто', (2б) 'задесити, снаћи'. Реч је под упитником (сумња се у њено увршћивање у прасл. фонд) ушла у *ЭССЯ* (са првим значењем из *РСА*) и објашњењем да се ради о итеративно-дуративном образовању глагола на *-ати* од **byrati* ('брзо тећи, са шумом...'), с упућивањем на Бернекера и директну етимолошку везу (с превојем вокала) са **buriti*. Не коментарише се Скокова идеја о вези са *бркајти* (с нултим превојним степеном) нити његов коментар: „*Daničićevo izvođenje od ie. bhur- 'vrtjeti se' ispravno je doduše što se tiče koriјjena, ali taj koriјjen ne znači 'vrtjeti se'*“ (Skok I: 155).

Мојим записима из колашинског краја у Црној Гори (из Роваца и Мораче) поуздано се употпуњује ареал и значење ('искусити нешто врло непријатно, неку тешку муку'): *Њико нѝ зн̑а како е било к̑о т̑о није бѝр̑о*. *Набир̑ала* сам *се* ја свѝга ђтка сам ђђе д̑шла! — Друга значења ('обучавати коња' и сл.) нису потврђена. Уп. и *(на-)бѝрујти се* 'љутити се, дурити се' (обично се квалификује понашање деце или особа незре-

лог, детињастог понашања): *Бурѝ се штã му гõј кãжеш. Бурѝ се кòлико гõј òћеш — мòрò сам ти рещи. И òна се набурѝла на мене. Штã рãдѝ òнѝ твòј бурòња?* ('дечак који се бури, љутко').

2. дљá(ј)ити, задљá(ј)ити, удљá(ј)ити се

дљáиѝи, дљáѝм несвр. 'задржавати се на некоме месту дуже него што је потребно, губити време; каснити': *Дљáѝ* аветиња, òмркнѝће òће. Немòј *дљáиѝи* но се òдмã врни кѝћи. Не *дљáиѝе* но тò дијете водите кò-доктора.³

задљáиѝи, задљáѝм свр. 'дуже се задржати, изгубити време, окаснити'. Примери: Да нијеси *задљáила*, застала би ме. — *Задљáиѝо* си млòго — нѝј се више није упѝсат.

удљáиѝи се, удљáѝ се свр. 'одужити се, отегнути се; постати досадно због одуговлачења': *Удљáило* ми се па ми се чинѝ да нѝће свѝтãт.- Кãко ми се није *удљáило* — òнã аветиња не зãтварã уста. — *Удљáило* ми се òнòм равниòм, пѝчина вѝликã и чинѝ ти се е нè мрдãш цѝјо дãн.⁴

Дљá(ј)иѝи, задљá(ј)иѝи, удљá(ј)иѝи може се, с доста сигурности, извести из превојног степена **dьl-* (поред **dal-* односно **dil-*). Имали бисмо значи низ: *дљáиѝи* — *далек* — *диље*. Није искључено да је из ове основе изведено и *удѝљчѝи се* 'усправити се, укрутити се' (са семантичким развојем: 'издужити се' → 'усправити се, укрутити се'; уп. нпр.: Штã си се тѝ *удѝљчѝила* — прѝвати òвò!). Можда овде спада и загонетно *ѝѝушка дѝљка* из народне поезије. Није јасно ни порекло женског имена *Дѝљка*. Права школска паралела је однос *зид* — *зад* — *Здѝња* 'зидом ограђени део пећине', микротопоним из Роваца, а наравно и *бик* — *бучаѝи* — *бак* — *ѝчела*.

Извођење *дљá(ј)иѝи* и сл. из **ьlěti* није у потпуности нереално. Уп. код Вука *зайљáиѝи, зайљáм* 'пола заспати', на Космету *ѝлајейѝ, ѝлајим* 'тихо говорити', 'тињати', из пиротског говора *ѝлаји* 'тиња', код Хрвата *ѝљáиѝи* и *књáиѝи* ('дријемати', 'климати главом, љуљати се' и сл. (Од исте основе је по Скоку *ѝлајња*, али је претпоставка из-

³ Уп. синонимијско: Немòј *даљѝдаѝи* по сѝлу — врни се бãрем зã дãна. — *Аљѝдã* по цѝјо дãн òнã бòжã аветиња ко да нѝма кѝћѝ. *Зааљѝдала* се смлãтина — нѝ знã кѝћи дòј. И *даљѝдаѝи* и *(за-)аљѝдаѝи* може се интерпретирати 'лутати, тумарати'; у локалном жаргону најближи синоним је *бáзáиѝи*.

⁴ *Аљѝдаѝи* / *алидаѝи* / *халидаѝи* обрађено је у првој свесци ЕРСЈ, с квалификацијом „нејасно“. У тражењу упоришта (у словенским паралелама) остаје им загонетно почетно *а-*, мада су се, можда, могли испомòћи упућивањем на *аљѝаѝиѝи*, с којим повезују лесковачко *алиѝујем* 'лутати, скитати' (с прозирном ономатопејзацијом и могућим укрштањем са *иѝи-идем*). Није далеко ни — такође добро документовано и свестрано обрађено — *(х)алиѝиѝи*. Укрштањем *даљѝиѝи* и *аљѝдаѝи* може се прихватљиво објаснити и *даљѝдаѝиѝи*.

ложена нејасно, с доста „прескока“ у обради.) Семантички развој ’ти-њати’ → ’стајати (не мицати се, ’чамити)’ → ’бити спор, каснити (’вући се)’ делује уверљиво. За фонетску страну уп. однос: *уїљиковина* — *укљиковина* — *удљиковина*.

3. лѣтња̋к / љѣтња̋к / лїјетња̋к / лѣтњи̋к / љѣтнї̋к ’једња̋к’

Сви ови ликови су добро документовани у речницима. У РЈА: *љей̋ник* из 2. изд. Вуковог Рјечника из Црне Горе, с упућивањем на душник (што су исправили обрађивачи; занимљиво је да сличну замену, односно неразликовање, понавља М. Станић, а он податак доноси из свог говора, и опет из Црне Горе, из Ускока!), *љей̋ња̋к* из Лике и *лијей̋ња̋к* из Љубише; РСА: *лей̋њи̋к* из српско-немачког речника Ђорђа Поповића из 1886, штампаног у Панчеву, *лей̋ња̋к* (с напоменом ијек. *лијей̋ња̋к*) из Љубише, Врчевића, Шаулића и из грађе Босне и Херцеговине, *љей̋ник* (Вук и Андрија Јовићевић — значи из Црне Горе), *лей̋ња̋к* М. Станић из Ускока и Драго и Жељко Ћупић из Загараца и Рада Стијовић из Васојевића; тако је и у колашинском крају, односно у Ровцима и Морачи).

Код Скока (под *јес̋и̋и*) имамо: „Sa sufiksom *-njak* < *ьп* + *јак* (упор. *поједан* од *поједати*): *једња̋к*, измijenjen у *лјетња̋к* (асимилација *ј-њ*, уп. *лјелјен јелен* = *лијетња̋к* (Љубиша) = *лјетник* (Вук, Црна Гора)“ (Skok I: 776).

Под *летјети*, коментаришући *лѣтња̋к* ’цјевња̋к, чекрк’, Скок има напомену: „Упор. још *лијетња̋к* ’једња̋к’, јер се shваћа као да је постао од *лијетати*“ (Skok II: 290). Иначе, *лијей̋ња̋к* ’цјевња̋к, цјевиња̋к’ РЈА доноси из Лике, а РСА у екавском лику *лей̋ња̋к* ’направа за намотавање пређе, чекрк, витао’ (Врховине, Хрв., Вук, РЈА; Ристић/Кангрга).

Покушај дописивања Скока (или сумње у предложену етимологију) подстакнут је његовом, напред цитираном, дигресијом, која као да превиђа на одговарајућем месту изложену етимологију (у склопу гнезда *јес̋и̋и*). Или да будем докраја коректан: претходно би можда требало схватити као преосмишљавање само лика *лијей̋ња̋к*, мада је напред (у склопу базичног етимолошког гнезда под *јес̋и̋и*) између свих ликова дат знак једнакости */=*/. Верујем да би требало, идући овим наговештајем, за све ликове, осим оног директно изведеног из *јес̋и̋и*, покушати наћи „базичну“ лексему, односно уверљиву мотивациону основу и логично извођење без призивања у помоћ спасоносних гласовних промена када немамо других бољих и уверљивијих решења.

а) Успутна напомена Петра Скока да „se */лијетња̋к/* shваћа као да је постао од *летјети*“, могла би да се преосмисли (односно да се врати на примарну семантику и изворну мотивациону основу): није у пита-

њу грешка у перцепцији и секундарно повезивање са *ле̑и̑(ј)е̑и̑и*, већ предвидив семантички развој 'летети' → 'падати' → 'протицати'. Овако назначена значењска амплитуда добро је документована у свим словенским језицима (уп. ЭССЯ 14: 145–148). Фонетске варијације: *ле̑и̑њак / ље̑и̑њак / ли̑е̑и̑њак / ле̑и̑њак / ље̑и̑ник* лако је уверљиво подупрети аутохтоним гласовним променама на просторима на којима су забележени.

б) Неразликовање душника и једњака (забележено у речницима) може се објаснити фигуративним семантичким помаком, са обједињено виђеним функцијама, животно пресудним, из примера типа: Заврнућу ти лѣтња̑к! Заврнуо биг лѣтња̑к ђномѣ танкѡшијилу. — Интерпретатори података овога типа могли су дати предност душнику (вођени својом логиком).

Ако би се за основу узео функционални аспект, једнако логично би било призвати укрштање претходног *letěti* и *lěvati* (=лева̑и̑и / ли̑јева̑и̑и / љева̑и̑и), јер се ова два лексичка гнезда семантичким пољима (функционално) преклапају (в. РСА 11: 275–276 и ЭССЯ 15: 27).

в) За етимологију пак важно може бити увођење опозиције *душник* — *једњак* према својствима. Душник је чврст, хрскавичав, а једњак мек, клизак, љигав, гљетав, савитљив, млитав, смрдљив. У спектру значења прасловенског **lękti* 'савијати, сагибати, повијати' (в. ЭССЯ 15: 62), с развијеном лексичком и семантичком деривацијом и у српском језику, лако је наћи упориште за претпоставку да ликове *ле̑и̑њак* и сл. повежемо с овим етимолошким гнездом. Ни на фонетском плану нема тешкоћа — све се своди на директно извођење суфиксом: *-ьп + -јакъ*. За евентуалну мотивациону основу на линији: 'мек' — 'гљетав (љигав, клизак)' → 'млитав' → 'смрдљив' можемо наћи копчу у словеначком *líkati, zaleknuti* 'усмрдети се, задахнути' (в. Bezljaj II: 140–141).

г) Уз ризик да је исфорсирано помињање алб. *lefyt-i* 'грлић', подсећај на ареал, албанским и влашким посредовањем проширеног (латинизма иначе — *canis*), *ћено* 'пас' од Космета и Црне Горе до Лике.

4. **ѡти̑ли̑ти** 'угојити се, опустити стомак (за човека)'

Иако усамљено на подручју Роваца и Мораче, *о̑и̑ли̑и̑и*, с овим превојним степеном, није етимолошки спорно (в. Skok III: 474–475). Праву малу студију о *titi, til*, с чакавском документацијом као базичном, имамо код Бориша (Borys 1999: 109–110) а о распореду „апофоничних варијанти“ в. и у раду Л. В. Куркине (Куркина 1978: 25). Потврда из колашинског краја важна је пре свега за ареал: *ѡти̑ли̑о*, а

био је сљв. *Ḷšlīlā* па дошла бѣтна. — Наравно да је познато и *Ḷrēšīo*, *Ḷrēšīlāšī* и *Ḷdōvīšī*.

5. прештулās(т) -а, -о, прид. 'који има прегиб, улегнуће („пресрто“)

Потврде из колашинског краја (из Роваца и Мораче) можда ће помоћи да се реши етимологија. Уп. примере: *Ḷnāpušti Ḷḡe*, *Ḷbḡegō* си па ће Ḷsta *Ḷrēšīḡulāstīo*, *Ḷlīḡe* вода. Није *Ḷpušni* до*ḡu* стра*ḡu*, *Ḷstaḡe* ш*ḡ*-п*ḡe* и *ḡim* се з*ḡ*ије биће *Ḷrēšīḡulāstīo*. *Ḷrēšīḡulās* ти је *Ḷvī* р*ḡ*, *Ḷḡe* ш*ḡ*-ице *ḡē* на *ḡēga* како-ва*ḡā*. Сад је *Ḷrēšīḡulās*, а био је *Ḷlīḡe* извршен, з*ḡ*ила се сир*ḡ*овина. *Ḷmī* вел*ḡ*мо *Ḷrēšīḡulās* кад с*ḡ*јено ('стог') *ḡmā* *Ḷlḡknutu* стра*ḡu* *ḡō* *ḡlādḡī* др*ḡb*.

Из суседног ускочког говора М. Станић има *Ḷrēšīḡu(ḡ)ḡāḡ* / *Ḷrēšīḡu(ḡ)ḡāstī*, и интерпретира их: 1. 'искривљен, савијен, ишчашен; богаљаст (прст)', 2. 'стављен један преко другог, препокривен, наткривен, наткриљен, надстрешен (сијено, пласт)'; 3. '(о купусу и сл.) који није добро укисељен, сиров'. Има контекст само за значење под (3).

Само значење под (1) из ускочког говора сагласно је с оним из говора Роваца и Мораче. Значења под (2) и (3) су, уз то, и међусобно удаљена. Факултативно (*ḡ*) у ускочким потврдама, можда, сигнализира ономатопејизацију, којој су подложне речи с негативном конотацијом, какве су ове. Међутим, баш та мала (или „мала“) разлика може да се покаже важном приликом етимолошке обраде. Подсећам и на *Ḷrēšīḡḡlīḡī* инф. 'пригњечити (колени)' код Г. Елезовића са Косова и шире познато *Ḷrīšīḡḡḡlī* и сл. (в. н. м. код Скока). У књизи Љубинка Раденковића (1982: 48) налазимо на *ḡḡḡḡḡḡḡḡ* ко*ḡu*, што аутор у речнику објашњава: „може бити у вези са *ḡḡḡḡḡḡḡ*, *ḡḡḡḡḡḡḡ*, бантав, сакат, или са лат. *stultus*, глуп, неразуман“.

Тражење готових („оквирних“) решења на пример код Скока под одредницом *ḡḡḡ* (Skok III: 421–422), са значењским сегментом 'празан, шупаљ' и даљим семантичким помаком — 'који има прегиб, угнут'), или пак *ḡḡḡḡḡ* (н. д. 419, с ослонцем на померену примарну семантику *ḡḡḡḡḡ*), или у Боришовим Чакавским студијама и неким његовим прилозима из етимологије на грађи из српских дијалеката, свело би се ипак на неуверљиво нагађање.

Литература и извори

- Куркина 1978** — Л. В. Куркина: Изоглосные связи южнославянской лексики II, *Этимология* 1976, Москва 17–31.
- Раденковић 1982** — Љ. Раденковић: *Народне басме и бајања*, Ниш / Приштина / Крагујевац.

Станић — М. Станић: *Ускочки речник* 1–2, Београд 1990–1991.

СТИЈОВИЋ — Р. Стијовић: Из лексике Васојевића, СДЗБ 36/1990, 121–380.

Ћупићи — Д. Ћупић, Ж. Ћупић: *Речник говора Загараца*, СДЗБ 44/1997.

*

Boryś 1999 — W. Boryś: *Czakawskie studia leksykalne*, Warszawa.

Mato Pižurica (Novi Sad)

**Ein Beitrag zur Etymologie und Wortgeographie
(aus dem mundartlichen Wortgutes Montenegros)**

Zusammenfassung

Von dem im Titel bezeichneten Standpunkt aus werden hier fünf Wörter bzw. Wortsippen betrachtet: **1. (na-)bīrāti** in den Gebieten von Rovca und Morača „böses erfahren“, sonst im Serbischen allgemein „mit etwas zu tun haben, etwas erfahren; von etwas betroffen werden“, auch „Pferde dressieren“ < ursl. *byrati, vermutlich mit *buriti „schmollen“ wurzelverwandt; **2. (za-)dljāiti** „sich lange aufhalten, verweilen, Zeit verlieren, sich verspäten“, *udljaiti se* „sich verzögern, satt bekommen“, wohl zu ursl. *dbl- neben *dal-, *dil- in *dal'e „weiter, ferner“ usw., obwohl auch eine Beziehung zu serb. dial. *tlajet* „leise sprechen; glimmen“ (Kosovo) nicht auszuschließen ist; **3. lĕtnjāk** neben *lĕtnjāk*, *lĕtnjāk*, *lĕtnjāk*, *lĕtnjāk* „Speiseröhre“, nach Skok durch Assimilation aus *jednjak* dass. entstanden, aber auch andere Deutungsmöglichkeiten sind zu erwägen: Kreuzung von *letĕti „fliegen“ und *lĕvati „gießen“; *, „das Weiche, Klebrige, Stinkende“ (im Gegensatz zur knorpeligen Luftröhre), zu sln. *likati*, *zaleknuti* „stinken“; ein Lehnwort aus dem alb. *lefytii* „Flaschen(hals)“; **4. ðililiti** „fett werden, einen Bauch bekommen“, zu *titi* „dick werden“, *preito* „fett, dick“ usw.; **5. prĕštulās(t)** „eingebogen (vom Balken, Heuschaber, u.ä.)“ in Rovca und Morača, *prĕštugljāv* / *prĕštugljāst* „gekrümmt, verbogen; verrenkt; verkrüppelt (vom Finger); überdacht (vom Heu); nicht gut eingesäuert (vom Kraut)“ in Uskoci, wohl mit *prĕštuljūt* „sich quetschen (vom Knie)“ in Kosovo verbunden, weiter unklar.

matopizurica@eunet.yu

ISBN 978-86-7025-451-0, (2007), p. (369–380)

UDC 821.162.4*373.21
821.162.4*373.6

Wojciech Sowa (Krakau)

Zur Herkunft des Namens *Poprad*

Die Etymologie des nordslowakischen Fluß- und Ortsnamens *Poprad* wird erörtert, wobei mehrere Deutungsmöglichkeiten erwogen werden.

Stichwörter: Etymologie, Hydronymie, Slowakisch, Slavisch, Substrat, *Poprad*.

Sowohl die archäologischen Daten als auch spärliche historische Nachrichten über den Norden der Slowakei lassen uns diese Region als ein Treffpunkt verschiedener Kulturen und Ethnien betrachten. Dieser Treffpunkt wird aber nicht wie in manchen anderen Fällen nur für die Antike postuliert, aber wie uns der Beispiel der Region Zips zeigt, sie bleibt bis zum 2. Weltkrieg ein Ort der Koexistenz und einer gegenseitigen Durchdringung verschiedener Kulturen. Differente ethnische Gruppen, mitunter Deutsche, Slawen (Slowaken, Polen, Ruthenen), Ungaren u. a. hinterließen in der spezifischen materiellen und geistigen Kultur dieser Region ihre deutlichen Spuren.¹ Die kulturelle Durchdringung lässt sich auch auf sprachlicher Ebene beobachten, dabei sind vor allem Namen eins der wichtigsten Faktoren, zugleich auch manchmal die einzige Bestätigung der komplizierten und alten Geschichte dieser Gegend.

Im folgenden möchte ich mich mit einem Problem möglicher Substrateinflüsse auf die heutzutage slawischsprechende Gegend der Zips auseinandersetzen, genauer gesagt mit dem Namen *Poprad*, der sowohl als ein Fluss- und als auch ein Ortsname benutzt wird und bis heute als unerklärt bleibt. Die ab und zu in der wissenschaftlichen Diskussion angebrachten Substratarargumente wurden noch nicht systematisch betrachtet. Eine

¹ Die im 15. Jh. entstandene Chronik der Zipser Sachsen „*Chronicon quod in Monte S. Georgi conservatur*“ fol. 18 kennt neben den *Czipser saxen* auch folgende Bewohner der Zips: *Bemen, Polan, Krichen, Hyspanen, Jassen, Cumaner, Philistei, Sarraczen, Rewsen, Vrmenisen, Saxen, Duringen, Meysner, vom Reyn, vnd Walon, vnd Wynde, dy sich alle in Vngerlant habin nydergelosen, vnd sind aldo pliben wonhaftig biss off disen hewtigen tag...* (MGeorg 279, 2–11).

präzise Antwort auf die Frage, wie fern man mit einem Substrateinfluß in der Nordslowakei rechnen kann, fehlt.

Der Fluss *Poprad* entsteht durch einen Zusammenfluss zweier Gebirgsbäche *Hinčov potok* (Hinzenbach) und *L'adový potok* (Eisbach). Der *Hinčov potok* entspringt in einem Gletschersee *Vel'ké Hincovo pleso* (Großer Hinzensee) in der Hohen Tatra und als Quelle des *L'adový potok* gilt hingegen der Gletschersee *Popradské pleso* (Poppersee). Der Fluss fließt durch die Zips (*Spiš*, *Spisz*) und mündet nach 169 km (davon 107 in der Slowakei) in den Fluss *Dunajec* (Dohnst). *Poprad* ist auch eine Benennung des administrativen, wirtschaftlichen und kulturellen Zentrums der Oberzips — der Stadt *Poprad*, im Vorland der Hohen Tatra gelegen.

Alle bisherigen Deutungen, die den Namen aus dem Slawischen herleiten, haben sich als unzufrieden erwiesen. Es gelang bisher nicht, irgendein sicheres Etymon zu finden, zu dem der Name in Bezug stehen konnte. Die wichtigsten Herkunftshypothesen sind im Grunde genommen auf zwei semantische Felder fokussiert — das erste ist eine Fortsetzung der *ie*. Wurzel **perd-* „laut furzen“, *Poprad* würde dann einen „tosenden, laut brausenden, lärmend fließenden Fluss“ bedeuten, was sehr problematisch erscheint, wenn man den beschränkten Verwendungskontext von **perd-* mitberücksichtigt, d.h. in den *ie*. Sprachen nur im physiologischen Kontext (vgl. gr. *πέρδομαι*, alb. *pjerdh*, jav. Aor. *pərədan* etc., LIV, 473f.).² Das als vermeintlicher Ausgangspunkt geltende, zweite semantische Feld ist die Wurzel **per-* „hindurchkommen, durchqueren“ (vgl. z. B. got. *farān* „ziehen“, ved. reduplizierte präs. *pīparti*, usw. LIV, 472) — in dem Fall wäre der Name *Poprad* als ein „(Gebirge) durchquerender Fluss“ zu verstehen.³ Die Diskussion über slawische Interpretationsversuche wird von Babik referiert und die Vorschläge kritisch interpretiert. Der Autor findet keine überzeugenden Beweise, die für den slawischen Charakter des Namens sprechen würden. Die vorgeschlagenen Etymologien sind seiner Meinung nach nicht ausreichend (Babik 2001, 226–230).

² Die Hypothese von Ondruš, nach dem die Name *Poprad* mit dem mundartlichen ostslowakischen Phrase *mačka pradie* „die Katze miaut“ in Zusammenhang gebracht werden könnte, sollte wegen evidenten lautmalenden Charakter des Verbums *pradie* eher als unwahrscheinlich bewertet werden (vgl. schon Babik 2001, 228).

³ Die Verbindung zum Pflanzennamen, wie poln. *paproć*, slov. *paprat'* „Farn“ ist nicht plausibel (die Form *Paprad* wäre zu erwarten). Natürlich der Name der Pflanze als ein potentielles Benennungsmotiv kann prinzipiell nicht ausgeschlossen werden, vgl. z. B. Ἑλατος „Silbertanne“, Κέδρον „Zeder, Wachholder“, Πυξίτης „Buchsbaum“, usw. in Kleinasien, wo die Formen ganz offensichtlich von den Namen der Pflanzen in ihren Umgebung hergeleitet wurden (vgl. Tischler 1977, 159f.).

Das Fazit von Babiks Überlegungen ist deutlich. Der Name *Poprad* sei eine wirkliche Spur des „Karpaten“-Substrats — der autochthonen vor-slawischen Sprachen der West-Karpaten und zugleich eins der sichersten Beispielen für eine vor-slawische Namensschicht (Babik 2001, 230). Der Autor sagt aber nicht, was unter dem Namen „vorslawisch“ zu verstehen wäre. Wir stehen somit vor einem interessanten Problem, was wir eigentlich von der sprachlichen Vorgeschichte dieser Region wissen, welche Substrate berücksichtigt werden sollen? Heutzutage glaubt niemand mehr an den illyrischen Ansatz bei der Deutung der Namen in diesem Teil des Europas, auch die Hypothese des vermeintlichen venetischen Einflusses auf Slawen und auf Namen auf slawischen Territorium lässt sich nicht mehr angesichts der historisch-sprachlichen Daten halten, v.a. wenn man mitberücksichtigt, dass Venetisch heutzutage als eine italische Sprache gilt (auch wenn nicht problemlos, vgl. Diskussion bei Wallace 2005, 840–856). Es wundert eine vollkommene Missachtung von historischen bzw. archäologischen Tatsachen, durch die erst die Auseinandersetzung mit der Substratfrage überhaupt möglich ist. Dank den Erkenntnissen anderer Wissenschaften wissen wir, dass sich auf dem Gebiet der Nordslowakei, v.a. der Zips und der Tatra, wohl einige Dialektkontinua feststellen lassen.

Germanisches Dialektkontinuum

Die Präsenz des germanischen Elements auf dem slowakischen Territorium bleibt unbestritten. Eigentlich nur seine Reichweite und sein Einfluss auf die Toponomastik bleiben genau zu bestimmen. Man kann annehmen, dass die germanischen Stämme in Folge der Kriege mit den Römern von der Mittelslowakei Richtung Norden gezogen sind. Vielleicht bewohnten sie die für uns interessante Gegend und trafen dort auf die ostgermanische Gepiden (zur Geschichte der *Quaden* RGA XXIII, 624–640). Höchstwahrscheinlich aber verließen sie die Gegend und zogen im Zuge der Völkerwanderung im 5./6. Jh. zusammen mit anderen germanischen Stämmen Richtung Süden. Nun stellt sich die Frage, ob tatsächlich Toponymen germanischen Ursprungs unter den Ortsnamen in der Slowakei vorhanden sind. Die Antwort ist nicht eindeutig. Eigentlich solche Namen wie der Flussname *Váh* (dt. *Waag*), ON *Laugaritio* (*Trenčín*), oder vielleicht auch die Gebrigschette *Fatra* lassen sich (zumindest zum Teil) aus einer germanischen Ausgangsform ableiten: *Váh* wäre dann in Verbindung mit dem dt. *Woge* (mhd. *wāc*, *wōc* m., ahd. *wāg* m., as. *wāg*, *wēg* m. < germ. **wāga-*) stehen.⁴ Der Name des römischen La-

⁴ Der Ansatz von Ondruš (1979, 282–285), der im slow. *Váh* einen ähnlichen Derivat als im Falle des gr. *ἀγγή* „Licht“ (eigtl. < **h₂ugeh₂* oder **h₂u(H)geh₂*, eine schwundstufige Formation zu einem verlorenen verbalen **h₂eug-*; vgl. viell. alb. *agon* „tagen“ Demiraj 1997, 72; Peters 1980, 12ff.) sieht, ist m.E. falsch, zum aksl. *jugъ* „Süden“ vgl. ESJS 5, 295f.

gers *Laugaritio* wäre wiederum eine Hybrideform, Kreuzung zwischen dem germ. Element **laugo-* „Lauge“ und dem lat. Suffix *-tio* anscheinend mit der Bedeutung „Badeort, warme Quellen“ (vgl. anord. *lauga* „waschen, baden“, *laug* „warmes Bad“, schw. *Loerdag* — die Benennung des Samstags als „Waschentag“, ahd. *louga* Kluge 1999²³, 506), was auch durch Existenz warmer Quellen in Trenčín bestätigt zu sein scheint; der Gebirgsname *Fatra* ist vielleicht auf die Wz. **per-* „hindurchkommen, überqueren“ zurückzubringen, vgl. ahd. *Faran* < **far-a-* zu **per-* (LIV, 472; dann vielleicht *Fatra* als **pr-treh₂* „coll. Übergang“ zu verstehen; eigentlich als eine Parallele zum altertümlichen Substratnamen *Tatra*, vgl. Sowa 2004, 157f.). Es scheint aber, dass im Fall *Poprad* eine plausible Interpretation weder im Rahmen der germanischen Phonetik (/p/- aus welcher Quelle, eher nicht aus dem idg. */b/?), noch der Wortbildung möglich ist (kein spezifisches Suffix, wie z.B. *-ava* < **-ah^uo*, usw.; zur Bewertung germanischer Elemente innerhalb der Namen heutigen Polens vgl. Babik 2001, 66ff.). Die radikalen phonetischen Innovationen des Germanischen würden im Fall des *Poprads* gegen irgendeine Herleitung aus dem Germanischen sprechen.⁵

Keltisches Dialektkontinuum

Eine um die Jahrtausendswende relativ gut bezeugte keltische Präsenz in der Zips, d.h. chronologisch vor dem Eintreffen des germanischen Elements (vgl. bei Tacitus Germ. 43 genannten *Cotini*), wirft eine Frage nach einer womöglich keltischen Provenienz des Namens *Poprad* auf. Mit dem keltischen Namen in der Gegend ist es wahrscheinlich zu rechnen, vgl. z.B. *Pieniny* (der erste Beleg 1282 *Penyn* Sz./B. 3150), die zu einem bekannten Etymon **penno-s* < **k^uenno-* (ohne Etymologie) in der Bedeutung „kopf, als ende, spitze, gipfel“ (Holder 1904, 966) zurückzuführen sind (s. Diskussion bei Sowa 2004, 149–152). Man kann natürlich die komplizierte Frage sowohl nach der Besiedlungskontinuität in der Gegend, wie auch überhaupt nach der Chronologie der keltischen Siedlungen in Nordkarpaten und nach ihren möglichen Kontakten mit den Urslawen oder mit anderen Völkern, die später dieses keltische Namenserbe an die Slawen hätten weitergeben können nicht richtig antworten. Rein sprachlich aber macht *Poprad* leider auch aus der keltischen Sicht keinen Sinn. Gegen eine solche Annahme spricht vor allem die keltische Phonetik, die

⁵ Es scheint aber, dass die Präsenz der germanischen Stämmen in nächsten Umgebung Poprads (Stadtteil *Matejovce*) archäologisch nachgewiesen ist; es geht um das Grab des sog. „germanischen Tutenchamon“, über dessen Entdeckung slovakische Presse informiert hat (vgl. Tageszeitung SME am 30.10.2006).

ден Верлуст дес идг. */п/ voraussetzt. *Poprad* (**popordos*) konnte auch in Prinzip als Fortsetzung einer Form mit einem ursprünglichen **ku* angesehen werden, das keltische Etymon aber fehlt.⁶

Andere Substrate?

Materielle Spuren der keltischen Präsenz in der betreffenden Region mischen sich mit den Spuren anderer Kulturen, die deutlich dakisch, bzw. trakisch geprägt sind. Selbstverständlich muss die materielle Kultur nicht gleich mit der Sprache gleichgesetzt werden. Der trakisch-kimmerische Einfluss, viel später der der dakischen Kultur lassen sich auf großen Gebieten des Mittel- und Osteuropas, v.a. in den ganzen Karpaten, vorfinden. Aber auch in diesem Fall ist es schwierig die trakisch-dakische Herkunft des Namens *Poprad* zu postulieren. Unsere sehr beschränkte Kenntnis beider Sprachen, d.h. Mangel am Vergleichsmaterial, geringfügig bezeugte Lexik lassen praktisch jeden Versuch von vorneherein zum Scheitern verurteilen.

OAI (das Ostalpenindogermanische)—Pannonisch

Vielleicht könnte *Poprad* noch ältere sprachliche Beziehungen widerspiegeln? Vielleicht gehört der Name zu indogermanischen Substraten und wäre damit noch älter als das Keltische in Karpaten zu interpretieren (wie der Name *Tatra*) — z.B. in Verbindung mit dem durch Anreiter postulierten „Pannonischen“? Auf den ersten Blick sieht alles optimistisch aus. Im Ostalpenindogermanisch–Pannonischen (verstanden als die älteste greifbare indogermanische Sprachschicht), das eine Parallele in dem Alpen-mitteuropäischen Raum zu der „alteuropäischen“ Hydronymie bildet, bleibt das idg. **p* zwar erhalten, andere festgestellte Merkmale passen aber nicht. *Poprad*, wenn es wie nach Babik tatsächlich aus älterem **popordъ* und das aus dem vorlaw. **popordo-* hergeleitet werden kann, zeigt /o/, das aber im OAI-Pann. zu /a/ wird. Wenn *popord-* wiederum aus irgendeinem **pr̥d-* (aber nicht zum **perd-* „furzen“) oder eher aus **pr̥dh-* stammen soll, dann wird *ur* im OAI-Pann. normalerweise als eine Fortsetzung des idg. **r* erwartet (Anreiter 2001, 14, 16). Was aber mehr gegen solche

⁶ In dem Sinne die Annahme den Grundkriterien der keltizität nicht entspricht, vgl. Birkhan 1997, 60: „Wenn ein Wort keine Laute enthält, die die spezifisch keltischen Lautwandlungen zeigen können, dann kann es zunächst nicht als keltisch erkannt werden. [...] [Namen] müssen [...] etymologischen Anschluß im übrigen keltischen Sprachmaterial finden, der Wortbildung nach erklärbar sein und in der Bedeutung abzeptabel erscheinen“. Man könnte auch überlegen ob es nicht zum Wz. **kuer-* „schneiden, schnitzen“ gehören kann, es scheint aber, dass die Belege aus keltischen eher relikhaft erhalten worden, vgl. kymr. *paraf* „verschaffe“ (LIV, 391).

Annahme spricht, ist die Tatsache, dass in *Poprad* (**popordos*) keine für solches Dialektkontinuum spezifische Suffixe zu sehen sind (z.B. *-ōn-, *-īsi-, *īni-, *-(V)st-, oder ein Kollektivsuffix *-nt-, Anreiter 2001, 17f., 187ff.). Der Name lässt sich auch generell vom Standpunkt des Indogermanischen aus schlecht interpretieren, wir wissen nicht, ob es als **pop-or-do-* oder eher als **po-pordo-* zu analysieren ist.

Wie die obigen Ausführungen zeigen, entzieht sich *Poprad* praktisch der Interpretation. So lässt sich ein Fazit ziehen, dass hier eher keine sprachlichen Substrate im Spiel sind – entweder wegen lautlicher Probleme (keltisch, bzw. germanisch), oder wegen einer mangelnden Kenntnis der Struktur dieser Dialekte (dakisch, trakisch). Selbstverständlich lässt sich die Existenz von Substratnamen in dieser Region nicht ausschließen, man kann immer einen Namen als ein sprachgeschichtliches Relikt, das dem indogermanischen Kontinuum nicht gehört, ansehen. Man fragt sich aber, ob es doch noch eine andere, mehr plausible Alternative gibt?

Alternativer Deutungsversuch für *Poprad*?

Poprad als ein Flussname taucht zum ersten Mal in geschriebenen Quellen im Jahre 1209 auf, der ungarische König Andreas II. bestätigt den Verkauf der Güter des Bamberger Bischofs Eckbert an den Zipser Probst Adolf und beschreibt den Grenzverlauf des verkauften Landes folgendermaßen:

prima meta incipitur a niveo monte, sub cuius pede oritur rivulus, qui vocatur iascunov, per quem descendit in Poprad inde directe directe versus villam Isac tendit ad metas distinctas ultra quoddam pratum, ubi oritur quedam aqua, que descendit per idem pratum usque ad rivulum nomine Hunounig, qui rivulus currit in Poprad, videlicet Poprad per rivulum, qui vocatur Oscoy revertitur ad priores niveos montes, unde inceperat (CDS I, 122f., nr. 154).

Wie man sieht, zeigt der erste Beleg den Namen in einer Orthographie, die wir bis heute kennen. Sie bleibt unverändert, erscheint in den meisten Dokumenten, Abweichungen kommen sporadisch vor, vgl. *Popprad* (1260), *Popradt* (1269, 1326), *Popradum* (1294), *Paprad* (1312, 1322), *Poprod* (1325, 1332, 1391, 1475), *Popprot* (1581). Die bei den Zipser Deutschen verbreitete Form *Popper* taucht spät auf, erst bei Matthäus Bel 1723, in Dokumenten seit 1786 hauptsächlich nur als Bezeichnung des Flusses. Die Stadt trägt den Namen *Deutschendorf* (wie im 13. Jh.).⁷ Interessant scheint die Tatsache, dass trotz der postulierten hypothetischen Zugehörigkeit des Namens *Poprad* zum Namen eines in der Nähe fließenden

⁷ Vgl. Csanki I s.v. *Popad*.

Flusses *Hornad* (ung. *Hernad*, dt. *Kunert*), kommt *Poprad* kein einziges Mal in der ältesten ungarischen Chronik des Anonymus *Gesta Hungarorum* vor, obwohl *Hornad* und die an ihm gelegene Region zweimal dort als *Honrad*, *Honrat* erwähnt werden, vgl. Cap. 22:

*et castra metati sunt iuxta fluvium Souiou a Thyscia usque ad fluvium Honrat, oder Cap. 31 et transnavigaverant fluvium Souyou in illo loco, ubi fons Honrad descendit.*⁸

Kann man vielleicht annehmen, eine Arbeitshypothese stellen, dass der Name in diesem Fall nicht die Sprachwirklichkeit z.B. um die Jahrtausendwende (vgl. archäologische Belege für Anwesenheit von Kelten in der Region) wiedergibt, sondern ist eher mit der Kolonisierungsgeschichte der Zips zu verbinden, die das 12. Jahrhundert betrifft. Im Frühmittelalter (9.–11. Jh.) verlief die Grenze der Zips wohl am Fluss *Hornad*, vgl. die ON wie *Locum Speculationis* — der Sitz der Grenzwächter, das heutige *Klaštorsko* im Zipser Paradies (Spišský Raj). Wahrscheinlich besaß das Gebiet nördlich von *Hornad* (die sog. Oberzips) keine geschlossene Besiedlung — das bis in die prähistorische Zeit zurückgehende Siedlungskontinuum wurde unterbrochen. Die slawische Besiedlung ist ebenfalls spät ab ca. 9. Jh. und mehr im Osten, in der Gegend von heutigen Levoča und Spišský Hrad bezeugt. Die Notwendigkeit, die unbewohnten Landstriche zu erschließen, zwang den ungarischen König Géza II., Kolonisten aus unterschiedlichen Teilen Deutschlands einzuladen. Die erste deutsche Kolonisationswelle ist wichtig für die Zipser Geschichte. Die meisten bis heute existierenden Ortschaften sind in ihrem Kontext entstanden (einige wurden nach dem Tatareneinfall wiederaufgebaut). Die Ankömmlinge (*hospites* — Gäste, später bezeichnet auch als *Saxones nostri de Scepus*) treten jedoch in ein Gebiet ein, wo sich zuvor ein anderes fremdes Element mit romanischer Provenienz angesiedelt hat. Man kann seine nähere Bestimmung riskieren und es dem norditalienischen / rätoromanischen Dialektkontinuum zuordnen. Es löste sich dann in der deutschsprachigen Welle auf, aber nicht ganz spurlos, seine Existenz bleibt bis heute mit dem ON *Spišské Vlachy* bezeugt, im Mittelalter bezeichnet als *Villa Italica* — Val-

⁸ *Hornád* gilt auch bis heute als unerklärt. Problematisch scheint *Hornád* < **chon-ordv* (so Babik 2001, 229), solche Verteilung bringt uns aber nicht näher. Die Frage ist ob man vielleicht *Hornadt* eher zu Name *Hron* (dt. *Gran*) zusammenstellt, **Abb. Karte der Zips nach J. Loisch (1939)**, vgl. auch der Ortsname *Hranovnica* (dt. *Granitz*, erste Nennung 1294 ...*villa Granych*...) der eigentlich nicht als Verdeutschung des slawischen *g/hranica* m.E. zu verstehen wäre, sondern nach den in Umgebung sich befindenden Quellen des *Hornads* benannt wird. *Hron* ist sicherlich ein Substratelement — „Pannonisch“ nach Anreiter (vgl. 2001, 243f.).

lendorf – *Italorum pagus*, mit ein Adjektiv versehen, das das italaromanische Element strikt von dem wallonischen unterscheidet, vgl. in Dokumenten *Itali non Latini* (Bel, 81).

Nun stellt sich die Frage, ob der Name *Poprad* nicht als romanisch erklärt werden kann? Die Antwort auf diese Frage scheint positiv auszufallen. In Betracht kommt hier ein bekanntes, oft auf dem romanischen Gebiet bezeugtes Element **pratu*, das die lat. Form *prātum*, *-i* fortsetzt und eigtl. „Wiese, Aue“, im übertragenen Sinne auch „Fläche“ bedeutet, vgl. ital. *prato*, prov. *pratz*, franz. *pré*. Die Form ist auch im Mittellatein belegt, vgl. z.B. Dokumente aus Polen, wo *pratum*, manchmal auch als *pratus*, *-i*, als Äquivalent für verschiedene poln. Formen steht, z.B. *ląka* (1313), *trawienik* (1403), *blonie* (ante 1424), *laz*, *<przeszyeka>* „Schneise“ (ante 1469), usw. (LMILP 7 (58), 1092ff.). Lat. *prātum* scheint an sich keine Etymologie zu haben (vgl. vielleicht air. *ráith*, gall. acc. *ratin*, wie im ON *Argentorātum*, Ernout/Meillet, 533); die Anknüpfung an das gr. *παρδακός* „feucht“ (auch ohne Etymologie) sei problematisch (zum gr. Wort s. Frisk II, 473). **pratu* ist wohl eins der häufigsten flurnamenbildenden romanischen Elementen überhaupt, vgl. z.B. *Prato* ON in der Toskana, das bekannte sp. *Prado*, häufig in der Alpen, z.B. Gemeinden *Prato-Leventina* (*Prato-Fiesso*) im Kanton Tessin in der Schweiz, *Prato Carnico*, *Prato Sesia*, *Prato allo Stelvio* – *Prad am Stilfserjoch* in Vintschgau im Südtirol, auch in Korsika, z.B. *Prato-di-Giovellina*, FN *Pardit* (wohl in einer rätoromanischen Gestalt aus *PRATUM* + dim. Suff. *-ittu*, „Wieslein“ mit der dt. Umstellung des Liquids *Pra-* > *Par-* im Vorton, Plangg 2004, 353), etc. Es passiert auch häufig, dass viele Wasserläufe in Mundarten sekundär nach Flurnamen, an denen sie vorbeifließen, benannt werden, deswegen wäre es vielleicht attraktiv den Namen *Poprad* als „einen durch eine Wiese, eine Fläche fließenden Fluss“ zu interpretieren. Zu diesem Benennungsmotiv vgl. z.B. der Name *Pradozerbach* (1299 *Pedratsch*, 1329 *Pedrotz*, 1545 *Pertozer*, 1583 *Padrotscher*) in der Gemeinde Kals im Osttirol, der als „Bach der durch einen Flur *Pradotzer* fließt“ verstanden werden sollte, was letztendlich zum roman. Lagenname **pradáceu* „große Wiese“ gehört (Haslinger/Anreiter 2004, 164f.). Für das erste Element könnte man entweder an das lat. *per* „durch“ oder vielleicht eher an *post* „hinter“ denken. *Poprad* (< **postpratu*?) wäre dann also der Fluss, der, von einem bestimmten Standpunkt aus gesehen, hinter einer bestimmten Wiese fließt. Normalerweise sollte im Mittelalter das /s/ im Romanischen erhalten bleiben, also bei seinem Schwund müsste man hier vielleicht an eine deutsche oder slawische Assimilation (bzw. Substitution, z.B. slaw. *po* für lat. *post*) denken. Vielleicht war das romanische Element dann der erste historische mittelalterliche Namengeber in der Oberzips, das in der

Region außer in der Tradition und in den historischen Berichten sonst kaum greifbar ist. Jetzt bleibt natürlich offen, ob man die bestimmte „Wiese“ — *pratum* aufzeigen kann.

Diese „Wiese“ — *pratum* sei, meiner Meinung nach, die kolonisierte Gegend der Oberzips, das auf dem linken Popradufer gelegene Land, wie im königlichen Dokument beschrieben, vgl. ... *descendit in Poprad inde directe versus villam Isac tendit ad metas distinctas ultra quoddam pratum, ubi oritur quedam aqua, que descendit per idem pratum usque ad rivulum nomine Hunounig, qui rivulus currit in Poprad.*

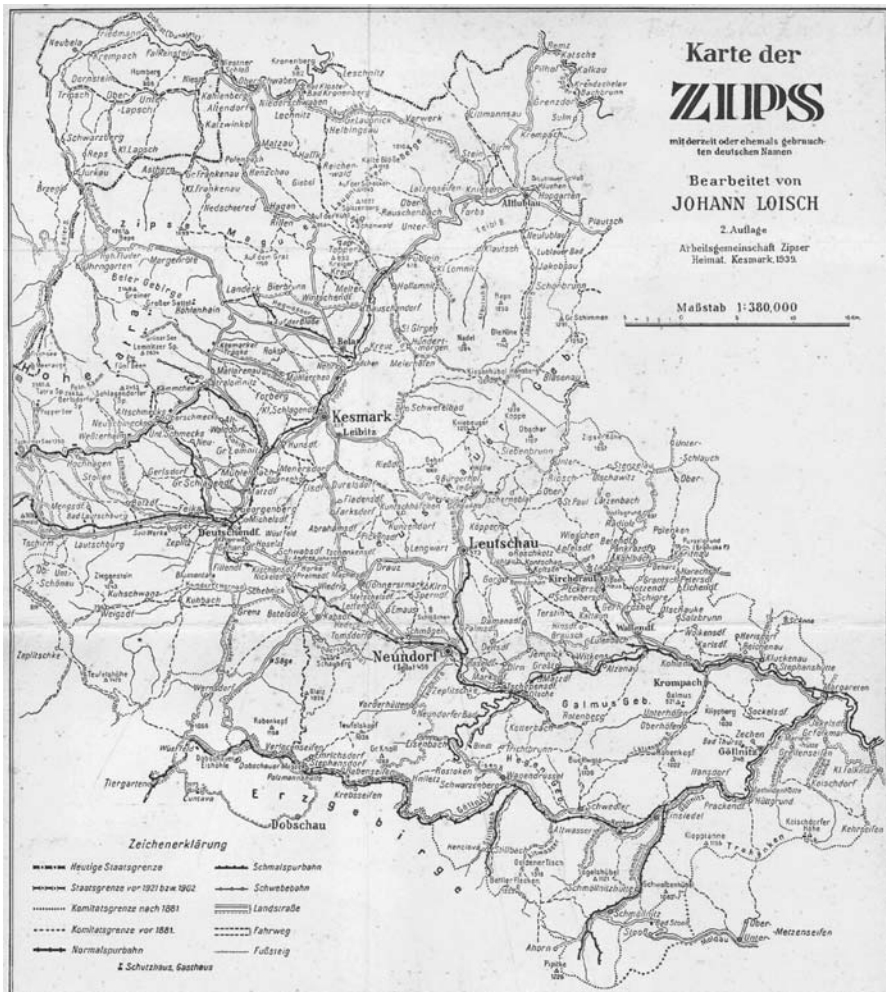

Abb. Karte der Zips nach J. Loisch (1939).

Der Landstrich „*pratu*“ deckt sich zum Teil mit der bereits besiedelten Region, dem sog. *Cepus/Scepus/Zepus* (*Spiš, Zips*) was m.E. an das lat. *cippus*, aber mit einer anderen Semantik, als bei seinen romanischen Fortsetzungen, erinnert, vgl. ital. *céppo* „parte inferiore di una pianta legnosa da cui si diramano le radici e si alza il tronco“ (ab dem 13. Jh.), fem. *céppa* f. „parte intenata dell’albero da cui si dipartono le radici“, *ceppàia* „parte della pianta che rimane nel terreno dopo il taglio del tronco vicino a terra“ (vor 1597) (< lat. *cippu(m)*, DELI, 225), hier als ein Flurname in einer spezialisierten Bedeutung „neue Rodung“ (etwa lat. „*ad cippos*“) und vielleicht mit einer norditalienischen Aussprache (*tsipus* ~ *sipus*; Sowa [im Druck]). Wenn der Name *Zips* richtig als ein romanisches Element gedeutet werden kann, dann bleibt auch die Möglichkeit in einem Name des Flusses, der durch dieses neugerodete Land „Wiese“ (*pratum*) fließt, ein romanisches Element zu sehen. *Pratum* kann im mittelalterlichen Latein als ein gerodetes Land in Texten vorkommen, vgl. *pratum* als poln. *przesieka* „gerodetes Land im Wald, Schneise“; **postpratu* könnte in einem nicht romanischen (slawischen) Munde zum **popratu*, was dann vielleicht reinterpretiert wurde. *Pratu* und *ceppa* bleiben in einer klaren Distribution: *ceppa* (oder (*ad*) *ceppos*) wurde schnell zu der offiziellen Benennung der Provinz (die schon im Jahre 1209 als königliche Provinz sicherlich existierte, vgl. Bárdossy 9.f *terram quandam in Scepus fitam supra Poprat, a Scepus eliberatam...*) und *pratu* bezeichnete die Flur. Mit dem massenhaften Ankommen der deutschen Siedler nach Tatareneinfällen blieb nur der offizielle Name *Zëps/Zips* (*Scepus*) im Gebrauch.

Literatur

- Anonym** — Anonymi (P. Magistri) *Gesta Hungarorum*. Praefatus est textumque recensuit E. Jakubovich. Annotationes exegeticas adiecit D. Pais. Scriptores rerum Hungaricarum ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Bd. I. 13 — 117. Budapestini 1937: Academia Litterarum Hungarica.
- Anreiter 2001** — P. Anreiter, *Die vorrömischen Namen Pannoniens*, Budapest: Archeolingua 16 (Series Minor).
- Babik 2001** — Z. Babik, *Najstarsza warstwa nazewnicza na ziemiach polskich w granicach wczesnośredniowiecznej Słowiańszczyzny*, Kraków: Universitas.
- Bárdossy** — J. Bárdossy, *Supplementum Analectorum Terrae Scepusiensis*. Notationibus, ex veteris ac recentiore Hungarorum historia depromptis. Leutschoviae 1802: Typis M. Podhoránszki.
- Bel** — M. Bel, *Hungariae antiquae et novae prodromus cum specimine quomodo in singulis operis partibus elaborandis versari constituerit auctor Matthias Belius Pannonius*. Norimbergae 1723: Sumptu Petri Conradi Monath Bibliopolae.
- Birkhan 1997** — H. Birkhan, *Die Kelten. Versuch der Gesamtdarstellung ihrer Kultur*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

- CDSI** — *Codex diplomaticus Slovaciae. Slovensky diplomatar*. Tomus I. Inde ab A. DCCCXV usque ad A. MCCXXXV. Ad edendum praeparavit R. Marsina. Bratislavae 1971: Academia Scientiarum Slovaca.
- Csánki** — D. Csánki, *Magyarország Történelmi Földrajza. A Hunyadiak korában, I*, Budapest 1890.
- Demiraj 1997** — B. Demiraj, *Albanische Etymologien. Untersuchungen zum albanischen Erbwortschatz*, Amsterdam/Atlanta, GA.: Rodopi (Leiden Studies in Indo-European 7).
- Haslinger/Anreiter 2004** — M. Haslinger, P. Anreiter, Die Kalser Hydronymie. *Artes et Scientiae*. Festschrift für Ralf-Peter Ritter zum 65. Geburtstag. Hrsg. von P. Anreiter, M. Haslinger und H.D. Pohl, Wien: Edition Praesens, 159 — 178.
- Holder 1904** — A. Holder, *Alt-celtischer Sprachsatz*. Zweiter Band I-T. Leipzig: B.
- LMILP** — *Lexicon mediae et infimae Latinitatis Polonorum*. Tom. 7 (58) P — Q. Pod red. K. Weysenhoff-Brożkovej, Wrocław 1992–2001: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- MGeorg** — *Chronicon, quod in Monte S. Georgii conservatur*. Praefatus est, textum recensuit, annotationibus instruxit B. Pukansky. *Scriptiores rerum Hungaricarum ducum regumque stirpis Arpidianae gestarum*. Bd. II. 273 — 287. Budapestini 1938: Akademia Litterarum Hungarica.
- Ondruš 1979** — Š. Ondruš, Slovenské rieky — pôvod mien, *Studia Academica Slovaca* 8, 269 — 287.
- Peters 1980** — M. Peters, *Untersuchungen zur Vertretung der Indogermanischen Laryngale im Griechischen*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Plangg 2004** — G. Plangg, Romanische Namen in Obertilliach. *Artes et Scientiae*. Festschrift für Ralf-Peter Ritter zum 65. Geburtstag. Hrsg. von P. Anreiter, M. Haslinger und H.D. Pohl, Wien: Edition Praesens, 345 — 358.
- RGA** — *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*.
- Sowa 2004** — W. Sowa, Ein verschollenes Namensgut Europa? Zur Substratproblematik in der Tatraregion, *Österreichische Namnforschung* 32, 145 — 163.
- Sowa [im Druck]** — W. Sowa, Zur Herkunft und Funktion des Namens *Zips*, *Österreichische Namnforschung*.
- Sz./B.** — I. Borsa, I. Szentpetery, *Regesta regum stirpis Arpadiane critico-diplomatica*, Budapest 1961.
- Tischler 1977** — J. Tischler, *Kleinasiatische Hydronymie*, Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert's Verlag.
- Wallace 2005** — R. E. Wallace, Venetic. *The Cambridge Encyclopedia of the world's ancient languages*. Ed. by R.D. Woodard, 840 — 856. Cambridge: Cambridge University Press.

Wojciech Sowa (Kraków)

O pochodzeniu nazwy *Poprad*

Streszczenie

Badania archeologiczne i dane historyczne dotyczące terenów północnej Słowacji pozwalają przypuszczać, że część z poświadczonych nazw gór i rzek oddaje stan wcześniejszy niż zachodnio-słowiański. Najrozmaitsze warstwy osadnicze, przenikające w różnych okresach na tereny dzisiejszego Spisza, być może pozostawiły po sobie także ślady w systemie nazewniczym. Brak jednak do dziś jednoznacznej odpowiedzi na pytanie w jakim stopniu.

Referat ukazuje na przykładzie do dziś nieobjaśnionej nazwy rzeki *Poprad* problematykę poszukiwań substratowych na obszarze Karpat. W sposób systematyczny i krytyczny dyskutowane są różne możliwości pochodzenia nazwy *Poprad*: nazwa słowiańska, nazwa należąca do germańskiego kontinuum dialektalnego, celtycka? Postawione zostało również pytanie na temat innych możliwości objaśnienia tej nazwy.

wojciech.sowa@gazeta.pl

ISBN 978-86-7025-451-0, (2007), p. (381–392)

УДК 811.163.3'373.424

811.163.3'373.6

Валериј Софрониевски (Скопје)

Божилак, виножиио, сунца

Речиси е неможно да се најде човечка култура во која божилакот нема оставено некакви траги во фолклорот или во јазикот. Ваква развисна симболика е сочувана и во традицијата на безмалку сите словенски народи. Меѓутоа, додека во останатите словенски јазици значењата на овој поим главно ги покриваат зборовите изведени од протословенското **doga* < ие. **dhengh-*, македонскиот јазик се издвојува и пројавува интересна специфичност. Имено, зборовите кои преовладуваат — *божилак*, *сунца*, *виножиио* — за означувањето на оваа атмосферска појава имаат различна семантичка и етимолошка провениенција, која, се чини, има корени во старозаветната и (во помала степен) во новозаветната традиција.

Клучни зборови: *божилак*, *виножиио*, *сунца*, **doga*, Библија, апокрифи, потоп.

Речиси е невозможно да се најде човечка култура, во која божилакот (*arcus pluvius*), еден од највпечатливите феномени на небото, нема оставено некакви траги. Не постои друг природен феномен кој толку сеопшто се внедрува во митската претстава на светот, изедначувајќи се, уште од Палеолитот, со еманациите на живототворните моќи во универзумот (EOR 2005: 7604). Претрчувајќи преку исклучително богатата симболика на божилакот, ќе споменеме само неколку негови митски претстави и етиолошки експликации.

Една од најраширените (Rose 2001: 305) е претставата за големата Змија-божилак,¹ творец и уништувач на светот, помошник во плодноста, создавач и сопирач на дождот, заштитник, но и казнувач на луѓето (Lee 2001: 22–6), навестувач на добри, но и на летални настани (Hastings 8: 360). Честа е претставата и за Мостот-божилак, кој го по-

¹ Во митологијата на австралиските Аборицини главното митолошко суштество е големата Змија-Божилак, која живее на небото или на земјата, учествува во создавањето на светот, има разни имиња и може да биде од машки или од женски род. Змијата-божилак е дел од митологијата на многу народи во најразлични делови од светот. Опширен преглед (со литература) за распространетоста на оваа претстава, кај Березкин 2006: 41.

врзува светот на луѓето со светот на боговите,² на живите со оној на умрените (Beckwith 1940: 248–9; Hastings 10: 371), на земното со духовното (Eliade 1964: 118).³ Лакот-божилак е исто така дел од многу традиции;⁴ со негова помош (сп. санскр. *indrathanús*)⁵ боговите на громот фрлаат молњени стрели врз непријателите (Gray 4: 230–1; сп. и *Psalm. 7: 13*), но и за да им помогнат на луѓето, покажувајќи им го патот (Reichel-Dolmatoff 1945: 4–30). Кај Литванците, меѓу другите имиња за божилакот, се среќава и *kilpinnis dangaus* ‘небесен лак’ (Афанасьев 1865: 350). Фреквентна е и претставата за Прстенот-божилак, што ја обиколува земјата, односно небесна лента или појас на некој бог или божица. Така, во Баварија божилакот го нарекуваат *him-melring* ‘небесен прстен’, *sonnenring* ‘сончев прстен’, а кај циганите *dewléskeri gústerin* ‘божји прстен’, во Лорен *courroie de s. Lienard* и *couronne de s. Bernard*, а во Литванија *dangaus josta* ‘небесен појас’ или *Laumés josta* ‘појасот на Лаума’.⁶ Старите Гали божилакот го сметале појас на богот Гу, а кај Турците и кај некои народи во Африка постојат називи за божилакот ‘божји превез’, ‘небесен појас’ (Афанасьев 1865: 358–61).⁷

Покрај споменатите, во фолклорот на некои народи се среќаваат и други претстави на божилакот, како на пр., на некакво животно (чапункар)⁸ или риба-демон⁹ или, пак, такви асоцијации според кои бо-

² Најпознатиот Мост-божилак се наоѓа во нордиската традиција — *Bifröst* (познат и како *Asbrú*, гер. *Asenbrücke*), кој го врзува светот на луѓето *Midgard(r)* со светот на боговите *Ásgardr* (Snorri Sturluson, *Prose Edda, Gylfaginning*, 13–16).

³ Асоцијацијата — мост, пат или скали е присутна во бројни култури; повеќе кај Березкин 2006: 39.

⁴ Опширни податоци за ова, повеќе кај Березкин 2006: 40. Сп. англ. *rain-bow*, гер. *regen-bogen*, фр. *arc-en-ciel* и др.

⁵ И денес, во Камбоџа божилакот се нарекува *einthna* ‘лакот на Индра’.

⁶ И во класичната традиција божилакот е појасот на Ирида, со кого таа (*ταίς ἰδίαις ζώναις*) го спуштила Немејскиот лав од небото во планините (Ps.Plut. *De Fluv.* 18, 4.); божилакот настанува кога Ирида лета преку небото; истакаен е од нејзината разнобојна наметка — ‘*velamina mille colorum*’ (Ov. *Met.* XI, 589).

⁷ За други претстави на божилакот како појас или лента, повеќе кај Березкин 2006: 46.

⁸ Така, на пр., за Зулу народот во Африка божилакот е овца (Chaplin 1959: 157–8); во кинеската провинција Цинхаи сметаат дека е бела коза (Frick 1954: 527), а во Бајга племето во Индија, дека е коњот на Бхимсен (Elwin 1939: 336); повеќе кај Березкин 2006: 97.

⁹ За Кампите (Ашанинки) во Ла Монтања, Перу, божилакот се врзува со демон, кој има облик на речен сом; неговата нечистотија предизвикува дијареја и стомачни болки (Weiss 1975: 490).

жилакот добил имиња — ‘пенис на Старецот’ (Wissler 1908: 28), ‘урина на лисицата’ (Хангалов 1958: 322) или ‘урина на Дождот’ (Bernal Villa 1954: 235), ‘женски срамни влакна’ (Galiner 1990: 513) и др.¹⁰

Вршејќи ја својата главна митска задача — да ги полни облаците со дожд — божилакот „пие вода“¹¹ од водните пространства и при тоа понекогаш всмукува и луѓе или животни (Cavendish 9: 2333; Gray 7: 236). Неговите престојувалишта се различни, земни или небесни, водни простори, мравјалници, дупки, тумби, а неговите краеве врзани со закопано богатство (Irwin 1982: 349–50; Gray 7: 234–5; Parrinder 1967: 76). Може да заштити и помага, при болести, при породување, па дури да учествува и во зачнување (Gray 11: 204; Jobes 1961: 396, 852). Може да биде од машки или од женски род (Sayili 1939: 83; Luckert 1977: 112; Березкин 2006: 42), определен како ‘сопруг на месечината’ (Gray 11: 342) или ‘невеста на дождот т.е. на небото’ (Hastings 2: 510), но и андрогин, со полова променливост (Lee 2001: 24; Dumont 1976: 120), комбинација на yin и yang (Sayili 1939: 82). Најпосле, неговата сексуална особеност може да биде означена преку способноста да го промени полот на луѓето (Róheim 1945: 196–7; Sébillot 1904: 69, 91; Lee 2001: 27).

Со непостојана природа, со амбивалентни атрибути, тој не е само дарител на живот, туку и распространувач на болести и повреди (Lee 2001: 26; Bierhorst 1976: 6). Поради омиозниот карактер (Hutton 1968: 252; Eugenio 1994: 263; сп. *Илијада* XVII, 545–8), забрането е покажување (Chaplin 1959: 162; Elwin 1939: 336), па дури и гледање кон него (Lee 2001: 28). Последиците од непочитувањето на ваквите забрани, можат да бидат кобни, како болест, оќоравување, удар од молња или, едноставно, исчезнување (Lee, *ibid.*).

Дел од предодреденоста за богатата асоцијативна валенција се наоѓа во самата морфологија на божилакот — неговата полукружна форма и извонредниот спектар од бои, меѓутоа, во најголема мерка таа има подлога во неговата специфична местоположба — меѓу небото и земјата, „во друштво“ со сонцето и во време по дожд или пред него. Ваквата морфо-синтакса му овозможила да развие богата симболика и кај словенските народи, што оставило траги во јазикот и културата. Па така, кај сите Словени постои верувањето дека божилакот всмукува, пие вода од езера, мориња, реки или бунари и затоа често го нарекуваат «змеј», «смок» (СлМиф: 330) или

¹⁰ За други асоцијации, сп. Березкин 2006: 47.

¹¹ Во *Georgica* (1.380–1) Вергилиј споменува: „bibit ingens arcus“. Остиаките во Сибир божилакот го нарекуваат „Громот пие вода“ (Gray 4: 443–4).

«аждер»¹² (Кулишић 1998: 156). Понекогаш, со водата впива и жаби и риби, што ги истура на друго место, а во западна Украина веруваат дека може да всмука и човек и да го исфрли на другиот крај (СлМиф: *ibid.*). Словаците имаат израз „*Pije ako duha*“, Хрватите велат: „Нека те дуга усиса!“ (СлМиф: *ibid.*), а Македонците, прифаќајќи метафора за риболовец, т.е. ловец во/на вода го нарекуваат *удица-зунџа* (Вражиновски 1998: 96). Србите веруваат дека пие вода околу водениците и затоа околу нив човек не треба да се капе (СлМиф: *ibid.*). Бугарите, дека на местото каде всмукува вода, божилакот остава сребрена чаша.¹³ Кај западните Словени има верување дека вештицата може да го украде и сокрие божилакот и така да предизвика суша (Афанасьев 1865: 355).

Поради, напати, оминозниот карактер на божилакот, и меѓу Словените постојат обреди за одбрана од него. Така на пр., во „кршење на божилакот“, полските деца ги спојуваат рацете или прстите, меѓусебно или индивидуално, а потоа се напрегаат да ја прекинат врската и така (хемеопатски) да предизвикаат исчезнување на божилакот (Strachov 1988: 336–7).

И меѓу Словените донекаде е сочувана претставата на божилакот-мост (сп. Афанасьев 1865: 363), а се сретнува и негово поистоветување со седиште¹⁴ — кај Словенците постои назив *božji stolec* (Афанасьев 1865: *ibid.*). Во некои места во Русија веруваат дека божилакот е блескав лост на ѓерам (бунарски), со кој Царицата Небеска црпи вода од океанот/морето и со неа подоцна ги полева нивите и полињата (Афанасьев 1865: 356). Од друга страна, називот **лжкџ**, многу присутен во црковнословенскиот (сп. Аргировски 2003: 457; MLP: 358; SJS 2: 171; Срезневский 2: 53), го среќаваме и во разни словенски јазици и дијалекти.¹⁵ Асоцијацијата со појасот, исто така е распространета меѓу Словените (види подолу), особено јужните. Поради верувањето дека навестува крај на врнењето и ведро време, дијалектно во Русија се нарекува *ясна*, *ясновка*, *ясница* (СлМиф: 330), а, веројатно, според слична асоцијација, кај Украинците *весџлиця*, *весџлка* (Фасмер 3: 431; Журавлев 2005: 181, 184).

¹² Во Белорусија божилакот го викаат *смокџ* и веруваат дека, доколку не ја пие водата од земјата, таа вода би ги потопила луѓето (Афанасьев 1865: 358).

¹³ Сп. Ирида, која во златен пехар носи вода од Стикс.

¹⁴ Cf. *Kalevala*, XLI.

¹⁵ За метафоричката мотивација во воспоставувањето врска меѓу лакот-оружје и божилакот сп. ст.инд. *tridaçāyudha* ‘божилак’, т.е. изворно ‘оружје (лак) на (триесет) богови’ (Журавлев 2005: 180).

Кај Србите, Македонците (Róheim 1945: 196–7), Бугарите и Украинците (Мошков 1901: 69) е многу раширено верувањето дека минувањето под божилакот предизвикува промена на полот, а во западна Бугарија веруваат дека жена што е трудна со женско дете, ако се напие вода на местото каде и божилакот пие вода, дека ќе роди машко дете (СлМиф: 330–1). Во западна Чешка се верува дека за девојчињата помали од седум години минувањето под божилакот претставува трансексуално доживување (Boyer 1959: 29), а во Македонија велат, дека кога се појавува божилак, тогаш се жени мечка или зајак (Вражиновски 1998: 94, 97).

Во словенските јазици и дијалекти постојат многу називи за божилакот, од кои некои веќе спомнавме, но и многу други, како «лента», «шал», «марама», «камшик», «метла», «пат», «скали», «знак» и др.¹⁶ Меѓутоа, доминантните зборови-означители на овој атмосферски феномен, во речиси сите словенски јазици се концентрирани околу прасловенското **doga*. Па така, цр.сл. *дџга*, буг. *дџга*, срп. *дџга*, словен. *dóga*, словач. *duha*, чеш. *duha*, пол. *degga*, *dąga* со значење ‘дага на бочва, *dolii lamina*’, ‘странична греда на врата’, но дијалектно и како божилак, укр. *духа́* (*дуга́*) ‘извиена линија или извиен во лак предмет’, рус. *дуга́* со значење ‘дрвен лак над коњски врат кај амутот; лак’, но ст.рус. и како божилак.¹⁷ Покрај споменатите, оваа морфема се употребува и во други преносни значења, за разни објекти во облик на лак, за ‘извиена линија во архитектурата’ (ист.сл.), ‘слој (*stratum*)’ (мак.), ‘пукнатина’, ‘недопечен тврд долгнавест крај на долната корка кај домашен леб’, ‘обрач на каца’ (буг.), ‘модрина’ (ст.чеш.), ‘ката-ракт’ (чеш.) и др. (ЭССЯ 5: 98–9; ESJS 3: 144).¹⁸

¹⁶ Околу причините за соодавањето на овие називи и верувањата врзани со нив, повеќе кај Толстой 1976: 22–76.

¹⁷ За потеклото на рус. *ра́дуга* (дијал. *ра́йдуга*, *равдуга*) постојат неколку мислења, како она на Фасмер, од праслов. **radoga*, произлезено од **radъ*, со семантичко оправдување во дијалектните форми во рус. *весёлка* или укр. *весёлка* (формата *ра́йдуга* можела да се образува под влијание на зборот *рай* според народна етимологија) (Фасмер 3: 431), потоа, со глаголско образување кај првиот дел од зборот **ra-/raj-*, и тоа со значење на звучно произнесување, или со воспоставување врска со зборот *раёк* ‘ирис’ или со изведување на **radoga* (со суфикс *-oga*) од **rad-* и др. (сп. Журавлев 2005: 181–2).

¹⁸ Исклучок од ова семејство е полското *tęcza* (ESJS 3: 144), кое стои во врска со цр.сл. *тжча*, рус. *туча* (од пансл. и праслов. **tǫča* ‘град’ < **tǫk-* + *-ja*), но Brückner токму во полскиот арханзам *tęga* ја гледа алтернацијата *t:-d-* и го изведува **doga* од ие. корен **tengh-* ‘тегне, влече, оптегнува, напнува’ (сп. ESJS 3: 144–5). Се разбира, доминантните теори за потеклото на прасловенското **doga* се дека зборот потекнува од ие. **dhengh-* (1) ‘притиска, вие, свива, извиња, искривува; покрива, прекрива, обложува, лежи на (врз) нешто’ и втората, дека потекнува од ие. **dhengh-* (2) со значење ‘дофаќа, досегнува, зграбува, цврсто фаќа’ (ESJS *ibid.*; Pokorny: 250).

Значи, кај сите словенски јазици основата **doga* е доминантна и главно преку неа се артикулира значењето на божилакот. Меѓутоа, во македонскиот состојбата е поинаква, различна од останатите словенски јазици. Имено, оваа основа во значење ‘arcus pluvius’ може да се сретне исклучително ретко, дијалектно, во областите каде е силно влијанието на соседните јазици.¹⁹ Инаку, основата најдобро е засведочена во зборовите со поинакво значење. Така, често се употребува *дага f.* во значење на ‘*dolii lamina*’, или во значење на ‘слој’ (на пр. „во оваа нива има една дага песок“ — „у овој њиви има један слој песка“).

Зборовите што преовладуваат во македонските говори, се концентрирани околу три семантички јадра: Пред сè *божилак* (-ци) м., со варијантите *божило* п., *божилок* (-ци), па дури и *обложило*, во Долна Бошава,²⁰ *криво божило*, во Чемерско (Ценев 2004: 120), *божулек* (Вражиновски 1998: 94), *божурек* и *божурлак* (Вражиновски 1998: 98). Потоа, *суница*,²¹ односно *зуница*, *зунка*, *суна*, и, на крајот, *виножсиѝо* п., со варијантите *вино-ракија* или *моевино-моежсиѝо* (РМЈ; РМНП; Ценев 2004: 120).

Но, од каде ваквата состојба, кога се знае дека во црковнословенските ракописи од македонските простори редовно се среќаваат лексемите *дџга* и *лжкѝ* на пр.?²²

Бездруго, една од причините за ова се наоѓа во старозаветниот текст, во библиската слика за потопот (*Ген.*, IX, 8–17), каде божилакот (τόξον, *ibid.*, 13, 14, 16) го претставува знакот (σημεῖον, *ibid.*, 12, 13, 17) на заветот (τὸ σημεῖον τῆς διαθήκης *ibid.*, 9, 11–3, 15–7) што Бог им го дава на луѓето и сите живи суштества на земјата (*ibid.*, 9–10, 12–3, 15–6), заветот за вјеки вјеков (*ibid.*, 12, 16), дека веќе никогаш, ниеден потомок на луѓето или животните не ќе умре од потоп (*ibid.*, 11, 15). Колку е димензиониран овој момент може да се види и според фреквентноста на одредени зборови, синтагми или реченици во овие девет стихови, каде Бог му се обраќа на Ное (зборот завет — διαθήκη — е употребен дури седум пати, речениците што ги дефинираат страните меѓу кои се воспоставува договорот/заветот — исто така седум пати, итн.).

Овој старозаветен текст оставил траги во повеќе култури и под негово влијание настанале разни преданија, засведочени и во старите ракописни зборници со апокрифни содржини (Афанасьев 1865:

¹⁹ На пр. во Радишани — *дуга* (Ценев 2004: 120).

²⁰ Сп. и Вражиновски 1998: 95, обложило, веројатно, зашто „кај води се спушта“.

²¹ Истовремено и со значење ‘*bot. (Fragaria vesca) šumska jagoda*’ (РМЈ).

²² Сп. Десподова 1999 и Аргировски 2003.

362).²³ Со ваквата претстава е врзано восприемањето на божилакот како ‘божји знак’ за благосостојба и благодет, па оттаму се јавуваат и називите, како во рускиот *божья дуга, знаменье господне*, карп. *божий знак*, укр. *знамен, святка* и др. (СлМиф: 331). Бугарските селани веруваат дека, ако долго не се појави, следува неродица, суши и глад: неговото отсуство значи дека Господ им се лути на луѓето (*ibid.*). Соодветно, и во Македонија „викаат дека среќа носит — на луѓето, на житото, на земјата“ (Вражиновски 1998: 95).

Во македонската народна традиција, која е преплавена со старозаветна и новозаветна тематика, се чини, оваа библиска приказна оставила многу поголеми траги, одошто кај другите словенски народи. На тоа укажува големиот број народни приказни во кои потопот се јавува како главна тема (сп. Вражиновски 1998: 99–102; Цепенков: 29–40). На тоа укажуваат и бројните приказни за потопот во кои се испреплетени и други бајковни мотиви, а исто така и приказните со поинаква фабула, каде е вметнато преданието за потопот (Цепенков: 166–8). И, сосема вообичаено, потопот е сместен во Македонија, па во некои приказни, самиот Ное, пловејќи на коработ (Цепенков: 184–5) ги дава имињата на македонските планини, а во други им дава имиња на животните (Цепенков: 41–2). Исто така, со потопот се врзуваат и бројни ајтиолошки експликации (Цепенков: 36–7 *et passim*; СБНУ 3:134; Вражиновски 1998: 101–2).

Како логичен, се наметнува заклучокот дека токму ова предание и неговата голема популарност во овие краишта се главната причина за востановувањето на зборот божилак во македонскиот говор, иако еден дел од неговото превалирање веројатно се должи и на влијанието на семантичката подлога на грчката лексема во старозаветниот текст *τόξον*²⁴ (*Ген.*, IX, 13, 14, 16), која сосема правилно во црковно-словенскиот се предава со **лжкџ**.

Вториот збор што се користи во македонскиот јазик — *суница*, е добиен под директно влијание на грчкото *ζώνη*, (дијал. нов.гр. *το ζουβάρι*).²⁵ Како што веќе видовме, асоцирањето на божилакот со појасот е присутно во разни култури и тоа уште од антички времиња. Предусловите за ова семантичко прелевање се очигледни и познати, како, на пр., употребата на појасот во минатото, според интензитет, неспоредлива со денешницата, богатите везови, украсувања на појасите со

²³ Сп. и Тиквешки зборник: 64.

²⁴ Се разбира, преведена од соодветната хебрејска.

²⁵ Лексемата се среќава често и во бугарскиот: *зџна, зџна, зџна* и дијал. *дџуничка, зџничка, зџунка* и др. (БЕР 1: 653, 658).

разни бои и шари и неговата примарна функционалност, која, сама по себе ја развива семантиката на заштита (Chevalier 1989: 522), приврзаност, доверливост и верност (Chevalier 1989: 521). Што се однесува до конкретната македонска профилација на зборот, се чини дека асоцијативната линија ја следи новозаветната традиција, во претставата за покровот, омофорот, односно ‘појасот на Богородица’, којашто се накалемува и на сликата за божилакот — *ἡ ζώνη* или *τὸ ζωνάριον τῆς Παναγίας*.²⁶ Оваа претстава е раширена и кај другите Словени,²⁷ па така, меѓу Србите и Хрватите постои верување дека Бог со помош на божилакот им покажува на жените како треба да ткаат и каква боја треба да употребуваат, а, меѓу Бугарите, дека тоа е „појас Господов, што Он го плакне за време на дожд или го суши по дожд“ (СлМиф: 331). Кај Хрватите се среќава називот за божилак *božji pás*, кај Словенците *svete Marije pás* (Skok 2: 695), а кај Бугарите *самовилски ѓојас* (СлМиф: 331). Во Македонија за него велат: „Зуницата ко спадне — тоа било на Господ појасот што си го опашува“ (Вражиновски 1998: 98) и го нарекуваат на *Госѓо ѓојасо*,²⁸ *Божја Зуница* (Вражиновски 1998: 95, 98) или, едноставно, *ѓојас* (Ценев 2004: 120), што најпосле, можеби укажува на мешање и на старозаветната традиција, особено ако се има предвид, дека во Стариот Завет зборот појас се јавува приближно шест пати почесто одошто во Новиот Завет.²⁹ Но, сепак, што може да се заклучи и според атрибуцијата во македонските примери, зборот *зуница*, на просторите од Македонија, во минатото, почесто се користел во неговата елементарна семантика — ‘појас од облека’.³⁰

Обликувањето на третата лексема — *виножиѓо*,³¹ веројатно следи измешани традиции, меѓутоа, се чини, повторно како клучна се наметнува старозаветната. Имено, синтагмата вино и жито, т.е. жито и

²⁶ Така Грците го нарекуваат божилакот (Афанасьев 1865: 360).

²⁷ Сп. РСА 7: 191–2, како појас; но сепак, на Косово Поле, близу Македонија (н. заб.).

²⁸ Символиката на појасот е врзана и со символиката на плодноста (Chevalier 1989: 521).

²⁹ Податоците се направени според новите грчки изданија на Библијата, но истите се добиваат и кај руските или бугарските изданија.

³⁰ Сп. РМНП 2: 494, 2: 506.

³¹ Постои формална можност за поинакво етимолошко изведување: првиот дел од сложенката да се врзе со семантиката на **uei-* (Роконпу: 1120–2) ‘вие, извива’ (сп. Фасмер 1: 316), па донекаде да се асоцира и со **Furis* (со суфикс **-r-*), а вториот, со нему присуштото праслов. **žī-* < **gī-* (ие. **g^uei-*), што го има и во *живоѓи*, во *жила*, со превој во **gojiti* и во други зборови (сп. Skok 3: 681–2), но, според нас, ваквото изведување е премногу сложено, па затоа и малку веројатно.

вино (σῆτος καὶ οἶνος) во Библијата, поточно во *Septuaginta* се среќава дури или, точно, триесет и три пати³². За споредба, истата синтагма во Новиот Завет не се среќава ниту еднаш. Како интересен податок, потсетуваме на првото засадено лозје и првото испиено вино во новата библиска историја на човештвото, од страна на Ное, по потопот, забележани во поглавјето со божилакот, веднаш по дадениот завет од Бога (сп. *Gen.* 9:27). Иако не го создала, христијанската традиција бездруго го потврдила профилирањето на сложенката *виножито*, до толку повеќе што истата ги содржи евхаристиските компоненти, телото и крвта Христова, а, од друга страна, што виното и житото се постојано присутни во сите еклесиолошки случувања од животот на православните христијани. И поединечно, речиси од секогаш, виното и житото, со својата сончева и божествена природа, симболизираат плодност, живот, цикличност, препород и љубов божја (сп. Chevalier 1989: 746–8 и 823–5), но, старозаветната традиција ги врзува заедно, претворајќи ги во симбол на севкупните дарови што Бог на луѓето им ги дава (сп. *Gen.* 27: 28) и симбол на сè што на човека му треба.³³ Старозаветните, но и новозаветните апокрифи³⁴ ја пренесуваат оваа библиска симболика, а народните приказни дополнително ја верификуваат. Оттаму и не е чудно што виното и житото, како симболи на плодност и изобилство, наоѓајќи подлога во автентичната благодатна симболика на божилакот³⁵ (пред сè, како предвесник на сонце или дожд, најважните нешта за аграрните култури), се врзале за него во име *виножито*, кое ги пренесува овие асоцијации.³⁶

Иако улогата на боите не е сосема исклучена во обликувањето на називот *виножито*, според нас, таа не е пресудна, како што досега се мислеше (сп. СлМиф: 331; РСА 2: 636).³⁷ Имено, вистина е дека ве-

³² *Gen.* 27: 28; *Num.* 18: 12; *Deut.* 12: 17; 14: 23; 18: 4; 2 *Ki.* 18: 32; 2 *Chr.* 31: 5; 32: 28; *Neh.* 10: 40; 13: 5; *Jdt.* 11: 13; *Tbs.* 1: 7; *Ps.* 4: 8; *Joel* 2: 24; *Isa.* 36: 17; *Jer.* 38: 12; *Deut.* 7: 13; 11: 14; 28: 51; 2 *Chr.* 2: 14; *Neh.* 5: 11; *Hos.* 2: 10f, 24; *Joel* 2: 19; *Hag.* 1: 11; *Isa.* 62 :8; *Gen.* 27: 37; *Deut.* 33: 28; *Hos.* 7: 14; *Joel* 1: 10; *Zech.* 9: 17; *Lam.* 2: 12.

³³ Сп. *Gen.* 27: 37; MLP: 63 (**жито виновъ твоихъ**).

³⁴ Сп. апокрифната Апокалипса на Јован Богослов.

³⁵ „Р(адуга) является символом урожая, плодородия, изобилия, ср. белорус. название «богатка». По мнению болгарских крестьян, когда Р. долго не появляется на небе, следует ожидать неурожая, засухи и голода; отсутствие Р. означает, что «дядо Господ сердится на людей».“ (СлМиф: 331).

³⁶ „Виножитото е предвесник на родна година што може да се заклучи од исказот забележан во Долно коњско: ‘Ако често се пуштаат сунците, берикетна ќе биде годината.’“ (Ценев 2004: 120–1).

³⁷ Тврдењето во БЕР 1: 149 дека семантичката мотивација за варијантата *вино-ракја* е „поради вярвањето, че кога то се появи небесна дъга, ще има изобилне от вино и ракия“, донекаде може да се гледа и како потврда на нашата теза.

рувањето — според боите на божилакот и нивниот интензитет³⁸ може да се пророкува за очекуваниот род на различните земјоделски култури — е раширено кај повеќето јужнословенски народи,³⁹ меѓутоа, само кај Македонците⁴⁰ е формиран називот ‘виножито’, што секако укажува на друга провениенција.

Ваквите размислувања не наведуваат на заклучокот дека профилирањето на македонските термини за *arcus pluvius* и специфичното издвојување од големата група словенски зборови што потекнуваат од основата **dogā* се случило под влијание на библиската, особено на старозаветната традиција. Дали за ваквиот развој придонеле историско-географските околности или причината се наоѓа во некои културолошки специфики, дали за тоа е пресудна апокрифната литература или некакво јудејско или еретичко учење (како Ноахиди, богумили и сл.), како и во кое време се случило ова издвојување, се прашања кои бараат дополнителни истражувања.

Литература

- Аргировски 2003** — М. Аргировски (ред.), *Речник на грчко-црковнословенски лексички паралели*, Скопје.
- Афанасьев 1865** — А. Афанасьев, *Поэтический воззрения славян на природу*, томъ первый, Москва.
- Березкин 2006** — Ю. Е. Березкин (29.04.2006), *Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам, Аналитический каталог*: 39. Радужный мост, 40. Радужный лук, 41. Радужный змей, 42. Радуга — пара существ, 46. Радужный пояс, 47. Радуга как струя выделений, 97. Радужный конь (<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>).
- Вражиновски 1998** — Т. Вражиновски, *Народна митологија на Македониите*, том 2, Скопје-Прилеп.

³⁸ Колку е лентата поширока, односно бојата позастапена, толку и родот на соодветниот посев ќе биде подобар.

³⁹ Така, за сите, црвената боја означува ‘вино’ или ‘грозје’. За Македонците црвената означува и ‘здравје’ или спротивно, дека ‘војна ќе има’. Жолтата, за Хрватите ‘растително масло’, за Србите ‘житарки’, за Македонците ‘жито’, ‘берикет’, па дури и ‘ракија’. Сината, за Хрватите ‘зелка’ или ‘овошје’, за Србите ‘сливи’, за Македонците ‘жито’, ‘пченица’, ‘трева’ или, дури, ‘болест’. За зелената, Хрватите ‘жито’ и ‘пченица’, за Бугарите ‘трева’, за Србите ‘трева’ или ‘маслинка’, за Македонците ‘добар род на житото’, ‘берикетна година’, ‘добар род на пченката’, ‘повеќе зеленило’, ‘трева’ или, спротивно, ‘сушна година’ итн. (СлМиф: 331; Кулишић 1998: 156; Ценев 2004: 121).

⁴⁰ Мислењето за улогата на боите во формирањето на овој назив дополнително го релативизира и фактот што асоцијациите се многу „шаренолики“ и (понекогаш и дијаметрално) различни.

- Вражиновски 2000** — Т. Вражиновски, *Речник на народната митологија на Македонија*, Прилеп-Скопје.
- Десподова 1999** — В. Десподова (ред.), *Старословенско-македонски речник*, Прилеп-Скопје.
- Журавлев 2005** — А. Ф. Журавлев, *Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу»*, Москва.
- Кулишић 1998** — Ш. Кулишић, П. Ж. Петровић, Н. Пантелић, *Српски митолошки речник*, Београд².
- Мошков 1901** — В. Мошков, Гагаузы Бендерского уезда. Вера. Воззрения на природу. Великаны, *Этнографическое обозрение* 51 (4).
- РМНП** — *Речник на македонската народна поезија*, Скопје 1983–.
- СлМиф** — *Славянская мифология: Энциклопедический словарь*, науч. ред. В. Я. Петрухин, Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая, Москва 1995.
- Тиквешки зборник** — *Тиквешки зборник*, превод и предговор Б. Конески, Скопје 1987.
- Толстой 1976** — Н. И. Толстой, Из географии славянских слов. 8. 'Радуга', *Общеславянский лингвистический атлас* (МиИ. 1974), Москва, 22–76.
- Хангалов 1958** — М. Н. Хангалов, Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии. В М. Н. Хангалов, *Собрание сочинений*, т. 1., Улан-Удэ.
- Ценев 2004** — Ѓ. Ценев, *Небото над Македонија*, Скопје.
- Цепенков** — М. К. Цепенков, *Македонски народни приказни* том V, приредил К. Пенушлиски, Скопје 1989.

*

- Beckwith 1940** — M. Beckwith, *Hawaiian Mythology*, New Haven.
- Bernal Villa 1954** — S. Bernal Villa, Medicina y magia entre los paeces, *Revista Colombiana de Antropología* 2 (2), 224–47.
- Bierhorst 1976** — J. Bierhorst, *Black Rainbow: Legends of the Incas and Myths of Ancient Peru*, New York.
- Boyer 1959** — C. B. Boyer, *The Rainbow: From Myth to Mathematics*, reprint (1987) Princeton.
- Cavendish** — R. Cavendish, ed., *Man, Myth and Magic* I–XI, Freeport, N.Y. 1983.
- Chaplin 1959** — J. H. Chaplin, A preliminary note on the rainbow in Africa South of the Sahara, *Ethnos* 24 (3–4), 151–171.
- Chevalier 1989** — J. Chevalier, A. Gheerbrant, *Rječnik simbola*, Zagreb.
- Dumont 1976** — Jean-Paul Dumont, *Under the Rainbow: Nature and Supernature Among the Panare Indians*, Austin.
- Eliade 1964** — M. Eliade, *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*, Princeton.
- Elwin 1939** — V. Elwin, *The Baiga*, London.
- EOR 2005** — *Encyclopedia of Religion*, Lindsay Jones, editor in chief, I–XIV².
- Eugenio 1994** — D. L. Eugenio, ed., *Philippine Folk Literature: The Myths*, Diliman, Quezon City.
- Frick 1954** — J. von Frick, Märchen aus Ch'ing-hai, *Anthropos* 49 (3–4), 511–552.
- Galinier 1990** — J. Galinier, *La Mitad del Mundo. Cuerpo y Cosmos en los Rituales Otomies*, México.
- Gray** — L. H. Gray, *The Mythology of All Races* I–XIII, New York 1916–32.

- Hastings** — J. Hastings, *Encyclopædia of Religion and Ethics* I–XIII, New York 1908–26.
- Hutton 1968** — J. H. Hutton, *The Sema Nagas*, Oxford.
- Irwin 1982** — J. C. Irwin, The Sacred Anthill and the Cult of the Primordial Mound, *History of Religions* 21, 4, 339–360.
- Jobs 1961** — G. Jobs, *Dictionary of Mythology, Folklore, and Symbols*, New York.
- Lee 2001** — R. L. Lee, Jr. and A. B. Fraser, *The Rainbow Bridge: Rainbows in Art, Myth, and Science*, Washington.
- Luckert 1977** — K. W. Luckert, *Navajo Mountain and Rainbow Bridge Religion*, Flagstaff, Ariz.
- Parrinder 1967** — G. Parrinder, *African Mythology*, London.
- Reichel-Dolmatoff 1945** — G. Reichel-Dolmatoff, Mitos y cuentos de los Indios Chiriguano, *Boletín de Arqueología* 1, 4–30.
- Róheim 1945** — G. Róheim, *The Eternal Ones of the Dream*, New York.
- Rose 2001** — C. Rose, *Giants, monsters and dragons: an encyclopedia of folklore, legend and myth*, New York.
- Sayili 1939** — A. M. Sayili, The Aristotelian Explanation of the Rainbow, *Isis* 30, 65–83.
- Sébillot 1904** — P. Sébillot, *Le Folk-lore de France*, vol. I, Paris.
- Strachov 1988** — A. B. Strachov, Miscellanea Meteorologica Slavica: ‘Breaking’ the Rainbow in Poles’ce, *Die Welt der Slaven* 33, 336–353.
- Weiss 1975** — G. Weiss, Campa Cosmology. The World of a Forest Tribe in South America, *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History* Vol. 52, Part 5., 219–588.
- Wissler 1908** — C. Wissler and D. C. Duvall, *Mythology of the Blackfoot Indians*, Vol. 2, Part 1., New York.

Valerij Sofronievski (Skopje)

Božilak, vinožito, dzunica

Summary

The specific „morphosyntax“ of the rainbow as a phenomenon has been an incentive for the development of its rich symbolism among many peoples, which, in turn, has left traces in language and culture. Well-developed symbolism can be traced among nearly all Slavic peoples as well. However, whereas in other Slavic languages the notion of the rainbow is expressed by words going back to Proto-Slavic **doga* derived from the PIE root **dhengh-*, Macedonian is peculiar in this regard by presenting an interesting and unique feature. Namely, the predominating words — *божилак*, *суница* and *виножишо* (*božilak*, *dzunica*, *vinožito*) — have a completely different semantic and etymological provenance determined (within a specific historical and geographic context) by an enforced impact from the Old Testament and (to a lesser degree) the New Testament tradition. The viewpoint for a crucial role of the biblical tradition is new and interesting particularly with regards to the formation of the lexeme *vinožito*, variously interpreted so far.

sofronievski@gmail.com

ISBN 978-86-7025-451-0, (2007), p. (393–402)

УДК 811.18'342.41

811.16'342.41

Вања Станишић (Београд)

О неким подударностима у рефлексима индоевропских слоговних сонаната у албанском и балтословенском*

Тему овога рада представљају нека отворена питања у рефлексима индоевропских слоговних сонаната, чије би расветљавање допринело бољем разумевању међусобних веза појединих индоевропских језика у оквиру индоевропске дијалекатске поделе.

Кључне речи: дијалекатска подела индоевропских језика, слоговни сонанти, албански језик, прасловенски језик.

Индоевропски слоговни сонанти представљају прелазну категорију између вокализма и консонантизма у којој се укрштају фонологија и морфологија. Како је то давно утврђено, у нултом ступњу превоја долази до својеврсног обједињавања, тј. функционалног укрштања сонаната [r, l, n, m] и тзв. секундарних високих вокала [i, u], од којих први од примарних чланова сугласничког подсистема позиционо прелазе међу самогласнике, постају носиоци слога [r̥, l̥, n̥, m̥], док је код других нулти ступањ превоја главна позиција њихове вокалске еманципације и раздвајања од полувокала [i̥, u̥]. Иако је ларингална теорија унела важне новине и корекције у тумачење вокалског квантитета и слоговне природе вокалних сонаната, разјаснивши њихово секундарно порекло, за разумевање дијалекатских односа међу индоевропским језицима и даље је актуелна традиционална реконструкција позноиндоевропских слоговних сонаната које карактерише и вокалска опозиција по квантитету: *r̥, *l̥, *n̥ (*m̥).

Распоред рефлекса слоговних сонаната у индоевропским језицима такође говори у прилог позног порекла вокалске опозиције по квантитету. Ова опозиција одсуствује у оним језицима које карактерише исти тип обезвученог консонантизма: *r̥, *l̥, *n̥, *m̥ > ar, al, an,

* Овај текст је резултат рада на пројекту 148004: „Етимолошка истраживања српског језика и израда *Етимолошког речника српског језика*“, који у целини финансира Министарство науке Републике Србије.

am у хетитском и јерменском, *ar/är, al/äl, an/än* у тохарском, као и *ur, ul, un, um* у германском (нпр. гот. *fulls* < **r̥l̥nos*, *wulfs*: стинд. *vṛkah*, лит. *viškas* < **ul̥k^wo-* / **ul̥ro-*) за који је у последњим деценијама XX в. утврђено да одражава архаичнији тип консонантизма сачуваног управо у оним језицима који су распоређени у периферним зонама ие. територије.

Природа самих рефлекса слоговних сонаната осветљава не само дијалекатску поделу позног индоевропског, већ можда и хронолошку поделу појединих индоевропских језика. Како су претпоставили Вјачеслав Иванов и Тамаз Гамкрелидзе (Гамкрелидзе/Иванов 199–200), из чињенице да се у јужној групи коју сачињавају претежно старији индоевропски језици, уз сонанте налази вокализација нижег образовања [a/o] у хетитском, грчком, јерменском, тохарском и делимично италском, могла би да указује на то да у тим језицима још није дошло до фонолошког раздвајања високих вокала *i, *u од сонаната *i, *u. Насупрот њима, појава секундарних високих вокала [i, u] у рефлексима слоговних сонаната у аријском (тачније санскриту), келтском, германском, балтословенском и албанском, говорила би у том контексту о њима као о млађој групи језика. Међутим, на основу овде описаног материјала поменута подела би се могла и другачије протумачити. То је и основно питање овога рада.

Рефлекси слоговних сонаната у виду високих вокала оба тембра [i, u] иначе су несистематично распоређени и упркос ранијим покушајима да се утврде фонетски услови при којима се јавља један или други рефлекс и даље су, како је то давно закључио Меје, остали “непознати услови” њиховог распореда у појединим језицима.¹ То се односи у првом реду на балтословенски, на који се не може применити староиндијска тенденција чешће појаве и-рефлекса после уснених сугласника (нпр. стинд. *pūrṇāḥ*: лит. *pīlnas*, стсл. ПЛЪНЪ).² Оно што је очигледно, то је да се оваква вокализација у староиндијском јавља само у рефлексима дугих слоговних сонаната: *pūrṇāḥ* < **r̥l̥nos*, *dīrgāḥ* < **d̥l̥(n)g^h-* (: лит. *ilgas*, стсл. ДЛЪГЪ). Кругу језика с рефлексима у виду високих вокала придружују се и два језика који у овом погледу заузимају прелазни положај — келтски и албански. Први, обрнуто од германског, од високих вокала има само i-рефлексе и,

¹ Meillet 1924: 66; такође Чекман 1976: 16–18; Откупщиков 1989: 58.

² Теорију фонетског окружења покушали су да примене на балтословенске прилике најпре Фортунатов а пола века потом и Курилович, али је то још 1911. године подвргао убедљивој критици Јан Ендзелин са закључком да се балтослов. [i, u] „срећу у суседству најразличитијих гласова“; упор. о томе Откупщиков 1989: 57; Маслова 2004: 260–261.

обрнуто од санскрита, само у рефлексима кратких *r̥, *l̥: стир. *crīde*, лат. *cor*, лит. *širdis*, стсл. **сръдьце** < *k̥rd-, гал. *Litana silua* „широка шума“, стинд. *prthú-* „широк“ < *pl̥t̥Hu-, док по својим рефлексима дугих слоговних сонаната он заједно с италским спада међу периферијске језике с [a/o] вокализацијом: стир. *grán*, лат. *grānum* „зрно“, стинд. *jīrnāh* „раздробљен“ < *ġr̥n-om. Што се албанског језика тиче, његову особеност представља чињеница да према различитом развоју слоговних назала од слоговних ликвида он припада двама различитим групама ие. дијалеката.

По својим рефлексима слоговних назала албански се удружује с грчким и аријским језицима. Само за њих карактеристична је рана орализација *m̥, *n̥ > /a/, при чему је назив броја 7 њихов најпознатији и готово једини заједнички пример (алб. *shtatë* < *septm̥-to: стинд. *saptá*, грч. *ἑπτά* према лат. *septem*), док у другим случајевима албански нема непосредне паралеле у грчком и санскриту, што оставља могућност и за другачија тумачења. Такав је нпр. случај с алб. *gjatë* „дуг“ чија етимологија у великој мери зависи од опредељивања појединих стручњака у односу на положај албанског језика у индоевропској дијалекатској подели. Идући за Фасмером и Барићем, који су у овом случају инсистирали на заједничком албанско-грчко-аријском рефлексу, Орел (Orël) поменути реч реконструира као нулти ступањ превоја *dl̥ŋgh-to од корена *del- с назалним проширењем које се среће у варијантном облику *(d)longh- (: лат. *longus*, гот. *laggs*). Међутим, због одсуства ие. паралела за такву реконструкцију облика с назалним проширењем, Чабеј и Хулд³ ову реч реконструирају као добро потврђени нулти ступањ превоја истога корена без назалног проширења *d̥l̥gh-to (: стинд. *dīrghá-*, стсл. **дльгъ**, гот. *tulgus* „укочен, крут“), што, с друге стране, отвара проблем тумачења албанског рефлекса *ī̥ о којем су мишљења такође подељена.

Међу иначе малобројним потврдама албанских рефлекса индоевропских слоговних назала има и примера с е-вокализацијом, међу којима је најпознатији алб. назив за број 20 *një-zet* од ие. *ci-k̥mti, чији рефлекси, иначе, ни у другим језицима нису свуда регуларни (: лат. *uiginti*, стинд. *vimśati*, грч. *εἴκοσι*). Иако је е-вокализација понекад проглашавана умлаутом „основног“ /a/ рефлекса,⁴ услови евентуалног прелаза *[a > e] ипак нису разјашњени, тако да остаје чињеница да за разлику од грчког и аријског албански има двојни рефлекс слоговних назала *m̥, *n̥ > [a/e]. Ови су рефлекси у основи подударни с географ-

³ Huld 1984; Topalli 2001: 54.

⁴ Калужская/Орел 1983: 20.

ским положајем албанског језика у оквиру индоевропске дијалекатске поделе, јер је протоалбански, као што је познато, северноиндоевропског порекла, чији су носиоци давно дошли у контакт с грчко-јерменско-аријском групом и заједно с њом развили неке особене иновације.⁵ Његови двојни рефлекси слоговних назала, уосталом, могли би да баце ново светло и на природу ексклузивног грчко-аријског рефлекса који се може разумети управо као рана орализација старог *an/on рефлекса, који је у једном периоду могао да буде карактеристика средишњих индоевропских дијалеката. О централном карактеру оваквог развоја посредно говори и судбина слоготворних назала у балтословенском. Словенски назални самогласници а /ǣ/, ж /ǫ/ (од којих само први представља веродостојни рефлекс одговарајућих балтословенских група *in, *im < ие. *n, m), доживели су доследну деназализацију управо у средишњим словенским језицима, при чему његов основни јужнословенски рефлекс /ǣ/ > /e/ географски и типолошки одговара поменутом албанском развоју.

Албански рефлекси слоговних ликвида такође сведоче о прелазном положају овог језика међу индоевропским језицима. Ексклузивне подударности у рефлексима кратких *r, *l повезују албански с келтским језицима, надовезујући се истовремено на постојање тзв. староевропских лексичких веза које албански језик повезују с балтословенским и келтским језицима.⁶ Само албански и келтски одликује истоветно разликовање кратких *r, *l помоћу поменутих високих i-рефлекса, при чему је за оба језика веома карактеристична метатеза, а донекле и преображај вокалског елемента [ri (re), li (le)] (у алб. ретко [ir, il]), која подсећа на јужнословенску фазу с вокалским [r, l] од прасл. *řr, *řl: упор. алб. *bir* „син“ и ствнем. *giburt* „рођење“ као нулти ступањ превоја корена *b^her- „носити“; алб. *krimb* „дрв“, стир. *cruim* и велш. *pryf* < *k^wřm-: стинд. *křmi*- „дрв“, нперс. *kirm*, лит. *kirmis* (упор. стсл. ЧРЪВЪ < прасл. *křu- које као и алб. *kri* „жижак“ потиче од варијантног корена *k^wřu-); алб. *drekë* „ручак“ према грч. δρόπον „вечера“ < *drk^w- (упор. исти развој *r > /e/ у стир. *drech* „изглед, израз“ према алб. *dritë* „светлост“ и велш. *drych* „огледало“ од заједничког нултог ступња *drk^w-tā, од којег потичу и стинд. партицип *drštā*- „виђен“ и грч. аорист ἔδρακον). Слику о прелазном карактеру албанског језика у рефлексима кратких слоговних ликвида заокружује и заједнички келтски и албански рефлекс

⁵ G. Meyer, *Ueber die Stellung des Albanesischen im Kreise der Indogermanischen Sprachen*, 1883 [Çabej 1976: 14]; Hamp 1966; Çabej 1976: 14–15; Десницкая 1965; 1989; Широков 1981; Stanišić 1998: 326–332.

⁶ Çabej 1987: 383; Калужская 2001.

ових сонаната у иницијалном положају (тј. после ларингала) *(H)ṛ- > [ar-],⁷ који их ареално повезује с грчким и јерменским (и даље с хетитским): алб. *arí*, стир. *art*, грч. ἄρκτος, јерм. *arj* и хет. *hartagga* насупрот лат. *ursus* и стинд. *ṛkṣah* < *(H)ṛtkó- „медвед“.

Упркос различитим тумачењима албанских рефлекса дугих слоговних ликвида, албански језик и у овом случају представља својеврстан прелаз који у себи обједињује и спаја црте различитих индоевропских дијалеката. Ећрем Чабеј, који је иначе у неколико својих радова размотрио албано-келтске дијалекатске везе,⁸ у овом питању углавном је прихватио Јоклову претпоставку⁹ да је албански и у рефлексима дугих слоговних ликвида преживео подударан развој с келтским језицима: *ṝ, *ṝ > [ar, al], чему је блиско и мишљење Мартина Хулда који је такав развој протумачио као подударну рефлексацију вокалних ликвида у постларингалном и преларингалном положају: алб. (*i*) *parë* „први / прво“ према стинд. *puráh* „пред“ < *ṝuo- (*ṝuo-), као и стир. *lán* „пун“ према стинд. *pūrná-* < *ṝnos (*ṝnos), исто као и алб. *arí* и стир. *art* < *(H)ṛtkó- „медвед“.¹⁰ Њихов ауторитет утицао је, по свему судећи, на популарност ове идеје, која је потом преузета и у неким новијим радовима о томе питању.¹¹ Међутим, једно од најупадљивијих одступања од овако постулираног развоја представља алб. назив за пшеницу *grunë / grurë* који одговара индоевропском називу за „зрно“ *ḡrn-om, о чијем дугом слоговном *ḡ̄ сведоче лат. *grānum*, стир. *grán*, лит. *žirnis* као и стинд. придев *jīrnáh* „здробљен, смрвљен“. Иако је због одсуства сатемског рефлекса на месту почетног палатовелара питање порекла ове речи у албанском спорно — то би по Хемпу могао да буде аутохтони албански облик а по Хулду ипак латинизам¹² — примери с и-вокализацијом нису тако ретки у албанском језику, што отвара могућност алтернативног тумачења његових рефлекса дугих слоговних ликвида.

Само високе вокале [i, u] као рефлексе слоговних ликвида претпоставили су 1983. године Ирина Калужска и Владимир Орел. Особену варијанту схватања да албански језик у рефлексима слоговних со-

⁷ Huld 1984: 169.

⁸ Два рада с овом тематиком прештампана су у IV тому Чабејевих изабраних радова: Čabej 1987: 374–395.

⁹ N. Jokl, *Kelten und Albaner (Eine Untersuchung ihrer Isoglossen)*, *Symbolae Grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski, Cracowiae* 1927.

¹⁰ Huld 1984: 169.

¹¹ Demiraj 1996: 159; Topalli 2001: 43–56.

¹² Hamp 1966: 117; Huld 1984: 169.

наната чува траг старе квантитетске опозиције представља њихова оригинална идеја да граница између дугих и кратких слоговних сонаната у овом језику пролази између [i/u] рефлекса, тј. да тембар пратећег вокала у албанским рефлексима представља одраз индоевропске квантитетске опозиције код слоговних ликвида.¹³ Иако ова идеја, по којој међу индоевропским језицима једино албански систематски спроводи указану корелацију, није доживела већи одјек у научним круговима, можда и стога што су и сами аутори, како изгледа, касније напустили такву идеју, стоји чињеница да је у рефлексима слоговних ликвида албански у целини гледано врло близак балтословенском. Сличну идеју о вези балтословенских високих вокала оба тембра [i/u] у рефлексима слоговних ликвида с тонским разликама у овим језицима изнели су још С. Б. Бернштејн и А. Г. Авксентјева и недавно ју је поновила и подржала Валентина Маслова (2004: 262–263) у својем опису прасловенског фонолошког развоја. У овом правцу идеју Калужске и Орела даље је развио 1986. године Лешек Беднарчук,¹⁴ који је балтословенске и албанске подударне рефлексе различитог тембра сагледао као одраз заједничке опозиције по палаталности. Иако би се могло рећи да је овај рад по својим закључцима близак таквој идеји, потписнику ових редова поменута идеја је за зада, на жалост, позната само из кратког осврта Кољеца Топалија.

Иако у својој *Краткој историјској граматици албанског језика* Орел више не помиње своју некадашњу тезу о чувању древне квантитетске опозиције у албанским рефлексима слоговних ликвида, остао је доследан у схватању да се у њиховим албанским рефлексима налазе само високи вокали искључивши примере *ī̄, *ī̄ > [ar, al], које је раније одбацио као неутемељене (Orel 2000). Тако је и у свом Етимолошком речнику албанског језика (Orel) остао при ранијем схватању да се алб. (i) *parë* „први / прво“ не може непосредно доводити у везу са стинд. *puráh* „пред“ и стсл. **пѣв** од нултог ступња *r̥i̯o-, већ одговара облицима са значењем „први, најбољи“ у стинд. *pāra-* и грч. Πάρις.¹⁵

Према садашњем Ореловом схватању, индоевропско *ī̄, *ī̄ дали су у протоалбанском групе балтословенског типа [ir/ur, il/ul], које су касније у неким случајевима доживеле метатезу. Иако напомиње како је дистрибуција између палаталне и лабијалне варијанте у знатној мери затамњена услед различитих секундарних процеса, ипак износи важан закључак да је i-вокализација основна и да подлеже одређеним

¹³ Калужская/Орел 1983: 18.

¹⁴ Bednarczuk 1986: 77; [Topalli 2001: 49].

¹⁵ Калужская/Орел 1983: 18.

правилима (Orel 2000: 43). Мада Орел као услов спомиње само положај пред сугласничким групама, из његових се примера види да се она осим тога појављује у свим кратким слоговима и по правилу с метатезом. Упор. такође:

алб. *drithë* „жито“ < *ǵʰrd[h]- „јечам“ (грч. κριθή, јерм. *gari*, лат. *hordeum* и ствнем. *gersta*);

алб. *shtrij* „ширити, простирати“: стинд. *strñāti*, грч. στóρνυμι, лат. *sternō*;

алб. *drizë* „драча“: стинд. *dhryati* „бити чврст“, стсл. **ДРЪЖАТИ** (*dīrziati), као и стсл. **ДРЪЗАТИ**, који одражавају нулти ступањ корена *derǵʰ- и подударан значењски развој као у рус. *дерéза* „кустовина, жива ограда“.

Крупна подударност с балтословенским овде постоји и у дистрибуцији поменутих рефлекса, пошто је у суштини и у балтословенском рефлекс [ir] основни, док [ur] представља недовољно разјашњено одступање од нормe.¹⁶ Упркос недовољно јасним условима дистрибуције ових рефлекса, они у оквирима индоевропске дијалекатске поделе представљају заједничку сатемску одлику балтословенског, албанског и аријског, којима се придружује и келтски својом специфичном подударношћу с албанским развојем. За ову тему најважнија је чињеница да се и на основу Орелових примера види како се *i*-вокализација среће само у рефлексима кратких *ǵ, *ǵ, док су примери с *u*-вокализацијом мешовити. Осим *grunë* / *grurë*, такав рефлекс дугога *ǵ среће се и у алб. *kulpër* / *kulpën* „павит, бршљен (clematis)“: лит. *kilpa* „петља, витица“, лет. *ciļpa*; међутим, има и доста примера у којима *u*-вокализација није таквог порекла, нпр.:

алб. *turg* „мрк, сив“ : лит. *márgas* „шарен“, *mirgúoti* „сијати, светлуцати“, лет. *mirga* „одблесак“, *mūrgs* „чудесна слика“;

алб. *brumë* „тесто“: стенгл. *beorma* „квасац“, лат. *fermentum*, који можда потичу од нултог ступња корена *bʰreu-m-;

алб. *ujk* (дијал. *ulk*) „вук“ < *ǵlkʷo- / *ǵlpo-: стинд. *vṛkaḥ* „вук“, грч. λύκος, лат. *lupus*, гот. *wulfs*, лит. *vilkas*, стсл. **ВЛЪКЪ**.

Високи вокал палаталног тембра, дакле, несумњиво је потврђен као основни рефлекс слоговних сонаната у балтословенском, албанском и келтском, при чему друга два језика обједињује и чување квантитетског обележја у овом рефлексу и метатеза вокалског елемента: *ǵ > [ir/ti]. На основу свега реченог, стиче се утисак о повезаности ова два обележја. Метатеза вокалског елемента сведочи о томе да су, по-

¹⁶ Откупщикова 1989: 58; упор. такође Хабургаев 1986: 68; Маслова 2004: 259.

пут санскрита, келтски и албански у својим рефлексима кратких *r̥, *l̥ прошли кроз сличну вокалску фазу коју географски и типолошки потврђују и прилике у јужнословенским језицима. У том смислу алб. *dritë* „светлост“ < *dr̥k̥-tā и стир. *crīde* „срце“ < *kr̥d- показују подударан развој са стинд. *saṃskṛta-* које је у индијским школама санскрита постало [sanskrit],¹⁷ или као што је германизам *chiricha* преко прасл. *cīrky и стсл. **цѣкы** ушао у чакавски топоним *Crikvenica*.¹⁸

Описани основни рефлекс [ir/ri] из ие. *r̥ у албанском, келтском и санскриту расветљава, такође, и поједина отворена питања у палеославистици у вези с прасловенским рефлексима ие. слоговних *r̥, *l̥. Овакву вокалну фазу потврђује и основни словенски рефлекс ие. *r̥, *l̥ > [in] > /ɛ/ (А). Упркос истоветној рефлексацији, словенски назални самогласник супротставља се својом дужином балтословенским скраћеним рефлексима ие. *r̥, *l̥ > *īr (ūr), *īl (ūl), који су, попут осталих вокала, уместо старе квантитетске опозиције развили акценатску опозицију по висини (акут : циркумфлекс). Претпоставку да су прасловенски *r̥, *l̥ могли да буду директни континуанти одговарајућих индоевропских слоговних ликвида (Бошковић 2000: 56) потврђује и реторичко питање Владимира Журављова: „Зашто се слоговност најпре губи као ради тога да би опет настала?“¹⁹ Одговор на то питање дао је Лешек Мошињски још 1969. године с тврдњом да је прасловенски сачувао ие. *r̥, *l̥, *m̥, *n̥, а потом их поцепао по мекоћи (Мошинский 1969: 10). Његови двојни рефлекси различитог тембра, дакле, представљају последицу уклапања ових рефлекса у другу важну прасловенску вокалску опозицију — опозицију по антериорности, која је из другог извора увела и назални самогласник /ɔ/ (ж) као тембрални парњак постојећем назалном самогласнику предњег реда /ɛ/ (А).

Библиографија

- Bednarczuk 1986** — L. Bednarczuk, On the development of indo-european syllabic sonants in Balto-Slavic and Albanian, *Acta Baltico-Slavica* XVII. Polska Akademia Nauk. Institut Słowianoznania. Warszawa.
- Џабџ 1976** — E. Џабџ, *Studime gjuhësore* III, Нурје në historinë e gjuhës shqipe, Prishtinë.
- Џабџ 1987** — E. Џабџ, *Studime gjuhësore* IV, Nga historia e gjuhës shqipe, Prishtinë.

¹⁷ А. А. Зализняк, Грамматический очерк санскрита [додатак речнику В. А. Кочергине, *Санскритско-русский словарь*, Москва 1987], Москва 2005, 790.

¹⁸ Упор. овај чакавски облик *crikva* још у Винодолском законнику који је додуше написан 1288., али је сачуван у каснијем препису из XVI в. (Lukežić 1990:14–16).

¹⁹ Цит. по Маслова 2004: 271.

- Demiraj 1996** — Sh. Demiraj, *Fonologjia historike e gjuhës shqipe*, Akademia e shkencave e republikës së Shqipërisë, Instituti i gjuhësisë dhe i letërsisë, Tiranë.
- Hamp 1966** — E. P. Hamp, The position of Albanian, *Ancient Indo-European dialects*, California UP, Los Angeles, 97–119.
- Huld 1984** — M. E. Huld, *Basic Albanian etymologies*, Columbus, Ohio.
- Lukežić 1990** — I. Lukežić, *Čakavski ikavsko-ekavski dijalekat*, Rijeka.
- Meillet 1924** — A. Meillet, *Le slave commun*, Paris.
- Orel 2000** — V. Orel, *A Concise Historical Grammar of the Albanian Language*, Leiden / Boston / Köln.
- Stanišić 1998** — V. Stanišić, Two Types of Ancient Indo-European Isoglosses in the Albanian Language, *Balcanica XXIX*, Belgrade, 321–338.
- Topalli 2001** — K. Topalli, *Sonantet e gjuhës shqipe*, Akademia e shkencave e republikës së Shqipërisë, Instituti i gjuhësisë dhe i letërsisë, Tiranë.

*

- Бошковић 2000** — Р. Бошковић, *Основи ујоредне грамајике словенских језика. Фонетика, морфологија, грађење речи*, Београд.
- Десницкая 1965** — А. В. Десницкая, Древние германо-албанские языковые связи в свете проблем индоевропейской ареальной лингвистики, *Вопросы Языкознания* 6, Москва, 24–43.
- Десницкая 1989** — А. В. Десницкая, О специфике сравнительно-грамматической интерпретации фактов албанской морфологии, *Актуальные вопросы сравнительного языкознания* (отв. ред. А. В. Десницкой), Ленинград, 96–114.
- Калужская 2001** — И. А. Калужская, *Палеобалканские реликты в современных балканских языках (К проблеме румыно-албанских лексических параллелей)*, Москва.
- Калужская/Орел 1983** — И. А. Калужская, В. Э. Орел, Наблюдения над отражением индоевропейских слоговых сонантов (\bar{r} , \bar{l} , \bar{l}) в албанском языке, *Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов*, Москва, 17–21.
- Маслова 2004** — В. А. Маслова, *Истоки праславянской фонологии*, Москва.
- Мошинский 1969** — Л. Мошинский, К развитию праславянских сонантов, *Вопросы языкознания* 5, Москва, 3–10.
- Откупщиков 1989** — Ю. В. Откупщиков, Ряды индоевропейских гуттуральных, *Актуальные вопросы сравнительного языкознания* (отв. ред. А. В. Десницкая), Ленинград, 39–69.
- Хабургаев 1986** — Г. А. Хабургаев, *Старославянский язык*, Москва.
- Чекман 1976** — В. Н. Чекман, Об отражениях индоевропейских слоговых плавных в балто-славянском языковом ареале, *Acta Baltico-Slavica* 9, Ossolineum.
- Широков 1981** — О. С. Широков, Албано-балто-славянские глоттогенетические связи, *Зборник Мајнице срјске за филологију и лингвистику* 24/1, Нови Сад, 7–21.

Ваня Станишич (Белград)

**О некоторых сходствах в рефлексах индоевропейских слоговых сонантов
в албанском и балтославянском**

Резюме

Темой данной работы являются некоторые открытые вопросы, касающиеся рефлексов индоевропейских слоговых сонантов, объяснение которых может привести к лучшему пониманию совместных отношений отдельных индоевропейских языков в рамках индоевропейского диалектного членения. Это прежде всего относится к вокальной паре высоких гласных [i, u] в рефлексах слоговых плавных, которые главным образом встречаются в центральных индоевропейских языках. Вопреки несистематическому распределению рефлексов обоих тембров в отдельных языках, приведенный материал показывает, что языки с данными рефлексами (в первую очередь с гласной переднего ряда [iɪr/i, iɪl/i]) прошли через вокальную фазу, сходную с той, которая представлена в санскрите.

avala@yubc.net

ISBN 978-86-7025-451-0, (2007), p. (403–408)

УДК 811.163.2'373.6

811.163.2'282

Тодор Ат. Годоров (София)

Произход на няколко български диалектни думи: *изп̀вам, т̀оркам, т̀орт̀свам се, т̀расенина, т̀расеница*

В настоящия доклад се разглеждат четири български думи: три от славянски и една от гръцки произход. Обърнато е внимание на фонетични и словообразователни особености на думите, обяснена е семантиката им.

Ключови думи: етимология, семантика, словообразуване, славянски езици, гръцки заемки, праславянски език.

изп̀вам

За думата *изп̀вам* 'изчиствам конци от разпорен шев' (от Корово, Пещерско) в БЕР (II:65) липсва същинско етимологично обяснение. Вместо него стои следната бележка: „Срв. в говора *п̀ва* 'голям закривен нож'.“ Смисълът на тази бележка е, че *изп̀вам* е в етимологична връзка с *п̀ва*, че е производно от *п̀ва*. Словообразователни и семантични особености на думата не са разгледани. Нищо не се казва за етимологията на *п̀ва*, нито се отправя към речникова статия за *п̀ва*. Авторите на II том на „Български етимологичен речник“ са нарушили важен принцип на етимологичното издирване — принципа на многопосочното търсене на произхода на думите и не са потърсили по-надеждно обяснение за произхода на *изп̀вам*. Разбира се, под съмнение трябва да се постави самата възможност за възникване на глагол със значение 'изчиствам конци от разпорен шев' от дума със значение 'голям закривен нож'. Ще вметна, че коровското *п̀ва* е правилно обяснено в БЕР (IV:995) така: „Вероятно от *п̀ала* (вж.) с *в* в м. л.“, а *п̀ала* 'сатър, брадва' и 'закривена сабя' в БЕР (V:16) — така: „От тур. *pala* 'сабя, палаш' ...“.

Всъщност *изп̀вам* е фонетичен вариант с *в* на мястото на *хв* (както например в диал. *в̀ана* в м. *хв̀ана*) на *изп̀хвам* (регистрирано в Кюстендилско), дадено в БЕР (II:46) със значение 'издухвам, изчиствам с веене, с махане на крила' и с бележка в етимологичната част: „Вж. *п̀ахам*.“ Там е изписана и кюстендилската форма за св. в. *изп̀а-*

хам. В БЕР (V:106, под *nàхам*¹) се сочи свършена глаголна форма *из-nàхам* от Кюстендилско със значение 'издухам', дават се значения 'разтребвам, чистя къща', 'изтръсквам нещо от прах' на непрефигираната форма *nàхам*, привеждат се като съответствия срхр. *īахаѣи*, *īахам* 'чистя от прах, издухам', словен. *pahati, paham* 'избърсвам, издухам, одухам, вея', рус. *пахать, паху* 'чистя тръба на печка', доллуж. *paħaś* 'избърсвам, издухам'.

И така, коровското *изnàвам* 'изчиствам конци от разпорен шев' няма нищо общо с коровското *nàва* 'голям закривен нож'. То е вариант на диал. *изnàхвам*, засвидетелствано със значение 'издухам, изчиствам с веене, с махане на крила', префигирана форма от *nàхам*, което има съответствия в други славянски езици.

тòркам

Думата *тòркам* 'бода силно' (в св. в. *тòрна*) от говора на гр. Банско е засвидетелствана само в СБНУ (XLVIII:533). Илюстрирана е със следните две изречения: *тòркам волòвето с остèно да вървè бърже. Тòрна го с нош в корèмо и той умрè.*

Видима връзка с друга българска дума *тòркам* няма. Напразно ще се търси етимон в другите балкански езици. Какъв е произходът ѝ? При нейното етимологизуване трябва да се държи сметка за факта, че тя е диалектна дума и че като такава съдържа някои фонетични и други особености на говора, от който е. При внимателно вглеждане в звуковия ѝ облик може да се открие нещо много любопитно: връзката ѝ с общобългарския книжовен и широко разпространен по говорите глагол *търкам* 'трия'. Всъщност *тòркам* е вариант на *търкам* с диал. *o* на мястото на *ъ*, стб. *ѡ*, както и в други думи в говора на Банско (за които вж. Стойков 1968:98). Що се отнася до значението на *тòркам*, трябва да се каже следното: признати за негови съответствия в други славянски езици думи (вж. например Vasmer III:124, под *тòркатъ*) имат значения, близки до това на *тòркам*, срв. рус. *тòркатъ, тòркаю* 'бутам, тласкам, тикам' (в св. в. *тòркнуть*, диал. *тòрнуть* и *торнуть*), чеш. *trkati, trkám* 'бода с рога', словаш. *trkat', trkám* със същото значение. Значението на българската дума и посочените значения на нейни съответствия в славянски езици по всяка вероятност са се развили още в праславянско време, унаследени са от праславянския им предходник **tǫrkāti, *tǫrkāja* с основно значение 'търкам, трия'. Възможно е обаче да са се развили и по-късно в отделните славянски езици, независимо едно от друго (поне някои от тях).

Интерес представлява оформилата се морфологична двойка *тòркам* (в несв. в.) — *тòрна* (в св. в.). За разлика от морфологичната двойка в книжовната реч *търкам* (в несв. в.) — *търкна* (в св. в.) тя представя фонетично опростяване *ркн* > *рн*. Точни словообразователни книжовни паралели в български са например *свìркам* (в несв. в.) — *свìрна* (в св. в.), *пèркам* 'удрям нещо леко' (в несв. в.) — *пèрна* (в св. в.). Точно съответствие на *тòркам* — *тòрна* е руската диалектна морфологична двойка *тòркать* (в несв. в.) — *тòрнуть* и *торну́ть* (в св. в.).

тортòсвам се

Доколкото ми е известно, глаголът *тортòсвам се* 'сядам някъде, разполагам се по-удобно, по-свободно' (от Лесичово, Пазарджишко; по данни от КартБДР) не е бил предмет на разглеждане в научна публикация. Глагол с подобен звуков облик и с подобно значение в другите славянски езици няма. Така че славянски произход на думата е невъзможен. По всяка вероятност в случая имаме работа със заемка от балкански език. Завършекът *-освам* говори в полза на гръцки произход. Според мене в *тортòсвам се* 'сядам някъде, разполагам се по-удобно, по-свободно' е скрита аористната основа $\acute{\omicron}\rho\theta\omega\sigma$ - на гръцкия глагол $\acute{\omicron}\rho\theta\acute{\omega}\nu\omicron\mu\alpha\iota$ 'изправям се, изправям стан'. Българският глагол може да се е развил от първоначално *отортòсвам се*, образувано с българска представка *от-* от *ортòсвам се* (от гр. $\acute{\omicron}\rho\theta\acute{\omega}\nu\omicron\mu\alpha\iota$). От префигираната форма **отортòсвам се* в резултат на преосмисляне на *о-* като представка *о-* възниква непрефигираната *тортòсвам се*. Срв. за подобно преобразуване диал. *дърфам са* 'ръфам се' (от Павелско и Хвойна, Асеновградско) от по-ранно **одърфвам са*, което от своя страна е с метатеза и с диал. *д* от *т* пред *р* (както например в диал. *одрèжа* = книж. *отрèжа*) от *отрèфам са* (произв. от диал. *рèфам са* = книж. *рèфам се*)¹. Значението 'сядам някъде, разполагам се по-удобно, по-свободно' може да се е развило в резултат на следния семантичен развой: 'изправям се, изправям стан' > 'изправям се, изправям стан, изтягам се, след като седна' > 'сядам някъде, разполагам се по-удобно, по-свободно'.

трàсенина, трàсеница и варианти

Думите *трàсенина* 'сено и слама, добре разбъркани' (от Разлог; по данни от КартБДР), *трàсенина* 'смес от слама и отава; (прен.) бъркотия' (от Банско; вж. СБНУ XLVIII:533), *трàсеница* 'смес от отава и

¹ За *дърфам са* вж. Тодоров (1994:123–124).

слама' (от Якоруда; по данни от КартБДР), 'ситна слама' (от Горна и Долна Василица, Ихтиманско; вж. БД III:179), *трасеница* 'смес от слама и отава' (от Бачево, Разложко; по данни от КартБДР) са с јасна словообразователна структура. Образувани са с наставки *-ина*, *-ица* от причастна основа *трасен-* на диалектни варианти на глагола *търся* 'друсам, раздрусам'² със закономерно *a* в посочените говори на мястото на ъ, стб. **ъ**: *трася, траса, трасе* и др., с незасвидетелствано значение 'подготвям по специален начин смес от сено и слама или от слама и отава за храна на добитък, като ги „разтърсвам“, „раздрусвам“, разбърквам, разстилам'. За образуването срв. *кòсенина* 'трева и бурен, окосени по слоге и полиани', *косеница* 'места с трева за косене; тревата им' и техни варианти³, *сеченина* 'место на изкоренена и разорана за нива гора', *сеченица* 'цепеница'⁴. Може да са възникнали в праславянската епоха, както и глаголът с незасвидетелствано специфично значение, от който са образувани. Това значение се открива в префигирана форма *ра̀страсе* (диалектен вариант на книж. *разтърся* 'раздрусам'), употребена в следното изречение в речникова статия за думата *тра̀сенина* от Банско (вж. СБНУ XLVIII:533): *Докара̀х една̀ ко̀ла̀ по̀фтор̀ак и дру̀га̀ сла̀ма и ке и ра̀страсе за тра̀сенина* 'Докарах една кола отава и друга слама и ще ги „разтърся“, „раздрусам“ (подготвя по специален начин) за трасенина' (ще вметна, че форма *ра̀страсе* на азбучно място в речника на думи от Банско в СБНУ, кн. XLVIII, няма). За това специфично значение срв. съответствия (по всяка вероятност с праславянска давност) на *търся* 'друсам' в други славянски езици: словен. *trositi, trosim* 'разстилам, разпръсквам', рус. *трусить, трушу́* 'сипя, разсипвам', *трусить сено, солому на гряды* 'разстилам сено, слама на редици (откоси)', *вструсить сено для просушки* 'разстеля сено за съхнене'⁵, чеш. *trousiti, trousím* 'сипя', *trousiti se, trousím se* '(например за сено) сипя се, разсипвам се, падам (от кола)', словаш. *trúsit' (sa), trúsim (sa)* 'сипя (се), разсипвам (се)', *seno sa trúsi* 'сеното се разсипва', горлуж. *trusyc, truši* 'сипя, разсипвам', *syno trusyc* 'разстилам сено'. Разбира се, по-специфичното значение на бълг. *търся* 'друсам' и на диалектните му варианти и значенията

² Книжовната форма *търся* 'друсам' е с метатеза от диал. *тра̀са*, стб. ***тѣжсити**, ***тѣжшж** < праслав. **trąsiti*, срв. с друга степен на коренната гласна *tręca*, стб. **тѣжсти**, **тѣжж**. За етимологията на *търся* 'друсам' срв. Младенов (1941:645), Vasmer (III:144).

³ Вж. *кòсенина*, *косеница* и техни варианти в БЕР (III:668, под *кося̀*).

⁴ Вж. *сеченина*, *сеченица* в БЕР (VI:591, под *сека̀*).

⁵ Вж. руските примери у Даль (IV:437, под *трусить*).

на цитираните славянски съответствия биха могли да се развият и в следпраславянската епоха. Защото тези значения отразяват земеделски дейности, които са се извършвали от най-далечни времена насам и се извършват и до днес.

Разгледаните земеделски термини *тр̀асенина*, *тр̀асеница* и техните варианти представят интересен словообразователен модел: образувани са от глагол със специфично значение, което не е засвидетелствано. Те са се превърнали в своеобразни пазители на това значение. Работа на етимолога е да разкрива тази страна от тяхната биография.

*

И тъй, диал. *изп̀авам* 'изчиствам конци от разпорен шев' няма нищо общо с диал. *п̀ава* 'голям закривен нож', а е фонетичен вариант на диал. *изп̀ахвам* 'издухвам, изчиствам с веене, с махане на крила'; диал. *т̀оркам* 'бода силно' е фонетичен вариант на *т̀ъркам* 'трия'; в диал. *торт̀освам се* 'сядам някъде, разполагам се по-удобно, по свободно' се крие аористна основа $\delta\rho\theta\omega\sigma$ - на гръцкия глагол $\delta\rho\theta\acute{\omega}\nu\omicron\mu\alpha\iota$ 'изправям се, изправям стан'; диал. *тр̀асенина*, *тр̀асеница* и техни варианти са производни от диалектни варианти на *т̀ърся* 'друсам', развили специфично значение.

Библиография

Даль = Даль₂ 1956.

КартБДР — Картотека на „Български диалектен речник“ в Института за български език в София.

Стойков 1968 — Ст. Стойков, *Българска диалектология*. Второ поправено издание, София.

Тодоров 1994 — Т. Ат. Тодоров, *Етимологични етюди. Произход на български думи*, София.

Todor At. Todorov (Sofia)

**Origin of some Bulgarian dialectal words:
*izpàvam, torkam, tortòsvam se, tràsenina, tràsenica***

S u m m a r y

In the present paper the origin of some Bulgarian dialectal words is examined. The word *izpàvam* 'to pluck threads from a ripped seam' is explained as a phonetic variant of the dialectal *izpàhvam* 'to blow (the dust) off'; *torkam* 'to prick strongly' as a phonetic variant of *torkam* 'to rub'; *tortòsvam se* 'to make oneself seated more comfortably' is proved to originate in the aorist stem ὀρθωσ- of the Greek verb ὀρθώνομαι 'straighten up, rise to one's full stature'; *tràsenina* 'hay and straw well mixed up' and its variants are interpreted as derivatives from a dialectal spelling of *tàrsja* 'shake' with a particular semantic development. Other phonetic, morphological, semantic and word-formative peculiarities of the respective words are also indicated.

lilidimtod@yahoo.com

ISBN 978-86-7025-451-0, (2007), p. (409–419)

УДК 811.161.1'373.6

811.161.1'373.42

Светлана Михайловна Толстая (Москва)

Почему слепой не видит? (к этимологии слав. *slěp-)

В работе проф. Марии Войтылы-Свежовской «Почему глухой не слышит?» (1991) на основе семантической реконструкции слав. гнезда *glux- убедительно отклоняется этимология, связывающая это слово с и.-е. *k'leu- 'слышать' и обосновывается первоначальная связь его с и.-е. корнем *gel- и семантикой 'давить, притеснять, закрывать', откуда затем выводится значение 'глухой' (= тот, у кого «закрыт» слух). Семантическая реконструкция праслав. *slěp-, не имеющего общепризнанной этимологии, обнаруживает полный параллелизм в структуре многозначности гнезд *slěp- и *glux-, что дает основание для поддержки этимологической версии В. Н. Топорова, связывающей слав. *slěp- с и.-е. *leip- 'намазывать (жиром)' и далее с *lěpiti, *lipṇoti.

Ключевые слова: семантическая реконструкция, многозначность, синонимия, денотат, прототипическая ситуация, (лексико-словообразовательное) гнездо, семантическая доминанта, семантический параллелизм.

В работе проф. Марии Войтылы-Свежовской «Почему глухой не слышит?» (Wojtyła-Świerzowska 1991) предложена семантическая реконструкция слав. гнезда *glux-, которая позволила убедительно отклонить господствовавшую этимологию, связывавшую это слово с и.-е. *k'leu- 'слышать', и обосновать первоначальную связь этого слова с и.-е. корнем *gel- и семантикой 'давить, притеснять, закрывать', откуда затем выводится значение 'глухой' (= тот, у кого «закрыт» слух). Вот как автор формулирует свои выводы: «Cały materiał leksykalny, a zwłaszcza ten archaiczny, gwarowy — jednoznacznie wskazuje na podstawową sytuację, w jakiej mogły się dokonać procesy kształtowania pojęć, a potem procesy nazwotwórcze — sytuację ZACISKANIA, ZAMYKANIA, ZATYKANIA, POZBAWIANIA UJŚCIA. I tylko ta sytuacja i te pojęcia mogły stworzyć płaszczyznę do zaistnienia procesów metaforycznych, prowadzących do rozwinięcia znaczeń mniej lub bardziej przenośnych. Logiczne i oczekiwane jest przejście od ZACIŚNIĘTY, ZATKANY (: PRZYTLUMIONY, STŁUMIONY), ZAMKNIĘTY > Z ZAMKNIĘTYMI USZAMI i na końcu ciągu semantycznego: TAKI, KTÓRY NIE MOŻE SŁYSZEĆ, SURDUS. <...> Kierunek odwrotny na-

tomiast, tzn. od znaczenia sensorycznego do konkretnego jest zupełnie nieuzasadniony i po prostu nielogiczny» (с. 213).

Мои наблюдения над семантическим спектром и структурой многозначности слав. слов гнезда **glux-*, основанные на диалектном материале разных славянских языков, в том числе и на новых данных, появившихся после публикации статьи М. Войтылы-Свежовской, полностью подтверждают ее выводы: доминантной семой слов этого гнезда является значение «закрытости», «непроницаемости», а все прочие значения представляют собой продукт регулярной семантической деривации на основе этого признака. В настоящих заметках я хотела бы показать, что аналогичную семантическую структуру имеет слав. гнездо **slěp-*, находящееся в отношении семантического параллелизма к гнезду **glux-*. Под семантическим параллелизмом я понимаю совпадение всех или большинства значений многозначного слова или гнезда. До сих пор мне приходилось иметь дело с семантическим параллелизмом гнезд, которые можно считать синонимичными, например, **jbgrati* // **gul'ati* (Толстая 2000), **kras-* // **květ* (Толстая 2003) и др.; в случае же гнезд **glux-* и **slěp-* речь идет о семантическом параллелизме слов, не связанных отношением синонимии, но манифестирующих общую семантическую модель и параллельную семантическую историю ключевых слов из области восприятия (в одном случае слухового, в другом — зрительного), за которыми стоят одинаковые или очень близкие когнитивные механизмы категоризации действительности.

Общность гнезд **slěp-* и **glux-* обнаруживает себя в следующих основных характеристиках: 1) в структуре многозначности, т.е. в наборе и группировке значений; 2) в их закреплённости за определенными (во многом совпадающими) денотативными сферами «субъектов», носителей признака (одни и те же «сущности» с одними и теми же свойствами могут быть и *глухими*, и *слепыми*); 3) в общности семантических доминант, т.е. таких значений, которые можно считать источником семантической деривации, своего рода «узловых» значений, которые могли давать импульс дальнейшим семантическим изменениям; 4) наконец, в близости исходного этимологического значения двух слов ('закрытый, непроницаемый извне или не имеющий выхода вовне'), реконструируемого на основе анализа их семантических структур. Примеры, подтверждающие этот параллелизм, приведены в следующей таблице.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ ГНЕЗД *glux- и *slěp-

	Субъект, носитель признака	Значение предиката	*glux-	*slěp-
1	человек, животное	неспособный к восприятию слухом и зрением	рус. <i>глухой, глухач</i> и т.п. (все слав. языки)	рус. <i>слепой, слепец</i> и т.п. (все слав. языки)
2	человек	бесчувственный в прямом и переносном смысле, невосприимчивый	рус. <i>глух к чуждой беде</i> ; словен. <i>noge su tu bile gluhe; prsti su gluhe za bolečino</i> ; с.-х. <i>gluho srce</i>	словац. <i>slěpý</i> 'бесчувственный'; рус. диал. <i>слепня</i> 'невнимательный, рассеянный человек'
3	орган восприятия (ухо, глаз)	неспособный к восприятию	рус. <i>глухие уши</i> , с.-х. <i>gluho uho</i>	др.-рус. <i>слѣпоокуы</i> ; урал. <i>слепоглазый</i> 'близорукий'; укр. <i>слінні</i> 'глаза' (пренебреж.)
4	человек	необразованный, некультурный > глупый	рус. арханг. <i>Такая глухая баба</i> ; сиб. <i>глухарь</i> 'необразованный, невежественный человек'	рус. <i>Мы люди неученые, слепые</i> ; др.-рус. <i>слѣповать</i> 'пребывать в невежестве'; болг. врачан. <i>Слепи са биле старите — ништо не са училие</i>
5	объект восприятия	неслышный, невидный, неразличимый	рус. <i>глухой звук, удар, голос</i> ; словен. <i>gluhi koraki, глуh udarac</i> ; чеш. <i>hlucho</i> 'тишина'	рус. <i>слепая печать</i> ; бел. <i>слепо вушко</i> (иголки); с.-х. <i>slėpost</i> 'темнота'; словен. <i>slėpo ogledalo (motno), slėpa mapa</i>
6	объект восприятия	неясный, непонятный > глупый	рус. <i>глухие речи, глухие намеки, глухое слово</i> (глупое), <i>глухое дело</i> ; с.-х. <i>gluh</i> (o <i>mislíma, delíma</i>)	рус. диал. <i>слепое дело</i> (непонятное)
7	растение	имеющее закрытые семена или плод	бел. <i>глухі мак</i>	укр. <i>слінний мак</i> ; пол. <i>slėpak</i> 'мак с закрытыми коробочками'; с.-рус. <i>слепая морозка, слепач, слепушка</i> (незрелая ягода, с нераскрывшимся плодом)
8	густые заросли, чаща	частый, густой, непроходимый	рус. <i>глухой ельник, глухой лес, глухие заросли</i> ; яросл. <i>глушня</i> 'густой лес'; бел. <i>глуша</i> 'лесная чаща'	рус. диал. <i>слепняг, слепняк, слепой лес</i> ; болг. пирдоп. <i>слепак</i> 'непроходимый дубовый лес'

9	время, ночь	темный, непроглядный	рус. <i>глухая ночь</i> , костром. <i>глухоночье</i> , <i>глухомань</i> 'полночь' (Селигер), дон. <i>глухомань</i> 'темнота', сиб. <i>глухивь</i> ; болг. <i>глуходоба</i> ; с.-х. <i>gluho doba</i> , <i>gluha noć</i> , пол. <i>głucha noc</i>	рус. арханг. <i>слеп</i> (о темной непроглядной ночи); болг. <i>слепи зори</i> ; с.-х. <i>slijepa noć</i>
10	погода	пасмурная, ненастная	Рус. диал. <i>глухой дождь</i> (сплошной, непрерывный), <i>глухое ненастье</i> , <i>глухой день</i> (пасмурный)	рус. енис. <i>слепняк</i> 'непогода, ненастье'
11	водоем	не имеющий стока	Рус. диал. <i>глухое озеро</i> (нет истоков), <i>глухое маловодье</i> , <i>глухое озеро</i> (не имеющее стока)	словен. <i>slepi rokav reke</i>
12	улица	не имеющая сквозного прохода	рус. <i>глухой переулок</i> , <i>улица</i>	с.-х. <i>slijepa ulica</i> (nema izlaza); словен. <i>slepa ulica</i>
13	постройки и их детали	закрытый, лишенный отворов	рус. <i>глухая стена</i> , <i>дверь</i> , <i>окно</i> , <i>нары</i> , <i>гнездо</i> , <i>мост</i> , <i>крыльцо</i> (крытое); бел. <i>глухая сцяна</i> (без окон)	рус. диал. <i>слепняк</i> 'охотничья избушка без окон'; с.-х. <i>slijepa komora</i> (bez prozora); словен. <i>slepi zid</i> (brez oken); пол. <i>ślepa ściana</i> ; <i>ślepy korytarz</i>
14	предметы, орудия	закрытый, замкнутый, прикрытый	рус. диал. <i>глухие сани</i> (с задком), <i>глухой замок</i> ; бел. <i>глушок</i> 'закрытый конец ткацкой основы'	укр. <i>сліні дзигарі</i> 'крытые часы'; <i>сліпий замок</i> ; с.-х. <i>slijepa ključanica</i> , <i>slijepi katanac</i>
15	предметы	сплошной, однородный	рус. диал. <i>глухой утюг</i> (из сплошного металла); <i>глухие ворота</i> (сплошные, не решетчатые); <i>глухая корзина</i> (плотно сплетенная)	рус. диал. <i>слепушка</i> 'сеть с очень мелкой ячейей'; болг. <i>слеп кош</i> (плетеная корзина для ловли рыбы); пол. <i>ślepia</i> (gatunek sieci)
16	пицца (пирог)	закрытый, с начинкой внутри	рус. диал. <i>глухой пирог</i>	рус. диал. <i>слепушка</i> 'булочка, пирожок'

Уже этот параллелизм позволяет распространить на гнездо *слепой* общий вывод, сделанный проф. М. Войтылой-Свежовской относительно слав. *глухой*, а именно: для слав. **slěp-* реконструируется исходное значение 'закрытый, замкнутый, залепленный', а общеславянское значение 'слепой, невидящий или плохо видящий' следует считать вторичным, производным, метафорическим: слепой — тот, у кого закрыты, замкнуты, залеплены глаза. Однако в имеющемся

лексическом материале разных славянских языков и диалектов обнаруживается немало примеров, которые дают основание для такой реконструкции и независимо от параллелизма с гнездом **glux-*.

Все многообразие значений слова *слепой* и его производных (как и слова *глухой* и его производных), фиксируемое словарями славянских языков и диалектов, явным образом распадается на две крупные группы: семантической доминантой (исходным значением) первой (условно: перцептивной, сенсорной) оказывается для *слепой* понятие зрительного образа и зрительного восприятия (соответственно для *глухой* — понятия звука и его восприятия), а семантической доминантой второй группы значений в обоих случаях (и для *слепого*, и для *глухого*) — понятие закрытости, непроницаемости, отсутствия отверстий, прогалов, просветов и т.п.

Перцептивная модель (модель восприятия) предполагает прототипическую ситуацию, включающую субъекта (воспринимающего — человек, животное или соответствующий орган восприятия у живого существа, ср. *слепые глаза*), объекта восприятия (зрительного образа или звука) и предиката — самой способности, возможности восприятия или желания воспринимать (например, *человек/животное видит дерево, человек/животное слышит голос*). Импульс семантической деривации на основе этой прототипической модели может исходить из каждого из трех названных компонентов ситуации.

Если речь идет об **объекте** восприятия, то новые значения могут появляться путем расширения круга воспринимаемых объектов — ими становятся не только зрительные и звуковые сигналы, но и ментальные и психологические сущности (знания, умения, чувства и т.п.): рус. *глух(ой) к чужим словам, критике, уговорам, к чужому горю* и т.п., ср. с.-х. *gluho srce*. То же самое мы наблюдаем в случае *слепого*: словац. *slpyú* 'бесчувственный, равнодушный' (HSSJ); рус. арханг. *слеподыра* 'разиня, зевака', рус. яросл. *слепня, слепун* 'невнимательный человек' (ЯОС); бел. *сляпак, сліпак, слепак* 'то же' (СПЗБ).

Оба слова (*глухой* и *слепой*) могут далее получать значение 'малограмотный, темный, невежественный': арханг. *Такая была глухая баба, нецево не разумела*; сиб. *глухарь* 'невежественный, необразованный человек, тот, кто живет в глуши' (СРГС); рус. диал. *слепота* 'об отсталом, невежественном человеке' (СРНГ 38), *Мы люди неученые, слепые, мы бродим во тьме и свету не видим* (Даль), перм. *слепой* 'неграмотный' (АС), иркут. *слепой ребенок* (умерший некрещеным, т.е. не получивший света веры) (СРНГ 38), бел. *сляпы* 'необразованный, неграмотный' (СПЗБ), др.-рус. *слѣповати* 'пребывать в невежестве' (СРЯ

XI–XVII вв.); болг. *слепий* 'неученый, темный' (Геров); с.-х. *slijep* 'ne-razuman, taman, mračan', *slijeпа glava*, *slijepi čoveče* (RJA).

Расширение круга объектов восприятия приводит к неизбежной генерализации **предиката**, т.е. к расширенной трактовке свойства «глухой» и «слепой»: абстрагированные от слухового и зрительного восприятия, они приобретают общее значение закрытости для информации любого рода.

Источником семантической деривации может стать и **субъект** прототипической сенсорной ситуации, т.е. субъект восприятия. В этом случае мы встречаемся с одним из регулярных видов семантической деривации, при котором происходит субъектно-объектная мена: носителем признака «глухой» и «слепой» становится не субъект восприятия, как в прототипической ситуации, а объект восприятия, т.е. то, что воспринимается слухом и зрением; соответственно меняется и сам **предикат**: *глухой* — это уже не тот, кто не слышит, а то, чего не слышно или плохо слышно (и далее — кто или что не издает звуков, молчание, тишина); *слепой* — не тот, кто не видит, а то, что не видно или что плохо видно (что неразлично, темно, темнота). Ср. рус. *глухой стук, звук, голос, колокол, согласный* (Даль), *глухой звон* (СРЯ XVIII в.), рус. арханг. *Ныне глухо в деревне-то, гармони не слышно, Без часов в избе глухо*; олон. *глухая исповедь* (молча) (СРНГ 6); урал. *глушина* 'тишина' (СРГСУ), карел. *глухо* 'тихо': *Глухо говори* (СРГК); бел. *глуш* 'тишина, молчание' (ТС); болг. *глухо* 'когда се ничто не чуе' (Геров); словен. *gluhi glas*, *gluhi koraki*, *gluh udarac*, *gluhi večeri* (SSKJ); чеш. *hlucho* 'тишина' (SSJČ); словац. *hluchota* 'тишина, молчание'; пол. *glucho* 'тихо, безмолвно': *glucho i pusto zrobiło się we wsi; o nas jest glucho* 'о нас ничего не слышно, о нас ничего не говорят'; чеш. *hluhé jméno* 'ничем не знаменитое, не громкое имя' (о котором не говорят), откуда далее — значения 'дальний, захолустный' (*глухая провинция, глухие деревни, глухой город*). Но это могут быть и «события» (рус. перм. *глухой праздник* — невеселый, без забав; с.-х. *gluha gozba, svadba, pir* — «kad nije dosta veselo»), и состояния (пол. *gluchy sen* 'глубокий сон'), и предметы (ср. словен. *telefon je gluh*).

То же самое (замена субъекта восприятия объектом) наблюдается у слова *слепой*: рус. яросл. *слепой* 'неразборчивый, неясный': *Слепой почерк, слепой узор* (Мельниченко); карел. *слепой* (о ткацком стане, на котором не видно разметок) (СРГК); урал. *слепо* 'пусто, безлюдно': *В деревне никово, слепо-наслепо* (СРГСУ Доп.); карел. *слепневина* 'темнота' (СРГК); бел. тур. *слепэ вушко* (у иголки, узкое, малое, плохо различимое) (ТС); с.-х. *slijepost* (= tamnost, mračnost), *slijepo pismo* (vodeni znak) (RJA); словен. *slepi tisk, slepe*

ogledalo (motno) (SSKJ); пол. *ślepa mapa* (без надписей). Такой тип субъектно-объектных отношений в рамках одного слова известен и во многих других лексических классах и разрядах: ср. рус. *любопытный* (человек и рассказ), *нетерпимый* (человек и поступок) и т.п.

Семантический компонент «предельности», полного проявления свойств беззвучности и невидимости лежит в основе некоторых «временных» значений, таких как рус. *глухая ночь*, *глухая осень*, *глухая пора*, урал. *глухие полдни* (СРНГ 6). В этом значении и в этих контекстах *глухой* оказывается синонимичным, с одной стороны, *глупому* (*глухая ночь* = *глупая ночь*, *глупица* и т.д.), с другой — *глубокому* (*глубокая ночь*, *глубокая осень*; с.-х. *gluho doba*, *gluha noć*; словен. *gluhi večeri*, пол. *noc glucha*). Менее характерны временные денотаты для *слепого*, но все же они есть: рус. арханг. *слеп* (о темной непроглядной ночи) (СРНГ 38), костром. *слепая ночь* (безлунная); болг. *слепи зори* (с курами); с.-х. *slijepa noć*. В этом случае носителем признака «слепой» оказывается не прямой объект, а косвенный: ночь, когда не видно, темно.

С этимологической точки зрения более важной является второй по устойчивости круг значений *слепого* и *глухого*, который связан не с восприятием звука и света, а с понятием закрытости, запертости, замкнутости, отсутствия выхода, прохода, просвета, щели. В рус. литер. языке это «физическое» значение представлено, в частности, в дериватах *наглухо*, *заглушка* ('приспособление для закрытия отверстия, например, в трубе'), в выражениях типа *глухая стена*, *глухое окно*, *глухая крышка*, *глухой воротник* и многих других контекстах и употреблениях *глухого*.

Эти же значения применительно к разным денотатам могут иметь и *слепой* и его дериваты; соответственно в зависимости от денотата несколько видоизменяется и конкретизируется значение закрытости: рус. диал. *слепняк* 'охотничья избушка без окон' (СРНГ 38), костром. нести корзинку *вслепую* (закрыв *веком* — крышкой), прииртыш. *слепушка* 'булочка, пирожок' (СРГСП; ср. арханг. *глухие пироги*, закрытые), урал., карел. *слепец* 'ловушка для зверя, птицы, силка' (СРГСУ Доп.), орлов. *слепушка* 'зеленая незрелая ягода' (СОГ), перм. *слепая морошка* (с закрытыми чашечками) (СПГ), карел. *слепач* 'закрытая ягода морошки' (СРГК), новгор. *слепушка* 'нераскрывшаяся ягода морошки' (НОС), волог. *Слепая ешишо морошка, она из лепестков-то как слепая видна, пока не откроется* (КСГРС), костром. *слепарь* 'гриб рыжик, у которого нижняя сторона шляпки затянута пленкой'; укр. *сліпі дзигарі* 'крытые часы', *сліпий замок* (Лавчастий замок) (Гринченко), *сліпа ручниця* 'силка, западня' (Аркушин), *сліпи чірок* 'нарыв, чирей' (ПЛНМ), *сліпа кишка, сліпокишка*

(Аркушин); словац. *šlepé čžrevo* 'слепая кишка' (HSSJ), то же в других языках; с.-х. *slijepa ulica* (*nema izlaza*), *slijepa komora* (*bez prozora*), *slijepa ključanica*, *slijepi katanac* (RJA); словен. *šlepa ulica*, *šlepo okno*; *šlepi zid* (*brez oken*) (SSKJ); пол. *ślepa ściana* (SJPД), *ślepy korytarz*, *ślepy sęk* (*zarosnięty*) (SJPД). Ср. еще костром. *слепое окошко* 'яма с водой на болоте, затянута сверху ряской, мхом'. Применительно к водным объектам признак «закрытый» получает также значение 'не имеющий стока, притока, непроточный': рус. диал. *глухое озеро* (из которого не вытекает река или ручей), ср. словен. *šlepi rokav reke* (SSKJ).

С понятием и образом закрытости связано широко распространенное «предельное» значение 'сплошной, густой, частый, непрерывный, однородный', характерное как для *слепого*, так и для *глухого*. Денотатом в этом случае часто оказываются природные (растительные и водные) объекты: ср. рус. *глухой лес*, *глухие заросли*; с.-х. *gluha pustinja*, *gluho mesto*, *gluhe planine*; словен. *gluhi prostor*; сиб. *глухое гнездо* (о выводке животных, в котором либо одни самцы, либо одни самки) (СРГС); пол. *g. milczenie*, *cisza*, *sen* (SJPД). Эти же объекты могут быть *слепыми*: рус. диал. ворон. *слепняг* 'густой темный лес, чаща', енис. *слепняк* 'густая чаща или мелкий лес' (СРНГ 38), вологод. *слепой* 'непроходимый': *В слепо болото не зайдёшь; Зайдешь в слепой лес — жутко становится* (СВГ), влг. *слепарник*, *слепарь*, *слеперняк*, *слепёрь*, *слепетинник* 'густой труднопроходимый лес': *Через эту слепарь дак и не проберёшиша, густой, частой, прутья всяко. Слепарь — это густой ельник, так как слепой ходишь, много ёлочек там. Идешь через слепарь — глаз не отворить. Слепарём всё заслепило* (КСГРС); карел. *слепняк* 'густой лес, чащоба': *Слепняк лес, пройти нельзя* (СРГК); болг. *слепак* 'гуща, непроходимый дубовый лес' (БЕР 6).

Применительно к погоде также встречаются параллельные номинации посредством и *глухого*, и *слепого*: ср., с одной стороны, рус. диал. *глухой дождь* (сплошной, непрерывный) (ПОС), том. *глухое ненастье* (СРНГ 6), волог. *глухой день* (пасмурный) (СВГ), сиб. *глухой* 'безветренный': *Глухая погода, когда нет ни ветриночки, глушь такая* (СРГС); с другой стороны, рус. енис. *слепняк* 'непогода, ненастье', перм. *слепо-слепо* (о густо идущем снеге) (СПГ), карел. *слёпа* 'дождь со снегом': *сырой такой дождь* (СРГК); с.-х. *slijepo sunce* (*ja-go*) (RJA), ср. еще названия дождя или снега при солнце: амур. *слепой снег* (мелкий снег в солнечный день) (СРНГ 38), тамб. *слепой дождь* (при солнце) (СТГ), где мотивирующим признаков служит, возможно, чисто визуальный — слепящий эффект солнца.

В предметной сфере это значение ('сплошной, нерасчлененный, однородный') представлено у некоторых артефактов, в частности со-

здаваемых способом плетения и ткань: рус. моск. *глухая корзина* (плотно сплетенная) (СГП), волж. *слепушка* 'сетяное полотно с очень мелкой ячейей' (Копылова), костром. *слепушка* 'цветная ткань с мелкими клетками или полосками, вид пестряди' (Громов); болг. диал. *слеп кош*, *слепо влече* 'кош, вид мрежа за ловене на риба с малък отвор' (БЕР 6); pol. *ślepia* (gatunek sieci), *ślepe chustki* (w białe kropki lub oczki) (Karłowicz).

Все эти значения слав. **slěp-* приводят к заключению о первичности семантики закрытости, препятствия, отсутствия свободного доступа и т.п., из которой при перенесении на сферу визуального восприятия естественно выводится значение 'не видящий, плохо видящий' (тот, у кого «закрыты», «загорожены», «залеплены» и т.д. глаза). Такая семантическая реконструкция полностью соответствует этимологии слав. **slěp-*, предложенной В. Н. Топоровым (1960), который связывает это праславянское слово с и.-е. корнем **leip-* 'намазывать (жиром)' и далее с **lěpiti*, **lipnōti*. В поддержку связи понятия слепоты с понятием 'липнуть, слипаться' можно привести и некоторые характерные фразеологизмы и параллельные номинации, как, например, *глаза слипаются* (о состоянии засыпания), волог. *щурики* 'ягоды морошки, закрытые чашелистиками' (они же *слепые*), псков. *залёпочка*, *залепуга*, урал. *залепня* (СРНГ 10), волог. *расщуриться* '(о морошке) раскрыться, освободиться от чашелистиков'. В вологодских говорах наряду с *слепняк*, *слепты́рник*, *слепты́рь*, *слепу́жник*, *слепы́рник*, *слепы́рь*, *слепь* 'густая поросль молодых деревьев или кустарника; непроходимые заросли в лесу (особенно еловом)': *В слепняке даже свету не видно. В слепняк попадёшь, дак и глаза выхвощет. Нарастёт слепняка — глаз не отворить*, изредка фиксируется вариант *слипняк* (*Идёшь по лесу — так слипняк голый; слипится — так уй, не пробраться*), ср. еще там же *слипь* 'непроходимые густые заросли в лесу' (КСГРС); последние формы очевидным образом соотносятся с глаголом *липнуть*, актуализируя в этом притяжении возможные древние этимологические и когнитивные связи.

Показательны в контексте приведенных данных также народные поверья, обнаруживающие связь слепоты с липкостью и жиром: *Не ешь много мёда — послепнешь; Много масла ешь — ослепнешь или жопа слипнется; Баушки говорили, нельзя масла, мёда много исти — глаза слипятся, слепаком [слепым] будешь; Мёд-от липкой, не ешь мёда много — глаза залипешь, жопа залипится* (ЭМТЭ).¹

¹ Благодарю Е. Л. Березович за предоставленные ею материалы из КСГРС и ЭМТЭ.

Литература и сокращения

- Аркушин** — Аркушин Г. Л. *Словник захиднополицьких говорок*. Луцьк, 2000. Т. 1–2.
- АС** — *Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь)*. Пермь, 1984–. Вып. 1–.
- Громов** — Громов А. В. *Словарь лексики льноводства, льнопрядения и ткачества в костромских говорах на Унже*. Ярославль, 1992.
- Даль** = Дальз 1912–1914.
- КСГРС** — Картотека Словаря говоров русского Севера. Екатеринбург.
- Мельниченко** — Мельниченко Г. Г. *Краткий ярославский областной словарь*. Ярославль, 1961.
- НОС** — *Новгородский областной словарь*. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.
- ПЛНМ** — Никончук М., Никончук О., Мойсієнко В. *Поліська лексика народної медицини та лікувальної магії*. Житомир, 2001.
- ПОС** — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Л., 1967–. Вып. 1–.
- СВГ** — *Словарь вологодских говоров*. Вологда, 1983–. Вып. 1–.
- СОГ** — *Словарь орловских говоров*. Ярославль, 1989–1991. Вып. 1–4; Орел, 1992–. Вып. 5–.
- СПГ** — *Словарь пермских говоров*. Пермь, 1999–2002. Вып. 1–2.
- СПЗБ** — *Слоуник беларуских гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча*. Мінск, 1978–1986. Т. 1–5.
- СРГК** — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
- СРГС** — *Словарь русских говоров Сибири*. Новосибирск, 1999–. Т. 1–.
- СРГСП** — *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья*. Томск, 1992–1993. Вып. 1–3.
- СТГ** — *Словарь Тамбовских говоров (растительный, животный мир, ландшафт, метеорология)* / Под ред. А. Л. Шарандина. Тамбов, 2003.
- Толстая 2000** — Толстая С. М. *Играть и гулять: семантический параллелизм // Этимология 1997–1999*. М., 2000. С. 164–171.
- Толстая 2003** — Толстая С. М. Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике // *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации*. М., 2003. С. 549–563.
- Топоров 1960** — Топоров В. Н. Из праславянской этимологии // *Этимологические исследования по русскому языку*. М., 1960. Вып. 1. С. 5–15.
- ЭМТЭ** — *Этнографические материалы Топонимической экспедиции Уральского университета*. Екатеринбург.
- ЯОС** — *Ярославский областной словарь*. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.

*

SJPD — *Słownik języka polskiego* / Pod red. W. Doroszewskiego. Warszawa, 1958–1969. Т. I–XI.

Wojtyła-Świerzowska 1991 — Wojtyła-Świerzowska M. Dlaczego głuchy nie słyszy?
Rozważania o etymologii psł. *głuchъ* // *Јужнословенски филолог* XLVII.
Београд, 1991. С. 209–220.

Svetlana Mihajlovna Tolstaja (Moscow)

**Why the blind cannot see?
(towards the etymology of Slavic *slěp-)**

Summary

According to Prof. M. Wojtyła-Świerzowska (1991), Slavic *glux- ‘deaf’ should be separated from IE *kleu- ‘hear’ and related to IE *gel- ‘close’ (*deaf* = ‘whose ears are closed, locked, sealed’). The same kind of semantic derivation is proposed here for Slavic *slěp- ‘blind’ because of a striking parallelism between the two words in respect to their semantic structure (*blind* = ‘whose eyes are closed, locked, sealed, pasted up’). This allows us to support the etymology proposed by V. N. Toporov (1960), who connected *slěp- with IE *leip- ‘to put fat on’ and then with Slavic *lěpiti, *lipnōti ‘to stick, paste, glue’.

tolst@rinet.ru

Metka Furlan (Ljubljana)

Besedna družina kot metoda etimološkega raziskovanja slovanskega leksikalnega fonda

Prepoznavanje členov (pra-)slovanskih besednih družin iz heterogene leksike v individualnih slovanskih jezikih je metoda etimološkega raziskovanja, ki prek (relativnokronološkega) opredeljevanja formalnih in funkcionalnih (= besedotvornih) razmerij med členi pri konkretni besedni družini podaja pomembne smernice pri prepoznavanju posamičnih etimologij na slovanski in na starejših jezikovnih ravneh tudi pri izolirani slovanski leksiki.

Ključne besede: slovanska etimologija, slovanska leksikologija, slovansko besedotvorje, besedna družina v slovanski etimologiji.

1. Beograjski prijatelji so nas povabili, da spregovorimo o slovanski etimologiji danes. Priznajmo! Predlagana tema je široka, tako da se je vsak kaj hitro našel v njej. Je nedvomno tudi brezčasna. Prav lahko bi bil tako naslovljen tudi simpozij, ki bi bil organiziran kdaj prej ali pa kdaj kasneje. Je pa tudi izjemno aktualna. Tako za tiste, ki so svoje nacionalne etimološke projekte ravnokar zaključili ali pa jih zaključujejo, kot za tiste, ki so šele na začetku zahtevnega etimološkega popotovanja. Oboji se z vprašanjem stanja slovanske etimologije srečujemo vsakodnevno, ko iz stanja raziskanosti poizkušamo prispevati k razrešitvi konkretnega etimološkega problema. Spraševanje o slovanski etimologiji danes je za vsakega etimologa potreba in brez dvoma nuja. Brez tega resnega etimološkega dela ni. Brez tega se naše delo kaj hitro sprevrže v rutino, v brezbrizno prepisovanje že zapisanega.

Vsakdo pa bi se verjetno tudi strinjal, da odgovora na vprašanje o stanju slovanske etimologije danes nikakor ni lahko podati.

Zadovoljni in veseli smo lahko, da je danes slovanska etimologija ena izmed najbolj živahnih, če se primerjamo z germansko ali pa tudi z romansko etimologijo, ki je zaradi svojega znanega »prajezika«, če si tako dovolim označiti latinščino, v neprimerno lažjem in zavidanja vrednem položaju. Letno v raznovrstnih publikacijah na slovanskem prostoru in širše izide težko obvladljivo število po obsegu in kakovosti različnih član-

ков, ki v zakladnico slovanске етимологије принашајо изредно хетерогене нове податке, нова спознанја.

V teku so temeljni slovanski etimološki projekti. Nekateri so se pred kratkim zaključili. Slovenski na primer, pred njim polabski in lužiški. V tem jim bodo kmalu sledili bolgarski, beloruski in ukrajinski ter kašubski. Srbski je uspešno stekel in mu želimo vse najboljše! Hrvatje se že nekaj let pripravljajo na novega Skoka. Novo, poglobljeno in sistematično etimološko raziskovanje bi pričakovali tudi za poljski in češki jezik. Želimo si slovaškega in makedonskega etimološkega slovarja. Z veseljem sledimo vsakemu novemu zvezku brnskega etimološkega slovarja stare cerkvene slovanščine. Upamo na uspešno nadaljevanje in zaključek obeh krovnih praslovanških etimoloških slovarjev, moskovskega in krakovskega, ki sta zaradi svoje sintetičnosti in povezovalnosti pomembna in koristna za posamezne slovanske nacionalne etimologije in za druge indoevropske.

Živahno etimološko raziskovanje slovanske leksike z zajetnim publicističnim izplenom na eni strani ter potreba in nuja po čim bolj popolni informiranosti o stanju etimoloških raziskav slovanskega leksikalenga fonda na drugi strani si žal nista v komplementarnem odnosu. Ravno nasprotno. Bolj ko vztrajno uresničujemo cilj, da bi v sicer navideznem kaosu slovanskih leksik prepoznali in kar se da jasno definirali strukturo, kjer bi bila vsaka morfo-semantična enota s svojim individualnim položajem in funkcijo razložena v svojem razvoju pomena in oblike ter nastanku, bolj lahko ugotovljamo, da je danes bogatemu publicističnemu izplenu že težko ali celo nemogoče slediti. Bolj ko si prizadevamo, da bi iz slovanskih leksik prepoznali starejše jezikovne plasti, identificirali standardno in obrobno leksiko preteklih dob, bolj se zavedamo, da so naši zaključki iz istega razloga lahko nepopolni, pomanjkljivi.

V tem oziru danes slovanska etimologija ni v zavidljivem položaju. K sreči nas pred nevarnostjo razpada slovanske etimologije v ločene nacionalne, kjer levica ne bi vedela, kaj dela desnica, ščitita dve pomembni povezovalni niti: nacionalni etimološki projekti in oba praslovanška. Seveda le, če bomo za vsakega od slovanskih jezikov poskrbeli za njihovo poglobljeno, sistematično in kontinuirano izvajanje in izdajanje.

2. Genetična povezanost slovanske leksike določa način njenega etimološkega raziskovanja, ki med posameznimi slovanskimi leksikoni ne more in ne sme biti vzporedno, ampak vzajemno. V slovanski etimološki slovar spada na primer vsaka neslovenska beseda, ki argumentirano utrdi znanje o življenju in nastanku slovenske, srbski pa vsaka nesrbska, ki argumentirano utrdi znanje o življenju in nastanku srbske in tako dalje. Etimologiji morajo nacionalne meje ostati tuje, je rad poudaril France Bezlaj.

Čeprav se tega zavedamo, se žal še vedno dogaja, da se leksika preučuje preveč izolirano. In to kljub znanju, da konkretni leksem katerega koli slovanskega jezika praviloma nima le svojih vertikalnih predhodnikov, ampak ob horizontalnih sorodnikih tudi svojo besedno družino in da imajo tako kot on (= leksem) tudi posamezni členi besedne družine ob vertikalnih genetičnih predhodnikih tudi horizontalne sorodnike. Zato bi izpostavila, da se je slovanska etimologija zadnjega stoletja *še premalo* posvečala prepoznavanju in združevanju posameznih slovanskih besedotvornih členov v besedne družine. In to kljub znanju, **da je besedotvorni vzorec eden ključnih dejavnikov pri pojasnjevanju poimenovalnih vzorcev besed, da sta besedotvorna produktivnost in arealna porazdeljenost posameznih členov besedne družine in pomenska variabilnost znotraj nje ključnega pomena pri relativnokronološkem opredeljevanju starosti in položaja leksema v preteklih jezikovnih plasteh.**

Zdi se, da je slovanska etimologija 20. stoletja preveč pozabila na temeljno etimološko sporočilo 19. stoletja. Pri Slovanih ga ponazarja sam Miklošičev slovar, kjer je sicer duhu časa ustrezno slovanska leksika prikazana v diahroni in sinhroni perspektivi in združena v približno 6000 besednih družin. **Besede je potrebno združevati v njihove organske celote = besedne družine in jih znotraj njih tudi etimološko pojasnjevati.** Za razliko od slovanske, romanska znanstvena etimologija na to sporočilnosti etimologije 19. stoletja nikoli ni pozabila. Zadostuje pogled v starega Meyer-Lübkeja ali v nastajajoči Pfisterjev italijanski etimološki slovar.

Združevanje in obravnava leksemov znotraj ustreznih besednih družin je način etimološkega raziskovanja in zato metoda etimološkega raziskovanja, s katero lahko relativnokronološko opredelimo formalna in funkcionalna razmerja med členi.¹ Tako preučevanje lahko

¹ Besedno družino je kot metodo etimološkega raziskovanja pogosto izpostavljala France Bezlaj. Naj navedem le nekatere njegove misli v zvezi s tem: Teh nekaj vzgledov zadostuje za realno predstavo, kako daleč smo v slavistiki prišli do sedaj pri raziskavah besednih družin. To je samo ena izmed metod raziskovanja leksične strukture. Poleg dela, ki so ga opravili mladogramatiki s svojimi strogo fonetičnimi analizami izoliranih besed, je vendarle še vedno pred nami težavna naloga povezovanja drobcev v širše celote. Neredko se pri tem odkrijejo novi pogledi na predzgodovinske procese v jeziku (Bezlaj 1973:13); Po drugi strani pa ga mora vsaj teoretično zanimati vprašanje, kako poglobiti naše poznavanje razvoja besednih družin, njihove besedotvorne produktivnosti in semantične elastičnosti. Funkcijska plat besede v posameznih razvojnih etapah se šele polagoma uveljavlja kot sestavni del etimološke metodike (Bezlaj 2003:448); Kje bi bilo treba postaviti mejo pri določenih besednih družinah v nacionalnem in kje v primerjalno slovanskem etimološkem slovarju? Besedna družina je dokaj relativen pojem in pokazalo se je, da je v slovanskih jezikih pravzaprav le malo osnov, ki bi jih bilo mogoče brez diskusije definitivno zaključiti (Bezlaj 2003:1036).

podaja pomembne smernice pri raziskavah bolj izolirane leksike. Združevanje besed v besedne družine po vertikalni in horizontalni liniji namreč bolj jasno izpostavlja posamezne razvoje na vseh slovničnih ravninah (glasoslovni, oblikotvorni, besedotvorno-skladenjski in pomenoslovni). Aplikacija na bolj izolirane primere je zato bolj verjetna.

Naj zveni še tako čudno, vendar so abecedno / azbučno in ne besednodružinsko urejeni etimološki slovarji odraz kompromisa, ki je bil sprejet zato, da so se etimološki slovarji približali laičnemu uporabniku. Nova ureditev pa je zameglila medsebojno povezanost besedja. Bolj ali manj dosledna uporaba kazalk ali vodilk, ki jo vsi apliciramo, problem abecedne / azbučne ureditve zmanjšuje, odpravlja ga pa ne. Še zlasti, ker sta nas abecedna / azbučna ureditev in potreba po sprotnem izdajanju etimoloških slovarjev prisilila, da leksiko žal obdelujemo bolj po črkah in pri tem na besedno družino tudi nehote pozabimo. Rezultat takega dela je znan. Leksemi so sicer lahko diahrono razloženi, niso pa umeščeni v organsko celoto, v besedno družino.

2.1. Tako se na primer lahko opazuje, da je psl. glagol **lokāti*, **lokāješь*/**lōčešь*, ki ga v ekspresivnem pomenu "piti" poznajo skoraj vsi slovanski jeziki (sln., stcsl., hrv., srb., mak., blg., r., br., ukr. p., č., slš.),² le redko jasno povezan s sinonimno varianto **žlokāti*, znano v sln. in br., posredno pa tudi v r., ukr. in obeh lužiččinah. Razmerje **lokāti* : **žlokāti* odraža psl. ekspresivno besedotvorje in vsebuje psl. predpono **s-*, ki jo lahko primerjamo z isto v nemškem razmerju *lecken* : *schlecken* "lizati". Vzglasni slov. **ž-* je v **žlokāti* prek **z-* nastal iz **s-*, kot je mogoče ugotoviti iz drugega, glede fonetičnih razvojnih stopenj bolj ohranjenega paralelnega primera v sln. *lōpati* "srkati" z variantama *šlōpati* in *žlōpati* ter v drugem slovanskem gradivu, npr. **lopāti* (sln., srb., mak., blg., r., br., ukr., č.), **slopāti* (slš., č.), **šlopāti* v slš. dial. *šlōfač* "srebati, piti", **zlopāti* (p.), **žlopāti* (sln., p.).³ Besedotvorno in fonetično pogojena veriga iz **lopāti* ponazarja, da enake člene lahko pričakujemo tudi pri besedni družini **lokāti*. Obe pa odražata ne več produktivno ekspresivno besedotvorje in ekspresivno fonetiko, zato se manjkajoča člena ***slokāti* in ***šlokāti*⁴

² Gradivno bolj natančno sem besedni družini iz psl. **lokāti* in **lopāti* z ustreznimi viri in drugo literaturo predstavila v geslih *žlōkati*, *šlōpati*, *žlepāti*, *žlōpati*, *žlampāti* v Bezlaj 4 s.vv., M.F.

³ Sinonimni glagol **chlopāti* ne spada v to besedno družino, ampak je vzglasni *ch-* po ekspresivni fonetiki razločljiv iz **k-*, prim. **klopāti* : **klepāti* (Machek 200; Bezlaj 2: 47).

⁴ Ta do simpozija še ne evidentirani člen sem našla v srbsčini, v Boričić Tivranski 2002:365, kjer se glasi *šljōkāt*, *-ām* "pijančevati, veliko piti". Palatalni **l'* namesto pričakovane **l* je v tem glagolu ekspresivnega nastanka kot npr. v gl. *žlokač* "pijančevati",

kot arhaizma morda ohranjata le v kaki lokalni govorici od slovanskih jezikov. Če se, bi ju bilo potrebno umestiti v besedno družino **lokāti*. Le kratke oznake, da so to onomatopejske tvorbe, kot je mogoče prebrati (Schuster-Šewc 1797), o tovrstnih besedah povedo zelo malo.

Iz primera je razvidno, da ostajajo pri obravnavi izven sistema ustreznih besednih družin pogosto prezrti ali pa vsaj premalo uzaveščeni predvsem stari, ne več produktivni psl. besedotvorni vzorci, vzorci, ki bi nas morali še posebej zanimati.

2.2. V slovanski etimologiji ostaja že 30 let povsem prezrta sln. beseda *góvo* v pomenu "govedo", na katero je opozoril Bezlaj v geslu *govédo*. Odkar je prišla v *Etimološki slovar slovenskega jezika* (Bezlaj 1:165), ni bil nanjo pozoren nihče, čeprav bi iz Bezlajevega opozorila lahko skleпали, da je beseda tudi primerjalnozgodovinsko pomembna.

Znano je, da je psl. **govědo* v odnosu do kolektiva **gòvędb* (f.) singularativ tipa **čędo* "potomec" do **čędb* "potomstvo" (Vaillant 1974:490) in da se v obeh ohranja praide. korenski samostalnik kategorije živosti **g^uou-* "govedo = krava/bik",⁵ prim. sti. *gáuh* "isto". Vmesni člen med ide. **g^uou-* in psl. **gòvędb* → **govědo*, tj. slovanska nazalna tvorba **gově*, je bila v slovanski leksiki pričakovana (Vaillant 1974:490), a je ni potrjeval noben slovanski jezik. Prepoznamo pa jo lahko prav v omenjenem *góvo*, ki mu danes lahko pridružimo pred nekaj leti na terenu slišano primorsko *go've* (n.) "žival (kot glava živine)" (Cossutta 2002:248). Čeprav sklanjatveni vzorec obeh besed ni znan, ju lahko prav zaradi variantnega

žlokar "pijanec", dl. *žlokaś*. Palatalni **l'* je iz **l* po ekspresivnem fonetičnem razvoju nastal tudi v sinonimni besedni družini **lopati* → **slopati*, prim. gl. *žlopać* "srkati, srebati". V ekspresivno fonetiko spada tudi razvoj **p > f* v slš. dial. *šlǒfač* "srebati, piti".

⁵ Ta praide. korenski samostalnik se pogosto prepozna v psl. samostalniku **gumьnó* (n.), ki naj bi prvotno pomenil "(prostor, kjer) govedo tepta (žito)" in bil kompozitum **gu-мьnó* ← praide. **g^uou-* "govedo" + psl. **мьne-* "tlačiti ipd." (SP 8:306; ËSSJa 7:173), ter v samostalniku **govьnó* (n.) "stercus" (ËSSJa 7:77), ki naj bi bil substantiviziran adj. srednjega spola in celo odražal praide. adjektivno tvorbo **g^uou-ino-s* = lat. *bovīnus* "goveji", čeprav je v slov. svetu slednji sufiks neposredno iz konzonatne osnove izpričan kot **-inь* npr. v adj. **sestrinь* = lat. *sobrīnus* (m.) "bratranec". Ker tvorbi **gumьnó* in **govьnó* lahko internoslav. segmentiramo v **gum-ьnó* in **gov-ьnó* in ker sta bila v slov. svetu evidentirana glagola **gumāti* "tolči" → "jesti" (ekspresivno) in **gaviti* "grdo, gnusno delati", se zdijo prepričljive razlage, da obe tvorbi ne ohranjata praide. **g^uou-*, ampak da **gumьnó* vsebuje glagol **gumāti* "tolči" (Varbot 1999:614, s starejšo literaturo; o glagolu tudi Vlajić-Popović 2000:211) in da je samostalnik prvotno označeval steptana tla ter da spada **govьnó* v besedno družino **gaviti* in da prvotno sploh ni označevalo le govejega iztrebka, kar je na začetku prejšnjega stoletja ugotavljal že Berneker 299. Dobri stari Miklošič v svojem etimološkem slovarju niti psl. **gumьnó* niti psl. **govьnó* ni povezoval s praide. **g^uou-* oz. psl. **govědo*.

izglasja *-o* : *-e* izvajamo iz psl. *gově. Izglasni *-o* v *góvo* je namreč prek *-ə* razločljiv iz prvotnega **-e*, prim. sln. dial. *sěmo* za sln. *sěme* < **sěmę* v *sī-emo* (Grgar; SLA), *sīemo* (Solkan; SLA), *sīamo* (Miren, Oslavljje; SLA). Oblika *γo've* pa kaže na sekundarno akcentsko mesto **gòvę*, ki je iz **gově* verjetno nastalo sekundarno na podlagi akuzativa **gòvenь*.⁶

Šele po objavi članka o sln. dial. *góvo* je moja pozornost pritegnilo geslo **govbje* v SP 8:158, ki ga je kot vzhodnoslov. kolektiv s pomenom "živina, pecus" rekonstruiral Boryš 1979:47–48,⁷ le na podlagi br. vzhodnopoleškega *góue* (območje Petrykov; ŽS 1999:97) in *gaujá* (območje Sluck; ŽS 1999:97). Obe obliki sta samostalnika srednjega spola in služita kot splošna oznaka za rogato živino. Akcentska variantnost, kot jo izkazuje br. primera, odraža tudi tu prikazano sln. dial. gradivo. Ker bi br. oblika *gaujá* brez fonetičnih težav lahko izvedli iz **gově*, se zdi verjetno, da tudi varianta *góue* ne odraža kol. tvorbe **govbje*, ampak akcentsko dubleto **gòvę* = sln. dial. *γo've* z refleksom *'e* za nenaglašeni nazal **e*, ki je na petrikovškem območju sporadično znan (DABM 19, 20; NBD 65, 21).

Oba sln. dial. leksema in verjetno tudi br. dial. *góue*, *gaujá* (n.)⁸ odražajo pomemben slov. besedotvorni arhaizem, ki pove, da je bil praide. korenski samostalniček za govedo v praslovanščino prestrukturiran prek nazalne osnove moške deklinacije **gově*, akz. **gòvenь* tipa **korě*, akz. **kòrenь* (→ sln. *korĕn*), prim. r. csl. *korja* (m.), g. *korene* (Vaillant 1930–39:490).

Prepoznana psl. besedotvorna veriga **gově* (m.), akz. **gòvenь* "krava/bik" → kolektiv **gòvędb* (f.) → singulativ **govědo* (n.) ponazarja drob psl. besedotvorja in navaja k razlagi, da je bil singulativ **gově* (m.), akz. **gòvenь* s parom **korva* : **bykь* verjetno zamenjan zaradi moškega slovničnega spola psl. nazalne osnove, čeprav je ohranil prvotno praide. semantiko skupnega označevanja krave in bika.⁹

⁶ Fonetično bolj podrobno argumentirano sem ta slovenski arhaizem razložila v Furlan 2005:408. Sprememba v sln. in br. srednji spol (glej podaj) je razumljiva, ker se tovrstne nazalne osnove moškega spola razen redkih cerkvenoslovanskih primerov (Vaillant 1930–39:490) praviloma ohranjajo v starih tožilniških oblikah, kot ponazarja na primer sln. *korĕn* (m.).

⁷ Boryševa razlaga tega br. dialektizma je bila kot možna sprejeta v ÈSBM 3:10.

⁸ Zanimivo je, da Boryš 1979:48, pri rekonstruiranju psl. kolektiva **govbje* le iz br. gradiva prav zaradi psl. **govědo* še vedno dopušča možnost obstoja psl. nazalne osnove **govę* poleg **govb* → kol. **govbje*.

⁹ Ohranjanje prvotne praide. semantike skupnega označevanja moškega in ženskega naravnega spola, ki odraža praide. kategorijo živosti, je mogoče prepoznati tudi v vzorcu prestrukturiranja psl. para **ovьcb* "oven" : **ovьca* "ovca" iz praide. **H2éui-* "ovca/oven", kot sem skušala pokazati v Furlan 2000:162, zlasti 168.

Zakaj nekaterih standardnih praide. leksemov ni v slovanskem svetu, je vprašanje, na katerega mora odgovoriti slovanska etimologija. Danes se npr. zdi verjetno, da Slovani praide. leksema za psa **k'(u)uon-* verjetno nimamo zaradi jezikovne ekonomije, ki je sprožila substantivizacijo pridevnika **pikó-s* "pisan" = sti. *piśá-* (m.) "damjak; pisan, šekast pes" po elipsi pogostne besedne zveze **pik'ós k'(u)uōn* "pisan pes" (Furlan 2003:36).

2.3. Z večjo pozornostjo do besednih družin in njihovega besedotvorja se lahko izognemo nevarnosti, da bi spregledali homonime in pri tem po nepotrebnem etimologizirali.

Slovansko **pǝ-žarь* (deloma **po-žǎrь*) (m.) "incendium" (sln., hrv., srb., csl., blg., r., br., ukr., p., č., slš.) spada v besedno družino **žarь*, **žariti*, **žeravь*, **gorěti*, **grěti*, **gorьkь* ... Toda osamljeno sln. dial. *póžar* (m.) "vrtinec v vodi, ki požira razne predmete" (Podzemelj v Beli krajini) je do **pǝ-žarь* / **po-žǎrь* "incendium" nesorodni homonim, ki ga je potrebno povezati z besedno družino **žbrěti* "vorare", kamor spada tudi sln. sinonim *požirálnik* "kraj, kjer zemlja vodo požira". Pomen "vrtinec v vodi, ki požira razne predmete" ustreza pogoju za prehod v hidronimijo in res se ta samostalnik na sln. skrajnem zahodu ohranja v dva krat izpričanem rezijskem hdn *Požár* (Dapit 1995:61) in še enkrat kot *Požár* na tržaškem območju (Merkù 2006:163).¹⁰ V to pomensko skupino lahko spadata tudi imeni *Požar* dveh hrvaških hudournikov (Sv. Filip i Jakov pri Zadru; Dobropoljana na Pašmanu).¹¹ V sln. in širše, v hrv., str., ukr., p. in č., je znan tudi cgn **Požarь*,¹² ki se v onomastični etimologiji razlaga kot varovalno osebno ime s podstavo "incendium" (Svoboda 1964:44), a bi ga bilo vsaj deloma možno izvajati iz nomena agentis "požeruh", saj je v kašubščini znan nomen agentis *požara* "požeruh", ustrežna ženska oblika k sln. *póžar* "vrtinec", oba pa sta deverbativa iterativa **po-žarǎti* iz **po-žerešь* "vorare".¹³

¹⁰ Ob hdn je pri Sv. Mariji Magdaleni spodnji (Trst) znan tudi istoimenski mtn, zato Merkù 2006:163, verjetno misli na prenos mtn → hdn, ko imeni izvaja iz homonimnega priimka, a dopušča tudi možnost, da je bilo neposredno tvorjeno iz krčevinskega termina.

¹¹ Za podatek se zahvaljujem kolegu Nikoli Vuletiću, ki me je tudi opozoril, da se ostanek takega hdn morda ohranja v imenu *Požarišće*, ki v starem delu Zadra označuje območje, kjer v neposredni bližini stoji *Sirac*, star vodnjak.

¹² Prim. cgn v sln. *Požâr*, hrv. *Požâr*, str. *Požar* (Veselovskij 1974:251), zakarpatško ukr. *Póžar* (Čučka 2005:458), p. *Požar* (Rymut 2001:290), č. *Požár* (Moldanová 1983:181).

¹³ Slovenski apelativ *póžar* "vrtinec" in kaš. *požara* sem še brez navedbe sln. onomastičnega gradiva etimološko razložila v Bezljaj 3:99, M. F. Akcentsko mesto v *póžar* je posledica umika dolgega cirkumfleksa z zadnjega zloga iz prvotnega sln. **požâr* "vrtinec" < **pǝ-žarь*. Toda rezijski hdn *Požár* je lahko le iz akcentske dublete **po-žǎrь*. Tržaški hdn *Požár* je lahko refleks **pǝ-žarь* ali **po-žǎrь*.

Večja frekventnost homonima s pomenom “incendium” odraža njegovo semantično dominantno vlogo, ki je verjetno posledica tudi njegove pomembne funkcije pri poimenovanju novorojencev.

2.4. Člen besedne družine **s'iti* “suere” je tudi ptc. pret. pas. **s'bvěnъ*, znan le v stcsl. *šbvenъ* in hrv. *sašvèn*. Ker je ta particip slovanska živa besedotvorna kategorija, smemo predpostaviti, da je v psl. ob **s'iti*, **s'iješb* obstajala tudi tematska glagolska osnova **s'bvē-* “šivati”, ki je bila identična z lit. enakopomenskim *siuvù*, let. *šuvu*. Ali je r. pskov. in tver. osamljeno *šved* “krojač” res lahko nastalo iz sinonima *švec* po zblizanju z etnonimom *šved*, kot je domneval Fasmer 4:418? Ali *šved* morda ni arhaizem s še ne evidentiranim psl. sufiksom *-*db* v funkciji nomena agentis, ki je bil tvorjen iz stare tematske osnove **s'bvē-* “šivati”? Prav tako kot **s'bvē-db* = r. dial. *šved* bi bil iz glagola **z'bvěšb* “žvečiti” lahko tvorjen nomen agentis **z'bvē-db* “kdor žveči”. Ob upoštevanju avgmentativne podaljšave s sufiksom *-*ošb* in mlade ekspresivne nazalizacije se tak nomen agentis morda ohranja v slš. dial. *žvendoš* “slab jedec” (Kálal 1924:907).

Večja pozornost do slovanskih besednih družin lahko nakaže pot do starih sufiksov. Identificiranje novih sufiksov seveda ni naloga gramatikov, ampak etimologov.

3. Govorec združuje besede po njihovem skupnem imenovalcu = koren u besedne družine in potreba po novi besedi sproži, da jo iz poznane ga izraznega fonda naredi tako, da znan leksikalni morfem = koren in znan gramatikalni morfem = sufiks po znanem besedotvornem vzorcu združi v novo enoto = besedo. Predmet etimologije je iskanje obratne poti. Besedna družina je zato ključ do etimologije, je metoda etimološkega raziskovanja in veljalo bi razmisliti, ali v slovanski znanstveni etimologiji morda ne potrebujemo novega etimološkega slovarja besednih družin.

Viri in literatura

- Bezljaj 1973** — F. Bezljaj: Besedna družina v slovanskih jezikih, *IX. seminar slovenskega jezika, literature in kulture 2.–14. julij 1973*, Predavanja, Ljubljana, 7–13 (= Bezljaj 2003:484–489).
- Bezljaj 2003** — F. Bezljaj: *Zbrani jezikoslovni spisi I–II*, ur. M. Furlan, Ljubljana.
- Boričić Tivranski 2002** — V. Boričić Tivranski: *Rječnik vasiojevičkog govora*, Beograd.
- Borys 1979** — W. S. Borys: Ab nekatorych belaruskich leksičnych arhaizmach, *Belaruskaja lingvistyka* 15, 47–53.
- Cossutta 2002** — R. Cossutta: *Poljedelsko in vinogradniško izrazje v slovenski Istri*, Koper.

- Čučka 2005** — P. Čučka: *Prizvišča zakarpatsьkich ukraïnciv*, LЬVIV.
- DABM** — *Dyjalektalagičny atlas belaruskaj movy*, Minsk 1963.
- Dapit 1995** — R. Dapit: *Aspetti di cultura Resiana nei nomi di luogo I*, Area di Solbica / Stolvizza e Korìto / Coritis, Gemona del Friuli.
- Furlan 2000** — M. Furlan: Praslovansko **ovьcb* (m.) : **ovьcǎ* (f.), *Studia etymologica Brunensia* 1, Praha, 162–171.
- Furlan 2003** — M. Furlan: Korenska etimologija danes, *Filologija* 50, 31–39.
- Furlan 2005** — M. Furlan: Iz primorske leksike, *Annales* 15/ 2, 405–410.
- Kálal 1924** — M. Kálal: *Slovenský slovník z literatury aj nářečí*, Banská Bystrica.
- Merkù 2006** — P. Merkù: *Krajevno imenoslovje na slovenskem zahodu*, ur. M. Furlan in S. Torkar, Ljubljana.
- Moldanová 1983** — D. Moldanová: *Naše příjmení* (= Malá encyklopedie 6), Praha.
- NBD** — *Narysy pa belaruskaj dyjalektalogii*, pad rědakcyjaj R. I. Avanesava, Minsk 1964.
- Pfister LEI** — M. Pfister: *Lessico etimologico italiano I–*, Wiesbaden 1984–.
- Rymut 2001** — K. Rymut: *Nazwiska polaków II (L–Ž)*, Słownik historyczno-etymologiczny, Kraków.
- SLA** — *Gradivo za Slovenski lingvistični atlas*, hrani Dialektološka sekcija Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU v Ljubljani.
- Svoboda 1964** — J. Svoboda: *Staročeská osobní jména a naše příjmení*, Praha.
- Vaillant 1930–39** — A. Vaillant: Les noms slaves masculins en *-ēn, *Slavia* IX, 490–496.
- Varbot 1999** — Ž. Ž. Varbot: Vokrug slavjanskogo gumna, *Poëtika. Istorija literatury. Lingvistika*, Sbornik k 70-letiju V. V. Ivanova, Moskva, 614–618.
- Veselovskij 1974** — S. B. Veselovskij: *Onomastikon*, Drevnerusskie imena, prozvišča i familii, Moskva.
- Vlajić-Popović 2000** — J. Vlajić-Popović: Idioglotija ili aloglotija: još jednom o sh. *gùmati* 'jesti, žderati', *Južnoslovenski filolog* 56/1–2, 211–226.
- ŽS 1999** — *Žyvělny svet*, Těmatyčny sloūnik, Minsk.

Metka Furlan (Ljubljana)

Wortsippe als Methode zur etymologischen Erforschung des gemeinslavischen Wortschatzes

Zusammenfassung

Die Identifizierung und die sprachvergleichende Interpretation der Lexeme innerhalb ihrer Wortfamilien ist als eine Methode der etymologischen Erforschung zu verstehen, mit welcher die relativchronologische Bestimmung der formalen und funktionellen Verhältnisse zwischen den einzelnen Familiengliedern ermöglicht wird. Die Wörter sollen innerhalb der Wortfamilien nicht nur horizontal (z.B. slow. *máti*, aksl. *mati*...) sondern auch vertikal, ihrer Abstammung nach, eingeordnet werden (z.B. slow. *máti*, urslaw. **máti*, lit. *mótė*...), um einzelne

Sprachentwicklungen (phonetische, morphologisch-syntaktische und semantische) deutlicher zu machen. Die Anwendung auf isolierte Beispiele wird dadurch wahrscheinlicher.

Das Bedürfnis nach einer noch systematischeren Anwendung dieser Methode wird im vorliegenden Beitrag an ausgewählten Beispielen veranschaulicht: a) innerhalb der Wortsippen von urslaw. **lokāti* und **lopāti* werden einzelne Familienglieder, die das urslaw. expressive Präfix **s-* und eine expressive Bedeutung “trinken” aufwesein, nämlich **s-lokāti* und **s-*lopāti*, immer noch isolierend interpretiert, z. B. **žlokāti*; b) das im *Etimološki slovar slovenskega jezika I* der Fachwelt vorgelegte und schon 30 Jahre lang unbemerkt gebliebene slow. dial. Wort *góvo* (n.) “Rindvieh” zusammen mit slow. dial. *go’ve* (n.) “Vieh”, auf das seit kurzem aufmerksam gemacht wurde, bringen die Annahme nahe, dass das uride. Wurzelsubstantiv **g^hou-* “Rindvieh = Kuh, Stier” im Urslawischen als ein umstrukturierter maskuliner Nasalstamm weiterlebt: **gově*, Akk. **gōvenь* → Koll. **gōvēdь* → **govědo* (n.); dieselbe Interpretation ist auch für das wruss. dial. *gōūe*, *gāūjá* (n.) “Vieh” wahrscheinlich; c) Unter einer stärkeren Berücksichtigung von Wortfamilien kann man die Gefahr vermeiden, Fälle von Homonymie zu übersehen, vgl. **pō-žarь* / **po-žárь* “Brand” : **pō-žarь* / **po-žárь* “Ort, wo das Wasser in die Erde fließt, Wasserschlund” = slow. dial. *póžar*, Gewässername *Požár*, aber Kasch. *požara* “Vielfrass”; d) Zur urslaw. Wortfamilie von **s’iti* “suere” gehörte auch der Verbalstamm **s’bve-* “suere” im Ptz. Prät. Pass. **s’bvèнь* (= aksl. *šbvenь*, kroat. (*sa-*)*švèn*); die Existenz dieses thematischen Verbalstammes erlaubt uns, das im Slawischen isolierte russ. dial. Wort *šved* “Schneider” als Nomen agentis **s’bve-dь* zu erklären, mit dem noch nicht erkannten urslaw. Suffix **-dь* daraus abgeleitet.

metka.furlan@zrc-sazu.si

Александр Константинович Шапошников (Коктебель-Москва)

**Праславянское лексическое гнездо
с нерегулярными чередованиями производящей основы:
torp-*, **tʁp-*, **trup-*

Предложенное автором восстановление в балто-славянском восьми различных реализаций слогового плавного, обусловленных просодическими обстоятельствами, дает возможность отнести слова **trupь* 'труп; туловище' и **(ob-)torpěti* 'оторопеть', **tʁpnoti* 'терпнуть' к одному и.-е. лексическому гнезду.

Ключевые слова: этимология, балто-славянский язык, индоевропейский язык, слоговые плавные, акцент.

Оторопеть. Вост.-слав. (праслав.?) **obtorpěti* (*se*) в знач. 'оторопеть, растеряться от неожиданности, остолбенеть от страха' — праслав. гл. на *-ěti*, соотносительный с **obtorpiti*, образованный сложением прист. **ob-* и гл. **torpěti*, однокоренного с **tʁpŋti* (ближайшее внебалто-слав. соответствие которому — лат. *torpeo*, *torpēre* 'быть в оцепенении, околдованном, онемевшем', 'быть застывшим, замерзнуть', 'остолбенеть') (ЭССЯ 30, 195).

Праслав. (словен., ст.-чеш., чеш., ст.-слвц., русск. диал.) **obtorpiti* трактуется как сложение преф. **ob-* и гл. **torpiti* (ЭССЯ 30, 195).

Оторопь. Праслав. **obtorpь* / **obtorpь* / **obtorpa* (др.-русс., ст.-русс. с XI–XII вв. **оторопъ** 'страх, замешательство, испуг', 'оцепенение, бесчувственность' (1414 г. ~ XI в.), 'утомление' (1414 г.), **въ оторопѣ**) — бессуффиксальное имя, соотносительное с гл. **obtorpěti*. Ближайшее внеслав. соответствие — лат. *torpor*, *-ōris* 'околдованное, оцепенение' (ЭССЯ 30, 195–196; Machek 423).

Болг.-макед. (праслав.?) **obtrupati* толкуется как сложение преф. **ob-* и гл. **trupati* (ЭССЯ 30, 217).

Праслав. (?) (польск. и блр.) **obtrupěti* толкуется как гл. на *-ěti* с преф. **ob-*, производный от **trupь*, соотносительный гл. на *-iti* — **obtrupiti* (ЭССЯ 30, 217).

Праслав. **obtrupiti* толкуется как гл. на *-iti* с преф. **ob-*, производный от **trupь*, соотносительный гл. на *-ěti* — **obtrupěti* (ЭССЯ 30, 217).

Праслав. (под большим вопросом!) **obъrpati* толкуется как сложение прист. **ob-* и глаг. **ъrpati*. Форма прист. **ob-* (**obъ-*) объясняется как следствие аналогического восстановления. В укр. *отерпати* ‘рвать на куски’ (Гринченко III, 75) вокализация слогового плавного объясняется как вторичная под влиянием глагола *терти* (ЭССЯ 30, 229). Есть опасения, что укр. пример является диал. продолжением **o(b)тrepати*. В таком случае распадается вся праслав. словарная статья.

Праслав. **obъrпѣti sę* образован сложением **ob-* и **ъrпѣti*, форма префикса толкуется как результат вторичного восстановления (ЭССЯ 30, 236).

Праслав. **obъrпнѣti* толкуется как сложение **ob-* и **ъrпнѣti*. Наличие **ob-* перед *-t-*, как и *-p-* перед *-nѣ-* объясняют следствием вторичного восстановления первичной этимологической структуры. Как результат ошибочного восстановления консонантного состава корня толкуют словен. *otrъkniti*. Обращает на себя внимание рефлекс позд.-прасл. *-br-* в виде *-re-* в сербохорв. диал. *otrenuti, otrenem* (ср. разнообразие инодиалектных *otōrnūt, otōrnen, otarnūt, otārnen*) и ст.-словен. *otrepniti* (ЭССЯ 30, 236–237). Эти явления заставляют задуматься над качеством и количеством слогового плавного.

Терпеть. В рус. языке XI–XVII вв. изв. **търпѣти, търпѣж** — из праслав. **ъrпѣti, *ъrпѣж*, восходящего к и.-е. **(s)ter-* / **(s)tor-* / **(s)tr-* ‘твердеть, коченеть’, с расширителем основы *-p-*. Соответствия: лит. *tirpti, tirpstu*, лтш. *tirpt* ‘неметь, коченеть, делаться бесчувственным’, лат. *torpeo* ‘нахожусь в оцепенении, коченею’, др.-в.-нем. *sterban* ‘умереть’. См. *терпкий, терпнуть*.

Терпкий. В рус. языке XI–XVII вв. изв. **търпкъ, търпкъий** ‘доставляющий страдание, жестокий, терпкий’ — из праслав. **ъrпкъ(jь)*, производного с суф. *-ъкъ* от основы гл. **ъrпѣti* и **ъrпнѣti*. См. *терпеть, терпнуть*.

Терпнуть. В рус. языке XI–XVII вв. не изв., *терпну, -нешь, терпнуть* отм. в словарях только с 1794 г. (САР VI, 102) — из праслав. **ъrпнѣti, търпнѣ*, гл. на *-нѣti* от основы **ъrп-* в **ъrпѣti*. См. *терпеть*.

Трупъ. Ст.-слав. **тѣрѣпъ** ‘труп, мертвое тело’, болг. *труп, трупове* ‘труп (мертвое тело); туловище, тело человека или животного без головы и конечностей’ и *труп, трупни* обыч. мн. ‘колода, спиленный ствол дерева’, сербохорв. *тѣрѣпъ, тѣрѣп* ‘туловище’, ‘корпус корабля’, ‘колода’, ‘чурбан’, словен. *trup, truplo* ‘туловище’, *trup* ‘корпус (корабля)’, чеш. *trup* и словц. *trup* ‘туловище’, ‘корпус’, ‘фюзеляж’, в.-луж. *trup* ‘струп’, н.-луж. *išup* ‘струп’, польск. *trup* ‘труп’, др.-рус., ст.-рус. (XI–XVII вв.) **тѣрѣпъ, тѣрѣпъ** ‘мертвое тело, труп’ и

‘ствол дерева, пень’, рус. *труп*, укр. *труп*, блр. *труп*, похоже, демонстрируют пару омонимов праслав. происхождения **trupь*¹ и **trup*². Вероятность давней контаминации весьма велика.

С одной стороны, имеем продолжение праслав. **trupь*, видоизменения унаследованного из и.-е. **trpós* (типа и.-е. **prtós*) (Szeme-gényi 152–153, Герценберг 25) ‘оцепеневший, онемевший, застывший’ (и.-е. гл. корень **(s)ter-* / **(s)tor-* / **(s)tr-* ‘твердеть, коченеть’, с расширителем основы *-p-*). По моему мнению, праслав. **trupь* — одного корня с глаг. **тырпнѣти* (русск. *терпнуть* ‘цепенеть, застывать’, *терпеть* ‘цепенеть от страха’, приставочный гл. *оторопеть*, сущ. *оторопь*). В свою очередь, праслав. **тырпнѣти* родственно лит. *tĩrpti* ‘затекать, цепенеть’, лтш. *ĩrpt* ‘неметь’ с одной стороны, и латин. *torpeō*, *-ēre* ‘быть оцепенелым, неподвижным’, *torpor*, *-oris* ‘окоченение, оцепенение’, ‘отупение’, ‘вялость, бездействие’, *torpidus* ‘оцепеневший, бесчувственный’, с другой. Сюда же, возможно, относится и др.-исл. *þjarfr* ‘слабый, вялый; безвкусный’. Однокоренная природа праслав. **тырпнѣти* и **trupь* очевидна как в отношении внешней, так и внутренней формы (ср. русск. словосочетание *бесчувственный труп*). Но соответствие **тырп-* ~ **торп-* ~ **trup-* повергает многих знатоков праслав. морфонологии в недоумение. Возможным объяснением было бы признание просодических различий и.-е. корня **tĩp-* ~ **tʰp-* ~ **tĩr-*. В таком случае, праслав. *-u-* в корне есть рефлекс слогового сонанта с отличной от **тырп-* просодией. Пример «неожиданного» аблута корня: лит. *kirmis* ‘червь’ ~ *kũrmis* ‘крот’, восходящие к одному и тому же и.-е. корню **ker-* ‘рыть, копать, резать’ (т. е. **kĩmis* ~ *kĩrmis*).

Как предполагается, в балто-славянском праязыке насчитывалось до 4 реализаций слогового плавного (Маслова 177–193). Мне представляется логичным восстанавливать 8 реализаций (с учетом слоговых переднего и заднего образования без тона). Верхние индексы обозначают просодический коэффициент, содержащий признаки акут-циркумфлекс, с тоном — без тона, переднее-заднее образование, долготы-краткость:

И.-е. **r¹** (перед. образ., долг., без тона) — балто-слав. [rei] (?): **grētei* > **zrēti*, *krēpis*;

И.-е. **r²** (перед. образ., долг., акут) — балто-слав. [ĩr]: **gĩrnóm* > **zbrno*; **gũĩrtrom* > **žbrdlo* (ср. др.-греч. ζέρεθρον, βέρεθρον), **kĩrd-* > **sbrd-ьсе*, *šĩrdĩ*;

И.-е. **r³** (перед. образ., крат., без тона) — балто-слав. [ĩr]: **kĩrp-* > *čьrpati*, *čьrpnѣti*; **tĩrp-* > **тырпѣти*, **тырпнѣти*;

И.-е. **r⁴** (перед. образ., крат., циркумфлекс) — балто-слав. [ĩr] (?): лит. *kĩrpti*, лтш. *kĩrpt*;

И.-е. **r**⁵ (задн. образ., долг., без тона) — балто-слав. [rou] (?): *trup-, *krupá;

И.-е. **r**⁶ (задн. образ., долг., акут) — балто-слав. [úr]: *g^uúrtrom > *g^urdlo (ср. др.-греч. βάραθρον);

И.-е. **r**⁷ (задн. образ., крат., без тона) — балто-слав. [ǔr]: *kǔrp-, *kǔrpėti;

И.-е. **r**⁸ (задн. образ., крат., циркумфлекс) — балто-слав. [ûr] (?)

Как следует из вышеприведенной таблицы, и.-е. *tr⁵p- могло дать в праславянском *trup-. По времени этот процесс протекал примерно во время перехода и.-е. *ū, *ǔ, *ou в праслав. *у, *ъ, *и. Поэтому -и- в данном случае совпало с -и- дифтонгического происхождения (< *au, *ou).

Пара омонимов, представленная зримо в болг. *трун*, *трупове* ‘туловище, тело человека или животного без головы и конечностей’ и, с другим типом склонения, *трун*, *трупни* обыч. мн. ‘колода, спиленный ствол дерева’, а также, вероятно, сербохорв. *ūpūū*, *trūp* ‘туловище’, ‘корпус корабля’, ‘колода’, ‘чурбан’, м. б. словен. *trup*, *truplo* ‘туловище’, *trup* ‘корпус (корабля)’, чеш. *trup* и слов. *trup* ‘туловище’, ‘корпус’, ‘фюзеляж’, безусловно в.-луж. *trup* ‘струп’, н.-луж. *tšup* ‘струп’, др.-рус., ст.-рус. (XI–XVII вв.) *трѡупъ*, *трѡпъ* ‘ствол дерева, пень’. Толкование на базе и.-е. *(s)trou-p- (от и.-е. гл. корня *ter- / *treu- / *trou- ‘тереть, крошиться’) относится к праславянскому слову *(s)troupъ или *(s)troupy ‘колода, пень’ и ‘струп’. Внеславянское соответствие, в первую очередь, др.-прусс. *trupis* ‘колода’. Уверен, что сюда же относится лит. *truŃpas* ‘короткий’ (< *tru-n-pas), корень с вставным носовым, представленный также в лит. *trupėti* ‘крошиться, ломаться’ (Urbutis 85 и след.). Вне балто-славянской группы — лат. *stirps*, *stirpis* ‘нижняя часть ствола с корнями, ствол, ветвь, сук, дерево’, а также лат. *stipes*, *stipitis* ‘ствол дерева, ветвь, пень, полено, чурбан’. В данном случае также явно проступают проблемные соответствия огласовок (ср. др.-прусс. *trupis* и лат. *stirpis*). Возможно, еще др.-в.-нем., ср.-в.-нем. *strûben* ‘подниматься, стоять отвесно, вздымать, торчать’, др.-греч. (догреч.?) στρυφός ‘твердый, жесткий’.

Похоже, праслав. *trupiti, *trošiti, лит. *trupūs* ‘ломкий’, *traupus* ‘хрупкий’, *trupėti* ‘крошиться’, лтш. *trupēt* ‘гнить, крошиться’, *satrupēt* ‘истлеть, сгнить’, др.-греч. τρύπη ‘дыра, отверстие’, τρυπάω ‘буравлю, сверлю’ и проч. производные от и.-е. гл. корня *ter- / *treu- / *trou- ‘тереть, крошиться’, обычно приводимые в связи с праслав. *trupъ ‘бесчувственный, окоченевший труп’, относятся только к его омониму *trupъ ‘обрубок, ствол, чурбан’.

Литература

- Герценберг** — Л. Г. Герценберг, *Вопросы реконструкции индоевропейской протослоги*, Л. 1981.
- Маслова** — В. А. Маслова, *Истоки праславянской фонологии: Учеб. пособие*, М. 2004.
- САР** — *Словарь Академии Российской 1789–1794*, Том шестой Т–У, М. 2006.

*

- Szemerényi** — O. Szemerényi, *Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft*, Darmstadt 1970.
- Urbutis** — V. Urbutis, *Žodžio trūmpas etimologija* // V. Urbutis, *Baltų etimologijos etimai*, Vilnius 1981.

Aleksandr Konstantinovič Šapošnikov (Coctebel/Moscow)

Common Slavic lexical nest of the irregularly alternating stem **torp-* / **t̃rp-* / **trup-*

Summary

The paper deals with the lexical nest of Common Slavic **obtorpěti* (*se*), **obtorpiti*, **obtorpъ*, **obtrupěti*, **obtrupiti*, **obt̃rpěti*, **obt̃rp̃ñoti*, **t̃rpěti*, *t̃rp̃j̃o*, **t̃rp̃ñoti*, *t̃rp̃ño*, **t̃rp̃r̃k̃ь* (*ь*). The etymological analysis of the words forming it results in proposing a nontraditional interpretation for **trupъ* ‘corpse’ as reshaped from PIE **torpos* ‘stunned, numb, frozen’ (PIE verbal root **(s)ter-/*(s)tor-/*(s)tr-* ‘to harden, to go stiff’, enlarged by *-p-*) and thus corradical with *t̃rp̃ñoti* ‘to freeze’, which is akin to Lithuanian *tir̃pti* ‘to go numb, freeze’, Latvian *t̃rpt*, and, on the other hand, with Latin *torpēre* ‘to be stiff, numb, motionless’, *torpor*, etc., perhaps also with Old Norse *þjarfr* ‘weak, wilted, tasteless’. As for the alternation **t̃rp-* / **trup-*, it may go back to prosodic variants of the PIE root in question.

kallitra@zebra.ru

ISBN 978-86-7025-451-0, (2007), p. (437–450)

UDC 811.163.6'373.22

811.163.6'374.4

811.163.6'367

Alenka Šivic-Dular (Ljubljana)

Tipologija tvorbe in semantike v poimenovanjih za čas v slovanskih jezikih¹

V prispevku se na podlagi analize zbranih slovanskih leksemov za označevanje krajših odrezkov časa v okviru koledarskega leta ugotavljata njihova besedotvorna in pomenska tipologija.

Ključne besede: slovanski jeziki, leksikologija, etimologija, sintaksa, besedotvorje, semantika.

1.0. Kot generično ime za štiri glavna časovna obdobja v letu se uporabljajo naslednja poimenovanja: sln. *letni čas*, srb./hrv. *godišnje doba*, rus. *vrémja góda*, češ. *roční počasí*, polj. *póra roku*, angl. *seasons of the year* itd. Indoevropci naj bi najprej poznali sestav dveh letnih časov, tj. zima : ne-zima (morda v smislu mokri del leta : suhi del leta), kasneje naj bi se v delu indoevropskih jezikov razvil sestav štirih letnih časov, v vedskem času pa naj bi poznali sestav treh, kasneje celo sistem pet do sedem letnih časov (Buck 1013–1016). Pojmovanje časa in s tem povezano poimenovanje delov leta je povezano s človekovim tesnim stikom z naravo in vremenom, z gospodarsko odvisnostjo od njiju, pa tudi s sociološko in mitično pogojenimi predstavami o sebi in svetu. Čeprav je obstoj sistema osnovnih štirih letnih časov v praslovanščini dokazljiv z razširjenostjo poimenovanj zanje (tj. **vesna* / **jaro*, **jarь* in **jarь*², **lěto*³, **eseny* /

¹ Referat predstavlja razširjeno, poglobljeno in z novih vidikov preučeno verzijo o poimenovanjih za krajše dele časa (Šivic-Dular 63–84).

² Leksem se razlaga iz preoblikovanega ie. **wes-r* **wes-n-*, prim. gr. *eár*, lat. *vēr* (> it. *primavera*, stfr. *primevoir*, romun. *primăvară*), lit. *vasarà* 'summer', *pa-vasaris* 'spring' v smislu **quasi-summer*'. Pomenske motivacije za številne nove lekseme za 'vēr' v ie. jezikih izhajajo iz pojmov 'early, fore-, first / new (time, year, summer)' ali 'opening' v smislu 'opening (of the flowers)', 'beginning, rising of the year' itd. (Buck 1014).

³ Ie. koren **sem-* za pojem 'aestās' (npr. sti. *sámā* 'Halbjahr, Jahreszeit, Jahr', arm. am 'Jahr' in *amārn* 'Sommer', stvnem. *sumar*) se v psl. ni ohranil (Pokorny 905). Registrirane so še druge pomenske motivacije: 'topel' (npr. gr. *théros* 'summer heat'), 'dobra sezona' (npr. gr. *kalokáirion*); 'ogelj, vročina' (npr. lat. *aestās*); 'žetev' (npr. got. *asans*, stvn. *aran* 'harvest') (Buck 1011–1012). Za psl. **lěto* so podane etimologije z različnimi pomenskimi motivacijami (ĖSSJa 15:10–12).

**osenb*⁴, **zima*⁵), pa so najverjetneje obstajale še dodatne členitve leta, kar nam dokazuje npr. češki koledar iz leta 1489 (prim. »V kalendáři českém na r. 1489 v Plzni tištěném stojí rozdělení roku toto«), ki navaja šest obdobij: *zima* (december–januar), *jaro* (februar–marec), *podletí/předletí* (zajema april–maj), *leto* (zajema junij–julij), *poletí* (zajema avgust–september), *podzim/předzimí* (zajema oktober–november) (Jungmann 2:177).

1.1. Poleg prej omenjenih leksemov za 'vēr' se je v slovanskih jezikih razvilo več leksikalnih inovacij, prim. sln. *pomlad*, *velička*, *vigred*, *vilaž*; hrv./srb. *prol(j)ecé*, itd.; maked. *prolet*; bolg. *prolet*, gluž. *nalěto* 'pomlad', polj. nareč. *názimk* 'pomlad', 'začetek (prva polovica) pomladi' in *zimk*. Za 'autumnus' večina slovanskih jezikov ohranja refleks psl. **esenb* / **osenb*, vendar pa najdemo tudi inovacijo: češ./slš. *podzim*, gluž. *nazyma* in *nazymjo* 'jesen', dluž. *nazyma* in *nazym'e* 'jesen'. Psl. **lěto* je že v stesl. znano v dveh pomenih 'aestās' in 'annus', in sicer v pomenu 'aestās' v vseh slovanskih jezikih, v pomenu 'annus' pa srečujemo tudi druge lekseme **rokъ*, **godъ*, **godina*, **godišće*, npr. hrv. nareč. *lěto* 'godina' in *lěto* 'ljetno, godišnje doba'; slš. *leto* 'aestās', nareč. tudi 'annus'; polj. *lato* 'aestās', arh. 'annus'; ukr. *lito* 'aestās', pl. *lita* 'annī', sln. *lěto* 'annus', *poletje* 'aestās' (Senj; Mogaš 66; ĚSSJa 15:8–12)⁶. Za 'hiems' so drugotne tvorjenke redke, prim. sln. *pozimje* 'Winterszeit' < **po zimě*.

1.2. V etimološke slovarje slovanskih jezikov se v gesla leksemov za letne čase vključujejo po psl. dobi univerbizirana poimenovanja tipa češ. *podzim* / *podzimek* pod *zima* (Machek 715); hrv./srb. *proljeće*, *protulitje*, *mladlěto* pod *lěto* (Skok 2:336–337) itd., v psl. etimološke slovarje pa redko tudi predložne sintagme tipa **podъ esenb* kot 'w porze zblížania się jesieni' (SP 6:60–61). Namen tega prispevka je opozoriti na plast leksemov, ki v določenih okoliščinah lahko generirajo iz sintaktičnih sredstev danega jezika.

⁴ Leksemov za 'autumnus' v indoevropskih jezikih je več, vendar pa se etimološko enaki pojavljajo na posameznih ie. arealnih, npr. germansko-slovanskem: **esenb* / **osenb*, stprus. *assanis* 'jesen', got. *asans* 'harvest, summer'. Pomensko so motivirani s pojmi 'harvest' 'before winter', 'end of summer', 'may refer to the fall or redness of the leaves in autumn' (Buck 1014).

⁵ Splošnoslovansko **zima*, ki spada med najbolj stabilne, izhaja iz ie. **g'hei-mā* k Nsg. **g'hei-ōm* Gsg. **g'hi-m-és*, prim. gr. *heima*, lat. *hiems*, avest. *aiwigāma-* 'winter' in 'year', npers. *hangām* 'time' (Buck 1014).

⁶ Podobno so uvrščeni v starejših slovarjih, ki še niso pozorni na kronološke vidike leksemov (Berneker 714), enakopravno pa, kadar se pozornost usmerja na pomensko motivacijo besed, npr. sh. *proljeće*, češ. *podletí* (Buck 1014).

2.0. Z metodo sondiranja je za poimenovanja časovnih odrezkov, krajših od letnih časov, mogoče za slovanske jezike ugotoviti pomenske motivacije, skladdenjske vzorce in predvidljive načine univerbizacije.

2.1. Poimenovanja so lahko pomensko motivirana po gospodarskih opravilih, ki so značilna za ustrezno obdobje, npr. po 'žetvi': **perd-nov-ькѣ*, **do-nov-ькѣ* 'čas pred novo žetvijo' (polj. *przednowek -wka* 'čas pred žetvijo', slš. *prednovok -vku* in/ali *dônovok -vku*); **perd-nov-ьје*, **do-nov-ьје* (slš. *prednovie* in *dônovie -ia*) in **perd-žbniw-ькѣ* (polj. *przedežniwek -wku* 'čas pred žetvijo'); sem spada tudi sln. *žetnik* 'Monat Juli' (Pleteršnik 2:948) — in tudi sln. *žetvenica* 'neko jabolko', *žetvenka* 'neko jabolko' (Pleteršnik 2:948) — po odvažanju (pridelkov) s polja: **kolovozъ* (hrv. *kòlovoz* 'august, nazvan od voženja iz polja, livada') itd.

2.2. Motivirana so lahko po drugih lastnostih, npr. 'travi': sln. *mali trávæn -vna* 'Monat April' ali 'Monat März', *veliki traven* 'Monat Mai' ali 'Monat April' (Pleteršnik 2:675); hrv. *mâli trávæn* 'travanj' in *tráven mefzecz* 'aprilis' (Belostenec 545), *mali traven* 'aprilis' (Jambrešić, Voltiđi; RJA 6:419); po 'cvetju': sln. *cvetnik* tudi 'Wonnemonat, veliki traven, spomladni mesec, majnik' (Pleteršnik 1:90) itd.

2.3. Redko so motivirana po velikih praznikih, npr. 'veliki noči': sln. nareč. *vêlička* 'pomlad' in 'velika noč' < **velič-ьka* (k **velikъ* < **velbj-velik*) in blrus. *vjalička* 'velika noč' (Bezljaj 4:295, M.F.).

2.4. Motivirana so lahko po letnih časih, predvsem po 'aestās' in 'hi-ems', redkeje tudi po 'autumnus' in še redkeje po 'vēr', to pa pomeni, da se v funkciji korena pojavljajo morfemi **-zim-*, **lēt-* in **-jesen-*. Prav v zvezi s to pomensko motivacijo je mogoče govoriti o časovni usmerjenosti (orientaciji), tj. da je poimenovani časovni odrezek motiviran ali kot predoban ali kot zadoben glede na določen letni čas.

3.0. V zvezi s tipologijo izražanja teh poimenovanj lahko govorimo o *prospektivno* usmerjeni pomenski motivaciji: poimenovanja se iz osnovnega leksema za letni čas, ki sledi (tj. izraža se kot preddobni časovni odrezek). *Retrospektivna* usmerjena pomenska motivacija vključuje poimenovanja, ki so tvorjena iz osnovnega leksema za letni čas, ki je minil ali ki mineva (tj. izraža se kot zadobni časovni odrezek). Smiselno je uvesti tudi pomožni pojem *inkluzivno* (vključevalno) usmerjeno pomensko motivacijo, iz katere se izhaja v poimenovanjih za entitete, ki so po tipični lastnosti/dogajanju ipd. povezane z določenim letnim časom. Tako se izpeljujejo najpogosteje samostalniki za poimenovanje rastlin, živali ipd. glede na čas skotitve, čas setve, zorenja itd., pridevniki in prislovi, ki so v pomenski in pojmovni zvezi z določenim letnim časom. Na osnovi inkluzivno usmerjene pomenske motivacije se redkeje tvorijo tudi poimenovanja časovnih

odrezkov, ki izhajajo iz predložnih sintagem s funkcijo prislova časa, in vsebujejo leksem za tisti osnovni letni čas, ki ga poimenujejo (npr. sln. *poletje* 'aestās' < Lsg. **po lěťe* k **lěto* 'aestās').

4.1. Z vidika sinhronnega besedotvorja vsebujejo poimenovanja za krajše časovne odrezke predpono, tj. izvorni predlog, ki v povezavi z ustrezno sklonsko obliko tvori predložno sintagmo s pomenom časa. Ker se v tej funkciji lahko pojavljajo predlogi, ki izražajo časovne pomene, je razumljivo, da se enaki modeli pojavljajo za označevanje časovnih odrezkov sploh, najpogosteje v okviru 'dneva' (prim. *pod večer*, *na večer*, *proti večeru*). V zbranem korpusu so v tej funkciji zabeležene naslednje predpone: *do-*, *na-*, *nad-*, *o-*, *ob-*, *po-*, **perd-*, *pod-*, *prěma-*, *pro-*, (*s*)*proti-* (*s*)*protu-*, (*s*)*proto-*, *u-*, *vъ*, *za-* in *vy-*. Najpogostejši signal univerbizacije poimenovanj iz predložnih sintagem sta priponi *-bje*⁷ in *-ъкъ*⁸; izbira med priponama *-bje* in *-ъкъ* ne vpliva na pomen nove tvorjenke, čeprav se zdi, da se s pripono *-bje* poudarja (časovni) pas, podobno kot je prostorskem smislu poudarja ploskev (areal). Redkejša je univerbizacija tipa Nsg. **nalěto*, *nazima* / *nazyma*, **prěmalěto*, **prolěto*⁹ in/ali pa s prevodom med *i*-jevske samostalnike tipa **prolětb*¹⁰, *pomladb*¹¹, morda tudi **podzimb*¹².

4.2. Prospektivno ali retrospektivno usmerjeno pomensko motivacijo v leksemih signalizirajo pripone oziroma izvorni predlogi v predložnih sintagmah, ki izražajo bodisi približevanje (npr. s predlogi: *do*, *na*, *pod*, *prěma*, *pro*, *proti*, *u* itd.) naslednjemu letnemu času oziroma oddaljevanje (npr. s predlogi *od*, *na*) od njega, ali pa izražajo samo statično inkluzivnost vanj (npr. s predlogi: *na*, *ob*, *od*, *po*) v določeni letni čas. Iz pogostnosti pojavljanja v gradivu se zdi, da je bila prospektivna pomen-

⁷ F. Sławski med funkcijami pripone **-bje* navaja tudi izpeljavo iz predložnih zvez, npr. **obličbje* < **ob lice* / *ob lici*, **pomorbje* 'wybrzerze morskie' < **po mor'u*, **zagorbje* 'miejsce za góra' < **za gorojq* (SP 1:85–86).

⁸ Med funkcijami pripone **-ъкъ* navaja F. Sławski samo naslednje: za tvorbo diminutivov, za substantivizacijo pridevnikov in vrstilnih števnikov, za tvorbo nomina agentis, za tvorbo poimenovanj za ptice iz medmetov, za prilagoditev izposojenk, za izpeljavo starih *u*-jevskih samostalnikov, ne pa omenjena izpeljava iz predložnih sintagem (SP 1:93–94).

⁹ Naslonitev na Nsg. osnovnega leksema **lěto*, **zima* je drugotna in je znana tudi pri toponimih, ki so se razvili iz predložnih sintagem, npr. sln. top. *Podhruška* < **pod hruško*.

¹⁰ Leksem **lětb* (prim. rus. nareč. *letb* 'leto (teploe vremja goda)', blrus. nareč. *lecъ*: *jak lecъ* 'čutъ teplyj, letnij') naj bi bila *i*-osnova že stara (ĖSSJa 15:19).

¹¹ Oblikoslovna preinterpretacija prvotne lokativne sintagme v *i*-deblo je razmeroma mlada.

¹² Ker je slš. samostalnik *podzim* –*u* moškega spola, smemo prav tako domnevati drugotno vključitev besede v sklanjatveni vzorec tipa **podzimъ*.

ska motivacija pomembnejša od retrospektivne in da se prav zato predložne sintagme večkrat univerbizirajo v generično ime celotnega letnega časa (npr. **podzimъ* 'autumnus', **prolětje* 'ver'), najpogosteje iz predložnih sintagm, ki vsebujejo morfem **-lět-*. Retrospektivna pomenska motivacija je pogostejša v leksemih z morfemom **-zim-*, vendar pa so pri tem poudarjene lastnosti obdobja, ki se pripisujejo 'zimi' (npr. mraz, sneg); morda se prav zaradi teh konkretnih pomenskih vsebin redkeje univerbizirajo v generično poimenovanje letnega časa. Ker so tako univerbizirana poimenovanja tesno povezana s skladijskimi izraznimi možnostmi v slovanskih jezikih (govorih), so slovnično in skladijsko predvidljive. Razlike v gradivu iz slovanskih jezikov izhajajo predvsem iz razlik v rabi predlogov v časovnem pomenu oziroma v (ne-)izvršeni univerbizaciji prvotnih predložnih sintagm.

5.1. Predpona *do-*: Retrospektivno usmerjenost z morfemom **-zim-* izkazuje rus. poimenovanji *dozimbe* < **dozimbe* in *dozimki* 'zadnji mraz ali sneg po začetku pomladi' < **dozimъki* (pl.); očitno ne pomenita časovnega obdobja, ampak predvsem tipične spomladanske pojave, ki so značilni za zimo ali nanjo spominjajo (Dal' 1:454).

5.2. Predpona *na-*: Retrospektivno in inkluzivno pomensko motivacijo izkazujejo poimenovanja z morfemom **-zim-*, prospektivno pa poimenovanja z morfemoma **-zim-* (tj. usmerjenost k zimi) in **-lět-* (tj. usmerjenost k poletju):

Retrospektivno motivacijo ugotavljamo v sln. nareč. *nazimek -mka* m. sp. 'Nachwinter'¹³, pl. *nazimki* (npr. *kolikor grmi pred velikim petkom, toliko nazimkov je pred sv. Jakobom*; Pleteršnik 1:681) in na prvi pogled tudi v kašub. *na zimku*, primerljivim z inkluzivno motivirano lokativno sintagmo v časovnem pomenu kot v polj. nareč. *na lecie / na leciu* 'poleti', polj. *na jesieni*; češ. *na jaře*; srb./hrv. *na zimi* (Karłowicz 3:239; ESSJ 1:117). Poimenovanje se veže na kašub. *zimk* 'vēr', polj. nareč. *zimek*, *zymek* 'vēr' (Karłowicz 6:383) < **zimъkъ*, v kateri gre zaradi pomenskega neskladja med morfemom **zim-* 'hiems' in označevanjem 'vēr' za inovativno poimenovanje. Ker leksem **zimъkъ* lahko pomensko opišemo kot 'obdobje, podobno zimi', tudi zaradi neujemanja v spolu (tj. **zima* ž. sp. : **zimъkъ* m. sp.) ne more biti deminutiv, ampak verjetno dekomponirani samostalnik na **-kъ* iz starejše predložne sintagme. Inkluzivno usmerjeno pomensko motivacijo pa vsebujejo številna poimenovanja za živali, rastline itd., ki so povezana z obdobjem zime, prim. kašubske tvorjenke

¹³ Za nem. *Nachwinter* navaja naslednja pojasnilo 'pozna zima, spomladanski mrazi' in navaja sln. *ozimki*, polj. in češ. *pozimek* (Cigale 2:1075). Prim. *Nachsommer / Spätsommer*, sln. *babje leto*, slš. *babie leto* (obdobje) (NS 223).

nazimiec, *nazimek* 'mlada žival (tele, prase, žrebe), ki so jo že redili eno zimo', ukr. *nazymok -mka* 'enoletni bikec' (AJK I/2).

Prospektivno motivacijo ugotavljamo pri poimenovanjih, ki izhajajo iz akuzativnih sintagem **na zimō* in **na lěto* z oblikoslovno prilagoditvijo tipa **nazima*, **na-zimьje* 'jesen' in **nalěto*, **na-lětьje* 'vēr': gluž. *nazyma* in *nazymjo* < **na-zimьje* (s pridevnikoma *nazymny* in *nazymski*, oboje 'jesenski'), gluž. prislov *nazymu* 'jeseni, na jesen' < **na zimō* (Zeman 258; Muka 1:1001–1002; Schuster-Šewc 23:1771) in dluž. *nazyma* in *nazym'e* < **nazimьje* (s pridevnikoma *nazymny* in *nazymski* 'jesenski'); gluž. *nalěto* in *nalěco* < **na-lětьje* (Zeman 243–244) in dluž. *nalěto -a* in *nalěse -a* < **na-lětьje* (Muka 1:978); polj. nareč. *na lato* 'na pomlad' (Śląsk)¹⁴. — Prek pridevnikov **nazimьn-* oziroma **nalětьn-* so tvorjeni gluž. *nazymnik* 'november' in *nalětnik* 'marec', dluž. *nazymnik* 'november' in *nalětnik* 'april', ki pa so zaradi besedotvorne vezanosti na *nazyma* itd. *nalěto* inkluzivno pomensko usmerjeni, prim. še polab. *Seymemond*, 'november' kot 'Wintermonat' (Olesch 1:606). — Prospektivno pomensko motivacijo pa vsebujejo leksemi, kot so rus. *nazimьe l nazimok / nazimki* pl. 'prva znamenja (tj. mraz, sneg) zime', ukr. pridevnik *nazymyj*, *nazimnyj* 'ozimen' (npr. *nazima pšenyca*) < *(sejana tik) pred/pod zimo¹⁵.

5.3. Predpona nad-: Poimenovanja s predpono *nad-* in z morfemom **-lět-* so motivirana prospektivno: češ. pridevnik *nadlětní* 'čas nad letem, dříve léta; Lenz-, Vorsommer' (Jungmann 2:552) < (tudi slovarsko zabeležene) instrumentalne sintagme **nadь lětьmь* s časovnim pomenom predloga **nadь*, prim. češ. *nad* tempor. = 'ku, před; gegen, vor' (npr. *nad switánjm*, 'předednem'; *Nad večerem i u večer*; Jungmann 2:545). V časovnem pomenu predloga **nadь* 'ante, před' so znane tudi akuzativne sintagme (prim. češ. starinsko *nad večer*, srb./hrv. *nad večer* 'pred večerom', ukr. *nad večir*, bolg. *nad večer*, mak. nareč. *nadvečar* prislov 'vremeto pred da se stemni, koga počnuva da pag'a mrak', *nadvičera* 'vremeto po zaoğanjeto na sonceto, dodeka sé ušte se nadzirat poslednite sončevi zraci'; ESSJ 1:125; Peev 184).

5.4. Predpona o-: Predpona *o-* je nastala z obrusitvijo predpon **ob-* ali **ot-*, poimenovanja z morfemom **-zim-* pa so retrospektivno in inkluzivno pomensko motivirana po lastnosti zime.

¹⁴ Enako tvorbo, a v drugem pomenu izkazuje češ. *náletek -tku* 'na léto, budaucj rok, übers Jahr' (prim. *do na letka odkladati*; Jungmann 2:580) in češ. **náleto -a* (Jungmann 2:581).

¹⁵ Enako usmerjeno motivacijo izkazujejo tudi časovni prislovi, npr. mak. *navečer-ta* in *navečir* 'vremeto prikvečer, otkoga ke zajde sonceto' (Peev 176–177) in *na-útrínáta* 'vremeto koga se razdenuva, koga se javuva sonceto, nautro' (Peev 263).

Retrospektivno motivirana so: sln. *ozimek -mka* (m. sp.) 'doba od velike noči do sv. Jurija (tj. 23. ali 24. aprila)' (npr. *ako je ozimek dolg, bo slaba letina*), pl. *ozimki* 'Nachwinter' (Pleteršnik 1:879); predpona *o-* se razlaga iz *od-* < **otъ*, tj. **od-zimek* (Pleteršnik, Štrekelj) ali iz *ob-* < **ob(ъ)*, tj. *'ob, v neposredni bližini zime' (ESSJ 1:134–135). Besedotvorni in pomenski ustreznici sta rus. *ozimki* pl. 'zapoznela zima ali rahel spomladanski sneg' (Dalъ 2:582), ukr. *ozymky -kiv* pl. s pomenom 'spomladanski mraz' (Hrinčenko 3:45) in z neobrušenim predlogom *ot-* rus. *otzim-be* in *otzimokъ* = *pozimki*, oboje v pomenu 'zadnji in nepričakovani mraz ali spomladanski sneg po že lepih dnevih; pozna mrzla pomlad' (Dalъ 3:726).

Inkluzivno pomensko motivacijo, ki lahko zajema tudi preddobnost in zadobnost, izkazujejo tvorjenke: sln. *ozimec -mca*, *ozimica*, *ozimika*, *ozimka* (prek pridevnika **ozimъn-* so tvorjeni *ozimnica*, *ozimnik* kot poimenovanja za različne vrste zimskega sadja, žit, rib (glede na čas, ko se lovi) in živali (npr. 'krava, ki čez zimo ostane jalova'); ukr. *ozymok -mka* 'enoletni teliček' in *ozymky* pl. 'sorta jabolok, ki se ohranja čez zimo' (poleg ukr. pridevnikov *ozymyj* in *ozymnij* 'ozimen'); slš. tvorjenka *ozimina -y* 'obilie zasiat v jeseni', s pridevnikom *ozimnyj* (o obilninách): *ozimná pšenica*, *ozimná rač*, *ozimnyj jačmeň*, *ozimná repka*, *ozimná miešanka* (SSJ 2:637), češ. *ozim -i ž.* sp. 'na zimu zaseté, Wintersaat' (Jungmann 2:1027, geslo *ozim*) in in pridevniki: češ. *ozimý*, polj. *ozimy*, rus. *ozymyj*, ki se razlagajo iz predložne sintagme *'ob zimu rastouci, tj. před zimou a po ní' (Machek 715).

5.5. Predpona *ob-*: Z neobrušeno predpono *ob-* v časovnem pomenu 'bêhem času' (ESSJ 1:134–135) in morfemom **-lêt-* ter z inkluzivno pomensko motivacijo spada sem rus. *oblêto* 'čez poletje, konec poletja' (Dalъ 2:598). Časovno funkcijo predloga *ob-* izkazujejo tudi sln. prislovi časa *ob dan* 'bei Tage', *ob noč* 'bei der Nacht; über Nacht' (Pleteršnik 1:716).

5.6. Predpona *od-*: Neobrušeno predpono *od-* vsebuje prislov s prospektivno pomensko motivacijo, npr. mak. *odvičera* = *nadvičera* 'vremeto po zaoganjeto na sonceto, dodeka sé ušte se nadzirat poslednite sončevi zraci' (Peev 184).

5.7. Predpona **perd-*: Poimenovanja z morfemi **-lêt-*, **-zim-*, **-jesen-*, **-jar-* so prospektivno pomensko usmerjena in izhajajo iz instrumentalne sintagme s predlogom **perdъ*¹⁶. Zanje je značilna izpeljava s pripomo *-bje* ali pa z naslonitvijo na osnovni samostalnik **lêto*, **jesenъ*, **jarъ*: prim. slš. *predleto -a* 'čas pred začetkom poletja' (SSJ 3:444), gluž. *před-*

¹⁶ Časovni pomen je skoraj izključno vezan na izražanje preddobnosti (ESSJ 1:171).

lěčo -a 'zgodnje poletje' (Zeman 344) in polj. *przedlecie -a* 'zgodnje poletje' < **perdъ lětъ/omъ*. Prim. še slš. pridevnik *predzimny* 'ki se nanaša na čas pred začetkom zime' (SSJ 3:454) < **perdъ zimoję*; slš. *predjeseň -ne* (ž. sp.) 'čas pred začetkom jeseni' (SSJ 3:443) < **perdъ jesenъję*; slš. *predjarie -ia* (sr. sp.) 'čas pred začetkom pomladi' (SSJ 3:443) < **perdъ jarътъ*.

5.8. **Predpona *po-***: Poimenovanja z morfemom **-zim-* in **-lět-* so retrospektivno ali inkluzivno pomensko motivirana.

Retrospektivno motivacijo, tj. **po zimě*, s predlogom *po* v pomenu 'post' (ESSJ 1:179) izkazujejo rus. nareč. *pozímokъ* in pl. *pozímki* 'pozen mraz ali sneg, spomladanski mraz' (Dalъ 3:231), češ. *pozimek -mku* 'zgodnja pomlad, ki neposredno sledi zimi' (Jungmann 3:412), polj. nareč. *pozimek* 'pomlad' (prim. tudi predložno zvezo: z *pozimku* 'od pomladi'), *pozumk* 'čas po zimi, po pomladi', *po^ezimk* 'konec pomladi, druga polovica pomladi' (Karłowicz 4:320), slovensko *p^uozimk -k^u* 'zadnji del pomladi' (Lorentz 2:78–79). Pomenski razvoj bi lahko potekal v smeri *'pozen mraz' > *'spomladanski mraz' > *'pomlad'.

Inkluzivno pomensko motivacijo (tj. 'v času trajanja zime') iz lokativne sintagme **po zimě* (prim. sln. *po zimi*, *po leti*, *po noči* > prislov *pozimi*, *poleti*, *ponoči*; ESSJ 1:181) izkazujejo sln. pridevniki *pozimski*, *pozimen* 'wintermassig, Winter-' (Pleteršnik 2:204) < **po-zimьskъ*, **po-zimьnъ*, polj. nareč. *pozimek* 'oven, ki se ohrani čez zimo', *pozimka* 'ovca, ki se ohrani čez zimo' in sln. tvorjenka *pozimje* 'Winterszeit' < **pozimьje*. Inkluzivno motivacijo z morfemom **-lět-* izkazujejo sln. *poletje* 'aestās' (prvič pri Gutschmannu), češ. *poletí* 'avgust in september skupaj' (Jungmann 3:177) < **polěťje* < **po lětě*.

Iz inkluzivne motivacije moramo izhajati pri sln. poimenovanju *pomlâd -i* ž. sp./ *spomlâd -i* 'vēr' in prislovu časa *pomlâdi* 'im Frühlinge'; gre za prvotno lokativno sintagmo **po moldě* z opustitvijo jedra sintagme **lětě* (tj. iz prvotnega **po moldě lětě* in z naslonitvijo na *i*-jevске samostalnice; Šivic-Dular 72; Bezlaj 2:84, M.S.). Izhodišče **lěto* v pomenu 'annus' (in ne **lěto* 'aestās') dovoljuje sln. samostalnik *mladolětje* 'pomlad' s številnimi glasovnimi variantami v slovenskih (npr. sln. nareč. *mladlětje*, *zmladlětek*, *zmarlět*) in hrvaških / srbskih govorih: npr. hrv. nareč. *mlâdlěto* 'proljeće' (Istra), *na mlâd lita* (Vodice), *mlodo lito* (Brusje/Hvar; ČDL 1:555¹⁷), hrv.-kajk. *lito mlado* 'Calendae Januariæ (Belostenec 199), hrv./srb. *mlado ljet* 'prvi dan meseca januarja, osmi dan po božiču' (Šivic-Dular 74–75; RJA 6:814) < **moldo lěto* z redko sinonimno

¹⁷ V geslu *mlôd mlôdâ mlôdo* 'jung' je zabeleženo: »*Mlôdo lito* lit. *Mlâdō ljěto* 'Neujahr': *I litoskoj i odolita* ôvde na dobrô von *Mlâdō lito* dôjde« (ČDL 1:555).

sintagmo *mlada godina* (RJA 6:81). Tudi v vseh teh primerih izhajamo iz pomena **lěto* 'annus' oziroma kot 'annus incipens, Novus annus', in razvojem v pomen 'vēr'. Morda se v tem primerih ohranjacelo sled 'Novoga leta'¹⁸, ko se je začelo v spomladanskem času.

5.9. Predpona *pod-*: Poimenovanja z morfemi **-lět-*, **-zim-*, **-je-sen-* imajo prospektivno pomensko motivacijo, izhajajo pa iz akuzativne (**podь lěto*) ali instrumentalne (**podь lěto/ьmь*) sintagme¹⁹ in so univerbizirana s priponama *-ьje* in *-ькь*. Prim. sln. *podlětje* in *podlětek -ka* 'Vorsommer' (Pleteršnik 2:85), češ. *podletí* 'doba pred poletjem' (Machek 715; Jungmann 3:177), slš. *podletie -ia* 'začetek poletja' (SSJ 3:135; Rejzek 482), kašub. *podlato* 'meseca maj in junij skupaj' (prek pridevnika **pod-ьlětn-* je izpeljan *podlatník -a* 'topli pomladni veter'; Sychta 4:101), rus. *podlet'e* 'prehod od pomladi k poletju' (Dal' 3:185). Primerljiva tvorjenka z morfemom **-zim-* je slš. *podzim -u*, *podzimie -ia* 'jesen' (Rejzek 482) in *podzimok* 'jesen' (SSJ 3:159–160), sln. *podzimək*, *-mka* 'Nachherbst' (Pleteršnik 2:102), hrv. *pòdzimak* 'jesen, t.j. doba godine pred zimu' in pridevnika *podziman* in *podzimski* (RJA 10:358–359). Z morfemom **-je-sen-* je izpričano slš. *podjeseň -ne* 'obdobje na samom konci leta, pred začetkom jesene', prislov *podjeseň* 'na konci leta, pred jesenou' (SSJ 3:131) < **pod esenь* 'w porze zblizania się jesieni' (SP 4:60).

5.10. Predpona *prěma-*: Poimenovanja s to predpono in z morfemom **-lět-* so omejena na hrvaške govore. Izhajajo iz prospektivno usmerjene dativne sintagme **prěma lětu*, oblikoslovno so prilagojene kot **prěma-lěto* 'pomlad' (z deminutivom **prěmalětьce*) in **prěma-lětьje*

¹⁸ Podobno stanje bi lahko rekonstruirali tudi iz sintagem **novo lěto* za pojave, ki se navezujejo na spomladanski čas, npr. polj. nareč. *Nowe latko* 'spomladanski obred' (Karłowicz 3:336), *Latko/Nowe latko* 'čas pred veliko nočjo v aprilu' (Karłowicz 3:13). — Ob tem je zanimivo, da se pridevnika **moldь* in **novь* v slovanskih jezikih deloma prekrivata oziroma da se prvi umika v korist drugega, prim. **moldo/novo lěto*, **moldь/novь měsęcь* (luna), **moldo/novo vino* in za mnoga živila (npr. *mladý syr*, *mladé pivo*, *mladý hrach*, *mladý kaleráb*, toda: *nové zemiaky*, *nové semeno*, *nová slama*, *nová tráva*, *nový hlieb*), slš. *mladomanželia* / *novomanželia* 'Neuvermählten' itd. (SSJ 2:396).

¹⁹ S tem predlogom so pogoste predložne sintagme s pomenom preddobnosti oziroma časa pred tisto časovno enoto, ki jo uvaja leksem, prim. blrus. *pad večar*, *pad dzenь*, *pad šèruju vosenь*, *pad verasenь mesjac* (TSB 3:501); rus. *pod utro*, *pod večer*, *pod starost*; polj. *pod starość*, *pod wieczór*; dluž. *pod wjacor*; srb./hrv. *pod večer*, *pod noć*, *pod samu zimu* 'pred samou zimou', sln. *pod večer*, *pod noć*, *pod jutro*, *pod jesen* (ESSJ 1:194), iz njih pa se zmeraj lahko univerbizirajo samostalniki, prim. slš. *podvečer -a* 'časť dňa medzi popoludním a večerom' (SSJ 3:156). Na podlagi instrumentalne sintagme v pl. **perďь lěty* (k **lěta* 'voznost, gody') je tvorjen blrus. *padlětak -tka* 'deček ali deklica na prehodu iz otroka v mladostnika (12–16 let)' (TSB 3:540).

²⁰ Odrazi psl. *ě* v predlogu / predponi **prěma* in samostalniku **lěto* so: *e*-kavski (npr. *prěma* in *ljetu*), *i*-kavski (npr. *prima*, 15. stol., Lumbarda, Korčula, in *lito*), *prama* pa

'pomlad' (Skok 3:34). Številne besedne variante se ločijo po neenotnih odrazih za psl. *ě* v prvi ali drugi sestavini: hrv./srb.: *premaljeto*²⁰, *primaljeto*, *primalito*, *pramaljeto* (v nezanesljivem primeru: *Ovo se može u pramaliti ili u jesen opraviti* (Jablanci; RJA 11:364), *premaljece* (RJA 11:599, Stulli). — Iz samostalnika **prěmalětje* 'pomlad' so se razvile besedne variante: *prēmāljeće* / *prēmāljeće*, *pramāljeće* / *primaliče -ô* / *primālīce -o* / *primalīce* (Brusje/Hvar, Dračevica/Brač) in *premalitje* (della Bella, Jambrešić), *primalitje* (Vrančić, Mikalja) (RJA 11:599–600; Skok 3:33–34; ČDL 1:934; Vuk 640).

5.11. **Predpona *pro-***: Psl. predpona **pro-* je genetsko povezana s predlogom **pro* in ima ie. ustreznice (prim. stprus. *pra* 'durch, für' in sti. *pra* 'vor, ver-', stperz. fra-, gr. *pró* 'pred' in *pro-*) < ie. **pro* 'naprej, za' oziroma lat. *prō*, psl. *pra-* < **prō(-)*. Predlog *pro* je pogost v češ. (v vzročnih in oziralnih pomenih), vzhodnoslovanskih jezikih, predvsem blrus. (v predmetni funkciji, redko v prostorskem pomenu), v južnoslovanskih jezikih ni več v rabi (ESSJ 1: 216–220)²¹. Nekdanji obstoj časovnega pomena pri predlogu *pro* v južnoslovanskih govorih dokazujejo prospektivno motivirana poimenovanja za 'vēr', ki so se razvila iz akuzativne sintagme **pro lěto*, in so znana iz južnoslovanskih, ruskih in polabskih poimenovanj tipa **pro-lětje*, **pro-lěto*, **pro-lěť*.

Poimenovanja tipa *prolětje*: sln. nareč. *pròlice* in *pròleče*, srb./hrv. *proljeće*, hrv. nareč. *proliče* 'proljeće' (Senj; Moguš 2002:119), rus. *prolětje* 'pomlad, začetek poletja, junij, čas do sv. Petra' (Dal' 3:494), stosl. *prolětje*. — Poimenovanja tipa **pro-lěť*: bolg. *prolet* 'pomlad', mak. *prolet*; srb. *pròlec* Gsg *pròleci* ž. sp./ *pròleća* sr. sp., *prolēće* sr. sp. (Tomić 121). — Poimenovanje tipa **prolěto*: polab. *prūlotū* 'wiosna' (*Te Proilutū* 'Le Printemps, L' Eté'; *de proilutū* 'Der Frühling'; *Diproilutū*²² (Olesch 1:190; Polański 3:592).

V hrv. varianti *sprolice* (Vodice; Skok 2:336) pa je treba verjetno izhajati iz sekundarne genitivne sintagme **sъ prolětja*.

5.12. **Predpone (s)proti-, (s)protu-, (s)proto-**: Poimenovanja s temi predponami, povezana izključno z morfemom **-lět-*, izkazujejo prospektivno pomensko motivacijo in so arealno vezana za zahodni del južnoslo-

kaže arhaični refleks *rě* > *ra*. Predlog **prěma* se povezuje tudi z dodatnima predlogoma *iz-* > *s-* in/ali *na-*: *spram(a)*, *napram(a)*, *naspram* (Skok 3:33–34). Kot je videti iz gradiva v RJA, se besedne različice pojavljajo s kombinacijo odrazov za *ě* celo znotraj iste besede.

²¹ Ostanki predložne rabe v prostorskem pomenu 'skrze, skozi' so redki, prim. bolg. nareč. *pro* (*pro prsten da se proviraš*; Gerov po ljudski pesmi) in nezanesljiv srb. arh. primer (17. stol.) *ka se pro — prozira*, medtem ko časovne funkcije Kopečný ni zabeležil (ESSJ 1:216).

²² V besedah (sestavinah) *Te*, *de*, *Di-* domneva Polański člen **to*.

vanskih govorov. Samo psl. **proti* (prim. csl. *proti* 'k', sln. *proti*, srb. arhaično *proti*, stč.š./češ., slš. *proti*, ukr. *próty* / *protý*, polj. nareč. *proci*, brus. nareč. *proci* / *preci*, rus. nareč. *proti*) ima ie. besedotvorna vzporednico **proti* (prim. stí. *prati* 'k, proti, nazaj' gr. *protí*, *prós* 'pri, zraven, pred' < ie. **preti*/**proti* < **pro* 'naprej, za')²³, vstopa pa v dativne (stcsl., zahodnoslov. — razen češ. — sln., redko v hrv./srb.) in genitivne sintagme (hrv./srb.vzhodnoslov., redko v polj.), redko tudi v akuzativne in instrumentalne (ESSJ 1:222). Vzglasni *s-* se razlaga iz dodatnega predloga (predpone) **sъ(n)-* (ESSJ 1:223; Skok 3:54).

Izhodišče za tvorjenke na *-*bje* in *-*ьkъ* 'vēr' je verjetno dativna sintagma **proti létu*. Poimenovanja tipa **protilétъje* 'vēr' najdemo: sln. nareč. *protiletje*²⁴ 'vēr' z manjšalnico *protilétjice* (Pleteršnik 2:354) in variantama *sprotiletje* in *sprotoletje* (Pleteršnik 2:556); hrv.-kajk. *Protulétje* 'Ver, quarta pars anni, ver novum, ver primum, vernum, ni, ear, ris' (Belostenec 435) s prid. *Protuletni* 'vernus, vernalis, earius'. Belostenec navaja tudi besedne zveze *protuletje odhajajuče* 'ver adulum, praeceps, cadens', *Na ali ú protuletje* 'verno' — med njimi tudi tiste z dodatno preciziranim delom letnega časa, npr. *na pouchetku protuletja* 'primo vere', *na szredine* 'medio vero', *na konczu* 'extremo vere' —; hrv. *protoletje* (Glavinic) z varianto *sprolicé* (Vodice; Skok 2:336). — Poimenovanje tipa **protilétъkъ* je samo sln. nareč. *protilétek -tka* (Pleteršnik 2:354).

5.13. **Predpona *u-***: Sem spada hrv. nareč. *vyleča* ž. sp. 'proljeće' (Bednja) < **u-létъja* (Skok 2:336). Skok predpono *vy-* razlaga iz *u-* 'ne', kar pa popolnoma odstopa od pomenske motivacije in skladenjskih vzorcev, iz katerih se razvijajo hrvaška (in slovanska) poimenovanja za 'vēr'. Sistemsko ustrežneje bi bilo domnevati izpeljavo iz neke genitivne sintagme, morda iz **u léta* s psl. predlogom *u-* v pomenu 'pri' (prim. lit. *au-* 'od') in s sekundarno naslonitvijo na ženski spol. Težavo sicer povzroča dejstvo, da predpona *u-* 'apud' za izražanje časovnih pomenov (podobno kot pri *pro-*) sploh ni potrjena (ESSJ 1:259).

5.14. **Predpona *ъb-***: Sem spada sln. nareč. *vulétje* 'pomlad' < **ъb-létъje* (Bezljaj 4:295, M.F.), ki zaradi morfema **-lét-* v poimenovanju za 'vēr' najverjetneje izhaja iz akuzativne sintagme **ъb létu* s prospektivno motivacijo, povezano z redkejšim časovnim pomenom smeri, npr. češ. *v budoucnost* 'pro budoucnost' (ESSJ 1:273).

²³ Mogoči so tudi dvomi glede primarnosti psl. *proti* < **protei* v razmerju do psl. *protivъ* (ÉSSJ 1:226).

²⁴ Poimenovanje **létu* v pomenu 'aestās' je še danes ohranjeno v številnih slovenskih govorih.

5.15. **Predpona vy-**: Predpona *vy- se pojavlja v dveh sln. poimenovanjih za 'vēr': *vígred* -i < *vy-grędb (Bezljaj 4:313–314, M.F.) in *vilaž* < *vy-lažb²⁵ (Bezljaj 4:317, M.F.). Prvo poimenovanje se pojavlja v več kot 20 točkah mreže govorov za Slovenski lingvistični atlas (tj. večinoma v severnih in zahodnih govorih), podoben je tudi areal poimenovanja *vilaž*, ki pa se v obliki *viležej* pojavlja v pomenu 'pomlad' in 'velika noč, sončni ali lunin vzhod'. Za razliko od vseh prejšnjih primerov, sta ti dve poimenovanji tvorjeni iz glagolskih podstav *vy-gręd- (prim. csl. *gręsti grędę* 'venire') in *vy-laz- (prim. *laziti lažę lažiši* 'repere') z verjetnim pomonom 'iti ven', najverjetneje pa gre za kalke za nem. (tirolsko) *auswärt* 'Frühling' (Schöpf 23), bavar. *Auswart* 'pomlad', furl. *ežude* < *ex-juta*.

5.16. **Predpona za-**: Poimenovanja s predpono *za-* teoretično lahko izhajajo iz treh predložnih sintagem (tj. genitivne, akuzativne ali instrumentalne), ker predlog *za* zahteva takšno rekcijo: prim. *za *zimy*, *za *zimę* in *za *zimoję*, s tem, da poimenovanja z morfemom *-lęt- izkazujejo pomensko motivacijo, ki je mejna med inkluzivno in prospektivno (prim. rus. *zalętbe* sr. sp. 'začetek poletja, čas od polovice maja do julija'; Daļ 1:599) < *za-lęto²⁶, zato ker pomeni prvo fazo poletja (tj. obdobje, ko še ni pravega poletja in za katerega s je že v tem gradivu mogoče najti poimenovanja s prospektivno pomensko motivacijo). Poimenovanje z morfemom *-zim-, ki izkazujejo retrospektivno pomensko motivacijo, prim. sln. *zazımek -mka* 'Nachwinter' (Pleteršnik 2:900; Bezljaj 4:412, M.S.), je mogoče izvajati iz instrumentalne sintagme *za *zimoję* v smislu '*čas/obdobje po (pravi) zimi' z univerbizacijo in izpeljavo s pripono -ькь (tj. *za-zim-ькь ob primerljivih sintagmah, ki označujejo zadobnost: *dan za dnevom, zatem* < *za lętь; SSKJ 1571; Pleteršnik 2:815).

6.0. Poimenovanja za časovne odrezke, ki so krajša od t.i. letnih časov, izkazujejo v slovanskih jezikih veliko tipološko ujemanje glede pomenske motivacije in besedotvorne strukture. Razlike se pojavljajo predvsem pri izbiri jezikovnih sredstev (npr. izbiri konkretnega predloga ali/in rekcijo, ki določa vrsto predložne sintagme). Kot univerbizirani leksemi so z redkimi izjemami verjetno razmeroma mlada, kot izrazna (skladenjska) možnost pa so nedvomno že praslovanska. Za njihovo genezo je pomembna vrsta časovne usmerjenosti, saj se pri prospektivni pomenski motivaciji zdi bolj poudarjen časovni odnos (sosledje), pri retrospektivni

²⁵ Za razliko od vseh navedenih poimenovanj se ta tvorijo iz glagolov, ki vsebujejo glagolsko predpono *vi-* < *vy- 'iz'.

²⁶ Med časovnimi pomeni predloga *za* se za izražanje predčasnosti navajajo samo vzhodnoslovanski primeri tipa *za dve nedelji*, ki pa jih obvezno spremlja dodana zveza *do/pered* (česa/čem) (ESSJ 1:287–288).

motivaciji pa lastnosti, ki se pripisujejo predhodnemu obdobju, s tem pa tudi inkluzivni usmerjenosti. Prav zaradi tega se predvsem prospektivno motivirana poimenovanja z razšitvijo pomena prej lahko začnejo uporabljati v smislu generične oznake za letni čas, predvsem za prehodna obdobja, kot sta 'vēr', redkeje tudi 'autumnus'.

Viri in literatura

- AJK** — *Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich I/2*, Wrocław 1964.
Belostenec — J. Belostenec: *Gazophylacium illyrico — latinum*, Zagreb 1740.
Cigale — M. Cigale: *Deutsch-slovenisches Wörterbuch I–II*, Laibach 1860.
Dalb = Дaль2 1978–1980.
Lorentz — F. Lorentz: *Pomoranisches Wörterbuch I–V*, Berlin 1958–1983.
Moguš — M. Moguš: *Senjski rječnik*, Zagreb 2002.
NS — *Nemecko-slovenský a Slovensko-nemecký slovník*. Bratislava 1973.
Olesch — R. Olesch: *Thesaurus Linguae Dravaenopolabicae I–IV*, Wien 1983–1987.
Peev — K. Peev: *Rečnik na makedonskite govori vo jugoistočniot egejski del I–III*, Skopje 1999–2004.
Schöpf — J. B. Schöpf: *Tirolisches Idiotikon*, Innsbruck 1982.
Šivic-Dular — A. Šivic-Dular: *Letni časi po slovensko. 36. seminar slovenskega jezika, literature in kulture 26. 6. — 15. 7. 2000*, Zbornik predavanj, Ljubljana 2000.
Tomić — M. Tomić: *Rečnik radimskog govora*, SDZb 35/1989, 3–174.
Zeman — H. Zeman: *Słownik górnołużycko-polski*, Warszawa 1967.

Alenka Šivic-Dular (Ljubljana)

Typologisches zur Wortbildung und Semantik der slawischen Zeitbezeichnungen

Zusammenfassung

Im vorliegenden Beitrag werden die slawischen Bezeichnungen der Jahresabschnitte betrachtet, die kürzer als die vier traditionell aufgefassten Jahreszeiten 'vēr', 'aestās', 'autumnus', 'hiems' sind. Da derartige relativ junge Bezeichnungen durch Univerbierung aus den entsprechenden präpositionalen Syntagmen, die in der Sprache in der temporalen Bedeutung gebraucht werden konnten, hervorgingen (z. B. für 'vēr': **prolētje* < **pro lēto*, **nalēto* < **na lēto*, **podlētje* < **pod lēto*, alles zu **lēto* 'aestās'; für 'autumnus': **nazimje*, **nazima* < **na zimj*, **podzim* < **pod zimj* / **pod zimojj*, **rozimькь* < **po zimě*, alles zu **zima* 'hiems'), weist die dazugehörige Lexik der slawischen Sprachen verständlicherweise einen hohen Grad an Einheitlichkeit auf, sowohl in den Wortbildungsverfahren als auch in der semantischen Motivierung. Die einzelnen Bezeichnungen sind mit Hilfe der Sondierung gesammelt worden, indem allerdings das Korpus sämtlicher in der temporalen Bedeutung gebrauchter slawischer Präpositionen in Betracht gezogen wurde. Am wichtigsten zeigte sich die prospektiv orientierte

Bedeutungsmotivierung, wobei ein gewisser Zeitabschnitt als der darauf folgenden Jahreszeit vorangehend bezeichnet wird, denn daraus konnte sich durch Bedeutungserweiterung eine generische Bezeichnung der Jahreszeit entwickeln (z. B. kroat./serb. *proljeće*, oberlaus. *nazima*). Die retrospektiv orientierten Benennungen, bei denen ein gewisser Zeitabschnitt als der vorangehenden Jahreszeit nachfolgend bezeichnet wird, behält hingegen in größerem Maß die konkreten Eigenschaften, die dieser Jahreszeit sonst zugeschrieben werden (z. B. slow. *nazimek -mka* 'Nachwinter', russ. *otzimokъ* 'der letzte, unerwartete Frost bzw. Frühlingsschnee nach bereits schönen Tagen; kühler Spätfrühling'). In dieser Eigenschaft kommen sie näher heran an die inklusiv orientierten Bezeichnungen für Entitäten, die durch ihre charakteristische Merkmale, Lebensverhältnisse usw. eng mit der bestimmten Jahreszeit verbunden sind (z. B. poln. dial. *pozimek* 'Widder, der sich über den Winter erhält', *pozimka* 'Mutterschaf, das sich über den Winter erhält').

alenska.sivic@guest.arnes.si

Віктор Петрович Шульгач (Київ)

Лексичні архаїзми українських говірок Правобережного Полісся з погляду етимології

На основі етимологічної процедури відновлюється більше трьох десятків пралексем. Окремі з них можуть служити доповненням до відповідних статей, поданих в «Этимологическом словаре славянских языков» та «Słowniku prasłowiańskim», більшість кваліфікується автором як праслов'янські діалектизми (регіоналізми), пропущені в названих джерелах.

Ключові слова: етимологія, діалектна лексика, праслов'янський діалектизм.

Українське Правобережне Полісся — один із найконсервативніших з лінгвістичного погляду регіонів. Стабільність та безперервність місцевого населення з давніх часів, його відносна ізоляція, зумовлена специфікою географічного середовища, сприяли збереженню в цій зоні значної кількості лексичних архаїзмів. У переважній більшості вони можуть кваліфікуватися як потенційні праслов'янізми.

Фактичний матеріал для аналізу вилучено з діалектних словників, опублікованих в Україні упродовж останніх років.

Байдур 'чоловік високого росту' (Аркушин 1: 7). Споріднене з блр. діал. *байдур* 'лежень' (ТС 1: 37). Відобразилося в сфері антропонімії, пор. укр., рос. *Байдур*, *Байдура*, пол. *Vajdur* тощо. Архаїзм праслов'янської доби — **bьldurь* (-ьl- > -ал- > -ал'- > -ай-). Див. ще Казлова 2000: 40–42.

Балбаї 'очі' (Аркушин 1: 8). Мн. від **балбай* < **bьlbajь*. У семантичному плані перегукується з лексикою гнізда **bьlbuxa* / **bьlbaxa* (ЕССЯ 3: 116–117), що дає підстави розцінювати заголовне слово як праслов'янський лексико-словотвірний архаїзм. Реалізувалося в антропонімії, пор. рос. *Байбаев* (м. Київ) — прізвище, із **Балбаев* (-й- < -л'- < -л-), блр. **Болбай* > *Болбаи* — ойконім у колишній Вітебській губ. Генетично споріднене з **бальбатий** 'з великими очима; витрішкуватий' (Аркушин 1: 9), блр. діал. *бульбаты* 'витрішкуватий' (ТС 1: 93) < **bьlbatьjь*.

У гнізді і.-с. **b(h)el-* ‘набухати, здуватися’ тлумачаться також діалектні лексеми **бомбош** ‘велике за розміром гумове взуття’ (Гримашевич 21), **бамбоші** мн. ‘взуття з шкіри або волової пряжі’ (Пономар 170). Обидві зводяться до псл. **bьlbošь* — деривата з суфіксом *-ošь* (зважаючи на явище лабіалізації *-л-* > *-м-* у позиції перед лабіальним *-б-*).

Борсук ‘постіл з дубових смуг’ (Гримашевич 21). Суфіксальний дериват від основи *борс-*, пор. укр. діал. *борса* ‘шнурок для стягання постолів’ (Гуцульщина 227). Обидві лексеми можуть розцінюватися як праслов’янські регіоналізми — **bьrsa*, **bьrsukь*, співвідносні з псл. **bьrsati* (*se*), відновленим в ЭССЯ 4: 130–131. Пор. ще віддієслівні *заборса*, *заборси* мн. ‘волоки у постолах’ ~ *заборсати* ‘протягнути волоку у вухо постолів’ (Гримашевич 50–51).

Гурма ‘юрба’ (Аркушин 1: 114). Може зіставлятися з ст.-укр. *гурмь* ‘купа, громада, юрба, натовп’ (Тимченко 1: 630), укр. діал. *гурма* ‘стадо, череда, отара’ (Горбач 16), *гурмо* ‘стадо’ (Шило 134), рос. діал. *гурма* ‘натовп людей’ (Кардашевский 277) та ін. Є підстави для відновлення псл. **gьrть*, *-a*, *-o*.

Довжба ‘глибока оранка’ (Аркушин 1: 137). Дериват з суфіксом *-б-* (< **-ьb-*), словотвірно пов’язаний з місцевим **довжити** ‘глибоко орати’ (там само). Останнє континує псл. **dьlžiti* (ЭССЯ 4: 211 — **dьlžiti*). Потенційний праслов’янізм — **dьlžьba*, — відсутній в ЭССЯ та SP.

Жджер, жджарі мн. ‘пасовище з пересихаючим джерелом і річечкою’ (Аркушин 1: 153). Додатковий факт до псл. **jьzžarь*, відновленого на матеріалі чеської мови (ЭССЯ 9: 103). На ономастичному рівні має відповідники в українській, білоруській, польській, словацькій, чеській, нижньолужицькій мовах. Див. Шульгач 1998: 116.

Жовна ‘великий нарив на тілі’ (Аркушин 1: 158). Споріднене з блр. діал. *жаўна*, *жаўны* мн. ‘чиряк, нарив’ (СПЗБ 2: 144), чеськ. *žluna* ‘пухлина’. До псл. **žьlna* — одного з апофонічних варіантів і.-с. **gel-* ‘м’яти, здавлювати; що-небудь округле; грудка, куля’ (Рокорну I 357).

Каркай ‘гладка потилиця людини’ (Аркушин 1: 212). Архаїзм праслов’янської доби, пропущений в ЭССЯ. Ареал рефлексів можна розширити за рахунок антропонімії: укр. *Куркай*, рос. *Карькаев* (м. Євпаторія), хорв. *Kerkaj* (Leksik 291). Псл. **kьrkajь* словотвірно пов’язане з **kьrkь*, серед продовжень якого засвідчено факти із значенням ‘потилиця’, ‘шия’ (ЭССЯ 13: 218).

Клеха ‘колоша штанів’ (Аркушин 1: 225). Метатезний варіант первісного **келха* < **кълха*. Праслов’янський діалектизм. Пор. також західнополіське **клехати** ‘іти накульгуючи’ (там само) < **келхати* < **кълхати*. Стосовно вокалізму кореня вкажемо ще на укр. *келаш* ‘різновид глиняної посуду; очевидно, те саме, що *келих*’ (Яворницький I 345) — вторинна форма із вставним *-а-*, із псл. **кълшь* < **кълх-ъ*. Явище метатези ілюструють також однокореневі укр. діал. *клишань* ‘людина, що кульгає або волочить ноги’ (Паламарчук 26) < **килшань* < **кълшань* < **кълшань*, рос. діал. *клошни* мн. ‘плітки, пересуди’ (СРНГ 13: 309) < **колшни* < **кълшьнь* / **кълшьн’а* і под.

Ковтас ‘китиця біля хустки, скатертини і т. ін.’ (Аркушин 1: 231). Має аналог у територіально віддаленому (бойківському) *ковтас* ‘китиця’, *ковтасик* ‘шнурок з китицями для зав’язування коміра’ (Онишкевич 1: 363) < **кълтасъ*. Потенційний праслов’янізм. Стосовно мотивуючої (кореневої) морфемі пор. слов’янську лексику, зібрану під гаслом **кълтъ*, особливо д.-руськ. *колты* мн. ‘сережки з підвісками’ (ЭССЯ 13: 192). Генетично з *ковтас* пов’язані іносугфіксальні **кувтагий** ‘з довгою шерстю’ та **ковтастий** ‘такий, що має довгу шерсть (про собаку)’ (Аркушин 1: 232, 263) < **кълт-ат-ъъь*, **кълт-аст-ъъь*.

Корза ‘деталь головного убору заміжньої жінки у формі обруча, на який закручували волосся, кибалка’ (Гримашевич 75). Ідеальне продовження псл. **кърза*, яке, судячи з дефініції, повинно тлумачитися в гнізді і.-є. **(s)ker-* ‘гнути, кривити; крутити, вертїти’. Аналізоване слово споріднене з поліським **кирза** ‘бромус польовий; *Bromus arvensis* L.’ (Аркушин 1: 220) < **кърза*. В ЕССЯ словникова стаття **кърза* не представлена.

Корзно ‘верхній одяг, схожий на плащ’ (Гримашевич 72). Субстантивована форма первісного ад’єктива **кързьньъь*. До гнізда псл. **кързьно* (ЭССЯ 13: 244), де матеріал української мови відсутній.

Коріх ‘нижня частина снопа’ (Аркушин 1: 243). Співвідноситься з **кірихі** мн. ‘т.с.’, а також **кірух**, **карух** ‘шлунок тварини’, **корих** ‘товстіший кінець віника’ (Аркушин 1: 223, 243), які об’єднуються на основі більш загального значення *‘що-небудь округле, опукле’. В усіх наведених формах розвинулися секундарні голосні після плавного, тобто їх можна звести до первісного **корх*. Доповнення до гнізда псл. **кърхъ(ъь)* (ЭССЯ 13: 215).

Купр, **купер** ‘кінчик хустки’ (Гримашевич 80). Метатезні варіанти первісного **купрн* (*купер* — форма з секундарним *-е-*). Додатковий факт до словникової статті **къррь* (ЭССЯ 13: 240 — без українського матеріалу).

Скувирда ‘анемона’ (Аркушин 2: 153). Рефлекс псл. **skovьrda* (? **skovьrda*). Щодо вокалізму кореня пор., наприклад, **вирбина** ‘зарості верби’ (Аркушин 1: 58) < **vьrbina*, **дирза** ‘вівсюнець звичайний; *Avena fatua* (L.)’ (Аркушин 1: 133), **задирза** ‘задерта шкіра навколо нігтя на пальці руки’ (Аркушин 1: 160) < **za-dьrza*, **кирчак** ‘залишок скаліченої руки чи ноги’ (Аркушин 1: 220) < **kьrčakъ* і под.

Сопоня ‘чоловічий пояс’ (Аркушин 2: 162). Швидше за все, це форма з ослабленою лабіалізацією голосного в префіксі, яка сягає **супоня* < **sqpon'a*. Пор. семантично близьке укр. *супоня* ‘ремінь, яким стягують хомут’ (Грінченко 4: 230). Сюди ж *Супоня* — сучасне прізвище. Щодо фонетичного розвитку *-q-* (> *(-y-)* > *-o-* пор., наприклад, укр. діал. (бойківське) *сопружа* ‘подружжя’, *сотуга*, *сутуги* мн. ‘клепка’ (Онишкевич 2: 237, 239) < **sqprqъje*, **sotoga*, а також *отроба* ‘тельбухи’ (Онишкевич 2: 30) < **qtroba*.

Сувора ‘ув’язь, яка з’єднує капиці ціпа і бияка’ (Аркушин 2: 184). До псл. **sqvora*.

Телебух ‘нутроці тварини’ (Аркушин 2: 194). Форма з секундарним *-e-*, пор. **тельбух**, **тельбо** ‘великий живіт’, ‘людина з великим животом’, **тильбати** ‘такий, що має великого живота’ (Аркушин 2: 195, 199). Ці факти можуть бути використані як ілюстративний матеріал до потенційних праслов’янських гасел **tьlbo*, **tьlbuxъ*, **tьlbatъjь*. Стосовно генетично спорідненого матеріалу наведемо ще деякі факти української мови: *товба* ‘неповоротка, незграбна, товста жінка; інколи про чоловіка’ (Грінченко 4: 269), діал. ‘огрядна жінка’ (СлБГ 547), *толба* ‘кожух з ледь помітним перехватом, в талію, але без складок’ (Грінченко 4: 272) < **tьlba*, *тельбух* ‘хлопець-підліток’ (СлБГ 542), *толбуша* ‘риба *Leuciscus cephalus* L., товстолобик’ (Дейниченко 89) < **tьlbux-j-a*, а також сучасні прізвища *Товба*, *Толба*, *Тувба*, *Тулба*, *Тульба*, *Товбух*, *Товбик*, *Товбич*, *Толбан*, *Тельбас*, *Тельбес*, *Тельбиш* і под. Реалізація бінарної групи *ьl* > *-ол-* (*-ов-*), *-ел’-*, *-ул-* (*-ув-*) для структур *tьlt* закономірна в межах українського лінгвального континууму.

Цьолда, варіант **цьовда** ‘льодова бурулька’ (Аркушин 2: 245). Постає з **чолда* / **човда* (нерозрізнення *ц’* і *ч’* у говірці) і континують псл. **цьлда*. В ЕССЯ та SP пропущено.

Чикунда ‘крива нога’, *чикінда* ‘людина, яка кульгає’ (Аркушин 2: 251). Обидві форми продовжують псл. **čekьлда* (з урахуванням явища асиміляції плавного *-л-* у позиції перед зубним *-д-* та рефлексії *ьl* > *-ул-*, *-іл-*). В ЕССЯ та SP пропущено. Стосовно ареалу пор. ще блр. діал. *чыкільда* ‘кульгава людина’ (ТС 5: 305), *чыкында* ‘т.с.’ (Клімчук 52), рос. діал. *чекунда* ‘жінка, яку залишив чоловік’ (Кра-

снояр. сл. 417). Явище денталізації плавного спостерігаємо й у деяких інших західнополіських діалектизмах, наприклад: **кандуха** ‘товста жінка’ (Аркушин 1: 208) < *калдуха < *кълдуха; **кендюх** ‘старий порватий одяг’ (Гримашевич 64) < *келдюх < *кълд’ихъ; **кенді** мн. ‘грубі калоші на валянки або валянки з такими калошами’ (Гримашевич 64) < *кълди; **кандали** ‘взуття з дерев’яними підошвами’ (Гримашевич 59) — мн. від *кълdadlo; **шкандиб**, **шкандиби** мн. ‘старі чоловічі чоботи’ (Гримашевич 178) < *скъldobъ та ін.

Чарбан, **чарбани** мн. ‘чоловічі зимові чоботи’ (Гримашевич 169). З первісного *čьrbань. Доповнення до лексико-словотвірної мікросистеми з основою *čьrb-, описаної нами раніше (Шульгач 2002: 183–187). Там же про вокалізм кореневих структур зразка *ьрт*.

Чимбір ‘жіночий вишитий пояс’ (Гримашевич 171). Рефлекс первісного *čьlборъ (з позиційною лабіалізацією плавного). На основі суфіксальної варіантності співвідноситься з псл. *čьlбаръ, *čьlburъ, відновлених в: Казлова 2003: 93–95.

Для діалектного **шемуруде** (варіант *шемуруде*) ‘капуста, що не склалася в головку’ (Аркушин 2: 262, 263) можна відновлювати прототип *šemordьje — дериват з архаїчним префіксом *še-. Щодо структури співвідноситься з блр. діал. *шымородьде* ‘дріб’язок (тріски, гілки і под.)’ (Міхайлаў 99), а також псл. *xamordь, *xumordь (ЭССЯ 8: 18, 157).

Шкарб ‘старе розтоптане взуття’ (Гримашевич 178). Лексичний архаїзм, континуант псл. *skьrbъ. Пор. ще укр. *шкорба* ‘стара, висохла, зморщена жінка’ (Грінченко 4: 502) < *skьrba — парадигматичний варіант жіночого роду. Зауважимо, що семантика аналізованого слова властива й деяким суфіксальним дериватам, зокрема: укр. діал. **шкарбани**, **шкурбани** ‘зношені постолі’, ‘зношене взуття’ (Пономар 181) — мн. від *skьrbань, **шкарбун** ‘стоптаний чобіт або черевик’ (Аркушин 2: 267), *шкорбани* ‘зношене взуття’ (Жегуц/Піпаш 165), чеськ. діал. *škarbala*, *škarbale* мн. ‘старе зношене взуття’ (Рірка 190).

Вкажемо ще на кілька лексичних архаїзмів, в яких відбився діалектний перехід анлаутного *с-* > *ш-*: **ширматий** ‘широкий’ (Аркушин 2: 265) < *сьрматий < *сьрматьjь; **шерхнути** ‘починати замерзати’ (Аркушин 2: 262) < *сьрхноти; **ширш** ‘кровососна комаха (?)’ (Аркушин 2: 265) < *сьршь; **штурмак** (на *штурмак*, *штурмаком*) ‘спосіб зав’язування хустки довкола голови так, щоб кінці були ззаду’ (Пономар 181) < *сьрмакъ; **шурпатися** ‘загортатися в теплий одяг’ (Гримашевич 182) < *сьрпати сь; **шурпи** ‘кучері’ (Аркушин 2: 279) < *сурпи — мн. від *сьрпа / *сьррь. До рефлексів останнього відносимо також блр. діал. *шурпа* ‘неохайна жінка’ (ТС 5: 340), рос. діал. *сарпа*

‘бур’ян’ (СРНГ 36: 147), *сурна* ‘корзина з очерету’ (Доп. 260), *сурьна* ‘ловушка на рибу’ (Подвысоцкий 168), якому в говірках Середнього Уралу відповідають *сарна*, *сурна*, *сырна* (СРГСУ 6: 44), та ін. Сказане дає підстави розцінювати лит. *šiuŗpa* як запозичення зі слов’янських мов (найімовірніше — з білоруських діалектів), а не навпаки, як стверджує Ю.А. Лаучюте (Лаучюте 1982: 25–26).

До словотвірного гнізда з коренем **syŗp-* належить також укр. діал. **шурпаний** ‘кучерявий’ (Аркушин 2: 278), співвідносно з укр. діал. *шурпати* ‘худий, миршавий; шолудивий’ (Лисенко 237), блр. діал. *шурпаты* ‘кострубатий’ (Касьпярович 356), ‘зібраний у складки’, ‘бугристий’, *шарпаты* ‘потрісканий, шурпаний’ (СПЗБ 5: 508), пол. *szarpaty* ‘кострубатий’ (Brückner 558). З ними співвідносяться сучасні прізвиська, зокрема: укр. *Шарпата* ж., рос. *Сарпатый*, *Шарпатый*, *Шарпатов*, пол. *Szarpatowski* і под. Детальніше див. Шульгач 2006.

Процедура вилучення праслов’янських лексичних старожитностей з-поміж діалектної лексики Правобережного Полісся може бути продовжена.

Література

- Аркушин** — Г. Л. Аркушин, *Словник західнополіських говірок*, Т. 1–2. Луцьк, 2000.
- Горбач** — О. Горбач, *Південнолемківська говірка й діалектний словник села Красний Брід бл. Меджилаборець (Пряшівщина)*. Мюнхен, 1973.
- Гримашевич** — Г. І. Гримашевич, *Словник назв одягу та взуття середньополіських і суміжних говірок*. Житомир, 2002.
- Гуцульщина** — *Гуцульщина. Лінгвістичні етюди* / Відп. ред. Я. Закревська. Київ, 1991.
- Дейниченко** — Н. П. Дейниченко, *Питання вивчення зоологічної лексики рідного краю в курсі «Українська діалектологія»*. (Методичні поради). Суми, 1984.
- Доп.** — *Дополнение к Опытному областного великорусского словаря*. Санкт-Петербург, 1858.
- Жегуц/Піпаш** — І. Жегуц, Ю. Піпаш, *Словник гуцульського говору в Закарпатті*. Мюнхен, 2001.
- Казлова 2000** — Р. М. Казлова, *Беларуская і славянская гідранімія: Праславянські фонд*, Т. І. Гомель.
- Казлова 2003** — Р. М. Казлова, *Славянская гідранімія: Праславянські фонд*, Т. ІІІ. Гомель.
- Кардашевский** — С. М. Кардашевский, *Курско-орловский словарь (Материалы для изучения лексики курско-орловских говоров), Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. Труды кафедры русского языка*, Т. 48. Вып. 4. М., 1957, 135–359.

- Касьяровіч** — М. І. Касьяровіч, *Вицебскі краёвы слоунік (матар'ялы)*. Віцебск, 1927.
- Клімчук** — Ф. Д. Клімчук, 3 лексікі вёсткі Камянюкі Камянецкага раёна, *Жывое народнае слова: Дыялекталагічны зборнік* / Рэд. П. А. Міхайлаў, І. Я. Яшкін. Мінск, 1992, 36–55.
- Краснояр. сл.** — *Словарь русских говоров южных районов Красноярского края*. Изд. 2-е. Красноярск, 1988.
- Лаучюте** — Ю. А. Лаучюте, *Словарь балтизмов в славянских языках*. М., 1982.
- Лисенко** — П. С. Лисенко, *Словник поліських говірок*. Київ, 1984.
- Міхайлаў** — П. А. Міхайлаў, 3 лексікі роднай вёсткі, *Народная лексіка* / Рэд. А. А. Крывіцкі, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1997, 91–100.
- Онишкевич** — М. Й. Онишкевич, *Словник бойківських говірок*, У 2 ч. Київ, 1984.
- Паламарчук** — Л. С. Паламарчук, Словник специфічної лексики говірки с. Мусі-ївки (Вчорайшенського району, Житомирської обл.), *Лексикографічний бюлетень*, Вип. VI / Гол. ред. В. С. Ільїн. Київ, 1958, 36–55.
- Подвысоцкий** — А. И. Подвысоцкий, *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. Санкт-Петербург, 1885.
- Пономар** — Л. Пономар, *Назви одягу Західного Полісся*. Київ, 1997.
- СПЗБ** — *Слоунік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча*, Т. 1–5 / Рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1980–1986.
- СлБГ** — *Словник буковинських говірок* / Ред. Н. В. Гуїванюк. Чернівці, 2005.
- Тимченко** — Є. Тимченко, *Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст.*, Кн. 1–2. Київ, 2003.
- Шило** — Г. Ф. Шило, *Наддністрянський регіональний словник* (Рукопис).
- Шульгач 1998** — В. П. Шульгач, *Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції)*. Київ.
- Шульгач 2002** — В. П. Шульгач, Кашуб. *šurbak* і споріднена слов'янська лексика, *Linguistica slavica: Ювілейний збірник на пошану Ірини Михайлівни Желєзняк* / Відп. ред. В. П. Шульгач. Київ, 183–187.
- Шульгач 2006** — В. П. Шульгач, *Слов'янська антропонімна лексика з основою *Сърп- (праслов'янський шар)* (в друку).
- Яворницький** — Д. І. Яворницький, *Словник української мови*, Т. І. Катерино-слав, 1920.

*

Leksik — *Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske*. Zagreb, 1976.

Ripka — I. Ripka, *Vecný slovník dolnotrenčianskych nářečí*. Bratislava, 1986.

Viktor Petrovič Šul'hač (Kyiv)

**An etymological look at some lexical archaisms from Ukrainian vernaculars
of the Woodlands (Polissya) on the right bank of the Dniepr**

Summary

The aim of the present paper consists in tracing a series of Polissyan lexical archaisms back to their Common Slavic protoforms. A good deal of them are terms belonging to the semantic group 'clothing and footwear': *borsuk* 'a kind of bast shoes' < **bъrsukъ*; *čymbir* 'embroidered female belt' < **čьlborъ*; *klecha* 'trouser leg' < **кълха*; *kovtas* 'tassel' < **кълтасъ* (with the adjective *kovtastyj* 'long-haired (of dogs)' < **кълтастъjь*); *korza* 'a part of the headdress of a married woman' < **кърза*; *korzno* 'a cloak-like outerwear' < **кързѣно*; *škarb*, *škurbany* 'old worn out shoes' < **skъrbъ*, **skъrbанъ*; *soponja* 'male belt' < **sopon'a*; *šturmak* 'a way of tying a kerchief around the head' < **stъrmakъ*; *šurpatysja* 'to dress warmly' < **sъrpati se*. Among other words discussed here there are few designating (human or animal) body (parts): *balbaji* 'eyes' < **бълбajь*; *bajdur* 'a tall man' < **бълдуръ*; *čikunda* 'a bowed leg' < **čekъlda*; *klechaty* 'to hobble' < **кълхати*; *karkaj* 'nape' < **къркаjь*; *šurpy* 'curls' < **сърпа* / **сърръ*; *tel'bo* 'a big belly' < **тълбо*; *til'baty* 'paunchy' < **тълбатъjь*; *telebuch* 'animal entrails' < **тълбухъ*; some agricultural terms: *dovžba* 'deep tillage' < **dъlžьba*; *hurma* 'crowd, herd' < **гърма*; *ždžer* 'pasturage with a drying up spring and stream' < **жъžerъ*; *korich* 'lower part of a sheaf or haystack' < **кърхъ*; *suvora* 'a tie connecting the handle of a flail with its free-swinging stick' < **sovora*; *šemurudje* 'a cabbage with head undeveloped' < **šemordъje*; further *skuvyrda* 'anemone' < **skovъrda* / **skovъrda*, *c'olda* 'icicle' < **čъlda*; *šyrmatyj* 'vast, wide' < **сърматъjь*, etc.

v.shulgach@mail.ru

ОПШТА ЛИТЕРАТУРА

- Абаев** — В. И. Абаев: *Историко-этимологический словарь осетинского языка I–IV*, Москва / Ленинград 1958–1989.
- Аникин 2000** — А. Е. Аникин: *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. 2-е изд., испр. и доп., Москва / Новосибирск.
- Аникин 2005** — А. Е. Аникин: *Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке*, Новосибирск.
- БД** — *Българска диалектология. Проучвания и материали*, София 1962–.
- БЕР** — *Български етимологичен речник*, София 1971–.
- Вук** — В. Стефановић Караџић: *Срѣски рјечник*, Београд 1898з.
- Гамкрелидзе/Иванов** — Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов: *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*, I–II Тбилиси 1984.
- Геров** — Н. Геров: *Речник на българския език I–V; Дополнение*, Пловдив 1895–1908.
- Гринченко в. Грінченко**.
- Грінченко** — Б. Д. Грінченко: *Словарь української мови / Словарь украинского языка I–IV*, Київ 1907–1909.
- ГСБМ** — *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, Мінск, 1982–.
- Даль** — В. И. Даль: *Толковый словарь живого великорусского языка I–IV*, Москва 1863–1866; **Даль₂** = издание второе исправленное и значительно умноженное по рукописи автора, Санкт-Петербург / Москва 1880–1882, репринт 1955; 1956; 1978–1980; 1981; **Даль₃** = исправленное и значительно дополненное издание, под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, Санкт-Петербург / Москва 1903–1909, репринт 1912–1914.
- Даничић** — Ђ. Даничић: *Рјечник из књижевних старина српских I–III*, Београд 1863–1864.
- ДРС** — *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, Москва 1988–.
- Елезовић I–II** — Г. Елезовић: *Речник косовско-мештохиског дијалекта* (I = СДЗБ IV/1932, II = СДЗБ VI/1935).
- ЕРСЈ** — *Етимолошки речник српског језика*, Београд 2003–.
- ЕСУМ** — *Етимологічний словник української мови*, Київ 1982–.
- ЭСБМ** — *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, Мінск 1978–.
- ЭССЯ** — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, Москва 1974–.
- ЭСТЯ** = Севортян.
- Желеховский** — Е. Желеховский: *Малоруско-німецкий словарь I–II*, Львів 1886.

- Младенов** — С. Младенов: *Етимологически и правописен речник на българския книжовен език*, София 1941.
- Преображенский** — А. Г. Преображенский: *Этимологический словарь русского языка 1–2*, Москва 1959.
- Радлов** — В. В. Радлов: *Опыт словаря тюркских наречий I–IV*, Санкт-Петербург 1888–1911.
- РБЕ** — *Речник на българския език*, София 1977–.
- РМЈ** — *Речник на македонскиот јазик со срѣскохрватски шолкувања*, Скопје 1986.
- РМС** — *Речник срѣскохрватскога књижевног језика 1–6*, Нови Сад / Загреб 1967–1976.
- ПРОДД** — *Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век*, София 1974.
- РСА** — *Речник срѣскохрватског књижевног и народног језика САНУ*, Београд 1959–.
- РСБКЕ** — *Речник на съвременния български книжовен език I–III*, София 1955–1959.
- СБНУ** — *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина*, София 1889–.
- СГРС** — *Словарь говоров русского Севера*, Екатеринбург 2001–.
- СДЗб** — *Срѣски дијалектшолошки зборник*, Београд.
- Севортян** — Э. В. Севортян: *Этимологический словарь тюркских языков*, Москва 1974–.
- Симоновић** — Д. Симоновић: *Ботанички речник*, Београд 1959.
- СРГСУ** — *Словарь русских говоров Среднего Урала 1–7*, Свердловск 1962–1988, *Дополнения*, Екатеринбург 1996.
- Срезневский** — И. И. Срезневский: *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам I–III*, Санкт-Петербург 1893–1912.
- СРНГ** — *Словарь русских народных говоров*, Москва / Санкт-Петербург (раније: Ленинград) 1965–.
- СРЯ XI–XVII вв.** — *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, Москва 1975–.
- СРЯ XVIII в.** — *Словарь русского языка XVIII века*, Санкт-Петербург (раније: Ленинград) 1984–.
- ССЯ** — *Словарь старославянского языка I–IV*, Санкт-Петербург 2006.
- Топоров** — В. Н. Топоров: *Прусский язык*, 1–5, Москва 1975–1989.
- Трубачев 1959** — О. Н. Трубачев: *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*, Москва.
- ТС** — *Турајски слоўнік 1–5*, Мінск 1982–1987.
- ТСБМ** — *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы 1–5*, Мінск 1977–1984.
- Фасмер** — М. Фасмер: *Этимологический словарь русского языка*, пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, I–IV, Москва 1986–1987₂.
- Филипова-Байрова** — М. Филипова-Байрова: *Грѣцки заемки в съвременния български език*, София 1969.
- Хориков/Малев** — И. П. Хориков, М. Г. Малев: *Новогреческо-русский словарь*, Москва 1993.

Черных — П. Я. Черных: *Историко-этимологический словарь современного русского языка I*, Москва 1993.

Шанский — Н. М. Шанский: *Этимологический словарь русского языка*, Москва 1963–.

*

Berneker — E. Berneker: *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg 1908–1913.

Bezljaj — F. Bezljaj: *Etimološki slovar slovenskega jezika 1–4*, Ljubljana 1977–2005.

Boryś — W. Boryś: *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków 2005.

Brückner — A. Brückner: *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków 1927.

Buck — C. D. Buck: *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas*, Chicago / London 1949, репринт 1971.

Chantraine — P. Chantraine: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque I–IV*, Paris 1968–1980.

Ciorănescu — A. Ciorănescu: *Diccionario etimológico rumano*, Tenerife 1966; перевод на румынски: *Dicționarul etimologic al limbii române*, București 2001₂.

ČDL — M. Hraste, P. Šimunović, R. Olesch: *Čakavisch-deutsches Lexikon I*, Köln / Wien 1979.

Dauzat/Dubois/Mitterand — A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand: *Nouveau dictionnaire étymologique et historique*, Paris 1964.

DELI — M. Cortelazzo, P. Zolli: *Dizionario etimologico della lingua italiana 1–5*, Bologna 1979–1988.

Ducange — Ch. du Fresne, sieur du Cange: *Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis*, Lugduni MDCLXXXVIII, репринт I–II Graz 1958. _

Ernout/Meillet — A. Ernout, A. Meillet: *Dictionnaire étymologique de la langue latine*, Paris 1951₃, avec additions et corrections nouvelles par J. André I–II, Paris 1959–1960₄, репринт 1994.

ESJS — *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*, Praha 1989–.

ESSJ — F. Kopečný, Vl. Šaur, V. Polák: *Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena I–II*, Praha 1973–1980.

ĚSBM в. ЭСБМ

ĚSSJa в. ЭССЯ

Eyuboğlu — İ. Z. Eyuboğlu: *Türk Dilinin Etimoloji Sözlüğü*, İstanbul 1991.

EWU — *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen I–III*, Budapest 1993–1997.

Fasmer в. Фасмер.

Fraenkel — E. Fraenkel: *Litauisches etymologisches Wörterbuch I–II*, Göttingen 1962–1965.

Frisk — H. Frisk: *Griechisches etymologisches Wörterbuch I–III*, Heidelberg 1973–1979₂.

FShS — *Fjalor shqip-serbokroatisht*, Prishtinë 1981.

Gamkrelidze/Ivanov в. Гамквелидзе/Иванов.

Gebauer — J. Gebauer: *Slovník staročeský I–II*, Praha 1903, репринт 1970.

- Holub/Kopečný** — J. Holub, F. Kopečný: *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha 1952.
- Hrinčenko** в. Гринченко.
- HSSJ** — *Historický slovník slovenského jazyka*, Bratislava 1991–.
- Jungmann** — J. Jungmann: *Slovník česko-německý I–V*, Praha 1835–1839, репринт 1989–1990.
- Karłowicz** — J. Karłowicz: *Słownik gwar polskich 1–6*, Kraków 1900–1911.
- Kluge** — F. Kluge: *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*, **Kluge₂₀** = 20. Auflage bearbeitet von W. Mitzka, Berlin 1967; **Kluge₂₃** = 23. Auflage bearbeitet von E. Seebold, Berlin / New York 1999; **Kluge₂₄** = 24, durchges. und erw. Aufl. 2002.
- Knežević** — A. Knežević: *Die Turzismen in der Sprache der Kroaten und Serben*, Meisenheim am Glan 1962.
- LBG** — *Lexicon zur byzantinischen Gräzität, besonders des 9.–12. Jahrhunderts*, Bd. I A–K, Wien 2001.
- Liddell/Scott** — H. G. Liddell, R. Scott: *A Greek-English Lexicon*. Revised and augmented throughout by H. S. Jones with the assistance of R. McKenzie, Oxford, Clarendon Press 1940, више пута прештампаван, електронска верзија на <http://www.perseus.tufts.edu/>.
- LIV** — *Lexikon der indogermanischen Verben*, Wiesbaden 2002.
- Machek** — V. Machek: *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha 1968, репринт 1971.
- Machek 1954** — V. Machek: *Česká a slovenská jména rostlin*, Praha.
- Mayrhofer EWAia** — M. Mayrhofer: *Etymologisches Wörterbuch des Altindiarischen I–III*, Heidelberg, 1992–2000.
- Mayrhofer KEWA** — M. Mayrhofer: *Kurzgefaßtes Etymologisches Wörterbuch des Altindischen I–IV*, Heidelberg 1956–1980.
- Meyer** — G. Meyer: *Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache*, Strassburg 1891.
- Meyer-Lübke** = REW
- Miklosich** — F. Miklosich: *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, Wien 1886.
- Miklosich 1–4** — F. Miklosich: Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen, *Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*, Philos.-hist. Cl. 34/1884, 239–326 (1), 35/1885, 105–192 (2), Nachträge 37/1889, 1–88 (3), 38/1890, 1–194 (4).
- MLP** — F. Miklosich: *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, Vindobonae 1862–1865.
- MNyTESz** — *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I–III*, Budapest 1967–1976.
- Muka** — A. Muka: *Slovník dolnoserbskeje řečy a jeje narěcow I–II*, Petrograd / Praha 1921–1928.
- Orel** — V. Orel: *Albanian Etymological Dictionary*, Leiden / Boston / Köln 1998.
- Papahagi** — T. Papahagi: *Dicționarul dialectului aromân, general și etimologic I–II*, București 1963.

- Pleteršnik** — M. Pleteršnik: *Slovensko-nemški slovar* I–II, Ljubljana 1894–1895, ре-принт 2006.
- Pokorny** — J. Pokorny: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* I–II, Bern / München 1959–1969.
- Polañski** — K. Polański: *Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich* 1–6, Wrocław / Warszawa 1962–1994.
- PSJČ** — *Příruční slovník jazyka českého* I–VI, Praha 1947–1960.
- Redhouse** — *Yeni Türkçe-İngilizce Redhouse Sözlük*, İstanbul 1988₁₀.
- Rejzek** — J. Rejzek: *Český etymologický slovník*, Voznice 2001.
- REW** — W. Meyer-Lübke: *Romanisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg 1935₃.
- RJA** — *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika JAZU* I–XXIII, Zagreb 1880–1976.
- Sadnik/Aitzetmüller 1955** — L. Sadnik, R. Aitzetmüller: *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*, 'S-Gravenhage.
- Schuster-Šewc** — H. Schuster-Šewc: *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache* I–IV, Bautzen 1978–1989.
- SDRJa** = ДРС
- SDZb** = СДЗб.
- SEK** — W. Boryś, H. Popowska-Taborska: *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny* 1–5, Warszawa 1994–2006.
- SJS** — *Slovník jazyka staroslověnského = Lexicon linguae Palaeoslovenicae* I–IV, Praha 1966–1997.
- Skok** — P. Skok: *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* I–IV, Zagreb 1971–1974.
- Sławski** — F. Sławski: *Słownik etymologiczny języka polskiego* 1–5, Kraków 1952–1982.
- Sławski 1974** — F. Sławski: Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego, SP 1:43–141.
- Snoj** — M. Snoj: *Slovenski etimološki slovar*, Ljubljana 1997, 2003₂.
- Sophocles** — E. Apostolides Sophocles: *Greek lexicon of the Roman and Byzantine pe-riods*, revised edition I–II, New York 1887, репринт Harvard 1992.
- SP** — *Słownik prasłowiański*, Wrocław etc. 1974–.
- Sreznevskij** в. Срезневский.
- SSJ** — *Slovník slovenského jazyka* I–VI, Bratislava 1959–1968.
- SSKJ** — *Slovar slovenskega knjižnega jezika* I–V, Ljubljana 1970–1991.
- SSN** — *Slovník slovenských nářečí*, Bratislava, 1994–.
- SSp** — *Słownik staropolski*, Warszawa 1953–.
- StčS** — *Staročeský slovník*, Praha 1968–.
- SW** — J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki: *Słownik języka polskiego* I–VIII, Warszawa 1900–1927, репринт 1952–1953.
- Sychta** — B. Sychta: *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej* 1–7, Wrocław etc. 1967–1976.
- Škaljić** — A. Škaljić: *Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku*, Sarajevo 1966.
- Tietze** — A. Tietze: *Tarihi ve Etimolojik Türkiye Türkçesi Lugatı*, I A–E, İstanbul / Wien 2002.

- Tiktin** — H. Tiktin: *Rumänisch-deutsches Wörterbuch* I–III, 2. überarbeitete und ergänzte Auflage von P. Miron, Wiesbaden 1986–1989.
- Trautmann** — R. Trautmann: *Baltisch-Slavisches Wörterbuch*, zweite Auflage, Göttingen 1970.
- TSB** в. ТСБМ.
- Vaillant** — A. Vaillant: *Grammaire comparée des langues slaves* I–IV, Paris / Lyon 1950–1974.
- Vasmer** — M. Vasmer: *Russisches etymologisches Wörterbuch* 1–3, Heidelberg 1953–1958.
- Vasmer 1941** — M. Vasmer: *Die Slaven in Griechenland*, Berlin, репринт Leipzig 1970.
- Vinja** — V. Vinja: *Jadranske etimologije* I–III, Zagreb 1998–2004.
- Vuk** в. Вук
- Walde/Hofmann** — A. Walde: *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*, 3. Aufl. von J. B. Hofmann, Heidelberg 1938–1954.
- WP** — A. Walde: *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*, hrsg. u. bearb. von J. Pokorny, I–III, Berlin u. Leipzig 1927–1932.

*

- Ανδριώτης** — N. Ανδριώτης: *Ετυμολογικό λεξικό της κοινής νεοελληνικής*, Τρίτη έκδοση με διορθώσεις και προσθήκες του συγγραφέα, Θεσσαλονίκη 1995.
- Κριαράς** — E. Κριαράς: *Λεξικό της μεσαιωνικής ελληνικής δημόδους γραμματείας*, ττ. 1–14, Θεσσαλονίκη 1969–1997.
- ΛΚΝΕ** — *Λεξικό της νεοελληνικής*, Θεσσαλονίκη 2001.
- Νικολαΐδης** — K. Νικολαΐδης: *Ετυμολογικόν λεξικόν της κουτσοβλάχικης γλώσσης*, Αθήναι 1909.

ИНДЕКС РЕЧИ*

Словенски језици

Прасловенски

- *bagъ 5
- *balamъсь 5
- *barъ 5
- *bĕliti 318
- *bojanъ 176
- *bolto 186
- *borna 188
- *buriti 362
- *bъdolъ 252
- *bъlbajъ 451
- *bъldurъ 451
- *bъrsukъ 452
- *bukъ 426
- *bugati 362
- *bъdolъ 252
- *ĉa(ja)ti 255 дд.
- *ĉakati 260 д.
- *ĉaknŏti 260
- *ĉaslavъ 256
- *ĉavъka 110
- *ĉaznŏti 260
- *ĉekati 261
- *ĉekъlda 454
- *ĉędo, -дъ 425
- *ĉermuš- 309
- *ĉermъslo (?) 313
- *ĉerslo 310 д.
- *ĉersti 311
- *ĉьlborъ 455
- *ĉьlda 454
- *ĉьrmyslo 318
- *ĉьrmъ 314
- *da 100 дд.
- *dal- 363
- *dĕlъ 174
- *dil- 363
- *divъ 197
- *divъсь 197
- *-дъ 428
- *dъbolъ 252
- *dъlъzъba 452
- *dъl- 363
- *gajvornъ 117
- *gala 113 дд.
- *galica, -ъka 113 д.
- *galъ (?) 113 д.
- *gaviti 425
- *gavorna, -нъ 116, 118
- *gluxъ 409 дд.
- *golъ 315
- *gomola 189
- *gorĕti 427
- *gorъkъ 427
- *gostъ 321
- *gŏvenъ (acc.) 426

* Овај индекс је селективан у том смислу што не обухвата сву наведену лексичку грађу, нити упућује на све странице где се једна реч помиње, већ само на место где се она посебно разматра. Селекција је компромис између онога што су аутори означили (или нису означили) да уђе у индекс и уредникове процене. У индексу је спроведено одређено уједначавање у корист најшире прихваћених грађија.

- *govę, *govędo, -дъ 425 д.
 *govъ, -вје 426
 *govъno 425
 *grajvornъ 110
 *grakъ 118
 *gręti 427
 *grozъnъ 215 д.
 *grъkъ 249 д.
 *guliti 315
 *gumati 425
 *gumъnо 425
 *grъdъ 215 д.
 *grъma 452
 *grъrstъ 182
 *xļębati 222
 *xļopati 424
 *xъmelъ 172, 179
 *-ina 126
 *-inъ 425
 *jazva, -vina 176
 *jazvъ, -въсь 176
 *ježъ 176
 *juritі (sę) 355
 *jъгъ(jъ) 357
 *jъzborna 173
 *jъzrod- 342 дд.
 *jъzъagъ 452
 *kabavъjъ 251
 *kat- 67 дд.
 *katъ 70 дд.
 *kava, -vъka 110, 114 дд.
 *kavorna, -nъ 115 д.
 *kleпъ 236
 *klepati 424
 *kl'učъ 223
 *kļopati 424
 *kora 316
 *korę, *koreпъ 426
 *koriti 316
 *kormyslo 318 д.
 *koryto 186 д.
 *korsta 315
 *korva 6, 426
 *kosa 320 д.
 *kositi 321
 *kosnqti (sę) 245
 *kot- 67 дд.
 **kota 73 д.
 *kotiti (sę) 67 дд.
 *kotъ 69 дд.
 *kotъсь 73
 *kurъva 176
 *къbъlъ 252
 *къlxa, -xati 453
 *къltastъjъ, -asъ, -atъjъ 453
 *къгхъ 453
 *къгkajъ 452
 *къгkavъсь 110, 119
 *къgluščъ 315
 *къgza 453
 *къgъno 453
 *къgъbjo- 179
 *letęti 364 д.
 *ļępiti 417
 *lęto 437 д., 444 д.
 *ļęvati 365
 *ļęgati (sę) 250 д.
 *lipnqti 417
 *lizati 84
 *-lo 319
 *lokati 424 д.
 *ļopati 424
 *lqgъ 192
 *lyzgati (sę) 89
 *medovina 175
 *metъla 192
 *męsto 57 дд.
 *mogyla 189 д.
 *motъ (jcl.) 75
 *motъka (jcl.) 75
 *mu- (?) 317
 *muska (?), *muskati 317
 *muzga, *muzgati 317
 *mъkti 316

- *mysliti sę 318
 *myslivъсь (зсл.) 319
 *myslъ 318
 *мъне- 425
 *nalěto 442
 *nazima, -мъје 442
 *neklęčъ 222
 *obgybati 5
 *obkoperiti, -pěriti 36
 *obsoka 317
 *obtorpěti (sę), -piti 431
 *obtorpъ 431
 *obtrupěti, -piti 431
 *obtърpěti, -piti 432
 *obuditi (sę), *obudъ 4
 *orati 295
 *-ošъ 428
 *ovъса, *ovъсь 426
 *рахати 265 дд.
 *рахъ 300 дд.
 *periti 33, 36
 *perti, pьrъ 30
 *plekati 225
 *plęsati 244
 *počiti 256
 *podlětъje 445
 *podzimъ 445
 *pokręta 51 дд.
 *porod'ajъ 342
 *rozimъкъ 444
 *požarati 427
 *požarъ 427
 *požerešъ 427
 *proxa 321
 *prolětъje 446
 *proso 321
 *rađъ 385
 *rod'ajъ 339 дд.
 *rodъ 337 дд.
 *s- 424
 *sermuš- 309
 *sestrinъ 425
 *sědja 185
 *sěmę 426
 *sębrъ 192
 *s'iti, s'iješъ 428
 *s'ъve- 428
 *s'ъve-dъ 428
 *s'ъvenъ 428
 *(s)kora 315
 *(s)kor-lup- 315
 *(s)kor-lusk- 315
 *(s)koro-lušča 315
 *skovъrda, *-vъrda 454
 *skъrbanъ, *skъrbъ 455
 *slavěn- 173
 *slěpъ 409 дд.
 *slizgati 89
 *-slo 310 дд., 319
 **slokati 424
 *slopati 424
 *smukati, *smykati 316
 *sokъ 317
 *sorъka 110
 *sobota 199
 *stati 380
 *stъrmaкъ 455
 *svarъka 110
 *sъlъ 182
 *sъrmatъjъ 455
 *sъrpa, *sъrpъ, *sъrpati sę 455
 *sъto 192
 *šemordъje 455
 **šlokati 424
 *šlopati 424
 *termъ 181
 *torpěti 431
 *traviti 173
 *trupъ 431 дд.
 *tълbatъjъ, *tълbo, *tълbuxъ 454
 *tърpěti 432 д.
 *tърpiti 431 дд.
 *tърpъкъ(jъ) 432
 *urod'ajъ 340

*verti, vьrǫ 29 д.
 *virěti 29
 *vixъгъ 223
 *vornъ, *vorna 109 дд.
 *vьlkolaka 194
 *vьlkodlakъ 195
 *vьlkovуја 197
 *zima 438
 *z'ьvedъ 428
 *z'ьvešъ 428
 *zlorati 424
 *žarъ, *žariti 427
 *želěti 244
 *žeravъ 427
 *živica 230
 *žlokati 424
 *žlopati 424
 *žuliti 315
 *žьgrěti 427

(Старо) црквенословенски

-аѣъ 276 д.
 вадис 278
 вадити 270 дд.
 вадовати сѧ 272 дд.
 вадъ 278, 280, 284
 воевода 177 д.
 вранъ 111
 вѣдъ 242, 245
 градъ 125 д.
 любъ 242
 неблаголюбъць 242
 зьлокъзньнъ 242
 ключити сѧ 223
 ключьнъ 223
 корабль, коравъ 179
 пакость 245
 покрѣта 51 дд.
 ревинътъ 232
 ревитовъ 232
 скралоупа 315
 травити 173
 тѣмъ 181

чапати 255
 чѣсла, чѣслъ 311
 чѣсѣъ 311
 часть 53
 шьвенъ 428
 извъ 176

Македонски

вампир 197
 вапир 197
 вирее 28 д.
 гал 113
 дулак 160
 Ежево 176
 убав 183 д.
 уров 232

Средњобугарски

ваѣаъ 265 дд.
 ваѣничии 266 дд.
 поваѣъ 266 дд.

Бугарски

арч 41 дд.
 бул'ка 165
 булкъ 162
 було 161 дд.
 булу 165 д.
 буль 162
 бурило 188
 вампир(ин) 197
 вѣпър 199
 вирея 28 д.
 виря 28
 войвода 177
 вра 28
 вран 111
 въпер 197
 вѣрколак 194 д.
 гомила 190
 град- 125 дд.
 грѣк 124 д.
 Гърчиново 123 дд.
 дракос 197

дувак 159 д.
 дувале 161
 дулак 160 д.
 зача(й)в'ам се 262
 злорад 245
 изпавам 403 д.
 йурие 352
 катар 77
 катеря се 77
 качул, -ле 158
 кораб 179
 корито 187
 крокон 119
 коури́то 187
 лепир 197
 леса 175
 лизгам 83 дд.
 мастих 234
 музгобелка 317
 наместник 62
 оров 232
 плътеник 197
 попара 179
 ров 232
 сакъзь 236
 теребенгово дърво 236
 торкам 404 д.
 торгосвам се 405
 трасенина, -ница 405 дд.
 уров 232
 фъстък 235
 хардж, харч 41 дд.
 хубав 183 д.
 чаем 255
 юра, юрие 352
 юрийе, юрия 353
 язовец 176

Старосрпски

Копосићи 37
мастихъ 234
рєвитово зръно 232

Српско-хрватски

арач 41
 арија 354
 арч 41
 бйрати 362 д.
 бурило 188
 вирати, вйрити 28 дд.
 војвода 177
 вријети (се) 30 дд.
 врљати 75
 врљика 75
 врљити 75
 вукодлак 195
 вурија 356 д.
 вурити 356
 гал, гао 133
 гибаница 155
 гомила 190
 гравран 116 дд.
 град, градина 75
 дљајити 363 д.
 дувак 157, 159
 духак 159
 жватак 230
 задљајити 363
 закатарити 76
 зачајати 259
 издиг 353
 ирија 354, 356 д.
 италијански лешњачец 232
 ишчајати 259
 једњак 364
 јуд, јуда 232
 јудино дрво, стабло 232
 јудић, јудич 232
 јурдисат 350
 јуревица 232
 јурија 349 дд.
 Јурија 350
 јурити 354 дд.
 јуриш 350, 355
 јуришати 355

- јуртина 353
 кавѐдати 258
 кат 72
 катава 78
 катар 72
 катарати се 77
 катарина 74, 77
 катарити се 77
 катариште 77
 катарка 76
 катаруша, -шка 77
 катарчити се 77
 *катати, *катити 77
 каћа 77
 коваран, коварнути (се) 34
 копијеран, копијернути 35
 копирати 35, 37
 копиркати, копирнут (се) 35
 копор, кѡпорāн 37
 копѡрати 36 д.
 Копорин 37
 копорити 37
 копорнути се 36 д.
 корито 187
 костилъ 236
 кота 74
 котар 73
 котарина 77
 коѡац 75 д.
 Кралупи 315
 краљупина 315
 крокар, кроктач 110, 119
 куновина 236 д.
 лантиск 234
 ланштик, лањстик 233
 летњак, летњик 364 д.
 лешник в. морски л.
 лешњачец в. италијански л.
 лизати 84 д.
 лизгати (се) 83 дд.
 лијетњак, љетник, љетњак 364 д.
 љизгам се 85
 мастика, мастикс 234
 мести, метем 75
 морски лешник 232
 мотка 75
 мискати се, -снуги се 317
 мрта 234 д.
 мртвик, -вика 235
 мртвина, мртина 235
 мрча 235
 мукљив 317
 мусав 317
 набирати се 362
 наљизгам се 86 д.
 ни(ти) вири (ни)ти пири 27 дд.
 оковирка 34
 окопијерити (се) 35 д.
 окопиркати се 34 дд.
 ораси (сиријски), орах (сицилијански)
 232
 орашници, орашчићи 232
 орех египтомски 232
 отилити 365 д.
 очајати 258 д.
 паврљ 75
 пакост 245
 палад 237
 палика 237
 перити 33
 пестак, -ѡац, -ѡача 235
 пирити 27 дд.
 пистак 235
 пистацијски бадеми 232
 Пожар, Пожариште 427
 полѡк(а) 237
 попара 179
 поперити 33
 попирати 33
 попријети 33
 претио 366
 прештугљав, -аст, прештулас(т), пре-
 штуљит 366
 -пријети 30

- пуштаћи 235
 пуштек 235
 ревитов 232
 рогач (дивљи) 232
 саказ (-дрво), сакрз 236
 сашвен 428
 себар 192
 скоруп 315
 смардеј, смарљика 231
 смарца, смарча 235
 смрдеј, смрдељ, смрдећак, смрдљика 231
 смрича, смрка, смрча 235
 смрљ, смрљика 231
 сремеш, сремуш 309
 сренсла, сресла, сријенсла 308
 стријемош, стријемуш 309
 так 74
 тарслака 237
 терпентик, терпентин-дрво 236
 тити 365
 тлајет 363
 травити 173
 трементине цабло 236
 тремесла 309 дд.
 тремза 309
 тренсла 307 дд.
 тренслов, -вина 308
 треслов, -вина 307, 312
 трешња 308
 тријесла 307
 тријесло 312
 трисља, тришаљ, тришља, -шљана, -шљица 237
 тршља, тршљика 237
 убав 183 д.
 удљајити се 363
 урија 351 д.
 Урије 351
 утрина 352 д.
 фурија 357
 фустук 235
 хар(а)ч 41 дд.
 хубав 183 д.
 цигани 18
 цремжа, цремза 308
 цремош 309
 цримза 308
 црна мрта, црномрта 235
 цртало 311
 чаведати 258
 чајати 258
 чајати 255, 259
 чајет 258
 чајити 259
 чресло (кајк.) 312
 шљокат 424
 шмрљика 231

Словеначки
 џајати 255
 čremha 308
 čremsa 308, 314
 črensa 308
 čreslo 311
 gal 115
 gove 425 д.
 govodo 425
 govo 425 д.
 ir 357
 iriti se 357
 jariti se, jeriti se 357
 koren 426
 krokar 110, 119
 lantisk 234
 likati 365
 lopati 424
 mastika, -tik, -tix 234
 mrtvika 235
 musa 317
 muzgati 317
 neurje 223
 nevihta 223
 nevreme 223
 počar, *požar 427

Požár, Požâr 427
 požiralnik 427
 seme 426
 skralup 315
 smrdljika 231
 sremsa 308, 314
 škodoželje, -željen 244
 šlopati 424
 trišlja 237
 uren 357
 vihta 223
 vojvoda 177
 zaleknuti 365
 zlorad 245
 žlampati 424
 žlepati 424
 žlokati 424
 žlopati 424

Словачки

bdol 252
 cigaňska choroba 19 д.
 dbol 252
 doreň, dorn 250
 dóren, dóreň 250
 Grék 249 д.
 Hrkovce 250
 kajbavý 251 д.
 kajboš 251
 lengat' (sa) 250 д.
 mastix 234
 neplecha 224, 226
 okrútká 52
 olengárit' (se) 251
 počat' 256
 škodol'ubý 244
 škodoples 244
 škodoradost' 244
 šlófač 424
 vojvoda 177
 žvendoš 428

Сѣарочешки

dehet 180
 dobřěl'ubý 242 д.
 místo 63
 pokruta, pokrútká 51
 terebentina 236
 třemcha 309
 zlob(a) 242

Чешки

čajátí 255
 gál 113
 bohulibý 243
 Jidášův strom 232
 klěný, kličný, kl'učný 223
 Kralupy 315
 lentišek, lentyšek 234
 mastikový (řečík m.) 234
 mastix, mastixová pryskyřice, -ový
 strom 234
 mastyx 234
 piskacie 235
 pistací, pistácie 235
 neklěný 223
 nekleč 222 д.
 nekl'učný 223
 neohromný 221
 neplecha, neplechý 224 дд.
 nesvár 221 д.
 neurvalý 221
 ohromný 221
 oříški (pistáciové, rajské) 232
 plachý 224 д.
 plechý 226
 plochý 223 д.
 pokroutka 51
 pokroutky 52
 pokruta 51
 pokrutiny 52
 Požár 427
 řečík lentišek, ~ lentiškový 234
 samolibý 243
 střemcha 308 д.

svár 221 д.
 stříslо 310
 škoda 241 д., 244
 škodolibý 242 дд.
 škodoradnost' 243
 terpentín 236
 trava 173
 tráviti 173
 třísla, třístla 311
 tryšla 237
 uherský měsíc 13 д.
 urvalý 221
 vevoda 177
 vraný 111
 zapřít (мор.) 38
 zavřít (мор.) 38

Горьолужички

čachoric so 260
 mastiks 234
 njeplech 224, 226
 pokruta 51
 škodopřejny 244
 zlopřatk, zlopřeće 244
 žlokać, žlokar 424
 žlopać 424

Догьолужички

njeplek 224, 226
 pokšuta, pokšyta 52
 žlokaś 424

Старойольски

czajíc się 257
 d(o)m(a)jzyn, dornajzyn 250
 mastyk, -tyka 234
 pokręta 51

Польски

aňachować, aňakować 8
 ambus 4
 androny 4
 çaćńes, çaćń'eje 262

czajíc się 257
 Judaszowe drzewo 232
 kruk 110
 lentyszek 234
 litewniczka 15 д.
 mastyka, mastyks, mastyksowy 234
 miejsce, miasto 62
 namiestnik 62
 orzeszki pistakowe 232
 pistacja 235
 płochy 224 д.
 Pożar 427
 strzemcha 309
 terpentynowy (drzewo) 236
 trzemcha 309
 vičačńeć 262
 wojewoda 177

Кашуйски

čárměslě 318
 ěpleka 224
 požara 427
 překas 245

Староруски

АКАФИСТЪ 7
АСПИДА 8
ВОРОНОГДИ 117 д.
ВОСКЪ 180
ВОЕВОДА 177
ГАИЯТИ 114, 117
ДЕГОТЬ 180
ИЗБА 180
ИЛИМЕРЪ, ИЛЬМЕНЬ 181
КОРЫТО 186
КОРЯ, -ЕНЕ 426
КОТЫ 70
ЛИМЕНЬ 181
МАСТИГА, МАСТИКА 234
МОГЫЛА 189
МЪСТО 61 дд.
ОВЬСЪ 180
Пожар(ъ) 427

- печь** 180
покрѣста 52
рысь 180
смола 180
солома 180
сѣ(д)жа 185
темьянъ 181
тефемъ 181
тимьянъ 181
трапеца 181
язвь 176
- Руски*
- авень 4
 агисма 7
 азымский 8
 аксамит 7
 акула 6
 акча 7
 аладжа, алача 7
 албанасы 9
 аллакать 8
 алый 7
 аманталов 4
 амбал 8
 амбус 4
 аммаль 8
 андроны 4
 аравона 7
 арба 8
 арравонъ 7
 аспид 8
 аспра, аспрь 8
 атлас 8
 афиянь 7
 афтопудъ 7
 баган 5
 банник 155
 баламука, -мыка 5
 бар 5
 бахать, бахорить, бахоры 4
 белка 318
 Буй 142
- бусор 317
 быгать 5
 вал 75
 валить, валять 75
 Великие Луки 135
 Веря 137 д.
 Ветлуга 143
 воевода 177
 волкулак 195
 вороной 111
 гирвас 6
 Глазов 138
 дряхнуть 260
 Духовщина 138
 дурной 214
 Елец 143 д.
 жерд 75
 завал 75
 зачать(ся), зачатиться 258
 зловредный 245
 злорадный 245
 Зубцов 138 д.
 зыряне, зырянская болезнь 23
 ирей 357
 йудино дерево 232
 каты пл. 70 д.
 катыш 78
 Козлов 139
 кокошка, кокошник 157
 кокуй 158
 Кологрив 139 д.
 Коломна 144 д.
 корлушина 315
 королупы 315
 коромысло 318
 кот, кота, коты 74
 Котельнич 140
 Кронштадт 145
 Курск 145 д.
 Ломов 140 д.
 лызгать 88
 мастика 234

Медынь 146
 место 59 дд.
 мусала, мусли 317
 муслить(ся) 317, 318
 мусока 317
 мусор 317
 мусык 317
 мыс(л)ь 318
 мыслиться 318
 Мышкин 136
 Наровчат 146 д.
 начать, начаять 257
 несварка 221
 обместить 63
 обыгать 5
 овень 4
 овод, овыдня, овыдь 4
 овынь 4
 окопериться 36
 Орел 147
 Оса 147 д.
 оудь 4
 пахать 'agare' 295 дд.
 пахать 'vergere' 296
 плёха 225
 плохой 224 д.
 Повенец 148
 почать 257
 Рязск 148 д.
 сарока 157
 setrollicq 9
 смещать 62
 сорока 157 д.
 сорочка 157
 Старица 136
 стролик 9
 Струги Красные 149 д.
 татарка 20 д.
 терпентинное дерево 236
 туфель, туфля 184
 увёрсистый 35
 удить 4

упырь 197
 фисташка 235
 хляба, хлябать 222
 цыганская жара 17
 чалить(ся) 256
 чело(сь) 256
 чатый 256
 чахнуть 259 д.
 чаять 255, 258
 челитьця 256
 черёмха 308
 чересла 311
 швед 428
 язвец, язвик, язво 176

Українски

байдур 451
 балбаі 451 д.
 бальбатий 451
 балець 155 д.
 бамбоші 452
 бомбош 452
 борсук 452
 вирбина 454
 вирий 357
 вовкулака 195 д.
 вовкун 196
 воевода 177
 гайструк 157
 галь 113
 гбаниця 155
 грайворон 116 дд.
 гурма 452
 дирза 454
 довжба, довжити 452
 жджер 452
 жовна 452
 задирза 454
 зловредний 245
 злорад(н)ий 245
 ирій 357
 кандали 455
 кандуха 455

каркай 452
 карух 453
 кенді, кендюх 455
 кірихі, кірух 453
 кирза 453
 кирчак 454
 клеха, клехати 453
 ковтас, ковтастий 453
 корзз 453
 корзно 453
 коріх, корих 453
 крук, крюк 110
 кувтатий 453
 куп(е)р 453
 мастика, мастикъ, масти(к)сь,
 мастих(в)а 234
 мемозина 199
 муса 317
 поганий 214
 Пожар 427
 скувирда 454
 сопоня 454
 сорока 157
 сувора 454
 телебух, тельбо, тельбух 454
 тильбати 454
 упир 197
 фісташка 235
 хляга, хляка 222
 цьовда, цьолда 454
 чарбан 455
 чер(с)ти, чру 372
 чикунда 454 д.
 чимбір 455
 шемуруде 455
 шерхнути 455
 ширматий 455
 ширш 455
 шкандиб 455
 шкарб, шкарбани, шкарбун 455
 шкурбани 455
 штурмак 455

шурпатий 456
 шурпатися, шурпи 455

Белоруски
 воевода 177
 гаўя 426
 гоўе 426
 зларадны 245
 каралюшчо 315
 лізгаць 84
 масцика 234
 м'есто 62
 муса 317
 мусыка, мусока 317
 пантóпель, -іль 184
 сябёр 192
 фісташка 235
 чатніць 261
Балійски језици

Старойруски
 cłokis 195
 kackint 261
 kērmens 310
 kersle 311
 prasan 321

Литавски
 gāmulas 189
 kàkti 261
 kašėėti 260
 keŗslas 311, 314
 kóvarnis 116
 kriĩnsti 52 д.
 lokỹs 195
 maúkna 316
 maũkti 316 д.
 máuti 317
 mùkti 316
 puđsti 297
 siuvù 428
 skĩrti 311
 -sla 310

smaũkti 316
 šermùkšlè 319
 šermùkšnis 319
 tiĩrti 432 д.
 vaĩnas 109
 vietà 59
 vilkólakis 195

Летонски

cēme 314
 cēermukša 318
 cēermaũkša 309
 kakt 261
 kuõvarnis 116
 sēрмаuksis, sērmũkšs 308
 šķiĩt 311
 šuvu 428
 tiĩrt 432 д.

Ситароиндијски

ã-cake 260
 cāra- 256
 cāyati 256
 gāu- 425
 kāyamana- 260
 muñcāti 316
 moka- 316
 mokša- 318
 pakšá- 299 дд.
 pišá- 427
 sthāna- 59
 hásta- 321

*Иранск и језици**Авесѝа*

asah- авест. 59
 gātu- авест. 59
 kaye'iti авест. 260
 zasta- 321

Сѝароѝерсијски

miθ- стперс. 384

Средњеирански
 varāγ, varāk пехл.

Новоирански

gurgāγ белуц.
 kaṙa-wraγa орм.
 khūb нперс. 183
 mystulæg осет. 318
 vṙēγ, vṙōγ пашт.

Грчки

ἀπομόςσω 316
 ἀφιλάγαθος 242
 ἄψοος 176
 βάλλειν 316
 βᾶρις 278 дд.
 *βόλλω 382
 βρίκελος, -κολος 194
 ἐρέβινθος 232
 θάλασσα 183
 κακόδουλος 246
 κακότεχνος 242
 κακόχαρτος 245
 κείρω 311, 316
 κερτομέω 315 д.
 κόραξ 109 д.
 κορώνη 110
 κρέμ(μ)υον, κρόμ(μ)υον 314
 μορμολύκη 194
 μυδάω 317
 мύδος 317
 мύζω 317
 мύξα 317 д.
 мύртос 232
 ὄροβος 232
 πιστάκιον 235
 σκερβόλλω 316
 σκῶρ 213, 316
 στρατηγός 179
 στρατηλάτης 179
 τέραμνον 181
 терέβινθος 236
 тереμνον, тереμνα 181

- τετήμαι 256
 τηρέω 256
 τομέω 315
 τόπος 59
- Средње- и новогрчки*
 άζος / αζός 175
 αρκογιάγια 195
 αρκοπάππος 195
 άσβος 175 д., 195
 βάλτα
 βάλτο(ν), -ος 175, 186
 Βάραγγος 177
 βεδούριον 175
 βοάνος 176
 βογάτος 175, 195
 βόγ(ος) 175
 βοεάνος 176
 βοεβόδας, -ος
 βόμπιρας 197 д.
 βούλα 163
 βουλκολάκος, βουρκολάκος 193 дд.
 брикóлакас 193 д.
 γιάσβους 175
 γιέξξίους 176
 γκουρύτο 187
 γόμουρας 197
 δόβουλου 160
 δουβάκι 160
 δουβóλ 160
 Εζεβά, Εζοβά 176
 έξξους 176
 έρεβίνθιον 232
 εσβός, έσβος 175
 έχει θάλασσα 183
 ζάκανον 175
 θάλασσα, (τα έκανα ~) 183
 θαλάσσωσα (τα ~) 183
 θυμίαμα 181
 καράβιον, κάραβος 179
 καρούτ 185
 καρούτα 185 д., 189 д.
 Καρύταινα 186
- Καρύτια 186
 καρούτι(ον) 185 д., 189 д.
 κατσούλα, -λι 158
 κνεζ 177
 κορίτος 187 д.
 κουνάδιον 175
 κούρβα 176
 κράλης 175
 λέσα 175
 Λεσνήк 175
 λιμήν, -νας 181
 λοβίνα 175
 λόγγος 182
 λυκογιάγια 195
 λυκοπάππος 195
 Λυκουβές 196
 μαγούλα 189 д.
 Μαγούλα 189
 μαστίχα, -χη 234
 μορμолύκειο(ν) 194
 μουδουβίνα 175
 μπόλια 164
 μποχτσά 156
 μύρον 181
 μύρος 181
 ντίβετσкас 197
 ντουβάк(ι) 160
 όρθώνομαι 405
 παντόφελлон, *-лός 185
 παπάρα 179
 πούλα 163
 ρεβίθι, -θιά 232
 ρίσος 175
 ρόβη, ρόβι 232
 ροβίθι, -θιά 232
 σάλμα 191
 *σάμβατον 199
 σβάρνα 173, 188, 191
 σέμπρος 191
 Σκλάβου 173
 σμεрдάκι 197
 Σουβδελιτία 174

στούμπον 175
 τράπεζα, -έξι(ον) 181
 τσίπα 165 дд.
 φιστίκι, -киά 180, 235
 χουμέλι 172, 179, 192

Албански

baltë 186
 cîpë 165 д.
 erë 356
 fëstëk, fistik 235
 gamule 189
 gomilë 190
 grusht 182
 kaçul 158 д.
 karrutë 186
 kërrutë 186
 koritë 187
 lefyti 365
 lugát 195
 mágulë 189 д.
 Magúla 189
 mastíh, mastíkë 234
 papáre 179
 sakëz 236
 sembër, sëm- 192
 shallë 182
 terebentinë, terp- 236
 urof, urov 232
 vurrkollak, vurrvollak 195

Трачки

del 174

Латински и романски

Латински

aer 357
 arbor Judae 232
 area 351
 aura 356
 bovinus 425
 carabus 179
 carus 260

cerasus 308
 cornix 109 д.
 corvus 110
 curvus 177
 emungere 316
 ervum 232
 ira 356
 lentiscus 232
 malevolentia 246
 malevolus 245
 mucor 318
 mucus 317
 murta 232
 *murtea 232
 mustela 318
 myrta 232
 *myrtea, myrtus 235
 pala 299, 303 д.
 pappá, papparium 179
 partus 340 д.
 pestacia (срлат.) 235
 petulantia 243
 pistacium 235
 putare 258
 scire 258
 sobrinus 425
 terebinthinus 236
 torpëre 431
 torpor 431, 433

Италијански

lentisc(hi)o 234
 maligno 246
 malora 223
 mare magno 183
 mastica 234
 pantofola 184
 pappara 179
 pistacchio 235
 posto 59
 trementina 236

Шпански

malicioso 246
 maligno 246
 sitio 59

Француски

barile 188
 malheur 223
 maligne 246
 Mélusine 199
 pantoufle, pantouflard 184
 pistache 235

Балканскоромански

*sămbătă 199

Румунски

baltă 186
 baļ 156
 beznă 327
 bogdaproste 329
 căciulă 158
 coriță 187
 daiboj 329
 dobândi 330
 dovedi 330
 dulău 332
 fistic 235
 guleai 332
 iznoavă 327
 maliþios 246
 mastică -tihă 234
 movila 190
 măgură 189 д.
 mătură 192
 niznai 332
 năimi 330
 năpădi 330
 osteni 330
 o sută 192
 papără 179
 plivi 330
 primi 330

proklet 332
 prăpădi 330
 răutăcios 246
 șchiau 173
 sluj 333
 stupai 333
 sîmbătă 199
 ter(e)bentină 236
 terebint, termentin, terpentin, trementin,
 trimintim, -tin 236
 valmă 327
 văleat 329
 vodă 177
 voevod, voivod 177

Арумунски

báltă 186
 báltsi, -tsu 156
 cācĵulă 158
 κάρούτă 186
 κατσούλα 158
 lungî 192
 μάγούλă 189
 măstică 234
 măstihă 234
 metura 192
 papără 179
 săci'ze 236
 simbru 192
 Ubavu 184
 uvezu 184
 vómbiru 198
 zvarna 191

Исѣрорумунски

balta 186
 źmirtule 235

Молдавски

а бороні 188
 бáltэ 186
 бороánэ 188
 воевода 177

<i>Келтски језици</i>	wahren 274, 284 wohlgefällig 242 д.
<i>Староирски</i> dū (don-) 59	<i>Старосаксонски</i> warōn 274, 284
<i>Средњеирски</i> crem / crim 314 ined 59	<i>Староенглески</i> hramsa 314
<i>Кимријски</i> smuc / smug 316	<i>Енглески</i> at sea 183 д. schadenfreude 246
<i>Германски језици</i>	
<i>Готски</i> staps 59 vars 273, 284	<i>Тохарски В</i> proksa 321 wrauņa 109
<i>Староисландски</i> þjarfr 433	<i>Праиндоевројски</i> *deiuos 197 *dhē- 96 *dōd 101 *ei- 97, 101 *-ei (dat.) 97 *gel- 112; 409; 452 *guel(h)- 244 *gʷou- 425 *gʷou-ino-s 425 *h₂éui- 426 *-i (loc.) 98 *kák- 261 *keh₂u- 242 *kei- 257 *kleu- 409 *kori- 316 *krémus- / *krómus- 314 *k(u)uon- 427 *kuē- 256 *kuēi- 256 *leip- 217, 417 *mei- 60 *meit- 60 *meuk- / *meuk- 316, 318 *peh₂g- 298 дд.
<i>Старовисоконемачки</i> herizogo 179 karfi 179 ramusia 314 scado 241 д. wara 273 д., 284	
<i>Средњедоњонемачки</i> pantuffel 184 tuffel(e) 184	
<i>Нововисоконемачки</i> Dorn 250 gottgefällig 243 Herzog 179 Judasbaum 232 Nepleck 224 Ort 59 Schadenfreude 243 schadenfroh 242 дд. scheren 311 Schlackwetter 222 selbstgefällig 243 Terpentin 236	

- *peh₂gs-leh₂ 303
 *peh₂gso- 303
 *pikó-s (k(u)uon-) 427
 *pōk-(e)je- 297
 *skeh₁th- 242
 *(s)ter- / *(s)tor- / *(s)tr- 432 д.
 *torpos 435
 *uerh- 109
 *uer(u)- 281
 *uerdh- 338
 *uorh_{nk}o- 110
 *uredh- 338
 *urū- 281
Алџајски језици

Ойџијејурски
 bān (?) 176
 tala(i) 184
 obur / ubir 198

Турски
 barana 188
 bohça 156
 bor(h)ana 188
 borla 188
 buranya 188
 fıstık 235
 harç 47 д.
 hob, hub, huban 184
 korta 188
 mastika 234
 obur 198
 oburluk 198
 ögü 351 дд.
 papara, -ro 179
 popara, -ro 179
 sakız (ağacı) 236
 salma 191
 talas, -laz, -les 183
 tereminti 236
 ürü 352 д.
 vayvoda, voyvoda 177
 voyvodalık 177
- yürümek 350, 353, 355
 yürüyüş 350

Гагауски
 бálта 186
 бórна 188
 бóрона, -руна 188
 борналамаа 188
 дуак 160
 (х)обур 198

Кийчачко- њоловецки
 avuz / avus 180
 balawuz / baławuz 180
 ghob, ghub 184
 gubi 184
 limen 181
 miron 181
 ous, ovus, owus 180
 peč 180
 rys 180
 salan, salam 180
 salama, samala, samla 180
 tärmä 181
 teget 180
 terme 181
 timean 181
 trapes 181
 uvus 180
 uys 180
 uxba (izba) 180

Кримскојџајарски, урумски
 борона(ла-) 188
 бохча 156
 дувáх 160
 кор(о)га 188
 обур 198
 хуба 184

Казанско-татарски
убыр 198

Барабинско-татарски
кымынак 172

Кумадински
кумунак 172

Пройобугарски
*χumlaγ 172

Чувашки
χəmla, χømla 172
vārāg, vupār 199

Источнойтурски језици
обур ујг. 198
кыбынак, кымнак шор. 172
кымынак телеут. 172

Монголски
terme 181
termə калм. 181

Угрофински језици

Мађарски
borona 188
komló 172
leng 251
szalma 191
szégye, sze- 185
vajda 177
vár, város 281 д., 284

Возулски
kumliχ 172

Семијски језици

Арајски
fustuq 235
ġāreb 179
qāreb, -rib 179
savaxon paχr 184

На полеђини корица:
Св. Исидор Севилски (570–636),
минијатура у рукопису његових *Етимологија*,
XII в., Staatsbibliothek München

CIP — Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

811.16'373.6(082)

СИМПОЗИЈУМ Словенска етимологија данас (2006; Београд)

Словенска етимологија данас : зборник симпозијума одржаног од 5. до 7. септембра 2006. године [у Београду] / уредник Александар Лома. — Београд : САНУ, Институт за српски језик САНУ, 2007 (Београд : Чигоја штампа). — XXII + 484 стр. ; 24 см. — (Научни скупови / Српска академија наука и уметности ; књ. 121. Одељење језика и књижевности ; књ. 18)

Радови на више језика. — На спор. насл. стр.:

Etymologie slave aujourn'hui. — Тираж 600. —

Библиографија уз сваки рад, општа библиографија и индекс речи.

— Резимеи на више језика.

ISBN 978-86-7025-451-0

1. Лома, Александар [уредник]

а) Словенски језици — Етимологија —

Зборници

COBISS.SR-ID 145678348